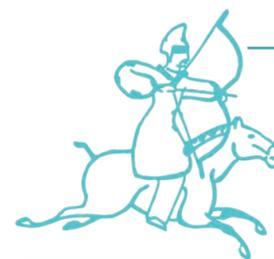

5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes

5th INTERNATIONAL CONGRESS OF ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

Kazakhstan, Turkistan, 11–14 October, 2022

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-63-8

Eurasian steppe civilization: *human and the historical and cultural environment*

ISBN 978-601-7106-63-8

9 786017 106638

official website of the Margulan Institute of Archaeology:
<https://archaeolog.kz/>

official website of the Khoja Ahmed Yasawi International
Kazakh-Turkish University:
<https://ayu.edu.kz>

official website of the A.Kh. Khalikov Institute
of Archaeology:
<http://archtat.ru>

official website of the International Institute
for Central Asian Studies:
<https://www.unesco-iicas.org>

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
Татарстан Республикасы Ғылым академиясының А.Х. Халиков атындағы Археология институты
Орталық Азиялық зерттеулер халықаралық институты
Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті
Түркістан облысының әкімдігі
Қазан федералдық университеті
Ресей Ғылым академиясының Археология институты (РҒА АИ)
РҒА Сібір бөлімінің Археология және этнография институты
РҒА Ұлы Петр атындағы Антропология және этнография музейі (Кунсткамера)
РҒА Материалдық мәдениет тарихы институты
РҒА Сібір бөлімінің Моңғолтану, буддология және тибетология институты
РҒА ҚБ Қиыр шығыс халықтарының тарих, археология және этнография институты
Алтай мемлекеттік университеті
Ұлттық археологиялық институты мен музейі (Болгария)

Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта

Еуразия даласы археологиясы
V халықаралық конгресінің материалдары

(Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.)

2-том

Алматы – Түркістан
2022

ӘОЖ 902/904
КБЖ 63.4
Е 89

Жинақ Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің
бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру, ЖТН OR11465466 жобасы аясында
басылып шығарылды

Баспаға Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Ғылыми кеңесі ұсынған

Бас редактор

А. Оңғар, тарих ғылымдарының кандидаты,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас директоры

Жауапты редакторлар:

Б.Ә. Байтанаев, тарих ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА академигі
А.Ғ. Ситдиқов, тарих ғылымдарының докторы, ТР ҒА корреспондент мүшесі
Д.А. Воякин, тарих ғылымдарының кандидаты

Рецензенттер:

М.Е. Елеуов, тарих ғылымдарының докторы, профессор
Т.В. Савельева, тарих ғылымдарының докторы

Редакциялық алқа:

Т.Б. Мамиров, тарих ғылымдарының кандидаты; И.В. Мерц, тарих ғылымдарының кандидаты,
философия докторы (PhD); Г.С. Жұмабекова, тарих ғылымдарының кандидаты; Ә.М. Манапова,
тарих ғылымдарының кандидаты; Ғ.А. Базарбаева, тарих ғылымдарының кандидаты;
Т.Н. Лошакова; Д.А. Байтілеу, тарих ғылымдарының кандидаты; Е.Ш. Ақымбек, философия
докторы (PhD); Ж.Р. Утубаев, тарих ғылымдарының кандидаты, философия докторы (PhD);
А.Қ. Айтқали, философия докторы (PhD)

Е 89 **Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта.** Еуразия даласы
археологиясы V халықаралық конгресінің материалдары (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.).
5 томдық. Алматы – Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. 2 том. 348 б.

ISBN 978-601-7106-64-5

ISBN 978-601-7106-63-8

Конгресс материалдарының екінші томы анық бір мерзімдік кезең – ерте көшпелілер
дәуіріне арналған. Жинаққа Еуразия даласында орын алған мәдени-тарихи үрдістер
туралы байыпты талдамалық тұжырымдар мен жекелеген ескерткіштер жайлы ақпараттық
жарияланымдар енген. Сондай-ақ тұрғындардың көші-қоны, әлеуметтік қайта жаңғырту,
жерлеу дәстүрлері сынды ауқымды мәселелердің кейбір аспектілері қарастырылған.

Ұлы Далада ерте темір дәуірі мәдениеттерінің қалыптасуы мен даму кезеңінің
маңыздылығы жинақтың барлық мамандарға деген өзектілігін айғақтайды.

ISBN 978-601-7106-64-5

ISBN 978-601-7106-63-8

ӘОЖ 902/904
КБЖ 63.4

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана
Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
Международный институт центральноазиатских исследований
Международный казахско-турецкий университет имени Ходжа Ахмеда Ясави
Акимат Туркестанской области
Казанский федеральный университет
Институт археологии Российской академии наук (ИА РАН)
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Институт истории материальной культуры РАН
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего востока ДО РАН
Алтайский государственный университет
Национальный археологический институт и музей (Болгария)

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда

материалы V международного конгресса
археологии евразийских степей

(г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.)

Том 2

Алматы – Туркестан
2022

УДК 902/904
ББК 63.4
Е 89

Сборник издан в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта OR11465466

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета
науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Главный редактор

А. Онгар, кандидат исторических наук,
генеральный директор Института археологии им. А.Х. Маргулана

Ответственные редакторы:

Б.А. Байтанаев, доктор исторических наук, академик НАН РК
А.Г. Ситдиков, доктор исторических наук, член-корреспондент АН РТ
Д.А. Воякин, кандидат исторических наук

Рецензенты:

М.Е. Елеуов, доктор исторических наук, профессор
Т.В. Савельева, доктор исторических наук

Редакционная коллегия:

Т.Б. Мамиров, кандидат исторических наук, И.В. Мерц, кандидат исторических наук, доктор
философии (PhD), Г.С. Джумабекова, кандидат исторических наук; А.М. Манапова, кандидат
исторических наук; Г.А. Базарбаева, кандидат исторических наук; Т.Н. Лошакова,
Е.Ш. Акымбек, доктор философии (PhD); Д.А. Байтлеу, кандидат исторических наук;
Ж.Р. Утубаев, кандидат исторических наук, доктор философии (PhD);
А.К. Айткали, доктор философии (PhD)

Е 89 **Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда.**
Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан,
11 – 14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
2022. Т. 2. 348 с.

ISBN 978-601-7106-64-5

ISBN 978-601-7106-63-8

Второй том материалов Конгресса посвящен определенному хронологическому периоду
– эпохе ранних кочевников. Он содержит как серьезные аналитические обобщения по культурно-
историческим процессам, происходившим в Евразийских степях, так и информативные
публикации по отдельным памятникам, а также рассматривает некоторые аспекты широкого
круга проблем – миграции населения, социальные реконструкции, погребальные традиции.

Значимость периода становления и развития культур раннего железного века в Степи
предопределяет актуальность сборника для широкого круга специалистов.

ISBN 978-601-7106-64-5

ISBN 978-601-7106-63-8

УДК 902/904
ББК 63.4

Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
Committee of Science
Margulan Institute of Archaeology
A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
International Institute for Central Asian Studies
Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University
Akimat of Turkistan region
Kazan Federal University
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (IA RAS)
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the RAS
Institute for the History of Material Culture of the RAS
Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the RAS
Altai State University
National Archaeological Institute and Museum (Bulgaria)

Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment

Proceedings of the 5th International Congress
of Archaeology of the Eurasian Steppes

(Turkistan, 11–14 October, 2022)

Volume 2

Almaty – Turkistan
2022

UDC 902/904
LBC 63.4
E 89

The collection is published within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, IRN of the project is OR11465466

Recommended for press by the Scientific Council of the Margulan Institute of Archaeology of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Editor-in-chief

A. Onggar, Candidate of Historical Sciences,
Director General of the Margulan Institute of Archaeology

Executive editors

B. Baitanayev, Doctor of Historical Sciences,
Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan
A. Sitdikov, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
D. Voyakin, Candidate of Historical Sciences

Reviewers:

M. Eleuov, Doctor of Historical Sciences, Professor
T. Savelieva, Doctor of Historical Sciences

Editorial board:

T. Mamirov, Candidate of Historical Sciences; I. Mertz, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD); G. Jumabekova, Candidate of Historical Sciences; A. Manapova, Candidate of Historical Sciences; G. Bazarbayeva, Candidate of Historical Sciences; T. Loshakova, D. Baitileu, Candidate of Historical Sciences; Ye. Akymbek, Doctor of Philosophy (PhD); Zh. Utubayev, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD); A. Aitkali, Doctor of Philosophy (PhD)

E 89 **Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment.** Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 2022. Vol. 2. 348 p.

ISBN 978-601-7106-64-5

ISBN 978-601-7106-63-8

The second volume of the Congress materials is devoted to a certain chronological period – the era of the early nomads. It contains both serious analytical generalizations on the cultural and historical processes that took place in the Eurasian steppes, as well as informative publications on individual monuments and also examines certain aspects of a wide range of problems – population migration, social reconstructions, funeral traditions.

The significance of the period of formation and development of cultures of the early Iron Age in the Steppe determines the relevance of the collection for a wide range of specialists.

ISBN 978-601-7106-64-5

ISBN 978-601-7106-63-8

UDC 902/904
LBC 63.4

**Ж. Құрманқұлов,
Ж.Р. Утубаев,
С.Б. Болелов**

**Жолдасбек Құрманқұлов, kurmankulov@gmail.com
Жанболат Раймқұлұлы Утубаев, utubaev_z@mail.ru
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан;
Сергей Борисович Болелов,
Шығыс халықтары өнерінің мемлекеттік музейі,
Мәскеу қ., Ресей; bsb1958@yandex.ru**

Сырдарияның төменгі ағысындағы шірікрат мәдениетінің қоныстары*

Аннотация. Мақалада мәдени генезистің негізгі аспектілерінің бірі – Еуразия даласын мекен еткен отырықшы егіншілер мен бақташылар арасындағы мәдени қарым-қатынастар Сырдарияның төменгі ағысынан анықталған ескерткіштер бойынша сипатталады. Жалпы, басылымда ежелгі Сырдарияның оңтүстік-батыс бөлігінде б.д.д. IV–II ғғ. қалыптасқан шірікрат археологиялық мәдениетіне басты назар аударылады. Аталған мәдениет б.д.д. I мыңж. екінші жартысында Сырдарияның төменгі ағысын мекен ететін көшпелі сақтардың шаруашылығы суландыру жүйесіне негізделіп, отырықшы егіншілік пен бақташылыққа ауысуы барысында пайда болды. Шірікрат мәдениетінің таралу аймағында ауданы мен орналасуы әртүрлі ежелгі қоныстар мен қалашықтар орналасқан, олардың қысқаша сипаттамасы мақалада келтірілген. Осы ескерткіштерді салыстырмалы талдау негізінде қоныстардың барлық түріне тән белгілер анықталды, бұл осы объектілердегі белгілі бір иерархияны объективті түрде қарастыруға мүмкіндік береді, оны тіпті ең жоғарғы таксонометриялық деңгейден де байқауға болады. Қазіргі таңда табылған жәдігерлерді талдау арқылы б.д.д. I мыңж. екінші жартысында Сырдарияның төменгі ағысында жасанды суландыруға негізделген дамыған қолөнер өндірісі бар екендігі анықталды және бұл жерде бір орталыққа шоғырландырылған шаруашылық жүйесін қалыптастыруға барлық алғышарттар жасалған.

Түйін сөздер: Сырдария, ерте темір дәуірі, шірікрат археологиялық мәдениеті, қоныс, қалашық, бекініс, оба, кесене

**Жолдасбек Құрманқұлов,
Жанболат Раймқұлович Утубаев,**
Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
Сергей Борисович Болелов,
Государственный музей искусства народов Востока,
г. Москва, Россия

Поселения чирикратской культуры в низовьях Сырдарьи

Аннотация. В статье рассматривается один из основных аспектов культурогенеза – взаимоотношения культур оседлых земледельцев и скотоводов евразийских степей на примере памятников материальной культуры нижней Сырдарьи, территория которого была одной из контактных зон на территории Субконтинента. Основное внимание в публикации уделено памятникам Чирикратской археологической культуры,

---

© 2022 Құрманқұлов Ж., Утубаев Ж.Р., Болелов С.Б.

*Жұмыс ҚР БҒМ Ғылым комитетінің нысаналы-бағдарламалық қаржыландыруы бойынша (2022–2023) ЖТН-і BR11765630 жобасы шеңберінде орындалды.

сформировавшейся на территории юго-западной части древней Сырдарьинской дельты не позднее рубежа IV–II вв. до н.э. Культура возникла на этой территории, безусловно, на местной основе, когда кочевые саки, заселявшие низовья Сырдарьи во второй трети I тыс. до н.э., переходят к оседлому земледельческо-скотоводческому способу ведения хозяйства, основанному на ирригационном земледелии. В ареале Чирикратской археологической культуры находятся различные по площади и планировке древние поселения и городища, краткое описание которых дано в статье. На основании сравнительного анализа всех этих памятников определяются характерные особенности того или иного типа поселений, что дает основание объективно выявить определенную иерархию внутри всего массива этих объектов, которая прослеживается даже на самом верхнем таксонометрическом уровне. Анализ всего корпуса известных в настоящее время артефактов дают основания предполагать, что во второй половине I тыс. до н.э. в низовьях Сырдарьи создаются все предпосылки для формирования здесь единой взаимосвязанной централизованной экономической системы с развитым ремесленным производством, базировавшейся на искусственном орошении.

Ключевые слова: Сырдарья, ранний железный век, Чирикратская археологическая культура, поселения, городище, крепость, курган, мавзолей

**Zholdasbek Kurmankulov,
Zhanbolat Utubayev,**
Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan
Sergey Bolelov,
State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia

Settlements of the Chirikrabort culture in the lower reaches of the Syr Darya

Abstract. The article deals with one of the main aspects of cultural genesis – the relationship between the cultures of settled farmers and pastoralists of the Eurasian steppe on the example of the monuments of material culture of the lower Syrdarya, the territory of which was one of the contact zones on the territory of the subcontinent. The main attention in the publication is paid to the monuments of the Chirikrabort archaeological culture, formed on the territory of the southwestern part of the ancient Syr Darya delta no later than the turn of the 4th–2nd centuries BC. The culture originated in this territory, of course, on a local basis, when the nomadic Sakas, who inhabited the lower reaches of the Syr Darya in the second third of the I millennium BC, turn to a settled agricultural and pastoral way of farming based on irrigation agriculture. In the area of the Chirikrabort archaeological culture there are ancient settlements and settlements of various sizes and layout, a brief description of which is given in the article. Based on a comparative analysis of all these monuments, the characteristic features of a particular type of settlement are determined, which gives grounds to objectively identify a certain hierarchy within the entire array of these objects, which can be traced even at the highest taxometric level. An analysis of the entire corpus of currently known artifacts suggests that in the second half of the I millennium BC, all the prerequisites for the formation of a single interconnected centralized economic system with developed handicraft production based on artificial irrigation were created in the lower reaches of the Syr Darya.

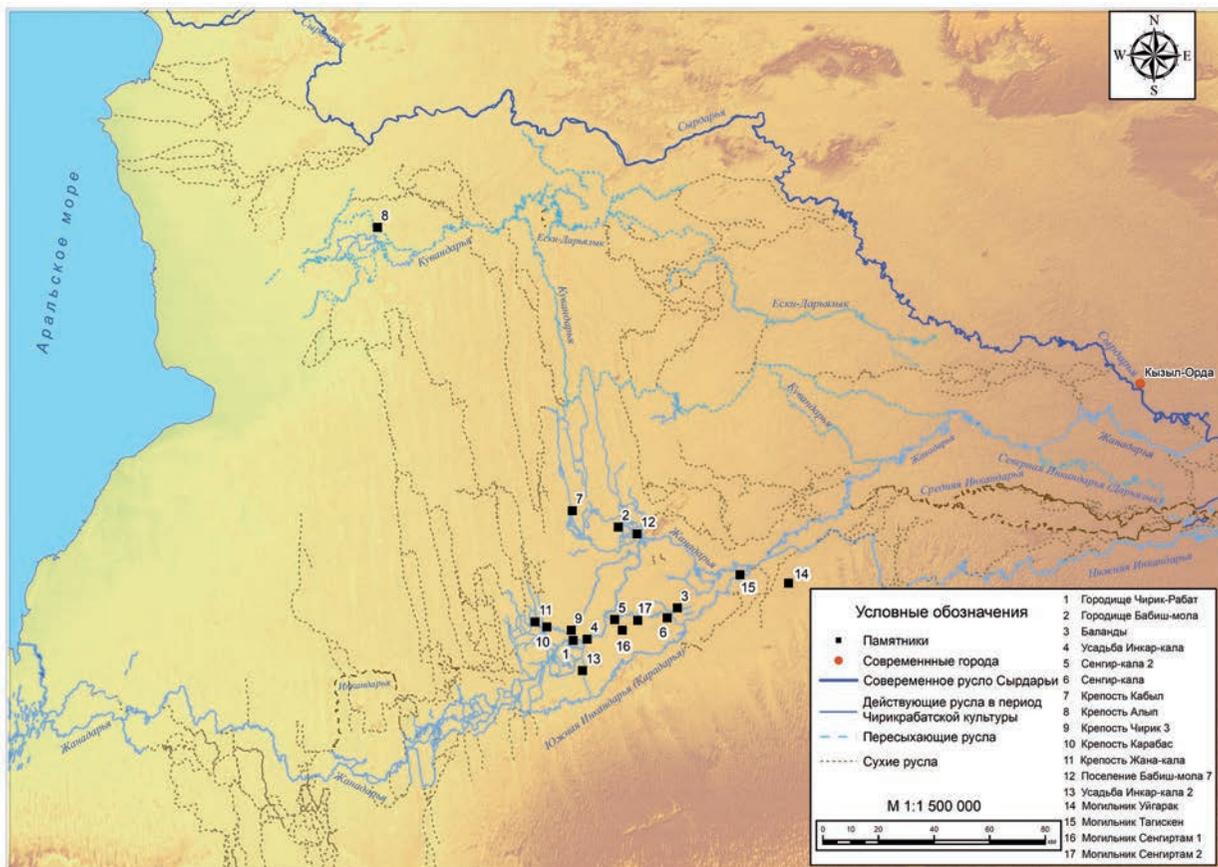
Keywords: Syr Darya, early Iron Age, Chirikrabort archaeological culture, settlements, ancient settlement, fortress, mound, mausoleum

Сырдарияның төменгі ағысы Арал бассейнінде орналасқан Тұран ойпаты жазығының бір бөлігін алып жатыр. Оның басым бөлігін Сырдария, Сарысу өзендері және ерте кезеңде Қызылқұм арқылы өткен Іңкәрдария, Қуаңдария және Жаңадария өзендерінің алқабы құрайды.

Сырдария өзені Орталық Азиядағы ірі өзендердің бірі. Ол өз бастауын Тянь-Шань тауынан алады. Сырдарияның 130-дан аса салалары болған. Алғашқы ірі арнасы Іңкәрдария Қызылқұмның солтүстік іргесімен ағып Аралға құйған. Біртіндеп бұл өзеннің арнасы жоғарыдан ағып келген лаймен толып, солтүстік, солтүстік-батысқа қарай ойысып, әр мезгілде Жаңадария, Қуаңдария, Ескідариялық сияқты үлкенді-кішілі өзендерді құрап, қазіргі арнасына келіп тұрақтайды.

Тіршілік көзі су болғандықтан жоғарыда аталған әрбір арнаның бойында әр кезеңді қамтитын ескерткіштер сақталған (1-сур.). Мәселен Іңкәрдария бойынан тас, қола дәуірлерінің (б.д.д. IV–III мыңж.) тұрақтары мен қоныстары табылса, Жаңадария мен Қуаңдарияда ерте темір

дәуірі мен ерте орта ғасырлық қоныстар мен қалалар көп кездеседі. Ескідариялық пен қазіргі арна сағаларының бойын орта ғасырдың ескерткіштері жиі қоныстанған. Біз бұл зерттеуімізде негізінен көне заман деректеріне тоқталмақпыз.

1-сур. Шірікрабат археологиялық мәдениеті ескерткіштерінің орналасу картасы (орындаған: Қазизов Е.)

Жоғарыда атап өткеніміздей, б.д.д. III–II мыңж. Сырдария өзенінің негізгі арнасы Іңқардария болған. Ал, Ақшадарияның солтүстік арналары аталмыш кезеңдерде Әмударияның негізгі арнасы ретінде саналған. Оның төменгі және орта ағыстарынан неолит және қола дәуіріне тиесілі көптеген тұрақтар табылды. Қола дәуірінің аса бір ерекше ескерткіші Солтүстік Түгіскен қорымы. Қорымнан ашылған кесенелер, ыдыстар мен бұйымдары б.д.д. III–II мыңж. Сырдарияның төменгі ағысын мекендеген тұрғындардың мәдени байланыстары, тек, Еуразия даласымен шектелмегендігін көрсетеді. Оны біз оңтүстіктегі егіншілік өркениетінің дамуымен байланыстыра аламыз. Мысалы оған шикі кірпіштен тұрғызылған кесенелердің пайда болуы және шарық көмегімен жасалған белгілі бір ыдыс түрлерінің дайындалуын жатқызамыз. Сөзсіз бақташылық шаруашылықтың оңтүстік өркениеттерімен байланысының үстем болғандығы, сондай-ақ арналар бойындағы жайылымдық егіншіліктің болуы Сырдария бойындағы кейінгі қола дәуіріндегі тайпалардың шаруашылығын жартылай отырықшы-егіншілік және бақташылық ретінде қарастыруға мүмкіндік береді [Итина, Яблонский 2001: 101–109]. Осы аталған шаруашылық кейін б.д.д. I мыңж. да қолданыста болды.

Осы кезеңде Іңқардарияның арнасы біртіндеп саязданып, оның орнына Жаңадария арнасы қалыптасады [Тажекеев 2013: 65–67]. Арнаның бойында б.д.д. VII–V ғғ. сақ-массагет одағына жататын тайпалар қоныстанған. Ерте темір дәуірінің тұрғындары негізінен жартылай көшпелі бақташылықпен айналысқандықтан, ірі, қала типтес мекендер салмаған. Оған дәлел ретінде мал жайылымына қолайлы жерлерден табылған бірнеше үйден тұратын қоныстармен қатар, Оңтүстік Түгіскен, Ұйғарақ, Сеңгір там 2¹ қорымдарын және ғылымға «шлакты» обалар деп енгізілген ескерткіштерді жатқызамыз.

Жалпы, б.д.д. VII–VI (кейде V) ғғ. мерзімделетін Ұйғарақ қорымындағы 80 обаның 70-і қазылып зерттелсе, Оңтүстік Түгіскен қорымынан (б.д.д. VII–V ғғ.) 50 обаның 38-не зерттеу жұмыстары жүргізілді. Сеңгір-там қорымында 23 оба тіркеліп, оның 8 обасы қазылды және 23 «шлакты» обалардың біреуінде ғана қазба болды [Итина, Яблонский 1997; Вишневецкая 1973; Толстов и др. 1963: 48–49; Левина 1979: 180–190; Курманкулов, Утубаев 2019: 138–144].

Бұл уақытта Іңқардарияның кейбір арналарындағы тармақтар Жаңадария жүйесіне құйса, қалғандары ежелгі кезеңдегі қоныстарды сумен қамтамасыз ететін көлдерге айналды. Сондай-ақ Сырдарияның қазіргі арнасынан оңтүстікке қарай орналасқан ежелгі арналарының бірі Ескідария жүйесі ашылып, уақыт өте келе Қуаңдария жүйесімен біріккен. Антикалық кезеңде біраз уақыт Сырдария, Жаңадария мен Ескідария өзендерінің қатар аққандығын байқауға болады. Жалпы, Ескідарияға ерте ортағасырға дейін су келіп тұрған. Ал, Жаңадария жүйесіне б.д.д. I мыңж. соңына дейін су келіп, кейін Сырдарияның батысқа қарай ағуы тоқтайды. Орта ғасырда Жаңадария арнасына қайта су келе бастайды, уақыт өте кейінгі орта ғасырда арна ауық-ауық суға толып отырған.

Б.д.д. I мыңж. екінші жартысын Сырдарияның төменгі ағысын мекендеген мәдениеттің гүлдену кезеңі деп санаған жөн. Осы уақытта Аралға келетін негізгі су ағыны Әмударияның солтүстігіндегі Ақшадария арнасы Жаңадария арқылы өткен [Андрианов 1991: 110; Вайнберг, Левина 1993: 7–14]. Дәл осы уақытта Арал аумағында экологиялық және гидрографиялық жағдайлардың қолайлы болуына байланысты бақташылықпен бірге суармалы егіншілік мәдениеттері қалыптасып, дамыды.

Шірікрат археологиялық мәдениеті Орта Азиядағы ежелгі егіншілік мәдениеттерінің әсерінсіз жергілікті тайпалардың негізінде қалыптасты деген пікір ешқандай күмән тудырмайды [Вайнберг 1999: 261]. Солтүстік Қызылқұмның ерекше табиғи жағдайына қарамастан бүгінгі күнге дейін бұл өңірде ғасырлар бойы әртүрлі дәуірлерге жататын ежелгі қоныстардың орындары, жасанды суару жүйелерінің іздері, ондаған гектар аумақты қамтитын кеңейтілген ауылшаруашылық оазистері сақталған. Қоныстармен оазистерді тек археологиялық ескерткіштер жиынтығы ретінде ғана емес, біртұтас әлеуметтік-экономикалық кешен ретінде, соның ішінде, үй-жай, қолөнер өндірісінің қалдықтары, суландыру жүйелерінің өзара байланысын зерттеуге ерекше мүмкіндік туды.

Б.д.д. I мыңж. екінші жартысында өмір сүрген тұрғындар күрделі суландыру жүйелерін, екі жүзден астам ірі бекініссіз қоныстарды, жоғары дамыған архитектураны, соның ішінде, монументті жерлеу орындарын және бекінісі бар қалашықтармен бірнеше қамалдарды қалдырды. Шірікрат мәдениетінің қоныстары жасанды суландыру жүйесі бар жерлерде орналасқан. Олардың қатарына Шірік рабат және Бәбіш мола қалашықтары және көлемі жағынан шағын болып келетін қоныстар мен оларды қоршаған суландыру жүйесі бар бекіністер жатады.

Сырдарияның төменгі ағысына С.П. Толстов бастаған Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясының (ХАЭЭ) жүргізген археологиялық қазбалары осы аумақтағы маңызды ғылыми

¹ Түгіскен ескерткішінен оңтүстік-батысқа қарай 40 км жерде орналасқан Сенгір там 2 қорымы 2014 ж. ашылды.

зерттеу жұмыстарының бірі боп саналады. Оңтүстік-шығыс Арал өңірінде 1947–1949 жж. ХАЭЭ жүргізген зерттеулерінің нәтижесінде тұрақтар, қоныстар мен қалашықтар ашылды. Ал, 1954 ж. бастау алған қазба жұмыстары Сырдарияның ежелгі арнасының оңтүстік-батыс және батыс бөлігінде, яғни, солтүстік Ақшадария және Жаңадария арналарының қосылған жерінде жүргізілді. Кейін, 1955–1956 жж. Жаңадария алқабындағы зерттеу жұмыстары жалғастырылды. Сондай-ақ, 1957–1963 және 1971–1972 жж. Жаңадария, Іңкәрдария, Қуандария және ескі Қуандария бассейндерінде археологиялық қазба жұмыстары қамтылды [Толстов 1962: 16–31; Толстов 1958: 235–241; Толстов и др., 1960: 15–61; Толстов 1963: 32–90; Итина, Яблонский 1997; Вишневская 1973].

Жарты ғасырдан астам үзілістен кейін Жаңадария мен Іңкәрдарияның орта ағысында орналасқан ескерткіштерге қазба-зерттеу жұмыстары қайта жанданды. Зерттеу жұмыстарын Шірік рабат археологиялық экспедициясы (ШРАЭ) жүргізуде. Бұрын белгілі Шірік рабат, Бәбіш мола, Бұланды қалашықтарынан бөлек Шірік рабат археологиялық мәдениетімен мерзімделетін Сенгір там 1, 2 қорымдары, Іңкәр-қала, Қарабас, Сенгір-қала 2, Шірік 4, Жаңа-қала, Бәбіш мола 7 және т. б бірнеше жаңа археологиялық ескерткіштер ашылып, зерттеу жұмыстары жалғасын тауып келеді [Курманкулов, Утубаев 2013: 79–146; Курманкулов, Утубаев 2017: 397–413; Курманкулов, Утубаев 2017: 191–211; Болелов, Утубаев 2020: 69–88].

Алғашқы археологиялық зерттеулердің нәтижелері 50-ші жылдардың соңы мен 60-шы жылдардың басында Хорезм экспедициясының материалдарында жарияланды. 1991 ж. Б.И. Вайнберг пен Л.М. Левинаның шірікратат мәдениетіне арналған монографиясы шықты [Вайнберг, Левина 1993]. Дегенмен, осы басылымнан соң, кейінгі он жылдықта Шірік рабат мәдениетінің келбетімен сипаты туралы біздің көзқарасымызды едәуір кеңейтетін үлкен материал жинақталды. Кейбір жағдайларда осы деректердің негізінде бұрын жасалған қорытындылар түзетіліп, толық қайта қарастырылды.

Шірік рабат археологиялық мәдениеті б.д.д. V–II ғғ. соңымен мерзімделеді және бұл хронологиялық шеңбер көптеген табылған археологиялық олжалармен нақтыланды.

Сырдарияның төменгі ағысындағы антикалық дәуір жайында белгілі бір жазба дереккөздерінде кездеспейтіндігін ескерсек, бүгінгі таңда шірікратат мәдениетін зерттеуде археологиялық материалдар жалғыз тарихи дерек болып табылады. Қазіргі таңда Жаңадарияның орта ағысында шірік рабат мәдениетімен мерзімделетін 200-ден астам археологиялық нысан белгілі.

Шірік рабат мәдениетінің қоныстары көлемі мен құрылыстары бойынша ерекшеленеді. Мұнда ең маңызды қоныстар мен қалалардың құрылымдық және құрылыстық белгілері бойынша қысқаша сипаттамасы берілді.

Шірік рабат Жаңадарияның сол жағалауында, биіктігі 15 м төбе үстінде орналасқан. Көлемі 850×600 м болатын қалашық мықты қорғаныс жүйелерімен қоршалған. Сырты 3 м болатын дуалмен және ені 40 м, тереңдігі 4,5 м жететін ормен қоршалған. Ескерткіштегі қоныстанудың бірнеше кезеңі болғанын атап өткен жөн. Төбенің солтүстік, биік жағы ең көне болып есептеледі. Көне қамал қабырғалары алғашында тек топырақтан үйілген болса, кейіннен 200–300 жыл өткен уақытта қам кесектерден, саз блоктардан қайта жаңғыртылған. Аталған қабырғаның биіктігі 4 м, ені 4,5 м құрайды. Қабырғада ені 1,8 м болатын атқыштар галереясы бар. Қабырға сонымен қатар тікбұрышты және сопақшалау формалы болып келетін мұнаралармен күшейтілген. Мұнаралар негізгі қабырғадан 3-5 м-ге дейін сыртқа шығыңқы және ішкі жағынан атқыштар галереясымен байланыстырылған. Бекініс қабырғасы мен мұнараларында биіктігі 50 см асатын бір деңгейде орналасқан атқыш ойықтары салынған. Қалаға кірер қақпалар үш жерде: ескерткіштің батысында, оңтүстік және солтүстік-шығыс қабырғаларында орналасқан.

Қала аумағында алты үлкен оба мен төрт дөңгелек және шаршы пішінді кесенелер бой көтерген. Сондай-ақ, қаланың солтүстік-шығыс бөлігінде шағын жерлеулер орналасқан, ал, оңтүстік бөлігінде ғибадатхана тұрғызылған.

Шірік рабатқа жүргізілген қазба жұмыстары барысында б.д.д. I-мыңж. өмір сүрген тайпалардың ірі діни рухани-әкімшілік орталығы болғанын, қоғамда аса беделді ру немесе мемлекет басшылары, солармен қатар абыздар, әскербасылар сияқты сатыларға бөлінгенін көрсетіп отыр. Қазіргі таңда ескерткішті ірі мемориалдық кешен деп есептеуге негіз бар.

Бәбіш мола Шірік рабат қаласынан солтүстікке қарай 40 км жерде орналасқан ескерткіштің іргетасы пахсалы шикі кірпіштен тұрғызылған, қалыңдығы 5,3 м болатын бекініс қабырғасымен қоршалған, ерекше пішінді қала. Қабырғалары оқ ататын ойықтары бар мұнаралармен күшейтілген. Қала цитаделі солтүстікте орналасқан, оның көлемі 100×100 м. Биіктігі 2 м болатын қабырғаларын жартылай дөңгелек мұнаралармен бекіткен. Қабырғалары мен мұнараларында бір немесе үшеуден оқ ататын ойықтар орналасқан. Цитаделдің оңтүстік-батыс кіре беріс қақпасында «донжон» деген атауға ие болған көлемі 30×30 м болатын қуатты бекініс бой көтерген. Оның қабырғалары 4–5 м биіктікте сақталған. Іші бірнеше бөлмеден тұрады. Бөлмеден-бөлмеге қатынайтын есіктері арка тәріздес көмкерілген. Басты кіретін қақпасы осы жерде болғандықтан жауды күтіп алатын мұнара ретінде пайдаланған.

Ал, қала цитаделінде «үлкен үй» деп аталатын шаршы тектес, жалпы ауданы 44×44 м ғимарат орны сақталған. Қабырғаларының қазіргі биіктігі 1,5 м. Ғимаратты оқ ататын ойықтары бар, мұнаралы қабырғалармен қоршаған, бұл мұнаралар цитадельдің бұрыштарымен кіре берістегі оңтүстік қабырғаның орта тұсын тұтастай қамтыған. Кіреп тұста ғимарат дәліз тәріздес екі бөлікке бөлінген.

Қазіргі уақытта, өткен ғасырдың ортасында алынған археологиялық мәліметтерге сүйене отырып, Бәбіш мола ескерткішін тарихи мәдени аймақтың әкімшілік, діни және экономикалық орталығы бар **қала*** (*авт. белгілеуі) деп санауға барлық негіз бар. Бұл салыстырмалы түрде, бекініс қабырғасымен қоршалған **цитадель** және оған іргелес бекіністі **шахристаны** бар үлкен қалашық. Сондай-ақ, қаланың айналасында қолөнер өндірісінің қалдықтары, діни және жерлеу ғимараттарының қалдықтары бар **рабат** атты кең ауылшаруашылық округ болған. Шамасы, Бәбіш моланың құрылысы шірікрабат мәдениетін тасмалдаушы соңғы сақтардың астаналық орталығы болса керек.

Бұланды (Баланды) бекіністі үй-жайы Шірік рабат қалашығынан оңтүстік-шығысқа қарай 40 км орналасқан. Бұрыштары дүниенің төртбұрышына қарай бағытталған ескерткіштің жалпы көлемі 80×130 м құрайды. Қабырғалары пішіні жартылай шеңберленген мұнаралармен күшейтілген. Бекініс қабырғалары кейбір аудандарда 3 м биіктікте сақталған. Қамалға кіретін қақпа солтүстік-батыс бөлігінде қарапайым дәліз тәріздес тұрғызылған. Бекініс қабырғаларының бұрыштары жоспарлы түрде шығып тұрған жартылай шеңберлі мұнаралармен күшейтіліп, іргетасы тұтас монолит тығыз сазды пахсадан тұрғызылған. Ұзын қорғаныс қабырғалары да жартылай шеңберлі мұнаралармен күшейтілген. Оңтүстік-батыс қабырғаның бойындағы мұнаралар бір-бірінен 20 м қашықтықта жақсы сақталған. Қабырғалар мен мұнараларда пішіні жебе тәрізді атыс ойықтары бар.

Сенгір қала бекіністі үй жайы Бұланды ескерткішінен оңтүстік батысқа қарай 7 км орналасқан. Шаршы пішіндес үй жайдың көлемі 32×31,5 м, бұрыштары дүниенің төрт бұрышына бағытталған. Сақталған қабырғасының биіктігі 4 м, оңтүстік-шығыс бөлігінде мұнара тұрғызылған. Ескерткіштегі қақпа дәліз тәрізді оңтүстік-шығыс қабырғада орналасқан. Үй-жайдың орталық бөлігінде көлемі 15×18 м болатын үлкен құрылыс (аула?) орналасқан. Оның айналасында, қабырғаларының ішкі

бетінен периметр секілді солтүстік-шығыс және оңтүстік-шығыс қабырғалардың бойымен бір қатардан және солтүстік-батыс және оңтүстік-батыс қабырғалардың бойымен екі қатардан үй жайлар дұрыс қатарға орналасқан. Қабырғалары және оның ішкі бетіндегі құрылыстар ені 1 м, көлемі 40–45×40–45 см пахса блоктарынан және көлемі 30–40×36–38×10 см болатын шикі кесектер қаланған, сырты қалың саманмен араласқан лаймен сыланған.

Сенгір қала 2 бекіністі үй-жайы Шірік рабат ескерткішінен солтүстік-шығысқа 20 км жерде орналасқан. Бұрыштары дөңгелектенген ескерткіштің көлемі 44×24 м. Пішіні төртбұрышты, бұрыштары дүниенің төрт бұрышына бағытталған. Бекіністің сыртқы қабырғасында мұнара байқалмайды. Сақталған қабырғалардың биіктігі 0,70 ден 2 м дейін жетеді. Дәліз тәріздес қақпасы ескерткіштің солтүстік-шығыс қабырғаның орталық бөлігінде орналасқан. Оның ені 4 м құрайды. Ескерткіштің солтүстік-батыс бөлігінде көлемі 6×5 м төртбұрышты құрылыс орналасқан.

Іңкәр қала бекіністі үй жайы Шірік рабат ескерткішінен шығысқа қарай 2,5 км орналасқан. Шаршы пішіндес үлкен үй жайдың көлемі 50×30 м, бұрыштары дүниенің төрт бұрышына бағытталған. Сақталған қабырғасының биіктігі 2,2 м, ені 1 м, қабырғада мұнара тұрғызылмаған. Кіретін қақпа бекіністің екі жерден байқауға болады. Солтүстік-батыс қабырғадағы қақпа дәліз тәріздес болса, оңтүстік-шығыс қақпасы «Г» әріпі тәріздес күрделі етіп салынған. Қабырғалары ені 55 см пахса блоктарынан тұрғызылса, жоғарығы бөлігі 60×30×12 см шикі кесектермен өрілген. Ғимараттың солтүстік-батыс қабырғасын бойлай бірнеше бөлмеден тұратын құрылыс орналасқан.

Шірікратат мәдениетінің солтүстік және солтүстік-батыс шекарасында бекіністі ескерткіштер орналасқан, оларды толықтай қамалдар деп атауға болады. Бәбішмола мен шірікратат оазистерінің солтүстік және солтүстік-батыс бетін қорғайтын Алып және Қабыл сияқты бекіністер тұрғызылған. Сондай-ақ, шірікратат оазисінен оңтүстік-батыс бағытқа қарай Шірік 3, Қарабас және Жаңа қала сияқты гарнизонға арналған казармалы-бекіністер орналасқан.

Қабыл қамалы Бәбіш мола қаласынан солтүстік-батысқа қарай 18 км жерде орналасқан. Қамалдың жоспары төртбұрышты, көлемі 55×50 м. Бекіністің оңтүстік-шығыс қабырғасында көлемі 6,50×5,65–5,80 м болатын күрделі қақпа тұрғызылған. Мұнарасыз қабырғаның биіктігі шамамен 4–5 м, қалыңдығы 1,5 м. Қабырғада оқ ату ойығы екі қатар шахмат тәртібінде орналасқан. Қабырғалары биіктігі 1,5 м болатын пахса блоктарынан тұрғызылса, жоғарғы жағы шикі кесектермен өрілген.

Алып қамалы Шірік рабат оазисінің солтүстік-шығыс шекарасында орналасқан. Ескерткіштің жоспары шаршы тәрізді, көлемі 57×57×56×54 м, қабырғалары 6 м биіктікке дейін жақсы сақталған. Қабырға мұнарасыз болсада оқ атуға арналған ойықтармен толтырылған, ойықтардың бір-бірінен қашықтығы 1,6–2 м қамтиды. Оңтүстік қабырғадағы қақпа дәліз тәріздес, ені 1,3 м. Қабырғаның төменгі бөлігі биіктігі 1 м, ені 0,6 м екі қатар пахсалық блоктардан тұрғызылса, ал жоғарғы жағы көлемі 49–49,5×26–27×8,5–9 см болатын шикі кесектен қаланған.

Шірік 3 бекінісі Жаңадарияның оң жағалауында Шірік рабат ескерткішінен батысқа қарай 600 м төбенің үстіне орналасқан. Жоспары төртбұрышты болатын бекініс көлемі 108×122 м. Бұрыштары дөңгелектенген қабырғаның ені 3 м, сақталған биіктігі 1,5 м. Қабырғада жебе тәрізді биіктігі 1,3 м болатын оқ атуға арналған ойықтар бар. Олардың бір-бірінен қашықтығы 1,5 м бір қатарда шоғырланған.

Қарабас қамалы Шірік рабат қалашығынан батысқа қарай 9,5 км Жаңадарияның оң жағалауында тұрғызылған. Жоспарында трапеция тәрізді, бұрыштары дүниенің төрт бұрышына бағытталған ескерткіштің көлемі 130×105×40×15 м. Қабырғалардың қазіргі таңда сақталған биіктігі 2–2,5 м, қалыңдығы 1,5–2 м. Қабырғалары пішіні жартылай шеңберленген мұнаралармен күшейтілген. Көлемі 10×10 м болатын оңтүстік-батыс бұрышындағы мұнараның қабырғасында жебе

тәрізді оқ атуға арналған ойықтар бар. Бекініске кірер қақпа оңтүстік-шығыс қабырғаның орталық бөлігінде дәліз тәріздес орналасқан. Бекіністің оңтүстік-шығыс және оңтүстік-батыс бұрышында көлемі 20×10 м және 10×10 м болатын жоспарында төртбұрышты құрылыс орындары сақталған.

Жаңа қала бекінісі шірікрабат оазисінің солтүстік-батыс шекарасында тұрғызылған. Шірікрабат ескерткішінен батысқа қарай 14,2 км, Қарабас бекінісінен солтүстік-батысқа қарай 4,6 км, Жаңадария арнасынан шығатын каналдың оң жағалауында орналасқан. Тартылған каналдың жан-жағында игерілген егістік алқаптардың орнын көреміз. Сондай-ақ, ескерткішке қарама-қарсы каналдан тартылған бірнеше жасанды су қоймасы қазылған. Жоспарында төртбұрышты болатын ескерткіштің көлемі 95×107×73–76 м, бұрыштары дөңгеленіп дүниенің төрт бұрышына бағытталған. Сақталған қабырғаларының биіктігі 0,40-тан 1 м-ге дейін жетеді. Қабырғаларында мұнаралар тұрғызылмаған. Ені 6 м болатын кірер қақпа бекіністің оңтүстік қабырғасының орталық бөлігінде орналасқан. Ескерткіштің жоғарғы қабатынан қыш ыдыс фрагменттері жинап алынды.

Бәбіш мола 7 қонысы Бәбіш мола қаласынан оңтүстік-шығысқа қарай 5 км, Жаңадария арнасынан бөлініп шыққан кішігірім арнаның бойында орналасқан. Жалпы аумағы 1,6 га – 450×350 м жерді алып жатыр. Батыс бетінде қоныстың ішіне қарай ені 15 м болатын канал тартылған.

Қоныс ішінде 9 пештің орны мен 7 құрылыстың және тұрғын үйлер мен шеберханалардың орны сақталған. Бұлардың беткі қабаты үйіліп жатқан керамикалар мен қатар шикі кірпіштен тұрғызылған қабырғалармен ерекшеленеді. Сонымен қатар, қоныстың солтүстік-батыс бөлігінде үлкен үй-жай тұрғызылған. Үйдің қабырғалары биіктігі 0,5 м болатын пахса блоктарынан тұрғызылса, жоғарғы жағы шикі кесектермен өрілген. Бір өкініштісі үй-жайдың солтүстік бөлігі биік құм астында қалған.

Қазба барысында белгілі болғандай Бәбіш мола 7 қонысы б.д.д. III–II ғғ. егіншілік оазис тұрғындарын қыш ыдыстармен қамтамасыз еткен ірі қыш өндіріс орталығы болған.

Жоғарыда сипатталған ескерткіштер, сондай-ақ жоғарыда аталған ескерткіштерді қазу және барлау зерттеу жұмыстарының нәтижесінде алынған археологиялық материалдар іс жүзінде дереккөздердің негізгі базасы болып табылады. Алынған археологиялық материалдар негізінде б.д.д. I мыңж. екінші жартысында Сырдарияның төменгі ағысын мекен еткен тұрғындардың әлеуметтік-экономикалық және мәдени даму деңгейі туралы тұжырымдар мен қорытынды жасауға болады. Сақталған қоныстардың архитектуралық жоспарлары арқылы олардың құрылымын қайта құруға, суармалы аумақтардағы қоныстану кеңістігін анықтауға және қоғамның әлеуметтік құрылымы туралы тұжырым жасауға ерекше мүмкіндік берді. Шірікрабат археологиялық мәдениетіне тән көлемі және жоспары бойынша әр түрлі деңгейдегі ежелгі қоныстар мен қалашықтар орналасқан. Ескерткіштердің барлығын салыстырмалы талдау негізінде қоныстардың белгілі бір түріне тән өзіндік ерекшеліктері анықталды, бұл осы нысандардың барлық массивтегі белгілі бір иерархияны объективті түрде анықтауға негіз береді, оны тіпті ең жоғарғы деңгейде де байқауға болады. Жоғарыда көрсетілген мәліметтердің барлығына талдау жасай отырып, жалпы Шірікрабат археологиялық мәдениеті қоғамдық немесе әкімшілік-мемлекеттік бірлестіктің болғандығы туралы болжам жасауға мүмкіндік береді.

Қорытынды

Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, Шығыс Арал өңіріндегі егіншілік б.д.д. II мыңж. аяғында Шығыс Арал өңірін мекендеген соңғы қола дәуірі тайпалары негізінде және б.д.д. I мыңж. бірінші жартысында жергілікті сақ тайпаларының мәдениеті негізінде қалыптасқан.

Б.д.д. I мыңж. ортасы және екінші жартысымен мерзімделетін ескерткіштерді зерттеу барысында белгілі болғандай Шірікрабат археологиялық мәдениеті ерте темір дәуіріндегі сақ тайпаларының мәдениеті негізінде қалыптасып, әрі қарай отырықшы-егіншілік мәдениет ретінде

дамығанын көрсетті. Екіншілік оазистерін мекендеген тұрғындар Оңтүстік Түгіскен, Ұйғарақ және Сеңгір-там 2 секілді ерте сақ ескерткіштерін қалдырған байырғы бақташы тайпалардың ұрпақтары болды деп есептеуге толық негіз бар және оларға шығыс сақ тайпаларынан өзгеде солтүстіктен – савромат тайпаларының ықпалы болды. Мәдениеттің қалыптасу үдерісіне Хорезм екіншілік мәдениетінің де айтарлықтай әсері бар. Сондай-ақ, археологиялық деректер бойынша, Оңтүстік Орал маңындағы сармат тайпаларымен (Прохоров мәдениеті) дәстүрлі мәдени байланыстары болғандығы байқалады. Кейінгі кезеңде, б.д.д. III ғ. бастап, Сырдария бойындағы тұрғындар Орта Азияның оңтүстігіндегі Соғды және Бактриямен мәдени және сауда қатынастығының болғандығын атап өткен жөн.

Қорыта келгенде, б.д.д. I мыңж. ортасында Сырдарияның төменгі ағысын мекендеген Шірікрат археологиялық мәдениетінің шекарасында мамандандырылған қолөнер өндірісі бар үлкен қоныстар, ірі бекіністі құрылыстар, кесенелер (пантеон), жерлеу орындары, көптеген ұсақ ауылдық қоныстардың және жекелеген үй-жайлардың болуы, аталмыш өңірде ерте мемлекеттік құрылым болды деп айтуға мүмкіндік береді.

ӘДЕБИЕТ

- Андрианов Б.В. Из истории орошения в бассейне Аральского моря // Аральский кризис: историко-географическая ретроспектива / Отв. ред. Андрианов Б.В. М.: ИЭИА, 1991. С. 101-122.
- Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. Гончарное производство на территории древней дельты Сырдарьи в эпоху античности: новые данные // Археология Казахстана. 2020. № 1 (7). С. 69–88
- Вайнберг Б.И. Левина Л.М. Чирикратская культура. – Низовья Сырдарьи в древности. М.: ИЭИА, 1993. 130 с.: ил.
- Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности М.: Восточная литература, 1999. 359 с.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. // ТХАЭЭ. М.: Наука, 1973. 160 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М.: Вост. лит., 2001. 295 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 187 с.
- Курманкулов Ж., Утубаев Ж. Баланды (Буланды) – памятник античности. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Марғұлана, 2013. 148 с.
- Курманкулов Ж., Утубаев Ж. Новые исследования на памятнике Чирик-Рабат // Цивилизации Великого Шелкового пути из прошлого в будущее: перспективы естественных, общественных, гуманитарных наук. М-лы науч. конф. МИЦАИ (Самарканд, 28-29 сентября 2017 г.) / Отв. ред. Мустафаев Ш.М. Самарканд: МИЦАИ, 2017а. С. 397-413.
- Курманкулов Ж., Утубаев Ж. Р. Сенгир-там 2: Новые исследования на памятнике в Восточном Приаралье // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 4 (29). С. 138-144
- Тажеев А.А. История обводнения южных протоков нижней Сырдарьи по археологическим данным. Жаныдарья // Труды ФИА. Астана: ФИА, 2013. Т. 2. С. 65-74.
- Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // МХЭ. М.: Академия Наук СССР, 1960. Вып. 4. С. 3-63.
- Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг. // МХЭ. М.: Академия Наук СССР, 1963. Вып. 6. С. 3-91.
- Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Восточная литература, 1962а. 322 с.
- Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955–1956 гг. // СА. 1958. № 1. С. 106-134.

**Ғ. Қ. Омаров,
Б. Б. Бесетаев**

**Ғани Қалиханұлы Омаров, gany_omarov@mail.ru
Бауыржан Берканұлы Бесетаев, besetaev86@gmail.com
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Алматы қ., Қазақстан**

Қазақ Алтайындағы ерте сақ мәдениетінің элитарлық ескерткіші хақында*

Аннотация. Ерте сақ дәуіріне жататын б.д.д. VIII–VI ғасырлармен мерзімделетін «патша» обалары Қазақ Алтайында бар екендігі анықталды. Алтайлық ерте сақ мәдениетінің қола дәуіріндегі мәдениеттердің қарапайым түрінен, күрделі әрі жетілген сатысына өткен заңды жалғасы деп қорытындылауға мүмкіндік береді. Ерте темір дәуірі ескерткіштері құрылымының күрделілігі, көрнекілігі, сәулет құрылыстарын салудың жоғары техникасымен көзге түседі. Археологиялық зерттеулер көрсеткендей, Шығыс Қазақстандағы Бесоба сияқты орасан зор, айбынды жерлеу құрылыстары патша обаларын салушылардың, жоғары деңгейін көрсетеді. Бесоба қорымының бір обасынан «ілбісін» немесе сақина іспетті бұратылған мысық тұқымдас жыртқыш аңның бейнесі алтын қаңылтырға томпақ түрде батырылып салынған бір дана бейнесі табылды. Аңның басы мен құйрығы оралып келіп түйіскен күйде пунсондық өрнекпен батырылып салынған. Ерте сақ кезеңіне жататын Қазақ Алтайының элитарлық сақ обасынан алғаш рет табылған артефактіге қарағанда ескерткіш б.д.д. VIII–VII ғғ. мерзімделетіні анықталды.

Түйін сөздер: Қазақ Алтайы, ерте сақ кезеңі, Бесоба, майемер мәдениеті, оба

**Ғани Калиханович Омаров,
Бауыржан Берканович Бесетаев,
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан**

Об элитарных памятниках раннесакской культуры Казахского Алтая

Аннотация. Установлено, что «царские» курганы, датируемые VIII–VI веками до н.э. зафиксированы на Казахском Алтае. В данном случае можно с уверенностью говорить, что раннесакская культура на территории Казахского Алтая является закономерным продолжением, зрелого этапа культур эпохи бронзы. Памятники раннего железного века отличаются сложностью строения, наглядностью, высокой техникой возведения архитектурных сооружений. Археологические исследования показали, что такие грандиозные, величественные погребальные сооружения, как Бесоба в Восточном Казахстане, отражают зрелый высоко-развитый уровень строителей царских курганов. Так называемая «пантера» или же свернувшийся в кольцо кошачий хищник был обнаружен в одном из курганов могильника Бесоба. Изображение выполнено на золотой фольге методом вдавливания пунсонным узором, где голова и хвост животного, скрещиваясь, сплетены между собой. Судя по найденным артефактам в ходе исследования, выяснилось, что памятник Бесоба датируется VIII–VII вв. до н.э.

Ключевые слова: Казахский Алтай, ранний сакский период, Бесоба, майемерская культура, курган

© 2022 Омаров Ғ.Қ., Бесетаев Б.Б.

*Жұмыс ҚР БЖҒМ Ғылым комитеті, ЖТН: АР09261115 гранттық ғылыми жоба аясында орындалды, 2021–2023.

Gani Omarov,
Bauyrzhan Besetayev,

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. It has been established that the «royal» mounds dating from the 8th–6th centuries BC belong to the Early Saka era, exist in the Kazakh Altai. It allows us to conclude that the Altai Early Saka culture is a natural continuation that has passed from a simple to a complex, mature stage of Bronze Age cultures. The monuments of the early Iron Age are distinguished by the complexity of the structure, visibility, high technology of the construction of architectural structures. Archaeological research has shown that such grandiose, majestic burial structures as Besoba in East Kazakhstan reflect the mature highly developed level of builders of royal burial mounds. The so-called “panther” or a coiled feline predator was discovered in one of the mounds of the Besoba burial ground. The image is made on gold foil by pressing in a punson pattern, where the head and tail of the animal are intertwined with each other. Judging by the artifacts found during the study, it turned out that the Besob monument dates back to the 8th–7th centuries BC.

Keywords: Kazakh Altai, early Saka period, Besoba, Mayemer culture, Kurgan

Еуразияның көне тарихында Алтай өңірі ерекше орын алады. Өйткені бұл мәдени-тарихи өңір ықылым замандардан бері адамзат дамуындағы күрделі үдерістермен тығыз байланысты. Мұнда ерте темір дәуірі кезінде бірнеше археологиялық мәдениеттердің қалыптасып, дамығандығын археологиялық мәліметтер толыққанды растап отыр. Еуразия тарихы мен өркениетінің көптеген түйткілді мәселелерінің түйінін шешетін Алтай өңірінің ерте темір дәуірі ескерткіштері болып табылады. Аталған тарихи аймақта ерте темір дәуірінде тіршілік еткен тұрғындардың мәдениетін зерттеу отандық тарихнамадағы көкейкесті мәселелердің бірі екендігін оның жалпы Еуразия тарихымен тікелей байланысын аңғартады. Негізінен алғанда бұған дейін жерлеу орындары ғана зерттеліп келсе, соңғы жылдарда осы кезеңнің қоныстары зерттеле басталды. Сан ғасырлар бойы Алтайды мекендеп келген этностардың археологиялық ескерткіштері мен мәдениеттерін, тарихи кезеңдерін ғылыми талдаудан өткізу барысында, мұнда бірін-бірі алмастырған майемер, шілікті, берел, құлажорға т. б. мәдени кезеңдердің болғандығы анықталған [Омаров 2014а]. Алайда осы тарихи кезеңдердің ара-қатынасы, бір-бірімен этно-мәдени және генетикалық байланысы, өзара мәдени ықпалдастығы отандық археология ғылымында өз шешімін толық таба қойған жоқ.

Қазіргі таңда Алтайда ерте сақ-скиф уақытына тән (б.д.д. VIII–VI ғғ.) Таулы Алтайдағы Катунь өзенінің орта ағысы, Орталық Алтай мен аз мөлшерде Чуя өзенінің орта ағысындағы бийке мәдениеті және негізінен Алтайдың солтүстік батыс беткейлері, сонымен шектесетін Ертіс өзенінің оң жағалауында майемер мәдениеті ескерткіштері анықталып отыр. Б.д.д. IX ғ. соңы мен б.д.д. VI ғ. бірінші ширегіндегі майемер мәдениеті орнына бийке мәдениеті атауын енгізуді А.А. Тишкин Бийке атты қорымның жете зерттелуімен және майемер атауының ғылыми түсінікке сай еместігімен түсіндіреді [Тишкин 2007: 94-95]. Ресейлік ғалымдар Алтайдағы аржан-майемер уақытынан бийке мәдениетін бөліп шығарып, оны үш: күрту, семисарт және бойтыгем кезеңдеріне бөледі. Бийке мәдениетінің басты ерекшелігіне қорғандардың тізбектеле қотан түрінде келуі, тас жәшікті қабірлердің көне жер бетінде болуы, үйінді шетінде тұғыртастар мен тас қоршаудың жасалуы, жылқымен қоса адамды қырынан, басын батыс немесе солтүстік-батысқа қаратып қою тән болған [Тишкин 2003]. Қола дәуірі мәдениеттерімен генетикалық байланыстағы Азиядағы сақ-скиф мәдениетінің қалыптасу үрдісі өткен ғасырдағы М.П. Грязнов [Грязнов 1980], К.А. Ақышев [Акишев, Кушаев 1963], С.С. Черников [Черников 1965], Н.А. Боковенко мен Ю.А. Заднепровскийлердің [Боковенко, Заднепровский 1992] тұжырымдарын былай қойғанда, қоғамдық құрылысы әскери-демократиялық сипаттағы салт атты сарбаздардың қару-жарақ кешендерінің б.д.д. IX ғасырда,

бәлкім одан да арғы уақытта аяқталғандығын соңғы археологиялық табылымдар толықтай дәлелдеп отыр. Марқұм болған ер адамды жерлеу ғұрпы осы уақытта Күрту II-дегі сияқты көне жер бетінде жылқысымен бірге дөңгелене келген тас қоршауларда жерленген [Сорокин 1966].

Майемер «мәдениетінің» көршілес Таулы Алтайдың бийке мәдениетінен және Қазақстанның Шілікті ескерткіштерінен айырмашылығы жерлеулер негізінен терең тар шұңқырларда, кейбір жағдайда ақымда, жиі түрде текпіршекте немесе тас жәшіктерде болып келуі. Марқұмдар шалқасынан созыла, бастары солтүстік жаққа бағытталып қойылған. Жылқы және қойлар адаммен бірге немесе бөлек шұңқырда, бірақ тура сол тереңдікте жерленген. Бағытталуы адамдікіндей, басы солтүстікке бағытталған. Кейбір жағдайларда солтүстікке тек жылқы басы қаратылып, ал мәйіттің денесі шығыс-батыс бағыты бойынша ауытқулармен жерленген. Жылқылыр әдетте жүгенделмеген, ал жабдығы (жүген және айыл, тартпасымен ертоқым) жылқы басы маңына қойылған.

Бүгінгі таңда ерте темір дәуірінде орын алған тарихи-мәдени үрдістер көпішілікті қызықтыруда. Өйткені, қазақ этногенезі мен дәстүрлі мемлекеттілігі, заттық-рухани мәдениеті, дүниетанымы осы дәуірден басталатындығын көптеген ғалымдар өз еңбектерінде жазылып жүр. Дегенмен кейбір «миграциялық» бағытты қолдайтын зерттеушілер әлі де болса қазақ халқының автохтондығын жоққа шығаруға тырысуда. Мұндай кереғар пікірлерге тойтарыс беру қажеттілігі де күн санап артып келеді. Өскең ұрпаққа ұлт тарихының тамыры тереңде жатқандығын ұғындыру үшін ең алдымен көне дәуірдегі тарихи дамуды дәлел ретінде алға тартқан абзал. Осы тұрғыдан алғанда археологияда ежелгі көшпелілерді зерттеуде мол мағлұматтар беретін ерте темір дәуірінің ерте кезеңіне нақты жататын аса үлкен элитарлық қорғандар болып табылады. Көне қорғандар – тарихи деректемелер үшін маңызы зор археологиялық құнды ескерткіш болып табылады. Көшпелілер элитасына тән неғұрлым бай жерлеулер жаңа зерттеу әдіс-тәсілдерін қолдана отырып жан-жақты және жүйелі түрде зерттеледі. Ертедегі көшпелілер қоғамының әлеуметтік жаңғыртпасын, саяси құрылымы мен діни-мифологиялық көзқарастарын зерттеп, талдауда Қазақ Алтайында орналасқан Бесоба, Қособа, Ақжайлау, Арасан секілді эталонды ескерткіштердің негізінде: құрылыстарының жаңғыртпасын, қорғандардың архитектурасы мен архитектурасын, қорған сырты құрылыстарын және табиғи-ландшафтық кешендерінің микротопографиялық құрылымдарын анықтауға болады. Сонымен қатар, қорғандарды толық архитектуралық ескерткіш ретінде қарастыру секілді қажеттіліктер сезіледі. Жерлеу ескерткіштерін жан-жақты зерттей отырып, көшпелілердің көзқарастары негізіндегі мәдени-хронологиялық нақтылықтарын, әлемдік түсінігі жайлы сипаттарын, өлім мен о дүниелік көзқарастарын, қоғамның әлеуметтік құрылымын анықтауға болады.

Жазба және археологиялық деректер айғақтағандай әзірге қоғам алдында өзінің жеке басының ерлік істері мен құрметіне әмірші, елбасы, қолбасы, ақсүйек, абыздарына арнайы тұрғызылған «патшалық» деп шартты атау алған ірі элитарлық қорғандар әзірге б.д.д. VIII ғасырдан бастап қана тұрғызыла бастаған. Зерттелуін күтіп жатқан ең үлкен қорғандар Шығыс Қазақстандағы – Дирижабль (диаметрі – 120 м, биіктігі – 15 м) [Шығыс... 2006: 230], Алматы облысындағы Жуантөбе (диаметрі – 113 м, биіктігі – 13 м) [АКК 1960: 325 (4512)] және Қайрат ауылы жанындағы қорған (диаметрі – 200 м, биіктігі – 17 м) [АКК 1960: 326 (4517)], Аягөз ауданындағы Бесоба қорғандары. Бұл қорымдар негізінен теңіз деңгейінен алғанда 900 м бастап биікте, тау аралығындағы жазықта, не тау баурайындағы жазыққа ұласар жерде орналасады.

Осы күнге дейін Қазақ Алтайындағы сақтардың «патша» обаларында кешенді зерттеу жұмыстары мүлде жүргізілген жоқ. Көршілес жатқан ҚХР, Мұңғұлия және Ресей Алтайындағы, сонымен қатар Тарбағатай өңіріндегі Шілікті, Елеке сазы, Көктүбек, Бесоба (Аягөз ауданында) сынды уақыты жағынан мерзімдес ескерткіштермен шендестіре зерттейтін осы өлкедегі бірден-

бір өзінің сыртқы құрылысының өзінен-ақ ерекшеленетін біз білетін Бесоба, Қособа, Ақжайлау (биылғы жылы 3. Самашевтың басшылығымен қазба жұмыстары басталды), Арасан [Омаров және т. б. 2018] сынды сақтардың ақсүйектері жерленген элитарлық қорғандарын зерттеу өзекті мәселе болып табылады. Басқа өлкелерде бұл мәселе там-тұмдап қолға алынғанымен ұланғайыр қазақ жері үшін оның өзі аздық етеді [Оңғарұлы 2017; Онгарулы и др. 2020].

Бұл мәселеде алғаш рет мақала авторы 2012 ж. бастап Күршім ауданындағы Ақбұлақ ауылдық округіне қарасты Бесоба қорымында зерттеу жұмыстарын бастады [Омаров 2014б]. 10 км² аумақты алып жатқан территорияда ерте темір дәуіріне жататын үш қорғандар тобы орналасқан: бұл зерттеліп отырған Бесоба I қорымы алаптың оңтүстігінде жотада болса, Бесоба II және Бесоба III қорымы ОБ–СШ бағытымен сәл солтүстікке ауытқи 2 км жерге созыла орналасқан. Теңіз деңгейінен алғандағы биіктігі 940-960 метр аралығында.

2013 жылғы Алтай археологиялық экспедициясының нәтижесінде ерте темір дәуіріне жататын 6 қорған зерттелді (№ 5, 10 16, 26, 27, 28) [Омаров 2014в: 21], оның ішінде авариялық жағдайдағы Бесоба I қорымындағы екі элитарлық сақ патша қорғандарына қазба салынды.

Жарты шар формасындағы диаметрі 28 м, биіктігі 2 м № 10 қорғанның орта бөлігінен батыстан шығысқа қарай ені 6 м траншеялық әдіспен ұзыннан қазба салынды. Қорғанды зерттеу барысында үйіндінің шым қабаты астынан 0,25–0,5 м тереңдіктен көне жер беті деңгейіне дейін әртүрлі көлемді тастар қаландысы анықталды. Қорғанның негізгі төменгі бөлігіүстін жапқан топырақ қабаты мен тас үйіндіден тұрады. Тастар қатарланып қалану әдісімен орналасқан. Нақты анықталған қатарлар саны шамамен 9-12. Қорғанның етегіндегі ұсақ домалақ ақ кварцит тастар кезінде қорғанның сыртын тұтастай жауып жатқан. Сол кезде алыстан қарағанда ақшаңқан ақбоз үйдей алыстан көрінген. Ұзындығы 2 м, ені 1,2 м батыс-шығыс бағыттағы қабір шұңқырына шығыстан ұзындығы 4,4 м, ені 1 м, тереңдігі 1 м дромос жалғасып келіп қосылған. Солтүстік қабырғадағы ақым ағашпен көлбей бекітілген. Шығыс бөлігіндегі дромостың шығар аузы ұсақ жұмыр ақ кварцит тастармен бекітіліп тасталған. Дромостың аузын ақ тастармен бекітуінің өзі де ерекше бір діни, ғұрыптық сипатта болса керек [Омаров 2015а].

Оңтүстік-батыс қабырғасын тазалау барысында 0,85 м тереңдікте кішігірім қуыс орыны анықталды. Қуысты тазалау барысында археология ғылымында «пантера» деп аталатын мысық тұқымдас аңның алтын қаңылтырға томпақ түрде батырылып аңдық стильде салынған бір дана бейнесі табылды. Аңның басы мен құйрығы оралып келіп түйіскен күйде салынған. Көлемі 9 см алтын қаңылтырдың орта тұсы дөңестеу, кезінде ағаштан жасалған тініне жапсырылып орнатылғанға ұқсайды. Оны «пантера» салынған қаңылтыр жиектерінің жиырылып келуінен және оның ішкі жағында сақталған ағаш шірінді қалдықтарынан байқауға болады [Омаров 2015б: 202-208]. Алтын қаңылтырдың шеті жиырыла қайырылар тұсының ені 2 мм. Ол бір жағы дөңес, екінші жағы тегіс лупа тәріздес ағашқа ешқандай шегесіз, болмаса сына немесе т. б. әдістерсіз-ақ шеті қайырылып келіп орнатылған. Пунсондық өрнекпен батырылып салу әдісі Шілікті қорымындағы № 5 қорғанында үшбұрыш, ромб және сегмент тәріздес алтын қаңылтырларды жасау техникасында кездеседі. Онда мысық тұқымдастың басы солға қараған, танауы, көзі, құйрығының ұшы және аяқтары дөңгелек ойық түрінде бейнеленіп, көк түсті шыны пастамен инкрустация жасалған [Черников 1965]. Алтын заттарға перуза немесе оның орнын ауыстыратын соған ұқсас эмаль салып (қондырып) көркемдеу Келермес, Аржан және Шілікті қорғандарындағы сияқты б.д.д. VII-VI ғасырларда кең тараған [Членова 1997]. Өрнектер ішкі жағынан бастыру әдісі арқылы ұшы өткір біз сияқты затпен салынған. Жыртқыш аңның тұмсығы анық бедерленген, азу тістері және аяқтарының тырнақтары жақсы көрсетілген. Жартылай шеңбер түріндегі тесіктің

диаметрі 0,8 см, тамшы тәріздес формадағы тесіктердің өлшемдері – 0,6×1,3 см. Оңтүстік-батыс қабырғасындағы жоғарыда аталған көмбе марқұмға арнап арнайы жасалған құпия орын болғаны анық және осы себептен тонаушылардан аман қалған. Дәл осыған ұқсас мысық тұқымдас аңның бейнесі бар олжалар Орталық Қазақстандағы Талды 2 [Бейсенов 2011], Шығыс Қазақстандағы Маймер көмбесі [Адриановъ 1916] және Оңтүстік Сібірден табылған. Олардың да мерзімделу уақыты б.д.д. VII-VI ғғ.

№16 қорған Бесоба I элитарлы ірі ескерткіштер қорымының ішіндегі негізгі тізбектің шет жағында орналасқан. Қорғанның биіктігі 3,17 м, диаметрі 44 м. Ескерткіштің пішіні сопақшалау болып келгенімен, шығыс жағы тік, батыс жағы жайылып кеткен. Қорғанның ортасынан көлемі 1,5×2 м, тереңдігі 9 м болатын, тонаушылық ізі байқалады. Қорғанның оңтүстік бөлігінде құрбандық орны ретінде жасалған төрт тас шеңбер анықталды. Әрбірінің диаметрі 4 м шамасында. Ескерткіштің орталық бөлігін тазалап, топырақ үйіндісін алып тастағаннан кейін жерлеу камерасының айналасын қоршаған тік төртбұрышты формадағы тас қоршау конструкциясы анықталды. Қабір сыртындағы құрылыс солтүстік батыстан – оңтүстік шығысқа бағытталған. Қоршаудың шығыс және оңтүстік-шығыс бөлігінде тастардың араласуы және тонау кезінде алынып кеткені байқалды. Осы тас аралас топырақтың тұсынан оңтүстікке қарай 1 м қашықтықта тазалау жұмыстары барысында адамның қабырға сүйегінің фрагменті табылды. Қоршаудың ішкі секторынан оңтүстікке қарай жоғарыда аталып өткен тас үйінді үстінен солтүстіктен оңтүстікке 0,9 м, батыстан шығысқа 1,2 м көлемдегі тонау шұңқыры бар. Қоршаудан оңтүстік-шығысқа қарай 5,1 м-ге созылған дромос тазаланды. Дромостың қазылу бағыты СБ–ОШ сызығымен орналасқан. Оңтүстік-шығыс бөлігінде солтүстіктен оңтүстікке 2,8 м, батыстан шығысқа 3 м жерде орналасқан траншея түріндегі дромос биіктігі 0,95 м тастардан жасалған үйіндімен аяқталады. Шеттері тастармен айнала қоршалған, ағаш кесектері дромостың шығысында, оңтүстігінде және солтүстігінде тас арасында байқалды. Бөрене және сырғауыл қалдықтарына қарағанда дромостың бетін жапқан, оның үстіне тастар төселген. Қазба барысында дәліздің ішкі қабырғалары тік болғаны және тереңдігі 1,1 м анықталды. Дромосты қазу барысында беткі қабатынан шашылған адам мен жылқы сүйектері кездесе бастады. Жылқының жақ сүйегінің астынан жақ сүйегі жоқ адамның бас сүйегінің жоғары бөлігі мен мойын омыртқасы ашылды. Бұл көрініске қарай отырып, адам жерленген соң көп уақыт өтпей тонаушылық әрекеттері жасалғанын байқаймыз. Дромоста шашылған адам сүйектерінің кездесуі тонау әрекеті дромос арқылы жүргізілгенін көрсетеді. Бас сүйектің әйел адамға тән екендігі анық. Дромостың орталық және солтүстік бөліктеріндегі адам мен жылқы сүйектерінің үйіндісі астынан қаңылтыр алтындардан басқа көлемі 1x1см, қалыңдығы 5–7 мм түйме тәріздес алтын бұйым табылды. Бұйымның дөңес келген беткі жағы ұсақ түйіршіктермен жиектелген және «крест» тәрізді өрнекпен (күн белгісі) берілген, ал қарсы бетінде жиегіне параллель орнатылған екі түймелігі бар. Анығында бұл зат тігілетін әшекей рөлін атқаруы мүмкін. Тас толтырындының солтүстік бөлігінің жоғары жағы мен дромостың екі қабырғасынан да диаметрі 0,2 м, биіктігі 0,6 м тігінен тұрған ағаш қалдықтарынан (бөрене немесе сырғауыл) қалған ойық орны ашылды. Бұл ағаштар дромостың кіре берісіндегі ағаш жақтаудың қалдығы болуы мүмкін [Омаров 2015a].

Ішкі ішкі құрылымына қарағанда бұл ескерткіш Шығыс Қазақстандағы б.д.д. VIII-VII ғасырлармен мерзімделетін ерте сақ уақытының Шілікті, Бәйгетөбе, Елеке сазы, Маймер қорғандарымен ұқсас. Ерте сақ дәуірінің элиталық (патша) билеуші ақсүйек, әскер басы, абыздары сынды топтарына тұрғызылған – Шілікті қорымы, кенші-зергерлеріне тұрғызылған – Шағаноба қорымы [Омаров 2009], ал олардың ел билеуші өкілдеріне тұрғызылған – Усть-Бөкен, Солдатово және т. б. ескерткіштерін қалдырған қауымдастық адамдарына өзіндік ерекше ортақ материалдық мәдениет

тән. Ал, олардың қол астындағы қатардағы қарапайым халық майемер мәдениетін жасаушылар, кейін құлажорға мәдениеті өкілдері екендігін Бесоба қорымдарынан алыс емес жердегі Апар, Сарыкөл [Оразбаев, Омаров 1998], Алушы [Омаров және т. б. 2020а] ескерткішіндегі дәл осы уақытпен мерзімдес тас жәшіктегі жерлеу салты көрсетеді. Тас жәшік сияқты тақта тастармен қабір іші шегенделе қойылған жерлеу орындары қатардағы қарапайым қорғандарда ғана емес, элиталық қорғандарда да сақталғандығын биылғы жылы Аягөз ауданындағы Бозай қорымынан кездестірсек, бұған дейін Жарма ауданындағы Шалабай [Омаров и др. 2020б], Ақсуат жеріндегі Көктүбек [Толеубаев и др. 2019], қорымдарында кездескен. Олай болса Шығыс Қазақстанның Алтай, Тарбағатай өңірінде мекендеген ерте сақ мәдениетінің қола дәуірінде өмір кешкен тайпалардың заңды тікелей жалғасы екендігін дәлелдейді. Олардан қола дәуірі кезеңдерінің өзара байланыстары мен жүйелі хронологиялық дамуы жақсы көрінеді. Демек, ерте сақ мәдениетінің қола дәуіріндегі мәдениеттердің қарапайым түрінен күрделі, жетілген сатысына өткен заңды жалғасты жетістігі деп қорытындылауға мүмкіндік береді. Қола дәуірінен басталған тас жәшікте жерлеу дәстүрі тіпті түркі кезеңіне дейін жалғасын тапты.

Шілікті [Толеубаев 2018], Елеке сазы [Самашев и др. 2019], Бесоба [Омаров 2015а], Есік [Акишев 1978], Бесшатыр [Акишев, Кушаев 1963] сияқты үлкен обаларда сақ тайпалық бірлестігінің (мемлекетінің) билеушілері жерленген. Бұл қорғандардың жанындағы қарапайым жерлеу орындары сыртқы құрылысы, ішкі құрылымы, жерлеу бұйымдарына қарағанда мүлде өзгеше. Олай болса «патша обаларында» қарапайым қорғандарда жерленген сақ тайпаларын басқарған этникалық жағынан туыс болғанымен, Шыңғысханнан кейінгі уақытта қазақтарда тек төре тұқымынан хан сайланғаны сияқты өзге билеуші тайпа өкілдеріне тұрғызылған ба деген ойға жетелейді.

Шілікті археологиялық мәдениетінің орталығы б.д.д. VIII-VII ғасырларда Шілікті алқабында орналасса, кейін бір бөлігі Тарбағатай бөктерін бойлай б.д.д. VI-V ғасырларда Жетісу жеріне (атап айтсақ Бесшатыр, Есік, Боралдай қорғандарын қалдырушылар), екінші бір бөлігі Тарбағатайдан терістікке қарай Шыңғыстау арқылы, сондай-ақ Алтайдан Қалба арқылы Орталық Қазақстанға ойысқан. Бұл ойымызды осы өлкелердегі жерлеу-ғұрыптық ескерткіштері, скиф-сібірлік аң стиліндегі әшекей заттары және т.б. ұқсастықтары айғақтайды. Қазақ Алтайының ерте темір дәуірінің ерте кезеңіне жататын ескерткіштердің көрші елдермен тарихи-мәдени байланысы қарастырылмай отырған ашық тақырып. Қазақ Алтайының ежелгі көшпелілерінің бір ерекшелігі Орталық Қазақстандағы тасмолалықтар сынды соғыс құралдары мен тұрмыстық бұйымдардың шикізаты саналған металдың ірі кендеріне бай өлкеде өмір сүрді және қола дәуірінен бері сол металдарды өңдеп, байлық көзін меңгере білді. Қазіргі таңға дейінгі ақсүйектер ескерткіштерінен табылған материалдар б.д.д. I мыңж. басында Саян-Алтай, Қазақстан және Орталық Азияда сақ-скиф, массагет және т. б. көшпелі қуатты Ұлы даланың салт атты сарбаздары б.д.д. VIII-VII ғғ. бастап-ақ батыс пен Алдыңғы Азия мемлекеттеріне сұрапыл жорықтар жасаған [Марсадолов 2006]. Грек жазушыларының еңбегінде скифтер деп аталып кетуі мүмкін деп болжамдаған қазақ даласының көшпелілері б.д.д. VII ғ. Ертістен Батыс Қара теңіз жағалауына дейін жылжыған, ол туралы Геродотта да мәліметтер кездеседі. Сол ғасырда олар көне Шығыс елдерінің көне мәдениетімен тоғысып, сол жердегі ассириялық державаның құлдырауына септігін де тигізген. Ертіс бойы тайпалары да бұл жорыққа қатысса керек. Қорғандардың архитектуралық жағынан алып қарағандағы құрылысы тек қана Оңтүстік Сібір, Қазақстан, Солтүстік Қара теңіз жағалауындағы сақ-скиф заманының жерлеу орыны құрылыстарымен ұқсастығы бұрыннан белгілі болса, ал біздің Түркия жеріндегі Гордион тұлумустарын көргеннен кейін Л.С. Марсадолов жазғандай олармен де тікелей байланысы бар екендігіне нақты көзіміз жетіп отыр.

Көшпелілер мәдениеті өзіне тән болып отырған осы уақыттың бірегей археологиялық ескерткіштері арқылы өзінің ерекшелігімен, құпиялығымен әлемді қызықтыру үстінде. Кереметтей тың жаңалықтар мен ашылулар алдағы уақыттың еншісінде.

ӘДЕБИЕТ

- Адриановъ А.В.* Къ археологіи Западнаго Алтая (изъ поездки въ Семипалатинскую область въ 1911 г.) // Известия императорской археологической комиссіи. Петроградъ, 1916. Вып. 62. С. 1-94.
- Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 282 с.
- АКК – Археологическая карта Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 486 с.
- Бейсенов А.З.* Сарыарқа – далалық өркениеттің алтын бесігі. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. 32 б.
- Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А.* Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Серия: Археология СССР / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 140-149.
- Грязнов М.П.* Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.
- Марсадолов Л.С.* Гордион в Анатолии (Турция) – военная база кочевников Евразии в VIII–VI веках до н.э. // Современные проблемы археологии России. М-лы Всерос. археол. съезда (23–28 октября 2006 г.) / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. II. С. 40-42.
- Омаров Ф.Қ.* Шілікті және Шағаноба қорғандарының зерттелуінен (С.С. Черниковтың жарияланбаған 1959 жылғы архив материалдары негізінде) // «Қазақстандағы этностардың дәстүрлі мәдениетіне қатысты музей жинақтары: зерттеу мәселелері мен сақтау перспективалары» атты республ. ғыл.-практ. семинардың м-ры (Алматы қ., 28–29 қараша 2008 ж.). Алматы: Қазақ университеті, 2009. 82-84-бб.
- Омаров Ф.Қ.* Шығыс Қазақстанның ерте темір дәуірі. Алматы: Қазақ университеті, 2014а. 256 б.
- Омаров Ф.Қ.* Күршім ауданының археологиялық ескерткіштері (2012 жылғы археологиялық зерттеу жұмыстары). Алматы: Қазақ университеті, 2014б. 148 б.
- Омаров Ф.Қ.* Шығыс Қазақстанның ерте сақ заманының «аң стилі» // Всадники Великой степи: традиции и новации. Труды ФИА. Астана: изд. гр. ФИА, 2015а. С. 202-208.
- Омаров Ф.Қ.* Бесоба қорғандары. Алматы: Қазақ университеті, 2015б. 28 б.
- Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Кариев Е.М., Сағындықова С.Т.* Полевые исследования в Жарминском районе Восточно-Казахстанской области (Результаты электромагнитного профилирования) // Естественнонаучные методы в современных археологических исследованиях: теория и практика. М-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 30 октября 2020 г.) / Отв. ред. Г.Т. Бексеитов. Алматы: Қазақ университеті, 2020а. С. 49-56.
- Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Сағындықова С.Т.* Археологические изыскания Алтайской археологической экспедиции в 2019 году // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Сер.: Историч. науки. 2020б. № 1 (96). С. 144-154.
- Омаров Ф.Қ., Бесетаев Б.Б., Сапатаев С.А., Сағындықова С.Т.* ШҚО Күршім ауданының археологиялық ескерткіштерінің тізімі. Алматы: Қазақ университеті, 2018. 17 б.
- Омаров Ф.Қ., Төлегенов Е.Т.* Күршім ауданының археологиялық ескерткіштері (2013 жылғы археологиялық зерттеу жұмыстары). Алматы: Қазақ университеті, 2014. 140 б.
- Оңғарұлы А.* Қазақстанның ежелгі тұрғындарының жерлеу ғұрпы. Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2017. 252 б.
- Онгарулы А., Пён Ёнхван, Нам Санвон, Каирмагамбетов А., Ким Ёнхён, Нускабай А., Кызырханов М.* Катартобе. Некрополь сакской элиты Жетысу. Нұр-Сұлтан; Тэджон, 2020. 464 с.
- Оразбаев А.М., Омаров Г.К.* Некоторые итоги археологического исследования Восточного Казахстана // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: м-лы междунар. археол. конф. / Отв. ред. А.Т. Толеубаев. Алматы, 1998. С. 9-71.
- Самашев З.С., Веселовская Е.В., Васильев С.В.* «Золотой» воин из сакских курганов Тарбагатая // Вестник Московского университета. 2019. № 4. Серия 23. Антропология. С. 126-139.

- Сорокин С.С.* Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 35-57.
- Тишкин А.А.* О соотношении бийкенской и маймерской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. М-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова (г. Санкт-Петербург, март 2002 г.). Кн. II / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 164-166.
- Тишкин А.А.* Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.
- Толубаев А.Т.* Раннесакская шиликтинская культура. Алматы: ИП «Садвакасов А.К.» 2018. 528 с.
- Толубаев А.Т., Жуматаев Р.С., Шакенов С.Т., Ерғабылов А.Е., Рысбек Б., Хамитов М., Хавал А.* Археологические исследования на могильнике Коктубек в полевом сезоне 2018 года // Алтай - золотая колыбель тюркского мира / Гл. ред. Д. Ахметов. Усть-Каменогорск: Акимат ВКО, 2019. С. 134-155.
- Черников С.С.* Загадка золотого кургана: где и когда зародилась скифское искусство. М.: Наука, 1965. 188 с.
- Членова Н.Л.* Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.: ИА РАН, 1997. 98 с.
- Шығыс Қазақстан облысы археологиялық ескерткіштерінің тізбесі. Өскемен: Шығыс Қазақстан облыстық мәдениет пен өнерді қолдаудың мемлекеттік қоры, 2006. 264 б.

**А. А. Бисембаев,
А. М. Мамедов,
К. А. Жамбулатов,
Г. А. Ахатов,
А. И. Хаванский,
Р. Ж. Жанузак**

**Бисембаев Арман Ауганович, abissembaev@mail.ru
Мамедов Аслан Маликович, mamedovaslanv@mail.ru
Жамбулатов Кайрат Абаевич, kairo_88@inbox.ru
Ахатов Газиз Аманжолович, g_akhatov@mail.ru
Хаванский Алексей Иванович, Arkaim01@yandex.ru
Жанузак Рамазан Жаксыбайұлы, rzhanuzak@gmail.com
Институт археологии им. А.Х. Марғулана,
г. Алматы, Казахстан**

Исследование элитных памятников ранних кочевников Актыбинской области: некоторые итоги и перспективы*

Аннотация. В обзорной статье рассматриваются итоги исследований погребальных памятников кочевой элиты Актыбинской области – Кураша, Бисоба, Таскопа I, Торткултобе, Кумбулак. Большие по размерам курганы, распространенные в степной полосе, кроме культурной информации, заключенной только в них, несут сведения об общественном устройстве и обособлении элитарных групп населения. С учетом большого территориального выражения области и значительных различиях в природно-географических условиях ее частей, памятники перспективно рассматривать исходя из деления на локальные микрорайоны, приуроченные к гидросети. Обрисованы общие черты погребального обряда середины – второй половины I тыс. до н.э.

Ключевые слова: Западный Казахстан, Актыбинская область, сарматы, элитные погребальные памятники, прохоровская культура, скифы

**Арман Ауғанұлы Бисембаев,
Аслан Мәлікұлы Мамедов,
Қайрат Абайұлы Жамбулатов,
Ғазиз Аманжолұлы Ахатов,
Алексей Иванович Хаванский,
Рамазан Жақсыбайұлы Жанұзақ,**

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Ақтөбе облысындағы ерте көшпенділердің элиталық ескерткіштерінің зерттелуі: кейбір нәтижелері мен перспективалары

Аннотация. Мақалада Ақтөбе облысындағы – Құраша, Бесоба, Тасқопа I, Төрткүлтөбе, Құмбулақ сынды көшпенділер элитасының ескерткіштерін зерттеудің қортындылары қарастырылады. Далалық белдеуде таралған өлшемі бойынша үлкен обалар мәдени ақпараттан бөлек, тұрғындардың элиталық топтарының

© 2022 Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Жамбулатов К.А., Ахатов Г.А., Хаванский А.И., Жанузак Р.Ж.

*Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, IPH проекта OR11465466.

ерекшеленуі мен қоғамдық құрылысы жөнінде мәліметтер береді. Облыстың үлкен аумақтық көрінісін және оның бөліктерінің табиғи-географиялық жағдайындағы айтарлықтай айырмашылықтарды ескере отырып, ескерткіштерді жергілікті гидрожелімен орайластырылған шағын аудандарға бөлу негізінде қарастыру маңызды. Б.д.д. I мыңж. екінші жартысы ортасының жерлеу салтының жалпы сипаты көрсетілген.

Түйін сөздер: Батыс Қазақстан, Ақтөбе облысы, сарматтар, элиталық жерлеу ескерткіштері, прохоров мәдениеті, скифтер

**Arman Bissembaev,
Aslan Mamedov,
Kairat Zhambulatov,
Gaziz Akhatov,
Alexey Khavansky,
Ramazan Zhanuzak,**

Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

Research of elite monuments of early nomads of Aktobe region: some results and prospects

Abstract. The review article examines the results of research on the funerary monuments of the nomadic elite of the Aktobe region – Kurasha, Bisoba, Taskopa I, Tortkultobe, Kumbulak. The large mounds common in the steppe zone, in addition to the cultural information contained only in them, carry information about the social structure and isolation of elite groups of the population. Taking into account the large territorial expression of the region and significant differences in the natural and geographical conditions of its parts, it is promising to consider monuments based on the division into local microdistricts confined to the hydro grid. The general features of the funeral rite of the middle – second half of the I millennium BC are outlined.

Keywords: Sarmatians, elite funerary monuments, Prokhorov culture, Scythians, Western Kazakhstan, Aktobe region

Три десятилетия с момента обретения Независимости Республики Казахстан и образования Института археологии им. А.Х. Маргулана позволяют подвести итоги исследований не только по различным хронологическим этапам в развитии археологии нашей страны, но и по определенным регионам, где эти исследования носили, практически, непрерывный характер, несмотря на разную экономическую ситуацию за прошедший период.

Исследование древнего периода истории Казахстана связано с процессами, имеющими общий характер для населения всего евразийского пространства, особенно для значительного по территории «Великого пояса степей». Определяющим, важнейшим фактором стало сложение кочевой цивилизации в раннем железном веке, самыми яркими представителями которой в середине I тыс. до н.э. стали скифы, саки, сарматы. Изучение скифских памятников на территории Причерноморья насчитывает почти двухсотлетнюю историю и отражено во всемирно известных экспозициях Эрмитажа. Последующие работы на территории Казахстана, Сибири, Алтая, Южного Урала показали существование культурно и хронологически близких скифским, и в то же время своеобразных, памятников на этих территориях.

Племена раннего железного века – скифы, сарматы, саки были первыми «классическими» кочевниками в истории. Экономика их обществ была построена на четких принципах пастбищно-кочевой системы, уникального явления, просуществовавшего практически без изменений около трех тысяч лет в суровых условиях Великого пояса степей.

К середине I тыс. до н.э. в Великом поясе степей, на территории современной Украины, Поволжья, Приуралья, Казахстана, Южной Сибири – от Дуная на западе до Забайкалья и плато Ордос (Северо-Восточный Китай) на востоке – сложились культуры так называемого скифо-сибирского или скифо-сакского мира. Названия этих народов, входивших в него, известны — это скифы,

савроматы, сарматы, саки. Еще в XIX в. исследователями было отмечено сходство археологического материала из курганов скифской знати из курганов Причерноморья, и раскопанных на территории Казахстана и Южной Сибири. Тогда же было отмечено, что памятники этих территорий отличаются собственными чертами, подчеркивающими самобытное развитие культур.

К числу таких регионов, обладающих яркими и своеобразными памятниками раннего железного века, относится Актюбинская область как значительная часть более крупного региона - Западного Казахстана, с широтной протяженностью порядка 800 км, представленная несколькими природно-географическими зонами – лесостепью, степью, пустыней и полупустыней. Наличие этих зон, состояние гидросети, температурного режима, богатство флоры и фауны, все в комплексе определяет комфортность экологической ниши для человеческих коллективов и, в конечном итоге, оказывает влияние на количество, характер и размещение памятников археологии различных эпох. Памятники кочевников раннего железного века в количественном отношении преобладают над объектами других эпох. Причем, на памятниках этой обширной эпохи можно проследить аспекты природного, демографического, военно-политического характера.

Актюбинская область, околуречная с севера крупной магистральной рекой – Уралом, и рассеченная с юга на север самым крупным левобережным притоком Илеком, в раннем железном веке представляла собой густозаселенный район кочевых объединений. Обширная территория между Прикаспийской низменностью на западе, Туранской на юго-востоке, Устьуртом на юге и долиной р. Урал с севера на юг имеет весь набор географических зон, указанных выше. Зона пустыни в виде песков Больших и Малых Барсуков наблюдается в Северном Приаралье. Небольшую по площади, без четко выраженной южной границы, вдающуюся в степь отдельными островками, северную часть рассматриваемого региона занимает лесостепь. Реликтовое урочище со сосредоточением лесных колков – Уркач (Оркаш) уходит глубоко в степь, в районе стыка Илека, Эмбы и Ори [Чибилев 1987: 86-103].

К Актюбинской области в географическом аспекте применимо понятие «Приаральско-Мугалжарский регион», с разветвленной гидросетью, горной системой Мугалжар, реликтовыми песками Оркаш, Баркын, массивами Больших и Малых Барсуков, Нуринскими разливами. Богатство и вариативность географических ниш предполагает широкий диапазон памятников, что подтверждается как существующими, обнаруженными и исследованными, так и малоизученными, информация о которых поступает со случайными находками и сборами. Отчетливо прослеживается деление на четыре географических микрорайона с привязкой к гидросети – основному аспекту жизнеобеспечения во все периоды человеческой истории. Речные направления так же являлись факторами разграничения кочевий, в какой-то мере околуречивая границы этнических и политических объединений.

Магистральная река Северного Приаралья (Актюбинской области) – Илек со своими притоками проходит в северном направлении, постепенно смещаясь к западу, к месту впадения в Урал. Бассейн Илека с притоками является первым микрорайоном. Наиболее многочисленные памятники раннего железного века приурочены к Илекскому бассейну, что объяснимо с позиций природно-географического характера. Илек – магистральный, левобережный приток Урала, несущий свои воды по меридиану и, таким образом, максимально комфортен для кочевания с севера на юг вдоль его берегов. Он полноводен и сам имеет богатые притоки, способные обеспечить жизнедеятельность больших скотоводческих коллективов.

Второй микрорайон – Уило-Кобдинский, западный, охватывающий два административных района Актюбинской области, Кобдинский и Уилский, и северную часть Байганинского района.

Река Большая Кобда течет в меридиональном направлении, Уил по большей части в широтном, но в целом они представляют собой единый географический комплекс, что подтверждается данными этнографии.

Третий микрорайон, Темирско-Эмбенский, находится в центральной части Актюбинской области, в ее южной половине. Трудности создает присутствие контрактных территорий нефтедобывающих компаний. Территория богата памятниками различных эпох, охватывает площади Мугалжарского, Темирского и северную часть Шалкарского районов. Микрорайон пересекают горы Мугалжары, тянущиеся с севера на юг. Это продолжение Уральских гор в современной географической традиции обозначается как условная граница Европы и Азии. Хотя сами по себе горы не являются труднопреодолимым препятствием, как на памятниках, так и на природных аспектах прослеживаются определенные различия в восточной и западной частях микрорайона. Указанный момент может обусловить выделение в группе исследуемых памятников локальных вариантов.

Четвертый микрорайон обозначен как Орь-Иргизский и охватывает юго-восточную часть Актюбинской области, проходя по территории современных Иргизского, Хромтауского и Айтекебийского районов. Микрорайон характеризуется как и Уило-Кобдинский переходом от степи к полупустыне, но и представляет собой Восточные Мугалжары, с выходом на Нуринские разливы [Ахатов, Бисембаев 2015: 503-505].

Увеличение источниковой базы, связанное с раскопками крупных курганов, начиная с 2015 года, было связано с раскопками крупных курганов таких могильников, как Кураша, Бисоба, Таскопа, Кумбулак, Торткультобе [Бисембаев и др. 2016: 155-157; Дуйсенгали и др. 2017: 38-43; Бисембаев и др. 2018а: 28-41; Бисембаев и др. 2018б: 102-123; Бисембаев и др. 2019а: 102-106; Бисембаев, Хаванский 2020: 101-107; Бисембаев и др. 2021: 42-58; Бисембаев, Ахатов 2021: 76-93]. В данной статье нет необходимости снова возвращаться к описанию погребального обряда и выявленных артефактов. Следует отметить, что исследование памятников в различных районах Актюбинской области дает возможность внутрорегионального сравнения памятников по локальным микрорайонам, применение как внутренней корреляции, по признакам погребального обряда и основным элементам материальной культуры, так и внешней, связанной со сравнением с памятниками крупных соседних регионов – Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, Южного Приаралья, Центрального и Северного Казахстана. Представители Илекской группировки ранних кочевников середины – 2-й пол. I тыс. до н.э., являлись консолидирующим ядром племенных объединений восточной части Западного Казахстана – Приаральско-Мугалжарского региона. Исследование памятников данной группы, проводимое авторами последние годы, позволяет говорить об этом, дальнейшее накопление материала позволит систематизировать данные и выйти на уровень обобщений.

Присутствующие природно-географические черты рассматриваемого региона оказывали важнейшее влияние на особенности и количественный состав памятников ранних кочевников. Оформление природно-климатических данных в тех чертах, что мы наблюдаем сегодня, отразилось на хозяйственных занятиях населения, выразилось в формировании пастбищно-кочевой системы [Акишев 1972: 31] – основы экономики номадных обществ.

Изучение памятников скифо-сакской эпохи в Актюбинской области достигло определенных результатов, позволяющих подвести некоторые итоги и наметить перспективные направления дальнейших исследований. Начиная с первых работ в регионе по нынешние дни, процесс изучения археологического наследия можно условно разделить на четыре этапа. Каждому, из которых

свойственны свои достижения, недостатки, гипотезы и идеи, получившие как признание, так и неприятие исследователей. Три предшествующих суверенитету – дореволюционный, начальный советский и развитый, ранее рассматривались авторами [Бисембаев 2008:155-168; Бисембаев и др. 2008: 291-293; Бисембаев и др. 2011: 64-68].

Территория Западного Казахстана в раннем железном веке представляла собой густозаселенный район кочевых объединений. Целенаправленные исследования авторов статьи, проводившиеся с начала текущего столетия, подтверждают этот тезис выявленными памятниками ранних кочевников по административным областям региона. О природно-географической обусловленности расположения памятников раннего железного века Западно-Казахстанского региона ранее неоднократно упоминалось в археологической литературе. Определенные итоги исследований на период рубежа XX–XXI веков были подведены С.Ю. Гуцаловым. Им же была подчеркнута необходимость исследования памятников ранних кочевников по территории левобережья Урала как по «четко ограниченному природно-ландшафтному региону» [Гуцалов 2004: 4].

Памятники ранних кочевников в Западном Казахстане численно доминируют над памятниками других эпох. Локализация и картографирование выявленных объектов ранних кочевников в рассматриваемом регионе позволяет провести предварительное районирование, вычленение группы микрорайонов. В перспективе направление исследований будет ориентировано на сравнительный анализ между такими микрорайонами – Илекским, Темиро-Эмбенским, Орь-Иргизским и Уило-Кобдинским. Общий анализ выявленных объектов, раскопанных памятников, позволяет говорить о выделении на территории обозначенных микрорайонов своих элитарных групп памятников, являвшихся, соответственно, консолидирующими центрами более мелких племенных группировок в рамках пастбищно-кочевой системы. Претензии на элитарность выражены в присутствии в исследованных объектах престижных предметов – изделий из драгоценных металлов, импорта, культовых предметов – каменных жертвенников, значительного диапазона предметов вооружения и т. д., а так же в масштабах, размерах и усложненных чертах погребального обряда (размеры курганной насыпи, глубина и размеры могильных ям и пр.).

Культурное единство сложилось на территории степной, горно-долинной части Евразии. Пояс степей с севера ограничен зоной лесов, где в древности обитали племена с другим традиционным хозяйственно-культурным укладом. С юга почти непрерывная цепь гор отделяла эту территорию от зоны древнейших первых цивилизаций Переднего Востока и Южной Азии. Природно-географический фактор, начиная с энеолита, с возникновения производящих форм хозяйства, определял направленность хозяйственного развития степного региона с преобладающей ролью скотоводства.

Древние народы степной Евразии составляли этническое, культурное и идеологическое единство. Скифская культурно-историческая общность сложилась в поясе степей от Монголии до Дуная в начале I тыс. до н.э. Имя «скифы», как свидетельствует историк Геродот Галикарнасский, греческого происхождения и оно было общим для всех евразийских кочевых «варваров». Он замечает, что самоназвание этого народа – «сколоты». Другое имя древних кочевников Казахстана и Восточной Европы известно из древнеперсидских письменных источников, где они называются «сака». Свое появление на исторической арене они отметили вторжением на Ближний Восток в начале VII в. до н.э. В ассирийских памятниках письменности их именуют «ишкуза», в Ветхом Завете – «ашкеназ». Долгое время евразийские «кентавры» были самой влиятельной политической силой в Передней Азии.

По мнению известного исследователя западно-казахстанских древностей С.Ю. Гуцалова, на восток от Причерноморья к горам Южного Урала мигрировали так называемые «скифы-отщепенцы» [Гуцалов 2004]. По этому поводу Геродот сообщает, что на восток от земли савроматов у подножья каменистых гор проживают скифы, отделившиеся от царских. В это время скифские лучники подчиняют местных скотоводов, а в конце V столетия инкорпорируют в свою среду большую группу кочевников Приаралья – массагетов.

О войне с массагетами Кира Великого нам известно из повествования «отца истории» Геродота. Данное событие относится к 530 г. до н.э., когда предводительница азиатских кочевников царица Томирис одержала верх над персидским царем. Однако на этом враждебные отношения между персами и массагетами не заканчиваются. Наличие на северных границах персидской державы мощного кочевого союза сковывало завоевательную политику Ахеменидов. Примерно 519 г. до н.э. историки датируют войну преемника Кира – Дария I с объединением «сака-тиграхауда», в результате которой последние, как свидетельствует Бехистунская надпись, были покорены персидским владыкой и изгнаны из Средней Азии.

Судя по тому, что в курганах кочевников Западного Казахстана конца VI-V в. до н.э. отчетливо проявляются приаральские культурные параллели, не все массагеты (сака-тиграхауда) подчинились завоевателям – значительная их часть ушла в степи Южного Урала. Более того, элитарный характер этих курганов позволяет высказать предположение, что массагеты вошли в состав воинско-жреческой знати местных кочевников. Отсюда можно предположить особый характер отношений среднеазиатских беглецов со скифскими правителями.

Скифо-массагетские роды, вероятно, составляли верхушку общества в новом племенном союзе. Влияние же номадов Западного Казахстана в то время было огромно. Их культура распространилась от Устюрта на юге до истоков Урала на севере и от Тургайского прогиба на востоке до Камыш-Самарских озер – на западе. Воинский потенциал носителей прохоровской культуры был значителен. Отдельные конные отряды приуральских номадов проникают далеко на восток. Оружейные комплексы западно-казахстанского происхождения археологи находят на Алтае и юге Западной Сибири. Под влиянием западно-казахстанского пассионарного толчка перекраивается этнополитическая карта Степи. Так, вероятно, не без участия «прохоровцев» в V в. до н.э. прекращает свое существование тасмолинская культурно-историческая общность кочевников Центрального и Северного Казахстана, а затем в лесостепной зоне Западной Сибири складывается саргатская культура с сильными степными элементами в традициях элиты общества. При этом исследователи отмечают высокий уровень ее милитаризации: проживая по соседству с воинственными соседями, скотоводы юга Западной Сибири должны были пребывать во всеоружии.

Стоит заметить, что приуральские номады вступили в тесные контакты самого различного характера с зауральскими и западно-сибирскими угорскими лесостепными племенами. Надо полагать, что в условиях завоевания в приуральские степи из Скифии прибыли в основном молодые мужчины-воины. Потому велика была роль брачных контактов с лесными племенами. Свидетельством таковых может быть распространение у кочевников керамики, в тесто которой добавлялся тальк (типично зауральский технологический прием изготовления лепной посуды). С другой стороны, данные контакты были обусловлены поисками кочевниками рудных баз для изготовления оружия. В этой связи Б.Ф. Железчиков высказал мнение о том, что лесные угры поставляли кочевникам металл в качестве дани. Таким же образом в степь могла поступать пушнина, возможно, рыбный клей, используемый для скрепления деревянных предметов, в частности, луков.

Могучий союз кочевников Западного Казахстана и в последующее время осуществлял активную внешнюю политику, участвуя во многих политических акциях как в пределах Восточной Европы, так на Среднем и Ближнем Востоке.

Для памятников VII – 1-й пол. VI в. до н.э. характерна аморфность традиций совершения погребальных ритуалов, что, возможно, следует связывать с этнокультурной разобщенностью населения региона исследуемого времени. Столь ограниченный круг памятников и противоречивый характер его распространения позволяют сделать вывод о том, что в период VII – 1-й пол. VI в. до н.э. на территории Южного Приуралья население было незначительным, и оно не представляло собой культурной общности. Можно предположить, что погребальные обряды указанного времени могли быть сложнее, чем в предыдущие и последующие эпохи. В силу этнополитической нестабильности население могло «прятать» своих умерших соплеменников. Эти памятники бедны инвентарем, либо вовсе безынвентарны. К тому же они также демонстрируют разнообразие обрядовых традиций: совершение захоронений в катакомбе, в каменном ящике, в круглой и прямоугольной могильных ямах; скелеты находятся в скорченных и вытянутых позах.

В колчаных наборах основных погребений господствуют наконечники, типичные для памятников Причерноморья и, отчасти, Нижнего Поволжья, эпохи скифской архаики. Как редкое исключение встречаются четырехгранные и четырехлопастные втульчатые и черешковые наконечники, типичные для скотоводов Средней Азии и Казахстана раннесакского времени. Особые предметы узды - железные налобники также демонстрируют связь населения Южного Приуралья со Скифией. Изменения в конце VI в. до н.э. выразились в том, что произошло совмещение культурных традиций не менее двух потоков мигрантов и, возможно, группы аборигенного населения. Для памятников этого времени характерны прямоугольные ямы небольших размеров, западная ориентировка скелетов, ограниченный набор заупокойного инвентаря, представленный обычно сосудами «савроматского» типа, железным ножом и отдельными наконечниками стрел. Интересен тот факт, что «дружинные» курганы т. н. «савроматов» Ори и Илека воздвигнуты на обширных плато, в то время как синхронные памятники населения, культурно близкого «савроматам» Нижнего Поволжья, – на краю речных террас, причем в непосредственной близости от некрополей знати.

Итогом вышеназванных миграционных процессов было создание в среде кочевых племен Южного Приуралья мощного племенного объединения со сложной социальной иерархией. Миграции способствовали столкновению различных родоплеменных объединений друг с другом с целью борьбы, в первую очередь, за пастбища и скот. В ходе постоянных столкновений происходит распад одних и создание на их месте новых этнических объединений. Усиление военного фактора, как известно, ведет к усилению роли военных вождей и активизации процессов социальной стратификации общества.

Военный фактор оказал решающее влияние в процессе окончательного оформления прохоровской культуры, произошедшего в конце V – 1-й пол. IV в. до н.э. Хотелось бы только подчеркнуть, что формирование культуры – процесс достаточно длительный и в ходе него выделяются следующие этапы:

- рождение новой культуры, когда создаются ее основные мировоззренческие, религиозные, философские, этические, художественные и иные принципы. Носителями их является элита общества. Главной ее социальной задачей на данном этапе является закрепление присущих ей культурных традиций как доминирующих в обществе и создание механизмов ее трансляции;

- становление новой культуры, когда её ценности становятся достоянием наиболее активных слоев населения, в первую очередь, молодежи;

- торжество новой культуры, когда она утверждается в сознании наиболее отсталых и консервативных слоев населения. При этом старая культура остается в социальной памяти, но уже не формирует духовного облика новых поколений.

Как указывает С.А. Арутюнов, для того чтобы инновация превратилась в традицию в современном обществе требуется от 50 до 60 лет, то есть время жизни трех поколений [Арутюнов 1989: 163]. Именно конец VI - большая часть V в. до н.э. представляет 1-й этап развития прохоровской культуры. Обострение отношений с соседними племенами только способствовали ускорению процесса завершения формирования прохоровской культуры. Военный фактор сыграл решающую роль в стандартизации всех форм материальной и духовной жизни, приведшей к окончательному сложению прохоровской культуры.

В конце V - начале IV в. до н.э. нарастает военная активность восточных соседей прохоровских племен - скотоводческих культур лесостепного Зауралья. Главная причина этого явления в милитаризации многих сфер жизни населения западно-сибирской лесостепи в это время. Данный процесс мог быть вызван не только демографическим взрывом, связанным с улучшением природно-климатической среды на территории Зауралья, но и более глубокими изменениями социально-экономического характера в среде местного населения. Главным объектом столкновений, вероятно, были пастбищные угодья Южного Зауралья и, возможно, металлургические центры Урала и Мугалжар.

Следствием этих процессов была всеобщая милитаризации общественной жизни кочевников Южного Приуралья. Изменения в военной сфере культуры привели к трансформации и других сторон жизни [Таиров 1998: 89-90]. Необходимо отметить, что, с одной стороны, произошло как бы «перетекание» многих культурно-диагностирующих признаков, характерных для курганов знати Ори и Илека 2-й пол. VI – V в. до н.э., в сторону уральского Левобережья и низовья Илека; а, с другой, многие типы погребальных конструкций, элементы погребального обряда, маркирующие в предшествующее время захоронения социальной элиты общества, постепенно исчезают. По сути, произошла стандартизация погребального обряда. Те его элементы, что были присущи погребениям кочевой знати, ныне стали достоянием рядовых общинников.

Не исключено, что резкое обострение политической ситуации в регионе привело к оттоку значительной части кочевников зауральской группы прохоровской культуры в пределы кочевий своих южно-уральских сородичей. На территории Южного Приуралья, в первую очередь в бассейне р. Каргала, в IV в. до н.э. стали фиксироваться черты погребальной обрядности, характерные для зауральского варианта прохоровской культуры [Гуцалов 1998; Бисембаев, Гуцалов 1998; Родионов, Гуцалов 2000; Гуцалов, Бисембаев 2002]. В IV в. до н.э. резко падает количество памятников прохоровской культуры в Южном Зауралье. Аналогичная картина распространения памятников данного периода просматривается и в бассейне Ори и верховьях Илека. Судя по всему, произошла подвижка части приуральских номадов в более западные районы региона. Курганы с пышным погребальным ритуалом, для которого характерны наземные деревянные конструкции, дромосные коллективные захоронения и пр., в это время перестают воздвигаться в верховьях Илека, но зато широко представлены в низовьях Илека и на территории уральского Левобережья. Вероятно, что в связи с ухудшением природно-климатических условий и под давлением многочисленных скотоводческих племен Западной Сибири, значительная часть зауральских номадов вынуждена была, оставив свои кочевья, переместиться западнее. Сначала к родственным племенам орско-илекских степей, а затем в земли «савроматов» Нижнего Поволжья, увлекая за собой и население Южного Приуралья.

На самом позднем этапе в погребальной практике кочевников III-I вв. до н.э., по сравнению с предшествующим периодом, произошли серьезные изменения. Они проявились в том, что возросло количество впускных погребений, прекратилась традиция создавать деревянные конструкции под насыпями, исчезли из погребальной практики дромосные могилы, также как и захоронения на погребенной почве, исчезла традиция сооружения каменных панцирей над курганом.

В погребальном обряде появились новые тенденции, не фиксируемые ранее. К числу таковых следует отнести захоронения в каменных ящиках в могильнике Жаман-Каргала 1. К разряду новых черт в погребальной практике номадов Южного Приуралья стоит отнести массовое распространение захоронений в узких прямоугольных катакомбах, прорытых в короткой стенке. Причем, в большинстве своем, они резко отличаются от просторных катакомб, имевших распространение в Южном Приуралье с конца VI по IV в. до н.э. В этот период были широко представлены захоронения в гробах. При этом погребения, совершенные в этих конструкциях, сопрягаются с другими элементами погребального обряда: глиняной обмазкой пола и стенок, посыпкой дна мелом, находкой в могиле кусочков окаменелого дерева, широким распространением деревянных блюд. Среди категорий инвентаря, находимых в катакомбных погребениях, сопряженных с гробами, чаще всего встречаются костяные навершия деревянных гребней, бронзовые геральдические плакетки, разбитые бронзовые зеркала, железные черешковые наконечники стрел.

К середине – второй половине I тысячелетия до нашей эры в степях Западного Казахстана в целом, и Актюбинской области в частности, были распространены многочисленные памятники кочевников раннего железного века. Это население сформировало мощные военные союзы, оказывавшие влияние на политическую картину центрально-азиатского региона. Основным содержанием культурных процессов в это время была стандартизация материальной и духовной культуры номадов во многих ее проявлениях. Возникнув в конце VI в. до н.э. в результате сложных этнополитических процессов, культура приуральских номадов представляла собой симбиоз нескольких крупных этнических групп. Формирование прохоровской культуры завершается на рубеже V-IV в. до н.э. Одним из главных факторов, способствовавших усвоению рядовым населением культуры элиты общества, был военный.

На археологическом материале пока вычленяются следующие ее составляющие: «скифская лесостепная», «сако-массагетская» (приаральская), «автохтонная». В результате до конца не ясных этнополитических процессов складывается сложная в этносоциальном отношении культура, ведущую роль в которой играли группы населения, мигрировавшие из Приаралья, но, в первую очередь, с территории лесостепной Украины. Причем, для погребений южно-уральской кочевой знати были характерны признаки, ставшие типичными в погребальном обряде кочевников в IV-II вв. до н.э.

Говоря о памятниках кочевой элиты следует отметить важные изменения в социальной структуре общества, выделение определенной группы, распространявших свою власть на значительных по площади территориях. Огромные по размерам курганы, распространенные в степной полосе, кроме культурной информации, заключенной только в них, несут сведения об общественном устройстве и обособлении элитарных групп населения. Для постройки сооружения из глины, земли, бревен или камней, высотой в несколько метров необходим был организованный труд большого количества людей, сплоченных ко всему прочему, идеологическим единством.

Население степной полосы Евразии в скифо-сакское или скифо-сарматское время находилось в «предгосударственном» состоянии, что связано с высокой концентрацией властных полномочий (отраженной в постройке грандиозных курганов) и в наличие реликтовых «демократических»

принципов общественной организации, то есть в наличии общего собрания свободных мужчин, выборности единых военных вождей при крупных военных предприятиях и многое другое.

В любом случае, эпоха раннего железного века для степей Евразийского материка – это яркий исторический период, связанный с многообразием исторического процесса всего материка, который нельзя рассматривать в отрыве от контекста мировой истории. Важнейшим условием исторической канвы периода раннего железного века является сложение этнических группировок, напрямую связанных с теми или иными археологическими комплексами и имеющих продолжение в современной этнической ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К.А.* К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 31-46.
- Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 246 с.
- Ахатов Г.А., Бисембаев А.А.* Характеристика природно-географических условий Западного Казахстана как экониши кочевого населения раннего железного века и средневековья // Казахское ханство в потоке истории: сб. науч. ст., посвящ. 550-летию образования Казахского ханства. Алматы: ИА КН МОН РК, 2015. С. 503-513.
- Бисембаев А.А.* Исследование археологических памятников кочевников скифо-сакской эпохи Западного Казахстана: некоторые итоги и перспективы // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. М-лы междунар. науч. конф. (13 декабря 2008 г., г. Астана) / Ответ ред. З. Самашев. Астана, 2008. С. 155-168.
- Бисембаев А.А., Ахатов Г.А.* Некоторые итоги изучения памятников ранних кочевников в Актыбинской области (1991-2021 гг.) // Этногенез. История. Культура. М-лы IV Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Р.М. Юсупова. Уфа. 2021. С. 76-93.
- Бисембаев А.А., Ахатов Г.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н.* Исследование памятников ранних кочевников Приаральско-Мугалжарского региона в 2015-2017 гг. // Маргулановские чтения-2018. Сб. м-лов Междунар. научно-практ. конференции 19–20 апреля 2018 г. (Актобе). Алматы; Актобе; 2018а. С. 28-41.
- Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю.* Новые памятники древних и средневековых кочевников казахстанского Приуралья // УАВ. 1998. Вып. 1. Уфа. С. 152-161.
- Бисембаев А.А., Жамбулатов К.А., Хаванский А.И., Ахатов Г.А., Жанузак Р.Ж.* Могильник Таскопа-V – памятник элиты кочевников раннего железного века Западного Казахстана // УАВ. 2021. № 21. С. 42-58.
- Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н., Бидагулов Н.Т.* Итоги работ Актыбинского областного центра истории, этнографии и археологии в полевом сезоне 2008 года // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана / Гл. ред. Г.Б. Избасарова. Уральск: Полиграфсервис, 2008. Вып. 2. С. 291-293.
- Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н.* Исследование памятников ранних кочевников Приаральско-Мугалжарского региона в 2006-2012 гг. (некоторые итоги и перспективы) // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (XX Уральское археологическое совещание) (25-29 октября 2016) / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: УдмГУ, 2016. С. 155-157.
- Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н., Бидагулов Н.Т., Мамиров Т.Б.* Работы Актыбинского областного центра истории, этнографии и археологии в 2006-2011 гг. // Археология Казахстана в эпоху Независимости: итоги, перспективы: м-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им.А.Х. Маргулана (12-15 декабря 2011 г., Алматы) / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Т. I. Алматы, 2011. С. 64–65.

- Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н., Баиров Н.М., Амелин В.А.* Новые памятники ранних кочевников Илекского локального микрорайона // Мир Большого Алтая. 2018б. № 4 (1). С. 102-123.
- Бисембаев А.А., Хаванский А.И.* Таскопа I – новый памятник элиты ранних кочевников // Волго-Уральский регион от древности до средневековья. М-лы VI Нижневолжской Междунар. археолог. науч. конф. / Отв. ред. А.С. Скрипкин Волгоград: ВолГУ, 2020. С. 101-107.
- Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Мамиров Т.Б.* Бассейн Илека как один из центров кочевых объединений сер. I тыс. до н.э. // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. научн. ст. IV Международного конгресса археологии евразийских степей. Кн. 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 102-106.
- Гуцалов С.Ю.* К проблеме генезиса культуры кочевников Южного Приуралья VII-II вв. до н.э. (методологический аспект) // Урал в прошлом и настоящем. М-лы науч. конф. (г. Екатеринбург, 24-25 февраля 1998 г.) Часть 1. Екатеринбург: Урал. отд-ние Рос. акад. наук, Ин-т истории и археологии, Урал. гуманит. ин-т, 1998. С. 52-54.
- Гуцалов С.Ю.* Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. Уральск: Полиграфсервис, 2004. 136 с.: ил.
- Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А.* 2002. Погребения прохоровской культуры южнее г. Орска // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана: сб. науч. ст. / Гл. ред. Сдыков М.Н. Уральск, 2002. Вып. 1. С. 65-86.
- Дуйсенгали М.Н., Бисембаев А.А., Мамедов А.М.* Новые памятники ранних кочевников Илекского локального микрорайона (предварительное сообщение) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. VII Всероссийская (с междунар. участием) науч. конф. (г. Челябинск, 27–28 ноября 2017 г.) / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск, 2017. С. 38-43.
- Родионов В.В., Гуцалов С.Ю.* Материалы погребений и случайных находок савромато-сарматского времени из фондов Актюбинского краеведческого музея // УАВ. 2000. Вып. 2. С. 129-144.
- Таиров А.Д.* Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998. Вып. 2. С. 87-96.
- Чибилев А.А.* Река Урал. Л.: Гидрометеоиздат, 1987. 168 с.

Я. А. ЛУКПАНОВА

Яна Амангелдиевна Лукпанова,
Западно-Казахстанский историко-краеведческий музей,
г. Уральск, Казахстан; lukpanovayana@gmail.com

Особенности погребальных конструкций сарматского времени (VI–IV вв. до н.э.): по материалам исследований 2012–2022 гг. в Западном Казахстане

Аннотация. В статье представлены результаты полевых исследований памятников раннего железного века (VI–IV вв. до н.э.), проводившихся в Западном Казахстане на протяжении последнего десятилетия (2012–2022). Проанализированы материалы таких комплексов, как Таксай-1, 3, Узынколь, Жайык-1, Урысай-2, где из общего числа (13) изученных объектов для исследования отобрано 6. В результате выявлены следующие виды бревенчатых конструкций: срубные с шатровым перекрытием, с плоским перекрытием над ямой, с надмогильной квадратной рамой без крыши, могилы с дромосом с бревенчатым перекрытием. Материалы исследованных памятников находят параллели в культуре саков Приаралья, скифов Северного Причерноморья, что свидетельствует о направлениях контактов ранних кочевников региона.

Ключевые слова: археология, Западный Казахстан, ранний железный век, Таксай-1, Таксай-3, Узынколь, Жайык-1, Урысай-2, курган, бревенчатые конструкции

Яна Амангелдіқызы Луқпанова,
Батыс Қазақстан тарихи-өлкетану музейі, Орал қ., Қазақстан

Сармат кезеңі жерлеу құрылыстарының ерекшеліктері (б.д.д. VI–IV ғғ.): 2012–2022 жж. Батыс Қазақстандағы зерттеу материалдары бойынша

Аннотация. Мақалада Батыс Қазақстанда соңғы онжылдықта (2012–2022 жж.) ерте темір дәуірінің (б.д.д. VI–IV ғғ.) ескерткіштерінде жүргізілген далалық зерттеу нәтижелері ұсынылған. Тақсай-1, 3, Ұзынкөл, Жайық-1, Өрісай-2 секілді кешендердің материалдары талданып, зерттелген жалпы (13) нысанның 6-ы зерттеу үшін іріктелді. Нәтижесінде бөрене құрылыстарының келесі түрлері анықталды: қима шатырлы жабындымен, шұңқырдың үстінде тегіс жабындымен, шатыры жоқ жерлеу орнындағы шаршы жақтау, бөренемен жабылған дромосы бар қабірлер. Зерттелген ескерткіштердің материалдары Арал өңірі сақтарының, Солтүстік Қара теңіз өңірі скифтерінің мәдениетінде ұқсастықтарды табады, аймақтың ерте көшпенділері байланысының бағыттары туралы куәландырады.

Түйін сөздер: археология, Батыс Қазақстан, ерте темір дәуірі, Тақсай-1, Тақсай-3, Ұзынкөл, Жайық-1, Ұрысай-2, оба, бөрене тәріздес құрылыстар

Yana Lukpanova,
West Kazakhstan Museum of Local History, Uralsk, Kazakhstan

Features of funerary structures of the Sarmatian period (6th–4th centuries BC): based on research materials 2012–2022 in Western Kazakhstan

Abstract. The article presents the results of field studies of monuments of the Early Iron Age (6th–4th centuries BC),

---

© 2022 Лукпанова Я.А.

*Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МОН РК 2022–2024, ИРН проекта AP14870513.

conducted in Western Kazakhstan over the last decade (2012–2022). The materials of such complexes as Taksai-1, 3, Uzynkol, Zhaiyk-1, Uryсай-2 were analyzed, where 6 out of the total number (13) of the studied objects were selected for research. As a result, the following types of log structures were identified: log cabins with a tent roof, with a flat floor over a pit, with a square frame without a roof, graves with a dromos with a log ceiling. The materials of the studied monuments find parallels in the culture of the Sakas of the Aral Sea region, the Scythians of the Northern Black Sea region, which indicates the directions of contacts of the early nomads of the region.

Keywords: archaeology, Western Kazakhstan, early Iron Age, Taksai-1, Taksai-3, Uzynkol, Zhaiyk-1, Uryсай-2, kurgan, log structures

В период с 2012 по 2022 гг. на территории Западного Казахстана, в бассейнах рек Урал, Илек, Барбастау, у подножия Свистун-горы были исследованы курганные комплексы VI–IV вв. до н.э. Таксай-1, курган № 6; Таксай-3, курганы № 2, 3; Жайык-1, курган № 1; Урысай-2, курган № 13; Узынколь-1, курган № 2 (рис. 1). Все они принадлежат представителям элиты кочевого общества (жрецы, воины). Характерным признаком, объединяющим все эти памятники, являются сложные бревенчатые конструкции. Еще в XIX в. М.П. Грязнов рассматривал курганы как остатки архитектурного сооружения, разрушенные или оплывшие в результате природно-климатических воздействий [Грязнов 1961: 22–25]. Эти сооружения – курганы - называют «степными пирамидами»,

величественно возвышающимися над ровным горизонтом бескрайней степи.

Таксай-1, курган № 6 расположен в 50 км от г. Уральск, близ п. Долинное (Теректинский р-н, ЗКО, РК). Курган высотой 1,0 м, диаметром 45,0 м. В центре кургана, под насыпью, на уровне погребенной почвы была выявлена центральная прямоугольная в плане яма, вокруг которой зафиксированы два кольцевых вала из желтой материковой глины и прокаленный до красного цвета вал – всего три вала (рис. 2). В центральной части кургана, на уровне погребенной почвы сохранились остатки обгоревшей надмогильной подпрямоугольной конструкции из бревен диаметром 8–10 см с шатровым перекрытием, шатер опирался на центральный столб, вкопанный в центре ямы. Яма была перекрыта двойным деревянным накатом из тополя, верхний слой наката покрывал всю яму, на нем у западной и южной стен ямы были обнаружены четыре комплекта конской узды состоящие из бронзовых удилов, псалиев, ворворок, пронизей, распределителей ремней (рис. 3), бревна были выложены по оси СЗ–ЮВ, правильными параллельными рядами. Столб в центральной части ямы возвышался над накатом. Между слоями перекрытия была обнаружена прослойка из мелких обгоревших веток и речного песка. Диаметр бревен перекрытия 15–20 см. Глубина ямы была зафиксирована на уровне -3,50 м, размеры ямы по дну – 5,70×5,40 м. Дно ямы было застелено мелкими ветками и травой.

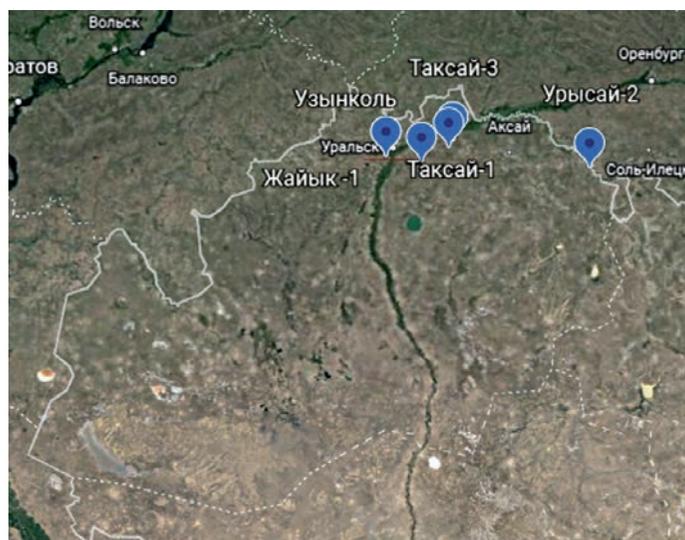

Рис. 1. Схема расположения памятников Таксай-1, 3, Жайык-1, Урысай-2, Узынколь-1. В основе снимок @Google

С четырех сторон подквадратной ямы – СВ, СЗ, ЮЗ, ЮВ выявлено огромное количество шлаков с примесью расплавленных предметов из бронзы и железа, следы мощных кострищ, остатки столбов, на которых, возможно, держался накат, при высокой температуре почва доведена была

до накала, что привело ее к шлакообразованию. Вместе с тем были расплавлены металлические изделия, находящиеся в погребении недалеко от углов ямы.

Внутреннее пространство могильной ямы также было выложено деревом, южная стена ямы – в виде полукруга в центральной части, от которой в разные стороны отходили в виде лучей тонкие деревянные плахи (рис. 4). Высота полукруга 1,10 м, ширина 2,10 м. Под полукругом южной стены были обнаружены фрагменты золотых нашивных бляшек, подвеска, фрагмент клыка в золотой оправе. С двух сторон полукруга по всей южной стене были выложены кости крупного животного. Не исключено, что оформление стены, местонахождение

костей и золотых изделий имели ритуальное значение. Западная стена также была декорирована тонкими плахами, направленными под наклоном к северной стене.

В яме выявлено одно погребение, предположительно женщины, головой ориентированной на запад, с некоторым отклонением на юго-запад. Вещевой комплекс был представлен золотыми нашивными бляшками в зверином стиле, украшениями, подвесками, коробом с ритуальными предметами, зеркалом в ореховом футляре, котлом, жаровней и пятью наборами конской узды.

Таксай-3 расположен в 5 км юго-восточнее пос. Долинное (Теректинский р-н, ЗКО, РК). Комплекс состоит из шести курганов [Лукпанова 2017]. В курганах № 2 и 3, раскопанных в полевом сезоне 2017 г., были выявлены погребения, как на уровне древнего горизонта, так и в грунтовой могиле с дромосом.

В кургане № 2 под насыпью обнаружен глиняный вал, прерывающийся с южной стороны, внутренняя поверхность вала покрыта корой дерева, а от самого вала к центру радиально уложены

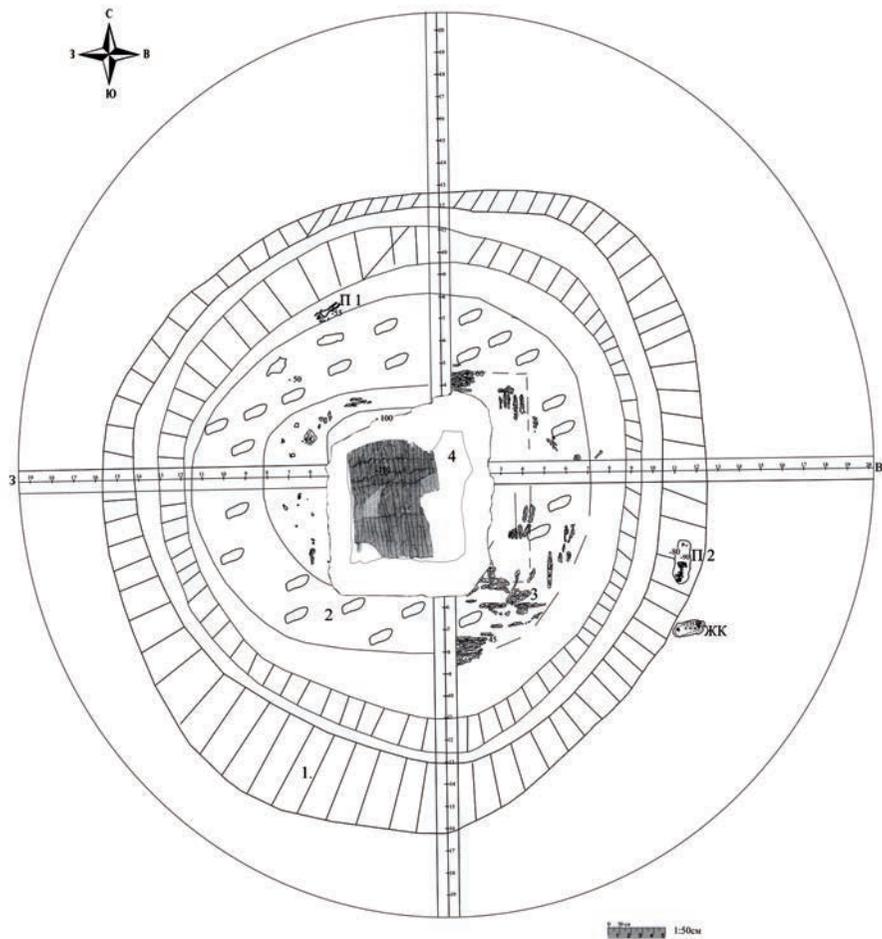

Рис. 2. Таксай-1. План кургана № 6

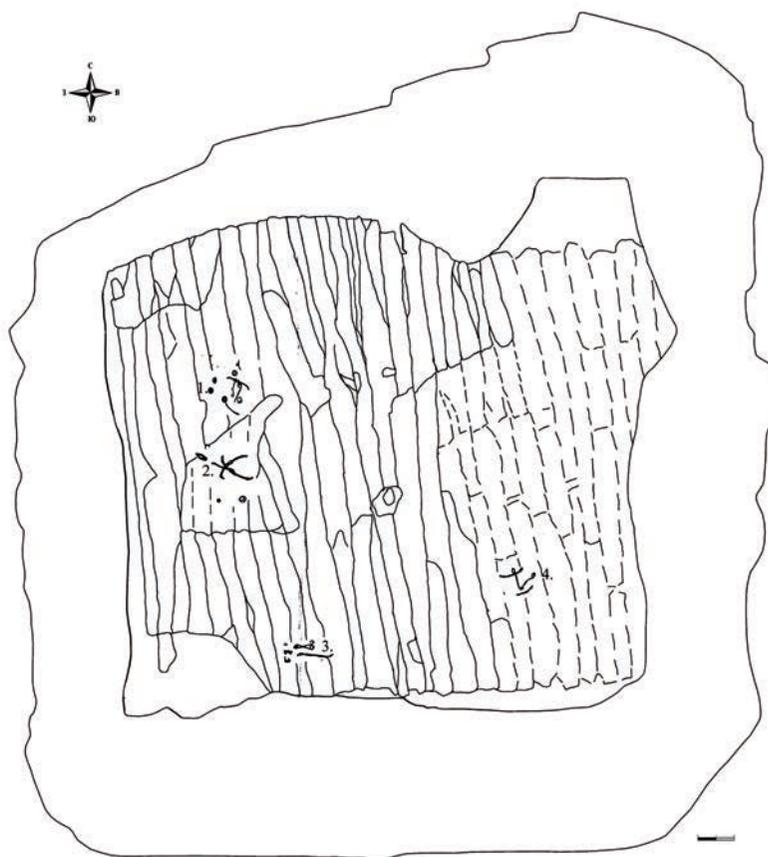

Рис. 3. Таксай-1, курган 6. Комплекты узды на бравенчатом перекрытии

деревянные доски, жерди, верх которых покрыт ветками и корой (рис. 5). В центре вала выявлена могильная камера прямоугольной формы, вытянутая длинными сторонами с запада на восток. К югу от нее отходил дромос, который соединялся со второй ямой округлой формы. Часть дромоса имела поперечное перекрытие из дерева (рис. 6).

Яму перекрывал бревенчатый накат. В яме, судя по элементам сопроводительного комплекса, представленного колчаном, акинаками, конской уздой, находилось погребение трех воинов,

покойшихся на органической подстилке. Головой они были ориентированы на запад.

Во второй яме выявлено погребение четырех коней, ориентированных головой на север, два коня находились у входа в яму, кости двух коней, расположенных у северной стенки, потревожены грабителями.

Курган № 3 имел диаметр 45,0 м, высота его 1,5 м. Под насыпью кургана выявлена конструкция, состоящая из радиально уложенных бревен диаметром 10-12 см, верх которых покрыт ветками и корой. Возможно, это была некогда шатровая конструкция, которая, также как и в кургане № 2, рухнула в результате сожжения. Сооружение сгорело, земля прокалилась на глубину до 1 м.

В кургане № 3 выявлено коллективное захоронение из трех человек на уровне древнего горизонта, головой они были ориентированы на юго-восток. Два скелета были погребены вместе, предположительно они принадлежали мужчине и молодой женщине, возможно подростку. Вещевой материал был представлен гривной и умбоном из желтого металла, акинаком, бронзовыми наконечниками стрел, гривной из кости, сосудами, бусинами. У изголовья погребенных обнаружены две взнузданные лошади, ориентированные головой на север, их кости также обгорели.

Жайык-1 расположен в 13,0 км юго-западнее г. Уральск, в 3,94 км северо-западнее пос. Крулоозерное, при въезде на территорию городища Жайык, севернее некрополя городища. Состоит

Рис. 4. Таксай-1. Южная стена ямы кургана № 6

из четырех курганных насыпей [Лукпанова 2020; 2021a]. Курган № 1 является одним из больших курганов комплекса. Диаметр его 42,0 м, высота 1,8 м, курган пережил два этапа строительства: период раннего сооружения кургана, который относится к V–IV вв. до н.э., позже курган неоднократно досыпался и дополнялся более поздними впускными захоронениями. Под насыпью выявлена сожженная бревенчатая конструкция, сооруженная над центральной ямой, и кольцевой вал из грунтовых блоков, на них опирались бревна, уложенные по направлению С–Ю. По краю первоначальной насыпи кургана выявлен кольцевой ров со входом с южной стороны. Ширина рва неодинаковая, она варьировалась от 0,50 м до 1,5 м. Глубина рва доходила до 2,5 м (рис.7).

Рис. 5. Таксай-3. Конструкция кургана № 2

Рис. 6. Таксай-3. Центральное погребение с дромосом, соединяющим с погребением четырех коней

Всего в кургане было выявлено 14 погребений. Все погребения по составу инвентаря в погребальных ямах, расположению скелетов относятся предположительно к раннесарматскому и среднесарматскому периодам, исключением является погребение, выполненное в центральной яме и позже ограбленное, кости человека встречаются на всех уровнях ямы 1, фрагменты черепа были выявлены в насыпи кургана.

Урысай-2 расположен в 3,5 км к северо-западу от пос. Жанакөш и в 4,0 км к юго-востоку от пос. Урысай на второй надпойменной террасе в нижнем течении р. Илек (Шыңгырлауский р-н, ЗКО, РК) [Лукпанова 2021; 2022]. Могильник состоял из 14 курганов, вытянутых цепочкой по оси З–В (рис. 8). Археологические раскопки были проведены на аварийных курганах № 5, 13, 14.

Курган № 13 расположен в западной части могильника, западная и восточная периферия кургана были распаханы. Диаметр кургана – 26,0 м, высота кургана – 1,0 м. Под насыпью зафиксирована конструкция из бревен, выложенных по направлению С–Ю, конструкция опиралась на небольшие валы из грунтовых блоков, расположенных вокруг могил. Диаметр бревен составлял от 0,15 до 0,30 м. В кургане обнаружено четыре ямы (рис. 9): три в центральной части и одна в периферийной, восточной части кургана. Могильное пятно ямы 1 размерами 3,85×4,45 м имело четкие очертания на уровне материка. Яма была перекрыта двойным бревенчатым накатом по оси С–Ю с некоторым отклонением на СЗ. Перекрытие западной части ямы было нарушено в древности, погребение ограблено. Дно ямы зафиксировано на уровне -1,32 м от материка. В яме найден фрагмент оселка, других предметов не обнаружено. Яма 1 была соединена с ямой 2, расположенной юго-восточнее, небольшим углублением-рвом, выполненным на уровне материка глубиной 0,55 м, длина его 1,50 м,

глубина 1,30 м. Верхняя часть ровика перекрыта деревом, заполнение – темно-серый гумус. При соединении ровика с ямой 2 с западной стороны обнаружен разбитый лепной горшок.

Погребение 2 было совершено в могильной яме подовальной формы, вытянутой длинными сторонами по оси СВ–ЮЗ. Яма была перекрыта бревенчатым накатом, накрытым корой и ориентированным по оси С–Ю с некоторым отклонением. Размеры ямы 3,80×3,10 м. Под тяжестью грунта перекрытие прогнулось. С северной и южной стороны выявлены два уступа, на которых держалось перекрытие, ширина уступов 0,2 м. В придонной части могильной ямы зафиксировано два скелета, судя по наличию сопутствующих вещей, предположительно, принадлежащих мужчине и женщине, головой ориентированных на ЮЗ. Скелет 1 принадлежит мужчине-воину, при нем были найдены

акинак, колчан со стрелами. Скелет 2 принадлежал женщине, выполнявшей жреческие функции. На женщине обнаружены украшения, набор инструментов, завернутый в ткань со следами краски красного цвета (охра). У изголовья погребенной был обнаружен круглый каменный жертвенник с выступающим валиком на трех ножках в виде оскаленной морды хищника – волка (?). На фризе нанесены изо-

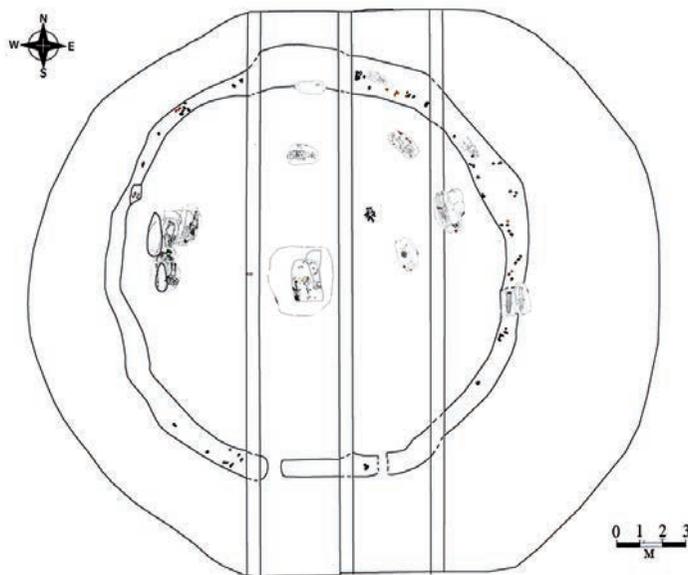

Рис. 7. Жайык 1. Общий вид кургана № 1

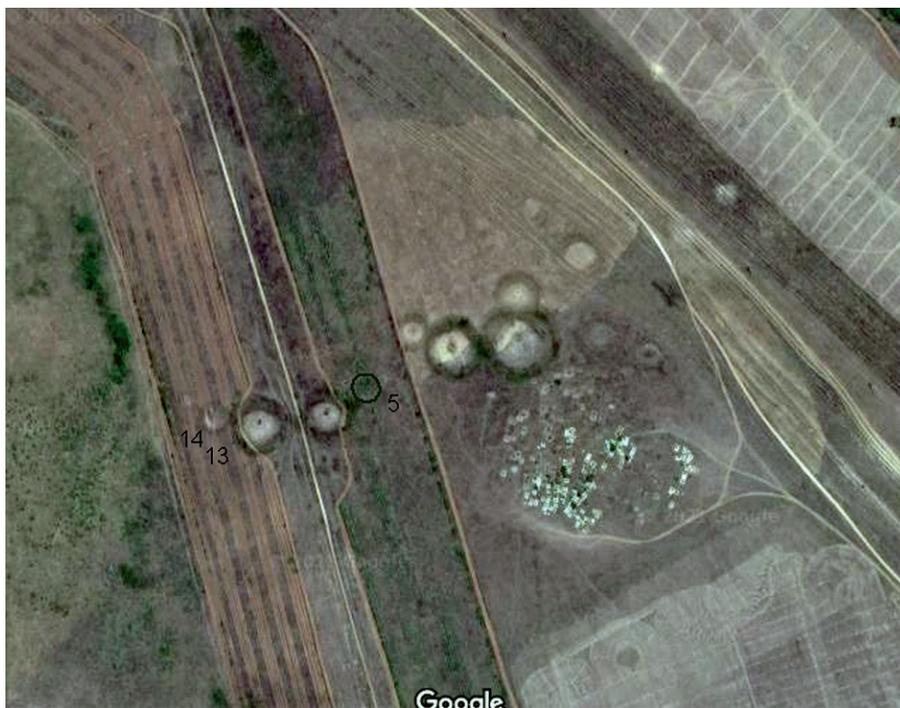

Рис. 8. Урысай-2. ©Google

бражения полукольца и трех сайгаков. Рядом с жертвенником была найдена шкатулка с крышкой, изделие выполнено из четырех цельных деревянных пластин, крышка - из тонких деревянных пластинок, соединенных между собой и покрытых лаком. Высота – 4,5 см, длина – 30,0 см, ширина 27,0 см. Высота шкатулки 14,0 см. В шкатулке были найдены камни (галечник?), бронзовое зеркало с ручкой, миниатюрный медный сосудик.

Погребение 3 было совершено в яме, расположенной восточнее центральной ямы и соединенной с ней с юго-восточной стороны, на поверхности были обнаружены фрагменты грунтовых блоков. После расчистки данного пятна были выявлены две камеры. В одной из них под восточной бровкой была зафиксирована могильная яма подовальной формы, вытянутая длинными сторонами по оси СВ–ЮЗ, размерами 2,30×1,20 м. Стенки ямы прямые. В яме обнаружено

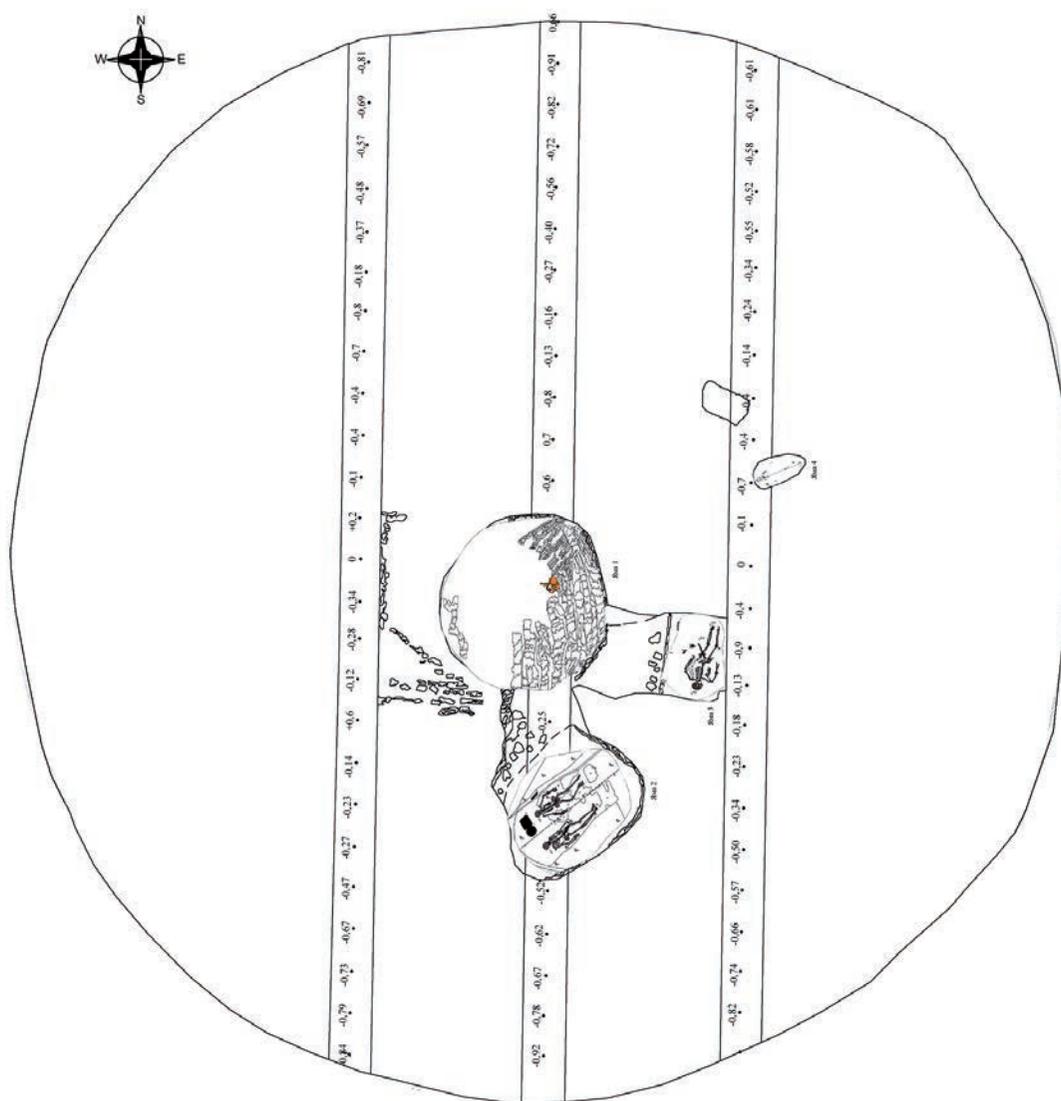

Рис. 9. Урысай-2, курган № 13. План

погребение воина. Вещевой материал представлен набором из бронзовых наконечников стрел с сохранившимися древками, акинаком, ножом.

Погребение 4, вероятно, впускное, выявлено в северо-восточной части кургана, в яме подовальной формы, длинными сторонами ориентированной на юго-запад. Стенки ямы прямые. Размеры камеры 1,40×0,70 м; по дну – 1,35×0,65 м. Погребение, предположительно, девочки-подростка, ориентированной головой на ЮЗ (кости сильно потревожены грызунами). Сохранился череп, позвонки, несколько ребер верхней части грудной клетки, остальные кости отсутствуют. На шее обнаружена бронзовая гривна в 1,5 оборота с заходящими концами, полая, диаметром 10×11 см. Диаметр трубки гривны – 0,7 см. С правой стороны погребенной в области плеча под юго-восточной стенкой ближе к южному углу выявлен лепной горшок с боковой ручкой. В юго-восточной части могильной ямы зафиксированы фрагменты дерева, вероятно, от перекрытия.

Узынколь расположен в 7 км севернее пос. Узынколь (Теректинский р-н, ЗКО, РК). Могильник вытянут по оси С–Ю и состоит из 10 курганов. Курган № 2 аварийный, поверхность его распахана, диаметр 22,0 м, высота кургана 0,8 м, с кольцевым рвом. Под насыпью кургана была зафиксирована бревенчатая конструкция, подверженная влиянию огня. Конструкция представляла собой подквадратную оградку-раму, выложенную по периметру центральной ямы. С восточной стороны к яме примыкал дромос, вдоль стен которого так же были выложены бревна (рис. 10). Поверхность дромоса и ямы перекрыты двойным накатом. Яма длинными сторонами вытянута по оси С–Ю. Длина ямы по дну 3,95×3,38 м. На дне ямы было выявлено погребение двух воинов VI в. до н.э., о чем свидетельствует наличие колчанов с двухгранными наконечниками

Рис. 10. Узынколь, курган № 2. Конструкция в виде оградки-рамы

стрел, конская узда, выполненная в зверином стиле и датируемая в пределах VI в. до н.э., а также конструкция кургана.

Все описанные памятники датируются в рамках 2-й пол. VI – 1-й пол. IV в. до н.э., о чем свидетельствует погребальный обряд и характер сопровождающих вещей в погребениях. При этом устройство и конструкция, количество и состав вещей отражали социальное деление, подчеркивая статус человека погребенного в подобных могилах [Мышкин 2013: 274, табл. 1].

Для рассмотренных погребений характерны конструкции из дерева, сырцовых блоков, с грунтовыми прямоугольными или квадратными могильными ямами [Гуцалов 2004: 94–95; Кушаев 1993: 64; Смирнов 1964: 61], а также захоронениями на древнем горизонте. Подкурганые сооружения не одинаковые, по структуре подразделяются на срубные с шатровым перекрытием (Таксай-1, к. 6), с плоским перекрытием над ямой (Узынколь, к. 2; Жайык-1, к. 2), с надмогильной квадратной рамой без крыши (Узынколь, к. 2), могилы с дромосом с бревенчатым перекрытием (Узынколь, к. 2; Таксай-3, к. 2). Одним из сложных видов сооружения является конструкция кургана № 6 (Таксай-1), здесь мы можем проследить все вышеперечисленные архитектурные элементы в одном кургане. Мы считаем, что само сооружение кургана № 6 – это не что иное, как имитация колесницы – квадриги. Во всех остальных памятниках в западной периферии курганов, на уровне древнего горизонта были найдены кости лошади и узды.

При сооружении всех рассмотренных курганов, широко использовались пойменные леса близлежащих рек (Урал, Илек, Барабастау). Видовой состав дерева памятников Приуралья представлен тополем, березой [Гуцалов 2007: 86], в Поволжских памятниках встречается дуб [Смирнов 1964: 86]. Для прослоек между накатами, венцами оград использовали кору и луб, а хворост, ветки, трава шли на покрытие крыш, дополнительным строительным материалом в этих памятниках использовался грунтовый блок. Нельзя не согласиться с предположением К.Ф. Смирнова о подражании в строительстве погребальных камер формам их жилищ [Смирнов 1975: 160], что подтверждают срубообразные деревянные конструкции на могильниках Таксай-1, 3, Узынколь.

Применение огня, как обязательный ритуал в погребальном обряде, присутствует во всех перечисленных памятниках, при этом конструкции сжигали после совершения погребальных ритуалов, так как все кости не подвергались влиянию огня [Гуцалов 2007: 89]. В рядовых захоронениях огонь, например, не использовался. Курганые комплексы, совершенные с применением огня и со сложными внутри- и надмогильными конструкциями – это усыпальницы, принадлежащие военной аристократии - жречеству и племенным вождям кочевников раннего железного века, населявшим территорию Западного Казахстана.

Для рассмотренных курганов характерны черты погребальной архитектуры и традиции ранних саков Приаралья и скифов Причерноморья. Наземные деревянные постройки, богатые захоронения, сопровождаемые трупосожжением, это обряд, сопутствующий процессу захоронения наиболее почитаемых лиц у ранних саков Приаралья [Смирнов 1964: 88, 89]. Близкими к приаральским курганам можно назвать наиболее распространенный вид погребального обряда в больших курганах - захоронения на древнем горизонте (Таксай-3, курган № 3), ямы с дромосом, сложные по конструкции деревянные постройки [Кадырбаев 1984: 85]. Здесь встречаются трупоположение, ингумация. Был распространен культ огня.

Скифские параллели отражаются в погребальном обряде, в наличии колчаных наборов и конской узды. По мнению С.Ю. Гуцалова связь ранних кочевников со Скифией ярко выражена в южной ориентировке погребенных, захоронении взнузданных коней, обилии заупокойной пищи в погребениях [Гуцалов 2004: 115].

Таким образом, все эти памятники расположены на одной линии и в непосредственной близости друг от друга, что косвенно подтверждает предположение о том, что это единый комплекс, который возможно назвать «Долиной царей». На протяжении всего исследуемого периода (VI–IV вв. до н.э.) они функционировали для выполнения погребений представителей элиты древнего общества. По анализу инвентаря, конструкциям курганов, обряду и характерным признакам можно высказать мнение о том, что могильники принадлежали родственным племенам, оставивших свои захоронения в курганных комплексах Южного Приуралья.

ЛИТЕРАТУРА

- Грязнов М.П. Курган как архитектурный памятник // Тез. докл. на заседаниях отделения исторических наук АН СССР, посвящ. итогам полевых исследований в 1960 г. М.: ИА АН ССР, 1961. С. 22-25.
- Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: ЗКО ЦиА, 2004. 136 с.
- Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2 (30). С. 75-92.
- Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 84-93.
- Кушаев Г.А. Этюды древней истории Степного Приуралья. Уральск: Диалог, 1993. 171 с.
- Лукпанова Я.А. Раннесакские памятники Южного Приаралья // Казахстан в сакскую эпоху. Коллективная монография / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. С. 179-190.
- Лукпанова Я. Женские погребения из кургана № 1 могильника Жайык-1 в Западном Казахстане // Теория и практика археологических исследований. 2020. Т. 30, No 2. С. 111-127. DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-08.
- Лукпанова Я.А. Иерархия общества раннего железного века Западного Казахстана по материалам комплекса Жайык (VI–IV вв. до н.э.) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2021а. № 4 (14). С. 9-26. DOI: 10.52967/akz2021.4.14.9.26
- Лукпанова Я.А. Воинские захоронения из курганного комплекса Урысай-2 (предварительное сообщение по итогам раскопок 2021 г.) // Маргулановские чтения–2021: м-лы науч.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.). В 3-х т. / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Б.А. Байтанаев, Т.Б. Мамиров. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021б. Т. 2. С. 37-44.
- Лукпанова Я.А. Исследования курганного комплекса Урысай-2 // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2022. № 2 (16) С. 74-93. DOI: 10.52967/akz2022.2.16.74.93
- Мышкин В.Н. Некоторые характеристики связей погребальной обрядности и социальной структуры кочевников Самаро-Уральского региона в скифское время // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. № 5-1. С. 269-277.
- Смирнов К.Ф. Савроматы: ранняя история и культура сармат. М.: Наука, 1964. 380 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.

J. Bendezu-Sarmiento

Julio Bendezu-Sarmiento,
CNRS-MNHN, UMR 7206 Eco-Anthropologie.
Anthropologie biologique et Bio-archéologie (ABBA),
Musée de l'Homme, Paris, France;
julio.bendezu-sarmiento@mnhn.fr

The first nomads in Central Asia's steppes (Kazakhstan): Territory, power and religion

Abstract. The large territory of the Central Asian steppes, extending from the Caspian Sea to China, has witnessed, as from the 2nd millennium BC during the Bronze Age (Andronovo and Begazy-Dandybay cultures) and then the Iron Age (Saka culture), the coexistence of various modes of economic exploitation: sedentary agriculture, semi-nomadism and pastoral transhumant nomadism, the latter completely established around the Early Iron Age. These cultures developed specific mortuary practices, centred on an important social hierarchy that one can perceive through the study of vast necropolises. In the absence of cities, funerary space played a fundamental part in the management of territorial space, and therefore in the economy.

Keywords: Central Asia, Kazakhstan, Bronze Age, Iron Age, Andronovo, Begazy-Dandybay, Saka, nomadism, territory, religion

Джулио Бендезу-Сармиенто,
CNRS-MNHN, UMR 7206 Экоантропология.
Биологиялық антропология және биоархеология (ABBA),
Адам музейі, Париж, Франция

Орталық Азия даласындағы алғашқы көшпенділер (Қазақстан): территория, билік және дін

Аннотация. Каспий теңізінен Қытайға дейін созылып жатқан орталықазия даласының ауқымды аумағы б.д.д. II мыңж. бастап, қола дәуірінде (Андронов және Беғазы-Дәндібай мәдениеті), одан кейін темір дәуірінде (сақ мәдениеті), шаруашылық қызметтің әр түрлерінің – отырықшы егіншілік, жартылай көшпенділік және шамамен ерте темір дәуірінде толықтай орныққан отарлық-жайылымдық өмір салттарының қатар өмір сүруінің куәсі болды. Бұл мәдениеттерде сансыз қорымдарды зерттеу арқылы түсінуге болатын маңызды әлеуметтік иерархияға бағытталған ерекше жерлеу рәсімдері қалыптасты. Қалалар пайда болғанға дейін жерлеу орындары бар аумақтар территорияларды басқаруда, демек экономикада да іргелі рөл атқарған.

Түйін сөздер: Орталық Азия, Қазақстан, қола дәуірі, темір дәуірі, Андронов, Беғазы-Дәндібай, сақтар, көшпенділік, территория, дін

Джулио Бендезу-Сармиенто,
CNRS-MNHN, UMR 7206 Экоантропология.
Биологическая антропология и биоархеология (ABBA),
Музей человека, Париж, Франция

Первые кочевники в степях Центральной Азии (Казakhstan): территория, власть и религия

Аннотация. Обширная территория центральноазиатских степей, простирающаяся от Каспийского моря до Китая, начиная со II тыс. до н.э., в эпоху бронзы (Андроновская и Бегазы-Дандыбаевская культуры), а затем

железного века (сакская культура), была свидетелем, сосуществования различных видов хозяйственной деятельности: оседлого земледелия, полукочевого и отгонно-пастбищного образа жизни, последний полностью утвердился примерно в раннем железном веке. В этих культурах сложился особый погребальный обряд, сосредоточенный на важности социальной иерархии, которую можно понять, изучая бесчисленные некрополи. До появления городов пространство с погребениями играло фундаментальную роль в управлении территориями, а следовательно, и в экономике.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, бронзовый век, железный век, Андроново, Бегазы-Дандыбай, Саки, кочевничество, территория, религия

Steppe Central Asia, which today includes part of Southern Siberia, Kyrgyzstan and especially Kazakhstan, is a privileged terrain for the study of sedentary and nomadic populations from the 3rd to the 1st millennium BC. In parallel, a powerful sedentary and agrarian civilisation, the Oxus Civilisation, developed from the 3rd millennium BC onwards in the southern part of Central Asia (Uzbekistan, Turkmenistan, Tajikistan, northern Afghanistan and north-eastern Iran). Throughout their respective histories, these two cultural groups have always been in direct or indirect contact and in long-distance — peaceful or sometimes conflicting — relationships [Bendezu-Sarmiento 2013].

Kazakhstan, due to its geographical location within this Central Asia, appears a privileged economic and social transition zone, witness of a complex diachronic and cultural history. It saw the appearance and coexistence of a sedentary, semi-nomadic and then nomadic transhumance ways of life between the populations of the Bronze and Iron Ages (2nd – 1st millennia BC), a kind of counter-intuitive human historical transition by its non-linearity in the evolution of so-called classical societies. These historical-archaeological and ethnological features have strongly influenced studies of ancient populations in this part of the world. Indeed, the discovery, study and understanding of the various mechanisms involved in the appearance, constitution, and development of a polymorphic nomadism, around the first millennium BC, is not new. Several ancient texts from Greece (Herodotus, Strabo, Ctesias), Persia (the Achaemenid inscriptions which list the peoples subjected to Darius I, 522-486 BC) or China (Hanshu, Shiji). The most widely used is the text of Herodotus, the great Greek traveller and historian (c. 484-420 BC), who was led during its investigation on the Median Wars to focus on a whole series of peoples in contact with both the Persians and Hellenes. Book IV contains a description of “Scythia and the Scythians”. The stories surrounding these peoples, both real and fantastic, have survived through time and given rise to legends, such as the Amazons. More recently, descriptions of nomads in historical periods have been fuelled by the writings of travellers, writers, ethnographers, military historians and other 19th century military and tsarist officers.

Central Asia is thus one of the few regions in the world where, for this period, the overall assessment depends on great polemics between researchers about economic-cultural notions, such as pastoral mounted nomadism and irrigated agriculture. To simplify, we have moved from a tendency to classify the nomad as a ‘failed’ farmer, and nomadism as a primitive stage of economy that preceded agriculture, to a nomad who — from an economic and social point of view — was able to conceive of a Steppe Civilisation that would develop into the historical periods. Thus, the discussions tend to evolve at the pace of the various discoveries and works among several disciplines and schools of thought, notably Marxist. As a result, the overall view of Central Asian history has changed profoundly in the last seven decades, with an abundant source of unambiguous data that partially confirms the information in ancient texts about the ways of life of these populations. As a result, some hypotheses have become, for lack of contradictory arguments, truths that are now well accepted by all researchers working on the region, particularly with regard to the genesis and development of mounted pastoral nomadism.

For us, and within the framework of well-established studies by Soviet researchers, nomadism as a socio-economic system in Central Asia is characterised by its main mode of production, which is based on livestock rearing. The latter implies first of all a specific environment, on the whole rather unsuitable for agriculture, and then some mobility to ensure the feeding of the herds throughout the annual cycle [Khazanov 1994].

For lack of having found a significant number of the villages of the ancient steppe populations, the archaeology of Kazakhstan is mainly funerary, as thousands of tombs have been discovered and excavated for over a century [Bendezu-Sarmiento et al. 2007; Bendezu-Sarmiento 2014]. Funerary archaeology has always motivated researchers, not only because burials are richer than settlements, but also because mortuary practices largely lend themselves to social investigation by postulating that the grave and the necropolis are the result of intentional acts whose function, in a broad sense of the term, is to “signify”, at least among the protagonist societies. Archaeological and anthropological material from Kazakhstan is no exception to this rule [Bendezu-Sarmiento 2016], especially in the context of studying a semi-nomadic and nomadic people. Funerary archaeology has been the subject of extensive studies that are still poorly understood. Mortuary practices evolved in a trans-generational manner, particularly marked by the appearance of a social hierarchy, semi-nomadism, and then nomadism, which eventually became established and imposed. Without towns, these populations will anchor themselves in the landscape, in order to mark their territories, thanks to landmarks such as the perennial and visible funerary architecture. These constructions, accompanied by an associated funerary urbanism, will largely be the only mirror of the social lifestyle of the living [Bendezu-Sarmiento 2011].

In this socio-economic context, in more detail, the chronology discussed in this paper encompasses the Late Bronze Age and Early Iron Age (late 2nd and early 1st millennium BC). At the beginning of the 2nd millennium BC, the Andronovo culture [Kuz'mina 1994a; 2007] developed over a very large territorial area stretching from the Urals in the west to the Yenisei in the north-east (nearly three thousand kilometres) and to China in the south-east [Chen & Hiebert 1995; Jianju & Shell 1999], as well as from the region of the present-day city of Omsk in the north to the Aral Sea in the south. Throughout this territory there is a certain homogeneity in material culture with noticeable local differences. The archaeological data show that a large majority of the population led a sedentary life in villages that were usually located at the ends of non-flooding terraces [Margulan et al. 1966]. These populations practised a mixed agro-pastoral economy that employed the horse as a draught animal with mainly cereal crops and the domestication of cattle, camelids, goats and horses.

During the first stage of the Andronovo culture (Early Bronze Age to the end of the 3rd millennium BC), the livestock (mainly cattle) was small and natural fodder was not difficult to find in the pastures near the settlements. In the next period, the Middle Bronze Age between the 18th and 15th centuries BC, the livestock appears to have increased and now consists of sheep, horses and camels, which are better able to find their own food [Akishev K.A. 1990]. The oldest bone bit bars have been found at sites from this period, which indicate the appearance of bridles for horses and thus the beginning of the use of the mounted horse, which had a considerable influence on the development of the economy and socio-cultural relations (e. g. intensification and complexity of inter-individual and inter-group relations over long distances). This gave people the opportunity to include in the sphere of their activities, especially economic activities, land that was larger and further away than the land usually used in the vicinity of their settlements. The development of new land and the increase of livestock depended on each other.

During the first half of the 2nd millennium, the economy of these populations was based on a combination of sedentary pastoral breeding and rudimentary agriculture (use of stone hoes and bronze sickles). In the later periods, the economy was characterised by a transition to livestock breeding, firstly in

sedentary pastures (Final Bronze Age, 16th–15th centuries BC), and then in nomadic pastures (transitional period Bronze Age-Iron Age, 14th century BC). Animal husbandry (cattle, horses, goats) undoubtedly provided the population with basic necessities (meat, milk), not forgetting the wool or furs used to make clothes. This period of the Bronze Age will develop on the economic basis of these three components: agriculture, animal husbandry and metallurgy [Margulan et al. 1966].

The Begazy-Dandybay culture [Margulan 1998] marks the transition to the Early Iron Age between the 13th and 10th centuries BCE [Beisenov, Varfolomeev et al. 2014], a period characterised by a transition to mounted pastoral nomadism, a mixture of a sedentary agro-pastoral lifestyle and a semi-nomadic transhumance lifestyle [Gryaznov 1969: 99].

Part of the steppes and mountains lived on the rhythm of nomadic and semi-nomadic livestock breeding, which then formed the basis of the economy. In the mountainous areas of the Altai and Tianshan, the natural moisture of the foothills and mountains, adapted to the climate, allowed alternating between pasture-based livestock breeding and agriculture without artificial irrigation [Miller et al. 2016], thus constituting a semi-sedentary lifestyle. Soviet researchers assume, even if the palaeo-demography does not tend to prove it, that the number of inhabitants increased sharply, leading in the medium term to a “population explosion” [Margulan et al. 1966; Kuz'mina 2007]. It would have been accompanied by a considerable increase in herds, as shown by archaeozoological studies, as a result of the development of productive forces and this new form of migratory economy [Akhinzhanov et al. 1992]. This phenomenon would have led the populations to seek new grazing areas; this ‘gradual’ expansion transformed over time into continuous migration [Kuz'mina 1994b], creating a particularly shifting world with the practice of ‘horizontal’ nomadism (in search of watering sources) and ‘vertical’ nomadism (towards the high-altitude valleys in search of summer pastures). The management and configuration of the territory in these new conditions were to generate new sources of conflict [Bendezu-Sarmiento 2013].

The evolution towards this type of economy, at the end of the Bronze Age, finds a beginning of answer in the study of the climate which would seem, in the territory of Central Asia, to have undergone, since remote periods, a drying up which led to the reduction of the level of the mountain lakes and a drying up of the small rivers in the zone of the steppes. It resulted in the migration of human populations over long distances, according to some Soviet researchers, from central and eastern Kazakhstan to the Semirech'ye where the proximity of the mountains ensured a stable environment during this period of change, leading in particular to an economic management preferring livestock breeding to agriculture.

The Iron Age began at the beginning of the 1st millennium BC with the appearance of the Saka culture and several socio-economic innovations, the most important of which was undoubtedly the definitive integration of mounted pastoral nomadism into local lifestyles. These factors must have involved, among other things, a good methodical knowledge of livestock management, in which the successful dissemination of the wheeled vehicle and, later, the development of horse-riding transport played an essential and complementary role. In this context of nomadic life, the saddle horse, as a means of travel, played a prominent role. Its use led to the creation and improvement of harnesses.

The territory associated with the Saka culture extended from central Kazakhstan to northern China (Xinjiang) and into Mongolia. Thanks to data from archaeological material, especially ceramics, burial structures, rites, anthropological characteristics, as well as genetics [among others, Hollard et al. 2014], the filiation is firmly established between, on the one hand, the sedentary (Andronovo) and then semi-nomadic farmer-breeder cultures of the Bronze Age (Begazy-Dandybay culture) and, on the other hand, those of the Iron Age nomads [Margulan et al. 1966; Bokovenko&Samashev 2012]. This nomadism seems to emerge somewhere in the Eurasian steppe and to spread by a presumably “chain” reaction throughout its territory. The tribes of the Altai, Tianshan and Pamir practised a “vertical nomadism’ of seasonal

transhumance. Over long distances, in summer, they followed the highland pastures, and in winter, the lowland pastures. This type of economy was complemented by the resources exploited in the framework of a semi-nomadic life (e. g. hunting, gathering), or even sedentary life for part of the population (e. g. dry cereal farming) as seemed to be the case in some regions of Kazakhstan in the 5th century BC [Chang & Tourtellote 1998; Chang 2012]. Research on this topic, especially on early 1st millennium BCE populations, remains scarce as discoveries are quite recent in steppe Central Asia [Milleret et al. 2016; Spengler et al. 2017]. Nevertheless, ethnographic documentation from the last three centuries illustrates that herders in this region practiced seasonal transhumance, moving up valleys to high altitude pastures in summer and to lower altitudes during harsh winters [Frachetti 2008].

In Kazakhstan, during the Iron Age, nomadic and semi-nomadic herding became the predominant form of socio-political structure and economic subsistence of dispersed societal groups, governed by a social hierarchy whose basic unit would be the autonomous, nuclear family, with its private livestock [Bendezu-Sarmiento et al. 2013]. From the first millennium BC, different forms of social structures based on the appearance of a very powerful ‘chief’ appeared. It was this chief who distributed grazing land to the various tribes or who guided the troops during armed conflicts. He thus appeared to be the guarantor of the preservation of a balance between the natural resources immediately available (water, fodder) and the number of heads of cattle. Above all, it was under his aegis that various collective works would be organised, such as the construction of the large kurgans, their funerary monuments [Bendezu-Sarmiento 2011]. In a vast territory, the presence of the tomb of a ‘chief’ as the centre of power, his eternal residence, will mark the place through which exchanges pass, as a point of reference for social relations.

Alive, it is the mobile centre of power; dead, it becomes the eternal reference point, a fixed and immobile point that allows the nomadic space to be constituted as a territory by reference to a power.

The cultural cohesion between the different groups had to be ostensibly displayed, where it was most threatened, notably by conflicts. The privileged position or wealth of a grave within a necropolis was not simply a reflection of the social position of the deceased, but also a social mirror of the intentions and wishes of the survivors. The latter will continue to place their princely or common dead around the main kurgans, in order to highlight their own image and their own place within a territory. Thus, the gatherings of funerary structures, their sizes, their alignments, the structures for offerings, but also the positions and orientations of the buried, are all socio-cultural clues that describe, through death and mortuary practices, the “particularities” of a living nomadic society.

During the Iron Age, the presence of sacrificed horses in nomadic graves may indicate that this animal and its image are in a way related to Vedic equine sacrifices and the symbolic image of fire and sun through the associated gold objects found. Thus, for some authors, the sacrifice of the horse renews the cosmic order [Akishev A.K. 1984; Jacobson 1989]. In addition to the remains of 300 horses identified in the kurgan of Arzhan —which must have come from a funeral feast, and 160 of which had been laid down whole and harnessed— this hypothesis finds support in ancient texts, such as that of Herodotus, who tells us of the Massagetans that “<...> among the gods, they worship only the sun, to which they offer horses in sacrifice. The meaning of this sacrifice is that they consecrate the fastest animal to the fastest of all gods” (Herodotus, I: 216). The main archaeological example is again the kurgan of Arzhan [Gryaznov 1984] which, under the stones with its radiating log cages, irresistibly evokes the sun [Bokovienko 1994].

REFERENCES

- Akhinzhanov S.M., Makarova L.M., Nurumov T.N.K istorii skotovodstva i okhoty vKazakhstane. Alma-Ata: IIAE AN KazSSR, 1992. 220 p.
- Akishev A.K. Iskusstvo I mifologija Sakov. Alma-Ata: Izdatel'stvo “Nauka” Kazakhskoj SSR, 1984. 176 p.

- Akischev K.A. Les nomades à cheval du Kazakhstan l'Antiquité // Nomades et sédentaires en Asie Centrale. Apports de l'archéologie et de l'ethnologie. Actes du colloque franco-soviétique d'Alma-Ata (Kazakhstan), 17–26 octobre 1987 / Ed. by Francfort H.-P. Paris: Editions du CNRS, 1990. P. 15-18.
- Beisenov A.Z., Varfolomeev V.V., Kasenalin A.E. Pamjatniki Begazy-Dandybaevskoy kul'tury Tsentral'nogo Kazakhstana. Almaty: Institut Arkheologii, 2014. 191 p.
- Bendezu-Sarmiento J., Ismagulova A., Bajpakov K., Samashev Z. De l'âge du Bronze à l'âge du Fer au Kazakhstan, gestes funéraires et paramètres biologiques. Identités culturelles des populations Andronovo et Saka (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale; XII). Paris: de Boccard, 2007. 606 p.
- Bendezu-Sarmiento J. Réflexion sur l'espace funéraire et la notion de territoire en Asie centrale steppique aux âges du Bronze et du Fer (II-Ier millénaires av. J.-C.) // Ancestral landscapes. Burial mounds in the Copper and Bronze Ages (Central and Eastern Europe, Balkans, Adriatic, Aegean, 4th–2nd millennium BC). Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux (Travaux de la Maison de l'Orient et de la Méditerranée; 58) / Ed. By Borgna E. & Müller Celka S. Lyon, 2011. P. 75-85.
- Bendezu-Sarmiento J. Conflits et traces secondaires ostéologiques chez les peuples d'Asie centrale protohistorique // Archéologie de la violence et de la guerre dans les sociétés pré et protohistoriques / Ed. By Buchsenschutz O., Dutour O., Mordant Cl. Paris: Éd. du CTHS (Actes des congrès nationaux des sociétés historiques et scientifiques), 2013. P. 7-24.
- Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J., Luneau E. Les différentes formes de richesse dans les sociétés d'Asie centrale aux âges du Bronze et du Fer (IIIe-Ier millénaires av. J.-C.) // Richesse et Sociétés. Colloque MAE. 9 / Ed. By Baroin C., Michel C. Paris, 2013. P. 253-263.
- Bendezu-Sarmiento J. Pogrebal'nye obrjady i biologicheskaja antropologija v protoistoricheskom Kazakhstane (Andronovskaja i sakskie kul'tury II-I tys. do n.e.) // Arkheologija i isitorija Tsentralnoj Azii v trudakh frantsuzskikh uchenykh / Francfort H.-P., Mustafaev Sh. T. 1. Samarkand: IICAS-UNESCO, 2014. P. 181-212.
- Bendezu-Sarmiento J. Continuité et évolution dans l'espace funéraire d'andronovo, in Asie centrale: transferts culturels le long de la route de la soie // Asie centrale, transferts culturels le long de la route de la soie / Espagne M., Gorshenina S., Grenet F., Mustafayev Sh., Rapin Cl. Paris: Vendémiaire, 2016. P. 45-59.
- Bokovenko N.A. Le kourgane "Royal" d'Arjan et son temps // Les Dossiers d'Archéologie. 1994. Vol. 194. P. 30-37.
- Bokovenko N.A., Samashev Z. The roots of Iron Age pastoral nomadic culture // Nomads and Networks. The Ancient Art and Culture of Kazakhstan / Ed. By Stark S., Rubinson K.S., Samashev Z. Princeton and Oxford: Institute for the Study of the Ancient World, 2012. P. 21-29.
- Chang Cl. Cycles of Iron age mobility and Sedentism: climate, Landscape, and material culture in South-eastern Kazakhstan // Nomads and Networks. The Ancient Art and Culture of Kazakhstan / Stark S., Rubinson K.S., Samashev Z. Princeton and Oxford: Institute for the Study of the Ancient World, 2012. P. 141-151.
- Chang Cl., Tourtellote P.A. The role of Agro-pastoralism in the Evolution of Steppe Culture in the Semirechye Area of Southern Kazakhstan during the Saka/Wusun Period (600–400 B.C.) // The Bronze and Iron Age Archaeology of Eastern Central Asia / Ed. By Mair V. Washington: University Museum of Pennsylvania, 1998. P. 264-279.
- Chen K.-T., Hiebert F.T. The late prehistory of Xinjiang in relation to its neighbours // Journal of World Prehistory. 1995. Vol. 9, N°2. P. 243-300.
- Frachetti M. Pastoralist Landscapes and Social Interaction in Bronze Age Eurasia. London: University of California Press, Ltd., 2008. 232 p.
- Gryaznov M.P. Sibérie du sud. Genève-Paris-Munich, Nagel: Archaeologia Mundi, 1969. 255 p.
- Gryaznov M.P. Der Grosskurgan von Arzhan in Tuva. Südsibirien. (Materialien zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie; 23). Munich: C.H. Beck, 1984. 96 p.
- Hollard C., Keyser C., Giscard P.-H., Tsagaan T., Bayarkhuu N., Bemmman J., Crubézy E., Ludes B. Strong genetic admixture in the Altai at the Middle Bronze Age revealed by uniparental and ancestry informative markers // Forensic Science International Genetics. 2014. 12. P. 199-207.
- Jacobson E. Symbolic Structures as Indicators of the Cultural Ecology of the Early Nomads // Foundations of Empire. Archaeology and Art of the Eurasian Steppes / Seaman G. (Ethnographics Monograph Series; 3). Los Angeles, 1989. P. 1-25.

- Jianju M., Shell C.* The existence of Andronovo cultural influence in Xinjiang during the 2nd millennium // *Antiquity*. 1999. Vol. 73. P. 570-578.
- Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. Ville: The University of Wisconsin Press, 1994. 442 p.
- Kuz'mina E.E.* Otkuda prishli Indoarii? Moscow: Vostochnaja Literatura, 1994a. 464 p.
- Kuz'mina E.E.* Stage of development of Stock-Breeding Husbandry and Ecology of the Steppes in the Light of the Archaeological and Paleoecological Data (4th Millennium BC 8th Century BC) // *The Archaeology of the Steppes. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992 / Ed. by Genito B.* Naples: Instituto Universitario Orientale Dipartimento di Studi Asiatici, 1994b. P. 31-71.
- Kuz'mina E.E.* The Origin of the Indo-Iranians (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series, 3). Boston: Brill, 2007. 762 p.
- Margulan A.Kh.* Begazy-dandybayevskaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana. Almaty: MN–AN RK, 1998. 400 p.
- Margulan A.Kh., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M.* Drevnjaja kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana. Alma-Ata: Izdatel'stvo "Nauka" Kazakhskoj SSR, 1966. 436 p.
- Miller N.F., Spengler R.N., Frachetti M.* Millet cultivation across Eurasia: Origins, spread, and the influence of seasonal climate // *The Holocene*. 2016. Vol. 26, N 10. P. 1566-1575.
- Spengler R.N., Miller N.F., Neef R., Tourtellot P.A., Chang Cl.* Linking agriculture and exchange to social developments of the Central Asian Iron Age // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2017. N 48. P. 295-308.

С. Скорый

Сергей Скорый,
Институт археологии
Национальной академии наук Украины,
г. Киев, Украина; idanfirs@ukr.net

Скифские походы на Древний Восток и Караванские курганы в Украине

Аннотация. В статье, в общих чертах, представлена тема переднеазиатских походов северных номадов (начало VII – начало VI в. до н.э.) в Закавказье и Переднюю Азию. Об этом сообщают письменные источники – ассирийские клинописные таблицы времени царя Асархаддона, библейская традиция, античные свидетельства (прежде всего, Геродот), а также – данные археологии. Военные акции номадов реализовались в виде масштабных вторжений орд под руководством скифских вождей Ишпакая, Партатуа/Бартатуа в 670-х – середине 660-х гг. до н.э., Мадия, начиная с 620-х гг. до н.э. Вероятно, имели место и спорадические набеги относительно небольших отрядов на протяжении всего столетия. Кочевые орды отличались известной пестротой. Скифы составляли лишь организующее звено военных акций, в которых участвовали различные племена Евразии, в том числе – украинской Лесостепи. Яркое подтверждение тому – два кургана кочевой элиты с переднеазиатскими импортами, исследованные у пос. Караван, в бассейне Северского Донца (Левобережная Украина). Один из них – конца VII в. до н.э., периода правления Мадия, другой – более поздний, времени завершения переднеазиатских походов.

Ключевые слова: скифская эпоха, походы кочевников в Переднюю Азию, украинская Лесостепь, Караванские курганы с переднеазиатским импортами

Сергей Скорый,
Украина Ұлттық ғылым академиясының
Археология институты,
Киев қ., Украина

Скифтердің Ежелгі Шығысқа жорығы және Украинадағы Караван обалары

Аннотация. Мақалада Кавказ маңы мен Алдыңғы Азияға солтүстік көшпенділердің жасаған алдыңғы азиялық жорықтарының (б.д.д. VII ғ. басы – VI ғ. аяғы) тақырыбы жалпылай қарастырылған. Бұл туралы жазбаша дереккөздер – Асархаддон патшаның ассириялық сына жазуы кестелері, библиялық дәстүр, антикалық куәліктер (ең алдымен Геродот), сонымен қатар археологиялық мәліметтер береді. Көшпенділердің әскери акциялары б.д.д. 670–660 жылдардың ортасында скиф көсемдері Ишпакай, Партатуа/Бартатуа басшылығымен, б.д.д. 620 жылдардан бастап Мадия басшылығымен ауқымды шабуылдары түрінде жүзеге асырылды. Жүз жылдар бойына салыстырмалы түрде аз санды жасақтардың кездейсоқ жорықтары да орын алып тұрды. Көшпенді ордалар өзіндік әртүрлілігімен ерекшеленді. Скифтер Еуразияның оның ішінде украиндық орманды даланың әртүрлі тайпалары қатысқан әскери іс-қимылдардың тек ұйымдастырушылық буынын құрады. Северск Донец бассейнінде (Украинаның сол жағалауы) Караван ауылында зерттелген алдыңғыазия импорттары бар көшпенді элитаның екі обасы мұның айқын дәлелі болып табылады. Олардың бірі – б.д.д. VII ғ. аяғы, Мадияның билік ету кезеңіне жатса, екіншісі – алдыңғыазия жорықтарының аяқталу уақытына, неғұрлым кейінгі кезеңіне жатады.

Түйін сөздер: скиф дәуірі, көшпенділердің Алдыңғы Азияға жорықтары, украиналық орманды дала, Алдыңғыазиялық импортымен Караван обалары

Sergey Skoryj,
Institute of Archaeology
of National Academy of Sciences of Ukraine,
Kiev, Ukraine

The Scythian campaigns to the Ancient East and Caravan burial mounds in Ukraine

Abstract. The article, in general terms, presents the topic of the Near–Asian campaigns of the northern nomads (beginning of the 7th - beginning of the 6th century BC) in Transcaucasia and Western Asia. This is reported by written sources – Assyrian cuneiform tables of the time of King Asarhaddon, biblical tradition, ancient evidence (first of all, Herodotus), as well as archaeological data. The military actions of the nomads were realized in the form of large-scale invasions of hordes under the leadership of the Scythian leaders Ishpakai, Partatua/Bartatua in the 670s – mid-660s BC, Madia, starting in the 620s BC. There were probably also sporadic raids by relatively small detachments throughout the century. The nomadic hordes were distinguished by a certain diversity. The Scythians were only the organizing link of military actions, in which various tribes of Eurasia participated, including the Ukrainian Forest–Steppe. A vivid confirmation of this is two mounds of the nomadic elite with Western Asian imports, studied at the village Caravan, in the basin of the Seversky Donets (Left-bank Ukraine). One of them is the end of the 7th century BC, the period of the reign of Madias, the other is later, the time of the completion of the Western Asian campaigns.

Keywords: Scythian era, nomad campaigns in Asia Minor, Ukrainian Forest-Steppe, Caravan mounds with imports from Western Asia

Походы скифов в Закавказье и Переднюю Азию, охватившие примерно столетие (начало VII – начало VI в. до н.э.), – яркая и важная страница в военно-политической истории nomadov эпохи раннего железа.

В ходе данных мероприятий воинственный кочевой мир степей столкнулся с оседлыми земледельческими племенами Кавказа и государствами древнего Востока, с населением иной ментальности, культуры, военно-политической организации – Урарту, Манну, Ассирией, Мидией, Вавилоном, Месопотамией, Сирией, Палестиной, малоазийских держав – Лидией и Фригией. Опасность скифских вторжений ощутил на себе Египет.

При этом отношения кочевников периода их пребывания на востоке отнюдь не отличались стабильностью с теми или иными государственными образованиями: в зависимости от политической конъюнктуры, они легко меняли статус союзника на противника и наоборот.

К тому же, nomadы скифской поры на Древнем Востоке перманентно враждовали с иными представителями кочевого мира – киммерийцами, появившимися в переднеазиатском ареале ещё ранее, в VIII в. до н.э., в период правления ассирийского царя Саргона II (721–705 гг. до н.э.).

Свидетельствами военных, а по сути грабительских, акций северных кочевников являются два вида источников – письменные и археологические.

К *письменным* относятся, в первую очередь, ассирийские клинописные таблицы времени царя Асархаддона (681–669 гг. до н.э.). В ряде из них упоминаются скифы-шкуды под руководством Ишпакая, несколько позже – Партатау/Бартатау (или Прототия, по Геродоту), деятельность которых относится к 670-м – середине 660-х гг. до н.э.

С именем Партатау, который в ассирийских хрониках имеет уже титул “царь”, связывается существование у кочевников некоего политического объединения: “Ацкуз”, “царство Ашкеназ”, “страна Ишкуза”.

Локализация его по сей день является вопросом достаточно дискуссионным: территория Манну (вблизи о. Урмия, на территории Иранского Курдистана), равнинные районы современного Азербайджана, степи Прикубанья и Северного Кавказа.

Яркие последующие события, когда упоминаются скифы на переднеазиатском театре военных действий, связаны с именем царя Мадия (Скифского), сына Партатуа, начало правления которого относятся к 650–640-м гг. до н.э. Они нашли отражение в античных письменных источниках, в первую очередь у Геродота, более поздних авторов, а также – как полагают некоторые исследователи – в откровениях библейских пророков (Иеремии, Иезикииля, Цефания).

Орда под главенством Мадия появилась у границ Ассирии и Мидии в 620-х гг. до н.э., в период первой осады царём Мидии Киаксаром (625–585 гг. до н.э.) столицы Ассирии Ниневии (по В.А. Белявскому, 623 г. до н.э.) [Белявский 1971: 60–79]. Поскольку Киаксар с основным войском был за пределами Мидии, скифы разграбили страну. В битве со скифами мидийцы проиграли: *“мидийцы, вступив со скифами в бой и потерпев поражение, лишились власти, а скифы завладели всей Азией”* [Нер. I, 104].

После этих событий начинается эпоха скифского господства в Азии, о чём красочно свидетельствует Геродот: *„В течение 28 лет скифы властвовали в Азии, и за это время они, преисполненные наглости и презрения, всё опустошили”* [Нер. I, 106].

По А.Ю. Алексееву, кочевников времени вождей Ишпакая – Партатуа на Древнем Востоке можно классифицировать как скифов “первого поколения”, периода Мадия – “второго поколения” [Алексеев 2003: 97, 111].

Разумеется, при этом не следует забывать, что тема указанных продвижений северных кочевников основана в большей степени на информации попавших исследователям в руки клинописных таблиц, в меньшей – античной традиции. Конечно, и в первом, и во втором случае могли быть иные, не дошедшие до нас источники и, соответственно, – свидетельства об иных вторжениях. Вполне вероятно, что, наряду с масштабными походами, предусматривающими перемещение значительных кочевых орд, имели место и спорадические набеги, рейды относительно небольших кочевых отрядов или ватаг, в том числе состоящих из молодых воинов, так сказать – пассионариев.

Переднеазиатские кампании северных кочевников, исходя их письменных источников, составляли собой череду событий, в которых военно-политические удачи соседствовали с разного рода перипетиями, зачастую трагическими.

Так, во второй половине второго десятилетия VII в. до н.э. в переднеазиатском ареале произошли важнейшие события, повлекшие за собой существенные изменения в политической карте региона, дальнейших судьбах тех или иных государств. Усилившийся Вавилон, входивший ранее в состав Ассирии, выступил против Ассирии под руководством царя Набопаласара (626–605 гг. до н.э.), привлекая в качестве союзников мидийцев во главе с Киаксаром. В орбиту этой борьбы были втянуты и скифы Мадия. В 612 г. до н.э. объединёнными силами была взята столица Ассирии Ниневия. Некогда могучая империя, по сути, “дышала на ладан”: гегемония перешла от Ассирии к крепнущему Вавилону, основным противником которого стал Египет. До конца столетия и начала нового века северные кочевники при поддержке Вавилона и Мидии вели крайне агрессивную политику в переднеазиатском регионе.

Однако в 597 г. до н.э., по неясным причинам, согласие между Вавилоном и скифами было нарушено. Над Вавилоном нависла опасность вторжения скифов вместе с подвластными ими народами Ваннского и Маннейских царств, которые им в качестве ассирийского наследства достались в результате разгрома Ассирии.

Угрозу для Вавилона ликвидировал мидийский царь Киаксар примерно 596/4 или 595/4 гг. до н.э., коварно уничтожив приглашённых на пир скифских вождей, о чём красочно повествует Геродот [Нер. I, 106]. Именно вероломное истребление скифских вождей, по мнению «отца

истории», положило конец скифскому господству в Азии. Подобных представлений придерживается значительное число специалистов.

Однако есть и иное мнение, суть которого в том, что вовсе не «кровавый пир Киаксара» подорвал скифское могущество в Азии, а именно взятие Ниневии в 612 г. до н.э. объединёнными силами Вавилона и Мидии, а также последующие затем почти до завершения столетия разгромы союзников ассирийцев положили конец скифским переднеазиатским походам [Мурзин 1990: 37].

Именно с этого времени начинается “исход” северных номадов из Передней Азии в восточноевропейские пределы.

Древние письменные хроники в немалой степени подкрепляются *археологическими источниками*.

Они могут быть разделены на три основные группы: 1) древности, свидетельствующие о пребывании скифов-номадов в Закавказье, Передней и Малой Азии; 2) памятники скифской поры с закавказско-переднеазиатским колоритом, известные на территории Северного Кавказа; 3) сходные памятники на юге Восточной Европы.

На территории нынешней Передней и Малой Азии встречается значительное количество артефактов скифского типа, в первую очередь, бронзовых наконечников стрел. Некоторые из них – длинно-ромбические, двулопастные, часто с шипом, – вполне архаического облика. Это как случайные находки, так и те, что происходят из культурных слоёв древних городов. Тем не менее, и об этом писалось не раз, не всегда следует связывать подобные находки непременно с северными кочевниками: стрелы с такими наконечниками были и в паноплии воинов из многих восточных государств, например, мидийцев.

Однако в Передней Азии известны и более яркие находки. В их числе знаменитый комплекс из Зивие (Саккызский “клад”), находки из Хасанлу в Иранском Курдистане и пр.

В Малой Азии (Анатолии) к числу наиболее выразительных памятников скифского облика относятся захоронения конца VII–VI в. в Норшун-Тепе, Имирлере, Амасье.

В Закавказье последствия скифских походов представлены находками на ряде крепостей Ваннского царства и в первую очередь – Тейшебаини на холме Кармир-Блур, в котором – как полагают некоторые исследователи – мог находиться скифский гарнизон.

В восточной части Северного Кавказа прослеживаются следы скифских походов, в частности, вдоль побережья Каспийского моря, не только в виде случайных находок отдельных артефактов. О них свидетельствуют разрушения и пожары на ряде поселений, например, Дербенском (Кабарда) и особенно на Сержень-Юрт (Чечня), где зафиксированы бронзовые наконечники конца VIII – начала VII в. до н.э.

Примечательно, что этот архаический пласт скифских древностей представлен и в ряде пунктов Северного Кавказа: курган 1921 г. на Каменноостском могильнике, погребение у Лермонтовского разъезда, курган у хутора Алексеевский близ Ставрополя, находки в кургане у станицы Махосhevской на Кубани, Ставропольский курган 1953 г. В некоторых из этих комплексов раннескифские предметы соседствуют с доскифскими вещами, в частности т. н. Новочеркасской группы.

Этот наиболее ранний пласт скифских памятников, маркирующий путь номадов в страны Передней Азии, похоже, говорит о том, что первый этап походов на Древний Восток не отражён в дошедших до нашего времени письменных источниках.

Яркую группу погребальных древностей на Северном Кавказе составляют курганы VII–VI вв. до н.э., которые, наряду с изделиями, свойственными скифской культуре, содержат предметы *переднеазиатского облика*, нередко из драгоценных металлов – выразительные свидетельства

походов их владельцев в страны Древнего Востока. В первую очередь, это знаменитые курганы кочевой элиты – Келермесские и Костромской в Прикубанье, у хут. Красное Знамя в Ставрополье, а также курганные некрополи у селений Нартан в центральной части Северного Кавказа, Новозаведенное в Ставрополье.

Некоторые из захоронений (в Нартанском, Краснознаменском могильниках) датируются в рамках начала – середины VII в. до н.э. В целом же, хронологический диапазон функционирования этих северокавказских могильников вполне синхронен по времени с переднеазиатскими акциями северных кочевников, в том числе под руководством вождей/царей Ишпакая, Партатуа, Мадия.

В принципе, есть достаточно оснований локализовать на указанной территории „страну Ишкуза” ассирийских хроник, базовую территорию для агрессии северных кочевников в страны Передней и Малой Азии.

На юге Восточной Европы подобных памятников несравненно меньше. В их числе – широко известные Литой (Мельгуновский) курган на пограничье Правобережной Степи и Лесостепи Украины, курган у свободы Криворожье (на р. Калитва, левом притоке Северского Донца), в кругу инвентаря которых присутствуют закавказско-переднеазиатские вещи. Тем не менее, на мой взгляд, убедительных доказательств погребального характера этих памятников нет.

К недавно обнаруженным захоронениям с предметами переднеазиатского облика на юге Восточной Европы следует отнести впускное разрушенное погребение конца VII в. до н.э. в кургане у с. Китай-Город в Степном Днепровском Правобережье [Ромашко и др. 2014].

Однако, бесспорно, важнейшими погребальными древностями раннескифского времени с яркими переднеазиатскими импортами являются два кургана у с. Караван близ г. Люботин, в Днепровском Лесостепном Левобережье (бассейн Северского Донца), входящие в состав одной из небольших групп грандиозного Люботинского могильника скифской эпохи. Погребения в них были открыты при случайных обстоятельствах в 1993 г. [Бандуровский и др. 1998]. Выразительные находки из курганов стали предметами публикаций и обсуждений (рис. 1–4) [Бандуровский, Черненко 1999; Черненко, Бандуровский 1998; Черненко 2000; Алексеев 2000: 5; 2003: 111–112, 381, рис. 10, 9–11; 382, рис.10, 15). Интерес к этим памятникам имеет место и поныне [Махортых 2016: 246–247; 2020].

Принципиальным моментом является то, что данные курганы и сами могилы, информация о которых не отличалась большой достоверностью, были повторно исследованы Скифской Лесостепной экспедицией ДП «НИЦ «Охранная археологическая служба Украины» Института археологии НАН Украины под руководством В.Н. Окатенко в течение нескольких полевых сезонов: 2013, 2016, 2018 и 2021 гг. [Окатенко 2014; 2021]¹¹

В ходе раскопок были не только уточнены детали устройства насыпей курганов, их реальные размеры, но характер и масштабы самих могил, которые по ряду признаков отличались от представленных в первых публикациях. Несмотря на древние и современные ограбления, обнаружен ряд новых артефактов в самих погребениях и в древнем грабительском ходу, значительно расширяющих наше представление о значении данных памятников и их месте в кругу древностей раннескифского времени юга Восточной Европы.

Важнейшими находками явились разрозненные антропологические материалы, позволяющие судить о возрасте знатных скифов-воинов и сопровождающих их лицах.

Значительно возросшее число артефактов из Караванских курганов, новые объективные сведения об их устройстве и погребальном обряде поставили на повестку дня вопрос о необ-

¹ В полевых кампаниях 2018, 2021 гг. принимал участие С.А. Скорый.

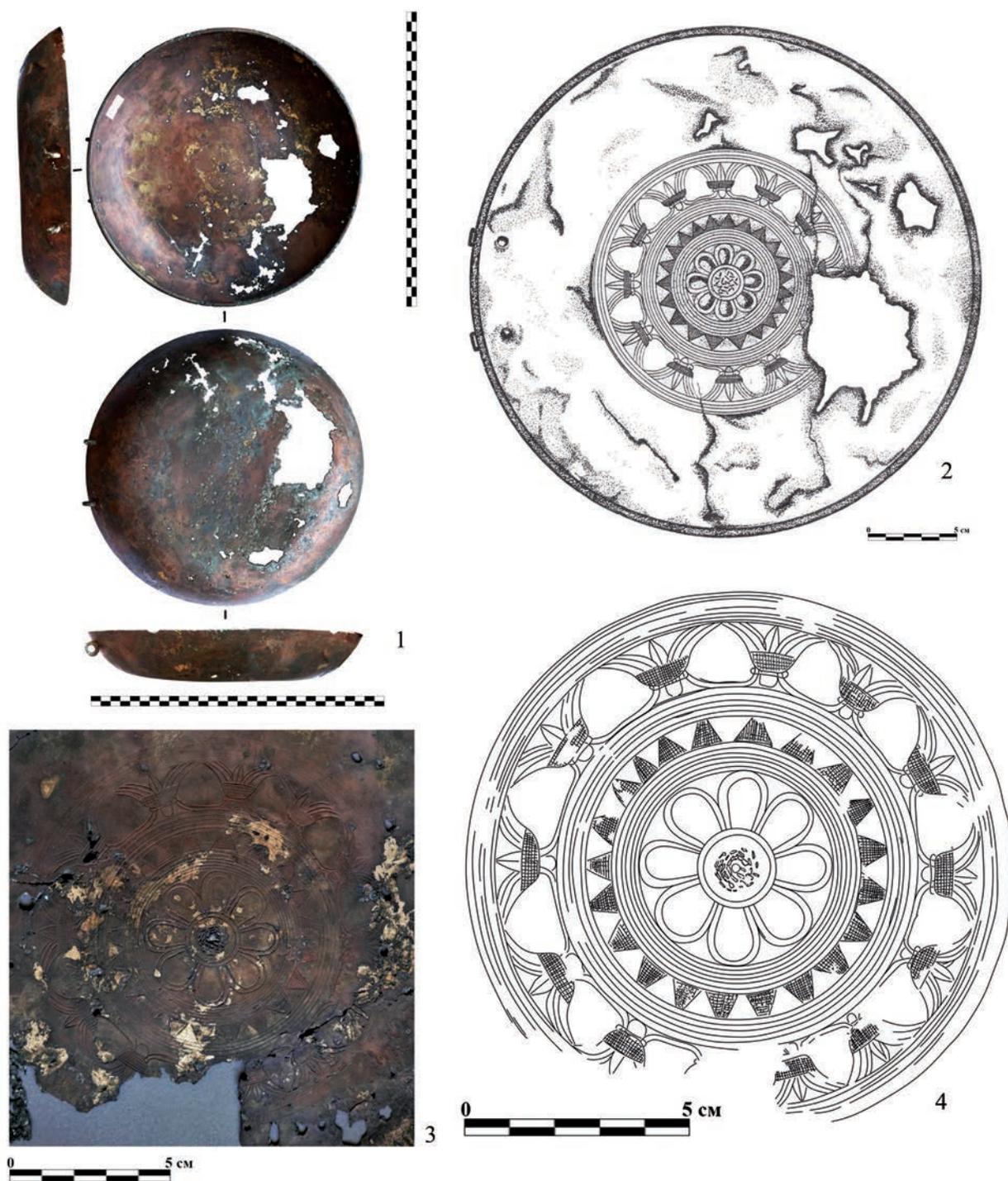

Рис. 1. Бронзовое блюдо с позолотой, украшенное геометрическо-растительным орнаментом из кургана № 2 у пос. Караван: 1–2 – общий вид; 3–4 – элементы декора

ходимости подготовки монографии, посвящённой данным неординарным древностям раннего железного века в украинской Лесостепи.

В процессе этой работы В.Н. Окатенко и мной были изданы статьи о некоторых наиболее важных изделиях, переднеазиатских импортах, сохранившихся в курганах после ограбления: бронзовом блюде с позолотой, массивном серебряном зеркале [Скорый, Окатенко 2021а; 2021б], бронзовом жезле-булаве [Окатенко, Скорый 2021].

Тщательное изучение всей совокупности артефактов из погребений позволило датировать их в следующем диапазоне: могила в кургане № 1 – 2-я половина VII в. до н.э.; могила в кургане № 2 (более поздняя) – конец VII – начало VI в. до н.э.

Однако, по-видимому, дату кургана № 1 следует ограничивать более узкими рамками. Во всяком случае, имеет место мнение о том, что основной исход скифов из Азии в Европу относится к концу 620-х – первой половине 610-х гг. до н.э. [Грантовский 1994: 43], т. е. на завершающем этапе переднеазиатских походов.

Таким образом, хронологический промежуток между захоронениями в двух курганах может составлять, скажем, десятилетие или несколько более.

Здесь важно подчеркнуть следующее. Захоронение в кургане № 1, несомненно, относится ко времени скифского царя Мадия, который возглавлял скифскую орду, во всяком случае, до 600 г. до н.э. С погребением в кургане № 2 сложнее. Оно может относиться уже к непосредственному исходу кочевников из Азии в Европу, когда во главе скифов стоял уже не Мадий, а вождь, имя которого нам не известно.

В связи со сказанным имеет смысл вспомнить версию А.Ю. Алексеева о связи караванского жезла-булавы из кургана № 1 с ранними скифами эпохи Партатуа (около 675–672 г. до н.э.) [Алексеев 2000: 5; 2003: 112], имевшими тесные контакты с Ассирией времени правления Асархаддона. На самом же деле, комплекс вещей из упомянутого кургана, несомненно, относится к более поздней поре – периоду скифского царя Мадия.

О пёстрости скифских кочевых орд, вторгавшихся на территорию Древнего Востока писали многие авторы (например, Б.Н. Граков, А.И. Мелюкова, В.А. Ильинская, К.Ф. Смирнов, С.С. Черников, В.Г. Петренко и др.).

В литературе, посвящённой скифским походам, довольно давно и вполне обоснованно сложилось мнение, что в этих агрессивных акциях принимали участие не только скифы. Они, скорее, были неким ядром этих продвижений северных кочевников, а скифская элита организующей и возглавляющей силой данных военных мероприятий. В число потенциальных участников, помимо скифов,

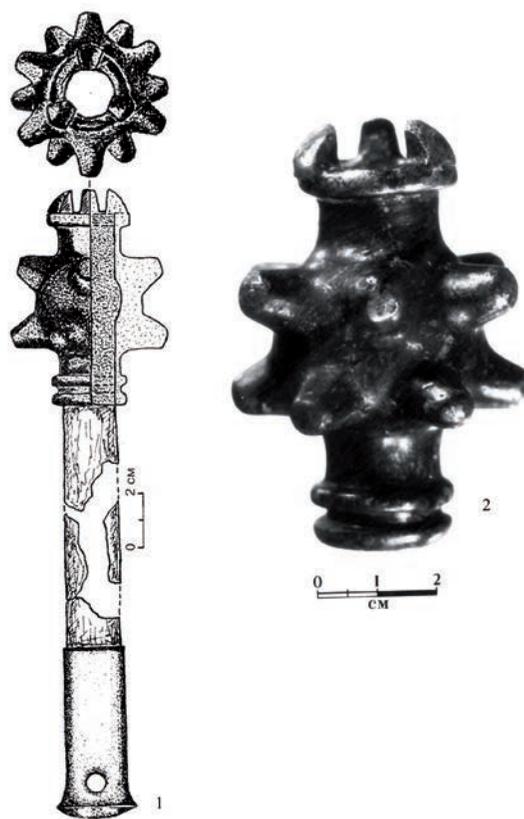

Рис. 2. Церемониальный жезл-булава с бронзовым навершием, костяной рукоятью и бронзовой втулкой-окончанием из кургана № 1 у пос. Караван: 1 – общий вид; 2 – бронзовое навершие

Рис. 3. Серебряное литое зеркало из кургана № 1 у пос. Караван. Вес более 600 г.

могли входить носители кочевнической культуры скифского типа довольно обширного региона: центральноазиатские саки; племена Поволжья и Приуралья, савроматы: какая-то часть лесостепного населения Восточной Европы, и, наконец, население Кавказа (в частности, кобанской культуры), попавшее в военно-политическую зависимость от северных кочевников и вовлеченное ими в орбиту грабительских походов [См. обзор: Виноградов 1971: 178].

Разумеется, меня, в первую очередь, интересует версия участия населения Лесостепи в переднеазиатских походах северных кочевников, ибо Караванские курганы располагаются именно в лесостепном ареале юга Восточной Европы, точнее – в бассейне Северского Донца Днепроовского Лесостепного Левобережья.

Совсем недавно С.В. Махортых, на основании сходства некоторых деталей конского снаряжения, в частности бронзовых пронизей с головкой барана, найденных в Кармир-Блуре (не имеющих, якобы, аналогий на Северном Кавказе), с пронизьями, что обнаружены в некоторых погребальных древностях Лесостепного Правобережного Поднепровья, в памятниках VI в. до н.э. (Гуляй-Город, курган № 38; курган Захарейкова Могила), сделал вы-

вод о том, что в районе Кармир-Блуре могло иметь место “пребывание <...> скифских отрядов из лесостепных областей Украины, которые могли совершать автономные рейды в Закавказье и на Ближний Восток без участия выходцев из Предкавказья” [Махортых 2018: 45; 2020б: 87].

Здесь следует отметить несколько моментов. Во-первых, хотя и не бронзовые, а костяные, но подобные пронизи от конской узды известны на Кубани, т. е. Северном Кавказе, в Келермесских курганах конца VII – начала VI в. до н.э. [Галанина 1997: табл. 16, 169; 21, 169–170, 24, 378]. Во-вторых, бронзовые пронизи в Лесостепном Поднепровье, о которых пишет С.В. Махортых, относятся всё же к концу VII – 1-й половине VI в. до н.э., а не VI в. до н.э. Встречены они в лесостепных памятниках не только Правобережья, но и Левобережья, хотя в целом их известно немного: по данным А.Д. Могилова, лишь 11 предметов [Могилев 2008: 69]. Наконец, нужно отметить, что в последнее время три аналогичные пряжки-пронизи найдены в Крыму [Скорый, Зимовец 2021: 96–98, № 8/270–10/272]. Связывать же последние исключительно с Лесостепью серьёзных оснований нет. Иными словами, сходство бронзовых пронизей с головкой барана из Кармир-Блуре с подобными деталями узды, известными в Лесостепном Поднепровье, ещё не повод для рассуждения о при-

сутствии в Кармир-Блуре “скифских отрядов из лесостепных областей Украины” и участия их в переднеазиатских акциях северных кочевников.

Применительно к Караванским курганам возникает следующий вопрос: принадлежат ли они знатным воинам, ушедшим в далёкие походы с территории Лесостепи и вернувшимся затем на свою историческую родину, или это захоронения участников походов, осваивающих различные территории юга Восточной Европы в ходе оттока скифских орд из Передней Азии? На мой взгляд, первая версия более предпочтительна. Напомню, что курганы № 1 и 2 вовсе не являются синхронными. Иными словами, оба знатных скифских воина появились на одной и той же территории, которая, очевидно, хорошо была им знакома, с небольшим промежутком времени. Косвенно в пользу данной точки зрения свидетельствует и комплекс из Литого (Мельгуновского) кургана, содержащий ряд роскошных вещей, по времени близких Караванским находкам. Вряд ли стоит рассматривать этот памятник в качестве погребения в прямом смысле этого слова. Скорее, это кенотаф – символическое захоронение знатного воина, погибшего в период переднеазиатской акции, совершаемой, вероятно, под руководством царя Мадия. Кенотафы же в честь воинов, погибших на чужбине, традиционно сооружались на их исторической родине.

Скифские переднеазиатские походы, в которых приняла участие и какая-то часть воинства Лесостепи во главе со своей элитой, имели целый спектр последствий для евразийского, в первую очередь кочевого мира, скифской поры. Они проявились не только в окрасе материальной культуры кочевников, насыщении её яркими переднеазиатскими импортами, но и способствовали определённым метаморфозам в социально-политической жизни номадов, военном деле (элементы вооружения, стратегия и тактика) и ритуальной практике.

Рис. 4. Серебряная протома бычка от ритона из кургана № 2 у пос. Караван

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю. Луристанская булава в Скифии // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского: тезисы докл. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2000. С. 5.
- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. 416 с.
- Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина // Люботинское городище. Харьков: Регион-информ, 1998. С. 143-182.

- Бандуровский А.В., Черненко Е.В.* Ахеменидские вещи из Люботинского кургана // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова): тезисы докладов / Отв. ред. Толочко П.П. Запорожье: Запорожский государственный университет, 1999. С. 27-30.
- Белявский А.В.* Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М.: Мысль, 1971. 319 с.
- Виноградов В.Б.* Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-савроматским миром // Проблемы скифской археологии (МИА № 177). М.: Наука, 1971. С. 177-183.
- Галанина Л.К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Центр сравнит. изучения древ. цивилизаций Ин-та всеобщ. истории; Берлин: Евраз. отд-ние Герм. археол. ин-та, 1997. 269 с., 44 табл.
- Грантовский Э.А.* О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // РА. 1994. № 3. С. 23-48.
- Махортых С.В.* Скифские зеркала на Юге Восточной Европы в VII–VI вв. до н.э. // Археологія та етнологія Півдня Східної Європи. Дніпро: Ліра, 2016. С. 244-258.
- Махортых С.В.* Распределители ремней конской упряжи VII–VI вв. до н.э. в Закавказье и Передней Азии // АДІУ. 2018. Вип. 2 (27). С. 35-50.
- Махортых С.В.* Об одной древневосточной находке VII в. до н.э. в Северном Причерноморье // Северный Кавказ в историческом и археологическом измерениях. Известия научно-педагогической Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. Армавир: Дизайн-студия Б, 2020а. Вып. 13. С. 118-124.
- Махортых С.В.* Скифы и Урарту // АДІУ. 2020б. Вип. 3 (36). С. 79-90.
- Могилев О.Д.* Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ-Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ, 2008. 440 с.
- Мурзин В.Ю.* Происхождение скифов; основные этапы формирования скифского этноса. Киев: Наукова думка, 1990. 87 с.
- Окатенко В.М.* Додаткові дослідження курганів Караванської групи Люботинського могильника // АДУ–2013. Київ: ІА НАН України, 2014. С. 255.
- Окатенко Виталій.* Аристократичні кургани скіфського часу на Харківщині // Археологія України за роки Незалежності. Київ: ІА НАН України, 2021. С. 165-174.
- Окатенко Виталій, Скорый Сергей.* Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь) // Revista arheologică. 2021. Vol. XII, nr. 1. С. 5-16.
- Ромашко В.А., Скорый С.А., Филимонов Д.Г.* Раннескифское погребение в кургане у села Китайгород в Приорелье // РА. 2014. № 4. С. 107-117.
- Скорый С.А., Зимовец Р.В.* Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Издание второе, дополненное, переработанное. Полтава: ООО «АСМИ», 2021. 344 с.
- Скорый С.А., Окатенко В.Н.* Серебряное зеркало из Первого Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь) // Проблемы археологии и истории Кавказа и Европы: сб. трудов конф., посвящ. 70-летию С.Л. Дударева (г. Армавир, 14–15 мая 2021 г.). Армавир: Армавирский гос. пед. ун-т, 2021а. С. 137-145.
- Скорый С.А., Окатенко В.Н.* Бронзовый жезл-булава из Первого Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь) // Tyragetia. 2021б. Вып. XXX. С. 143-153.
- Черненко Е.В.* Люботинский курган // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М-лы междунар. конф. «Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э.: проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии» (г. Дедовск, 12–15 декабря 1999 г.) / Ред. Гуляев В.И., Ольховский В.С. М.: ИА РАН, 2000. С. 297-303.
- Черненко Е.В., Бандуровский А.В.* Люботинский курган // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр.: збірка наукових праць. 80-річчю української археологічної школи присв'ячується / Ред. Козак Д. Київ: ІА НАНУ, 1998. С. 153-155.

**Yu. Boltryk,
O. Karjaka**

**Yuriy Boltryk, boltryk@ukr.net
Olexander Karjaka, akarjaka@ukr.net
Institute of Archaeology NAS Ukraine,
Kyiv, Ukraine**

Spatial placement of archaeological monuments as a reflection of the dynamics of the historical development of the Black Sea steppe during the early Iron Age

Abstract. The article presents the results of a search for ancient trade routes that were leading from the main terminals of the ancient civilization of the Northern Black Sea region to the settlements of the Forest-Steppe of Eastern Europe. This transit took place along land communications, which used the three main watersheds of the Northern Black Sea region. In the archaic period of the Scythian history, the trade vector Berezan' – Olbia was dominant. It reached the upper reaches of the Sian River (the agglomeration around the hillfort of Khotynets') on the west and the hillforts of the Tiasmyn basin (Subotovs'ke and Motronyns'ke) in the middle of Dnieper region. From the end of the 5th century BC the Bosphorus becomes the key trading agent of the Scythians. The flow of its goods reached the centre of Scythia (Kapulivs'ke and Kam'ians'ke hillforts, the agglomeration around them) using for this the eastern edge of the Lower Dnieper watershed or the Arabat Spit is a sand spit-peninsula in the western part of the Sea of Azov. In the 4th century BC Chersonessos and its Chora, relaying the goods of Heraclea Pontica, began to compete with the Bosphorus. During the reconstruction of the routes of ancient roads, people paid attention to watersheds and elite mounds that were located on them. The relationship between the Scythian burial mounds and ancient routes obliquely indicates that the nomads, as the rulers of the steppe, were guarantors of safe trade and had their deal of these mutually beneficial relations.

Keywords: Scythian period, land communications, hillfort, amphora, sword, chance find

**Юрий Болтрик,
Олександр Каряка,
Украина Ұлттық ғылым академиясының
Археология институты,
Киев, Украина**

Ерте темір дәуіріндегі Қара теңіз даласының тарихи даму динамикасының көрінісі ретінде археологиялық ескерткіштерді кеңістікте орналастыру

Аннотация. Мақалада Шығыс Еуропаның орманды даласының қоныстарына Солтүстік Қара теңіз аймағының ежелгі өркениетінің негізгі терминалдарынан апаратын ежелгі сауда жолдарын іздеудің нәтижелері берілген. Бұл маршрут Солтүстік Қара теңіз аймағының үш негізгі су айрығын пайдаланатын құрлық жолдары бойымен өтті. Скиф тарихының ежелгі кезеңінде Березан-Ольвиялық сауда жолдары басым болды. Батыста Сянь өзенінің жоғарғы ағысына (Хотынец қаласының айналасындағы агломерация), ал Орта Днепр маңында Тясмина алабының (Суботовский және Мотронинский) қаласына дейін жетті. Б.д.д. V ғ. аяғынан бастап Босфор скифтердің негізгі сауда агентіне айналады. Оның тауарларының ағыны Скифияның орталығына (Капуловский және Каменский қалалары, олардың айналасындағы агломерация) Төменгі Днепр су айырығы немесе Арабат стрелкасының шығыс шетін пайдалана отырып жетті. Б.д.д. IV ғасырда Херсонез және оның хоры Гераклеи Понтийск тауарларын тасып Босформен белсенді бәсекелесе

бастайды. Ежелгі жолдардың реконструкциялау су айрықтары мен оларда орналасқан элиталық обаларға сүйеніп жүргізілді. Скиф обалары мен көне жолдардың арақатынасы көшпелілердің дала билеушілері ретінде қауіпсіз сауданың кепілі болғанын және бұл өзара тиімді қатынастарда өз үлесін алғанын жанама түрде көрсетеді.

Түйін сөздер: Скиф дәуірі, құрлық байланысы, қала, амфора, қылыш, кездейсоқ олжа

**Юрий Болтрик,
Олександр Каряка,**

Институт археологии НАН Украины, Киев, Украина

Пространственное размещение памятников археологии как отражение динамики исторического развития степи Причерноморья в эпоху раннего железа

Аннотация. В статье представлены результаты поиска древних торговых путей, ведущих от ключевых терминалов античной цивилизации Северного Причерноморья к поселениям лесостепной зоны Восточной Европы. Этот маршрут проходил по сухопутным путям, которые использовали три основных водораздела Северного Причерноморья. В ранний период скифской истории доминировал Березанско-Ольвийский торговый путь. На западе он достигал верховьев р. Сян (агломерация вокруг городища Хотинец), а в Среднем Поднепровье городищ бассейна Тясмина (Суботовского и Мотронинского). С конца V в. до н.э. ключевым торговым агентом скифов становится Босфор. Поток товаров достигал центра Скифии (Капуловское и Каменское городища, агломерация вокруг них), используя для этого восточный край водораздела Нижнего Днепра или Арабатскую стрелку. В IV в. до н.э. Херсонес и его хора, перевозившие товары Гераклеи Понтийской, начинают активно конкурировать с Босфором. Реконструкции древних путей осуществлялись с опорой на водоразделы и элитные курганы, которые были на них расположенных. Взаимосвязь скифских курганов и древних путей косвенно указывает на то, что номады как властители степи выступали гарантами безопасной торговли и имели свою долю от этих взаимовыгодных отношений

Ключевые слова: скифский период, сухопутные коммуникации, городище, амфора, меч, случайная находка

The Pontic steppes are the most bio productive part of the Eurasian steppe strip. For the ancient nomads, their attractiveness depended not only on the presence of good pastures (although of course this circumstance significantly increased the value of the region), but also on the economic alliance of the Hellenes and the settled population of the forest-steppe of Eastern Europe. That resulted in trade transit, which was active in classical antiquity period, connecting the Black Sea coast and the European part of the steppe and forest-steppe. The Scythians, as the masters of the steppe, acted as guarantors of safe trade and had their income from these mutually beneficial relations.

Many works have been devoted to the problem of finding and reconstructing of ancient infrastructure in the Northern Black Sea region [Shylyk 1981; Otroshchenko 1990: 31–34; 2009; Boltryk 2009; Klochko, Kos'ko 2009]. Assumptions about the relationship between the mounds and ancient roads have been made for a long time and many times. More than a century and a half ago, when part of the steppes was not yet plowed and was crossed by ancient roads, military topographers noticed the relationship between landmark mounds and transport routes. It should be noted that for the territory of southern Ukraine, the existence of a network of roads has been recorded since the Late Bronze Age. Thus, the mapping of Late Bronze Age hoards in the north-western Black Sea region made it possible to trace the trade route from the most convenient crossing on the Lower Danube (near the present city of Reni) to the middle course of the Southern Bug [Subotin, Cherniakov 1982: 20–21]. Perhaps this was the very crossing used by Darius' troops, and later Alexander the Great's governor in Thrace, Zopirion, went on a campaign to Olbia. The further, eastern part of the route of this road was traced by V.V. Otroshchenko. Relying on the sights of Belozerska archaeological culture as reference points, he proves the branching of this path to the main crossings of the Lower Dnieper [Otroshchenko 1986: 147–148; 2009: 462–474].

Reproducing the transport network of Scythia on the right bank of the Dnieper, K.K. Shilik, A.S. Ostroverkhov and other researchers use Olbia, Nikonion and a number of ancient settlements on the Black Sea coast as starting points in the reconstruction of ancient trade routes [Ostroverkhov 1981: 84–94; Shilik 1979: 88; 1981: 175; Bruiakoet al. 1991: 37–44; Lisetskyi, Byzov 1992: 50–51]. Extensive archaeological researches, covering a large part of steppe Ukraine in the 60s–80s years of the 20th century, made it possible to reconstruct part of the ancient land trade connections and with a high degree of probability to locate the Scythian trading port of Kremny on the northern coast of the Sea of Azov [Boltryk 1990:31–34].

A paved road is usually easier to reveal than a horse-drawn dirt road. On the other hand, it was found that ancient roads without a paved surface were laid through watersheds, since there are no descents and ascents, wet areas and crossings [Shilik 1981:175–176], moreover, watersheds dried up quickly after rainfall. The interdependence of mounds and roads introduced a certain regulation into the system of landmarks in the monotonous steppe. These circumstances make it possible to reproduce the directions of ancient land routes, to check and correct them with the help of well-known medieval and Chumachian beaten tracks, the routes of which most often coincided. Nowadays, with the advent of the possibility of analysing satellite images, the search for sections of ancient road routes has received a new impetus [Boltryk, Kariaka 2021: 199–214; Kariaka 2021:169–184].

The emergence of new facts inspired the authors to turn again to the topic of the archaeological space. First of all, this concerns the important discovery of Khotynets' hillfort, which was made by Polish colleagues from the University of Rzeszów. Although this landmark is already located on the territory of the Baltic Hydro Network, its ceramic complex is similar to the materials of the forest-steppe hillforts of the Middle Dnieper and Southern Bug [Czopek et al. 2022]. And the first find of ancient amphorae on the territory of Poland is of particular interest. The second moment: the forgotten and vague information about the classical settlement found in the location of the construction of the "Azovstal" plant and the fixation of finds of classical ceramics within the right-bank part of Mariupol city.

Trying to cover the available settlement monuments of the Scythian-classical period of the Northern Black Sea region, we paid attention to the predecessors of settlement structures of the Late Bronze Age to ancient cities and settlements or hillforts of the Scythian period. That is, a certain regularity can be traced in the use of the same or neighboring areas for the placement of settlement or burial structures of a wide chronological range. This can be explained by the centuries-old use of the same optimal transport routes that were once laid and served for a long time as a single network. This system of ancient horse-drawn roads was oriented towards movement mainly along watersheds in the steppe, or certain areas outside the steppe zone. Key ancient routes were largely destroyed by the construction of railways in the 19th century.

Actually, the presence of the tradition of the Chumachian tracks and the finds of amphorae on the far western periphery of the Forest Steppe (Khotynets') force us to refute the traditional view of the dominance of the Greek-Barbarian trade along the river highways [Brashinskyi 1984:177–178]. This view was based on the description of the rivers of Scythia given by Herodotus [IV, 52,59]. It should be noted that most of the waterways of the Northern Black Sea were not suitable for the passage of sea vessels. There were shoals, rapids and fickle channels in the way. The usual argument about the travelling of Greek merchants along the rivers of Scythia, which is based on the discovery of a sunken boat with ancient bronze vessels of the 5th–4th centuries BC in a peat bog near the village Pishchane on the Supij River, this left tributary of the Middle Dnieper [Hanina 1970] does not stand the test of logic and raises many questions. For example: why did the oak boat sink along with the dishes, and it was also nearby? Why should the human skeleton lying 150 m upstream from the boat be associated with the complex? Why did time-varying vessels end up in the same batch of goods? M. Treister estimates their chronological range

at 150–170 years [Treister 2019:520]. Why were things of the royal level transported in a modest boat and exactly where were they taken? And how were 15 such large vessels placed in a narrow boat 4 m long? Therefore, we should note that the collection of metal vessels of various shapes from Pishchane is classical time in origin, but in terms of the choice of the sacrificial place and method, it gravitates towards the customs of the population of Northern Europe. For example, let us recall the famous silver cult cauldron (3rd–1st centuries BC) from the Gundestrup bog in Northern Jutland¹. However, I.B. Brashinskyi did not rule out the possibility of using land routes in combination with waterways, or leaving them of secondary importance [Brashinskyi 1984:178]. We emphasize that the dominant in the Greec-Barbarian trade were precisely the overland routes that connected the ancient cities and emporia (?) with the agglomerations of the settled population of the forest-steppe part of the south of Eastern Europe. The settlement structures of the centre of Scythia on the Lower Dnieper acted as a kind of repeaters of commodity flows.

On the other hand, the distribution maps of luxury items show their dependence on key transport routes. This applies to both randomly found artefacts and burial complexes of the nobility. In every way the nomadic elite stick to major roads and crossings, because controlling them brought profit. In other words, the places of concentration of elite artefacts or monuments are a reflection of the remains of the spatial structure of Scythia. Vivid examples of such markers-artefacts are the finds of the same precious ceremonial gorytoses and sword scabbards in the Chortomyk, Illinetskyi, Melitopol mounds of the mainland and Pyatibratnia, Chayan mounds in the Crimea. These covers of gorytoses and scabbards mark both the centre of Scythia and the centres of regional spatial formations.

The fact that the formation of trade and exchange routes took place in the Eneolithic – Early Bronze Age also testifies to the ancientry of land communications in the Northern Black Sea Region. This was due to the need to transport salt from the places of their extraction [Ivanova 2014:7–17], and given the availability of wooden disc wheels at the usage of the population of the Jamnaja tribes, this seems quite probable.

Within the borders of modern Ukraine, the water network map shows three key watersheds between the basins of: the Dniester and the Southern Bug, the Southern Bug and the Dnieper, and the Dnieper and the Don. These watersheds served as a kind of guides for the routes of ancient roads. And accordingly, a significant part of spatial structures or their clusters formed around or in the immediate vicinity of them.

The mentioned map outlines another interesting fact. To establish the most important Miletus colony in the common delta of the Southern Bug and Dnieper, the Greeks chose a place where the western and eastern watersheds of the Southern Bug converge quite closely (up to 40 km wide). And it seems that this good location contributed to the long-term economic prosperity of the city. Since a long but convenient path opened to the west, which actually led to the upper part of the Vistula basin, and when crossing to the left bank of the Southern Bug (we do not exclude that fording), there was a possibility of convenient access to the agglomerations of the Middle Dnieper.

Thus, Olbia acted as a kind of hub, a centre for the redistribution of trade flows that came by sea to the city itself or its left-bank satellites. And after transshipment from ships to carts or pack animals, the batches of goods diverged along the so-called watersheds, which we will consider below.

---

¹ Numerous reliefs of a cauldron from Gundestrup are covered by gold. Its weight 8.86 kg, diameter 69 cm, volume is about 90 litres. For comparison, the diameter of a louterion from Pishchane peat bog is 66 cm, and the volume is 55 litres. The total volume of all vessels found in the Supiy floodplain is 285 litres. According to the workers of the peat field, who found the vessels, they laid in a row more than 5 m long. That is, they were thrown into the swamp along a platform or a large beam. And this happened, judging by the wide chronological range in which the vessels are placed, for more than a century and a half.

The watershed of the Southern Bug – Dnieper basins, as the most ancient way to the settlements of the Middle Dnieper. The main road from the Olbia-Berezan agglomeration to the settlements of the Middle Dnieper passed through this watershed (fig. 1), about which one of the authors of this article already had the opportunity to write [Boltryk 2000:121–130]. However, now we have to emphasize that even for the pre-Scythian times and the archaic period, the mentioned path was of primary importance.

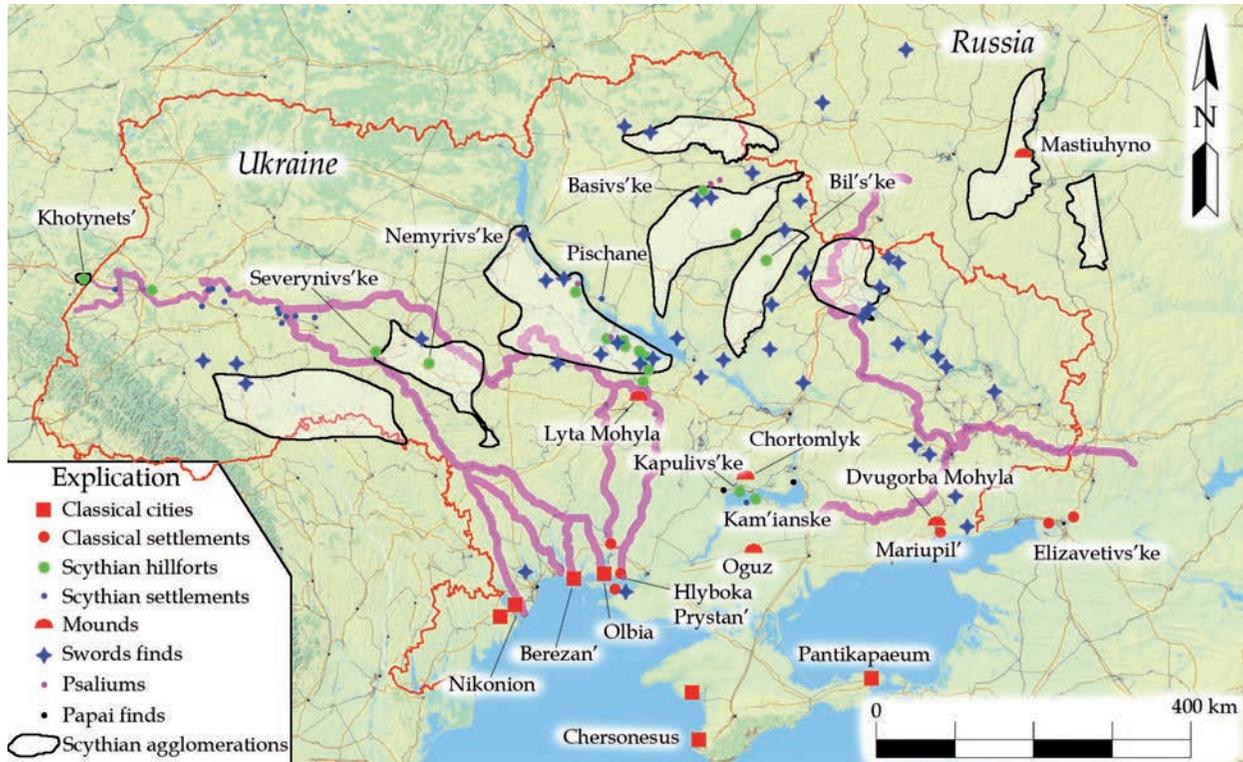

Fig. 1. General map of the main watersheds of the Northern Black Sea and archaeological sites – markers of land communications of the Early Iron Age

More than 300 ancient rural settlements and estates have been recorded in the numerous materials of long-term explorations in the Nizhny Pobuzh region [Kryzhytskyi et al. 1990], allow us to speak of the presence here in the 6th–3rd centuries BC powerful agglomeration. Fortunately, we have clear and reliable confirmation of the existence of an extensive system of agricultural allotments of the Olbia state thanks to modern remote sensing methods. The analysis of aerial and satellite images made it possible to reconstruct the system of demarcation of agricultural lands of the Olbia Chora and to identify several paths, one of which was actually traced from the very Western Gate of the ancient city to one of the settlements near the mouth of the Ajigolska Balka. These paths of the Olbian Choir region were closely related to the field demarcation system [Karjaka 2008:179–190; 2015:140–147].

A significant amount of data has now been accumulated, which allows us to assert that the fertile space between the Berezansky and Buzky estuaries is filled with Late Bronze Age settlements, and even in the pre-colonial period, this territory was connected to the left bank by a ford across the Southern Bug estuary, next to which the city of Olbia later arose.

It seems that the entrance to the ford – the crossing between the Voloshskaya and Russkaya spits from Olbia and the right-bank part of this cluster was marked by three Cimmerian steles, one of them is known as the “mooring pillar from Olbia”² [Olkhovskiy 2005: 43–44]. The ancient use of the eastern watershed of the Southern Bug basin as a land artery from the sea to the settlement structures of the Middle Dnieper is evidenced by the close location of the settlement of the Bilozerska culture Dykyi Sad (12th–10th centuries BC) and a number of its partners in the forest-steppe. It should be noted that the excavations of the Dykyi Sad hillfort became one of the most outstanding achievements of Ukrainian archaeology during the days of independence. The complex of this hillfort has a special status in the system of cultural monuments of Bilozerska culture. This fortified settlement was built at the confluence of the Southern Bug and Ingul rivers and the confluence of the Trans-Black Sea connecting routes, in addition, it had a convenient access to the Black Sea littoral³. The exceptionally good location and character of the investigated buildings suggest that there was an important node of barter trade during the Final Bronze Age and, probably, a cult center and residence of the elite of Bilozerska culture society [Gorbenko 2007; Otroshchenko 2008; Gorbenko, Grebennikov 2009]. An important craft centre of the transitional period from the Bronze Age to the early Iron Age is the Subotiv settlement [Gershkovich 2016] as a peculiar partner of this settlement structure at the northern end of the route. During the Scythian period, the centre of active life appeared nearby at the Motronynske hillfort [Bessonova, Skoryi 2001]. To the south of the Subotiv hillfort, in the upper reaches of the Ingulets River (a tributary of the Dnieper), there is the Chutivske hillfort (10th–9th centuries BC). Even further to the south, on a plateau between deep ravines in the area Chornyi Lis, there is the Chornolisske hillfort (10th–9th centuries BC). Since the settlement was located next to the road known in the Middle Ages as Chornyi and bordered the steppe, it was fortified with three lines of additional ramparts and ditches. However, this did not save its inhabitants from the attack of the steppe people, probably the Cimmerians. This is evidenced by traces of fires found by O.I. Terenozhkin [Terenozhkin 1952]. Bypassing the headwaters of the Tyasmyn river, the watershed of the Southern Bug and Dnieper basins turns to the west in front of the Chornolisske hillfort. In this direction, 16 km from the Chornolisske hillfort between the sources of the Ingulets and Ingul rivers, the mound Lyta Mohyla (fig. 1), widely known for the Melgunivskiy hoard, was built on the Chornyi Shliakh. A complex burial structure was built from 600–700 m³ of oak logs and plastered with clay. Later they burned it. During a very intense burning, the burial goods were melted – drops of gold and calcified bones were found [Boltryk et al. 2021]. The last excavations of the mound site in 2019 revealed a new marker among the remains of the Lyta Mohyla burial structure: the decoration of a wooden bowl – electrum plates. They are covered with rows of zigzags and circles. Similar ornaments are known in the decoration of Middle Hallstatt artefacts in Central Europe and in antiquities of the Right Bank of the Dnieper. Burial complexes with burnt structures dating back to the Scythian period are also known in the Chornyi Shliakh. Well-known burial sites are concentrated around Lyta Mohyla (fig. 1), within 30–60 km: Martonosha, Zashchita, Zhuravka m.

² While not excluding the possibility of tying the other three steles to the mounds surrounding Olbia, we nevertheless note that the tendency of tying Cimmerian stele to the places of crossings has been noticed [Bokyi et al. 1991: 180]. The same interdependence is reported by Herodotus describing the royal way. The father of history notes: “beyond Phrygia begins the river Galiy, on the banks of which there are gates (steles), and one must pass through them and thus cross the river” [Herod V, 52].

³ It seems that on the right bank of the Southern Bug, the partner of the Dykyi Sad was a settlement of the Bilozerska culture near the village Zhovten’ (the modern name Chumaky). It is located 15 km west of Dykyi Sad. It was excavated in 1976–1978 by the expedition of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR (led by O. Shaposhnikova). Its area is 6 hectares, a thickness of cultural strata is 1.2–1.4 m. On the opened area of 1000 m² multi-chamber ground dwellings and buildings of economic purpose made of stone were discovered. Fragments of a wide range of handmade ware, fragments of grain graters, foundry moulds, two bronze knives were found [Hrebennykov et al. 1991: 23].

406, Repiakhovata Mohyla, Chervona Mohyla near the village Flarkivka with a burnt tent-like structure and others. And some of these monuments, like Lyta Mohyla, have traces of burned wooden structures under the mound. Therefore, there was a tendency to believe that the burial mound was not built by the **Scythians**, but by their **predecessors** in this area. And the Scythians at the beginning of their dominance in the forest-steppe strip to the upper part of the already existing burial mound dropped a complex of gold ornaments and sword decorations, known as the Melguniv treasure.

The tendency to move pre-Scythian and archaic elite monuments to the strip of the eastern watershed of the Southern Bug (Hipanis) indicates the importance of this highway for its time. From the end of the 7th to the 5th centuries BC it carried the movement of key commodity flows, both from the sea and from the forest-steppe⁴. The concentration of the most important settlement structures and funerary monuments in the strip of the eastern wing of the Southern Bug watershed, and here we should also add a cluster of ten Scythian mounds (height 8–11 m) on the Visun' River [Mozolevs'kyi 1990], funerary complexes with burnt structures near the villages Mederovo [Bokyi 1974] and Vasine [Kozyr et al. 2019]. This collection of unique archaeological data gives reason to expect that somewhere here, on the border with the forest-steppe, there was an important centre of archaic Scythia, the importance of which was preserved even later. A certain echo of the importance of these terrains and the indisputable relationship of the Scythian paths with cult places can be the area of Exampeus (Greek – Sacred Paths) mentioned twice by Herodotus between the Hypanis and Borysthenes rivers [IV, 52, 81]. A large copper cauldron was allegedly installed in it during the time of the Scythian king Ariant. It was made from arrowheads – one from each Scythian. The location of Exampeus caused many versions of its localization, but there is still no generally accepted one. Probably, the solution to this problem lies in a complex search, analysis of old maps and satellite images, places of potential intersections of ancient paths, followed by an archaeological search in the area. Further passage of the path, past: the node of hillforts the village Pasters'ke, the gigantic, unexplored Zhurzhynefs'ke hillfort, mounds around the town of Tarascha, village Novoselytsi, near the fortifications near Kal'nyk and Shabelnia, the Soroka and Illintsi mounds. The path repeated the bends of the watershed of the Southern Bug and the Dnieper rivers, and already in the north-western Podillia, between the headwaters of the Sluch and Zbruch, it connected with the Kuchmans'kyi path. The last passed along the western edge of the Southern Bug basin (fig. 1).

Watershed of the Dniester – Southern Bug water network. The route from Berezan', Olbia, Nikonion to the western edge of the country of forest-steppe hillforts, to the Sian – Dniester watershed (to the Khotynets' hillfort). Breakthrough information from Polish colleagues about the Khotynets' agglomeration and the discovery of four amphorae in the ash heap of the central hillfort (an example from Klazomeny was restored, and others from Lesbos, the amphorae are placed in the chronological range from the end of the 7th to the beginning of the 6th century BC) [Czopek et al. 2022: 110–112], makes the itinerary (lat. *itinerarium*) given by the father of history [Herod IV, 17]. Herodotus seems to use the testimony of merchants and gives a sequence of peoples living from the port of the Borysphenites along the Hypanis River to the west of Borysthenes. These are Kallipids, Alisons, Scythians-Oratai (Σκύθαι ἄροτῆρες) and Neuri, «and further north of the Neuri... there is an uninhabited country» [Herod IV, 17]. That is, now, the edge of the zone of hillforts coloured by Scythian material culture was 300 km to the west. And probably, the «solitaire» of the ethno geographical situation of the right-bank part of Scythia will have to be laid out somewhat differently. We do not rule out that now there is a reason to revise the ethnic affiliation of the population, if not Nemyrivs'ke hillfort (middle part of the Southern Bug), then maybe

⁴ From the end of the 5th century BC to the Scythia, the Bosphorus commodity vector begins to dominate, and later Chersonesus and its Chora join it.

Severynivs'ke hillfort, carefully «giving» them into the possession of the Alizons, since the Oratai Scythians can fill part of the western terrain. However, a new version of the reconstruction of the ethnic geography of Scythia can be made more confidently only after the study of the dotted monuments in the lane of the ancient trade transit in the direction of the Sian – Dniester watershed. We do not rule out that the short period of operation of this transit, limited to the period of the early history of Scythia, did not

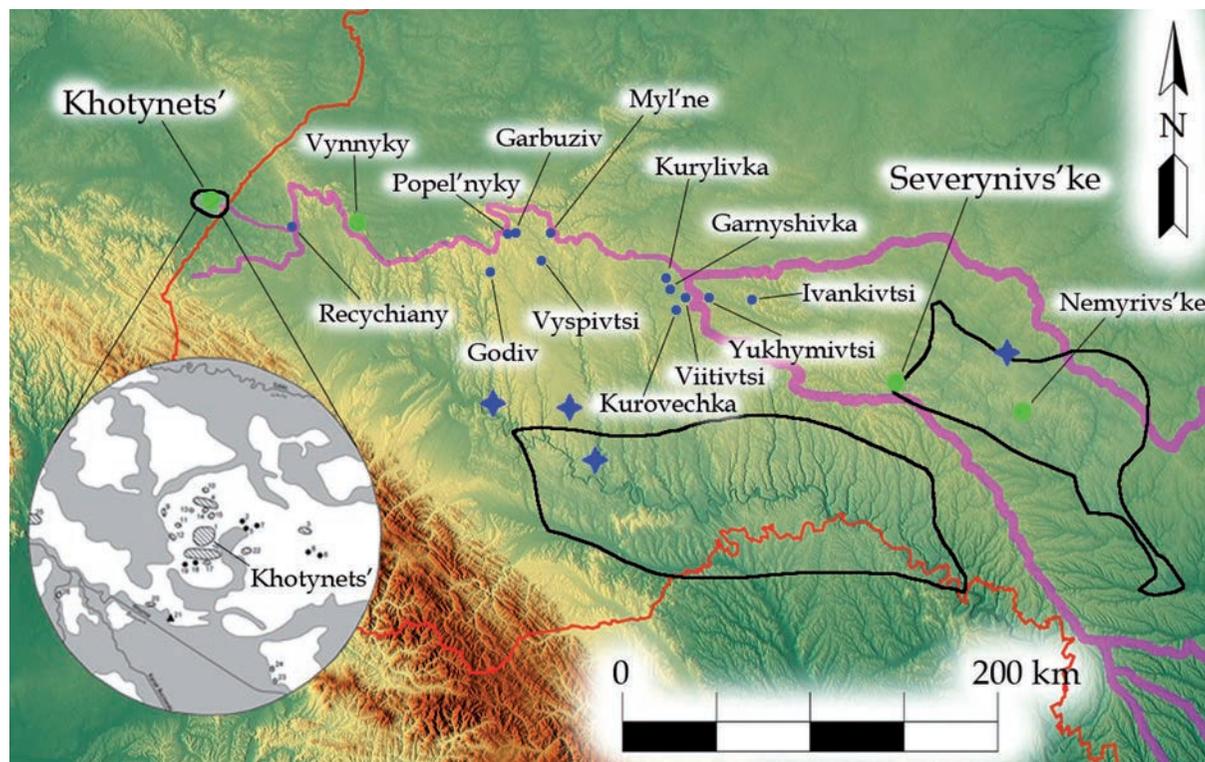

Fig. 2. Map of the probable route from Severynivs'ke hillfort to Khotynets' agglomeration, with settlement structures and potential stops of trade caravans. On the inset: a scheme of the Khotynets' agglomeration between the rivers Shklo and Vyshnia. According to S. Czopek and K. Trybała-Zawiślak

leave powerful fortifications in the area between Severynivs'ke and Khotynets' hillforts (fig. 2). However, the presence of settlement structures in the potential lane of its passage, discovered by recent explorations in Khmel'nyts'kyi [Mykhalchyshyn, Shpakovskyi 2017: 21–22] and Ternopil' regions, gives grounds for cautious optimism. The territories of the L'viv region require a total study of the territory, such as the recently completed large Polish-Ukrainian project to search for settlement structures in the basin of the Vyshnia River [Czopek et al. 2018]. Actually, among the consolidated information about 1772 sights, these terrains, the monograph also contains data about the Khotynets' hillfort, its agglomeration between the Vyshnia and Shklo rivers, and probable approaches to it. But already now it is possible to connect the path from Ternopil' region in the direction of the Sian – Dniester watershed plain with the section of the Dniester – Western Bug watershed, which leads to three early Iron Age monuments in the area of Vynnyky in front of L'viv (fig. 2). On the largest opened area (200 m²) in the Golianivka area, M. Bandrivs'kyi found the materials of the early Scythian culture (6th century BC). A single elite burial-cremation from the

outskirts of the village Rechychiany of the Horodotsky district of the L'viv region indirectly attests to the existence of a road west of L'viv in the direction of the Over-Sian lowland during the Roman times⁵. But let's return to the watershed of the middle course of the Dniester and the Southern Bug, where lived the Alizons mentioned by Herodotus and other authors [IV, 52]. The sub meridional part of the watershed and the path along it is marked by the Severynivs'ke hillfort. When the watershed approaches the strip of the steppe (or Black Sea lowland) between the Dniester and Southern Bug basins, the catchment of medium and small Black Sea rivers, among which Tiligul is the largest, is wedged. Therefore, in the steppe, towards the sea, the common watershed of Tiras and Hypanis diverges into two branches. The western one led to Nikonion on the left bank of the Dniester estuary, which was built in the second half of the 6th century BC and was founded by the Ionians, and the eastern one in the direction of Berezan' and Olbia. In the answer to where the amphorae came to the Khotynets' hillfort, preference should be given to the settlement on Berezan' Island. Although the way from Nikonion is somewhat shorter and more direct, a certain chronological gap of almost half a century between the existence of this city and the hillfort of Khotynets', we lean towards the Berezan' – Olbia transit. Several seasons of work (2009–2014) at the Severynivs'ke hillfort, which added two important arguments for understanding the spatial situation in Podolia, are also inclined to this. The first is the watershed of the Dniester and the Southern Bug Rivers at the point of turning to the west, practically abutting the Riv River, and here a hillfort was built at the ford. The second argument is that we managed to collect a collection of psalium fragments from the horn and traces of their production at this settlement. A series of broken horn psaliums from the cultural layer (6th century BC) of the Severynivka hillfort resonates with a selection of horn psalium with zoomorphic decoration and blanks for their production with horn psalium of Kartal, Nikonion, Berezan', Olbia and the ancient settlement near Hluboka Prystan [Buyskikh, Ostroverkhov 1994]⁶. But the closest analogies still come from Berezan'. Considering the location and the remains of the horse bridle repair service, there are reasons to believe that the inhabitants of the Severynivka hillfort serviced trade caravans from the harbours of the north-western part of the Pontus, which were headed to the Over-Sian lowland (and it is possible to the Khotynets' hillfort, to which travellers remained 10–12 days of travel).

The watershed of the Dnipro and Don basins, exits from the Crimea: Perekop – Muravs'kyi shliach Arabats'ka spit. It should be noted that the boundary of the eastern wing of the Dnieper catchment, through which the Muravs'kyi shliach passed – one of the most important roads of the 16th–18th centuries, was used by separate sections in Scythian times, which operated with varying intensity in different chronological intervals. This can be explained by the fact that other priority areas dominated at that time.

---

⁵ It includes: a ceremonially damaged sword and two spearheads, fragments of an umbon and shield handles, parts of spring-type scissors, three spurs, a bridle belt splitter, etc. Of particular interest are the melted fragments of a bronze cauldron-situla with attachments in the form of female faces and the end of a drinking horn. All items have traces of melting in the fire. This cremation burial can be dated to the second half of the 2nd century AD [Onyshchuk et al. 2022: 147–148].

⁶ On the right bank of the Dnieper estuary, in the area of Hlyboka Prystan', a Hellenistic-Scythian settlement was investigated, in which a probable deep-water harbour of the Olbian Chora should be seen. Researchers of the site of Hlyboka Prystan' note powerful defensive structures, a large undeveloped area (20 hectares), the presence of Greek terracotta's, Olbian coins of various periods, inscriptions, as well as a high percentage of amphora containers in the ceramic complex (75–80%). In the undeveloped part of the settlement, one should see indirect signs of what is inherent in the structure that served the harbour (mooring-shelter for trade caravans). A successful logistics component is also eye-catching, it conveniently combines a port and a nearby exit to the watershed between the Southern Bug and Dnieper basins.

Routes from the Bosporus and Chersonesus to the center of Scythia in the 5th– early 3rd century B.C. The key ancient centers of Crimea – Pantikapaeum and Chersonesus, intercepting the trade initiative in Olbia, directed their merchandising intervention mainly to the center of Scythia or to its north-eastern regions. In any case, the steppe part of the Muravskiy shliach from Perekop to Sirogoz'ka Balka in the 4th century BC was actively used, as evidenced by the elite mounds built in the lane of its passage near Chorna Dolyna (among them the Mordvyniv mounds – the most significant burial structures in the south-western part of the Dnieper – Molochna interfluvium). On the left bank of the Sirogozka ravine, the key intersection of the Left Bank Steppe was marked by the giant grave of one of the last Scythian kings – the Oguz kurhan (fig. 1). The Muravskiy route, by which goods from Chersonesus and Heraclea arrived in this section to the center of Scythia, met near Oguz with the route from the Bosporus (Pantikapaum). The latter ran along the Arabat spit, its functioning is evidenced by the finds of Bosporan and Olbian coins in the northern part of the spit. And most importantly, the direction itself is indicated by the spit, the chain of super-elite mounds Oguz, Kozel, V. Rogachyk and Solokha continues in the steppe, heading towards Kam'ians'ke hillfort. It seems that at the time of the construction of Oguz (the last third of the 4th century BC) the route of the Muravskiy shliach dominated, since in the direction of its passage from the mound to the east, 800 m long, the remains of a ceremonial alley were traced by O. Kariaka on the satellite image [Boltryk, Karjaka 2021: 199, 201].

The direction from Oguz outlined by the largest mounds of the left-bank steppe leads to the main fords of the crossings of the Lower Dnieper. They were controlled by the main hillforts of steppe Scythia: Kapuliv's'ke and Kam'ians'ke⁷. The importance of this zone from the right bank is emphasized by the Chor-tomyk, Aleksandropol' and the unexcavated Nechaeva Mohyla. In addition, the overwhelming number of fragments of amphora containers, from precious varieties of wines, collected on the surface of the unexcavated Kapuliv's'ke hillfort, makes it necessary to give it priority, as opposed to Kam'ians'ke (fig. 1). It should also be emphasized the location of a pair of bronze pommels with Papai accidentally found on opposite sides of the Kapulivka agglomeration. These artifacts certainly symbolized the world tree or the tree of life. Above the head of the creator god Papai is depicted "his prototype – an eagle, which became his symbol" [Bessonova 1983: 41]. The predatory eagle-headed birds, on the tops of the branches of the tree, represent Papai, and with him the entire celestial sphere or the top of the world tree. And the branches at the top, decorated with figurines of running wolves, symbolize the four directions of the world. The symbolism of the world tree, in turn (among other meanings), is associated with a pillar and a path. Therefore, such signs are quite appropriate at crossroads. A separate article is devoted to a more detailed overview of the centre of Scythia [Boltryk et al. 2018], so we will not dwell on it.

However, let's return to the Chorna Dolyna area. Near it, a path branched off from the Murav's'kiy shliach to the Kakhovka – Beryslav crossing (Kyzkermens'ka in the Middle Ages), and from there headed to Olbia. Deviating to the southwest from Chorna Dolyna, a branch in the opposite direction led to the Kinburn spit to the Yagorlyts'kiy settlement. Presumably, before the emergence of the Kamians'ke hillfort, the leading craft center of Dnieper Scythia was located here.

The path from the mouth of Kal'mius to the settlement agglomerations on Sivers'kiy Donets', Middle Vorskla and Sula. At one time, then still graduate students, one of the authors, preparing an article devoted to accidental finds of swords on the left bank of the Dnieper, together with the supervisor, were surprised by the fact that the artifacts collected by them stick to the Murav's'kiy shliach⁸ in its section

⁷ The traditional conclusion that the Kam'ians'ke hillfort was the capital of Scythia and the seat of King Atheus [Grakov 1954: 172] should be revised. The Kam'ians'ke hillfort was a trade and craft partner of the more important, probably capital city due to its status, the Kapuliv's'ke hillfort [Boltryk 2004: 38–41].

⁸ We are talking about the section of the Murav's'kiy shliach from the Mozhs'kiy ditch to its turn to the west in the upper reaches of the Kal'chyk River.

from the Mozhs'kyi ditch to the turn to the west, but point to uninhabited territory on the northern shore of Taganrog Bay [Bilinskii, Shelekhon 2014: 172]. While preparing this article, we found a probable point indicated by a dotted line on the map, formed by finds of swords. It turned out to be the territory of the now infamous "Azovstal" plant on the left bank of the Kal'mius River, not far from its confluence with the Sea of Azov. In the collection (No. 21) of Mykola Omel'ianovych Makarenko in the Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, there is his letter from 1930 to "Ukrglavnauka", where the researcher of the Mariupol Neolithic burial ground reports that there is also an classical antiquity village on the territory of the construction of the "Azovstal" plant. It also turned out that in the centre of Mariupol' (on the right bank of Kal'mius River above the sea), in the first third of the 20th century ancient ceramics were found in the lane from the Chervonyi Khrest sanatorium to Bila Dacha. One way or another, given the possibilities of the Kal'mius River estuary in the past, as one of the largest rivers of the Northern Azov region, it should be expected that in ancient times there was an important hub for the transshipment of goods from sea vessels to land caravans (fig. 3). We do not rule out that it makes sense to revise Herodotus' proposed localization of the Scythian harbour of Kremny in the Korsak

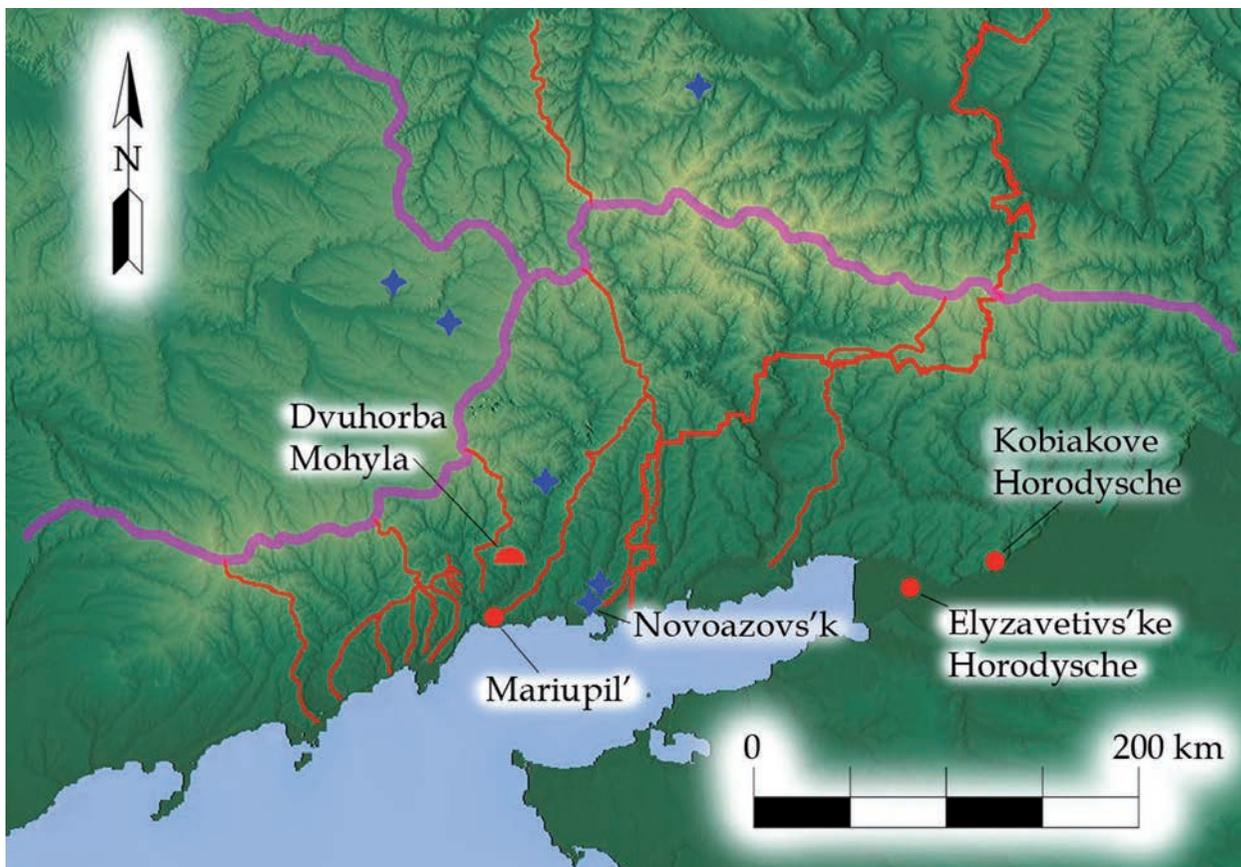

Fig. 3. Map of probable ancient routes of the northern coast of the Tahanrog Bay, compiled on the basis of the archaeological situation of the region and the analysis of satellite images conducted by O. Kariaka

River estuary⁹ [Boltryk, Fialko 1987: 40–47], and to carefully consider the archaeological environment of the Kalmius estuary and the path that could lead from the sea to the Left Bank forest-steppe. It is worth mentioning the mound of Dvuhorba Mogyla (fig. 3), located half a day's journey north of "Azovstal'" and the sea containers from it: 19 Thasian and Herakleian amphorae and the nearby Kremnivka sanctuary with its collection of amphorae spanning a century and a half. Probably, even during the time of the migration of the royal Scythians, goods from Ionia and South Pontus went from these places to the north along the watershed to the settlements of Sivers'kyi Dinets', Bil's'k, Knyshivske and Basiv's'ke hillforts. We do not rule out that it was convenient for merchants to reach the Middle Don from the mouth of the Kalmius, as evidenced by several dozen amphorae from these areas and an elite hydria from the Mastiuhin mound 29/21. This could have happened along the route of the Muravs'kyi shliach and the more direct Kal'mius'ka Sakma, known since the 16th century, but we do not rule out that the direct route from the shores of the Sea of Azov to the Middle Don, with a ford through the Sivers'kyi Donets', was known in earlier times as well.

It is quite possible that the development of the route through the watershed between the Dnieper and Don basins was developed in pre-Scythian times, as it led to the places of salt extraction (or salt lakes) in the middle course of the Sivers'kyi Dinets' (fig. 1). The indisputable interest of the Scythians in these industries is recorded by random finds of iron swords with block-shaped pommels and a small bronze cauldron in a salt lake near Slavians'k.

Conclusions. Separate directions of transport communications of the Northern Black Sea region were formed as early as the Early Bronze Age. The need to deliver self-seeding salt into the depths of the steppe and forest-steppe pushed the drivers of ancient caravans to use steppe watersheds. These route options were optimal due to the absence of sharp fluctuations in the landscape, which guaranteed safe movement on a long way with a heavy load.

Merchants from the ancient cities and harbours of the northern coast of the Black and Azov seas already used the routes laid by their predecessors. An example of this is the path from Lower Pobuzhzhia to the Tiasmin basin, on which the Chornolisska culture mounds stretched in space form a chain in the submeridional direction.

The discovery of Polish colleagues of the Khotynets' hillfort and its surrounding settlements, with a material culture similar to the hillforts on the Right Bank of the Dnieper, in the area of Over-Sian lowland, extended the area of Scythian influence far to the west. Findings of the remains of four archaic amphorae, which probably arrived from the ancient settlement of Berezan' in transit through the Severynivs'ke hillfort, made it possible to find intermediate potential stopping points (so far only preliminary explored) of trade caravans on the watersheds of the Dniester, Southern Bug, and the western part of the Dnieper basin.

The centre of Scythia on the Lower Dnieper in the 5th–4th centuries BC maintained active trade relations with the Bosphorus and Chersonesus, using the steppe part of the left-bank watershed of the Dnieper and the sand spit of the Arabats'ka Strilka in the west of the Sea of Azov.

The limited information found by the authors about the ancient settlement, discovered in 1930 by M. Makarenko in the construction zone of the "Azovstal" plant, and the use of data from satellite images

⁹ V.P. Kopylov suggests an alternative localization of Kremny near the mouth of the Don. He considers a large number of random finds of Ionian ceramics from the bottom of the Taganrog Bay to be the remains of this emporium [Kopylov 2011: 223–239]. However, under the conditions that it was some kind of ancient settlement structure (and not the place of anchorages of the Greeks), there is no reason to see Herodotus' Kremny in it. At the time of Herodotus' appearance in Olbia, the Taganrog settlement had not existed for almost a century. In addition, the localization of Kremny in Taganrog contradicts the information of Claudius Ptolemei, according to whom this point gravitates to Western Nadazov'ia.

made it possible to correct the potential ways of economic contacts of the Greeks with the population of hillforts and settlements of the Dnieper Left Bank and Sivers'kyi Donets' (fig. 1).

So, it can already be asserted that the settled population of the Forest Steppe of Eastern Europe, which was under the influence of the material culture of the Greeks and Scythians, occupied the territory from the headwaters of the Sian in the west to the Middle Don in the east.

REFERENCES

- Bessonova S.S., Skoryi S.A.* Motronynskoe gorodyshche skyfskoi epokhy (po materyalam raskopok 1988–1996 gg.) Kiev; Krakov: IA NANU, Yahellon. un-t, 2001. 240 p.
- Bessonova S.S.* Relyhoznye predstavleniia skyfov. Kiev: Naukova dumka, 1983. 138 p.
- Bilinskyi O., Shelekhan A.* Sluchainye nakhodki mechei i kynzhalov skyfskogo vremeni na Dneprovskom Levoberezhie // Arkheolohichni ta lnhvistychni doslidzhennia. Materialy Humboldt-konferentsii. Ed. by V. Mordvyntseva. Kiev: Izdatelskiy dom «Stylos», 2014. P. 170-185.
- Bokyi N.M.* Skyfskiy kurgan u sela Mederovo // Sovetskaia arkheologiya. 1974. No. 4. P. 264-271.
- Bokyi N.M., Gorbul G.P., Otroshchenko V.V.* Kimmeriiskie zakhoroneniia na Kirovogradshchynе // Sovetskaia arkheologiya. 1991. No. 1. P. 173-183.
- Boltryk Yu.V.* Sukhoputnye kommunikatsii Skifii (po materyalam novostroechnykh issledovaniy ot Pryazovia do Dnepra) // Sovetskaia arkheologiya. 1990. No. 4. P. 30-44.
- Boltryk Yu.V.* Sukhoputnye kommunikatsii Skifii (po materyalam novostroechnykh issledovaniy ot Pryazovia do Osnovnoi torhovyi put Olvii v Dneprovskoe lesostepnoe Pravoberezhie // Rossiyskaia arkheologiya. 2000. No. 1. P. 121-130.
- Boltryk Yu.V.* Do pytannia pro politychnyi tsentr Skifii // Starozhytnosti stepovoho Prychornomia i Krymu. 2004. XI. P. 38-41.
- Boltryk Yu.* Pontic trade routes – Baltic sea area as a map of scythian expansion // Baltik-Pontic studies. 2009. No. 14. P. 402-414.
- Boltryk Yu.V., Fialko E.E.* K voprosu o lokalizatsii gavany Kremny // Skify Severnogo Prichernomia. Kyev: Naukova Dumka, 1987. P. 40-48.
- Boltryk Yu.V., Okatenko V.M., Toshchev G.M.* Tereni tsentru Skifii (vid Solokhi do Chortomlika) // Arkheologiya i davnia istoriia Ukrainy. 2018. No. 1 (26). P. 147-168.
- Boltryk Yu., Shelekhan, O., Sobchuk, V.* Doslidzhennia zalyshkiv Lytoi Mohyly // Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini 2019. Kyiv: IA NANU, 2021. P. 120-123.
- Boltryk Yu.V., Kariaka O.V.* Slidy starodavnykh shliakhiv stepovoi Tavrii // Arkheologiya i davnia istoriia Ukrainy. 2021. No. 3 (40). P. 199-214.
- Brashynskiy I.B.* Torgovlia // Atnychnye gosudarstva Severnogo Prychornomia. Moskva: Nauka, 1984. P. 174-186.
- Bruiaiko Y.V., Nazarova N.P., Petrenko V.H.* Drevnie kulturnye landshafty na iuhe Tylygulo-Dnestrovskoho mezhdurechia po dannym aerofotosemki // Severo-Zapadnoe Prychornomore – kontaktnaia zona drevnykh kultur. Kiev: Naukova dumka, 1991. P. 37-44.
- Buiskykh S.B., Ostroverkhov A.S.* Kabanii klyk s zoomornym izobrazheniem iz Glubokoi Pristani // Problemy skyfo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomia. Ed. By G.N. Toshchev. Zaporozhe, 1994. P. 34-38.
- Czopek S., Trybała-Zawiślak K., Wojcieszczuk N., Osaulczuk O., Bobak D., Gębica P., Jacyszyn A., Pasterkiewicz W., Pawliw D., Petehyrycz W., Połtowicz-Bobak M., Wacnik A.* Przemiany kulturowo-osadnicze w dorzeczu rzeki Wiszni w epoce brązu i we wczesnej epoce żelaza w kontekście zmian prahistorycznej i wczesnohistorycznej ekumeny. Rzeszów: Uniwersytet Rzeszowski, 2018. 705 p.
- Czopek S., Trybała-Zawiślak K., Tokarczyk T.* The fortified settlement in Chotyniec in previous studies // Archaeology and Early History of Ukraine. 2022. No. 42. P. 105-114.
- Gershkovich Ya.* Subotovskoe gorodyshche. Kyiv: Starodavniy svit, 2016. 507 p.
- Gorbenko K.* Horodyshche "Dykyi Sad" u XIII–IX st. do n.e. // Eminak: Naukovyi shchokvartalnyk. 2007. P. 7-14.
- Gorbenko K., Grebennikov, Yu.* The 'Dykyi Sad' fortified settlement as a uniting link in the context of economic, political and cultural relation of 1200–1000 BC (the baltic shore, the Pontic region and the mediterranean) // Baltik-Pontic-Studies. 2009. No. 14. P. 375-390.
- Grakov B.N.* Kamenskoe gorodyshche na Dnepre. Moskva: Izd-vo AN SSSR (MIA. 36), 1954. 238 p.
- Hanina O.D.* Antychni bronzy z Pishchanoho. Kyiv: Mystetstvo, 1970. 98 p.

- Herskovych Ya.P., Romashko O.V.* Skifski sviatylyshcha Aresa: arkheolohichni danitasvidchennia Herodota. // Arkheolohiia. 2013. No. 1. P. 61-75.
- Hrebennykov V.B., Karazhei O.M., Yatsenko S.M.* Pamiatnyky arkheolohii Ochakivskoho raionu (kataloh – dovidnyk). Mykolaiv, 2011. 90 p.
- Ivanova S.V.* Dobycha soli v Severnom Prychernomore i Krymu (po arkheolohycheskim i istorycheskim dannym) // Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy. 2014. No. 2 (13). P. 7-17.
- Karjaka A.V.* The Demarcation System of the Agricultural Environment of Olbia Pontike // Meetings of Cultures Between Conflicts and Coexistence. Aarhus: University Press, BSS 8, 2008. P. 179-190.
- Kariaka O.V.* Systema rozmezhuvannia silskoi terytorii Olvii Pontiiskoi za danymy dystantsiinoho zonduvannia // Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy. Arkheolohiia i prostir. 2015. No. 4 (17). P. 140-147.
- Kariaka O.V.* Davni shliakhy bilia Davydovoho Brodu na Inhulsi // Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy. 2021. No. 3 (40). P. 169-184.
- Klochko V., Koško A.* The societies of corded ware cultures and those of Black sea steppes (yamnaya and catacomb grave cultures) in the route network between the Baltic and Black seas // Baltik-Pontic studies. 2009. No. 14. P. 269-301.
- Mykhalchyshyn I.R., Shpakovskyi S.M.* Arkheolohichna karta mezhyrichchia verkhiviv Pivdennoho Buhu, Sluchi, Zbrucha. Kyiv: Starodavnii svit, 2017. 190 p.
- Kopylov V.P.* Tahanrogskoe poselenie – havan Kremny? (pismennye istochnyky i arkheologicheskie realii) // Antichnyi mir i arkheologia. 2011. No. 15. P. 223-239.
- Kozyr I.A., Panchenko K.I., Chorny O.V.* Vasynskyi kurhan serednoskifskoho chasu // Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy. 2019. No. 2 (31). P. 300-314.
- Kryzhytskyi S.D., Buiskykh S.B., Otreshko V.M.* Antychnye poselenia Nyzhneho Pobuzhia (Arkheologicheskaia karta). Kiev: Naukova Dumka, 1990. 132 p.
- Lysetskyi F.N., Byzov A.A.* Rekonstruktsiia transportnoy seti Stepnogo Pobuzhia // Kimmeriitsi i skify: tez. dokl. mezhdunar. nauch. konf., posviashch. pamiaty A.I. Terenozhkina. Melitopol, 1992. P. 50-51.
- Mozolevs'kyi B.M.* Kurhany vyshchoi skifskoi znati i problema politychnoho ustroiu Skifii // Arkheolohiia. 1990. No. 1. P. 122-138.
- Olkhovskii B.C.* Monumentalnaia skulptura naselenia zapadnoi chasty evraziyskykh stepei epokhy ranneho zheleza. Moskva: Nauka, 2005. 300 p.
- Onyshchuk Ya., Bilas N., Sydorovych V., Hrynchyshyn B.* Doslidzhennia pokhovalnykh pamiatok v okolytsiakh sil Kariv i Rechychany na Lvivshchyni // Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini 2020. Kyiv: NASU Institute of Archaeology, 2022. P. 146-148.
- Ostroverkhov A.S.* Olviia i torgovye puti Skifii // Drevnosti Severo-zapadnoho Prychernomoria. Kyev: Naukova Dumka, 1981. P. 84-94.
- Otroshchenko V.V.* Belozerskaia kultura // Kultury epokhy bronzы na terrytorii Ukrainy. Kiev: Naukova Dumka, 1986. P. 117-152.
- Otroshchenko V.* Ukriplene poselennia "Dykyi Sad" u systemi pamiatok bilozerskoi kultury // Eminak: Naukovyi shchokvartalnyk. 2008. No. 1-4. P. 5-10.
- Otroshchenko V.* The bronze age communication route system in the Northern Pontic area // Baltik-Pontic studies. 2009. No. 14. P. 462-474.
- Shylyk K.K.* Georafycheskie aspekty soobshchenia Gerodota o gorkom istochnyke na Gypanise // Problemy antichnoi istorii i kultury. 1979. No. 2. P. 450-456.
- Shylyk K.K.* Vliyanye pryrodnykh usloviy na vybor trass drevnykh transportnykh putei // Vzaymodeistvye obshchestva i prirody v protsesse obshchestvennoi evoliutsii. Moskva: Nauka, 1981. P. 178-187.
- Subbotin L.V., Cherniakov I.T.* Novotroianivskyi skarb ta pyttannia obminu metalom za doby piznoi bronzы // Arkheolohiia. 1982. No. 39. P. 5-23.
- Terenozhkin O.I.* Rozvidky i rozkopky 1949 r. v pivnichnii chastyni Kirovohradskoi oblasti // Arkheolohiia. 1952. No. VII. P. 110-135.
- Treister M.Yu.* Zametky o grecheskoi, italyiskoi i makedonskoi bronzovoi posude u skyfov i meotov // Archaeology and Early History of Ukraine. 2019. No. 31. P. 518-526.

Р. В. Зимовец

Роман Витальевич Зимовец,
Институт философии имени Г.С. Сковороды НАН Украины,
г. Киев, Украина; romanzymovets@gmail.com

«Эмблема Синдики».
Об одном из образов античного искусства в «варварской» среде

Аннотация. Статья посвящена вопросам иконографии и семантики образа коня на известных сериях синдских монет 2-й пол. V – начала IV в. до н.э. Приводятся аргументы в пользу чисто греческой стилистики данного образа, которая находит аналогии на более ранних монетах Ионии, Малой Азии и Фессалии. Распространение этого образа на монетах Пантикапея и Тира, а также на бляхах – деталях конской узды из разных регионов Скифии, не позволяют считать его специфической «эмблемой» локальной территории или связанного с ней аристократического рода. Факт такого переноса греческого образа на предметы обихода кочевников необходимо рассматривать в контексте заимствования скифами и близкими им племенами Северного Причерноморья греческого художественного языка, элементом которого являлись и сюжеты греческих монет. Этот процесс был обусловлен семантической близостью греческих образов мировоззрению кочевых племен Северного Причерноморья.

Ключевые слова. Монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ, образ коня, скифский звериный стиль, синды, скифы

Роман Витальевич Зимовец,
Украина ҰҒА Г.С. Сковорода атындағы Философия институты,
Киев қ., Украина

«Синдика эмблемасы».
«Варварлық» ортадағы антикалық өнер бейнелерінің бірі туралы

Аннотация. Мақала б.д.д. V ғ. екінші жартысы – IV ғ. басындағы әйгілі синд теңгелері сериясындағы жылқы бейнесінің иконографиясы мен семантикасы мәселесіне арналған. Бұл бейненің таза грек стиліне жататындығының дәлелі Иония, Кіші Азия және Фессалияның ежелгі теңгелерімен ұқсастықтарының анықталуы болып табылады. Аталған бейненің Пантикапей мен Тира теңгелерінде, сондай-ақ, Скифияның әртүрлі аймақтарынан табылған ат-әбзел бөліктері – айылбастарда таралуы, оның жергілікті аумақтың немесе онымен байланысты ақсүйектер отбасының ерекше «эмблемасы» ретінде қарастыру мүмкіндігін жоққа шығарады. Грек бейнесін көшпенділер қолданысына осылай ауысу фактісін скифтердің және Солтүстік Қара теңіз аймағындағы оларға жақын тайпалардың грек теңгелерінің сюжеті элементтері болып табылатын грек көркем тілін қолдануы тұрғысынан қарастырған жөн. Бұл процесс грек бейнелерінің Солтүстік Қара теңіз аймағы көшпелі тайпаларының дүниетанымымен семантикалық ұқсастығына байланысты өрбіді.

Түйін сөздер: ΣΙΝΔΩΝ аңызымен монеталар, жылқы бейнесі, скифтік аң стилі, синдтер, скифтер

Roman Zymovets,
G.S. Skovoroda Institute of Philosophy,
Ukrainian National Academy of Science, Kyiv, Ukraine

«Emblem of Sindika».
About one of the images of ancient Greek art in a «barbarian» environment

Abstract. The article is devoted to the issues of iconography and semantics of the image of a horse on the famous series of Sind coins of the second half of the 5th – early 4th century BC. Arguments are given in favor of the purely

Greek style of this image, which finds analogies on earlier coins of Ionia, Asia Minor and Thessaly. The distribution of this image on the coins of Panticapaeum and Tyra, as well as on plaques – parts of a horse bridle from different regions of Scythia, does not allow us to consider it a specific “emblem” of a local territory or an aristocratic family associated with it. The fact of such transfer of the Greek image to nomads bridle must be considered in the context of the borrowing by the Scythians and tribes close to them of the Northern Black Sea region of the Greek artistic language, an element of which was also the plots of Greek coins. This process was due to the semantic similarity of Greek images to the worldview of the nomadic tribes of the Northern Black Sea region.

Keywords: coins with the legend ΣΙΝΔΩΝ, image of a horse, Scythian animal style, Sinds, Scythians

Монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ на протяжении многих десятилетий вызывают неизменный интерес исследователей. Далеко не последней его причиной является непосредственная связь этой чеканки с историческими синдами – народом, проживавшим на Таманском полуострове и к юго-востоку от него¹. Боспорско-греческий характер самой чеканки, проявившийся как в монетных номиналах, так и в их стилистике², в сочетании с принадлежностью этой чеканки «варварскому» народу, относящемуся к ареалу «скифоидных» культур евразийских степей,³ позволяют считать монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ одним из ярких, если не эталонных проявлений синтеза двух культур – условно местной, варварской, и греческой. В первую очередь, это относится к образам, размещенным на монетах, среди которых – голова Геракла в львиной шкуре, Геракл, натягивающий лук, сова, протома быка, козел, сидящий грифон и конская голова. Монеты с изображением последней являются количественно преобладающими [Горончаровский 2017: 257] и, к тому же, «первым по времени примером этого обычая на почве боспорской нумизматики» [Шелов 1949: 112]. Эта «оригинальность» изображения головы коня позволила некоторым исследователям трактовать ее как некую «эмблему» или «символ» Синдики [Шелов 1949: 116; Терещенко 1999: 86].

Вместе с тем, дискуссии относительно генеалогии этого образа, причинах его появления на синдских монетах и его семантики до сих пор актуальны. Можно выделить несколько подходов к решению этого вопроса.

1. Голова коня на монетах с легендой ΣΙΝΔΩΝ – чисто греческий образ, выполненный в соответствующей стилистике и «механически» заимствованный синдами [Орешников 1922: 124; Коваленко 2020: 301].

2. Это греческий образ, но само его появление в чеканке синдов вызвано «местными условиями» хозяйственного, социального и/или религиозного характера [Зограф 1951: 168; Шелов 1949: 112; Горончаровский, Терещенко 2015: 86].

3. Данный образ необходимо рассматривать в контексте греческого искусства Северного Причерноморья, являвшегося, по сути, «греко-варварским» синтезом [Шилов 1951: 215].

4. Образ головы коня, особенно в сочетании с образом грифона, отсылает к иранскому религиозному миру, к которому, видимо, принадлежали синды [Фролова 2002: 78–79].

¹ Хрестоматийным стал вывод С.Р. Тохтасьева о том, что «с точки зрения языка легенда ΣΙΝΔΩΝ может значить только одно: “(монета) синдов”» [Тохтасев 2001: 64].

² О связи синдской чеканки с боспорской: [Зограф 1951: 168; Горончаровский, Терещенко 2015: 84].

³ Относительно этнической принадлежности синдов нет единого мнения. Высказывались версии об индоевропейском [Трубачев 1999], киммерийском [Артамонов 1973: 9], кавказском [Крушкол 1971: 39, 43] происхождении синдов. С.Р. Тохтасев полагает, что синдская правящая верхушка вела свое происхождение от скифов, появившихся на территории Синдики еще в VII в. до н.э., о чем свидетельствуют данные как археологии, так и антропологии, в то время как основу этноса составляло аборигенное население Северо-Западного Кавказа [Тохтасев 2015: 435]. Синдов рассматривают как «сравнительно небольшую группу азиатских кочевников, отличных от скифов, но на определенном этапе находившихся под их сильным политическим и культурным влиянием» [Горончаровский 2017: 233]. В то же время, «Лингвистическая принадлежность синдов не ясна и вряд ли может быть установлена из-за отсутствия надежных данных» [Горончаровский, Иванчик 2010: 219].

Задача настоящей работы – рассмотреть образ головы коня, размещенный на синдских монетах в более широком контексте изобразительного материала, в т. ч. принадлежащего кочевнической среде. Это позволяет проинтерпретировать его в рамках общего процесса заимствования скифами и близкими им по мировоззрению синдами «языка» художественных образов греков Северного Причерноморья, интенсивно происходившего в V–IV вв. до н.э.

1. Монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ

Н.А. Фролова, опубликовавшая корпус монет синдов, выделила пять их типов. На четырех из них, на реверсе, представлена голова коня.

Тип 1. Голова Геракла в львиной шкуре вправо (с точечным ободком) – голова коня в углубленном квадрате, справа от которой восьмилучевая звезда, вверху надпись ΣΙΝΔΩΝ. Триоболы и диоболы.

Тип 2. Голова Геракла в львиной шкуре вправо (точечный ободок отсутствует) – голова коня вправо (звезда отсутствует), сверху надпись ΣΙΝΔΩΝ. Это наиболее представительный по номиналам тип, к которому относятся диоболы, оболы, гемииоболы, тетартемории и гемитетартемории.

3. Геракл, опустившись на одно колено, натягивает лук вправо – сова в фас с расправленными крыльями, вверху надпись ΣΙΝΔΩΝ. Диоболы.

4. Голова быка вправо – голова коня вправо, вверху надпись ΣΙΝΔΩΝ. Тетартемории, гемитетартемории.

5. Орлиноголовый грифон вправо, перед ним зерно – голова коня в углубленном квадрате, над ней надпись ΣΙΝΔΩΝ. Диоболы, оболы, тетартемории, гемитетартемории [Фролова 2002: 72–77] (рис. 1, 1–4).

В.А. Горончаровский и А.Е. Терещенко выделяют три серии синдской чеканки. К первой относятся монеты с изображением совы на реверсе. К типу Геракл на колене с луком – сова анфас добавляется еще один, на котором изображены протома козла вправо с повернутой назад головой – сова анфас с распушенными крыльями в углубленном квадрате, вверху надпись ΣΙΝΔΩΝ [Горончаровский, Терещенко 2015: 77]. Серия 2 включает монеты с изображениями Геракла и быка на лицевой стороне, и головы коня – на реверсе (типы 1, 2, 4 по Н.А. Фроловой). К серии 3 относятся монеты с изображением грифон/зерно – голова коня (тип 5 по Н.А. Фроловой). Из всех перечисленных типов, серии монет с изображением голова Геракла – голова коня являются самыми многочисленными, насчитывая примерно 150 экз. [Горончаровский, Терещенко 2015: 89].

По мнению Н.А. Фроловой, выпуск синдских монет начался в 1-й пол. V в. до н.э., а «может быть и ранее, так как в эмиссии монет синдов включены самые мельчайшие номиналы – тетартемории (0,30 г) и гемитетартемории (0,10 г), которые присутствуют только в ранней чеканке Пантикапея» и продолжался на протяжении всего V в. до н.э. [Фролова 2002: 79].

Классификация В.А. Горончаровского и А.Е. Терещенко основана не на метрологических данных, а на синхронизации чеканки монет синдов с хронологией Семибратних курганов. В погребальном инвентаре этих памятников присутствует ряд предметов, в декоре которых использованы сюжеты, аналогичные встречающимся в синдской чеканке. В частности, имеются золотые изделия в виде совы, головы безбородого мужчины, головы быка, коленопреклоненного обнаженного юноши, козла, протома козла и головы грифона [Горончаровский 2017: 255; Горончаровский, Терещенко 2015: 87, рис. 3]. Золотые бляшки в виде совы были найдены в Семибратнем кургане 2, который относится к 450–430 гг. до н.э., что «позволяет рассматривать монеты с изображением совы на реверсе как первую серию “синдской” эмиссии» [Горончаровский

Рис. 1. Монеты Северного Причерноморья с изображением головы коня (без масштаба):
 1–4 – Монеты Синдов (1, 2, 4, 5 типы по Н.А. Фроловой); 5 – Пантикапей; 6 – Тира.
 По: 1–3 – [Фролова 2015: 39, рис. 1–3]; 4, 5 – [Терещенко и др. 2015: 78, рис. 11а, б;
 82, рис. 13а, б]; 6 – [Анохин 2011: 11, рис. 5]

2017: 256]. Наиболее многочисленная чеканка с головой коня на реверсе относится к «самому спокойному» времени жизни Синдики – последней четверти V в. до н.э., когда боспорский правитель Сатир I был занят войной с Феодосией. Последующий конфликт синдского царя Гекатея со своей бывшей женой – меотянкой Тиргатао и стоящими за ней силами ее родного племени иксоматов (причиной которого была активная политика того же Сатира I, но уже по отношению к азиатскому Боспору) отразился на синдской чеканке. Наиболее массовую серию сменяют монеты орлиноголовой грифон/зерно – голова коня (400–390 гг. до н.э.), после которых синдская чеканка прекращается [Горнчаровский 2017: 256–257].

2. Дискуссия относительно образа головы коня на синдских монетах

Д.Б. Шелов полагал, что трактовка головы коня на синдских монетах чисто греческая и «соответствует современным ей образцам греческого искусства в других местах эллинского мира» [Шелов 1949: 112]. «Түземный элемент, местные художественные вкусы не получили никакого отражения в чеканке синдов, если не считать, конечно, чисто формальных моментов вроде изображения коня, но эта “местная” эмблема трактована, как мы видим, совершенно в эллинском духе» [Шелов 1949: 116]. Вместе с тем, изображение коня, осетра, быка, плуга, колоса

в пантикапейской, синдской и фанагорийской чеканке отражало местные хозяйственные условия [Шелов 1949: 112].

С критикой такого подхода выступил В.П. Шилов. По его мнению, Д.П. Шелов недооценивает оригинальность и влияние местного, северо-причерноморского искусства на формирование образа головы коня, представленного на синдских монетах. Речь идет о золотой пластине из кургана Карагодеуашх с изображением квадриги, композиции на гребне из кургана Солоха, изображении лошадей на Чертомлыцкой вазе. Особенно близкими к образу на синдских монетах, по мнению исследователя, являются оконечности золотой гривны с изображением всадников из Куль-Обы. В обоих случаях представлена лошадь с круто поднятой головой, с коротко остриженной, переходящей на лоб гривой [Шилов 1951: 208]. Этот вывод считается справедливым и для других изображений на синдских монетах. Что же касается изображения совы, то этот мотив, связываемый многими исследователями с влиянием Афин, на монетах V в. до н.э. стал «трафаретным», иногда уже утратившим первоначальную связь с культом богини [Шилов 1951: 213].

Идее о сугубо местном характере образов грифон/зерно – голова коня близка и интерпретация этой пары Н.А. Фроловой, полагавшей, что эти образы могут иметь иранские корни. Культ коня мог проникнуть к синдам как один из основных культов в иранском религиозном мире [Фролова 2014: 36]. Более того, само сочетание этих персонажей на одной монете следует считать не случайным. Оно свидетельствует о синкретизме восточных и греческих культовых представлений [Фролова 2002: 78].

В качестве «эмблемы» царского рода Синдики интерпретируют образ головы коня и совы на синдских монетах В.А. Горончаровский и А.Е. Терещенко. Синхронизация синдской чеканки с хронологией Семибратних курганов позволяет сделать заключение, что останки рода с эмблемой совы покоятся в Семибратних курганах № 2, 4, 5, объединенных традицией возведения крупных сырцовых склепов на материке. Присутствие на монетах этой серии совы и Геракла, натягивающего лук, указывают на родственные связи местного царского рода со скифской аристократией (наследник Гекатея Октамасад носил то же имя, что и брат Скила, а на монетах последнего также была изображена сова). Последующие серии связаны с приходом к власти рода, чьим символом была голова коня [Горончаровский, Терещенко 2015: 88].

Противоположных взглядов по отношению к приведенным выше гипотезам придерживается С.А. Коваленко. В свое время Т.Н. Смекалова обратила внимание на необычный состав синдского серебра – высокую концентрацию в нем золота (0,1–1%), что отличает синдские монеты от монет Пантикапея, Нимфея, Фанагории и Феодосии после середины V в. до н.э. [Смекалова 2000: 268]. Это позволяет сделать вывод об использовании другого, не аттического источника серебра для чеканки синдских монет. Если В.А. Горончаровский и А.Е. Терещенко полагали, что таким источником были запасы серебра синдской знати (например, изделия, поступавшие в качестве даров), то, по мнению С.А. Коваленко, им были вышедшие из употребления электровые монеты Кизика, Митилены и других малоазийских полисов, которые также имели изображения коленопреклоненного воина, совы, протомы козла с головой назад, грифона, коня. В этой ситуации «Мастера, резавшие штемпели для чеканки синдских монет, просто копировали те мотивы, которые были у них перед глазами или наиболее часто попадались на глаза» [Коваленко 2020: 301]. Т. е. и образ коня на синдских монетах стал результатом простого механического копирования, например, монет Кизика, на которых представлена протома коня (500–450 гг.) или ионийской гемигекты, место чеканки которой точно не определено (VI в. до н.э.) [Коваленко 2020: 297, ил. 5; 298, ил. 7].

3. Иконография головы коня на синдских монетах

Несмотря на радикализм приведенных выше определений и отсутствие ответа на вопрос, почему именно в чеканке синдвов использовалось такое необычное сырье и как оно к ним попадало, необходимо согласиться с С.А. Коваленко в том, что, все образы, представленные на синдских монетах, включая и голову коня, находят аналогии в более ранних монетах греческих городов Малой Азии. Ионийская гемигекта действительно представляет собой одно из самых ранних изображений головы коня [Markovitz 2016: fig. 2a]. Здесь уже можно наблюдать все характерные черты такого рода изображений: строгую профильность, смотрящую вперед голову, подчеркнутую гриву. В свою очередь, эта гемигекта проявляет сходство с электровыми монетами из наиболее ранних античных слоев храма Артемиды в Эфесе, которые датируются временем «незадолго перед» 600 г. до н.э. [Robinson 1951: 163] или 3-й четв. VII в. до н.э. как *terminus aequum* [Fischer-Bossert 2016: 7], или 2-й пол. VII – 1-й пол. VI в. до н.э. [Kerschner, Konuk 2020: 83]. Электровые монеты, найденные в фундаменте храма Артемиды в Эфесе, признаются наиболее ранними в античном мире, а стилистика самого многочисленного из представленных на них образов – профильной головы льва – имеет явные признаки ближневосточного (анатолийского, ассирийского) влияния. Атрибутируются эти монеты как чеканка Лидийского царского двора [Robinson 1951: 162–163]. На данный момент известна уже довольно представительная подборка электровых монет с изображением протомы и головы коня, происходящих с территории западной части Малой Азии, в частности, из двух кладов – Эфесского Артемисия и Колофона. Иконографически они подразделяются на два типа – крылатых («пегасы») и обычных коней, хотя стилистически они очень схожи. Представлена голова на короткой массивной шее с относительно длинной гривой [Fischer-Bossert 2016: 17–19] (рис. 2, 1–7).

Также необходимо обратить внимание на изображения лошади на монетах Фессалии. Серебряная драхма с протомой коня на лицевой стороне и зерном пшеницы во вдавленном квадрате на оборотной относится к 470–450 гг. до н.э. Однако наиболее схожим с синдским образом является голова коня на серебряных оболах из Краннона, относящимся к сер. V в. до н.э. [Papaioannou 2019: 83, fig. 3; 84, fig. 5] (рис. 2, 8–9).

Эти монетные серии предшествуют синдской чеканке. Однако между ними и монетами Синдики есть ряд отличий. Во-первых, на подавляющем большинстве перечисленных выше монет представлена взнузданная лошадь⁴. На синдских монетах лошадь показана без уздечки. Во-вторых, на ранних греческих изображениях у коня – длинная, неостриженная грива. На синдских монетах лошадь всегда показана с короткой, постриженной гривой.

Последняя деталь наводит на определенные размышления об «азиатском» происхождении этой стилистики изображения лошади. По мнению В.О. Витта, традиция стричь гривы лошадям возникла в связи с появлением конников-лучников, т. е. была обусловлена вполне утилитарными целями: удобством стрельбы из лука на скаку. Греки считали этот обычай азиатским, варварским [Витт 1952: 197–198]. До последних десятилетий VI в. до н.э. лошади в Греции изображались всегда с длинной волнистой гривой (подтверждение чему мы видим и на упомянутых выше ранних греческих монетах). Начиная с указанного времени, в архаической скульптуре Греции появляются изображения «персидского всадника» и соответствующего типа лошади с коротко постриженной торчащей гривой, из которых первым по времени дошедшим до нас является скульптурный фрагмент с Акрополя, датируемый 510–500 гг. до н.э. [Витт 1952: 166]. После окончания персидских войн в Греции наступил период увлечения персидскими лошадьми.

⁴ На ранних малоазийских монетах – это характерная лидийская узда с хорошо выраженными длинными псалиями, выходящими за верхний и нижний края носовой части лошади и загибающимися вперед.

Рис. 2. Раннегреческие монеты с изображением головы коня (без масштаба): 1, 2 – Эфесский Артемисий; 3–7 – Иония; 8 – Фессалия; 9 – Краннон (Фессалия). По: 1, 2 – [Kerschner, Konuk 2020: 94, fig. 5, 16, 17]; 3–7 – [Fischer-Bossert 2016: fig. H9a, H10a, H12a, H16b, P12c]; 8, 9 – [Papaioannou 2019: 84, fig. 3, 5]

А «азиатский тип» лошади все чаще воспроизводится греческими художниками и скульпторами. Ярким примером идеализированного изображения азиатского, восточного коня, по мнению исследователя, является голова божественного коня Селены с восточного фронтона Парфенона, датирующаяся 438–432 гг. до н.э. [Витт 1952: 198–199] (рис. 3, 1–2).

Опираясь на эти наблюдения, крайне заманчиво интерпретировать изображения головы коня на синдских монетах как воплощение «азиатского типа» лошади, должно быть так знакомого кочевникам. Однако это предположение нельзя считать убедительным.

У персидских лошадей, представленных на рельефах ападаны в Персеполе, – изогнутые шеи и массивные, подквадратные головы. Чаще всего, головы смотрят вниз, будучи прижатыми к шеям. Это относится как собственно к персидским лошадям, лучшим воплощением которых была знаменитая нессейская порода, так и к большинству лошадей «делегаций с дарами» [Afshar 1979: pl. I–V]. Определенные этнографические детали изображений голов – характер передачи (всегда остриженной) гривы или узды – не проясняют сути дела. Очевидно, тут доминирует ахеменидский дворцовый канон, накладывавший отпечаток на все изображения (рис. 3, 4). Аналогичную стилистику мы видим и на знаменитом ковре из пятого Пазырыкского кургана [Руденко 1961: табл. IV, 2].

Массивные угловатые головы, в сочетании с крупным корпусом характерны и для греческих изображений лошадей «азиатского типа», представленных, например, на восточном фронтоне храма Зевса в Олимпии, на квадриге из Галикарнасского мавзолея, на фризе гробницы из Ксанфа (большая лошадь) [Markman 1943: 16–17, fig. 33–35, 55b, 36]. В то время как собственно греческие лошади «европейского» и «западного» (Великая Греция) типа имели более грациозные формы и стройные пропорции, вытянутые головы (подтреугольные для «западного» типа), направленные

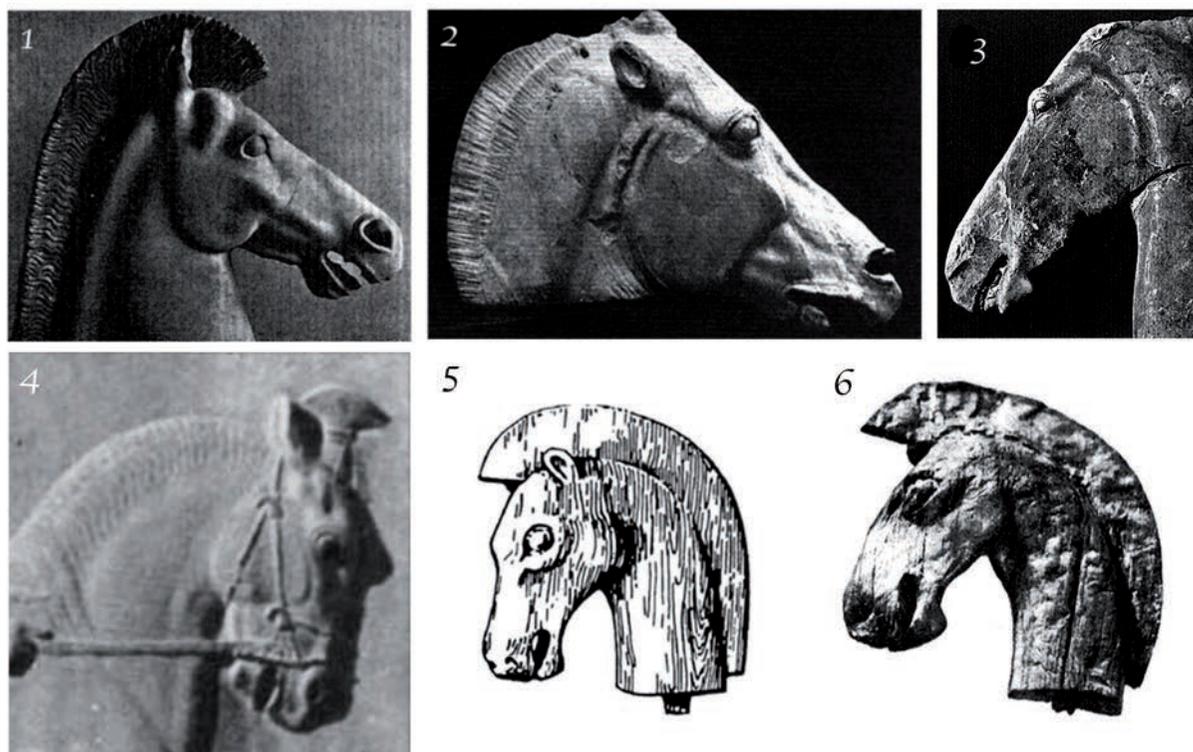

Рис. 3. Образы коня в греческом, персидском и пазырыкском искусстве (без масштаба):
 1 – музей Акрополя, 510–500 гг. до н.э.; 2 – голова коня Селены, 432–438 гг. до н.э.;
 3 – Олимпия, 468–457 гг. до н.э.; 4 – конь делегации «заморских скифов» (SakaParadrayan) на рельефе
 ападаны, Персеполь; 5, 6 – курган Кутургутас, Алтай. По: 1–3 – [Markman 1943: fig. 30, 46, 34];
 4 – [Afshar 1979: Plate III, b]; 5, 6 – [Полосьмак 1994: 89, рис. 112–113]

вперед или, во всяком случае, не прижатые плотно к шее. Примеры европейского или же смешанного европейско-западного типа дают скульптуры фриза Парфенона, включая упомянутую выше в «азиатском контексте» голову коня Селены [Markman 1943: 16, 18]. Видимо, также как и дворцовые мастера Персеполя, «греческие художники не старались изобразить конкретную породу лошади <...> Они, в первую очередь, стремились изобразить лошадь наилучшим из известных им способов» [Markman 1943: 18].

Как следует из предыдущего изложения, нет оснований сомневаться в том, что сам образ конской головы на синдских монетах – чисто греческий. Более того, он является одним из воплощений очень устойчивого для греческой нумизматики иконографического типа. Даже если такая деталь как короткая грива является восточной по своему происхождению, в синдскую нумизматику она попала во 2-й пол. V в. до н.э. уже в «превращенном» греческом виде. Изображение коня без узды хоть и свидетельствует об определенной самостоятельности художественной трактовки образа мастерами Северного Причерноморья, однако отнюдь не является инновационным. Вряд ли стоит говорить и о влиянии северо-причерноморской или же, более узко, боспорской традиции воплощения этого образа. Все изображения лошадей из элитных скифских памятников Северного Причерноморья, упомянутые В.П. Шиловым, являются более поздними (в основном IV в. до н.э.) по отношению к синдским монетам. Последние начинают чеканить несколько ранее того времени,

когда представители скифской аристократии стали обращаться к услугам греков-ювелиров для иллюстрации устных мифо-эпических текстов [Яценко 2013: 469].

Репертуар образов, обнаруженных в погребениях Семибратних курганов действительно, во многом, повторяет тот, что представлен на синдских монетах. Однако их художественные воплощения кардинально различаются. В частности, головы быков показаны не в профиль, а в фас, что роднит их с классическими букраниями, широко известными в Ольвии [Панова, Ляшко 2014: 207] и на монетной чеканке Феодосии [Анохин 2011: 138–141] того же времени. Золотая сова показана со сложенными крыльями. Отсутствуют образы полнофигурного сидящего грифона и головы коня⁵. В связи с этим, интерпретация образов совы и конской головы как «эмблем» синдских аристократических родов не выглядит убедительной. Получается, что наиболее распространенная на монетах «эмблема» не была представлена в погребениях ее предполагаемых владельцев.

Также не убедительно, на наш взгляд, и определение изображения головы коня на синдских монетах как эмблемы Синдики в целом. Во-первых, синдские монеты, в этом смысле, не уникальны. На пантикапейских дихалках, а также на оболах и тетрагалках Тиры также размещен этот образ⁶ (рис. 1, 5, 6). Первые относятся к 80–70-м гг. IV в. до н.э., вторые – к 350–340 гг. до н.э. [Зограф 1951: 168; Анохин 2011: 10–11]. Во-вторых, мы находим рассматриваемый образ хоть и на редких, но очень характерных предметах – бляхах-деталях конской узды, происходящих из двух разных регионов Скифии.

4. Изображения лошади на предметах узды и других изделиях скифского культурного круга

Две бронзовые бляхи-детали конской узды иконографически схожие с изображениями на синдских монетах происходят из с. Мошны Черкасской области (определена как «налобник») [Петренко 1967: табл. 20, рис. 24] и окрестностей бывшей дер. Насыр на азовском побережье Керченского п-ва (бляха с петлей на оборотной стороне) [Скорый, Зимовец 2021: 173] (рис. 4). На обоих изделиях представлено строго профильное изображение не взнузданной головы коня, посаженной на массивную шею. Голова передана реалистично, хорошо выделены мышцы, рот – приоткрыт, круглые зеницы расположены в хорошо выделенных глазницах. У животных – короткая, аккуратно постриженная грива, обрамляющая шею и заходящая на лоб. Короткие уши направлены вверх, в случае изображения из Мошнов – вверх и немного вперед.

Вместе с тем, между изображениями имеются и стилистические отличия. Шея лошадиной головы из Мошнов – массивная, длинная, изогнутая. Голова – опущена вниз, как бы прижата к шее. Шея крымской лошади – короткая, так что эффект изогнутости пропадает. Голова не прижата к шее, а смотрит вперед. Если глаз лошади из Мошнов показан реалистично, у крымской лошади имеет место стилизация: выпуклая зеница оконтурена двумя рельефными округлыми линиями, передающими глазницу.

Прототипный характер иконографии головы лошади на синдских монетах или же чуть более поздних монетах Пантикапея и Тиры по отношению к этим двум бронзовым бляхам не подлежит сомнению. Здесь мы видим прямое заимствование образа, представленного на монетах для изготовления бронзовых деталей скифской конной узды. Однако оно не доказывает, что подобного рода изделия являлись характерными именно для синдов. Если бляху с Керченского п-ва (как и пантикапейские дихалки) можно связать с синдами (в первом случае – как свидетельство контактов, во вто-

⁵ Очень стилизованные изображения коней на псалях из 2-го Семибратнего кургана [Канторович 2015: 1527] не имеют ничего общего с головой коня, размещенной на синдских монетах.

⁶ На монетах Тиры на конской голове показана узда.

Рис. 4. Образы конской головы на предметах скифской узды (без масштаба):
1 – Мошны, Черкасская обл.; 2 – бывш. дер. Насыр, Керченский полуостров,
Крым. По: 1 – [Петренко 1967: табл. 29, рис. 24];
2 – [Скорый и др. 2021: 173, кат. 400]

ром – как знак перехода Синдики под власть Спартокидов), то это сложно сделать в отношении бляхи из центра Днепровской Правобережной Лесостепи и монет Тиры.

Необходимо отметить, что подобное заимствование образов из греческого нумизматического репертуара не было единичным. Видимо, с греческим сюжетом, широко пред-

ставленным на монетах Синопы, Истрии и Ольвии, связан ряд блях-деталей конской узды, а также золотых изделий в виде птицы, клюющей и когтящей рыбу [Канторович 2015: 630; Королькова 1998]. А один из самых ранних боспорских штемпелей (начало V в. до н.э.), предназначенных для чеканки монет храма Аполлона (голова льва анфас), проявляет иконографическое и стилистическое сходство с серией бронзовых блях в виде головы хищника анфас, получивших распространение в степных районах Северного Причерноморья [Анохин 1986: табл. 1, 4; Скорый, Зимовец 2021: 182–184]. Очевидно, такие заимствования не были случайными ни с художественной, ни с семантической точки зрения. Особенно учитывая редкость изображения лошади в искусстве скифского времени, как таковую.

Вывод о «скромном месте» лошади в скифском искусстве был сделан достаточно давно [Руденко С.И., Руденко Н.М. 1949: 85]. В.А. Ильинская предприняла попытку его опровергнуть, привлекая материалы многочисленных костяных псалиев с зооморфными окончаниями из курганов Посулья [Ильинская 1965: 89–92; 1972]. Однако ограниченный ареал и время (преимущественно, архаика) распространения костяных псалиев с конскими головками свидетельствует о некоем исключении из правила, носившем локальный характер. В то же время, сложно согласиться с выводом М.А. Очир-Горяевой о том, что изображения коня в скифском искусстве не образуют «канонических групп и типологических линий» [Очир-Горяева 2017: 184].

Единую группу представляют собой полнофигурные профильные изображения коня с подогнутыми ногами (передняя лежит на задней) архаического времени, распространенные на территории от Монголии до Левобережной Днепровской Лесостепи. У них массивная подквадратная голова, как правило, расширяющаяся к носу, и грива, моделированная продольной линией. Эти изображения имеют явное центральноазиатское происхождение, учитывая их присутствие на оленных камнях Алтая, Тувы и Монголии, а также на золотых бляхах кургана Аржан-2 [Кисель 1997: 34; Полидович 2010: 217–218]. На территории Северного Причерноморья они представлены единичными изображениями архаического времени из Келермесского кургана 4/Ш, Ольвии и Бельского городища [Зимовец и др. 2018]. Однако подобные, хотя и немногочисленные изображения продолжают бытовать в восточном ареале скифского культурного континуума [Королькова 2006: 185, 187, 238–239, табл. 16, 18] (рис. 5).

Рис. 5. Образ коня в жертвенной позе в скифском зверином стиле архаического времени (без масштаба): 1 – Узунтал; 2 – Аржан-2; 3 – могильник у пос. Комсомольский; 4 – некрополь Ольвии; 5, 6 – Келермес, курган 4/Ш; 7 – Бельское городище (Западное укрепление).
По: 1 – [Савинов 1994: табл. VIII, рис. 11, 2]; 3 – [Королькова 2006: табл. 16, 1, 4]; 4 – [Полидович 2010: рис. 1, 8]; 5, 6 – [Галанина 1997: табл. 26, 55, 58]; 7 – [Зимовец и др. 2018: рис. 1]

Более сходными с бляхами в виде конской головы являются скульптурные изображения на золотом наноснике из Александропольского кургана (рис. 6), золотых ручках сосуда с этого же памятника [Полин, Алексеев 2018: 550, № 66; 573, № 305], а также золотых обкладках ручек сосудов из 1-го Филипповского [Королькова 2006: табл. 17, рис. 1–5] и Елизаветовского кургана 6 [Манцевич 1966: 33, рис. 3, 6] (все относятся к IV в. до н.э.). Черты реализма, передача гривы мелкими рубчиками на наноснике из Александрополя, в сочетании с общей иконографией головы, посаженной на массивную шею, отсылают к образу, представленному на монетах и рассмотренных выше бляхах. Однако головки лошадей имеют массивную, угловатую форму, что свидетельствует о влиянии собственно скифских традиций. Возможно, здесь имеет место развитие рассмотренного выше греческого образа, в который интегрируются черты собственно скифской манеры изображения лошади.

Наконец, в контексте рассматриваемого образа следует привести еще одну аналогию, происходящую с противоположной части ареала евразийских кочевников. Это четыре деревянных, покрытых золотом головки

Рис. 6. Золотой наносник из кургана Александрополь (без масштаба).
По: [Алексеев 2012: 251]

коней, обнаруженных в алтайском кургане Кутургунтас (начало IV в. до н.э.), находящемся на плато Укок (рис. 3, 5–6). Головки скульптурны, имеют вытянутую форму, заходящую на лоб торчащую гриву, показанную рубчиками, и направленные вверх уши. По всем этим признакам они очень схожи с «ранним» фрагментом с Акрополя, а также с изображениями на бляхах из Мошнов и Насыра. «Они передают образ породистого благородного “солнечного” коня и символизируют верховых коней, найденных в “царских” курганах и курганах на Ак-Алахе» [Полосьмак 1994: 75, 89, рис. 112–113]. Изображения из Кургунтаса ложатся в общий контекст параллелей между образами и стилистикой изображений из Пазырыкских курганов и с Кубани, отмеченных рядом авторов [Марсадолов 1987; Зуев 1994]. В рамках нашей темы примечательна «греческая» манера исполнения, что может свидетельствовать об «эстафетной» (Л.С. Марсадолов) передаче изображений от одного кочевого народа к другому не только с востока на запад, но и с запада на восток.

5. *Linguaefranca* древнего мира

Распространение изображения конской головы на монетах Пантикапея и Тиры, равно как и на предметах узды, свидетельствуют о бытовании этого образа во всем Северном Причерноморье, причем как в греческих городах, так и среди «варварского» населения.

Как видно из предыдущего изложения, голова коня является довольно устойчивым для античной нумизматики иконографическим типом, представленным на самых ранних лидийских электроновых монетах. М.Н. Погребова и Д.С. Раевский предложили интерпретировать скифский звериный стиль как «*linguaefranca*» номадов евразийских степей. Суть этого определения заключается в том, что репертуар зооморфных образов воплощал определенную коллективную память кочевников, связанную с ключевыми элементами представлений о мироздании. Несмотря на этническую, языковую и культурную разнородность племен скифского облика, зооморфный код формировал некое единое культурное пространство коммуникации [Погребова, Раевский 2005: 385]. Мы полагаем, что данное понятие вполне применимо и по отношению ко многим образам, представленным на греческих монетах архаического и классического периода. Они также являлись своего рода художественным *linguaefranca* для греков и связанных с ними (прежде всего экономически) соседних народов на обширных пространствах от Западного Средиземноморья до Восточного Причерноморья. В свою очередь, репертуар и иконография образов, представленных на греческих монетах, были частью общегреческого художественного языка.

Безусловно, монетные чеканки греческих городов имели свою специфику, связанную с местными преданиями и божественными культами. Однако уже на самых ранних монетах из Эфесского Артемисия мы встречаем два образа – профильной головы льва и коня – которые будут очень устойчивыми на протяжении столетий и найдут воплощение, в т. ч., в чеканке монетных центров Северного Причерноморья. Это же относится к таким образам как голова барана в профиль, протома быка, голова льва анфас и в профиль, протома грифона на ранних чеканках различных монетных центров Ионии и Малой Азии⁷. Эти образы тиражировались на протяжении столетий, в т. ч. и в чеканке северо-причерноморских полисов. Их первоначальный смысл, связанный с культовой практикой соответствующих территорий, мог со временем меняться и поддаваться переосмыслению в новом контексте.

Скифы, синды и другие «варварские» племена Причерноморья были вынуждены пользоваться этим «языком», поскольку он связывал их с античными экономическими центрами.

⁷ Как пример можно привести монеты Фокеи, Самоса, Лесбоса [Catalogue...1892: 207: 29a; p. 213: 72; p. 350: 12; p. 351: 14, 15, 16; p. 207: 28; p. 206: 22; p. 205:12].

Несмотря на то, что некоторые монетные серии чеканились от имени соответствующих народов или их правителей⁸ и использовались местным населением, сам факт их распространения на «варварские» территории был связан именно с проникновением туда греческих купцов и их включением в торговлю с греческим миром [Скорый, Зимовец 2014: 145]. В художественном отношении этот «язык» был частью греческого изобразительного искусства, которое оказывало все большее влияние на скифов и близкие им народы в V–IV вв. до н.э.

Заимствование скифами и их соседями греческого художественного языка, безусловно, было семантически обусловлено, и особенно активно происходило в отношении тех образов, которые не были разработаны в искусстве звериного стиля, но являлись важными элементами фольклора либо же имели особое значение в общем смысловом горизонте их культуры. Основную роль здесь играли греческие мастера, работавшие по заказу скифской знати. Однако нельзя недооценивать и роль собственно греческих образов и художественной традиции, представленной, в т. ч. и на монетах Северного Причерноморья. Эти факторы могли привести к «оживлению в среде скифов интереса к самому зооморфному содержанию их собственного искусства, до сих пор выступавшему лишь в роли символического кода» [Раевский 2006: 442]. Это в полной мере относится к образу коня: будучи одним из заметных элементов скифского фольклора, конь был крайне слабо представлен в зверином стиле Скифии классического периода, что выглядит весьма парадоксально на фоне того значения, которое играла лошадь как в повседневной жизни, так и ритуальной практике скифов и родственных им народов.

М.А. Очир-Горяева объясняет редкость изображения коня принципиально иным статусом этого животного по сравнению с остальными образами скифского искусства, которые представляли определенных богов и соответствующие им сферы мироздания. «Кони не входили в список скифских богов, и в обряде жертвоприношения они играют роль прямо противоположную роли богов» [Очир-Горяева 2017: 185]. Распространение специальных масок для коней в пазырыкской культуре доказывает, что лошадь воспринималась как некое «эрзац-животное», замаскированное под сакральное [Очир-Горяева 2017: 185]⁹. На предметах торевтики из памятников Северного Причерноморья лошади изображены, в основном, в сценах из жизни и быта скифов.

Ранее Д.А. Мачинский предложил рассматривать сюжет на плечиках Чертомлыцкой амфоры под рубрикой «жизнь и назначение скифской лошади», т. е. как путь от приручения и использования лошади к ее жертвоприношению [Мачинский 1978: 236]. Правда, семантика коня связывается именно с божественным культом, а именно, Тагимасада-Посейдона. Более того, само изображение бога на амфоре исследователь усматривал в образе головы «фантастического» коня с рыбьим «ожерельем» и крыльями. К кругу этого же божества относятся также образы гиппокампа (морского коня) и Пегаса, представленные в скифских памятниках¹⁰. Как известно, по сообщениям Геродота, Тагимасаду-Посейдону приносили жертвы скифы-царские [Herod. IV, 59].

В пользу версии о связи изображения коня с культом Посейдона свидетельствует и уже упоминавшаяся монетная чеканка Фессалии. Одним из эпитетов Посейдона был *Hippios* или «конный». В частности, богу приписывалось создание первого коня по имени *Skyphios* путем удара

⁸ Таковы греческие монетные чеканки Скила, Скилура, Атея, позднее – Фарзоя и Иннисимея [Анохин 2011: 92–97]. А также фракийские монеты с этниконами племен бисалтов, дерронов, орресков, ихнов [Горончаровский 2017: 253].

⁹ Северо-причерноморская аналогия такой «маскировки» описана А.Ю. Алексеевым [Алексеев 1991: 51, 53: рис. 5: 9, 10, 20].

¹⁰ О значимости лошади для отождествления греками Посейдона и Тагимасада: [Бессонова 1983: 51].

трезубца об скалу¹¹. На фессалийских монетах этот сюжет запечатлен непосредственно: протома коня появляется из скалы [Papaioannou 2019: 30] (рис. 2, 8). Таким образом, в чеканке Фессалии конь был непосредственно связан с культом Посейдона, хотя и не подменял собой изображение самого бога.

Несмотря на эту параллель, у нас нет достаточных оснований связывать изображения на синдских монетах с культом Тагимасада-Посейдона. Во-первых, из письменных и археологических источников нам не известно, существовал ли культ этого божества у синдов. Во-вторых, вряд ли этот народ может быть отождествлен с царскими скифами, которые, если верить Геродоту, единственные поклонялись Тагимасаду-Посейдону.

По нашему мнению, гипотеза об особом семантическом статусе лошади, выполнявшей как утилитарные (хозяйство, охота, война), так и сакральные (жертвоприношение) функции, действительно может объяснить факт слабой разработанности образа лошади в скифском зверином стиле классического времени. Конь, безусловно, понимался кочевниками как наиболее необходимое в повседневной жизни животное, что нашло свое выражение и в соответствующих сюжетах на предметах греческой торевтики («этнографичность» этих изображений имеет самостоятельную ценность, безотносительно к выраженному в них мифо-эпическому содержанию). С другой стороны, конь следовал за своим хозяином как в земном, так и в потустороннем мире. Жертвоприношения лошадей, которыми особо богато Прикубанье в целом, и Семибратние курганы, в частности [Витт 1952: 163] – это часть повседневной жизни, имевшая, однако, сакральный смысл и связывавшая их субъектов с потусторонним миром. В этом смысле конь напоминает судьбу еще одного животного – быка – которое также не получило разработки в рамках скифского искусства звериного стиля. Оба животных выполняли утилитарные функции и, одновременно, являлись объектом жертвоприношений. И оба, несмотря на свою не разработанность в скифском зверином стиле, были достаточно широко представлены в семантическом горизонте скифской культуры благодаря особым знакам или символам: в первом случае – «отпечаткам» копыта, во втором – роговыми и имитировавшими их металлическими ритонами¹².

Однако в IV в. до н.э., образ лошади становится одним из наиболее популярных в греческой торевтике на скифскую тематику. Синдская монетная чеканка несколько предшествует этому процессу и синхронизируется с ним в начале IV в. до н.э. Хорошо известный и иконографически устоявшийся в греческой нумизматике образ воплощается в чеканке Синдики, Пантикапея и Тиры. Монеты с изображением коня органично вписывались в круг мировоззренческих представлений «варварских» племен, который включал в себя понимание как утилитарной, так и сакральной, жертвенной функции этого животного. Семантика жертвоприношения должна была быть особенно близка синдам, принимая во внимание их погребальные традиции, что могло содействовать осознанному выбору образа конской головы для нескольких серий монетных чеканок. Однако данный образ, получивший распространение в разных регионах Северного Причерноморья, не может рассматриваться в качестве эксклюзивной «эмблемы» Синдики.

¹¹ Согласно другой версии: спящий Посейдон оплодотворил скалу, в результате чего появился Skyphios [Milićević Bradač 2003: 380].

¹² Несмотря на незначительную представленность образа лошади в репертуаре скифского звериного стиля, обращает внимание распространенность изображений копыт с «V»-образной меткой, которые являлись своеобразным знаком коня, социальной или этнической пиктограммой [Кисель 2021: 98]. Как мы попытались обосновать в одной из работ, аналогичную функцию символа жертвенного животного (быка) и, одновременно, знака определенной социальной группы могли играть роговые и подражающие им металлические ритоны [Зимовец, Окатенко 2022: 82].

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии: V в. до н.э. // АСГЭ. 1991. Вып. 31. С. 43-57.
- Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 271 с.
- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 223 с.
- Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев: Изд. дом «Стилос», 2011. 328 с.
- Артамонов М.И. Киммерийская проблема // Археология. 1973. IX. С. 3-15.
- Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 139 с.
- Витт О.В. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. XVI. С. 163-205.
- Горнчаровский В.А. Цари и аристократия Синдики V – начала IV вв. до н.э. // Боспорские исследования. XXXIV. Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. Керчь: Керченская городская типография, 2017. С. 224-260.
- Горнчаровский В.А., Иванчик А.И. Синды // Античное наследие Кубани / Ред., сост. акад. РАН Г.М. Бонгард-Левин, д.и.н. В.Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. Т. 1. С. 218-235.
- Горнчаровский В.А., Терещенко А.Е. О монетном деле Синдики в конце V – начале IV в. до н.э. // Записки ИИМК РАН. 2015. № 11. С. 77-96.
- Зимовец Р.В., Окатенко В.Н. Серебряная протома быка из кургана № 2 группы «Караван» близ Люботина // Stratium plus. 2022. № 3. С. 57-88.
- Зимовец Р., Скорый С., Окатенко В. Бронзовая матрица с Бельского городища: к вопросу о центральноазиатских мотивах в раннескифском зверином стиле Северного Причерноморья // Tyragetia. Archeologie. Istorie. Antică. Serie Nouă. 2018. Vol. XII [XXVII]. Nr. 1. P. 219-236.
- Зограф А.П. Античные монеты. МИА. 1951. № 16. 264 с.
- Зуев В.Ю. Образ свернувшегося в кольцо хищника из IV Семибратнего кургана (иконографические истоки и их исторический контекст) // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культуругенеза. М-лы методологического семинара. СПб.: РАН ИИМК, 1994. С. 90-94.
- Ильинская В.А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. 1965. № 1. С. 68-107.
- Ильинская В.А. Образ коня и быка в раннескифском искусстве. Тез. докл. III Всесоюз. конф. по вопросам скифо-сарматской археологии (скифо-сибирский «звериный» стиль). М.: ИА АН СССР, 1972. С. 41-46.
- Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: дис. ... докт. ист. наук. М., 2015. 1724 с.
- Кисель В.А. Священная секира скифов. Об одной находке из Келермеса. СПб: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 1997. 110 с.
- Кисель В.А. Мотив копыта лошади в искусстве древних кочевников (генезис и символика) // Camera Praehistorica. 2021. № 2 (7). С. 82-105.
- Коваленко С.А. Монеты синдов: некоторые замечания о причинах, характере и хронологии чеканки // Homo omnium horarum: сб. статей в честь 70-летия А.В. Подосинова / Под ред. А.В. Белоусова, Е.В. Илюшечкиной. М.: Изд-во Ун-та Дм. Пожарского, 2020. С. 291-315.
- Королькова Е.Ф. Иконография образа хищной птицы в скифском зверином стиле VI–IV вв. до н.э. // История и культура древних и средневековых обществ. Сб. статей, посв. 100-летию со дня рожд. М.И. Артамонова. Проблемы археологии. СПб: СПбГУ, 1998. Вып. 4 С. 166-177.
- Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.
- Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. М.: [б.и.], 1971. 251 с.
- Марсадолов Л.С. Хронологическое соотношение Пазырыкских и Семибратних курганов // АСГЭ. 1987. Вып. 28. С. 30-37.
- Манцевич А.П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 23-38.
- Мачинский Д.А. О смысле изображений на чертомлыцкой амфоре // Проблемы археологии. II. Сб. статей в память проф. М.И. Артамонова. Ленинград: ЛГУ, 1978. С. 232-240.
- Орешников А.В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // Известия РАИМК. 1922. Т. II. С. 113-138.
- Очир-Горяева М.А. Изображение коня в искусстве скифской эпохи Степной Евразии // КСИА. 2017. № 247. С. 176-186.

- Панова В.А., Ляшко С.Н. Свинцовые фигурки из ольвийской усадьбы IV в. до н.э. // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. 2014. XVII. С. 207-229.
- Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V – III вв. до н.э. САИ, Д 1-4. М.: Наука, 1967. 180 с.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С. Звериный стиль скифской эпохи как lingua franca евразийских степей // Центральная Азия: источники, история, культура. М.: Вост. лит., 2005. С. 578-588.
- Полин С.В., Алексеев А.Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. (Серия «Курганы Украины», Т.6). Киев; Берлин: Видавець Олег Філюк, 2018. 930 с. илл. 313.
- Полидович Ю.Б. Находки в тувинском кургане Аржан 2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий. Древние культуры Евразии // Материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб.: «Инфо-ол», 2010. С. 217-224.
- Полосьмак Н. «Стережущие золото скифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.
- Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 600 с.
- Руденко С.И., Руденко Н.М. Искусство скифов Алтая. М.: Изд-во ГМИИ, 1949. 88 с.
- Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н.э.). М.: Вост. лит., 1961. 68 с.: ил.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: СПбГУ, 1994. 208 с.
- Скорый С.А., Зимовец Р.В. К проблеме товарно-денежных отношений у населения восточноевропейской лесостепи в скифскую эпоху // Наукові записки. Серія: Історичні науки. 2014. Вип. 21: Актуальні проблеми археології та історії раннього залізного віку. С. 141-156.
- Скорый С.А., Зимовец Р.В. Крымские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Изд. 2-е, доп., перераб. Полтава: ООО «АСМИ», 2021. 344 с.
- Смекалова Т.Н. Значение изучения состава монетных сплавов для античной нумизматики (на примере Боспора) // Древности Боспора. 2000. Вып. 3. С. 260–301.
- Терещенко А.Е. О монетах с надписью ΣΙΝΔΩΝ // Stratum plus. 1999. № 6. С. 84-89.
- Тохтасьев С.Р. Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2001. Ч. 1. С. 63-79.
- Тохтасьев С.Р. Синды и скифы // ТГЭ. 2015. LXXVIII. С. 426-439.
- Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М: Наука, 1999. 320 с.
- Фролова Н.А. Корпус монет синдов (первая половина – конец V в. до н.э.) // ВДИ. 2002. № 3 (242). С. 71-84.
- Фролова Н.А. Монеты Боспора – источник по вопросу о происхождении основателя династии Спартокидов – Спартока (438 г. до н.э.) // Записки отдела нумизматики и тореветики Одесского археологического музея. Одесса: СМЛ, 2014. С. 29-41.
- Шелов Д.Б. Монеты Синдов // КСИИМК. 1949. Вып. XXX. С. 111-118.
- Шилов В.П. Синдские монеты // СА. 1951. Вып. XV. С. 204-215.
- Яценко С.А. О процессе антропоморфизации в скифском искусстве IV в. до н.э. // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. М-лы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб.: Нестор-история, 2013. С. 469-473.
- Afshar A. The horses of the ancient Persian Empire at Persepolis // Antiquity. 1979. V. 53, Is. 207. P. 44-47.
- Catalogue of the Greek Coins of Ionia. London: The British Museum, 1892. 453 p. 39 pl.
- Fischer-Bossert W. Horses with and without wings // Suadente nummo vetere. Studi in onore di Giovanni Gorini. Padova, 2016. P. 1-21.
- Kerschner M., Konuk K. Electrum Coins and Their Archaeological Context: The Case of the Artemision of Ephesus // White Gold. Studies in Early Electrum Coinage. The American Numismatic Society. The Israel Museum, Jerusalem, 2020. 190 p.
- Markman S.D. The Horse in Greek Art. Baltomor: The Johns Hopkins Press, 1943. 211 p.
- Markovitz M. The Horse on Ancient Coins. A presentation to the Ancient Numismatic Society of Washington, DC, 2016. 20 p.
- Miličević Bradač M. Greek Mythological Horses and the World's Boundary. Opusc. archaeol. 2003. Vol. 27. P. 379-391.
- Papaioannou A. Horse and Horsemen on Classical and Hellenistic Coins in Thessaly. A thesis submitted for the degree of Master of Arts (MA) in Classical Archaeology and Ancient History of Macedonia Thessaloniki-Greece, 2019. 103 p.
- Robinson E.S.G. The Coins from the Ephesian Artemision Reconsidered // The Journal of Hellenic Studies. 1951. Vol. 71. P. 156-167.

А. Д. Таиров

Александр Дмитриевич Таиров,
Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск, Россия; tairovad@susu.ru

Миграции ранних кочевников Внутренней Азии и становление торговых коммуникаций Степной Евразии*

Аннотация. К началу функционирования Великого Шелкового пути как единой торговой артерии, отдельные его участки уже были задействованы в обменных операциях между западными и юго-западными районами Китая, кочевниками и земледельцами Внутренней и Центральной Азии. Сложение конкретных маршрутов этих участков, а затем и самого Великого Шелкового пути, являлось следствием знаний древних о географических, климатических и ресурсных особенностях регионов, по которым они проходили. Основными источниками этих знаний, как представляется, в большинстве случаев выступали крупные миграции тех или иных групп населения. Хорошо известный кочевникам евразийских степей южный миграционный маршрут из Внутренней Азии на запад стал основой складывания одной из трасс Великого Шелкового пути, проходящей через Джунгарские ворота и Семиречье в низовья Сырдарьи и Амударьи. Северный миграционный маршрут из Внутренней Азии на запад, возможно, послужил основой для торгового пути, по которому в лесостепь Западной Сибири поступили изделия китайских мастеров.

Ключевые слова: Великий Шелковый путь, кочевники, миграции

Александр Дмитриевич Таиров,
Оңтүстік Орал Мемлекеттік университеті, Челябинск қ., Ресей

Ішкі Азия ерте көшпенділерінің көші-қоны және Далалық Еуразия сауда коммуникацияларының қалыптасуы

Аннотация. Ұлы Жібек жолы біртұтас сауда артериясы ретінде жұмыс істей бастағанда, оның жекелеген аумақтары Қытайдың батыс және оңтүстік-батыс аудандары, Ішкі және Орталық Азияның көшпенділері мен диқандары арасындағы айырбастау операцияларына жұмылдырылды. Осы аумақтардың нақты бағыттарының, кейіннен Ұлы Жібек жолының өзінің қосылуы, ежелгі адамдардың осы жолдар өткен аймақтардың географиялық, климаттық және ресурстық ерекшеліктері туралы білімдерінің нәтижесі болды. Бұл білімнің негізгі көздері көп жағдайда тұрғындардың белгілі бір топтарының ірі көші-қоны болған сияқты. Еуразия даласының көшпенділеріне жақсы таныс Ішкі Азиядан батысқа қарай өтетін Оңтүстік көші-қон бағыты Жоңғар қақпасы мен Жетісу арқылы Сырдарияның төменгі ағысы мен Әмударияға өтетін Ұлы Жібек жолының бір тармағының қалыптасуына негіз болды. Ішкі Азиядан батысқа қарай кететін солтүстік көші-қон бағыты Батыс Сібірдің орманды даласына қытай шеберлері бұйымдары тасымалданатын сауда жолының негізі болуы мүмкін.

Түйін сөздер: Ұлы Жібек жолы, көшпенділер, көші-қон

Aleksandr Tairov,
South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Migrations of the Early nomads of the Inner Asia and establishment of trade communications of the Steppe Eurasia

Abstract. By the beginning of the functioning of the Great Silk Road as a single trade artery, some of its sections were already involved in exchange operations between the western and southwestern regions of China, nomads

---

© 2022 Таиров А.Д.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20253, <https://rscf.ru/project/22-28-20253/>

and farmers of Inner and Central Asia. The addition of specific routes of these sections, and then of the Great Silk Road itself, was a consequence of the knowledge of the ancients about the geographical, climatic and resource features of the regions through which they passed. The main sources of this knowledge, it seems, in most cases were large migrations of certain groups of the population. Well-known to the nomads of the Eurasian steppes, the southern migration route from Inner Asia to the west became the basis for the folding of one of the routes of the Great Silk Road, passing through the Dzungarian Gate and Semirechye to the lower reaches of the Syr Darya and Amu Darya. The northern migration route from Inner Asia to the west may have served as the basis for the trade route along which the products of Chinese craftsmen arrived in the forest-steppe of Western Siberia.

Keywords: Silk Road, nomads, migrations

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что к началу функционирования Великого Шелкового пути как единой торговой артерии, отдельные его участки уже были задействованы в обменных операциях между западными и юго-западными районами Китая, кочевниками и земледельцами Внутренней и Центральной Азии. Мы имеем в виду Лазуристовый путь, Нефритовый путь, Западный меридиональный путь, Степной путь (см. напр.: [Восточный Туркестан... 1988: 357–360; Лубо-Лесниченко 1994а: 211–229; 1994б; Мамлеева 1999: 53–58]), которые нередко объединяются в «Протошелковый путь» [Байпаков 2007: 16; Баштанник 2016: 136–137]. По мнению К.М. Байпакова, «Протошелковый путь» является первым или начальным этапом Великого Шелкового пути, который датируется VIII – первой половиной II в. до н. э. [Байпаков 2007: 16].

Свидетельством существования каких-то связей между Востоком и Западом в I тыс. до н. э. являются, в частности, находки шелка в Европе [Франкфор 1989: 213; Лубо-Лесниченко 1994а: 213–216; Скрипкин 2010: 103], распространение бус из натронового стекла из Средиземноморья через Южный Урал и Сынцзян в Центральный Китай [Qin-Qin Lü et al. 2021]. Об этом говорит и близость металлических изделий из могильников VIII–II вв. до н.э. Северного Китая, Сынцзяна и Семиречья, являющаяся результатом взаимодействия населения этих регионов по Тянь-Шаньскому коридору [Yang et al. 2020: 426–435; Комиссаров и др. 2022: 56–58]. Впрочем, имеются данные о связях по «протошелковому пути» населения Внутренней Азии с населением Центральной Азии и более западных территорий еще в эпоху бронзы (см. напр.: [Мамлеева 1999: 54; Кузьмина 2010: 98–106, 113; Tan et al. 2021; Wu et al. 2021]). Можно упомянуть и о «Шерстяном пути» как разветвленной системе «коротких дорог», с начала II тыс. до н.э. объединившего регионы степной и лесостепной Евразии от Северного Кавказа до Южной Сибири и Восточного Туркестана [Шишлина 2021: 32–34].

Сложение конкретных маршрутов перечисленных выше путей, а затем и самого Великого Шелкового пути, являлось следствием знаний древних о географических, климатических и ресурсных особенностях регионов, по которым они проходили. Основными источниками этих знаний, как представляется, в большинстве случаев выступали крупные миграции тех или иных групп населения Внутренней и Центральной Азии.

На протяжении I тыс. до н.э. в степях Евразии мы прослеживаем несколько волн крупных миграций кочевников из Внутренней Азии, которая включает территории от Алтая на севере до Тибета на юге и от Хингана на востоке до Памира на западе [Пьянков 2013: 408–419; Таиров 2015: 14–15; 2017: 136–139]. С переходом населения этого региона к полукочевому и кочевому скотоводству в полной мере проявилась его зависимость от природных условий, в частности от изменений климата. Благоприятные для скотоводства климатические условия этого региона вели к быстрому росту населения. Резкие ухудшения природных условий, которые происходили здесь периодически и вызывались прежде всего аридизацией, приводили к относительной перенаселенности. В условиях перенаселенности часть кочевого населения вынуждена была покидать уже обжитые земли и уходить за пределы Внутренней Азии. Следствием чего являлось снижение плотности населения в регионе и выход его на новый уровень равновесия с окружающей средой.

Географические особенности евразийского пояса степей диктуют два направления движения кочевников Внутренней Азии – на север и на запад. В тот или иной период истории первая волна мигрантов из этого региона была направлена, в большинстве случаев, на север – в Алтайско-Саянскую горную страну. Однако, в силу тех же природных особенностей евразийского пояса степей, основная масса кочевников Внутренней Азии уходила на запад. Это движение осуществлялось через урало-казахстанские степи, которые отгорожены от Внутренней Азии почти непрерывной цепью горных хребтов. Через эти хребты есть два основных прохода: долиной Иртыша и Джунгарскими воротами. Пройдя через эти проходы, кочевники устремлялись на запад северным или южным путем [Пьянков 1987: 73–74].

Переселение по северному пути шло сначала на северо-запад – по правобережью Иртыша вдоль западных и северо-западных предгорий Алтая в Обь-Иртышское междуречье. Далее переселенцы, осваивая Тоболо-Ишимо-Иртышское междуречье (Северный и Центральный Казахстан), выходили в Южное Зауралье и Приуралье. Отсюда, если позволяла обстановка, они двигались в Волго-Уральское междуречье и далее в Волго-Донские степи до Предкавказья. Однако в I тыс. до н.э. этот путь был задействован лишь однажды – во второй половине VIII в. до н.э. или на рубеже VIII–VII в. до н.э. В последующей истории по северному пути шло расселение кыпчаков и калмыков [Таиров 2009].

Чаще всего в I тыс. до н.э., как и в более позднее время, использовался южный путь. Он шел от Джунгарских ворот через Семиречье в низовья Сырдарьи и Амударьи. Отсюда через плато Устюрт мигранты могли выйти на Нижнюю Волгу и Волго-Донское междуречье [Пьянков 1987: 73–74]. Особенно массовые передвижения кочевников по этому пути происходили во второй половине VI в. до н.э., в последней четверти V в. до н.э. и во второй половине II в. до н.э. Преимущественное использование южного пути было обусловлено наличием в степях Северного и Центрального Казахстана и/или в Зауральско-Западносибирской лесостепи достаточно мощных кочевых или полукочевых объединений, которые не допускали массовых переселений через контролируемые ими территории.

Движение кочевого населения нельзя представлять себе в виде непрерывного целенаправленного похода из одного конца степного пояса в другой. Происходило оно поэтапно, с более или менее длительными интервалами между переходами [Пьянков 1987: 75]. Имели место и миграции по «принципу домино», то есть миграции, которые охватывали последовательно несколько крупных регионов. В этом случае происходила как бы общая подвижка всего блока кочевых этносов с востока на запад.

Археологическим выражением описанных миграций является достаточно резкая одновременная, но не обязательно однонаправленная, трансформация погребального обряда и материальной культуры в нескольких соседних регионах евразийских степей. Трансформации этого типа находят отражение в смене культурно-хронологических горизонтов, охватывающей значительные территории степной Евразии (Тува, Алтай, Казахстан, Южный Урал, Нижнее Поволжье, Северное Причерноморье) [Таиров 2015: 16].

Ушедшие на запад части кочевых объединений поддерживали всякого рода контакты с родственными им объединениями ушедшими на Алтай и теми, кто остался во Внутренней Азии¹. События, связанные с массовыми переселениями, надолго оставались в памяти людей, облекаясь в устные предания. В них содержались самые разнообразные сведения об этом эпизоде их истории,

¹ По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко, в период Восточного Чжоу ушедшие на восток чжоусцы не прерывали связей с населением Восточного Туркестана, что способствовало функционированию Нефритового пути [Лубо-Лесниченко 1994а: 212]

в т. ч. и о путях передвижения и встреченных на них трудностях. Вполне очевидно, что ранние кочевники степной зоны Евразии второй половины I тыс. до н.э. были уже достаточно хорошо осведомлены о путях, которые вели из Внутренней Азии в Центральную Азию и далее в степи Южного Урала, Поволжья, Северного Кавказа и Причерноморья. Хорошо знали они и наиболее удобные пути, которые шли в Западную Сибирь и Зауралье. По этим «традиционным путям миграций кочевых племен осуществлялся перенос технических изобретений, культурных воззрений и естественно – товаров для обмена и торговли» [Мамлеева 1999: 54].

Несомненно, что кочевники, которые вынуждены были покидать Внутреннюю Азию и двигаться на запад, хорошо представляли себе природные особенности тех земель, куда они шли или через которые им предстояло пройти. Также достаточно отчетливо они представляли маршрут своего движения, основные природные препятствия, которые могли встретить на своем пути, ресурсный потенциал транзитной и конечной территорий. Вероятно, основные пути миграций и послужили основой для складывания главных маршрутов Великого Шелкового пути, что очень хорошо показал Е.И. Лубо-Лесниченко на примере южного отрезка Западного Меридионального пути [Лубо-Лесниченко 1987: 233–236; Восточный Туркестан... 1988: 357–359]. Он, в частности, отмечает, что «начиная с эпохи бронзы по этому пути шла активная миграция в обоих направлениях, хотя основной поток двигался с севера на юг <...> начиная со второй половины I тысячелетия до н.э. основным фактором деятельности этого пути была миграция цянских племен <...>. В результате частых переселений и многочисленных контактов происходил активный процесс обмена духовными и материальными ценностями» [Лубо-Лесниченко 1987: 233, 235]

По нашему мнению, основные и наиболее удобные маршруты передвижения кочевников Внутренней Азии на север, в Алтайско-Саянскую горную страну, стали, по всей вероятности, основой северного отрезка Западного Меридионального пути (кыргызский путь). Он шел из Турфана через Джунгарию в предгорья Алтая, далее через Алтай и Саяны в Минусинскую котловину и связывал, начиная, по крайней мере, с пазырыкского времени (IV–III вв. до н.э.), Южную Сибирь и Алтай с Восточным Туркестаном и Юго-Западным Китаем, о чем свидетельствуют многочисленные находки бронзовых зеркал, изделий из шелка и лака [Лубо-Лесниченко 1987: 236–242; 1994а: 220–222; Тишкин и др. 2011: 42, 96; Новикова и др. 2013; Камалов 2019: 129].

Очевидно, что хорошо известный кочевникам евразийских степей южный миграционный маршрут из Внутренней Азии на запад стал основой складывания одной из северных трасс Великого Шелкового пути, проходящей через Джунгарские ворота и Семиречье в низовья Сырдарьи и Амударьи [Байпаков 2007: 15; Баштанник 2016: 136–137].

Северный миграционный маршрут из Внутренней Азии на запад, возможно, послужил основой для торгового пути, по которому в лесостепь Западной Сибири, в ареал саргатской культуры, поступили изделия китайских мастеров – бронзовые зеркала и посуда, шелковые ткани, лаковые изделия, фиолетовый бисер [Матвеева 1998; Погодин 1998; Кардаева 2001; Тигеева и др. 2018: 87–88]. Позднее, в эпоху средневековья и Новое время, этот путь долгое время был главным в торговле Сибири с Китаем [Матвеев 2003: 165; 2007: 98–99; Матвеев и др. 2011: 99–100; Потанин 2005: 25–28; Полякова 2011: 88; Зайцева и др. 2021: 348–349].

В то же время пути меридиональных сезонных миграций евразийских кочевников послужили основой складывания многочисленных ответвлений Великого Шелкового пути, ведущих на Урал и в Западную Сибирь, таких как дорога «кичкене-шектинцев», дорога «улу-шектинцев», «сарысуйский» караванный путь, «Джеты-Конурская» дорога, Ханжол («ханская» дорога) и другие [Маргулан 1997: 16–30; Таиров 1995; 2016].

Таким образом, многовековой опыт евразийских номадов, полученный ими в ходе периодических миграций, был использован для выработки наиболее рациональных маршрутов и графиков движения караванов в период становления системы Великого Шелкового пути. Тем более, что кочевники приняли самое активное участие в функционировании этой торговой артерии, выступая в качестве проводников, охранников, поставщиков продовольствия, предоставляя транспортных животных и фураж (см. напр.: [Лубо-Лесниченко 1994б: 46–47; Таиров 1995: 5–7; 2016: 98]).

ЛИТЕРАТУРА

- Байпаков К.М.* Великий Шелковый путь на территории Казахстана. Алматы: Адамар, 2007. 496 с.
- Баштанник С.В.* Семиреченский отрезок Великого шелкового пути // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. 2016. № 34. С. 134-141.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1988. 453 с.
- Зайцева Л.Г., Бобров Д.С.* Пути сообщения Верхнего Прииртышья XVII – начала XVIII веков по материалам «Хорографической книги» и «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова // Научный диалог. 2021. № 12. С. 344-362. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-344-362.
- Камалов А.К.* «Уйгурский путь» – северная ветвь Великого Шелкового пути (предварительный анализ) // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2019. № 12. С. 118-131.
- Кардаева В.Б.* Китайский импорт в памятниках саргатской культуры // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. М-лы ХLI Региональной археол.-этногр. студ. конф. (г. Барнаул, 25–30 марта 2001 г.). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2001. С. 331-334.
- Комиссаров С.А., Соловьев А.И.* След золотого верблюда близ Мавзолея Цинь Шихуанди // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 50-61. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-50-61
- Кузьмина Е.Е.* Предыстория Великого шелкового пути: Диалог культур Европа–Азия. М.: КомКнига, 2010. 240 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И.* Пазырык и Западный Меридиональный путь // Страны и народы Востока. Вып. XXV. География. Этнография. История. 1987. С. 233-248.
- Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шелковом пути (Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М.: Наука; изд. фирма «Восточная литература», 1994а. 326 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И.* Нефритовый путь в древнем Китае // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1994б. С. 46-47.
- Мамлеева Л.А.* Становление Великого шелкового пути в системе трансцивилизационного взаимодействия народов Евразии // Vita Antiqua. 1999. № 2. С. 53-61.
- Маргулан А.Х.* Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала // Маргулан А.Х. Мир казаха. Алматы: Институт развития Казахстана; Международный фонд им. академика Алькея Маргулана, 1997. С. 16-30.
- Матвеев А.В.* Сухопутные маршруты передвижения населения Среднего Прииртышья XVII – первой трети XVIII в. по данным письменных, картографических источников и этнографии // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея. Омск: ОГИК музеев, 2003. Т. 10. С. 163-169.
- Матвеев А.В.* Опыт локализации участка Иртышского средневекового меридионального пути // Средневековая археология евразийских степей. М-лы Учредительного съезда Международного конгресса (г. Казань, 14–16 февраля 2007 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт археологии АН РТ, 2007. Т. 1. С. 96-103.
- Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Пути сообщения Сибирских ханств // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 95-101.
- Матвеева Н.П.* О торговых связях саргатского населения с Центральной Азией (по материалам Тоболо-Ишимья) // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск: Омский гос. ун-т, 1998. С. 10-16.

- Новикова О.Г., Степанова Е.В., Хаврин С.В. Изделия с китайским лаком в памятниках пазырыкской культуры // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2013. С. 81-86.
- Погодин Л.И. Лаковые изделия из памятников Западной Сибири раннего железного века // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск: Омский гос. ун-т, 1998. С. 26-38.
- Полякова Е.О. Бухарские купцы в русско-китайских торговых отношениях XVII в. // Известия Уральского гос. ун-та. Серия 2, Гум. науки. 2011. № 4 (96). С. 82-92.
- Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Избранные сочинения в 3-х т. Т. III. Труды по истории, этнографии и фольклору. Павлодар: ЭКО, 2005. С. 9-58.
- Пьянков И.В. Движение степного населения в Евразийском поясе степей и проблемы этнической истории древнейших индоиранцев // Материальная культура Таджикистана. 1987. № 4. С. 71-84.
- Пьянков И.В. Средняя Азия и Евразийская степь в древности. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. 736 с.
- Скрипкин А.С. Сарматы и Восток. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2010. 370 с.
- Таиров А.Д. Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Препринт. Челябинск, 1995. 43 с.
- Таиров А.Д. Северный путь движения кочевого населения в евразийском поясе степей // Челябинский гуманитарий. 2009. № 2 (8). С. 107-112.
- Таиров А.Д. Внутренняя Азия и культурные трансформации в степной Евразии I тыс. до нашей эры // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 5 (35). С. 14-19.
- Таиров А.Д. Караванные пути в урало-казахстанских степях // Евразийский вектор : проблемы международного образования. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2016. С. 94-120.
- Таиров А. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н.э. Астана: Казак гылыми-зерттеу медениет институтының баспа тобы, 2017. 392 с.
- Тигеева Е.В., Белоногова Л.Н. Зеркала саргатской культуры Тоболо-Ишимского междуречья // ВИАЭ. 2018. № 4 (43). С. 84-96. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-084-096
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.
- Франкфор А.-П. Существовал ли Великий Шелковый путь во II–I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 203-217.
- Шишлина Н.И. «Шерстяной путь» эпохи поздней бронзы: культурный, хронологический и географический контексты // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 23-38. DOI: 10.22204/2587-8956-2021-103-01-23-38
- Yang J., Shao H., Pan L. The Metal Road of the Eastern Eurasian Steppe. The Formation of the Xiongnu Confederation and the Silk Road. Springer Nature Singapore Pte Ltd. 2020. 571 p. DOI: 10.1007/978-981-32-9155-3
- Tan L., Dong G An Z., Edwards R. L., Li H., Li D., et al. Megadrought and cultural exchange along the proto-silk road // Science Bulletin. 2021. 66. P. 603-611. DOI: 10.1016/j.scib.2020.10.011
- Qin-Qin Lü, Julian Henderson, Yongqiang Wang & Binghua Wang. Natron glass beads reveal proto-Silk Road between the Mediterranean and China in the 1st millennium BCE // Scientific Reports. 2021. Vol. 11, Article number: 353. DOI: 10.1038/s41598-021-82245-w
- Wu X., Ning C., Key F.M. et al. A 3,000-year-old, basal *S. enterica* lineage from Bronze Age Xinjiang suggests spread along the Proto-Silk Road // PLoS Pathog. 2021. 17(9): e1009886. DOI: 10.1371/journal.ppat.1009886

**С. В. Сиротин,
Д. С. Богачук**

**Сергей Викторович Сиротин, [sirotinsv70@mail.ru](mailto:sirobinsv70@mail.ru),
Дарья Сергеевна Богачук, BogachukDS@iaran.ru
Институт археологии РАН,
г. Москва, Россия**

О связях ранних кочевников Южного Урала с Северным Кавказом, Нижним и Средним Подоньем в IV в. до н.э.

Аннотация. В статье представлены материалы, характеризующие культурные связи кочевников Южного Урала с западными (скифскими) территориями в IV в. до н.э. Наиболее многочисленную группу западных импортов составляют предметы конского снаряжения. Помимо этого представлены некоторые виды клинкового вооружения. В меньшей степени импорты представлены керамикой. Анализ предметов позволяет предполагать военный характер связей южно-уральских кочевников с западными (скифскими) территориями. В хронологическом аспекте самая большая серия импортных предметов фиксируется в погребениях середины IV – начала III в. до н.э. Именно в этот период южно-уральские кочевники осуществляли наиболее активные контакты с сопредельными западными территориями.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние кочевники, культурные связи, импортные предметы

**Сергей Викторович Сиротин,
Дарья Сергеевна Богачук,
PFA Археология институты, Мәскеу қ., Ресей**

Оңтүстік Орал ерте көшпенділерінің б.д.д. IV ғ. Солтүстік Кавказ, Төменгі және Орта Дон бойымен байланысы туралы

Аннотация. Мақалада б.д.д. IV ғ. Оңтүстік Орал көшпенділерінің батыс (скиф) территорияларымен мәдени байланысын сипаттайтын материалдар берілген. Батыс импортының анағұрлым көп тобы ат әбзелдері болып табылады. Сонымен қатар, қылыш тәріздес қарудың кейбір түрлері ұсынылған. Импорттың аз мөлшері керамикадан тұрады. Бұйымдарға сараптама жасау Оңтүстік Орал көшпенділерінің батыс (скиф) аумақтармен байланысының әскери сипатын болжауға мүмкіндік береді. Импортталған заттардың ең үлкен топтамасы хронологиялық тұрғыдан б.д.д. IV ғ. ортасы – III ғ. басына жататын жерлеу орындарда кездеседі. Дәл осы кезеңде Оңтүстік Орал көшпенділері көршілес батыс территориялармен неғұрлым белсенді байланыстарды жүзеге асырды.

Түйін сөздер: Оңтүстік Орал, ерте көшпенділер, мәдени байланыстар, импорттық заттар

**Sergey Sirotin,
Darya Bogachuk,
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia**

On the relations of the early nomads of the Southern Urals with the North Caucasus, the Lower and Middle Don region in the 4th century BC

Abstract. The article presents materials characterizing the cultural ties of the nomads of the Southern Urals with Western (Scythian) territories in the 4th century BC. The most numerous group of Western imports are items

of horse equipment. In addition, some types of bladed weapons are presented. To a lesser extent, the imports are represented by ceramics. The analysis of the objects allows us to assume the military nature of the ties of the South Ural nomads with the western (Scythian) territories. Chronologically, the largest series of imported items is recorded in the burials of the middle of the 4th – beginning of the 3rd centuries BC. It was during this period that the South Ural nomads carried out the most active contacts with neighboring western territories.

Keywords: Southern Urals, early nomads, cultural ties, imported items

Исследователи неоднократно отмечали наличие связей ранних кочевников Южного Урала с сопредельными и отдаленными территориями. Население степей Южного Урала было в той или иной степени интегрировано в общеисторические процессы и находилось под определенным влиянием передовых культур Евразии. Наличие импортных вещей ахеменидского круга, а также импортов с западных территорий в погребениях южно-уральских номадов VI–III вв. до н.э., свидетельствует об определенных связях кочевых объединений с внешним миром. Вопросы, связанные с хронологией и атрибуцией импортных вещей восточного происхождения, неоднократно рассматривались в работах исследователей [Смирнов 1964: 257–285; Влияния... 2012]. Причины попадания этих предметов на Южный Урал связываются с целым комплексом обстоятельств, в числе которых можно назвать торговые, военно-политические, дипломатические. Очевидно, им соответствуют яркие исторические события: в результате походов Александра Македонского на южной границе кочевого мира происходит крушение Ахеменидской империи, знать из среднеазиатских сатрапий бежит к кочевникам-массагетам, которые сражались с греками на берегах Яксарта/Сырдарьи [Сиротин и др. 2019].

Вместе с тем, в материальной культуре южно-уральских номадов отчетливо проявляется наличие западного вектора их связей. Это касается, прежде всего, конского снаряжения, предметов вооружения (мечи синдо-меотского типа), некоторых образцов керамической посуды.

Мысль о скифских истоках раннепрохоровского уздечного набора неоднократно высказывалась в работах исследователей [Смирнов 1961: 77, 81; Гуцалов 2004: 41–42; Савельев 2007: 336; Савельев 2020]. Значительная часть предметов конского снаряжения имеет аналогии в комплексах, расположенных в западных регионах – Предкавказье, степном и лесостепном Северном Причерноморье, Среднем и Нижнем Дону.

Прежде всего, обращает на себя внимание наличие псалиев «С»-видной схемы, а также железных стержневидных псалиев с шишечками на окончаниях и восьмеркообразным утолщением посередине [Савельев 2007; 2020; Сиротин 2015]. Данные псалии, хорошо известные в скифских комплексах V–IV вв. до н.э., получают особое распространение на Южном Урале в IV в. до н.э.

Интересными находками можно считать железные стержневидные псалии с восьмеркообразными утолщениями посередине, окончания которых раскованы в виде лопасти (псалии с секировидными окончаниями) [Пшеничнюк 1995; Сиротин 2010; 2015; Яблонский 2013]. Подобные псалии известны на территории Нижнего Поволжья, лесостепного Поднепровья, однако их наибольшее количество найдено в комплексах Северного Кавказа [Мышкин 2019б]. Примечательно, что в комплексах узды VI–V вв. до н.э. на Южном Урале подобные псалии не встречаются и происходят из комплексов середины IV – начала III в. до н.э.

Обращают на себя внимание железные наносники с загнутым в петлю навершием с шишечкой на окончании. Они представлены немногочисленными экземплярами в южно-уральских комплексах [Сиротин 2016]. Более широко такие налобники (наносники?) представлены во второй половине IV в. до н.э. на Среднем Дону [Савченко 2009: 258–260]. В.Н. Васильев определенно относит их ко второй половине или концу IV в. до н.э. [Васильев 2004: 157].

Биметаллические псалии, найденные в составе уздечного набора с железными сердечниками и бронзовыми приливами, имеют аналогии в западных областях. Они отмечены в комплексах Предкавказья, Среднего и Нижнего Дона, лесостепных памятниках скифского времени IV в. до н.э. [Эрлих 2010: 90, 91; 2011: 56]. Наиболее многочисленная серия железных псалиев, имеющих бронзовые приливы, найдена в Прикубанье в уздечных наборах второй половины IV в. до н.э. [Эрлих 2006: 62; 2010: 91]. В.Н. Васильев считает, что применительно к южно-уральским комплексам подобные псалии могут выступать в качестве хроноиндикаторов второй половины IV в. до н.э. [Васильев 2004: 155]. Рассматривая данную категорию конского снаряжения, В.Р. Эрлих полагает, что происхождение биметаллических псалиев связано с ареалом савроматской культуры, о чем свидетельствуют находки из Пятимаров, Кырык-Обы II и Филипповки 1 [Эрлих 2006: 62; 2011: 57]. Обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Комплексы из Пятимаров и Кырык-Обы II датируются значительно более ранним временем. Курган 15, где были найдены биметаллические псалии, автором датируется концом VI–V в. до н.э. [Гуцалов 2010: 64]. Дата кургана 6 могильника Пятимары I К.Ф. Смирновым устанавливается в пределах V в. до н.э. [Смирнов 1964: 50–51, 322]. Оформление бронзовых окончаний псалиев из Пятимаров и Кырык-Обы II принципиальным образом отличается от Прикубанских образцов и выполнено в иной стилистической манере. Не исключено, что технология изготовления псалиев с использованием железа и бронзы могла появиться на Южном Урале достаточно рано. Вместе с тем, это не исключает конвергентный характер ее появления и в Прикубанье, где складывается вполне самостоятельный центр их производства. Если рассматривать известные находки биметаллических псалиев из Южного Приуралья (могильники Филипповка 1, Переволочан I, Высокая Могила – Студеникин Мар), то их происхождение, так же как и целый ряд других элементов раннепрохоровской сбруи (налобники, уздечные бляхи и др.), явно связано с Прикубаньем второй половины IV в. до н.э.

К числу находок, имеющих аналогии в западных комплексах, следует отнести дуговидные предметы или нахрапники. Данные предметы известны в комплексах Нижнего Дона и лесостепного Поднепровья и функционально относятся к предметам повышенной строгости в составе уздечных наборов [Вальчак 2009]. Серия этих предметов найдена в составе погребального инвентаря южно-уральских кочевников [Сиротин 2020б]. Анализ погребений, в которых были найдены дуговидные предметы (нахрапники), показывает, что период их появления и распространения на Южном Урале относится к раннепрохоровскому времени. Практически все они найдены в комплексах второй половины IV – рубежа IV–III в. до н.э.

Особого внимания заслуживают бронзовые пластинчатые налобники. Данная категория инвентаря, до недавнего времени практически не известная в комплексах южно-уральских степей, вместе с тем, широко представлена в уздечных наборах в Прикубанье, Предкавказье, лесостепном Поднепровье и др. [Эрлих 2010: 97; Прокопенко 2014: 256]. На Южном Урале бронзовые пластинчатые налобники происходят из известных памятников, таких как Большой Климовский курган, Переволочан I, Филипповка 1, Высокая Могила — Студеникин Мар [Сиротин 2019]. Примечательно, что все они найдены в богатых и статусных комплексах кочевой элиты, которые датируются второй половиной IV – рубежом IV–III в. до н.э. Широкое распространение таких налобников в Прикубанье и Предкавказье позволяет рассматривать эти территории в качестве исходных локаций, откуда данная категория вещей, наряду с другими, попадает к южно-уральскимномадам.

Примечательными находками можно считать бронзовые уздечные бляхи. В их числе особо следует отметить зооморфные бляхи, имеющие прямые аналогии в комплексах Предкавказья и Среднего Дона 2-й пол. IV – начала III в. до н.э. [Могилев 2008: 415; Гуляев, Савченко 2004: 40]. Особого внимания заслуживает комплекс из кургана 10 могильника Горки на Среднем Дону, где были

найдены аналогичные бляхи. Дата комплекса определяется античной амфорой и относится к концу третьей четверти IV в. до н. э. [Гуляев, Савченко 2004: 43].

Интересными находками являются бронзовые колесовидные бляхи с петлей на обороте. На Южном Урале бляхи такого типа найдены в погребении 5 кургана 12 могильника Переволочан I [Сиротин 2020а: 185], в одиночном кургане Яковлевка II [Сиротин 2015: 249], а также в составе уздечного набора из насыпи кургана 1 группы «Студеникин Мар» некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» [Сиротин 2022]. Похожие по форме и стилю бляхи выявлены на Среднем Дону в материалах могильников у с. Русская Тростянка, у с. Терновое, у хут. Дубовой и у с. Мастюгино [Савченко 2009: 277–278]. Помимо этого, стилистически похожая бляха была найдена в кургане № 4 у хут. Сладковский, который датируется 2-й пол. или концом IV в. до н.э. [Смирнов 1980: 43; 1984: 51, 54]. Наличие подобных блях в составе конской узды отмечается в комплексах IV в. до н.э. из Абхазии [Эрлих 2010: 100, 101]. В.Р. Эрлих, помещая эти предметы в круг вещей меотской традиции, отмечает, что своими первоначальными истоками эти бляхи могут быть связаны с комплексами Закавказья [Эрлих 2010: 101].

Обращает на себя внимание бронзовая бляха в виде профильного изображения длинномордой головы волка с оскаленной пастью из кургана 1 группы «Студеникин Мар» некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар». Немногочисленные экземпляры подобных блях известны в южно-уральских раннекочевнических комплексах. В.Н. Мышкин подобные бляхи выделяет в особый тип уздечных зооморфных блях, щитки которых оформлены в виде фигуры или части хищного животного [Мышкин 2019а: 59, 60]. Наиболее ранние образцы профильных изображений головы волка найдены в кургане 18 могильника Кырык-Оба II, который датируется автором раскопок концом VI – пер. пол. V в. до н.э. [Гуцалов 2010: 60]. Однако, несмотря на общее сходство мотива, для блях из Кырык-Обы II следует отметить принципиально иную манеру изображения. Бляха, найденная в кургане 1 группы «Студеникин Мар» относится к группе блях, которые на Южном Урале известны в некрополе Филипповка 1 [Канторович, Яблонский 2009: 78–79; Пшеничнюк 2012: 32; Яблонский 2013: 66, 174]. На наш взгляд, бронзовые зооморфные бляхи, а также бляхи с профильным изображением головы волка, происходят из Прикубанья, попав на Южный Урал в качестве импортных предметов с западных скифских территорий.

Следует также отметить наличие у южно-уральских номадов мечей синдо-меотского (меотского) типа. Такие мечи представлены на территории Северного Кавказа, Закавказья, Северного Причерноморья, Прикубанья, Подонья и Поволжья в V–III вв. до н.э. [Смирнов 1980; Клепиков 2002: 22–25; Эрлих 1991; Маслов 2019]. Немногочисленная серия таких мечей найдена в южно-уральских комплексах IV – рубежа IV–III в. до н.э. [Васильев 2001: 170, 171; Мещеряков, Яблонский 2007: 358, 359]. По наблюдениям К.Ф. Смирнова, большая часть подобных мечей происходит из меотских курганов и грунтовых могильников Прикубанья IV – начала III в. до н.э., откуда они через прикаспийские степи попадают на нижний Дон и Волгу и далее на восток в Южное Приуралье [Смирнов 1980: 41–43]. Очевидно, что на Южный Урал серия данных клинков попадает из Прикубанья, вероятно, через нижнедонские и поволжские степи во второй половине IV – начале III в. до н.э.

Помимо уздечных принадлежностей и мечей синдо-меотского типа, в комплексах ранних кочевников Южного Урала отмечается наличие круговой керамики кавказского происхождения в комплексах середины IV – первых десятилетий III в. до н.э. [Яблонский, Мещеряков 2007: 361–363].

Обращает на себя внимание наличие в погребениях необычных сосудов с характерным профилем и вертикальными каннелюрами по тулову [Федоров 2022]. Они появляются в IV в. до н.э. и получают распространение в III–II вв. до н.э. Данная серия сосудов связана своим происхождением

с территориями Прикубанья и Нижнего Подонья [Лимберис, Марченко 2006; Синика и др. 2014; Федоров 2022].

Таким образом, в комплексах южно-уральских номадов отмечается достаточно представительная серия предметов, связанная своим происхождением с западными скифскими территориями. При анализе элементов конского снаряжения, имеющих западное происхождение, обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Практически все предметы конского снаряжения, как отдельные экземпляры, так и уздечные наборы, найдены в статусных раннепрохоровских комплексах – в могильнике Филипповка 1 и других комплексах филипповского круга (Переволочан I, Яковлевка II, Ивановские I курганы и др.). Отдельные немногочисленные элементы, такие как железные стержневидные псалии или железные налобники, могут встречаться и в относительно небогатых комплексах степи и лесостепи [Савельев 2007; 2020]. В связи с этим, многие элементы уздечного набора южно-уральских номадов могут рассматриваться в качестве миграционного компонента их материальной культуры [Сиротин 2019; Савельев, 2020]. Мечи синдо-меотского типа встречены в относительно небогатых или же рядовых воинских комплексах [Мещеряков, Яблонский 2007; Маслов 2019]. В отличие от конского снаряжения и предметов вооружения, имеющих аналогии в западных территориях, в южно-уральских кочевнических погребениях очень мало кавказкой керамики, практически нет амфорной тары, предметов бытового назначения и др. В этой связи следует согласиться с мнением исследователей о воинском происхождении западных импортов на Южном Урале [Мещеряков, Яблонский 2007; Канторович. Яблонский 2009; Маслов 2019; Савельев 2020]. Очевидно, данный период не был растянут во времени. Хронологически он охватывает относительно непродолжительное время – середину (возможно и вторую четверть) IV – начало III в. до н.э. и прекращается с распадом кочевой группировки, связанной с памятниками филипповского круга.

ЛИТЕРАТУРА

- Вальчак С.Б.* Об одной из функциональных деталей скифской уздечки Восточной Европы // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 126–140.
- Васильев В.Н.* К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2001. С. 169–179.
- Васильев В.Н.* К хронологии раннепрохоровского комплекса / Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа: Гилем, 2004. С. 153–172.
- Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) / Ред. М.Т. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. Т. I. 671 с.
- Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) / Ред. М.Т. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. Т. II. 468 с.
- Гуляев В.И., Савченко Е.И.* Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 35–52.
- Гуцалов С.Ю.* Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2004. 136 с.
- Гуцалов С.Ю.* Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // РА. 2010. № 2. С. 51–66.
- Канторович А.Р., Яблонский Л.Т.* О северопричерноморских и северокавказских параллелях изображениям в скифо-сибирском зверином стиле на предметах из Филипповских курганов // Нижневолжский археологический вестник. 2009. № 10. С. 73–99.
- Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2002. 216 с.

- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани: Сб. науч. тр. / Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Пьянков А.В.. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. С. 134-150.
- Маслов В.Е.* Синдо-меотские мечи vs. акинаки (реалии сегодняшнего дня) // *Stratum plus*. 2019. № 3. С. 133-154.
- Мещеряков Д.В., Яблонский Л.Т.* О некоторых кавказских импортах в памятниках раннесарматского времени Южного Приуралья // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сб. памяти М.П. Абрамовой / Ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: ТАУС, 2007. С. 357-368.
- Могилев О.Д.* Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: ИА НАНУ, 2008. 439 с.
- Мышкин В.Н.* Уздечные бляшки с зооморфными и антропоморфными изображениями у кочевников Южного Приуралья скифского времени // Нижневолжский археологический вестник. 2019а. № 18. С. 57–73.
- Мышкин В.Н.* Псалии с секировидными окончаниями из кочевнических погребений скифского времени на Южном Урале // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 7 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: СГСПУ. 2019б. С. 175-180.
- Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. Ч. 1. 446 с.
- Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. Ч. 2. 726 с.
- Пшеничнюк А.Х.* Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа: Гилем, 1995. С. 62-96.
- Пшеничнюк А.Х.* Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
- Савельев Н.С.* Конская узда IV–III вв. до н.э. из Шиповских курганов в лесостепи Южного Приуралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900–1966). М-лы Междунар. конф. (20–22 апреля 2007 г., г. Уфа) / Отв. ред. В.С. Горбунов, В.А. Иванов, Г.Т. Обыденнова, И.А. Шутелева, Н.Б. Щербаков. Уфа: Китап, 2007. С. 330-339.
- Савельев Н.С.* Скифская узда в лесостепи Южного Приуралья: конечная точка западного импульса // *Stratum plus*. 2020. № 3. С. 31-52.
- Савченко Е.И.* Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 221-325.
- Синика В.С., Меньшикова В.А., Тельнов Н.П.* Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья VI – I вв. до н.э. // *Stratum plus*. 2014. № 3. С. 65-101.
- Сиротин С.В.* Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 323–337.
- Сиротин С.В.* Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. М-лы VI Всерос. науч. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челябинский гос. краеведческий музей, 2015. С. 247-256.
- Сиротин С.В.* Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. М-лы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова: сб. ст. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 253-264.
- Сиротин С.В.* Об одной группе пластинчатых налобников в уздечных наборах ранних кочевников Южного Урала // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). Вып. V. Проблемы сарматской археологии

- и истории: м-лы X междунар. науч. конф. (г. Севастополь, 23-29 сентября 2019 г.). Симферополь: ООО «Фирма «Салта ЛТД», 2019. С. 224-233.
- Сиротин С.В.* Дромосное погребение IV в. до н.э. из кургана 12 некрополя Переволочан I на Южном Урале // КСИА. 2020а. Вып. 258. С. 181-200.
- Сиротин С.В.* Дуговидные предметы (нахрапники) в составе конской сбруи ранних кочевников Южного Урала // Нижневолжский археологический вестник. 2020б. № 1. Т. 19. С. 102-115.
- Сиротин С.В.* Кочевническое погребение с вьючной флягой из Южного Приуралья // ВДИ. 2022. № 2. Т. 82. С. 411-418.
- Сиротин С.В., Маслов В.Е., Богачук Д.С.* Аристократия кочевников Южного Урала. Филипповские курганы // Природа. 2019. № 1. С. 50-56.
- Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов / Материалы и исследования по археологии СССР. № 101. М.: Наука, 1961. 161 с.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука. 1964. 376 с.
- Смирнов К.Ф.* О мечях синдо-меотского типа // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 38-44.
- Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. 183 с.
- Федоров В.К.* Лепные сосудики для воскурений из погребений кочевников Южного Приуралья IV–II вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. 2022. № 1. Т. 21. С. 119-124.
- Эрлих В.Р.* Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья / Отв. ред. В.Р. Эрлих. М.: Государственный музей искусства народов Востока, 1991. С. 77-105.
- Эрлих В.Р.* Связи Прикубанья с Поволжьем и Приуральем во второй половине IV в. до н.э. (по материалам Тенгинских святылец) // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Тез. докл. III междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Нумизматическая литература, 2006. С. 60-62.
- Эрлих В.Р.* Узда Колхиды и Центральной Грузии античной эпохи: к проблеме выделения традиций // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 73-106.
- Эрлих В.Р.* Святылища некрополя Тенгинского городища II-IV в. до н.э. М.: Наука, 2011. 212 с.
- Яблонский Л.Т.* Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

**К. Ш. Табалдыев,
К. Ахматов,
А. Ашык**

Кубатбек Шакиевич Табалдыев,
kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg
Кунболот Акматов,
kunbolot.akmatov@manas.edu.kg
Алпаслан Ашык,
alpaslan.a@manas.edu.kg
Кыргызско-Турецкий университет «Манас»,
Бишкек, Кыргызстан

Погребальные памятники хуннского времени межгорных долин Тенир-Тоо (Тянь-Шаня)

Аннотация. В статье дается информация о ранее неизвестных типах погребальных сооружений 1-й пол. I тыс. н.э. обнаруженных в южной части Иссык-Куля, в могильнике Уч-Курбу, Токчулук. Курганы имеют квадратную в плане форму. Края курганов в основном обложены большими речными валунами. В могильниках Уч-Курбу и Токчулук почти все курганы были пристроены друг к другу. По углам квадратных курганов установлены удлиненные валуны в вертикальном положении. Поэтому они нами условно называются «курганы с угловыми камнями». Умерших хоронили в подбойных могилах и небольших катакомбах с вертикальным колодцеобразным входом. Каждая группа пристроенных курганов показывает их сплоченность, проявление близких родственных связей, т. е. в каждой группе похоронены члены различных поколений одной семьи или рода. Население, оставившее эти памятники, не жило изолированно. Компактные группы «курганов с угловыми камнями» встречаются, в основном, в предгорных зонах Иссык-Куля. Единичные курганы с угловыми камнями фиксируются на территории Внутреннего Тянь-Шаня (Нарынская обл.) среди курганов хуннского времени. В раннее средневековье они были ассимилированы в среде тюркоязычных народов.

Ключевые слова: Тянь-Шань, Кыргызстан, период Великих переселений, курганы с угловыми камнями, курган с «усаами»

**Кубатбек Шакиевич Табалдыев,
Кунболот Акматов,
Алпаслан Ашык,**
«Манас» Кыргыз-түрік университети, Бишкек, Кыргызстан

Тенир-Тоо (Тянь-Шань) тауаралық аңғарларындағы ғұн дәуірінің жерлеу ескерткіштері

Аннотация. Мақалада Ыстықкөлдің оңтүстік бөлігінен, Уч-Курбу, Токчулук қорымдарынан табылған б.д. I мыңж. 1- жартысы жерлеу құрылыстарының бұрын белгісіз болған түрлері туралы ақпарат беріледі. Обалар жоспары бойынша төртбұрышты. Оба шеттері көбіне үлкен өзен тастарымен қоршалған. Уч-Курбу және Токчулук қорымдарында барлық дерлік обалар бір-біріне жапсарласып салынған. Төртбұрышты обалардың бұрыштарына ұзын тастар тігінен орнатылған. Сондықтан біз оларды шартты түрде «бұрыштық

© 2022 Табалдыев К.Ш., Акматов К., Ашык А.

*Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

тастары бар обалар» деген атау бердік. Мәйіттерді ақымды қабірлерге және тік құдық тәріздес кіреберісі бар кішілеу катакомбаларға жерлеген. Қатарласқан обалардың әрбір тобы олардың бірлігін, тығыз отбасылық байланыстарын көрсетеді, яғни әр топқа бір отбасының немесе рудың бірнеше ұрпақтарының өкілдері жерленген. Бұл ескерткіштерді қалдырған тұрғындар жеке жеке өмір сүрмеген. «Бұрыштық тастары бар обалардың» шағын топтары негізінен Ыстық көлдің тау бөктерінде кездеседі. Бұрыштарына тастар орнатылған бірді екілі обалар Ішкі Тянь-Шань территориясында (Нарын облысы) ғұн кезеңі обалары арасынан табылды. Ерте ортағасырларда олар түркі тілдес халықтар арасында ассимиляцияға ұшырады.

Түйін сөздер: Тянь-Шань, Қырғызстан, Ұлы қоныс аудару кезеңі, бұрыштық тастары бар обалар, «мұрты» оба

Kubatbek Tabaldyev,
Kunbolot Akhmatov,
Alpaslan Ashyk,

Kyrgyz-Turkish University “Manas”, Bishkek, Kyrgyzstan

Burial monuments of the Xiongnu time in the intermountain valleys of Tenir-Too (Tien Shan)

Abstract. The article provides information about previously unknown types of burial structures of the first half of 1st millennium AD discovered in the southern part of Issyk-Kul, in the burial ground of Uch-Kurбу, Tokchuluk. The mounds are square in plan. The edges of the mounds are mostly overlaid with large river boulders. In the burial grounds of Uch-Kurбу and Tokchuluk, almost all the mounds were attached to each other. Elongated boulders in an upright position are installed at the corners of square mounds. Therefore, they are conventionally called “mounds with corner stones” by us. The dead were buried in graves and small catacombs with a vertical well-shaped entrance. Each group of attached mounds shows their cohesion, the manifestation of close family ties, i.e., members of different generations of the same family or clan are buried in each group. The population who left these monuments did not live in isolation. Compact groups of “mounds with corner stones” are found mainly in the foothill zones of Issyk-Kul. Single mounds with corner stones are recorded on the territory of the Inner Tien Shan (Naryn region) among the mounds of the Xiongnu period. In the early Middle Ages, they were assimilated among the Turkic-speaking peoples.

Keywords: Tien Shan, Kyrgyzstan, the period of the Great Migrations, mounds with corner stones, a mound with “whiskers”

В эпоху Великого переселения народов в процессе миграций на Тянь-Шань, в основном из восточных регионов, проникли своеобразные культурные элементы. Не все миграции были связаны с завоеваниями новых территорий. Местные и пришлые культуры в результате совместного проживания формировали различные типы погребальных сооружений. Этот процесс определял процесс формирования внутренне-разнообразных культурных элементов. Они заимствовали друг у друга отдельные элементы погребальной традиции. Судя по материалам, на различных секторах современной территории Кыргызстана формировались культуры, которые вели комплексное хозяйство. В северо-западной части Кыргызстана, в бассейне р. Талас, развивалась памятники кенкольского типа, имеющие некоторое сходство с арысской культурой, с культурой кангюй. По сведениям археологов и антропологов, памятники Таласской долины имеют некоторые различия от памятников Западного Тянь-Шаня. Речь идет о памятниках долины Кетмень-Тёбё (Токтогульский р-н, Джалал-Абадская обл., Кыргызская Республика).

При сопоставлении материалов Западного Тянь-Шаня с данными Прииссыккуля и Внутреннего Тянь-Шаня (Нарынская обл., КР) также обнаруживаются некоторые различия. Например, на Внутреннем Тянь-Шане и на предгорной, прибрежной зонах Иссык-Куля не обнаружены катакомбные погребения с длинными дромосами как в долинах Кетмень-Тюбе, Талас.

Керамические сосуды в памятниках последних более разнообразны. Несмотря на различия, их объединяют сходные черты украшений, изготовленных в полихромном стиле, сложносоставные луки, кольцевая деформация черепа погребенных и т. д.

Курганы с угловыми камнями. Новые материалы, полученные из предгорных зон Иссык-Куля и Нарынской области (Внутренний Тянь-Шань), показывают одну группу популяций, отличающуюся от остальных своеобразной конструкцией намогильных сооружений, керамических сосудов.

Курганы этой группы обычно имеют вид подквадратной или редко округлой в плане формы. Отличие данных курганов выражается в массивных валунах, поставленных обычно в вертикальном положении «угловых вертикальных камней», по углам каменных курганов. Они условно названы «курганами с угловыми камнями» эпохи Великого переселения. Эталонным памятником на сегодняшний день является могильник Уч-Курбу, расположенный в правом борту р. Тосор (Иссык-Куль) [Tabaldiev 2008].

В 2000 г. первоначально, в ходе разведывательных раскопок в бассейне р. Тосор обращали наше внимание пристроенные друг к другу квадратной формы каменные курганы. При раскопах одного из них в могильной яме было обнаружено погребение в вытянутом положении, ориентированное головой на север. Справа, в области плеча, замечены: остатки истлевшего дерева удлинненной формы, деревянный столик прямоугольной формы без ножек. Аналогичные

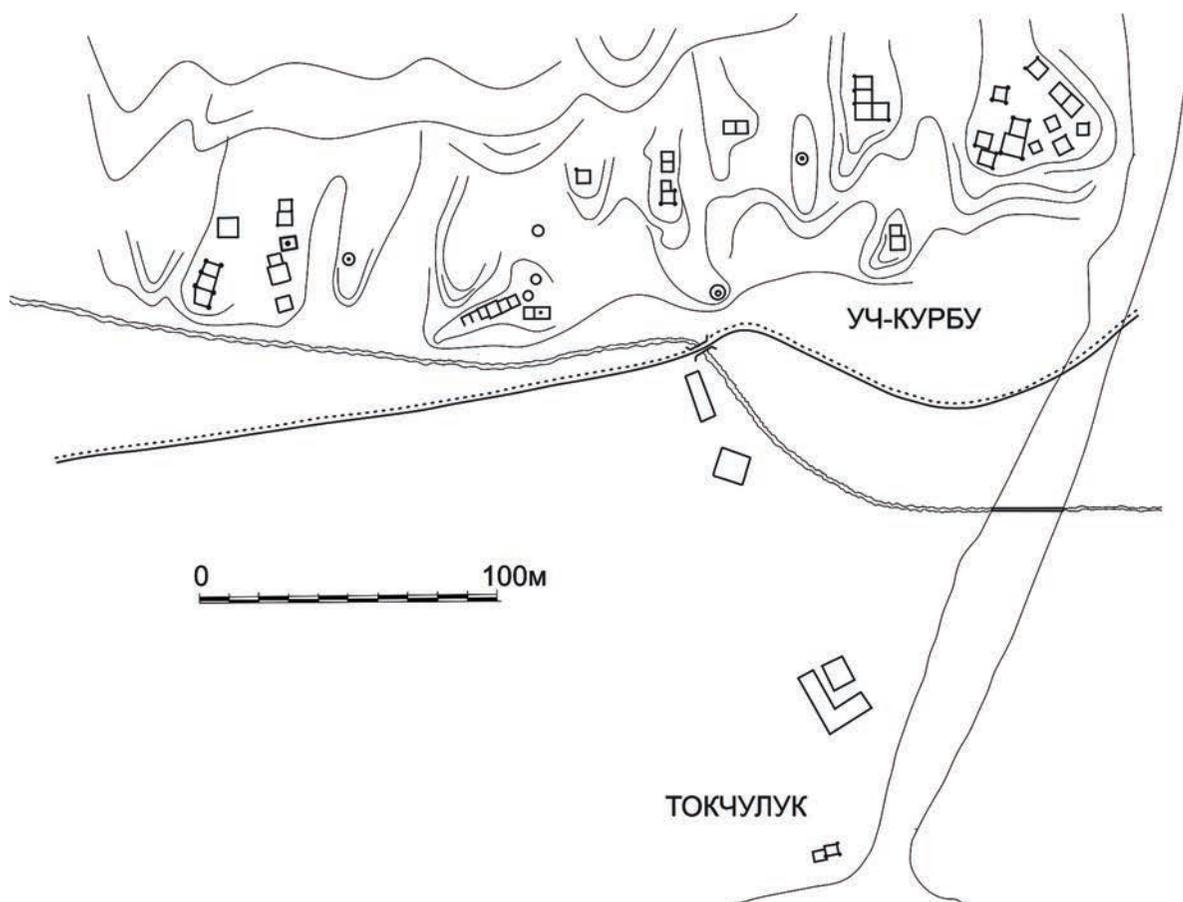

Рис. 1. План могильника Уч-Курбу и Токчулук. Иссык-Куль

по форме деревянные столики встречались в памятниках 1-й пол. I тыс. н.э. Памятник предварительно датирован этим же временем.

Курганы с угловыми камнями в могильнике Уч-Курбу встречаются на ложбинах, на увалах, гребнях гор. Отмечено 14 участков с такими объектами. В основном они пристроены друг к другу. Не прослежена закономерность по размещению в пространстве, так, например, ориентация пристроенных курганов строго по линии С–Ю или В–З. Создатели в первую очередь учитывали рельеф местности, для них были важны размещение курганов на гребнях, на террасах, относительно высоких местах (рис. 1; 2).

По углам курганов замечаются вертикально установленные массивные, продолговатые камни. В настоящее время часть вертикальных камней обнаруживается в заваленном состоянии. Нами они выявлены в северной и южной предгорных частях Иссык-Куля в следующих пунктах – Алабаш, Тосор, Дархан, Орнок, Чолпон-Ата. Курганы аналогичной конструкции – углы прямоугольного основания или середины обозначены не более крупными камнями были исследованы Л.П. Зяблиным в северной предгорной части Иссык-Куля [Зяблин 1959: 140, 145, 152–153]. В 2022 г. курганы с угловыми камнями обнаружены в Кочкорской долине Внутреннего Тянь-Шаня.

После проведения раскопок, определения хронологии (табл. 1) выясняется, что указанные группы населения, которые оставили «курганы с угловыми» камнями, сосуществовали с населением

Рис. 2. Уч-Курбу 1, Иссык-Куль. Курганы с угловыми камнями

1-й пол. I тыс. н.э. Племена, оставившие рассматриваемые своеобразные курганы, не жили изолированно, о чем свидетельствуют сходные элементы в погребальном обряде. Погребенные уложены на спину, в основном головой ориентированы в сторону севера (рис. 3). Для многих из них

Рис. 3 . Уч-Курбу 1, курган 4. Погребение

характерны деревянные столики, наличие около погребенных символической погребальной пищи в виде костей барана (в т. ч. половины тазовой кости барана) и признаки кольцевой деформации, фиксируемой на отдельных черепах погребенных.

Таблица 1 – Результаты ^{14}C датирования курганов из могильника Токчулук и Уч-Курбу (Иссык-Куль) в лабораториях Маями (США) и Шотландии

Памятник и лабораторный шифр образца	^{14}C дата BP	Calibrated date, 2 σ (95,4% probability)
Токчулук; Beta-295214	1600 $\pm$ 30	1407–1533 AD
Уч-Курбу; Beta-295216	1540 $\pm$ 40	1349–1522 AD
Уч-Курбу, курган № 6; SUERC-27844 (GU-20796)	1800 $\pm$ 30	1603–1817 AD
Примечание: Откалибровано в программе Calib 8.2 URL: http://calib.org/calib/		

Особо следует отметить, что вертикальные угловые камни на углах курганов также фиксируются на других объектах эпохи великого переселения. Так, например, на могильниках Чон-Дёбё на Сон-Куле, Ала-Мышык – в бассейне р. Нарын и в Суттуу-Булаке (Кочкорская долина) они не составляли особой, обособленной группы, а только единичные из них находились среди курганов с обычными округлыми земляными, каменно-земляными насыпями. Вероятно, последние являются представителями племен, оставивших курганы с угловыми камнями. Они могли быть ассимилированы и включены в состав племен, хоронивших своих умерших в подбоях. Есть случаи обнаружения одиночных курганов или групп, состоящих из 2–3 курганов «с угловыми камнями». Одним словом, численность курганов этой субкультуры увеличивается.

В бассейне р. Тосор мы видим компактные группы курганов с угловыми камнями. Пристроенность курганов друг к другу также указывает на их сплоченность. Вероятно, каждая группа пристроенных курганов является показателем их родственных связей, т. е. в каждой группе покоятся члены различных поколений одной семьи или рода.

Выделение «курганов с угловыми камнями» в качестве своеобразной «субкультуры» открывает новые возможности для целенаправленного исследования культуры племен, оставивших их. В ближайшем будущем образцы из посткраниологических материалов будут предоставлены для проведения генетических исследований. Они могли принадлежать одной из этнических групп, пришедших из восточных регионов Центральной Азии или же их культура формировалась на данной территории в эпоху Великого переселения народов. В это время они сосуществовали в близком соседстве с кенкольцами, усунями и в эпоху раннего средневековья были ассимилированы в среде тюрков, о чём свидетельствует наличие в одном из каменных четырехугольных курганов Кой-Суу захоронение человека и коня.

Керамические сосуды из «курганов с угловыми камнями» (Уч-Курбу, Токчулук) отличаются (рис. 4). В них представлены плоскодонные чаши с вертикальными, расширяющимися вверх стенками. Есть посуды горшковидные с прямыми, с незначительно раздутым туловом и примазанной ручкой. При этом нельзя заключить, что большие чаши с вертикальными боковыми сторонами, слабопрофилированные как в Уч-Курбу, не встречаются в других регионах, они есть, но представлены единичными экземплярами. По всей вероятности, создатели «курганов с угловыми камнями» после эпохи переселения народов вошли в состав тюрков, и шёл процесс взаимовлияний.

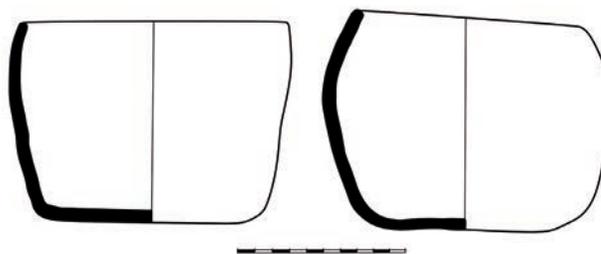

Рис. 4. Могильник Уч-Курбу. Керамические сосуды

Курган с «усами». Новые обнаруженные археологические свидетельства позволили выделить на Тянь-Шане, среди памятников времени Великого переселения народов, курганы с «усами». Пока рассматривается единственный курган, исследованный в Кочкорской долине. Несмотря на то, что этот памятник является единственным источником информации, внешняя конструкция позволяет его уверенно включить в разряд курганов с «усами».

Курган исследовался в восточной части Кочкорской долины, на ровном удлинённом участке вершины отдельной возвышенности в местности Бел-Саз. Имел каменно-земляную насыпь

диаметром 15 м. С двух сторон от кургана к востоку тянулся ряд камней, на концах которых находились небольшие кучи камней. Курган оказался сильно разграбленным. В центральной части находилась могильная яма. В ней, кроме трубчатой человеческой кости, ничего не найдено. В центральной части зафиксирована толща золы, свидетельствующая об обильном ритуальном процессе, с использованием огня. Среди толщи золы найден изогнутый трубчатый предмет из золота с шаровидным навершием.

Обнаруженный в Бел-Сазе объект расширяет границы распространения культуры курганов с «усами». Они, по археологическим свидетельствам, известны на территории Центрального Казахстана, Приуралья [Маргулан и др. 1966: 309; Бейсенов, Кожаков 1993: 59; Боталов и др. 2006; Боталов 2008; Грудочко 2019].

Данный объект был предназначен для совершения погребения останков умершего – вероятно, знатного члена общества. В центре кургана находилась потревоженная в древности могильная яма. Наличие зольного отложения на площади кургана свидетельствует о культово-ритуальном назначении данного объекта. На наш взгляд, объект стал выполнять функцию места для совершения ритуалов с использованием огня после того, как был погребен знатный или духовный лидер того общества. К сожалению, данный объект пока только единственный. Его появление естественно связано с участием носителей культуры курганов с «усами». Нахождение объекта на самой вершине возвышенности, обращение на восток его каменных гряд – «усов», яркое свидетельство о почитании ими значимого в восточном направлении объекта – солнца, которое играло первостепенную роль в погребальных и ритуальных церемониях.

В Центральном Казахстане подобные курганы включались в круг памятников ранних кочевников [Маргулан и др. 1966: 99]. С тех пор, границы распространения курганов «с усам» значительно расширились. Позднее, после открытия и исследования кургана в могильнике Канаттас и Зевакино, датировка курганов с усам изменилась. Есть сведения о наличии такого рода курганов в Южном Урале. По мнению И.Э. Любчанского, курганы с «усами имеют широкую датировку и их сложно связывать с каким-либо определенным этносом [Любчанский 1998].

Раскопанный курган из Кочкорской долины Внутреннего Тянь-Шаня в единственном экземпляре представляет пока самую южную границу распространения курганов с «усами» Евразии. Это, пока, впервые обнаруженное и исследованное погребение на Тянь-Шане. Объект относительно остальных курганов местности Бел-Саз выделяется большими размерами. Из вещественных источников пока единственным материалом для сравнительной датировки является изделие из золота. По всей вероятности, предмет являлся навершием, предметом ритуального предмета – жезла? Появление такого типа памятника на территории Внутреннего Тянь-Шаня проявляет большой интерес. Оно произошло в эпоху Великого переселения. Можно полагать об его появлении в процессе миграций культурных элементов из западных регионов Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейсенов А.З., Кожаков Д.А. Раннекочевнические курганы с жертвенными отсеками в Центральном Казахстане // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы: [б./и.], 1993. С. 59-62.
- Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: ООО «ЦИКР», 2008. 672 с.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.

- Грудочко И.В.* Курганы с «усами» как ритуальные комплексы кочевников урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н.э.) автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2019. 32 с.
- Зяблин Л.П.* Средневековые курганы на Иссык-Куле // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. М.: Изд-во АН ССР, 1959. 384 с.
- Любчанский И.Э.* Хронологические аспекты комплексов «курганов с усам» Евразийской степи// Культуры Евразийских степей второй половины 1 тыс. н.э. (вопросы хронологии). М-лы II Междунар. археол. конф. (г. Самара, 17–20 ноября 1997 г.) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1998. С. 303-310.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Казахстана. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1966. 435 с.
- Tabaldiev Kubatbek.* Innovation in der Kultur der Nomaden des Tienšan in der Völkerwanderungszeit // Hunnen zwischen Asien und Europa. Aktuelle Forschungen zur Archäologie und Kultur der Hunnen. Langenweißbach 2008. S. 83-90.

**Л. Олещак,
Д. Покутта**

Лукаш Олещак,
Институт Археологии Ягеллонского Университета,
Краков, Польша; l.oleszczak@wp.pl
Даля Покутта,
Департамент археологии и классических исследований
Стокгольмского Университета, Стокгольм, Швеция;
Департамент Археологии и Музеологии, Масариков университет,
Брно, Чехия; dalia.pokutta@arklab.su.se

Опыт применения изотопных методов исследования при изучении социальной системы скифо-сакских культур Центральной Азии (на примере материалов Северного Алтая)*

Аннотация. Изучение стабильных изотопов из костных тканей имеет большой информационный потенциал и актуальность при проведении исследований скифо-сакских культур Центральной Азии. В статье представлен опыт изучения стабильных изотопов представителей археологических культур северного Алтая: пазырыкской (в том числе каракобинского типа), быстрианской и майминской. Выводы, полученные в результате изотопных исследований, как указывалось выше, могут подтверждать данные, базирующиеся на основании традиционных методов археологии, что увеличивает их научную ценность. В то же время методы изотопных исследований дают возможность получить качественно новую научную информацию, которую было невозможно получить, используя лишь традиционные методы.

Ключевые слова: исследование изотопов, скифо-сакские культуры, пазырыкская культура, быстрианская культура, майминская культура

Лукаш Олещак,
Ягеллон университеті, Краков, Польша,
Даля Покутта,
Стокгольм университеті, Стокгольм, Швеция,
Масариков университеті, Брно, Чехия

Орталық Азияның скиф-сақ мәдениеті әлеуметтік жүйесін зерттеуде изотоптық әдісті қолдану тәжірибесі (Солтүстік Алтай материалдары мысалында)

Аннотация. Сүйек тіндерінің тұрақты изотоптарын зерттеу Орталық Азияның скиф-сақ мәдениеттеріне зерттеу жүргізу барысында үлкен ақпараттық әлеует пен өзектілікке ие. Мақалада солтүстік Алтайдың археологиялық мәдениеттері – пазырық (оның ішінде қарақобын типі), быстриан және майминдік мәдениеттер өкілдерінің тұрақты изотоптарын зерттеу тәжірибесі келтірілген. Жоғарыда айтылғандай, изотоптық зерттеулерден алынған тұжырымдар археологияның дәстүрлі әдістеріне негізделген деректерді растай алады, бұл олардың ғылыми құндылығын арттырады. Сонымен бірге изотопты зерттеу әдістері тек дәстүрлі әдістерді қолдана отырып алу мүмкін емес, сапалы жаңа ғылыми ақпарат алуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: изотоптарды зерттеу, скиф-сақ мәдениеті, пазырық мәдениеті, быстриан мәдениеті, маймин мәдениеті

© 2022 Олещак Л., Покутта Д.

*Работы были выполнены при финансовой поддержке гранта Народного Центра Науки Польши «Исследования в сибирской Долине Царей и раннескифское время в Центральной Азии», № гранта УМО-2018/28/С/Н53/00244.

Łukasz Oleszczak,
Jagiellonian University, Cracow, Poland,
Dalia Pokutta,
Stockholm University, Sweden,
Masaryk University, Brno, Czech Republic

**Stable isotopic analyses and the reconstruction of the Scythian-Saka societies:
the Northern Altay case study**

Abstract. Stable isotopic research based on the prehistoric skeletal remains has a lot of potential to shed new light upon the Scythian-Saka societies of Central Asia. This paper presents the results of the multi-isotopic studies of bone materials from several archaeological cultures of the Northern Altay region: the Pazyryk culture (including the Kara-Koba type of inhumations), the Bystrianka culture, and the Maima culture (the Xiongnu-Xanbei period). New data based on measurements of the nitrogen (^{15}N), carbon (^{13}C), strontium ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$), and oxygen (^{18}O) isotopes, enable us to confirm some hypotheses formulated as a result of traditional archaeological investigations. That also yielded entirely new information which could not be obtained during excavations alone. In the future, the advancement and progress in isotopic studies will result in a better understanding of social phenomena, such as social hierarchy and migrations of Scythian-Saka cultures of Central Asia.

Keywords: isotopes, Scythian-Saka cultures, Pazyryk culture, Bystrianka culture, Maima culture

Исследования изотопов являются одним из важных дополнительных методов изучения древних культур. С начала 1970-х гг. изучение содержания изотопов стронция, азота, углерода, кислорода и др. в костях умерших позволяет решать те проблемы, которые было бы невозможно решить с помощью традиционных методов археологических исследований [Faure, Powell 1972; Graustein 1989; Schwarcz, Schoeninger 1991; Katzenberg, Weber 1999]. В тематике изучения социальной системы древних племен важную роль играют исследования азота ^{15}N и углерода ^{13}C в связи с тем, что эти изотопы помогают определить диету умерших людей и животных. Кроме того, изучение изотопов кислорода и стронция позволяет получить информацию о миграционных процессах: определение автохтонного/аллохтонного происхождения умерших и/или миграционной мобильности представителей той или иной культуры. Кроме информации, касающейся социальной структуры и миграционных процессов, исследование изотопов дает возможность лучшего понимания хозяйственной деятельности, прежде всего – скотоводства, благодаря тому, что данные методы выявляют характер мобильности и специфику диеты животных.

В настоящей статье авторы представляют результаты исследования стабильных изотопов, полученных из остеологического материала людей и животных в процессе археологических исследований памятников пазырыкской, быстрианской и майминской культур на Алтае.

1. Изотопы кислорода – Чултуков Лог-1

Чултуков Лог-1 – большой могильник, расположенный в горной долине Нижней Катунь на территории северного Алтая (рис. 1; 2). На памятнике были выявлены захоронения, относящиеся к различным археологическим культурам – пазырыкской (рис. 2, В) каракобинской, быстрианской (рис. 1, В) и майминской. Могилы сохранились в интактном состоянии, и при этом могильник был практически полностью исследован. Образцы костей умерших из могильника являются очень хорошим источником для исследования изотопов, что дало возможность проведения сравнительного анализа особенностей культурных традиций скифского и гунно-сянбийского времени. Могильник был исследован в 2000–2018 гг. под руководством А.П. Бородавского (ИАЭТ СО РАН).

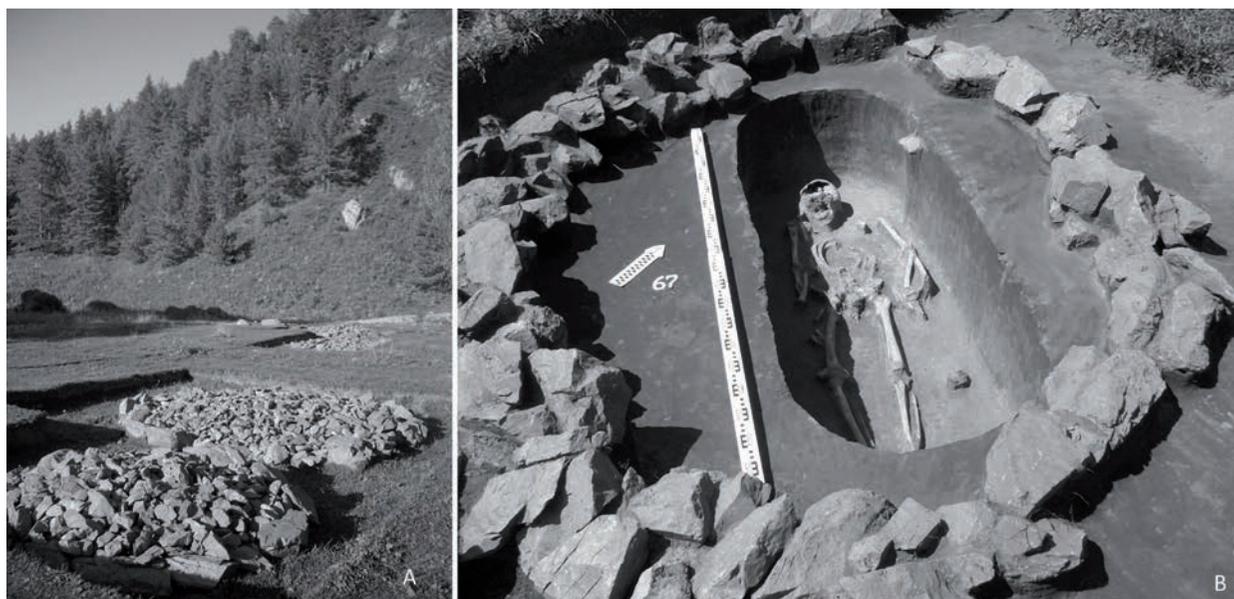

Рис. 1. Чултуков Лог 1: А – общий вид перед началом раскопок; В – курган 67. Фото А. Бородавского

В 2013–2016 гг. в исследованиях принимали участие археологи из Польши (Институт археологии Ягеллонского университета, Краков) под руководством Лукаша Олещака. Результатом международного сотрудничества исследователей из Кракова, Стокгольма и Новосибирска стало совместное изучение изотопов, полученных из остеологического материала в ходе проведения археологических изысканий на Алтае.

В рамках сотрудничества с учеными из Института Антропологии Ягеллонского университета (Б. Степаньчак, К. Шостек, А. Лисовска-Гачорек) было проведено исследование изотопов кислорода ^{18}O с целью определения миграционной мобильности представителей различных археологических культур, похороненных на могильнике Чултуков Лог-1 [Oleszczak et al. 2018]. Главной за-

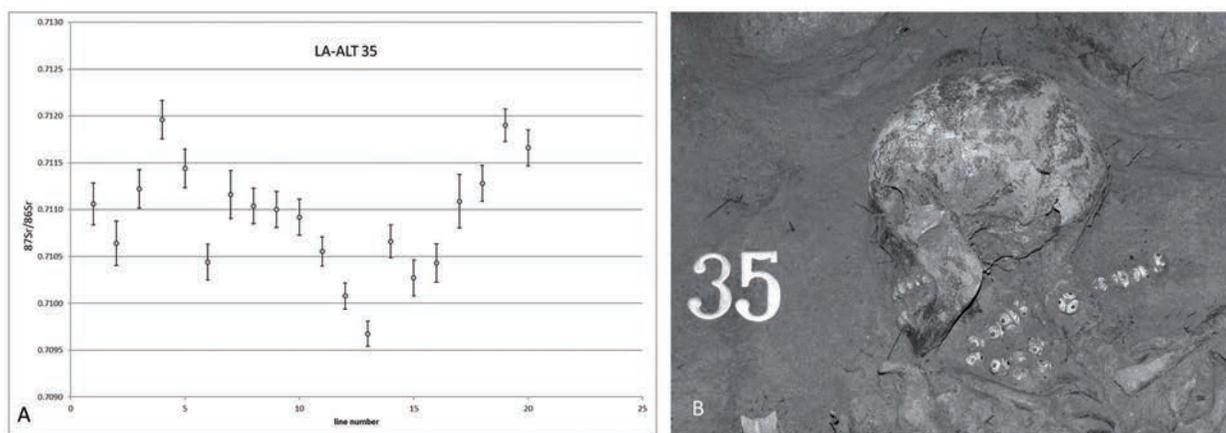

Рис. 2. А – диаграмма $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$. Миграционная мобильность женщин пазырыкской культуры в период ранней юности с периодичностью в 3 месяца; В – скелет женщины из кургана 35, Чултуков Лог 1. Фото по: [Бородавский, Бородавская 2013: рис. 63, 9]

дачей этого исследования было решение проблемы соотнесения носителей различных культурных традиций с конкретными географическими территориями и ареалами миграции. Также мы пытались ответить на вопрос – происходят ли данные археологические культуры из одних и тех же географических зон или же разных. Для определения местного или аллохтонного происхождения умерших был осуществлён анализ изотопов кислорода апатитовых фосфатов из хорошо сохранившихся образцов костей. Для выявления состояния образцов костей людей и животных с помощью спектрометра Fourier Transform Infrared Spectrometer (FTIR) были рассчитаны диагенетические индексы. В качестве образцов для анализа использовались кости 22 умерших разного пола и возраста, в т. ч., 19 взрослых, двух подростков и одного ребёнка. Что касается культурной атрибуции могил, из которых были отобраны эти образцы, то 10 погребений принадлежали пазырыкской культуре, пять – кара-кобинской культурной традиции, два погребения относились к быстрянской культуре и еще две могилы имели отношение к майминской археологической культуре. Кроме того, был проведен анализ костей восьми животных для определения особенностей естественной среды обитания.

Одним из самых важных итогов исследования является определение северного происхождения людей, похороненных на могильнике. Вероятнее всего, население быстрянской культуры мигрировало из степной и предгорной зоны на юг, в горную долину Нижней Катунь. На Северном Алтае они ассимилировались с населением северопазырыкской культуры. С другой стороны, в свете представленного анализа контакты с югом основывались не на миграции, а в большей степени на торговле и других культурных связях. Вероятно, это связано с общим происхождением северо-пазырыкских групп и пазырыкской культуры в Центральном и Юго-Восточном Алтае.

Некоторые автохтонные жители горной долины Нижней Катунь исповедовали отдельные эсхатологические верования, согласно которым они хоронили умерших в каменных ящиках кара-кобинского типа. Почти все индивидуумы, кроме одной женщины из могилы 37, были, вероятно, южного происхождения и проживали в течение последних 10–15 лет на севере.

Исследования мобильности (аллохтонного/автохтонного происхождения умерших) на основании анализа изотопов кислорода указало, что связи жителей горной долины Нижней Катунь с населением Центрального и Юго-Восточного Алтая это результат с одной стороны торговли и других культурных контактов, а с другой стороны, – следствие общности процессов генезиса северного Пазырыка и его классического варианта. Северные связи в большей степени были обусловлены физическим проникновением населения быстрянской культуры на юг, в горную долину Нижней Катунь. Эти замечания очень точно подтверждают предыдущие выводы, сделанные на основании только археологических источников: «Во второй половине I тыс. до н.э. многочисленные носители лесостепной быстрянской культурной традиции продвинулись по долине Катунь достаточно далеко на юг, в горы, на расстояние 200 км. На данной территории они вступили в тесные контакты с представителями северо-пазырыкской культуры» [Бородовский, Бородовская 2013: 64].

2. Изотопы стронция – Чултуков Лог-1

В рамках сотрудничества с учеными из Стокгольмского университета (Д.А. Покутта, К. Лиден) был проведен анализ изотопов стронция из костей восьми индивидуумов, погребённых на могильнике Чултуков Лог-1 [Pokutta и др. 2019] (рис. 2, А). Пять могил относились к пазырыкской культуре (рис. 2, В), одна могила раннескифского времени, одно погребение быстрянской культуры и одно – каракобинской археологической культуры. Для определения естественного фона проанализированы кости животных из поселения Чултуков Лог-9 и отобрано восемь образцов воды, девять образцов почвы, а также кости умерших из нескольких локализаций в горной долине Нижней Катунь на промежутке от Барангола на юге до поселения Чултуков Лог-9 на севере (ок. 25 км).

Для анализа одонтологического материала была использована технология Laser Ablation.

Анализ содержания изотопов стронция в зубах ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr} - 0,711-0,713$) указал на то, что некоторые из умерших были аллохтонного происхождения. Происхождение этих людей можно связать с территорией неизвестной локализации, которая получила рабочее название *территория X*.

В рамках данного исследования проведено сравнение миграционной мобильности женщин и мужчин и получены интересные результаты. Все женщины, кости которых были предметом исследования (умершие из курганов пазырыкской культуры 12, 35, 46, 47), оказались лицами аллохтонного происхождения. Эти женщины предпринимали дальние путешествия (вероятно, в степных зонах), причём, сделано интересное наблюдение — чем богаче оказывался погребальный инвентарь, тем на большее расстояние путешествовала данная женщина. Другая модель миграционной мобильности выявлена в процессе исследования костей мужчин. Данные индивидуумы были автохтонного происхождения и вели относительно малоподвижный образ жизни, хотя некоторые образцы (мужчина из кургана 112, лошадь из поселения Чултуков Лог-9) указали на изотопные следы сезонных миграций между зимниками и летними пастбищами. Исследование остеологического материала из могилы 112 выявило то, что умерший покрывал лишь короткие расстояния, а его миграции носили циклический характер, так как он всегда возвращался на предыдущее место стоянки.

Важным результатом любого исследования изотопов является расширение источниковой изотопной базы данных. Создание изотопной карты данного района помогает сопоставлять результаты, полученные на основании анализа образцов, взятых на разных территориях. Таким образом, благодаря данной работе, проведённой на северном Алтае, стало возможным сделать выводы касательно миграционной мобильности индивидуумов, похороненных в раннескифском царском кургане Аржан-2 в северной Туве [Лохов и др. 2007]. Исследования указали на то, что предполагаемое алтайское происхождение женщины, похороненной в главной царской камере кургана (№ 5), вряд ли является вероятным. Вместо этого можно предположить возможное ал-

Таблица 1 – Подробное измерение изотопов $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ из зубной эмали взрослой женщины. Курган 35, Чултуков Лог 1 (прогнозируемый порог ошибки измерения относительно стандартов; интервал между точками измерения 200 (мкм), от коронки зуба до корня; внутренний стандарт точности (2SE) 0.00029; внешний стандарт точности (2SD) 0.0007)

Sample	Line Number	sampling time (sec)	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$	2SE	prop. 2SE ¹	$^{87}\text{Rb}/^{86}\text{Sr}$	2SE	Total Sr-Beam (V)
LA-ALT 35	1	59	0.71106	0.00014	0.00022	0.006520	0.000206	1.28
LA-ALT 35	2	77	0.71064	0.00015	0.00024	0.005188	0.000227	1.16
LA-ALT 35	3	77	0.71122	0.00013	0.00021	0.004409	0.000176	1.14
LA-ALT 35	4	85	0.71196	0.00013	0.00021	0.004285	0.000193	1.20
LA-ALT 35	5	88	0.71144	0.00013	0.00021	0.004831	0.000109	1.27
LA-ALT 35	6	89	0.71044	0.00012	0.00019	0.004323	0.000056	1.44
LA-ALT 35	7	61	0.71116	0.00016	0.00026	0.004726	0.000243	1.09
LA-ALT 35	8	69	0.71104	0.00012	0.00019	0.003406	0.000141	1.26
LA-ALT 35	9	72	0.71100	0.00012	0.00019	0.004271	0.000204	1.34
LA-ALT 35	10	82	0.71092	0.00012	0.00019	0.003216	0.000143	1.46
LA-ALT 35	11	90	0.71055	0.00010	0.00015	0.002978	0.000103	1.65
LA-ALT 35	12	83	0.71008	0.00009	0.00014	0.002581	0.000092	1.85
LA-ALT 35	13	89	0.70967	0.00008	0.00013	0.002251	0.000088	1.79
LA-ALT 35	14	77	0.71066	0.00011	0.00018	0.002245	0.000044	1.50
LA-ALT 35	15	78	0.71027	0.00012	0.00019	0.002360	0.000056	1.36
LA-ALT 35	16	92	0.71043	0.00013	0.00021	0.002595	0.000044	1.55
LA-ALT 35	17	86	0.71109	0.00018	0.00029	0.002743	0.000267	1.58
LA-ALT 35	18	78	0.71128	0.00012	0.00019	0.002521	0.000039	1.62
LA-ALT 35	19	75	0.71190	0.00011	0.00018	0.002583	0.000033	1.58
LA-ALT 35	20	89	0.71166	0.00012	0.00019	0.002368	0.000036	1.85

тайское происхождение других аллохтонных умерших этого памятника – мужчин, похороненных под насыпью Аржана-2 в камерах 14, 20, 23, 24? и женщины из могилы 13 [Pokutta et al. 2019: 11]. То же само касается некоторых умерших раннескифского времени на территории Хакасии (Казановка, Теплая).

3. Изотопы ^{15}N и ^{13}C

Изотопная среда окрестностей поселения гунно-сянбийско-жужанского времени Чултуков Лог-9 была представлена в отдельной статье [Oleszczak et al. 2017]. Исследования проведено в сотрудничестве с учеными Стокгольмского университета (Д.А. Покутта).

В рамках исследования был проведен анализ стабильных изотопов углерода ^{13}C и азота ^{15}N из зубов и костей диких и домашних животных, найденных на территории поселения гунно-сянбийско-жужанского времени Чултуков Лог-9. Целью работы являлось распознавание экологического контекста, в котором функционировало поселение.

Данные, проанализированные в рамках этой работы, указывают на северный Алтай как на типичную территориальную экосистему, в которой доминируют растения так называемой группы С3. Исследования подтверждают прогрессивное воздействие землеустройства и развитие интенсивных пастбищных стратегий в гунно-сянбийское время. Различное содержание стабильных изотопов в костях травоядных животных свидетельствует о том, что для выпаса лошадей и овец не использовались одни и те же пастбища.

Кажется очевидным, что в хозяйстве северного Алтая гунно-сянбийского времени, в связи с ограниченным доступом к воде и качественным кормовым лугам, для выпаса более востребованных и ценных животных, таких как лошади, использовались те пастбища, на которых не паслись овцы. Изотопные данные отражают интенсификацию коневодства в данном периоде. При этом практиковалось перегонное скотоводство, которое было обусловлено доступом к воде, климатическими условиями и естественным воспроизводством на данной территории.

Резюме

Изучение стабильных изотопов из костных тканей представителей археологических культур: пазырыкской (в т. ч. каракобинского типа), быстрянской и майминской имеет большой информационный потенциал и актуальность при проведении исследований скифо-сакских культур Центральной Азии. Выводы, полученные в результате изотопных исследований, как указывалось выше, могут подтверждать данные, базирующиеся на основании традиционных методов археологии, что увеличивает их научную ценность. В то же время методы изотопных исследований дают возможность получить качественно новую научную информацию, которую было невозможно получить, используя лишь традиционные методы.

Изотопные методы исследования были использованы для реконструкции мобильности представителей социальной элиты номадов раннескифской Тувы [Лохов и др. 2007]. Культура питания скифо-сакских племен Хакасии и Тувы была проанализирована в работе Марфи и др. [Murphy и др. 2013] на основании материалов могильников Аймырлыг (саглынская культура) и Аи-Даи (тагарская культура). В последнее время в работе А. Бейсенова и др. [Beisenov et al. 2020] представлены результаты изотопных исследований культур сакского времени Казахстана. В настоящий момент польско-русско-шведским коллективом исследователей на основе материалов элитного могильника Чинге-Тей в Туве готовится публикация результатов изотопного исследования диеты и миграционной мобильности представителей раннескифского общества¹.

¹ Исследования Л. Олещака, К.В. Чугунова, Д. Покутты материалов элитного раннескифского могильника алды-бельской культуры

Таким образом, можно наблюдать динамичное развитие изотопных методов исследований культур разных регионов скифо-сакского мира. Специфика этих исследований определяется тем, что каждая последующая работа имеет более высокую научную ценность по сравнению с предыдущей, т. к. лучше показывает реконструкцию природной среды и дает возможность сравнивать между собой базы данных. В благоприятных условиях развитие методов изотопных исследований может привести не только к определению автохтонного/аллохтонного происхождения умерших, но и к уточнению территорий, где данный человек проводил детство и юность – т. е. появится возможность идентифицировать отправную географическую точку миграций. В течение ближайших лет дальнейшее развитие изотопных исследований, несомненно, приведет к лучшему пониманию социальных явлений, культурных и миграционных процессов скифо-сакских культур Центральной Азии.

Благодарности. Авторы статьи благодарят коллег, вместе с которыми были проведены исследования культур Северного Алтая: А.П. Бородовский (Новосибирск), Б. Степаньчак, К. Шостек, А. Лисосвска-Гачорек (Краков).

ЛИТЕРАТУРА

- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.* Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.
- Лохов К.И., Бережная Н.Г., Матуков Д.И., Боковенко Н.А., Зайцева Г.И., Чугунов К.В., Скотт Е.М.* Изотопный состав стронция в костях из древних захоронений Саяно-Алтая как индикатор места проживания и миграции // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: м-лы конф., посвящ. 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (г. СПб., 9–12 апреля 2007 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 263-273.
- Beisenov A.Z., Svyatko S.V., Duysenbay D.B., Akhiyarov I.K., Reimer P.J.* New isotopic data on the diet of the Saka period population from Central Kazakhstan // *Povolzhskaya arkhologiya (The Volga River region archaeology)*. 2020. No. 3 (33). P. 208-218.
- Faure G., Powell T.* Strontium isotope geology. Berlin; New York: Springer-Verlag, 1972. 188 p.
- Graustein W. C.* $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ ratios measure the sources and flow of strontium in terrestrial ecosystems // *Rundel P.W., Ehleringer J.R., Nagy K.A.* (eds.). *Stable isotopes in ecological research*. New York: Springer-Verlag, 1989. P. 491-512.
- Katzenberg M.A., Weber A.W.* Stable isotope ecology and palaeodiet in the Lake Baikal region of Siberia // *JAS*. 1999. No. 26. P. 651-659.
- Murphy E.M., Schulting R., Beer N., Chistov Y., Kasparov A., Pshenitsyna M.* Iron Age pastoral nomadism and agriculture in the eastern Eurasian steppe: implications from dental palaeopathology and stable carbon and nitrogen isotopes // *JAS*. 2013. No. 40. P. 2547-2560.
- Oleszczak Ł., Borodovskiy A.P., Lisowska-Gaczorek A., Pawlyta J., Kozieł S., Tur S.S., Cienkosz-Stepańczyk B., Szostek K.* The Origin of Culturally Diversified Individuals Buried in the Early Iron Age Barrow Cemetery at Chultukov Log-1 (Upper Altai) in Light of the Analysis of Stable Oxygen Isotopes // *Collegium Antropologicum*. 2018. No. 42. P. 27-37.
- Oleszczak Ł., Borodovskiy A.P., Michalczewski K., Pokutta D.* Chultukov Log 9 – a settlement from the Xiongnu-Xianbei-Rouran period in the Northern Altai // *Eurasian Prehistory*. 2017. No. 14 (1–2). P. 153-178.
- Pokutta D.A., Borodovskiy A.P., Oleszczak Ł., Tóth P., Lidén K.* Mobility of nomads in Central Asia: Chronology and $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ isotope evidence from the Pazyryk barrows of Northern Altai, Russia // *JAS: Reports*. 2019. No. 27. DOI: 10.1016/j.jasrep.2019.101897
- Schwarcz H.P., Schoeninger M.J.* Stable isotope analyses in human nutritional ecology // *Yearbook of Physical Anthropology*. 1991. No. 34. P. 283-321.

**Н. Ю. Смирнов,
Н. А. Константинов,
С. Р. Мурзина,
Е. В. Степанова**

Николай Юрьевич Смирнов,
Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург, Россия; kolaksais@yandex.ru
Никита Александрович Константинов,
Горно-Алтайский государственный университет,
г. Горно-Алтайск, Россия; nikita.knstntnv@yandex.ru
Софья Робертовна Мурзина,
Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург, Россия; murzinasr@gmail.com
Елена Владимировна Степанова,
Государственный Эрмитаж,
г. Санкт-Петербург, Россия; stepalena@yandex.ru

Пятый Пазырыкский курган: новые данные о планиграфии и стратиграфии каменного наземного сооружения*

Аннотация. В 2022 г. Пазырыкская экспедиция Государственного Эрмитажа, совместно с Археологической экспедицией Горно-Алтайского университета и при участии специалистов Института истории материальной культуры РАН продолжила цикл музеефикационных работ на Пятом Пазырыкском кургане (Улаганский р-н Республики Алтай, Российская Федерация), сопровождающихся научным исследованием периферии памятника, оставшейся неизученной при раскопках С.И. Руденко в 1949 г. По результатам работ 2022 г. удалось выявить, зафиксировать и частично реконструировать важные конструктивные особенности архитектурного комплекса Пятого Пазырыкского кургана, не прослеженные вовсе или неверно интерпретированные при раскопках 1949 г. Настоящая статья посвящена краткому обзору новых документированных данных о стратиграфии и планиграфии каменной наземной конструкции памятника.

Ключевые слова: Пятый Пазырыкский курган, С.И. Руденко, музеефикация, новые исследования, планиграфия и стратиграфия каменного наземного сооружения

Николай Юрьевич Смирнов,
РФА Материалдық мәдениет тарихы институты,
Санкт-Петербург қ., Ресей
Никита Александрович Константинов,
Таулы-Алтай мемлекеттік университеті,
Горно-Алтайск қ., Ресей

© 2022 Смирнов Н.Ю., Константинов Н.А., Мурзина С.Р., Степанова Е.В.

*Работы Н.Ю. Смирнова по плановой научной теме «Археологические памятники урочища Пазырык (Улаганский р-н Республики Алтай): история изучения и перспективы новых исследований», велись в рамках выполнения ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014). Работы Е.В. Степановой и Н.А. Константинова велись в рамках научно-музейного проекта, стартовавшего в 2017 г. и продолжающегося по настоящее время, нацеленного на музеефикацию и доисследование Пятого Пазырыкского кургана.

София Робертовна Мурзина,
РФА Материалдық мәдениет тарихы институты,
Санкт-Петербург қ., Ресей
Елена Владимировна Степанова,
Мемлекеттік Эрмитаж, Санкт-Петербург қ., Ресей

**Бесінші Пазырық обасы:
жер бетіндегі тас құрылыстың планиграфиясы мен стратиграфиясы туралы
жаңа мәліметтер**

Аннотация. 2022 ж. Мемлекеттік Эрмитаждың Пазырық экспедициясы мен Таулы Алтай университетінің археологиялық экспедициясы бірлесе және РФА Материалдық мәдениет тарихы институты мамандарының қатысуымен бесінші Пазырық обасында (Ресей Федерациясы, Алтай Республикасының Улаган ауданы,) музейлендіру жұмыстары циклі жалғастырылды, сондай-ақ, 1949 ж. С.И. Руденконың қазба жұмыстары кезінде зерттелмей қалған ескерткіштің шеткі бөлігіне зерттеулер жүргізілді. 2022 ж. жұмыстардың нәтижелері бойынша 1949 ж. қазба жұмыстары кезінде мүлдем байқалмаған немесе дұрыс түсіндірілмеген бесінші Пазырық обасы архитектуралық кешенінің маңызды құрылымдық ерекшеліктерін анықтау, есепке алу және ішінара реконструкциялау мүмкін болды. Бұл мақала ескерткіштің жер үсті тас құрылысының стратиграфиясы мен жоспарлануы бойынша жаңа құжаттық мәліметтерге қысқаша шолу жасауға арналған.

Түйін сөздер: бесінші Пазырық обасы, С.И. Руденко, музейлендіру, жаңа зерттеулер, жер үсті тас құрылысының планиграфиясы және стратиграфиясы

Nikolay Smirnov,
Institute for the History of Material Culture of the RAS,
St. Petersburg, Russia
Nikita Konstantinov,
Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia
Sofia Murzina,
Institute for the History of Material Culture of the RAS,
St. Petersburg, Russia
Elena Stepanova,
The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

**Fifth Pazyryk burial mound:
new data on the planigraphy and stratigraphy of a stone surface structure**

Abstract. In 2022, the Pazyryk Expedition of the State Hermitage, together with the Archaeological Expedition of the Gorno-Altai University and with the participation of specialists from the Institute for the History of Material Culture of the RAS, continued the museumification works on the Fifth Pazyryk Kurgan (Ulagansky District of the Altai Republic, Russian Federation), accompanied by research of the periphery that remained unexplored during the excavations of Sergey I. Rudenko in 1949. Based on the results of the work in 2022, it was possible to identify, fix and partially reconstruct important design features of the architectural complex of the Fifth Pazyryk burial mound, which were not traced at all or were incorrectly interpreted during the excavations of 1949. This article is devoted to a brief review of new data on the stratigraphy and planigraphy of the stone ground structure of the site.

Keywords: Fifth Pazyryk burial mound, Sergey I. Rudenko, museumification, new research, planigraphy and stratigraphy of a stone ground structure

В 2022 г. Пазырыкская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа (Е.В. Степанова – начальник экспедиции, руководитель проекта по музейфикации и научному исследованию памятника), совместно с Археологической экспедицией Горно-Алтайского университета (Н.А. Константинов — начальник экспедиции, держатель Открытого листа, инициатор музейно-научного проекта, руководитель студенческой практики), при участии научных сотрудников ИИМК РАН (С.Р. Мурзина — тахеометрическая съёмка, фотофиксация, создание чертежей и планов; Н.Ю. Смирнов — руководство полевыми работами на ЮЗ участке периферии памятника и в

западной части створа раскопочной траншеи 1949 г.) продолжили цикл работ по музеефикации Пятого Пазырыкского кургана и научному исследованию его периферии, незатронутой работами С.И. Руденко в 1949 г. [Константинов и др. 2018а; 2018б; 2019; Константинов 2020; Степанова и др. 2022]. Основную тяжесть физической работы по музеефикации, а также по исследованию ранее незатронутых участков периферии памятника, кроме научных специалистов, приняли на себя студенты-практиканты исторического факультета Горно-Алтайского государственного университета, трудившиеся под общим руководством ведущего практику — Н.А. Константинова. Без их ответственной и серьёзной помощи было бы невозможно получить новые значимые результаты в плане музеефикации и исследования объекта.

Пятый Пазырыкский курган был раскопан С.И. Руденко за один полевой сезон 1949 г. и дал впечатляющие по своей сохранности и насыщенности находки, сразу же вошедшие в мировой фонд древнего культурного наследия и занявшие в нём одно из самых почётных мест [Руденко 1951; 1953]. С раскопками этого кургана было закончено исследование основной части Пазырыкского могильника — цепочки из пяти крупных курганов будущей пазырыкской культуры, начавшееся совместными работами С.И. Руденко и М.П. Грязнова на 20 лет ранее [Грязнов 1929].

Эпонимность памятника, великолепные вещественные находки, пополнившие фонды сперва Русского музея (Этнографический отдел) в конце 1920-х гг., а затем, после передачи из него археологических коллекций до войны, и проведения новых, послевоенных, раскопок — Государственного Эрмитажа, участие в исследовании советских археологов первой величины — всё это сыграло в научной судьбе Пазырыкского могильника принципиальную, однако, не только позитивную роль. Прекрасно сохранившиеся изделия из органических материалов, мумии, древнейшие ковры — весь этот блеск пазырыкской культуры — самого яркого археологического феномена скифского периода в Южной Сибири и Центральной Азии — на долгие десятилетия заслонил все проблемные моменты, связанные с раскопками конца 1920–1940-х гг. XX в.

Одной из таких проблем, никогда специально не акцентированной, хотя и вскользь отмеченной ещё самим С.И. Руденко, было то, что должным образом остались непрояснёнными стратиграфия и планиграфия наземных сооружений ни одного из больших курганов Пазырыка изученных им лично — «*при раскопках горноалтайских курганов с каменной наброской всегда получалось впечатление беспорядочной россыпи камней <...>*» [Руденко 1960: 26]. Это хорошо заметно по планам и разрезам наземных сооружений, приводимых им в основном издании материалов Пазырыкского могильника [Руденко 1953: рис. 9, 11]. Хотя, в предварительной публикации результатов раскопок Пятого Пазырыкского кургана, в чрезвычайно лапидарном описании характера и структуры каменной насыпи, можно найти одну важную деталь, после пропадающую совершенно — она уже не упоминается в полном издании ни в тексте, ни фигурирует на чертеже [Руденко 1953: 26–28, рис. 11] — «*<...> каменная наброска по окружности заключалась в кольце из камней высотой до 0,5 м*»¹ [Руденко 1951: 106]. Метод исследования пазырыкских курганов, избранный С.И. Руденко, — раскопка глухой траншеей, доведённой до могильной ямы, без разборки каменной насыпи в стороны от неё (кроме входной) и не предполагал среди целей изучение стратиграфии и планиграфии каменного наземного сооружения.

В этот момент развития советской археологии полевая методика исследования крупных «царских» курганов эпохи ранних кочевников только начинала вырабатываться и у её истоков стоял человек совершенно другого типа, младший коллега и, поначалу, соратник С.И. Руденко,

¹ В этом случае и далее, обращение к полемому отчёту С.И. Руденко за 1949 г. не даёт ничего нового: тексты статьи и книги, описывающие особенности каменного наземного сооружения Пятого Пазырыкского кургана, практически слово в слово повторяют описание, приведённое в тексте полевого отчёта [Отчёт... 1949: 5].

в будущем, блестящий раскопщик и талантливый методист, настоящий основатель ленинградской школы полевой археологии Сибири — а тогда просто внимательный начинающий исследователь — М.П. Грязнов. Именно он раскопал единственный из пазырыкских курганов — Первый — заметно иным способом. Тоже траншеей, но сквозной, что явно дало ему возможность сделать более точные наблюдения относительно устройства наземного сооружения и зафиксировать его конструктивные особенности, например, выявить крепиду насыпи кургана и реконструировать, на этом основании, его внешний вид на момент строительства [Грязнов 1950: 13–14, рис. 1].

Перед собой С.И. Руденко таких задач, видимо, не ставил, поэтому единожды упомянув в предварительной публикации результатов работ на Пятом Пазырыкском кургане о выявленной и очень обобщённо описанной крепиде, в дальнейшем он не возвращался к этому вопросу, даже не сочтя нужным отметить эту принципиально важную деталь на опубликованных чертежах плана и разреза памятника в основном его издании [Руденко 1953: рис. 11].

Примерно с той же долей внимательности первый исследователь Пятого Пазырыкского кургана отнёсся и к другим архитектурным элементам его наземной конструкции — якобы отсутствующему ряду вертикально поставленных камней с восточной стороны памятника и якобы чрезвычайно разреженному кольцу ограды кургана, сооружённому из плит, вкопанных на значительном расстоянии друг от друга [Руденко 1953: 26–28, рис. 3].

Конечно, нет особого достоинства в том, чтобы с позиции нашего времени, изменившихся требований полевой методики раскопок и, главное, наших знаний и представлений, спустя 70 лет, ставить в вину первооткрывателю памятника его методические упущения, во многом, объективно обусловленные и характером исследователя, и уровнем развития методики исследования в те годы. Однако не обратить внимания на это упущение С.И. Руденко невозможно, в том числе и потому, что оно сыграло злую шутку с несколькими поколениями исследователей пазырыкской культуры, доверившихся чертежам и описаниям, опубликованным авторитетным археологом — автором раскопок, и цитирующих его строки, как например [Киришин и др. 2003: 10–11], или, в очередной раз, приводящих опубликованные схемы разрезов и планов, в т. ч., в зарубежных изданиях, например [Korolkova 2017: fig. 149] которые, как теперь уже стало окончательно понятно, после возобновления исследовательских работ на памятнике в 2017–2022 гг., имеют слабое отношение к реальной стратиграфической и планиграфической ситуации, фиксирующейся при внимательном, а, главное, целенаправленном изучении структуры каменного наземного сооружения Пятого Пазырыкского кургана. Особенно это важно, учитывая, что уже достаточно давно существуют работы, в которых досконально реконструирована и описана стандартная ситуация, связанная со стратиграфией и планиграфией погребальных памятников пазырыкской культуры Алтая, например [Кубарев, Шульга 2007], на фоне чего имеющиеся классические описания устройства насыпей курганов Пазырыкского могильника выглядят не просто архаично, но и вводят в заблуждение даже специалистов.

Работы по дополнительному исследованию Пятого Пазырыкского кургана были начаты объединённой командой учёных из Петербурга и Горно-Алтайска в 2017 г., в рамках проекта по музеефикации этого интереснейшего объекта культурного наследия, в т. ч. приведения насыпи кургана в вид, максимально близкий периоду до начала на нём работ в 1949 г. Первоначальные научные задачи касались повторного вскрытия и изучения пространства погребальной камеры и внешнего сруба, остававшегося в ней, а затем к ним добавились задачи по сплошному изучению периферии наземной конструкции кургана, с целью выяснения характера и планиграфии нескольких выкладок типа «лучей», зафиксированных ещё С.И. Руденко [Руденко 1953: рис. 3], а также иных конструкций, возможно, скрытых под уровнем современной дневной поверхности, либо

под отвалами 1949 г. Научные исследования сопровождались масштабными техническими работами, которые проводились преимущественно вручную, силами студентов-практикантов Горно-Алтайского государственного университета, и были нацелены на освобождение периферии памятника от загромождавших её с трёх сторон отвалов, оставшихся после работ 1949 г.

В 2017–2019 гг. была исследована западная, северная, восточная и юго-восточная периферия памятника — охвачено пространство, занимаемое выкладками типа «лучей» и оградой кургана. В 2018–2019 гг. работы велись непосредственно в центре кургана, в погребальной камере. В их результате был обследован на месте, а затем извлечён, собран и обмерен специалистами внешний погребальный деревянный сруб, впоследствии переданный на постоянное хранение в Национальный музей Республики Алтай (г. Горно-Алтайск) с целью создания новой экспозиции. В самой могильной яме была выявлена ниша-подбой, в южной её стенке, не зафиксированная ранее и содержащая детали повозки [Константинов и др. 2018а; 2018б; 2019; Константинов 2020]. В 2020–2021 гг. были разобраны земляные отвалы и часть каменных на периферии памятника, восстановлена земляная насыпь в центре наземной конструкции, и началось восстановление каменной насыпи кургана.

В 2022 г. были продолжены работы по воссозданию каменного наземного сооружения в пределах раскопной траншеи 1949 г., с параллельной разборкой старых отвалов к югу и юго-востоку от кургана. В т. ч., была полностью освобождена восточная и южная периферия памятника, остававшаяся загромождённой кучами камня после исследований С.И. Руденко.

Научные исследования периферии кургана и участков его каменной наземной конструкции в 2022 г. велись в пределах раскопной траншеи 1949 г., а также на периферии насыпи, слева и справа от траншеи и охватили своей площадью край каменного наземного сооружения, южный сектор ограды кургана и две каменные выкладки типа «лучей», расположенные с южной стороны и отмеченные на плане С.И. Руденко 1949 г. [Руденко 1953: рис. 3] (рис. 1).

В результате, в полевом сезоне 2022 г. были выявлены и исследованы: два каменных однослойно – двуслойных сооружения типа «лучей», радиально отходящих на ЮЮВ и ЮЮЗ от насыпи и пересекаемых оградой кургана, содержащих более поздние пристройки в середине и на концах; южный сектор сплошной ограды-кольца из вкопанных вертикально плит; пустое пространство обводного коридора² шириной, в среднем, около 3 м; сложносоставная крепида каменной насыпи кургана; нижний слой каменной наземной конструкции кургана — «подошва» насыпи; пятно прокала от недолговременно горевшего огня за пределами ограды с южной стороны. Полученные нами результаты значительно дополнили и принципиально скорректировали наблюдения, сделанные С.И. Руденко в 1949 г. [Степанова и др. 2022].

Архитектурные элементы каменного наземного сооружения

Ограда кургана³. В 1949 г. С.И. Руденко, отметив в качестве отличительной особенности Пятого Пазырыкского кургана наличие ограды, описал её следующим образом: «*это кольцо из плит, поставленных в 3,5–5,7 м одна от другой*» [Руденко 1953: 26–28], что с очевидностью ука-

² Обводной коридор — пустое открытое или перекрываемое в последнюю очередь, после проведения всех обрядов погребально-поминального цикла, пространство, отделяющее ограду кургана или мавзолея от края могильного холма или центрального погребального сооружения. Д.Г. Савинов в своей реконструкции устройства наземного сооружения кургана Аржан-1 называет его открытой «галереей» [Толстов 1962: 81–83; Савинов 2002: 46–47].

³ Необходимо оговориться, что в одной из предыдущих статей мои коллеги использовали несколько взаимоисключающих терминов для обозначения одних и тех же архитектурных элементов ансамбля кургана: кромлех и ограда [Константинов и др. 2018: 277]. В настоящей статье все термины унифицированы, используется только термин «ограда» — Н.С.

Рис. 1. Вид на Пятый Пазырыкский курган с воздуха. Указаны места исследовательских работ 2022 г. на южной периферии памятника и в пределах раскопчной траншеи 1949 г.
Фото сделано с помощью квадрокоптера

зывает на исключительно поверхностный осмотр им этой части ансамбля кургана. Действительно, вскрытый почвы вдоль плит ограды он не производил, что и не позволило выявить её реальный характер. Первые исследования периферии кургана, сопровождавшиеся вскрытием современного дернового покрова, начались в 2017 г. и сразу же привели к интересным результатам: было установлено, что ограда кургана была *сплошной* и состояла из плит местного туфопесчаника, вкопанных близко друг к другу [Константинов и др. 2018а: 33; Константинов 2020: рис. 1].

В 2022 г. на раскопе 1, разбитом на периферии памятника, к ЮЮЗ от створа раскопчной траншеи 1949 г. удалось максимально чётко выявить и зафиксировать характер устройства ограды кургана (рис. 2). Полностью подтвердились наблюдения прежних лет о её сплошном характере, о

Рис. 2. Деталь ограды Пятого Пазырыкского кургана, южный сектор. Вид на нижние части плит, зафиксированных *in situ*, и упавшую верхнюю часть одной из плит, лежащую на уровне древней дневной поверхности в пространстве обводного коридора. Вид с запада

расположении врытых плит встык к друг к другу, а иногда и «с нахлёстом» друг на друга. На основании зафиксированных в целом ряде случаев обломанных и лежащих *in situ* верхних частей плит ограды, упавших в древности внутрь свободного пространства обводного коридора, идущего вокруг кургана, удалось реконструировать примерную высоту ограды — около 0,7 м над уровнем древней дневной поверхности. При этом плиты ограды были врыты в землю не менее чем на 0,2–0,3 м, что удалось зафиксировать с помощью локальных физических разрезов, сделанных в перспективных ситуациях (рис. 3). Таким образом, максимальная общая высота самой каменной плиты, использованной для устройства ограды, могла достигать 1 м. Плиты ограды отличаются тщательностью в подборке материала — местный туфопесчаник, и схожие габариты — большая часть из них близка к прямоугольной форме и имеет толщину до 10 см.

Ограда кургана чётко рассекает обе южные выкладки типа «лучей», вытянутые к ЮЗ и ЮВ от насыпи, проходя через них сплошным рядом врытых близко друг к другу плит, верх которых был обломан ещё в древности.

Ряд вертикальных камней к востоку от кургана. «Такой линии вертикально поставленных камней у пятого кургана не оказалось» — написал в 1953 г. С.И. Руденко, утвердив на много лет вперёд неверное видение планиграфической ситуации [Руденко 1953: 26]. В 1980–1990-е гг. восточную цепочку «балбалов» пытался отыскать, с северо-восточной стороны памятника, с помощью щупа, Л.С. Марсадолов, но, видимо, по каким-то причинам ему это не удалось [Марсадолов 1981: 186]. По крайней мере, в своей обобщающей статье, посвящённой анализу сопроводительных объектов вокруг пазырыкских курганов, он уже не рассматривает Пятый Пазырыкский курган как объект, потенциально имеющий этот признак [Марсадолов, 2019].

Рис. 3. Локальный разрез вдоль двух плит южного сектора ограды Пятого Пазырыкского кургана, заложенный для определения глубины их вкапывания в материк при строительстве ограды. Вид с юга. Зачистка окружающего пространства сделана по уровню древней дневной поверхности

В 2021 г. и, повторно, в 2022 г. несколько визуальных обследований восточной периферии Пятого Пазырыкского кургана, без вскрытия дернового слоя, провёл один из авторов настоящей статьи, Н.Ю. Смирнов, и достаточно быстро обнаружил цепочку из не менее чем шести «балбалов», а точнее, едва заметно выступающих из современного дернового слоя, вероятных их обломков — нижних частей, возможно, местами смещённых из единого ряда чуть в сторону. Прослеженная редкая цепочка обломанных «балбалов» вытянута к востоку от кургана, примерно на 10–15 м. Для окончательного прояснения ситуации с восточным рядом стел у Пятого Пазырыкского кургана, необходимо в будущем заложить небольшой раскоп на месте обнаружения предполагаемой цепочки «балба-

лов». Но уже сейчас очевидно, что и по этому признаку Пятый Пазырыкский курган не выпадает из группы остальных больших курганов урочища.

Обводной коридор вокруг кургана ранее не выделялся в качестве структурной части наземной конструкции Пятого Пазырыкского кургана, хотя является примером типичнейшей планиграфической единицы (архитектурного элемента) значительной части круглоплановых монументальных погребальных сооружений в разных частях евразийской горно-степной полосы в эпоху бронзы и в раннем железном веке. Из ближайших примеров можно привести погребально-поминальный комплекс из Сентелека [Кубарев, Шульга 2007: рис. 60, 1]. Опыт многократных работ одного из авторов статьи, Н.Ю. Смирнова, на памятниках Тувы эпохи поздней бронзы (монгун-тайгинский тип памятников) и имеющиеся в значительном количестве наблюдения над планиграфией элитных раннескифских курганов той же территории, например, реконструкция Д.Г. Савиновым обводного коридора в кургане Аржан-1 [Савинов 2002: таб. V, 3], позволяют утверждать *принципиальное значение* этой планиграфической части комплекса не только в архитектуре кургана, но и, в качестве

Рис. 4. Вид на обводной коридор вокруг Пятого Пазырыкского кургана после разборки ЮЮЗ выкладки типа «луча» и в процессе реконструкции крепиды каменного наземного сооружения. Вид с юго-запада

специального пространства, используемого особым образом в цикле погребально-поминальных ритуалов.

В пределах южной периферии кургана ширина обводного коридора достигает 3 м (рис. 4).

Сложная крепида с облицовкой плитами и нивелирующей верхнюю плоскость подсыпкой⁴. С.И. Руденко упомянул о наличии крепиды вскользь и лишь единожды в предварительной публикации результатов работ на памятнике в следующей форме: «каменная наброска по окружности заключалась в кольце из камней высотой до 0,5 м» [Руденко 1951: 106]. На существующих планах и разрезах наземной конструкции кургана этот принципиально важный архитектурный элемент отсутствует. Краткое и невнятное упоминание позволяло предположить, что С.И. Руденко, возможно, и вовсе не выявлял специально, а лишь описал крепиду «по аналогии» — зная о том, что она была выявлена М.П. Грязновым при раскопках Первого Пазырыкского кургана [Грязнов 1950: 13–14, рис. 1].

В 2022 г. с целью проверки описания С.И. Руденко и в стремлении максимально прояснить конструктивные особенности крепиды Пятого Пазырыкского кургана, достаточно уверенно вычленяемой при визуальном осмотре края каменной насыпи и в настоящее время, в пределах раскопа 1, непосредственно под руководством одного из авторов статьи, Н.Ю. Смирнова, была тщательно исследована юго-западная периферия каменного наземного сооружения, включая край насыпи с хорошо сохранившимися участками крепиды (рис. 1). Для изучения был выбран участок крепиды, частично попадавший в створ раскопочной траншеи 1949 г., а частично сохранившийся

⁴ В одной из первых работ, посвящённых ходу и результатам реализации проекта, связанного с музеефикацией и доисследованием Пятого Пазырыкского кургана, моими коллегами была кратко описана гипотетическая реконструкция устройства крепиды каменной насыпи, основанная на явном недоразумении и невнятности доступных на тот момент фактических данных [Константинов и др. 2018а: 33]. После специально проведённых исследований юго-западного участка крепиды в 2022 г. совершенно ясно, что то, первичное описание-реконструкцию, следует дезавуировать и рассматривать, как ошибочную рабочую версию — Н.С.

in situ под развалами камня, сползшего с вершины и боков наземного сооружения к западу от створа. В результате удалось ответить на оба поставленных вопроса: 1) Видел ли С.И. Руденко крепиду? и 2) Каково её реальное устройство?

Вскрытие слоёв переотложенного грунта в юго-западной части створа раскопчной траншеи 1949 г., в пределах крепиды, и впервые проведённое исследование края развала каменного наземного сооружения за пределами крепиды, позволили уточнить методику работы С.И. Руденко в этой части памятника в 1949 г. По всей видимости, выйдя при разборке южного края каменного наземного сооружения на нижний слой крупных валунов — подошву насыпи кургана, и выявив среди них кладку из более крупных камней крепиды, С.И. Руденко перенёс основные работы по разборке насыпи внутрь крепиды, оставив полностью неисследованным участок обводного коридора, частично перекрытый развалом верхних слоёв каменной насыпи. На это указывает нетронутый характер грунта за пределами крепиды: современный дерновый слой с включением отдельных камней и плит — признаков разрушения насыпи кургана и облицовки крепиды в процессе археологизации, и слой погребённой почвы в пределах обводного коридора, фиксирующийся по залеганию на его поверхности верхних частей сломанных плит ограды и упавших облицовочных плит крепиды.

В пределах раскопчной траншеи 1949 г., внутри крепиды, С.И. Руденко разобрал подошву насыпи до уровня древней дневной поверхности, с уровня которой заложил самый южный рекогносцировочный шурф, для определения размеров подкурганной мерзлоты [Руденко 1953: рис. 11, верх, крайняя правая часть разреза]. Западная половина этого шурфа чётко фиксировалась (по пятну заполнения) в пределах восточной части раскопа 1. Вероятно, вследствие устройства шурфа и необходимости складировать грунт, вынимаемый из него, в 1949 г. была перемещена (сдвинута наружу примерно на 0,3–0,5 м) целая секция (около 5 м) крепиды из крупных валунов, составлявших её кладку (рис. 5). При этом пространство с внешней стороны крепиды, куда были передвинуты её конструктивные элементы, исследованиям не подвергалось. Таким образом, можно уверенно говорить о том, что крепиду наземного сооружения Пятого Пазырыкского кургана С.И. Руденко всё же выявил, но не проследил её структуру и не счёл нужным отразить её, как архитектурную деталь, на плане и разрезе, абсолютно проигнорировав в дальнейших описаниях и реконструкциях.

В 2022 г. при исследовании пространства обводного коридора между крепидой и оградой кургана, в створе раскопчной траншеи 1949 г. и к западу от него, удалось провести серию натурных наблюдений (создание локальных разрезов и планов) и однозначно зафиксировать сложное устройство самой крепиды и все её составляющие элементы (рис. 6 а, б).

Крепида каменной насыпи кургана сооружена из уплощённых гранито-порфиритовых и кварцевых⁵ валунов крупного размера, сечением от 30 до 60 см, а также из блоков колотого туфопесчаника. Строительной единицей крепиды, в южной её части, преимущественно является один крупный валун, реже два, положенные друг на друга. Валуны и крупные окатанные блоки камня подобраны и уложены таким образом, что внешняя поверхность кольцевой стенки — основы крепиды — практически ровная. С наружной стороны крепиды облицована в один слой вертикально поставленными (прислонёнными или неглубоко вкопанными), преимущественно нетолстыми плитами местного туфопесчаника, со средними размерами: 5/10×40×60 см. Часть сохранившихся целиком или в обломках плит имеет выраженную прямоугольную форму и явно была установлена вертикально (учитывая расположение плиты, после падения в пустое пространство коридора, зафиксированное неоднократно *in situ*), часть — горизонтально. Плиты облицовки полностью за-

⁵ Здесь и далее все определения породы камня приводятся по С.И. Руденко [Руденко 1952].

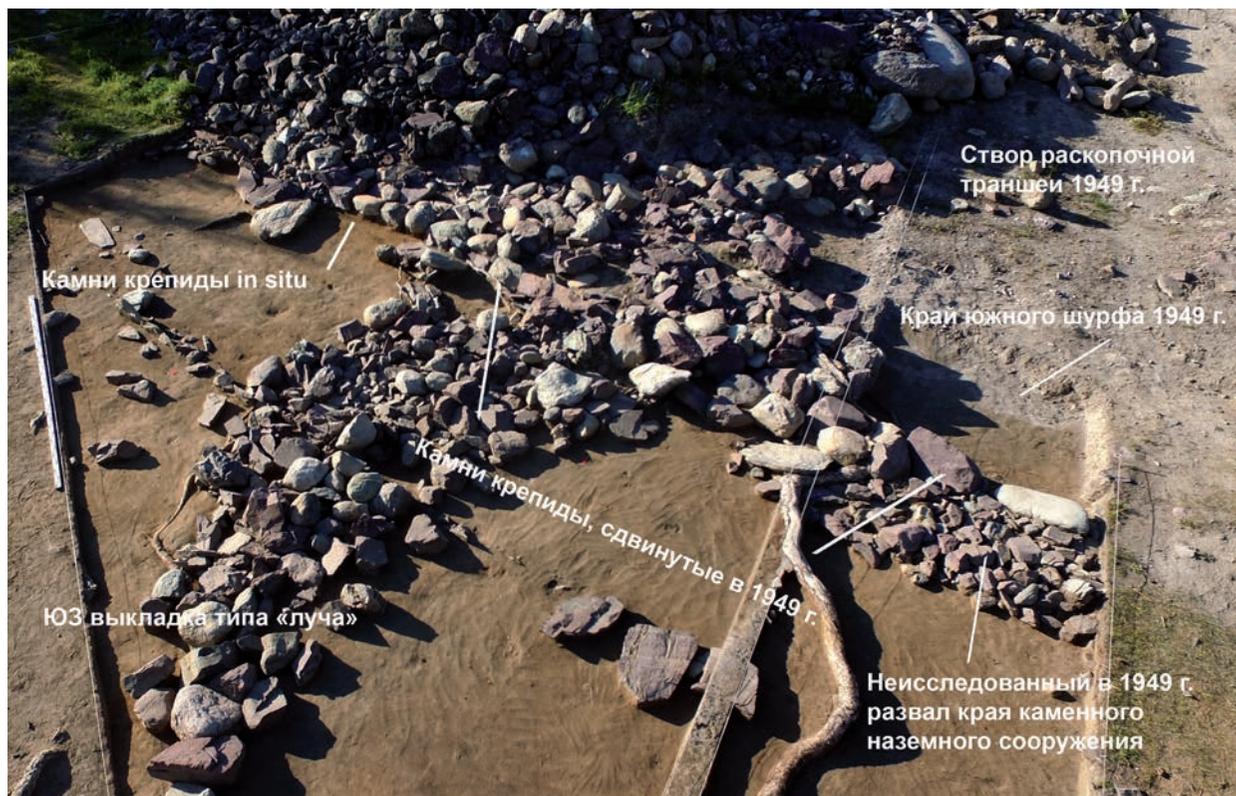

Рис. 5. Вид на Раскоп 1 после расчистки всех элементов каменной конструкции наземного сооружения Пятого Пазырыкского кургана в его пределах. Фиксация методики и результатов работ 1949 г. Вид с юго-востока

крывают кладку крепиды с внешней стороны и немного выступают над ней по верхнему краю. Непосредственно вдоль внутренней стороны крепиды прослеживается более тщательная укладка крупных уплощённых валунов — край «подшвы» каменной насыпи кургана, составляющий как бы дополнительную подпорную стенку в один ряд камней. Верх сложной крепиды, от облицовочных плит и на некотором расстоянии вглубь, перекрыт наброской из мелкой речной гальки и битого камня, нивелирующих её горизонтальную поверхность вместе с краем каменной насыпи, и придающей внешнему краю каменного наземного сооружения, в целом, вид плоской «ступени», шириной не менее 0,6 м. Примерно с этой отметки насыпь кургана плавно поднимается вверх, переходя в основной каменный холм-наброску, сложенный путём нагромождения в нижней части более крупных уплощённых валунов, а в верхней — кусков колотого камня более скромных размеров.

После завершения натурных исследований и фиксации устройства крепиды каменной насыпи в южной её части, она на всём участке была реконструирована с максимальным приданием ей внешнего вида на момент сооружения кургана. Все плиты облицовки, зафиксированные *in situ* и сохранившие конструктивные свойства, были возвращены в своё первоначальное вертикальное положение. В тех частях, где плиты не сохранились, рассыпались или были сильно фрагментированы, для их замены при реконструкции использовались сходные по габаритам уплощённые камни и плиты, взятые их старых отвалов (рис. 7).

Рис. 6а. Упавшие плиты облицовки крепиды и сдвинутые камни крепиды в створе раскопочной траншеи 1949 г. Вид с юга

Рис. 6б. Упавшие плиты облицовки крепиды и сдвинутые камни крепиды в створе раскопочной траншеи 1949 г. Вид с востока

Рис. 7. Реконструкция внешнего облика крепиды каменного наземного сооружения Пятого Пазырыкского кургана на основе данных об её устройстве, полученных при натуральных исследованиях. На переднем плане — ограда кургана. Промежуточный этап музеефикации южной периферии памятника. Вид с юго-запада

Рис. 8. Стелообразный объект — облицовочная плита крепиды: фиксация алгоритма разрушения крепиды на частном примере

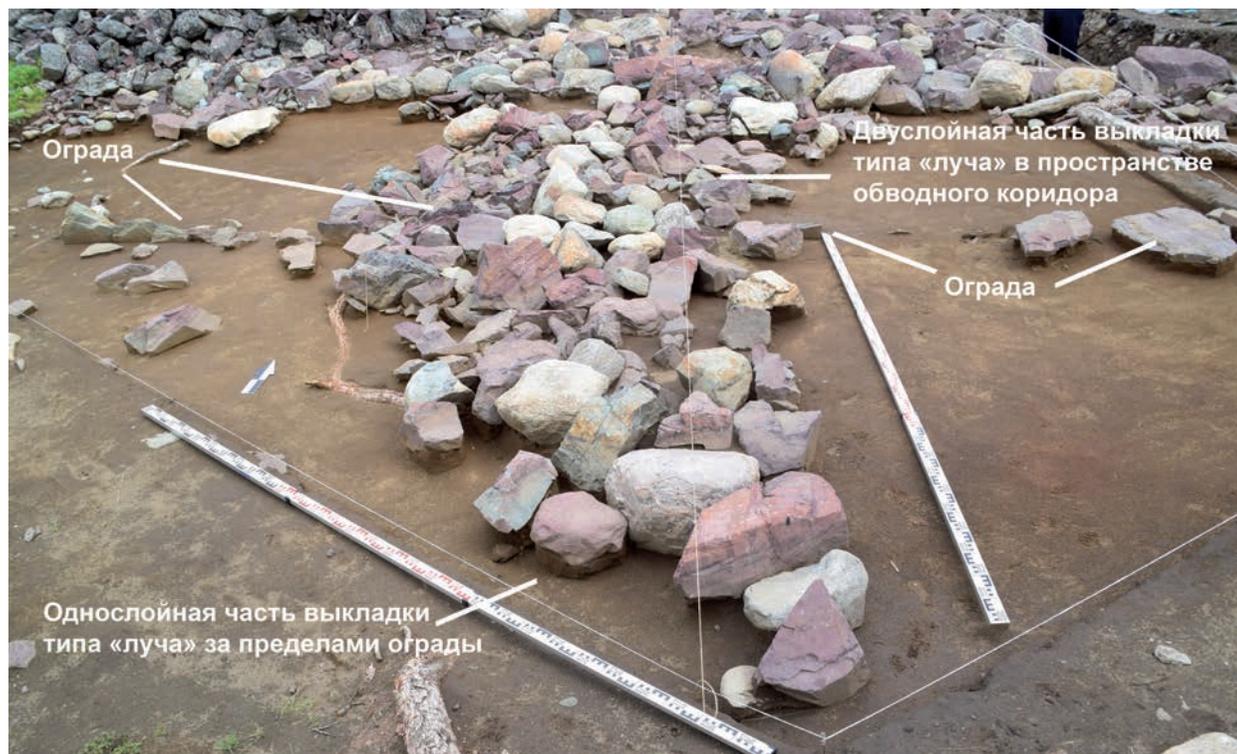

Рис. 9а. Вид на ЮЗ выкладку типа «луча» перед разборкой. Вид с юга

В качестве рабочего наблюдения можно отметить, в целом, заметное преобладание в ЮЗ секторе крепиды светлых пород камня (крупные уплощённые валуны, часть облицовочных плит), приуроченного к видимым снаружи частям этого архитектурного элемента каменного наземного сооружения кургана.

Стелообразный объект, установленный вертикально. С ЮЗ3 стороны, среди упавших и зафиксированных *in situ* плит внешней облицовки крепиды, был выявлен крупный стелообразный объект (рис. 8) — установленная при сооружении кургана и вертикально ориентированная мощная плита облицовки из другой породы местного камня — светлого кварцита, расширяющаяся кверху, общими габаритами: 13×30/60×90 см. В процессе музеефикации плита была возвращена в вертикальное положение (рис. 7).

Выкладки типа «лучей» с южной стороны каменного наземного сооружения. На плане 1949 г. С.И. Руденко отметил наличие с южной стороны насыпи кургана двух выкладок типа «лучей», описав их как «особые каменные выкладки, каких нет у первых четырёх курганов» [Руденко 1953: 28, рис. 3], но не заинтересовался ими.

В 2022 г. обе выкладки типа «лучей» были расчищены и зафиксированы в процессе работ на раскопах 1, 2 (рис. 1). Выкладка ЮЗ, располагавшаяся в раскопе 1 (рис. 5; 9), была полностью разобрана при исследовании, а затем воссоздана с целью музеефикации; выкладка ЮВ была расчищена и зафиксирована. Полностью исследованы, а затем воссозданы были лишь две овальные пристройки на её южном конце. Под овальными пристройками были выявлены пятна прокала, содержавшие несколько мелких фрагментов неорнаментированной керамики (стенки сосудов).

Тщательное изучение планиграфии и структуры ЮЗ выкладки типа «луча» в раскопе 1, подтвердило предположение одного из авторов статьи, Н.Ю. Смирнова, о том, что процесс соору-

Рис. 9б. Двуслойная часть выкладки типа «луча» в процессе разборки. На переднем плане — плита ограды, упавшая в пустое пространство обводного коридора и позднее перекрытая выкладкой

жения подобных выкладок мог иметь дискретный характер и быть растянутым во времени. Это доказывается несколькими зафиксированными документально стратиграфическими и планиграфическими ситуациями. Часть выкладки типа «луча», отходящая от ограды кургана в ЮЗ сторону, сложена в один ряд из более крупных кусков колотого камня, с включением кварцитовых валунов. Часть ЮЗ выкладки типа «луча», располагавшаяся в пространстве обводного коридора, наоборот, сложена в два слоя из мелкого колотого камня, в основном туфопесчаника, и имеет отчасти овальную в плане форму⁶ (рис. 9а). При этом, её северный конец не примыкает к крепице наземного сооружения, заканчиваясь на определённом расстоянии до неё. Более того, полное исследование, сопровождающееся разборкой этой части выкладки типа «луча», недвусмысленно продемонстрировало, что она была создана уже после того, как верхние части плит ограды упали в свободное пространство обводного коридора (рис. 9 б), а часть облицовочных плит крепицы упала им навстречу — камни выкладки перекрывают упавшие фрагменты плит, чего не могло бы

⁶ Здесь структурно повторяется ситуация, зафиксированная при исследовании «северного луча» в 2017 г., — его часть, располагавшаяся между оградой и краем расплзшейся насыпи кургана, т. е., в пространстве обводного коридора, была сложена из двух слоёв камня и содержала челюсть лошади [Константинов и др. 2018а: 32].

быть, если бы эта часть выкладки типа «луча» возводилась синхронно строительству остального архитектурного комплекса кургана. Сделанное наблюдение позволяет поставить два вопроса: 1) Синхронны ли выкладки типа «лучей» основному архитектурному комплексу Пятого Пазырыкского кургана?; 2) Строились ли выкладки типа «лучей» непосредственно от крепиды или же от внешней стороны ограды кургана? Окончательные ответы на поставленные вопросы могут дать полевые исследования следующего сезона.

Кострище за пределами ограды, у южного окончания ЮЗ выкладки типа «луча». Подобные пятна прокала, как ограниченные внешними признаками (каменными выкладками) и содержавшие кости животных или шлаки, так и выявленные лишь по изменению цвета грунта, встречались и при работах прошлых лет [Константинов 2020: 94, рис. 1]. Пятно прокала, выявленное в 2022 г., представляет собой слабое цветовое изменение грунта на незначительную глубину в несколько см. Как и подавляющее большинство ранее обнаруженных на периферии Пятого Пазырыкского кургана кострищ, в расположении оно тяготеет к окончанию выкладки типа «луча» и расположено за оградой памятника.

В целях музеефикации пятно кострища, после исследования, было обложено вокруг битым камнем (рис. 10а, на переднем плане, справа).

Рекогносцировочный разрез вдоль восточного борта раскопчной траншеи 1949 г. Так как задачи создания нового физического разреза каменного наземного сооружения в процессе работ 2017–2020 гг. не ставились, то имелась насущная необходимость до окончания всех работ по реконструкции и музеефикации Пятого Пазырыкского кургана проверить в наиболее доступном для этого месте стратиграфию каменной насыпи кургана, для сравнения с данными, опубликованными С.И. Руденко в 1949 г.

В 2022 г., во время музеефикационных и научно-исследовательских работ в пределах раскопчной траншеи 1949 г. был заложен новый физический разрез вдоль её восточного борта, на всю сохранившуюся высоту каменной насыпи и на треть общей длины траншеи от края наземного сооружения к его центру. Разрез был доведён до материка. После окончания работ раскоп перед разрезом был рекультивирован: материковый грунт уложен на место, выше него была воссоздана подошва насыпи кургана, разобранный при устройстве разреза.

В результате рекогносцировочных работ на разрезе вдоль восточного борта раскопчной траншеи 1949 г. были получены интересные, но неоднозначные данные.

Судя по схематическому плану С.И. Руденко, первоначальная земляная насыпь (выкид грунта, образовавшегося при рытье могилы) достигала края каменной насыпи кургана [Руденко 1953: рис. 11]. Однако по всей длине реального разреза 2022 г., на протяжении 8 м от выявленной нами крепиды вглубь насыпи, не было обнаружено никаких следов изображённой на плане 1949 г. земляной насыпи. В разрезе удалось выявить *in situ* и зафиксировать лишь нижние слои каменной наземной конструкции кургана, лежавшие на древней дневной поверхности, в т. ч. её «подошву», сложенную, ближе к крепиде, из крупных уплощённых валунов в один слой, а также крепиду и её облицовку из вертикально установленных плит, упавших в древности в пустое пространство обводного коридора.

Верхнюю часть физического разреза 2022 г. составляли смешанные каменно-земляные отложения, появившиеся в этом месте каменной насыпи в результате перемещении отвалов при раскопках 1949 г.

Любопытным и неожиданным результатом работ было обнаружение небольшого, обратного по отношению к окружающему курган рельефу, уклона (понижения к центру кургана, с юга на север) древней дневной поверхности в месте разреза, видимо, природного происхождения, т. к.

а

б

Рис. 10 а, б. Финальный этап реконструкции облика каменного наземного сооружения Пятого Пазырыкского кургана. Южный край сооружения и периферия. Вид с юга и востока

никаких следов перекопов или нивелировочных работ ни на уровне древней дневной поверхности, ни на уровне материка выявлено не было. То есть насыпь либо принципиально возводилась на невыровненной поверхности, либо естественный уклон сознательно использовался строителями при сооружении кургана и могилы и при проведении обрядовых действий. Если судить по разрезу Четвёртого Пазырыкского кургана, опубликованному С.И. Руденко [Руденко 1953: рис. 12, внизу], в нём была зафиксирована аналогичная ситуация.

Общие результаты исследовательских работ, проведённых в рамках продолжения проекта по музеефикации и доисследованию Пятого Пазырыкского кургана, а также по изучению периферии памятника, достигнутые в сезоне 2022 г. нашей командой, недвусмысленно свидетельствуют о том, что научный и познавательный потенциал этого классического памятника пазырыкской культуры далеко не исчерпан. Более того, требуется проведение дополнительных локальных исследований структуры каменного наземного сооружения и фиксации результатов этих исследований на современном научном уровне для реконструкции её подлинного стратиграфического и планиграфического устройства и, в целом, архитектурного облика Пятого Пазырыкского кургана, принципиально, как уже понятно из вышеизложенного, отличающегося от схематических чертежей и описательных реконструкций середины прошлого века (рис. 10 а, б).

ЛИТЕРАТУРА

- Грязнов М.П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае // Природа. 1929. № 11. Стб. 971–984.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 85 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.
- Константинов Н.А. Перспективы повторного исследования объектов скифского времени Алтая (по материалам работ на Пазырыке) // М-лы Междунар. науч.-практ. конф. «XII Оразбаевские чтения» по теме «Историко-культурное наследие древних и традиционных обществ Центральной Азии: проблемы изучения, интерпретации и сохранения» / Отв. ред.: Р.С. Жуматаев. Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2020. С. 92–97.
- Константинов Н.А., Степанова Е.В., Урбушев А.У., Васильева Н.А., Шаблавина Е.А., Эбель А.В., Куюков Р.В. Работы на Пазырыкском могильнике в 2017 г. // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история) 2017 г. Вып. 13. М-лы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Горно-Алтайск, 24–27 апреля 2018 г.). Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018а. С. 30–34.
- Константинов Н.А., Мыльников В.П., Степанова Е.В., Васильева Н.А. Полевое исследование внутримогильных конструкций Пятого Пазырыкского кургана на Алтае (предварительное сообщение) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018б. Т. XXIV. С. 275–279.
- Константинов Н.А., Мыльников В.П., Слюсаренко И.Ю., Степанова Е.В., Васильева Н.А. Завершение полевого исследования внутримогильной конструкции Пятого Пазырыкского кургана // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. XXV. С. 415–424.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.
- Марсадолов Л.С. Исследования в Онгудайском и Улаганском районах Горного Алтая // АО 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 195–196.
- Марсадолов Л.С. Восточные балбалы и западные поминальники как важные составные части организации сакрального пространства в Пазырыке на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2019. № 25. С. 155–162.
- Отчёт Руденко С.И. о раскопках Пазырыкских курганов. 1949 г. // НОА ИА РАН, ф. Р-1, д. 336, 35 л.

- Руденко С.И.* Второй Пазырыкский курган. Результаты работ экспедиции ИИМК АН СССР в 1947 г. Предварительное сообщение. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. 64 с.
- Руденко С.И.* Пятый Пазырыкский курган // КСИИМК. Вып. XXXVII. М.; Л. 1951. С. 106-116.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
- Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 359 с.
- Савинов Д.Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 204 с.
- Степанова Е.В., Константинов Н.А., Мурзина С.Р., Смирнов Н.Ю.* Продолжение работ по музеефикации Пятого Пазырыкского кургана и научному исследованию периферии памятника: результаты полевого сезона 2022 г. // Евразия в энеолите — раннем средневековье: инновации, контакты, трансляция идей и технологий. М-лы Междунар. науч. конф., посв. 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии М.П. Грязнова (1902–1982) / Отв. ред.: М.Т. Кашуба, Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2022. В печати.
- Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 324 с.
- Korolkova E.F.* Death and burial // Scythians warriors of ancient Siberia. / Ed.: St.J. Simpson and S. Pankova. London: Thames and Hudson, 2017. P. 258-275.

**А. Қ. Айтқали,
А. Қ. Құрманғалиев**

Азат Қалыұлы Айтқали,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология Институтының филиалы,
Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан; A7471986103@gmail.com
Арман Қайратұлы Құрманғалиев,
Қазақстан Республикасының Ұлттық Музейі
Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан; armanqayrat2017@gmail.com

Сяньбэй мәселесі: Қазақ Алтайындағы археологиялық зерттеулердің кейбір нәтижелерінен*

Аннотация. Осы мақала Қазақ Алтайындағы Сяньби дәуірінің ескерткіштерін зерттеудің кейбір нәтижелеріне арналған. Орталық Азия ғұндар империясы құлағаннан кейін Алтайдың көптеген археологиялық мәдениеттерінің келбетіне Сяньби немесе сяньбэ көшпелі бірлестігі қатты әсер етті. Алтай аумағында алғаш рет сяньбидің полиэтникалық қауымдастығына қатысты археологиялық деректер өткен ғасырдың соңғы ширегінде алынды. Осыған қарамастан, ұзақ уақыт бойы көптеген қазылған археологиялық нысандардың ғалымдары сяньбиялықтарға тиесілі археологиялық нысандарды анықтай алмады. Деректердің мәдени-хронологиялық сәйкестендіру үшін Қытай жазба дереккөздеріне сүйенеміз, бұл мәселені сапалы жаңа деңгейге көтеруге мүмкіндік берді. Қазіргі уақытта қазақ Алтайы аумағында Сяньби шеңберінің ескерткіштері қарқынды зерттелуде. 2015 жылдан бастап Сяньби заманына жататын жаңа жерлеу-еске алу құрылыстары зерделенді. Ауқымды жұмыстар осы полиэтникалық қауымдастықтың шекарасын кеңейтуге және Сяньби тайпаларының Алтай аумағына кең көлемде енуі туралы тезис ұсынуға мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: археология, Қазақ Алтайы, сяньбэй археологиялық мәдениеті, обалар, жаңа зерттеулер

Азат Қалыұлы Айтқали,
Филиал Института Археологии им. А. Х. Марғұлана,
г. Нұр-Сұлтан, Казахстан
Арман Қайратович Құрманғалиев,
Национальный Музей Республики Казахстан
г. Нұр-Сұлтан, Казахстан

Некоторые результаты исследований сяньбийских памятников Казахского Алтая

Аннотация. Настоящая статья посвящена некоторым результатам исследования памятников сяньбийского времени в Казахском Алтае. После падения империи центрально-азиатских гуннов на облик многих археологических культур Алтая сильное воздействие оказало кочевое объединение сяньби или сяньбэ. Впервые на территории Алтая археологический материал, касающийся полиэтнической общности сяньби, был получен в последней четверти прошлого столетия. Несмотря на это, на протяжении долгого времени ученые из числа многих раскопанных археологических объектов не смогли определить археологические объекты, принадлежащие сяньбийцам. Для культурно-хронологической идентификации материалов привлекались китайские источники, которые позволили вывести проблему на качественно новый уровень. В настоящее время на территории Казахского Алтая интенсивно изучаются памятники сяньбийского круга. Начиная с 2015 г., были

© 2022 Айтқали А.Қ., Құрманғалиев А.Қ.

*Мақала Қазақстан Республикасының Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің 2022–2023 жж. арналған жобасы аясында дайындалды. Жоба ИРН BR 11765630

изучены новые погребально-поминальные сооружения, относящиеся к сяньбийскому времени. Масштабные работы позволили расширить границы этой полиэтнической общности и выдвинуть тезис о масштабном проникновении сяньбийских племен на территорию Алтая.

Ключевые слова: археология, Казахский Алтай, сяньбийская археологическая культура, курганы, новые исследования

Azat Aitkali,

Branch of the Margulan Institute of Archaeology
Nursultan, Kazakhstan

Arman Kurmangaliev,

National Museum of the Republic of Kazakhstan
Nursultan, Kazakhstan

Some results of research on the Xianbian monuments of the Kazakh Altai

Abstract. This article is devoted to some results of the study of monuments of the Xianbian time in the Kazakh Altai. After the fall of the empire of the Central Asian Huns, the nomadic association of Xianbi or Xianbe had a strong impact on the appearance of many archaeological cultures of Altai. For the first time, on the territory of Altai, archaeological material concerning the polyethnic community of Xiangbi was obtained in the last quarter of the last century. Despite this, for a long time, scientists from among the many excavated archaeological sites could not identify the archaeological objects belonging to the Xianbians. For the cultural and chronological identification of materials, Chinese sources were involved, which allowed us to bring the problem to a qualitatively new level. Currently, the monuments of the Xianbian circle are intensively studied on the territory of the Kazakh Altai. Since 2015, new funerary and memorial structures dating back to the Xianbian time have been studied. Large-scale works allowed to expand the boundaries of this multiethnic community and put forward the thesis about the large-scale penetration of the Xianbian tribes into the territory of Altai.

Keywords: archaeology, Kazakh Altai, Xianbian archaeological culture, burial mounds, new research

Кеңес дәуірінен бастап отандық археология ғылымында ғұн-сармат дәуірінен кейінгі және түркі дәуіріне дейінгі кезең хронологиялық тұрғыдан б.д.д. I мыңж. соңы мен б.д. I мыңж. бірінші жартысы деп белгіленген. Осы кезеңге алдымен ғұн, үйсін, кейінгі сармат, қаңлы және сяньби ескерткіштері жатқызылатын.

Сюнну империясы құлағаннан кейін Алтайдың ежелгі тұрғындарының археологиялық мәдениеттерінің қалыптасуына жазбаша деректерде Сяньбэй немесе Сяньби деген атпен белгілі көшпелі бірлестік ықпал етті. Сяньби этномәдени қауымдастығы Забайкалье, Ішкі Моңғолия және Оңтүстік Манджурия территорияларында құрылды. Б.д. I мыңж. басында олар сауда жолдарын бақылау мақсатында батысқа қарай ұзақ мерзімді әскери экспансияны жүргізіп, Оңтүстік Сібірдің көптеген тайпаларын бағындырды. Қытай жазба деректерінде сяньбилердің жаулап алған батыс аймақтары жайлы қысқаша мәліметтер берілген. Сяньбилер өз тарихында Қытаймен тығыз байланыста болды, тіпті онда олар бірнеше мемлекет те құра білді [Крюков и др. 1979; Бичурин 1950; Таскин 1984].

Еуразия кеңістігінде жүргізілген зерттеулердің басым бөлігі ғұндар мен сарматтар тарихының түрлі мәселелерін шешуге бағытталған. Қаңлы, үйсіндердің тарихы мен мәдениеті жан-жақты кешенді әрі жүйелі түрде зерттелген және олар әлі де жалғасып келеді. Ал сяньбилер мәселесі салыстырмалы түрде кеңінен зерттелмеген. Тек бүгінге дейін, сяньби мәселесіне қатысты жазбаша деректері мен археологиялық заттай мәдениетін өзара салыстырмалы түрде талдау жұмыстары Моңғолия, Ресей және Қытайдың жекелеген ғылыми мектептерінде ғана жүргізілген. Ал Қазақстан үшін сяньби мәселесі түркі дәуіріне дейінгі кезеңнің тарихнамасында ақтандық болып табылады. Себебі бұл халық Оңтүстік Сібір мен Моңғолия аумағында өмір сүрген және қазіргі Қазақстан аумағында мекендемеген деген пікір қалыптасқан. Ұзақ жылдар бойы сяньби

мәселесі археологиялық зерттеу тұрғысынан емес, көп жағдайда жазба деректердің негізінде олардың «атақонысы» және этникалық шығу тегіне қатысты пікірталастар болатын [Сосновский 1929; Викторова 1958].

Алайда, Қазақстанға іргелес аумақтағы елдердің ғалымдарының қарқынды зерттеулері нәтижесінде сяньбилердің көптеген ескерткіштері анықталды. Соңғы жылдары, Қазақ Алтайының аумағында жүргізілген ғылыми зерттеу жұмыстары I мыңжылдықтың I жартысымен мерзімделетін және көршілес өңірлердің сяньби ескерткіштеріне ұқсас археологиялық нысандардың ашылуымен тың деректер жинақталды.

Сяньбилер тарапынан төнген қауіп-қатер ғұндардың батысқа қарай жылжуын тездетті және халықтардың Ұлы қоныс аударуының бастауында дәл осы сяньбийлердің болуы әбден мүмкін. Қазіргі уақытта, тек Қазақстан аумағындағы зерттеулер – «Ұлы қоныс аудару» яғни еуропа құрлығында көші-қон толқынының қалай басталғанына және мұндағы ғұн және сяньбилердің рөліне қатысты сұрақтарға жауап беруге мүмкіндік береді [Самашев 2021: 76].

Зерттеушілер ұзақ жылдар бойы сяньби мәдениетіне тән археологиялық заттай дереккөздерін ажырата алмады. Сяньби материалдық мәдениетін бөлуге мүмкіндік беретін нақты белгілер болмағандықтан жалпылама «ғұн-сяньбэй кезеңі» деген түсінік қалыптасқан. Мамандар соңғы жылдары Қытай материалдарымен танысуы нәтижесінде сяньбэй ескерткіштерін зерттеуде «жаңа кезең» басталды [Худяков и др. 1999]. Бүгінгі таңда кейбір зерттеушілер сяньбэй нысандарының жергілікті төрт тобын бөліп көрсетеді [Трубникова 2020: 228].

Соңғы жылдары сяньбэйлердің археологиялық ескерткіштері Оңтүстік Сібірде, Моңғолияда және Ресей Алтайының аумағында жақсы зерттелді. Бастапқыда Минусинск қазаншұңқырында, Тывада және Алтай тауларында ғұн-сармат дәуірінің зерттелген ескерткіштері негізінде археологтар Орталық Азия көшпенділерінің Саян-Алтай этностық топтарының мәдениетіне әсерін атап өткен. Әдетте, зерттеушілер бірауыздан көшіп-қонушы жаңа толқынын ғұндармен немесе оларға тәуелді тайпалармен байланысы бар екенін айтады [Мандельштам, Стамбульник 1992]. Осылайша, бұл мәселе біртіндеп шешілуде және салыстырмалы талдау жүргізу үшін жағдайлар жасалуда. Алтай аумағында табылған заттай материалдық деректер сяньбилердің байырғы тұрғындардың мәдениетіне айтарлықтай әсері болғаны байқалды.

Қазақ Алтайында 3. Самашевтің басшылығымен басталған осы бағыттағы зерттеулер Қазақстан аумағында сяньбэй бірлестігінің ықпалы туралы жаңа дереккөздерді анықтауға және осы ескерткіштер шекарасын кеңейтуге мүмкіндік берді [Самашев, Жүнісханов 2021; Жүнісханов, Айтқали 2021]. Соңғы жылдардағы Шығыс Қазақстанның Қатон-Қарағай ауданындағы зерттеу жұмыстары ғұн империясы құлағаннан кейін, шамамен б.д. III–IV ғғ. осы көшпелі тайпалардың бірлестігі Бұқтырма өзенінің жоғарғы ағысына және ішінара Алтайдың оңтүстік-батыс шекарасына дейін енгенін көрсетті.

1998 жылы басталған алғашқы ғылыми ізденістер Берел қорымының элиталық ескерткіштерінің аумағында сяньбилердің жерлеу нысандары тіркелді. Бастапқыда олар ерте түркі дәуірімен мерзімделді, бірақ кейінірек сяньбэй ескерткіштерімен байланысы бар екені анықталды [Самашев и др. 2019].

Осы кезеңнің Алтайдағы және Берел қорымындағы бірқатар жерлеу орындарын әлемге танымал зерттеушісі А.А. Гаврилова Кудыргэ қорымын Берел типіне біріктіріп б.д. IV–V ғғ. мерзімдеген [Гаврилова 1965: 54–57]. Қарастырылып отырған жерлеу орындарының ерекшелігі жылқымен жерлеу салтының тұрақтылығы және жерленгендердің басының бағытталуы көп жағдайда шығысқа қаратып қойылған. Айта кету керек, Берел кешені мүйізді ысқырықты саптамалары бар жебелердің, сондай-ақ сүйектен жасалған жоғарғы бөлігі дөңгеленіп келетін

тоғалардың табылуына негізделіп, ерте түркі дәуірімен жақындастырылғанымен, жерлеу орындарында үзеңгінің табылмауына байланысты ол керісінше ертерек уақытпен мерзімдеуге негіз болды [Савинов 1984: 29–30]. Қазіргі уақытта Берел типіндегі обалардың этномәдени тиесілігі мәселесі әлі де шешілмеген күйде қалып отыр.

Соңғы жылдары Қазақ Алтайының Берел қорымында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижесінде 55 нысан ашылды. Оның ішінде 35 жерлеу орны, 20-дан астам ғұрыптық тас қоршаулар анықталды. Жалпы алғанда бұл ғұрыптық құрылыстар мен ілеспе жабдықтардың ерекшеліктері бойынша сяньбэй археологиялық мәдениетімен байланысы анықталды.

Ендігі жерде Сяньби дәуірінің ескерткіштеріне тән жерлеу құрылысына толығырақ тоқталайық.

Жерлеу-ғұрыптық нысандарын жеке топтардың ішінде ықшам орналастыру дәстүрі олардың хронологиялық жақындығын көрсетеді және бұл сяньбэй дәуірінде тұрғызылған Алтай қорымдарының көпшілігіне тән құбылыс [Тишкин и др. 2018: 163–167]. Жалпы, қорым аумағындағы кеңістікте құрылыстардың тығыз шоғырланып қатарлармен орналасуы Моңғолия, Байкалдың шығысы, Хакасияның тесин мәдениеті, Тываның көкэль және Ұлы-Хем мәдениетінің синхронды ескерткіштерінде кең тараған белгілердің бірі болып табылады [Вайнштейн, Дьяконова 1966; Вадецкая 1999; Савинов, 2009].

Обалардың жанында жатқан нысандар көбінесе сопақша, сирек жағдайда дөңгелек пішінді, ішкі кеңістігі топырақпен толтырылған қоршаулармен ұсынылған. Қабір үсті құрылыстары бірден үшке дейін бірнеше қабаттан тұратын төртбұрышты, дөңгелек, сопақша, тікбұрыш пішінді тас үйінділер түрінде тұрғызылған. Бұл үйінділердің астыңғы жағында тікбұрышты, төртбұрышты, сопақша пішінді жер үсті құрылымдары көзге түседі. Соңғы аталған пішіндегі жер үсті құрылымдары басым болып келеді және ұзын осімен шығыстан батысқа қарай бағытталған. Бұлардың ортасында, әдетте, сопақша немесе тікбұрыш пішінді ұзын жағымен әртүрлі ауытқулармен ендік бағытта созылған қабір шұңқыры қазылатын.

Қабір шұңқырлары қосалқы құрылыстарсыз, көбінесе таяз топырақ шұңқырлар, үстіңгі жабындысы бар немесе жоқ тас жәшіктер, қабырғалары тас тақтатас қоршалғантас жәшіктерге ұқсас қаптаулар, кейде ағаш қабырға төсемінің қалдықтары және ағаш астаулар кездеседі.

Жерленгендер көбінесе шалқасынан, кейде бүйірімен аяқтары созылған қалпында немесе тізесі сәл бүгіліп жатқызылады. Жерленгендердің бастары, әдетте, сәл шығысқа қарай ауытқумен солтүстікке бағытталған. Алайда, кей мәйіттердің басы батыс және солтүстік-батыс бағытта яғни қарама-қарсы жаққа қойылғаны да кездеседі. Жерленген адамдардың бағытталуы бірнеше дәстүрдің қатар байқалғанын көрсетеді, бәлкім бірнеше этномәдени топтардың бір бірлестік аясында өмір сүргенін айғақтайды.

Берел қорымындағы алты қабір шұңқырында бір деңгейде, сәл жоғарыдан, солтүстік қабырғаның бойында, адамның оң жағына қойылған аттың бір уақытылы жерлеу орындары анықталған. Жылқылардың басы жерленген адамдардың бағыттарымен сәйкес келеді. Белгілі болғандай, Алтайдағы жылқымен қоса жерлеу дәстүрі скиф-сақ заманынан бастау алады және Пазырық мәдениетінің мұрасымен байланысты болуы мүмкін. Алайда, зерттеушілердің бір бөлігі бұл типтегі жерлеу орындарын төлес (теле) тайпалары немесе Көк түріктер тарапынан қалдырылған деген пікірге сүйенеді [Серегин 2010].

Берел қорымын қазу кезінде жерлеу орындарынан қызықты заттай дерек көздері анықталды, оның ішінде: қару-жарақ, ат әбзелдері, еңбек құралдары, тұрмыстық заттар және зергерлік бұйымдар.

Қару-жарақ, қорымның көптеген жерлеу орындарында табылды [Самашев 2018]. Тіркелген жауынгерлік құралдар арасында алыс (садақ қалдықтары, темір жебе ұштары) және жақын

(пышақтар) ұрыс салу қаруларымен ұсынылған. Ат әбзелдерінің бөлшектері және сәндік мақсаттағы бұйымдардан тұрады.

Жерлеу орындарында табылған заттық кешеннің құрамында металдан (қола, темір) және органикалық материалдардан (сүйек, мүйіз, минералдардан) дайындалған әшекей бұйымдар да көптеп кездеседі. Сақталған артефактілер негізінен бас, шаш, мойын әшекейлеріне қатысты, сирек жағдайларда жоғарғы иық киімдерінің сәндік бөлшектері болып табылады.

Жоғарыда берілген мәліметтерге сүйене қорытындылайтын болсақ, Қазақстан тарихындағы сяньбэй мәдениетінің жергілікті мәдениеттерге ықпалын зерттеу аясында бірқатар маңызды сұрақтар туындайды:

- сяньбэйлердің қазіргі Қазақстан аумағына ену ауқымын анықтау;
- сяньбэйлердің этномәдени және лингвистикалық тұрғыдан талдау қажет, олар көне моңғол немесе прототүркілер болды ма;
- сяньбэйлердің ерте түркі мәдени кешенінің қалыптасуы мен дамуына әсері қандай болды;
- Қазақ Алтайында өмір сүрген сяньбэйлердің материалдық мәдениетінің нақты белгілері, олардың ерекшелігі мен өзгешелігі;
- сяньбэй мәдениетінің қазақ халқының тарихындағы рөлі мен орнын анықтау.

Тұжырымдалған бірқатар сұрақтарға жауап беру үшін кешенді зерттеу жұмыстары атқарылуы тиіс. Біріншіден, б.д.д. I мыңж. соңы мен б.д. I мыңж. бірінші жартысының археологиялық ескерткіштеріне қатысты дереккөздерінің кең ауқымын жинақтау. Екіншіден, бастапқы зерттеу нәтижелерін Ресей, Қытай және Моңғолия аумағындағы археологиялық заттай деректермен қоса салыстырмалы талдау жасау. Үшіншіден, археологиялық деректермен жұмыс істеу барысында қолданбалы құрал ретінде лингвистика және жазбаша дереккөздерді пайдалану. Сонымен қатар, жерлеу орындарының хронологиялық шегін анықтау маңызды, бұл жағдайда әртүрлі аумақта тараған сяньбэй мәдени қауымдастығының өзінің дамуының белгілі бір кезеңдерінде өзгешеліктерін анықтауға көмектеседі. Жоғарыда айтылғандардың барлығы археологиялық дереккөздерін этникалық және хронологиялық қағидалар бойынша бөлуге мүмкіндік береді.

ӘДЕБИЕТ

- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 471 с.
- Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
- Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П.* Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры – первых веков нашей эры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.-Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 185-291.
- Викторова Л. Л.* К вопросу о расселении монгольских племён на Дальнем Востоке // Учёные записки ЛГУ. Л.: ЛГУ, 1958. № 256. С. 54-62.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 145 с.
- Жүнісханов А.С., Айтқали А.* Сяньби кезеңі ескерткіштерін зерттеу тарихының кейбір мәселелері // Қазақстан археологиясы. 2021. № 4 (14). 38–49-бб. DOI: 10.52967/akz2021.4.14.38.49
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 328 с.
- Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У.* Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. 494 с.
- Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: ЛГУ, 1984. 174 с.
- Савинов Д.Г.* Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб. : ИИМК РАН, 2009. 226 с.

- Самашев З.* Оружейный комплекс сяньбэй в контексте культуры (по материалам некрополя Берел в Казахском Алтае) // Великая степь: военное наследие. М-лы. междунар. науч.-практ. конф. (г. Астана, 22 декабря 2018 г.) / Отв. ред. П.А. Утепова. Астана: Военно-исторический музей, 2018. С. 56-72.
- Самашев З.* Еще раз об объектах с каменными грядами // Вестник КазНУ. Сер. истор. 2021. Т. 102. № 3. С. 81-92.
- Самашев З., Жүнісханов А.С.* Сяньби кезеңі бойынша соны радиокөміртектік зерттеулер // Қазақстан археологиясы. 2021. № 3 (13). 146-153-бб. DOI: 10.52967/akz2021.3.13.146.153
- Самашев З., Кариев Е.М., Ерболатов С.Е.* Хунну-сяньбэйский культурно-хронологический горизонт Береля // Маргулановские чтения-2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 385-393.
- Серегин Н.Н.* Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник НГУ. Сер. Археология и этнография. 2010. Т. 9. Вып. 5. С. 171-180.
- Сосновский В.И.* Сяньбийцы-эвенки // Сибирская живая старина. Иркутск: Изд-во «Власть Труда», 1929. Вып. 8–9. С. 187-192.
- Таскин В.С.* Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984. 486 с.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В.* Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка) (Сер. Археологические памятники Алтая) / Ред. В.В. Горбунов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 3. 368 б.
- Трубникова В.Б.* Опыт выделения локально-хронологических групп сяньбэйской культуры // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): м-лы Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения д.и.н. А.М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д.и.н. И.Н. Хлопина (г. Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2020 г.) / Отв. ред. В.П. Никоноров, Л.Б. Кирчо, Е.О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 227-228.
- Худяков Ю.С., Алкин С.В., Юй Сухуа.* Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Известия Лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. № 4. С. 163-168.

**П. К. Дашковский,
Е. А. Шершнева**

Петр Константинович Дашковский,
dashkovskiy@fpn.asu.ru,
Елена Александровна Шершнева,
D2703@yandex.ru
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

Погребение коргантасского типа раннего железного века из Северо-Западного Алтая*

Аннотация. В публикации представлены результаты изучения материалов из кургана № 34 могильника Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай). Исследованный объект относится к т. н. коргантасскому типу погребений, который зафиксирован при изучении памятников Казахстана, Саяно-Алтая и имеет аналогии в памятниках Северного Китая. В процессе его раскопок было выявлено погребение человека в каменном ящике, уложенного в вытянутом положении на спине и ориентированного головой на восток. За восточной стенкой каменного ящика обнаружен череп лошади и три черепа овец. На основании изучения артефактов курган № 34 могильника Ханкаринский дол был датирован V–IV вв. до н.э., возможно, второй половиной V – началом IV в. до н.э. Появление указанного типа погребений в Горном Алтае, в т. ч. на могильнике Ханкаринский дол, связано с проникновением определенной группы населения из восточного ареала кочевого мира, вероятно, из Северного Китая–Забайкалья.

Ключевые слова: коргантасский тип погребений, Алтай, погребальный обряд, артефакты

**Петр Константинович Дашковский,
Елена Александровна Шершнева,**
Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул, Ресей

Солтүстік-Батыс Алтайдың ерте темір дәуірінің қорғантас типті жерлеу орындары

Аннотация. Мақалада Ханкара аңғарындағы қорымның (Солтүстік-Батыс Алтай) № 34 обасының материалдарын зерттеу нәтижелері берілген. Зерттелетін нысан Қазақстан, Саян-Алтай ескерткіштерін зерттеу кезінде тіркелген және Солтүстік Қытай ескерткіштерінде ұқсастықтары бар Қорғантас типті жерлеу орындарына жатады. Оны қазу барысында шалқасынан созыла, басы шығысқа қаратып жатқызылған тас жәшікке салынған адамның жерлеу орны анықталды. Тас жәшіктің шығыс қабырғасының артында жылқы мен үш қойдың бас сүйектері табылды. Артефактілерді зерттеу негізінде Ханкара аңғарындағы қорымның № 34 обасы б.д.д. V–IV ғғ., мүмкін б.д.д. V ғ. екінші жартысы – IV ғ. басымен мерзімделді. Таулы Алтайда, оның ішінде Ханкара аңғарындағы қорымда жерлеу орындарының мұндай түрлерінің пайда болуы көшпелілер әлемінің шығыс аймағының, Солтүстік Қытай-Байкал маңының тұрғындарының белгілі бір тобының енуімен байланысты.

Түйін сөздер: жерлеудің қорғантас типі, Алтай, жерлеу ғұрпы, артефактілер

© 2022 Дашковский П.К., Шершнева Е.А.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 19-49-220002 и № 19-59-44002).

Petr Dashkovskiy,
Elena Shershneva,
Altai State University, Barnaul, Russia

Burial of the Korgantas type of the Early Iron Age from the Northwestern Altai

Abstract. The publication presents the results of the study of materials from mound No. 34 of the Khankarinsky Dol burial ground (North-Western Altai). The investigated object belongs to the so-called Korgantas type of burials, which was recorded during the study of the sites of the Kazakhstan, Sayano-Altai and has analogies in the sites of Northern China. During its excavations, a burial of a man was found in a stone box, laid in an extended position on his back and oriented with his head to the east. A horse skull and three sheep skulls were found behind the eastern wall of the stone box. Based on the study of artifacts, mound No. 34 of the Khankarinsky Dol burial ground was dated to the 5th–4th centuries BC, possibly the second half of the 5th – beginning of the 4th centuries BC. The appearance of this type of burials in Gorny Altai, including at the Khankarinsky Dol burial ground, is associated with the penetration of a certain group of the population from the eastern area of the nomadic world, probably from Northern China-Transbaikalia.

Keywords: Korgantas burial type, Altai, burial rite, artifacts

Территория Северо-Западного Алтая один из наименее изученных в археологическом отношении регионов. Более 20 лет Краснощековская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи проводит изучение разновременных памятников Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета (Краснощековский р-н, Алтайский край, РФ (Северо-Западный Алтай)). В рамках указанного микрорайона обнаружены памятники от эпохи верхнего палеолита до средневековья включительно [Дашковский, Кунгуров 2003; Дашковский 2017а, б; 2019; 2020а; 2021; Дашковский, Шершнева 2020; и др.]. В данной публикации представлены некоторые итоги изучения и культурно-хронологическая атрибуция кургана № 34 могильника Ханкаринский дол, которые выявлен в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1–1,5 км к ЮВ от с. Чинета. В настоящее время на могильнике исследовано более 30 объектов, которые относятся к скифо-сакскому периоду.

Курган № 34 выявлен в северной части могильника. Насыпь имела не совсем обычную подквадратную форму со сторонами 4,5×4,5 м (рис. 1). Сооружение было ориентировано по сторонам света и сложено из мелких и средних камней в 1–2 слоя. Высота объекта из камня достигала 0,45 м, а вместе со слоем грунта – 0,65 м. Под насыпью кургана выявлена могила подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентированная по линии СЗ–ЮВ, которая имела следующие размеры по уровню древнего горизонта: 2,4×1,45×1,84 м. Глубина могилы дана от нулевого репера. В ней обнаружена внутримогильная конструкция в виде каменного ящика. Вдоль южной стенки могилы было поставлено на ребро две большие (длина 78 см и 90 см, шириной 8–18 см) и две маленькие (длина 30 и 38 см, шириной 5–10 см) каменные плиты. Вдоль северной стенки также были установлены на ребро две большие плиты (длина 96 и 62 см, ширина 5–11 см), а также три камня средних размеров в северо-западном углу. Вдоль восточной и западной стенок сооружения на ребро было поставлено по одной плите средних размеров длиной 40 и 50 см и шириной 7–9 см. Сверху ящик был перекрыт 11 тесанными плитами и камнями разных размеров длиной от 40 до 90 см, шириной до 37 см. Следует отметить, что в качестве плит перекрытия использовалось три стелы, вероятно, раннескифского времени, т. е. в данном случае было вторичное переиспользование более ранних каменных объектов. Аналогичные стелы с характерным косым сколом в верхней части ранее уже были выявлены на памятниках Чинета-II и Инской дол, хотя сами курганы раннескиф-

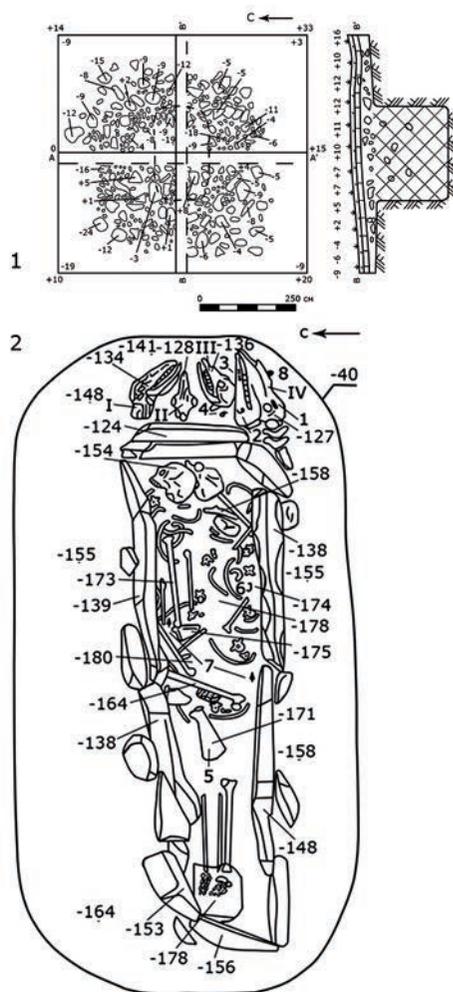

Рис. 1. Могильник Ханкаринский дол, курган № 34:
 1 – план насыпи, 2 – план погребения: I–III – черепа овец,
 IV – череп лошади. 1 – налобная бляха; 2 – костяная
 подвесная бляха в виде птицы; 3–4 – костяные
 восьмеркообразные распределители; 5 – лопатка лошади;
 6 – бронзовый колчаный крюк;
 7 – костяные наконечники стрел; 8 – наносная бляха

Обнаруженные категории снаряжения кочевника имеют аналогии в памятниках скифо-сакской эпохи Южной Сибири [Кирюшин, Степанова 2004: 64; 68, рис. 28, 4, 9, 10; 29, 19; Ведянин, Кунгуров 1996: 104, 114, рис. 16, 2; Завитухина 1966: 63, рис. 2, 24, 25; Кирюшин, Кунгуров 1996; Иванов 1987: 13; Могильников 1997: 55–57, рис. 46, 23; Кулемзин 1976: рис. 10, 2, 9; Грач 1980: рис. 32, 14–16 и др.]. Предметы снаряжения лошади из кургана № 34 могильника Ханкаринский дол также имеют разной степени аналогии в памятниках кочевников скифо-сакского периода рассматриваемого региона [Кубарев 1991: 42–44; Кубарев, Шульга 2007: 270, рис. 4, 11–18; Шульга, 2015а: 54, 93–97, 102, рис. 19, 8; Могильников, Елин 1982; Дашковский 2020а: 99; Руденко 1953: 154–156; 1960: 125; Бородовский 2006: 6; и др.]. На основе анализа погребального инвентаря, а также

ского периода в пределах Чинетинского археологического микрорайона пока не выявлены.

Погребение в кургане № 34 могильника Ханкаринский дол оказалось ограбленным. В могиле в каменном ящике обнаружены в хаотичном состоянии кости скелета. Умерший, вероятно, первоначально был уложен в вытянутом положении и был ориентирован головой на восток (рис. 1, 2). В средней части южной стенки ящика обнаружен бронзовый колчаный крючок (рис. 2, 4). В 0,35 м к западу от него в районе стыковки двух плит от стенок ящика выявлен костяной наконечник стрелы. Второй костяной наконечник стрелы обнаружен в 0,4 м к северо-востоку у противоположенной северной стенки каменного ящика (рис. 2, 6, 7).

За восточной стенкой каменного ящика на глубине 1,26–1,35 м параллельно стенке сооружения были уложены на материковую приступку череп лошади и три черепа овец. Они были ориентированы в восточном направлении. С черепом лошади обнаружены элементы ее снаряжения: налобная и наносная костяные бляхи (рис. 3, 7, 8), восемь костяных восьмеркообразных двоителей (рис. 3, 1–6), три костяных пятидырчатых распределителя (рис. 3, 10–12), чумбурный блок (рис. 3, 9), звено железных удил (рис. 2, 1), а также костяная подвеска в виде стилизованной птицы (рис. 3, 5).

результатов радиоуглеродного датирования, которые отражены в отдельной работе, курган № 34 могильника Ханкаринский дол отнесен ко второй половине V–IV в. до н.э., возможно, ко второй половине V – началу IV в. до н.э. [Дашковский 2021].

Особый интерес представляет погребальный обряд, зафиксированный при раскопках кургана № 34 могильника Ханкаринский дол. Несмотря на ограбление погребения, тем не менее, удалось установить, что умерший был ориентирован головой на восток, что как раз характерно для памятников пазырыкской культуры. При этом умерший, вероятно, первоначально был положен в вытянутом положении на спине. Такая особенность не является типичной для пазырыкской культуры. В тоже время, в районе среднего течения р. Катунь известны погребения пазырыкского периода, в которых умершие положены именно вытянуто на спину [Кирюшин, Степанова 2004: 127, 128; Тишкин, Дашковский 2003]. Зафиксированная особенность известна и в курганах пазырыкского периода Северо-Западного Алтая, в т. ч. на соседнем могильнике Чинета-II [Дашковский 2017а]. Погребальная конструкция в виде каменного ящика, хотя не является преобладающей для пазырыкской культуры, тем не менее, встречается относительно часто в курганах, особенно в Центральном Алтае [Суразаков 1989: 124–130; Тишкин, Дашковский 2003: 159–168]. Следует также обратить внимание, что данный объект располагался в северной части могильника на определенном расстоянии от курганной цепочки пазырыкской культуры.

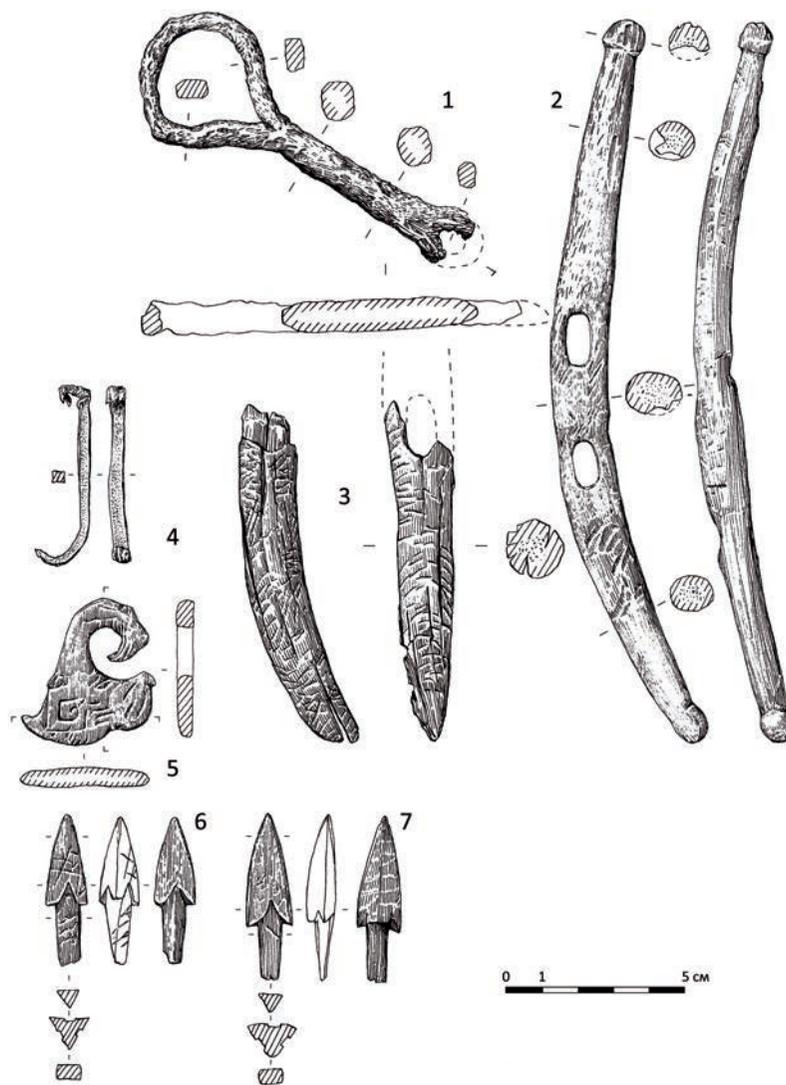

Рис. 2. Могильник Ханкаринский дол, курган № 34. Находки:
1 – железные удила; 2, 3 – роговые псалии; 4 – бронзовый крюк;
5 – костяная подвесная бляха; 6, 7 – костяные наконечники стрел

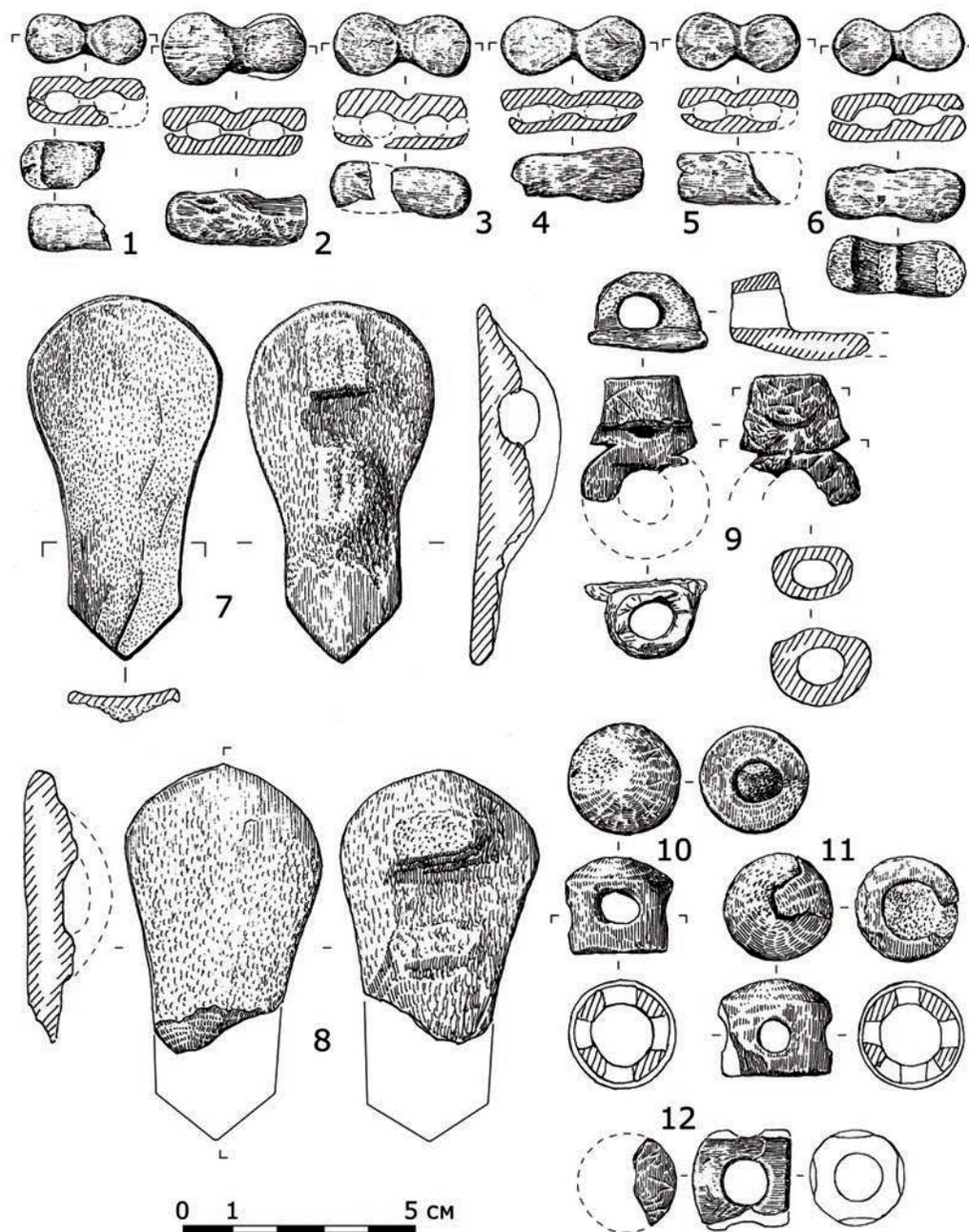

Рис. 3. Могильник Ханкаринский дол, курган № 34. Находки: 1–6 – подвесные бляхи; 7, 8 – налобная и наносная бляхи; 9–12 – распределители

Достаточно интересной особенностью погребального обряда является наличие за восточной стенкой каменного ящика черепа лошади и трех черепов баранов. Такой признак погребального обряда зафиксирован ранее при раскопках нескольких памятников в Центральном и Юго-Восточном Алтае: курган № 2 могильника Елангаш [Кубарев, Гребенщиков 1979: 70], курган № 9 могильника Кер-Кечу [Могильников 1988: 68], курганы № 20–22, 22а, 25 могильника Кызыл-Таш [Соенов, Эбель 1998]. Следует отметить, что аналогичная традиция помещения черепов животных в погребение человека зафиксирована в синхронных пазырыкской культуре памятниках Тувы [Полторацкая 1966: 83; Кушакова, Чугунов 2010], Монголии [Асеев 1975: 183–184] и Казахстана [Бейсенов 1995: 225]. Достаточно представительная серия погребений с аналогичной особенностью размещения черепов животных выявлена в памятниках скифской эпохи Казахстана, что позволило ученым выделить т. н. коргантасский тип погребений [Бейсенов 1995; 1996; Пересветов 2006; Таиров 2006; Шульга 2011: 117–120; 2015а: 14; Кубарев, Шульга 2007: 17–18]. Такой обычай был широко распространен в скифское время и в Северном Китае. В частности, он зафиксирован при исследовании погребений V–III вв. до н.э. на могильниках Маоцингоу, Таохунбал, Гансухао, Сигоупань [Полосьмак 1990: 101–107; Миняев 1991а: 108–109]. Первоначально китайские исследователи связывали эти погребения с ранним этапом развития культуры сюнну (хунну). Однако последующее изучение проблемы показало, что такие объекты следует интерпретировать как погребения лоуфаней, проживавших в Ордосе и прилегающих районах еще в эпоху Чуньцзо. В конце III в. до н.э. лоуфани попали под власть сюнну, которые в 206–202 гг. до н.э. появились в Ордосе [Миняев 1991б: 124]. Кроме того, результаты исследований последних десятилетий свидетельствуют, что в Северном Китае традиция помещения черепов животных в могилу с человеком фиксируется с раннескифского времени. В частности, на могильнике Юйзуанмяо, датированном VII–VI вв. до н.э., кости жертвенных животных, в т. ч. черепа лошадей, мелкого рогатого скота, выявлены в 254 могилах, что составляет 63,5% от общего числа погребений [Шульга 2015б: 34–35; рис. 36, А; и др.]. Традиция помещения черепов животных в погребения человека позднее получила широкое распространение у сюнну, что подтверждается материалами с Забайкалья [Коновалов 1976: 161–162].

Среди исследователей возникли разные точки зрения относительно проблемы появления в Горном Алтае погребений человека в могиле вместе с черепами животных. В частности, одним из первых данный феномен попытался объяснить В.А. Могильников [Могильников 1988: 73–74], который отметил, что традиция помещения черепов животных в отсек для ритуальной пищи было характерно для хунну Центральной Азии во II в. до н.э. – I в. н.э. При этом аналогичные находки в кургане 2 могильника Елангаш, который отнесен им к позднепазырыкскому периоду (III–II вв. до н.э.), как раз интерпретировались как влияние погребальной обрядности хунну. В качестве подтверждения хуннского влияния на кочевников Алтая в позднепазырыкский период ученый указывал на находки хуннской керамики в насыпях пазырыкских курганов и открытие керамической мастерской хунну [Савинов 1978: рис. 3; Кубарев, Журавелева 1986: 101–119]. При этом второй объект, в котором на тот период были известны черепа животных с погребением человека в кургане № 9 могильника Кер-Кечу, исследователь, вероятно, не совсем правомерно отнес к каракобинскому типу и датировал его V–IV вв. до н.э. [Могильников 1988: 71–72]. С инокультурным влиянием связывал погребение в кургане № 2 могильника Елангаш и А.С. Суразаков [Суразаков 1989: 123].

Более подробно на появление на Алтае в пазырыкское время погребений, в которых выявлены черепа животных, обратила Н.В. Полосьмак [Полосьмак 1990; 1994а]. Она, как и С.С. Миняев, указала на аналогии этого обычая в синхронных пазырыкской культуре могильниках Северного

Китай. Анализируя погребальный обряд и инвентарь из кургана № 1 могильника Сибирка, Н.В. Полосьмак пришла к выводу о близости указанного объекта, с одной стороны, с памятниками скифского времени Северного Китая, а с другой – с погребениями сюнну Забайкалья. На Алтае появление погребения с черепами животных связывалось ею с миграционными потоками из Казахстана носителей тасмолинской культуры. Кроме того, обобщив известный к тому времени материал, Н.В. Полосьмак подчеркнула, что Центральный Казахстан, Северо-Западный Алтай, Западная Монголия, Северный Китай – это «вероятный путь и место сложения одного из компонентов культуры сюнну» [Полосьмак 1990: 104–106, рис. 3, 5, 6]. Немного позднее исследовательница уточнила, что появление объектов с черепами животных среди могильников пазырыкской культуры связано с инфильтрацией населения Ордоса, которое было близко «пазырыкцам» «по образу жизни и культуре» [Полосьмак 1994а: 143]. Н.В. Полосьмак также провела параллели в материальной культуре «пазырыкцев» Алтая и населения Северного Китая, отметив сходные элементы. В частности, были проведены обоснованные параллели между бронзовыми украшениями-накосниками из могильников Маоцингоу, Сигоупань, Таохунбал и аналогичными категориями изделий, изготовленных из дерева, обнаруженных при исследовании некрополей номадов в долинах рек Уландрык и Юстыд [Полосьмак 1994а: 143; Кубарев 1987: 94, 95; 1991; и др.]. Точка зрения о проникновении на Алтай в позднепазырыкский период части населения с Северного Китая получила дальнейшее развитие после исследований на могильнике Кызыл-Таш пяти погребений, в которых выявлены в восточном секторе погребений черепов лошадей и мелкого рогатого скота [Соенов, Эбель 1998]. Исследователи пришли к выводу, что появление указанной погребальной традиции на Алтае и в Туве относится к концу IV – началу III в. до н.э. Связано это было с усилением китайского царства Цинь, которое овладело землями лоуфаней и линьху в Ордосе и соседних районах. Такая военная экспансия, по мнению В.И. Соенова и А.В. Эбеля [Соенов, Эбель 1998: 92], привела к определенным миграционным процессам, в т. ч. и приходу части населения из Северного Китая в Саяно-Алтай. Они также обратили внимание, что в раскопанных курганах на могильнике Кызыл-Таш отсутствуют изделия из железа, в то время как они широко представлены в синхронных погребениях пазырыкской культуры. Те немногочисленные предметы из металла, которые обнаружены на данном памятнике, были сделаны из бронзы. Такая архаичность изделий из металла-бронзы, по их мнению, может косвенно указывать именно на связь памятников с Северным Китаем, на территории которого в культурах скифского времени доминировали изделия из бронзы [Эбель, Соенов 1998: 92].

В 2006 г. было одновременно опубликовано две статьи А.Д. Таировым и Г.Ю. Пересветовым, в которых они обратились к памятникам скифского времени с черепами животных. В анализе культурно-исторических процессов, протекавших в Южной Сибири и Центральной Азии, ученые опирались преимущественно на датировки памятников, в которых зафиксирован рассматриваемый обычай, предложенные другими учеными. В отношении памятников «коргантасского» типа для территории Горного Алтая А.Д. Таировым был сделан вывод о двух волнах миграции с территории Северного и Северо-Западного Китая. Первая волна движения на запад группы родственных племен из Северного и Северо-Западного Китая происходила во второй половине V–IV в. до н.э., что нашло отражение в погребениях могильников Сибирка-I и Кер-Кечу. Вторая миграционная волна из Китая происходила в III в. до н.э., что привело к появлению погребений с указанной традицией на могильниках Елангаш и Ак-Алаха-I на Алтае, а также коргантасского типа памятников в Центральном Казахстане [Таиров 2006: 193, 194]. По мнению другого исследователя, Г.Ю. Пересветова, появление на Алтае и в Казахстане погребений коргантасского типа также связано с миграцией определенных групп населения. Однако в отличие от А.Д. Таирова, Г.Ю. Пересветов полагал, что такая миграция происходила в IV в. до н.э. не с территории Северного Китая, а с Монголии

и Забайкалья. Кроме того, исследователь подчеркнул, что между появлением указанного типа погребений на Алтае и в Казахстане произошел небольшой исторический перерыв в пределах IV в. до н.э. [Пересветов 2006: 205, 206].

Достаточно подробно проблема погребений человека с черепами животных – т. н. «коргантасский» тип памятников рассматривалась П.И. Шульгой и В.Д. Кубаревым, которые скорректировали разработки предшествующих ученых и удревнили период появления указанной традиции в регионе [Шульга, Кубарев 2007: 17, 18; Шульга 2015б: 14]. Ученые указали на то, что все известные на тот момент в Горном Алтае погребения т. н. «коргантасского типа» (Сибирка-I, Кер-Кечу, Кызыл-Таш) датируются не позже башадарского периода – около второй половины V в. до н.э. Во-вторых, отмечается, что в Горном Алтае этот обычай мог появиться уже в конце раннескифского времени. Такой вывод П.И. Шульга сделал на основании находок костей мелкого рогатого скота и лошадей над черепами людей в шести погребениях могильника Чесноково-I [Шульга 1998: 379–385; Кубарев, Шульга 2007: 18]. В результате проведенного анализа сделано заключение, что «коргантасский» тип памятников появляется на Алтае и в Туве с VI в. до н.э. При этом отмечалось, что удревнение памятников указанного типа для территории Саяно-Алтая вносило определенную корректировку в датирование аналогичных объектов для территории Казахстана, поскольку там были обнаружены достаточно ранние предметы снаряжения лошади, датирующиеся как минимум V в. до н.э. В целом наличие ранних датировок для рассматриваемых погребений из могильников Сибирка-I, Чесноково-I (Алтай), Демир-Суга-I и Туран-I (Тувы) позволило ученым сделать вывод, что за появлением памятников «коргантасского типа в Саяно-Алтае и Казахстане «стоят довольно сложные процессы и более ранние миграции» [Кубарев, Шульга 2007: 18]. Позднее П.И. Шульга скорректировал свою точку зрения относительно датировки и истоков появления такого типа погребений. В частности он отметил, что погребения с таким обрядом характерны для восточной историко-культурной общности монголоидов, представители которой небольшими группами из Китая–Забайкалья продвигались в западном направлении. При этом самые ранние погребения (вторая половина VI в. до н.э.) коргантасского типа отмечены для территории Тувы. В V–IV вв. до н.э. аналогичные погребения появляются в Горном Алтае и в Казахстане (IV–III вв. до н.э.) [Шульга 2015б: 14].

Результаты исследования кургана № 34 могильника Ханкаринский дол, в котором было обнаружено погребение человека в каменном ящике с черепами лошади и трех овец, дополнительно свидетельствуют о возможном проникновении определенной группы населения с Северного Китая–Забайкалья на территорию Алтая в пазырыкское время. Важно также обратить внимание на то, что взаимодействие кочевников Горного Алтая и населения Китая в пазырыкский период было относительно устойчивым. Об этом, в частности, свидетельствуют находки предметов китайского импорта, которые были сделаны первоначально в «царских» курганах кочевников в Центральном Алтае. В последние годы предметы китайского импорта – деревянные лаковые изделия обнаружены и при исследовании памятников пазырыкской культуры в Северо-Западном Алтае. Такие находки были сделаны в курганах № 21 и 31 некрополя Чинета-II [Дашковский, Новикова 2017], а в 2018 г. еще в кургане № 30 могильника Ханкаринский дол [Дашковский 2020б]. Указанные находки происходят из курганов, которые датируются в пределах второй половины IV–III в. до н.э. Примечательно, что есть информация о находке лакового изделия в погребении коргантасского типа, в частности в кургане № 1 могильника Сибирка [Полосьмак 1990: 101–107, рис. 3, 11], что дополнительно указывает на культурно-историческое взаимодействие с Китаем в скифское время.

Таким образом, анализ погребального обряда кургана № 34 могильника Ханкаринский дол показал, что данный объект можно отнести к т. н. коргантасскому типу памятников. Погребения

человека, в которых обнаружены черепа животных в восточной части могил, появляются в Горном Алтае в V–IV вв. до н.э. в результате проникновения определенной группы населения из восточного ареала кочевого мира, вероятно, из Северного Китая–Забайкалья. Учитывая особенности погребального обряда, инвентаря, курган № 34 могильника Ханкаринский дол, вероятно, можно предварительно датировать второй половиной V–IV в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Асеев И.В.* О раннемонгольских погребениях // История и культура Востока Азии. Новосибирск: Наука, 1975. Вып. 3. С. 178-186.
- Бейсенов А.З.* Новый тип раннекочевнических погребений с черепами животных в Центральном Казахстане (к проблеме изучения памятников позднеасмолинского времени в Восточной Сарыарке) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы Всероссийской конференции (Барнаул, 1995 г.). / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Вып. V. Ч. 2. С. 221-226.
- Бейсенов А.З.* Коргантасские погребения конца I тыс. до н.э. Центрального Казахстана и проблема изучения головных внутримогильных жертвенников // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Тез. докл. междунар. конф. (Улан-Удэ, 1996 г.) / Отв. ред. С.В. Данилов. Ч. I. Улан-Удэ, 1996. С. 89-94.
- Бородовский А.П.* Резные роговые изделия скифского времени нижней Катунь // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23-28 октября 2006 г., Новосибирск) / Отв. редакторы: А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. Т. 2. С. 5-7.
- Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л.* Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы-II // Погребальный обряд древних племен Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 88-114.
- Грач А.Д.* Древние кочевники в Центре Азии. М.: Наука, 1980. 56 с.
- Дашковский П.К.* Исследования Краснощековской археологической экспедиция на Алтае в 2001-2016 гг.: обзор экспедиционных работ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. М-лы Всероссийской конф. (Барнаул, 2017 г.). / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул, 2017а. Вып. XXVIII. С. 83-87.
- Дашковский П.К.* Результаты изучения погребального обряда кочевников Северо-Западного Алтая скифской эпохи (по материалам могильника Чинета-II) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе: сборник научных статей в 3 т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017б. С. 112-116.
- Дашковский П.К.* Курган эпохи палеометалла из могильника Ханкаринский дол (Горный Алтай) // Народы и религии Евразии. 2019. № 3. С. 11-33.
- Дашковский П.К.* Исследование кургана раннего этапа пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол в Северо-Западном Алтае: хронология и атрибуция артефактов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020а. № 1. С. 91-100.
- Дашковский П.К.* Китайский импорт из погребений кочевников Алтая скифо-сакского периода как индикатор межкультурного взаимодействия // Узбекистан и Центральная Азия в системе мировой цивилизации. М-лы Междунар. науч. онлайн-конф., посвящ. 50-летию Самаркандского института археологии Национального центра археологии Академии наук Республики Узбекистан и 85-летию академика А. Аскарва. Самарканд, 2020б. С. 50-52.
- Дашковский П.К.* Погребальный комплекс с черепами животных из могильника скифской эпохи Ханкаринский дол в Северо-Западном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 3. С. 32-40.
- Дашковский П.К., Новикова О.Г.* Китайские лаки из могильника скифской эпохи Чинета II (Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 4. С. 102-112.

- Дашковский П.К., Кунгуров А.Л.* Верхнечинетинский пещерный комплекс на р. Иня (средний Чарыш) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. М-лы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2003 г. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2003. Т. IX. № 1. С. 59-62.
- Дашковский П.К., Шершнева Е.А.* Результаты изучения кургана № 30 скифского времени на памятнике Чинета-II (Алтай) // Народы и религии Евразии. 2020. № 1. С. 42-55.
- Завитухина М.П.* Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930) // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 61-76.
- Иванов Г.Е.* Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 6-27.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л.* Могильник раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 115-134.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч.III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.
- Коновалов П.Д.* Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 220 с.
- Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.
- Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В.* Курганы Чуйской степи // Сибирь в древности / Отв. ред. И.В. Асеев. Новосибирск: Наука, 1979. С. 61-75.
- Кубарев В.Д., Журавлева А.Д.* Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1986. С. 101-119.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И.* Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.
- Кулемзин А.М.* Тагарские костяные наконечники стрел // Известия лаборатории археологических исследований / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1976. Вып. 7. С. 30-41.
- Кушакова Н.А., Чугунов К.В.* Погребальный комплекс с черепами животных в Центральной Туве // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 148-156.
- Миняев С.С.* О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991а. С. 108-120.
- Миняев С.С.* О хронологии и периодизации памятников Ордоса // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991б. С. 122-124.
- Могильников В.А.* Курганы Кер-кечу // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАИИЯЛ, 1988. С. 60-107.
- Могильников В.А.* Население Верхнего Приобья в середине-второй половине I тыс. до н.э. М.: Наука, 1997. 196 с.
- Могильников В.А., Елин В.Н.* Курганы Талдура-I // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 103-109.
- Пересветов Г.Ю.* К вопросу о появлении в Северо-Восточном Казахстане памятников «коргантасского типа» // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья / Отв. ред. В.К. Мерц. Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. С. 200-207.
- Полосьмак Н.В.* Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1990. С. 101-107.
- Полосьмак Н.В.* Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994а. С. 137-144.
- Полторацкая В.Н.* Памятники эпохи ранних кочевников в Туве: по раскопкам С.А. Теплоухова // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 78-102.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л.: Наука, 1953. 402 с.

- Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л.: Наука, 1960. 359 с.
- Савинов Д.Г.* О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 48-55.
- Соенов В.И., Эбель А.В.* Раскопки курганов скифского времени на могильнике Кызыл-Таш // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. Вып. 3. С. 88-97.
- Суразаков А.С.* Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1989. 165 с. 49 ил.
- Таиров А.Д.* Памятники «коргантасского типа»: взгляд со стороны // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья / Отв. ред. В.К. Мерц. Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. С. 182-199.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К.* Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.
- Шульга П.И.* Группа раннескифских захоронений на реке Чарыш // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. М-лы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1998 г. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИНАиЭ СО РАН, 1998. Т. IV. С. 379-385.
- Шульга П.И.* О захоронениях коргантасского типа // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной полосы Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Караганды, 2011. С. 117-120.
- Шульга П.И.* Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015а. Ч. II (VI–III вв. до н.э.). 322 с.
- Шульга П.И.* Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015б. 304 с.

С. В. Панкова

Светлана Владимировна Панкова,
Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург, Россия; svpankova@gmail.com

Некоторые параллели находкам из таштыкских погребений Южной Сибири (II–IV вв. н.э.) в памятниках бассейна р. Тарим и Джунгарии*

Аннотация: В статье представлен обзор общих черт в материальном комплексе культуры таштыкских грунтовых могильников Минусинской котловины II–IV вв. н.э. и погребений I тыс. до н.э. – первой трети I тыс. н.э. с территории современного Синьцзян-Уйгурского АО КНР. Параллели отмечены в первую очередь среди находок из органических материалов, что усложняет интерпретацию этого явления, так как на сопредельных территориях сходные особенности культурного комплекса могли просто не сохраниться. Ставится вопрос о причинах сходства ряда категорий материалов с названных территорий, отмечаются разные варианты его решения: бóльшая, чем предполагалось ранее, общность культур населения Центральной Азии и Южной Сибири в начале I тыс. н.э.; общность культур тех же регионов в предшествующее скифское время с продолжением и проявлением этих традиций в материалах таштыкских могильников с сохранившейся органикой; миграция группы населения из Восточного Туркестана и/или Джунгарии в Минусинскую котловину в первой трети I тыс. н.э.

Ключевые слова: Минусинская котловина, таштыкская культура, Восточный Туркестан, миграция, органические материалы

Светлана Владимировна Панкова
Мемлекеттік Эрмитаж, Санкт-Петербург, Ресей

Оңтүстік Сібірдің таштық жерлеу орындарынан табылған жәдігерлердің (б.д. II – IV ғғ.) Жоңғария мен Тарим өзені аңғарындағы ескерткіштермен кейбір ұқсастықтары

Аннотация. Мақалада Минусинск қазаншұңқыры таштық топырақты қорымдарының б.д. II–IV ғғ. және қазіргі ҚХР Шыңжаң-Ұйғыр автономиялық округі аумағынан табылған б.д.д. I мыңж. – б.д. I мыңж. алғашқы ширегіне жататын жерлеу орындары материалдық кешеніндегі жалпы белгілерге шолу берілген. Ұқсастықтар алдымен, органикалық материалдар арасынан байқалуы бұл құбылысты түсіндіруді қиындатады, өйткені іргелес аумақтарда осы тектес ұқсастықтардың сақталмауы да мүмкін еді. Аталған территориядағы материалдардың бірқатар санаттарында ұқсастықтар болуының себептері туралы мәселе қойылды, бұл мәселені шешудің әртүрлі жолдары анықталды: б.д. I мыңж. басындағы Орталық Азия мен Оңтүстік Сібір тұрғындары мәдениеттерінің ортақтығының бұрын болжағаннан да үлкен болуы; бұрынғы скиф дәуіріндегі сол аймақтардың мәдениеттер қауымдастығы органикалық заттар сақталған Таштық қорымдарының материалдарында осы дәстүрлердің көрініс табуы мен жалғасуы; б.д. I мыңж. бірінші ширегінде Шығыс Түркістан және/немесе Жоңғариядан тұрғындар тобының Минусинск қазаншұңқырына көшуі.

Түйін сөздер: Минусинск шұңқыры, таштық мәдениеті, Шығыс Түркістан, көші-қон, органикалық материалдар

© 2022 Панкова С.В.

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФ №22-18-00478 «Феномен Оглахтинского могильника».

Svetlana Pankova

The State Hermitage museum, Saint-Petersburg, Russia

**Some parallels to the early Tastyk culture finds of Southern Siberia (2–4 centuries CE)
in the ancient sites of the Tarim Basin**

Abstract: The article presents an overview of the common features in the material complex of the Tashtyk cemeteries of the Minusinsk basin (2nd-4th centuries CE) and burials of the I millennium BCE – first third of the I millennium CE from the territory of the modern Xinjiang Uygur Autonomous District of China. Parallels are noted primarily among the finds made of organic materials, which complicates the interpretation of this phenomenon, since the finds or features mentioned as similar for two regions can simply not be preserved on other territories. The question is raised about the reasons for the similarity of a number of categories of materials from these territories. Different options for its solution are noted: the commonality of cultures of the same regions in the previous Scythian time with the continuation and manifestation of these traditions in the materials of Tashtyk cemeteries with preserved organic matter; migration of a population group from East Turkestan and/or Dzungaria to the Minusinskaya basin in the first millennium CE.

Keywords: The Minusinsk Basin, Tashtyk culture, Xinjiang, migration, organic remains

Грунтовые могильники раннего этапа таштыкской культуры в Минусинской котловине представляют новую традицию, пришедшую на смену традициям тагарской культуры скифского времени и, видимо, тесинской культуры «провинциально-хуннского» облика, хотя допускается возможность сосуществования раннеташтыкских и некоторых тесинских памятников [Вадецкая 2009; Савинов 2009; Кузьмин 2011]. Принципиальной отличительной особенностью таштыкских грунтовых могильников является новый для региона обряд кремации, распространенный здесь наряду с обрядом ингумации/мумификации, причем останки людей, погребенных по разным обрядам, помещены на равных в одни и те же погребальные камеры, условно считающиеся семейными захоронениями.

Согласно давней гипотезе, таштыкская культура сформировалась на основе местных, тагарских традиций при участии нового пришлого населения [Киселев 1949; Кызласов 1960]. Однако конкретные примеры, иллюстрирующие наследие каждой из предполагаемых традиций, до сих пор практически не названы [Широбоков, Панкова 2022: 277–278]. Проследить происхождение «пришлого» компонента оказывается чрезвычайно трудно, т. к. в большинстве случаев сохранившиеся материалы таштыкских погребений, в основном включавшие предметы из органики, крайне скудны, а помещенные в них глиняные сосуды, отличные от керамики предшествующего времени, не находят убедительных аналогий в памятниках иных территорий. Особую роль для выявления возможных прототипов культурных новаций раннеташтыкского времени играют грунтовые могильники с хорошей сохранностью органических материалов (Оглахты, Черноозёрное II), дающие представление об одежде, деревянной и кожаной утвари, предметах вооружения (модели), особенностях погребальных ритуалов и предметах искусства.

Кроме того, с открытием и публикацией значительного числа материалов археологических памятников из бассейна р. Тарим (Синьцзян-Уйгурский АО КНР), где находки из органики хорошо сохраняются в условиях пустынного климата, большой пласт нового материала стал доступен для сравнения. Отдельные примеры сходства некоторых материалов из этого региона с таштыкскими были замечены в ходе изучения фрагментов полихромного шелка из Оглахтинского могильника и находок аналогичных тканей в таримских могильниках [Панкова, Миколайчук 2019]. Большинство таких примеров выглядят единичными аналогиями, однако собранные вместе, они составляют более показательную, заслуживающую внимания картину. Возможно, со временем они укажут на районы распространения традиций, определивших облик новой культуры на Среднем Енисее.

Параллели обнаруживаются в целом ряде категорий культуры: предметах одежды, деталях обряда, художественных образах, деревянной и единично глиняной посуде. Большая часть находок, представляющих эти параллели, сделана из органических материалов, что осложняет объяснение сходства конкретных элементов культуры на разных территориях, т. к. в памятниках других территорий Саяно-Алтая и Центральной Азии предметы из органики не сохраняются. Дополнительную сложность представляет отсутствие сохранившихся находок из дерева, кожи, текстиля в тагарских и тесинских памятниках предшествующего времени, из-за чего трудно оценить традиционный или инновационный характер находок из таштыкских могильников. И, конечно, невозможность напрямую работать с материалами из бассейна Тарима снижает эффективность анализа происходящего отсюда материала.

Тем не менее, имеющиеся данные позволяют предполагать, что какие-то из фиксируемых параллелей могли отражать общекультурное сходство традиций населения Центральной Азии – Южной Сибири и/или эпохальный характер отдельных категорий предметов. Такие параллели встречаются, как правило, в памятниках бассейна Тарима значительно более раннего времени, чем таштыкские могильники, известны на более широкой территории (включая Горный Алтай и Туву) и связаны с бытовой, практической стороной жизни (одежда, предметы вооружения, деревянная посуда). Другие, более специфичные параллели могут скорее свидетельствовать о вероятной миграции группы людей из Восточного Туркестана на Средний Енисей. Эти аналогии представлены элементами обряда и художественными образами и известны пока только в этих двух рассматриваемых регионах.

Детали погребального обряда

Обряд кремации, распространенный в таштыкских могильниках Минусинской котловины в начале новой эры, мог появиться здесь как погребальная традиция новой группы населения. Казалось бы, столь специфичная черта культуры должна бы стать главным основанием для выяснения истоков новой группы, однако найти памятники с кремацией, которые можно считать исходными для таштыкской традиции, пока не удается [Панкова, Широбоков 2021: 84]. Допущение о возможной связи кремаций в таштыкских могилах с буддизмом, распространившимся в Восточном Туркестане в первые века новой эры [Pankova et al. 2020: 74], пока не находит подтверждения за отсутствием данных о погребениях по обряду кремации в южных оазисах таримского бассейна.

Судя по материалам Оглахтинского могильника, важной особенностью таштыкского погребального ритуала было использование лицевых покрывал и наглазников. К меховым шапкам из оглахтинской могилы 4 спереди пришиты шкурки соболя, закрывающие лица умерших. На глазах мужской мумии под маской обнаружены прямоугольные кусочки шелка, подобные отмечавшимся ранее для этого и других таштыкских могильников [Широбоков, Панкова 2022: рис. 4, 1–2].

У двух сохранившихся голов оглахтинских погребальных кукол лица оформлены ярко красными тканями с черными полосами [Панкова, Широбоков 2021: рис. 2, 1; Вадецкая 2009: рис. 59; Pankova 2019: fig. 17]. Они могли служить текстильным аналогом мужских гипсовых масок или заключали в себе иной самостоятельный смысл.

Лицевые покрывала являлись значимым элементом погребального ритуала в могильниках Синьцзяна. Судя по погребениям Джамбулак-кума, эта традиция существовала в бассейне Тарима уже в VII–IV вв. до н.э. Стоит особо отметить серию лицевых покрытий ярко-красного цвета на лицах джамбулакских мумий, удивительно сходных с оформлением лиц оглахтинских кукол [Debaine-Francfort et Abduressul 2001: fig. 14; Debaine-Francfort а; б]. Для периода Хан–Wei традиция использования лицевых покрывал в бассейне Тарима известна еще шире: в могильниках Сампула,

Ния, Янхай III, Лоулань, Астана лица погребенных были закрыты или головы обмотаны шелковыми, часто полихромными лицевыми покрывалами [Sampula 2001: 311, 426, 438; Wang 1999: 129, 131, 137, 119, 177]. В могильнике Йиньпань 2–5 вв. на глазах погребенных зафиксированы положенные на глаза кусочки шелка [Wang 1999: 162]. Традиция закрывать глаза или лица умерших может показаться универсальной и потому не показательной. Однако ничего подобного не зафиксировано, скажем, в материалах пазырыкской культуры Горного Алтая при всей их хорошей сохранности, так что эта параллель между минусинскими и восточно-туркестанскими памятниками заслуживает внимания.

Особняком стоит маска из конопляной ткани и гипса на лице одного из погребенных в могильнике Йиньпань [Wang 1999: 152; Wang et al. 2002: fig. 2], однако уникальность в памятниках таримского бассейна не позволяет оценить ее вероятную связь с таштыкскими масками из гипса, появление которых на Енисее само еще нуждается в изучении.

В 1903 г. в могиле 1 Оглахтинского могильника А.В. Адрианов обнаружил детали погребального ложа из дерева, приподнятого над землей более чем на полметра [Адрианов 1903: 2; Pankova et al. 2021: fig. 4]. В I тыс. до н.э. ложа на четырех ножках служили для упокоения тел умерших в могильниках Янхай I–III и Цзяохэ Гоубей в Турфанском оазисе (Report...2019, I: Шульга 2010: рис. 62). Для начала новой эры находки деревянных лож и гробов с угловыми ножками-стойками известны в могильниках Сампула [Sampula 2001: fig. 11], Ния и др., а также захоронениях с территории современной Киргизии [Литвинский 1995: 329–338]. По-видимому, эта традиция существовала у разных групп населения по обе стороны Тянь-Шаня. Следует отметить, однако, и редкие случаи деревянных погребальных лож, описанных Э.Б. Вадецкой в тагарских захоронениях, хотя плохая сохранность не позволяла детально проследить их конструкцию [1975].

Предметы одежды

В оглахтинских погребениях большинство сохранившихся предметов одежды изготовлены из меха, и только юбка из могилы 4 шита из полотнищ шерстяных тканей, соединенных в горизонтальные ярусы разных цветов. Шерстяные юбки, изготовленные подобным образом, встречаются в могильниках бассейна р. Тарим середины – второй половины I тыс. до н.э. (Субейси, Загунлук, Янхай II) [Wang 1999: 98; Li Jinyun et al. 2016: 146–147]. Юбки близкого покроя из пазырыкских захоронений (второй Пазырыкский курган, Ак-Алаха 3, к. 1) относятся к той же традиции [Полосьмак 2001: рис. 85]. По-видимому, фрагмент подобной юбки из двух ярусов был найден в Туве, в кургане 2 могильника Саускен 7 (V–IV вв. до н.э.) [Бусова 2017: 320]. На отдельных территориях такой покрой оставался в ходу вплоть до первой трети I тыс. н.э., о чем свидетельствуют ярусные юбки из могильника Сампула в Хотанском оазисе [Sampula 2001]. Юбка из м. 4 Оглахтинского могильника, единственная известная в памятниках Минусинской котловины, отличается рядом уникальных деталей, однако характерный ярусный покрой объединяет ее с таримскими и пазырыкскими экземплярами [Pankova 2019: fig. 15]. Названные примеры позволяют предполагать широкое распространение традиции ярусных юбок в Центральной Азии и на Саяно-Алтае и ее длительное существование – по крайней мере в отдельных областях, включая Минусинскую котловину. К сожалению, поясная одежда женщин предшествующего, тагарского и тесинского времени не сохранилась, детальные изображения женщин здесь также неизвестны. Поэтому вопрос о том, появилась ли традиция ярусных юбок здесь в начале новой эры в числе других новшеств «таштыкского облика» или была наследием местных традиций скифского времени, остается открытым.

Меховые рукавицы мумии мужчины в оглахтинской могиле 4 имели завязки из кожи и шелка, а также поперечные полосы ярко-красной окрашенной кожи, вшитые в область запястья [Pankova

2019: fig. 10]. Рукавицы мумий из могильника Джамбулак-Кум отличаются ярко-красными шнурами – завязками на запястьях [Debain-Francfort et al. 2007: fig. 5; 2018–2019; fig. 2]. Трудно сказать, являлось ли подобное сходство проявлением широко распространенной культурной практики или отражало преемственность традиции, существовавшей у групп, погребенных в Джамбулак-Куме и Оглахтинском могильнике: на других территориях Саяно-Алтая рукавицы как часть погребального костюма пока не известны, как и в доташтыкских памятниках Минусинской котловины.

Деревянная посуда

В оглахтинских погребениях, помимо блюд разных форм и бочонков, обнаружены такие характерные формы деревянных сосудов, как низкие чашевидные сосуды овальной формы с носиком и ручкой [Вадецкая 1999: рис. 22: 4] и цилиндрические ведерки со вставным донцем и парой отверстий под венчиком (раскопки 1903 и 2021 г., не опубликованы). В погребениях бассейна Тарима с начала I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э. встречается деревянная посуда близких форм. В захоронениях могильников Янхай I–III, относящихся еще к I тыс. до н.э., встречаются низкие плоские со сливом и/или короткой боковой ручкой [Report 2019, III: 95M:5; II M43:8]. Низкая овальная чаша с носиком обнаружена в могильнике Сампула [Sampula 2001: fig. 157]. Ведерки или «подойники» с цилиндрическим туловом и приподнятым вставным дном найдены во многих женских погребениях могильников Янхай I и II, Вупу, Загунлук. Их особая роль подчеркнута многочисленными резными узорами, включая многофигурные изображения животных [Шульга 2010: рис. 72, 1–5].

Оба вида описанных сосудов могли использоваться сходным образом в скотоводческих хозяйствах разных регионов Центральной Азии и Южной Сибири. Деревянная посуда, однако, не сохранилась в памятниках Минусинской котловины доташтыкского времени, и вопрос об использовании таких «плошек» и «подойников» здесь остается открытым. Для погребений пазырыкской культуры подобные формы не были характерны; однако, это могло отражать не только специфику хозяйственного комплекса, но и особенность погребального набора.

Предметы вооружения и их модели

Для таштыкского погребального обряда было характерно помещение в погребения моделей оружия и предметов конского снаряжения. В таштыкских грунтовых могильниках встречаются деревянные модели кинжалов в ножнах с парными выступами, окрашенные в красный цвет [Tallgren 1937: fig. 20; Тетерин, Готлиб 2006], а также модель горита с моделями лука, стрел и плети (Панкова 2021).

Конструкция моделей горита и плети из последнего набора аналогична находкам из могильника Субейси середины I тыс. до н.э., а также детальным изображениям на войлочном ковре из 5-го Пазырыкского кургана и золотой бляхе «Отдых под деревом» IV–III вв. до н.э. Бронзовые бляшки, схематично передающие луки в горитах подобной формы, известны среди случайных находок с территории Хакасии и в комплексах из Тувы. Можно предполагать широкое распространение такого вида вооружения в середине – второй половине I тыс. до н.э. [Панкова 2021]. Оглахтинская модель II–III вв. н.э. выглядит архаичной на фоне этих более ранних находок. Она, однако, оторочена полосой полихромного китайского шелка, что было характерно для украшения горитов и предметов одежды уже в первые века новой эры. Таким образом, конструкция и декор оглахтинской модели относятся как будто к разным эпохам и представляют хронологически разные традиции. Конструкция могла отражать принадлежность оглахтинской модели горита к традиции еще скифского времени, широко распространенной на территориях Саяно-Алтая и Центральной Азии. Декор – оторочка полихромным шелком – отражала уже новую моду и возможности минусинского населения, хотя

насколько широким было их распространение за пределами Таримского бассейна и Минусинской котловины неизвестно за отсутствием сохранившихся образцов с сопредельных территорий.

Уже отмечалось сходство таштыкских деревянных моделей ножен с парными выступами с пазырыкскими образцами [Кубарев 1981]. Позднее ножны этой формы будут распространены на широкой территории от Синьцзяна (Ния), Северного Афганистана (Тилля-Тепе) и Западной Сибири (Исаковка) до Передней и Малой Азии и Северного Причерноморья [Обзор литературы см. Трейстер 2010: 515–521]. Хронологически и территориально таштыкским моделям наиболее близки настоящие портупейные наборы с кожаными ножнами из погребений могильника Ния II–III вв. на юге Синьцзяна [Zhao and Zhiyong 2000: 16]. Подобные ножны могли быть прототипами для оглахтинских деревянных моделей. С одной стороны, ножны такого типа могли появиться на Енисее с той же группой, что принесла другие традиции таримского круга в Минусинскую котловину начала новой эры. В то же время, они могли быть отражением общего эпохального использования подобной формы вооружения населением широкого круга культур Евразии первой половины I тыс. н.э.

Изобразительные мотивы

Художественные образы, связанные с находками в таштыкских грунтовых могильниках, пока немногочисленны, однако они демонстрируют резкое своеобразие на фоне ранее известных в регионе изобразительных мотивов скифского и хуннского времени. Среди новых образов – тисненое изображение зверя на берестяном предмете из могильника Черноозерное II, татуировки на теле мужской мумии из оглахтинской могилы 4, роспись гипсовых масок.

На берестяном ‘кошеле’ из могильника Черноозёрное II, к. 5, м. 9, содержавшем сосуд, челювеческий зуб и пару обгоревших косточек [Готлиб 2007], вырезано изображение зверя с закинутым за спину хвостом и характерно выгнутыми лапами [Готлиб 2006; Pankova 2019: fig. 26]. Этой специфичной фигуре удивительно близки резные украшения деревянной мебели и балок, найденных на поселении Ния [Stein 1921, vol. IV, pl. XVIII; Xiaoshan and Wang 2008: 51, fig. 9]. Для зверя из Черноозерного уже была отмечена аналогия в узоре шелковой ткани из могильника LC у Лоуланя [Готлиб 2006: 79–80]. Многочисленные подобные изображения животных вырезаны на восточноханьских погребальных рельефах в ряде провинций Китая [Finsterbusch 1971: abb. 99–100, 392–398]. Многие из этих персонажей – на рельефах, мебели и тканях – имеют крылья, часто показанные в виде длинных узких шипов. Эта деталь сближает их с изображениями на скальных выходах горы Куня в Минусинской котловине [Миклашевич 2004: рис. 1].

Таковыми же чуждыми местной минусинской традиции выглядят и фигуры татуировок на плечах и лопатках мужской мумии из оглахтинской могилы 4 [Pankova 2013]. Ближайшие им аналогии – изображения на шерстяной ткани из могильника Сампула [Schorta 2001: fig. 92]. Тканые фигуры представляют собой орнаментально стилизованные фантастические личины, прототипы которых угадываются в ханьских изображениях, напоминающих древние маскоиды таотье [Finsterbusch 1971: taf. 28, abb. 107–108; taf. 35, abb. 138–139]. Подобные личины уже появлялись в Минусинской котловине на бронзовых ручках из Абаканского/Ташебинского дворца [Кызласов 2001: рис.52]. Детальное сходство татуировок и тканых фигур из Сампулы позволяет относить запечатленные в последних образы к числу возможных прототипов таштыкских татуировок. Помимо изобразительного сходства этих фигур, отметим сам факт существовавшего у населения Синьцзяна обычая татуировать руки и тела, татуировать и расписывать лица [Wang 1999: 58, 89; Mallory and Mair 2000: 142, 189, 193, pl. VII–VIII; Sampula 2001: fig. 449; Djoumboulak]. Удивительное сходство с элементами росписи таштыкских женских масок обнаруживает фигура запятой, нанесенная на лицо женщины из могильника Загунлук [Wang 1999: 80–81; Вадецкая 2009: 27, 28, 34; Pankova 2019: fig. 30].

Керамика

Керамика лучше всего реагирует на появление другого быта [Теплоухов 1929: 51], поэтому появление нового населения могло бы отразиться в новых технологиях, формах и узорах глиняной посуды. Однако особенности сосудов нового облика, помещавшихся в грунтовые могилы оглаhtинского типа, не находят пока внешних аналогий, убедительно указывающих на их возможное происхождение. Лишь одна характерная форма может оказаться показательной – специфические удлиненные сосуды с прямым горлом и сливом, украшенные криволинейным орнаментом из ‘веревочных’ валиков [Pankova 2019: fig. 24]. Округлые бока этих минусинских сосудов и ‘веревочный’ узор напоминают кожаные фляги кочевников. Наиболее близки им, однако, глиняные сосуды из погребений Джунгарии ханьского времени (Или-Казахский автономный округ СУАР) [Xiaoshan and Wang 2008: 246, fig. 4; 256, fig. 5], сами являющиеся глиняными имитациями кожаных или деревянных форм.

Выводы

Представленные параллели позволяют предполагать существование сходных или общих традиций у населения бассейна Тарима и Южной Сибири. Часть из них существовали на этих территориях еще в скифское время и могут свидетельствовать об определенной культурной общности населения этих регионов. Другие появились в Минусинской котловине в таштыкских памятниках начала новой эры и могут скорее свидетельствовать о миграции сюда новой группы людей.

Реальность контактов населения Минусинской котловины первых веков новой эры с носителями таримских традиций уже предполагалась, исходя из находок в Оглаhtинском могильнике фрагментов полихромного шелка, прямые аналоги которым происходят из памятников бассейна Тарима II–III вв. н.э. [Панкова, Миколайчук 2019]. Оценить «хождение» изделий или фрагментов полихромного шелка по другим территориям Саяно-Алтая пока невозможно, т. к. подобные находки здесь не найдены/не сохранились/не опубликованы. Исходя из приведенных параллелей, можно предполагать, что шелковые фрагменты могли быть не только получены населением Среднего Енисея путем обмена или покупки, но и напрямую принесены сюда переселенцами, с которыми связано появление в Южной Сибири традиций населения Восточного Туркестана.

Серию отмеченных параллелей можно разделить на две условные группы. Первые могут отражать эпохальное (предметы вооружения) или общекультурное (детали одежды, определенные формы деревянной посуды) сходство традиций изготовления некоторых категорий изделий. Вторые обладают спецификой конкретных деталей и при этом меньше связаны с практическим использованием – художественные образы и элементы погребальных ритуалов (лицевые покрывала).

Выявление аналогий предметам из органических материалов и связанным с ними особенностям погребального обряда всегда носит избирательный характер: регионы и памятники с обычной сохранностью органики выпадают из рассмотрения, и выборка неизбежно оказывается субъективной. Тем не менее, намеченные параллели между минусинскими и таримскими материалами следует учитывать в дальнейших исследованиях, а каждая отмеченная параллель заслуживает более подробного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Адрианов А.В. Оглаhtинский могильник // XXX иллюстрированное приложение к газете «Сибирская Жизнь». Къ № 254. Воскресенье, 23-го ноября 1903 года.
- Бусова В.С. Текстиль из курганов скифского времени в долине реки Ээрбек (Центральная Тува) // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 318–328.
- Вадецкая Э.Б. Тагарские погребальные ложа // Археология Северной и Центральной Азии / Отв. ред.: А.П. Окладников, А.П. Деревянко. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1975. С. 167–175.

- Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999 (Archaeologica Petropolitana, VII). 440 с.
- Вадецкая Э.Б.* Древние маски Енисея. Красноярск: Версо, 2009. 248 с.
- Готлиб А.И.* Новые сюжеты таштыкского искусства (предварительная публикация) // Современные проблемы археологии России: м-лы Всерос. археол. съезда (г. Новосибирск, 23–28 октября 2006 г.) / Отв. ред. академик А.П. Деревянко, академик В.И. Молодин. Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 8–80.
- Готлиб А.И.* Ярусные захоронения таштыкского могильника Черноозёрное II в Хакасии // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края / Науч. ред. С.П. Нестеров. Новосибирск: НГУ; ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007. С. 8–38.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. МИА СССР. Вып. 9. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 642 с., ил.
- Кубарев В.Д.* Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1981. С. 29–54.
- Кузьмин Н.Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб: «Айсинг», 2011. 456 с.
- Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Изд-во МГУ. 1960. 198 с.
- Кызласов Л.Р.* Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М.: Вост. лит., 2001. 176 с.
- Литвинский Б.А.* (ред.) Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура. М.: Вост. лит., 1995. 523 с.
- Миклашевич Е.А.* ‘Племя единорога’ на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. М-лы тематич. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 1–4 декабря 2004 г.). СПб., 2004. С. 320–325.
- Панкова С.В.* Модель горита из Оглахтинского могильника // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. ст., посвящ. 80-летию профессора Д.Г. Савинова / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. Труды ИИМК РАН. Т. LVIII. С. 460–474.
- Панкова С.В., Миколайчук Е.А.* Китайские шелковые ткани из Оглахтинского могильника (раскопки 1969 г.) // Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция: М-лы Российско-Германского семинара (г. Москва, 11–13 марта 2018 г.) / Отв. ред. И.И. Ёлкина, М. Вагнер, П.Е. Тарасов. М.; Оппенхайм-на-Рейне: ИА РАН; Nünnerich-Asmus Verlag & Media GmbH, 2019. 400 с. (Archaeology in China and East Asia. Т. 7). С. 108–141.
- Панкова С.В., Ширококов И.Г.* Погребальная кукла с кремацией из Оглахтинской могилы 4 (раскопки Л.Р. Кызласова 1969 г.) // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 60–96.
- Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск: ‘ИНФОЛИО-пресс’. 2001. 336 с.
- Савинов Д.Г.* Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ИИМК РАН, 2009. 226 с.
- Теплоухов С.А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. Т. IV, вып. 2. Л., 1929. С. 41–62.
- Тетерин Ю.В., Готлиб А.И.* Модели кинжалов таштыкской культуры // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2006. Том 5. Вып. 3: археология и этнография (приложение 2). С. 141–149.
- Трейстер М.Ю.* Оружие сарматского типа на Боспоре в I-II вв. н.э. // Древности Боспора. Т. 14. М.: Институт археологии РАН, 2010. С. 484–561.
- Ширококов И.Г., Панкова С.В.* Данные компьютерной томографии в изучении головы мужской мумии из могилы 4 Оглахтинского могильника // Археологические вести. 2022. Вып. 34. С. 275–293.
- Шульга П.И.* Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.
- Debaine-Francfort C.* Mission archéologique franco-chinoise au Xinjiang (Chine) // Labels Archéologie 2018 & 2019 (URL: <https://www.aibl.fr/fouilles-archeologiques/labels-archeologie-2018-2019/?lang=fr>)
- Debaine-Francfort C. а* (без года) URL: <http://jean.dif.free.fr/Images/RSoie/Textes/Djouboulak/Koum.html> (дата обращения 05.08.2022)
- Debaine-Francfort C. б* (без года) URL: <http://www.arscan.fr/archeologie-asie-centrale/djouboulak-koum/> (дата обращения 05.08.2022)

- Debaine-Francfort C.* et I. *Abduressul* (eds) *Keriya, mémoire d'un fleuve: Archéologie et civilisation des oasis du Taklamakan* (Patrimoines d'Orient). Paris: Éditions Findakly. 2001.
- Debaine-Francfort C., Abduressul I., Debaine F.* La Keriya dans tous ses états. Archéologie, modes de peuplement et paléoenvironnements des deltas endoréiques d'une vallée du Sud Taklamakan (Xinjiang, Chine) // 3ème Congrès du Réseau Asie – IMASIE 26-27-28 sept. 2007, Paris, France.
- Djouboulak.* URL: <http://jean.dif.free.fr/Images/RSoie/Textes/Djouboulak/Koum.html> (дата обращения 05.08.2022)
- Finsterbusch, K.* Verzeichnis und Motivindex der Han-Darstellungen. Band II. Abbildungen und Addenda. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1971.
- Jinyun, Li, Ge Wang, R. Schorta, Dong-Ning Wang* (eds). *Textile Treasures of Zaghunluq*. Abegg-Stiftung and Cultural Relics Press, Beijing. 2016.
- Mallory, J. P. and V. H. Mair* The Tarim mummies. Ancient China and the mystery of the earliest peoples from the West. London: Thames and Hudson Ltd. 2000.
- Pankova S.* One more culture with ancient tattoo tradition in Southern Siberia: tattoos on a mummy from the Oglakhty burial ground, 3rd-4th century AD // Ph. Della Casa and C. Witt (eds). *Tattoos and body modifications in antiquity. Proceedings of the sessions at the EAA annual meetings the Hague and Oslo. 2010/11. Zurich studies in archaeology 9.* 2013. P. 75–96.
- Pankova S.* Mummies and mannequins from the Oglakhty cemetery in Southern Siberia // *Masters of the steppe: the impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017 / Eds. S. Pankova, St J. Simpson.* Oxford: Archaeopress, 2019. P. 373–396.
- Pankova S., Makarov N.P., Simpson St J., Cartwright C.R.* New radiocarbon dates and environmental analyses of finds from the 1903 excavations in the Eastern plot of the Tashtyk cemetery of Oglakhty // *Сибирские исторические исследования, 2021. №3. Томск: ТГУ. С.24–59.*
- Pankova S., Long T., Leipe Ch., Tarasov P., Wagner M.* Oglachty, Russland. Die Menschen von Oglachty in Südsibirien: Welchen Platz hatten sie in der Geschichte Eurasiens im frühen ersten Jahrtausend n. Chr.? // *E-Forschungsberichte. 2020. Deutsches Archäologisches Institut. Issue 2. P. 66–80.* URL: <https://publications.dainst.org/journals/index.php/efb/article/view/2595/7094> (дата обращения 05.08.2022)
- Report of Archaeological Excavation at Yanghai Cemetery. Vol. II, III. Beijing, 2019 (in Chinese).
- Sampula in Xinjiang of China: Revelation and Study of Ancient Khotan Civilization.* Urumqi: Xinjiang People's Publishing House, 2001.
- Shorta, R.* A group of Central Asia woolen textiles in the Abegg-Stiftung collection, in *Fabulous creatures from the desert sands. Central Asian woolen textiles from the second century BC to the second century AD.* *Riggisberger Berichte 10:* 79–114. Riggisberg. 2001.
- Stein, M.A.* Serindia. Detailed report of explorations in Central Asia and westernmost China. London: Oxford University Press. 1921.
- Tallgren A-M.* The South Siberian cemetery of Oglakty from the Han period // *Eurasia Septentrionalis Antiqua XI.* Helsinki, 1937. P. 69–90.
- Wang B.* (ed.). *The ancient corpses of Xinjiang. The peoples of ancient Xinjiang and their culture.* 1999. Published January 1st 1999 by CIP. 245 p.
- Wang T., Fuller B., Jiang H., Li W., Wei D., Hu Y.* Revealing lost secrets about Yingpan Man and the Silk Road // *Nature: Scientific Reports | (2022) 12:669. DOI: 10.1038/s41598-021-04383-5*
- Xiaoshan Q. and B. Wang.* *The ancient cultures in Xinjiang along the Silk Road.* Urumqi: Xinjiang Uygur Autonomous region International cultural exchange association. 2008.
- Zhao, F. and Zhiyong Yu (ed.)* *Legacy of the desert king. Textiles and treasures excavated at Niya on the Silk Road.* Hangzhou – Urumqi. 2000.

А. Н. Подушкин

Александр Николаевич Подушкин,
Южно-Казахстанский государственный
педагогический университет,
г. Шымкент, Казахстан; p_a_n_alex@mail.ru

Арысская культура Южного Казахстана и государство Кангюй (II в. до н.э. – IV в. н.э.)

Аннотация. Статья посвящена основным результатам исследования памятников арысской культуры Южного Казахстана II в. до н.э. – IV в. н.э. последних лет в рамках этой археологической дефиниции, отражающей устойчивые системы традиций в материальной сфере на большой группе объектов указанного региона и времени, связанных с историко-культурными традициями государства Канцзюй (Кангюй). На основе исследования этно-определяющих артефактов освещены вопросы этнической принадлежности древнего полиэтничного народонаселения Кангюй, включающего позднеарский, суннуский, сарматский и кангюйский компоненты, дана развёрнутая характеристика кангюйского артефактного комплекса и уникальных эпиграфических артефактов в виде письменности на керамических кирпичиках-табличках, а также приведены редкие нумизматические материалы, имеющие отношение к государству Кангюй.

Ключевые слова: Южный Казахстан, арысская культура, государство Кангюй II в. до – IV в. н.э., археологический комплекс, эпиграфические артефакты

Александр Николаевич Подушкин,
Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік
педагогикалық университеті,
Шымкент қ., Қазақстан

Оңтүстік Қазақстанның Арыс мәдениеті және Қаңлы мемлекеті (б.д.д. II ғ. – б.д. IV ғ.)

Аннотация. Мақала соңғы жылдардағы осы археологиялық дефиницияның аясында б.д.д. II – б.д. IV ғ. Оңтүстік Қазақстанның Арыс мәдениеті ескерткіштерін зерттеудің негізгі нәтижелеріне арналған, Канцзюй (Кангюй) мемлекетінің тарихи-мәдени дәстүрлерімен байланысты көрсетілген аймақ пен уақыт объектілерінің үлкен тобындағы материалдық саладағы дәстүрлердің тұрақты жүйелерін көрсетеді. Этноанықтаушы жәдігерлерді зерттеу негізінде Қаңлы ежелгі көп этникалық тұрғындарының ішінде кейінгі сақ, синну, сармат және кангюй құрамдас бөлігінің этникалық құрамы туралы сұрақтарға тоқталып, кангюй артефакті кешеніне толық сипаттама берілген және керамикалық кірпіш-кестелерде жазу түріндегі бірегей эпиграфиялық артефактілер келтіріліп, сонымен қатар Кангюй мемлекетіне қатысты сирек нумизматикалық материалдар берілген.

Түйін сөздер: Оңтүстік Қазақстан, арыс мәдениеті, б.д. II ғ. – IV ғ. дейінгі Қаңлы мемлекеті, археологиялық кешен, эпиграфиялық артефактілер

Alexander Podushkin,
South Kazakhstan State Pedagogical University,
Shymkent, Kazakhstan

Arys culture of South Kazakhstan and the state of Kangju (2nd c. BC – 4th c. AD)

Abstract. The article is devoted to the main results of the study of the monuments of the Arys culture of Southern Kazakhstan of the 2nd century BC – 4th century AD of recent years within the framework of this archaeological

definition, reflecting stable systems of traditions in the material sphere on a large group of objects of the specified region and time associated with the historical and cultural traditions of the Kangju state. Based on the study of ethno-defining artifacts, the issues of ethnicity of the ancient multiethnic population of Kangju, including Late Saka, Xiongnu, Sarmatian and Kangju components, are highlighted, a detailed description of the Kangju artifact complex and unique epigraphic artifacts in the form of writing on ceramic bricks-tables is given, as well as rare numismatic materials related to the Kangju state.

Keywords: Southern Kazakhstan, Arys culture, Kangju state of the 2nd c. BC – 4th c. AD, archaeological complex, epigraphic artifacts

Кангюй («Канцзюй-го» китайских источников, что означает «государство Канцзюй-Кангюй») – одно из наименее изученных в археологическом, историко-культурном контекстах древнее государство на территории Казахстана. По устоявшейся в среде учёных со времён решения так называемой «кангюйской проблемы» традиции, ныне это государственное образование локализуется на территории Южного Казахстана (концепция А.Н. Бернштама) [Бернштам 1949: 90–98].

Заметим, что археологическое исследование памятников Кангюй имеет давнюю историю, однако наиболее значимыми в контексте изучения материальной культуры этого государства следует назвать комплексные долгосрочные и масштабные работы на ранних объектах Южного Казахстана в 1970–1990-х гг., которые продолжаются и в настоящее время. Исследования в регионе «Средняя Сырдарья – зона гор Каратау и Каржантау» в течение последних 40 лет позволили выделить арысскую археологическую культуру как категорию, фиксирующую устойчивые системы традиций в материальной сфере на сотнях ранних памятников Южного Казахстана для периода IV в. до н.э. – VI в. н.э. [Подушкин 2000: 87–107].

В настоящее время учёные имеют полное представление о памятниках этой культуры (ареал и типология), о периодизации и хронологии (три этапа: караултобинский IV в. до н.э. – I в. н.э.; каратобинский I в. до н.э. – III в. н.э.; алтынтобинский IV–VI вв.), о специфическом блоке признаков культуры в виде артефактов (керамика, вооружение и конское снаряжение, предметы быта, культура), наконец, о наглядном облике (образе) арысской культуры Южного Казахстана. Осуществлена также этническая атрибуция культуры с древним племенным (государственным) объединением Кангюй (Кангха авестийских, Канцзюй китайских и Кангу-Тарбан тюркских источников). В результате удалось установить полиэтничность Кангюй: в частности, выявлены поздне-сакский, сарматский, сюннуский и кангюйский этнические компоненты.

Отметим, что научное построение и дефиниция «археологическая культура» имеет преимущественное отношение к традициям в области материальной культуры, в нашем случае – государства Кангюй. Её ярким образом иллюстрируют тысячи артефактов, специфический комплекс признаков арысской культуры Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. и наглядный облик (образ) этой культуры. Заметим, что вся материальная культура Кангюй несёт печать выраженной земледельческо-скотоводческой синкретичности, которая исходит из аналогичного земледельческо-скотоводческого комплексного характера экономической деятельности полиэтнического народонаселения этого государства. Кратко остановимся на характеристике основных комплексов этно-определяющего характера.

Сакский археологический комплекс (караултобинский этап арысской культуры IV–I вв. до н.э.). Критериями выделения этого комплекса послужили археологические реалии, связанные с трансформациями традиций звериного стиля в ранней керамике арысской культуры, некоторые артефакты сакского происхождения. Сакский археологический комплекс получен из раскопок ранних поселений, он включает: объемную зооморфию (изделия из керамики и бронзы в виде головок животных, рептилий и их печаток на керамике: благородный олень, лошадь, змея, баран-архар) (рис. 1, 3, 5, 14, 15); керамические сосуды и зооморфные трансформации в керамике в зверином стиле (котлы на поддоне сакского облика с ручками, оформленными под рог благородного

Рис. 1. Сакский комплекс артефактов

олена; ручка в виде «рогатой лошади», т. н. двойные ручки, прорисовки животных на тулове сосудов: кулан, или тарпан, «летающая газель» (рис. 1, 1, 2, 4–6, 8, 10); некоторые виды оружия (бронзовые наконечники стрел) (рис. 1, 9); бронзовые браслеты с простым и зооморфным завершением (голова лошади) (рис. 1, 7).

Сарматский археологический комплекс (каратобинский этап арысской культуры I в. до н.э. – III в. н.э.) связан с исследованиями катакомб Южного Казахстана. В результате были получены информативно насыщенные комплексы, которые своими этно-культурными параметрами указывают на сарматское происхождение. В их числе следующие артефакты: керамика (в том числе курильницы) (рис. 2, 1); бронзовые зеркала (рис. 2, 9); меловые (алебастровые) амулеты (рис. 2, 2); клинковое оружие (железные мечи, кинжалы без перекрестия и навершия, с кольцевым навершием и брусковидным перекрестием, каменным навершием в сложно-конструктивных ножнах, окрашенных в красный цвет) (рис. 2, 11, 17); дистанционное оружие (сложносоставные «М»-образные луки с костяными накладками, железные наконечники стрел) (рис. 2, 12, 13); элементы конской экипировки (подпружные пряжки, части удила); украшения: серьги, наборные ожерелья, браслеты из различных бус (гагатовые, стеклянные, фаянсовые, с внутренней позолотой) (рис. 2, 3–5), с использованием бронзовых колокольчиков, бубенчиков, зооморфных и иных подвесок из бронзы, раковин-каури (рис. 2, 10), египетского фаянса; предметы в золото-бирюзовом варианте исполнения; вещи и аксессуары одежды: железные ножи, пряжки, римская фибула (рис. 2, 16);

Рис. 2. Сарматский комплекс артефактов

деревянная посуда с серебряными накладками; изделия в зверином стиле (рис. 2, 14); ритуальная керамика (курильницы) и знаки (рис. 2, 15); косметические предметы (пинцеты).

Общую картину подчёркивают обряд погребения (труположение на спине в склепкатакомбе), обычай искусственной деформации черепа и исторический факт возможного присутствия азиатских сарматов в Южном Казахстане в результате юго-восточной миграции из коренных этнических территорий на западе (Северное Причерноморье, Крым, Южное Приуралье). Характеристики погребальных комплексов из катакомб арысской культуры Южного Казахстана позволяют говорить о присутствии на территории региона в I в. до н.э. – III в. н.э. азиатских сарматов, или – какой-то локальной ветви сарматского союза племён [Подушкин 2010: 215–216].

Сюннуский археологический комплекс. Его материалы связаны с концом караултобинского и каратобинским этапами арысской культуры (I в. до н.э. – III в. н.э.). Сюннуский комплекс характеризуют: керамика импортного и местного облика, на которой фиксируются тамгообразные знаки (рис. 3, 1, 2); набор клинкового оружия (обоюдоострые черешковые железные мечи, кинжалы без перекрестия и наверхия с деревянной ручкой, которые вкладывались в ножны, обтянутые красной кожей) (рис. 3, 16, 17); сложносоставной «М»-образный лук с костяными накладками (концевыми, срединными, фронтальными) (рис. 3, 12); железные двулопастные, трёхлопастные нако-

Рис. 3. Сюннуский комплекс артефактов

нечники стрел различных типов (черешковые, втульчатые, а также – вильчатые и ярусные) (рис. 3, 3); атрибутика наборного пояса (декоративные и функциональные бронзовые пряжки сюннуского облика, раковины каури) (рис. 3, 10, 11); бронзовые ханьские зеркала (рис. 3, 7); украшения (бронзовые колокольчики, бубенчики) (рис. 3, 8, 9), атрибуты одежды (пряжки) (рис. 3, 14, 15); бытовые предметы (железные ножи, режущие инструменты, напоясла) (рис. 3, 4–6); специфические артефакты из кости (рис. 3, 13). При этом историко-культурные характеристики комплекса и аналогии из погребальных памятников Центральной Азии первых веков до н.э. (могильники Ноин-Ула, Дэ-рэстуйский, у деревни Даодуньцзы) позволяют связывать их с сюнну. Такие выводы подтвержда-

ются и письменными источниками. Речь идёт о вояже северо-сюннуского шаньюя Чжичжи, который прибыл вместе со своим войском в Южный Казахстан в 40-х гг. I в. до н.э., построил в долине Таласа крепость, вступил в союзнические отношения с Кангюй (против усунь), но нарушил условия договора, в результате чего совместными силами Кангюй и ханьцев его войско в 36 г. до н.э. было разбито [Зув 1957: 69–72].

Сюннуский комплекс интересен также тем, что в нём имеются уникальные артефакты большой историко-культурной значимости. Например, в катакомбе № 3 могильника Культобе в погребении знатного сюнну среди массы атрибуции (оружие, бытовые вещи, керамика) обнаружена великолепная декоративная пряжка наборного пояса, выполненная из рога индийского носорога. Изделие богато украшено золотыми, серебряными «гвоздиками» и инкрустацией самоцветами в виде своеобразной геометрической орнаментальной композиции (рис. 3, 11). Ценность этого артефакта заключается в том, что существование и использование подобного рода изделий у высокопоставленных сюнну отмечено в письменных источниках. Они сообщают о некоторых деталях одежды сюнну, в том числе и о наборных поясах. В частности, Сыма-Цянь в «Шицзы» пишет: в 174 г. до н. э. Модэ-шаньюй получил в дар от китайского императора «<...> надеваемый (т. е. лично носимый императором) вышитый кафтан на подкладке, длинный парчовый кафтан, золотой венчик для волос, пояс, золотом оправленный, и носороговую пряжку к поясу, золотом оправленную, 10 кусков вышитых шелковых тканей <...>» [Бичурин 1998: 57].

Судя по всему, такие изделия изготавливались ханьскими умельцами сообразно сюннуским традициям и преподносились сюнну в качестве «подарка» за спокойствие на северной границе Поднебесной. Таким образом, можно говорить о редком факте пересечения археологического артефакта с данными письменных источников, что позволяет в нашем случае вполне аргументировано говорить о присутствии сюнну на территории Южного Казахстана.

Кангюйский комплекс артефактов. Хронологически он охватывает значительное время функционирования памятников арысской культуры Южного Казахстана (II в. до н.э. – VI в. н.э.). При всей синкретичности, впитавшей традиции кочевников и земледельцев, в материальной культуре этого комплекса в значительной степени доминируют традиции ираноязычного оседло-земледельческого народонаселения Кангюй. Материалы комплекса получены из раскопок многих поселений, городищ и могильников с катакомбными погребениями. Это самый насыщенный в контексте археологической и этнокультурной информации комплекс.

Его характеризуют:

- коллективные (до 10 костяков) погребения в катакомбах нескольких видов («Т»-образные с длинным узкотраншейным дромосом; катакомбы с «заплечиками»). Обряд погребения – трупоположение на спине, с подсыпкой дна камеры песком, углем, речной галькой;

- высокого качества керамика различного функционального назначения (столовая, кухонная, хозяйственно-бытовая и ритуальная). Основная масса керамических изделий (десятки форм: от огромных хумов до миниатюрных косметических сосудиков) сделана на быстровращающемся круге (за исключением крупных сосудов типа хумов, хумчи), она великолепно украшена. Так, отмечены следующие характерные приёмы декора: станковое рифление; концентрический каннелюр под венчиком сосуда; покрытия ярко красным (вишнёвым) ангобом; ангобные потёки, лощение по ангобу, прочерченный орнамент (рис. 4, 1–3).

- антропоморфные, зооморфные изделия из керамики, бронзы, алебаstra (рис. 5, 1–10);

- знаки на керамике, чья семантика и назначение восходят к маркировке семейной (клановой), профессиональной (знак гончара), родовой собственности, часть которых с течением времени трансформируется в династические знаки-тамги правителей Кангюй (рис. 4, 3);

- бытовые вещи и изделия из металла, камня, кости: пряжки, колокольчики, ножи с костяной ручкой, оселки-кайраки (рис. 4, 4, 6, 11, 13, 15);

Рис. 4. Кангюйский комплекс артефактов (керамика, украшения, предметы быта)

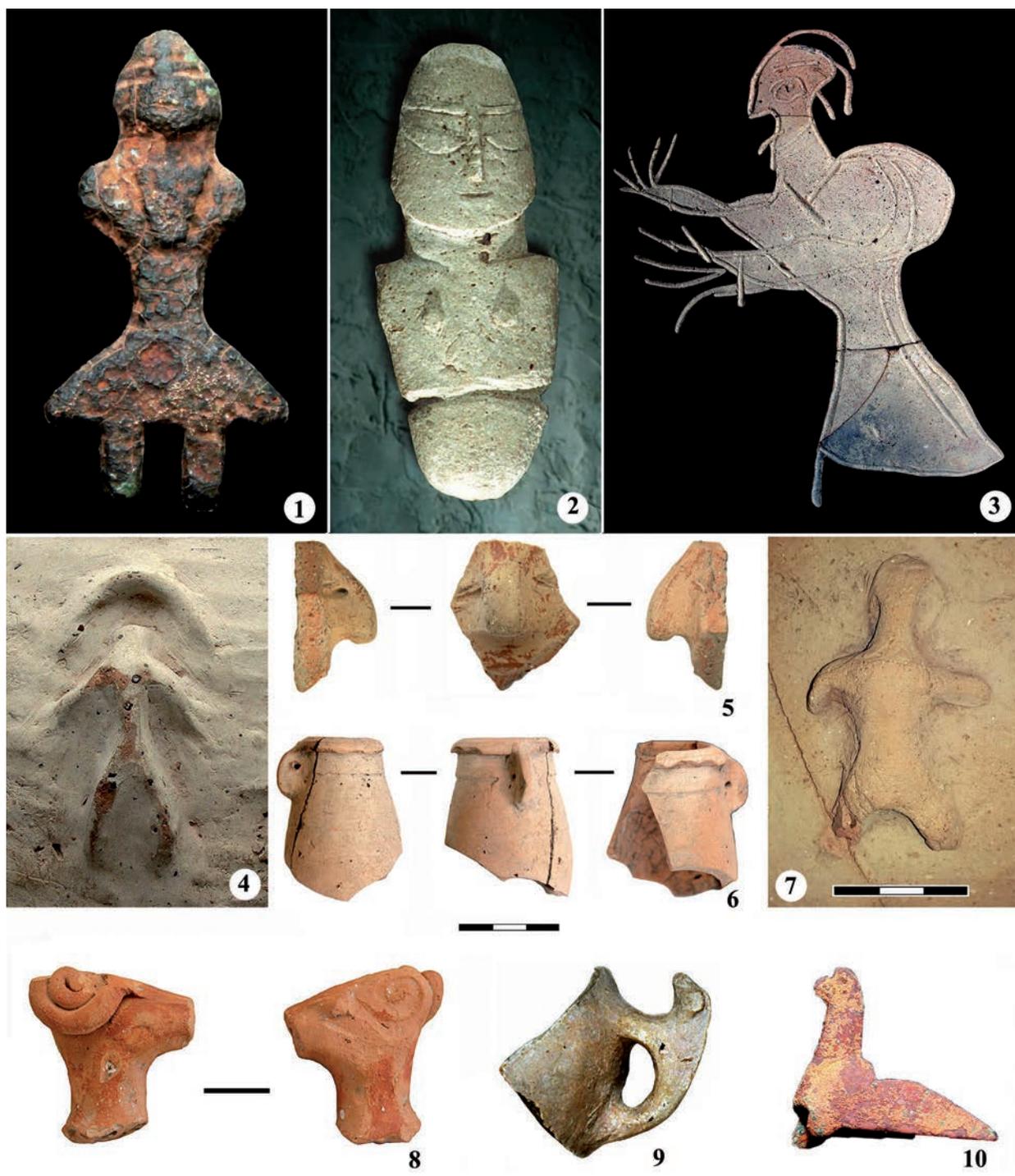
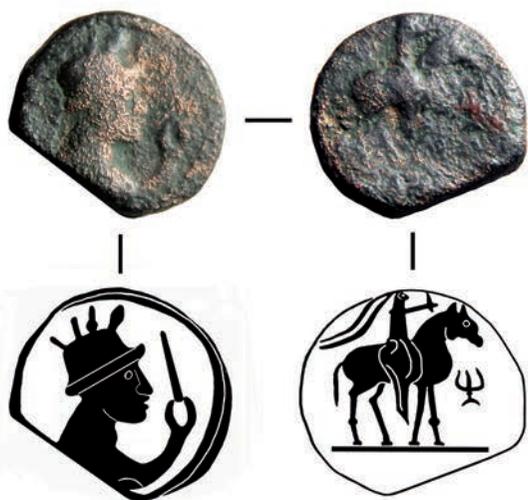

Рис. 5. Кангюйский комплекс артефактов (антропоморфные, зооморфные проявления в керамике, металле)

1

2

3

Рис. 6. Кангюйский комплекс артефактов (палеолингвистический и нумизматический материалы)

- украшения в виде золотых инкрустированных красным камнем серег, наборных ожерелий из многочисленных бус (золочёных, стеклянных, каменных, из стекловидной пасты), подвесок; ручных наборных браслетов с включением бронзовых колокольчиков, бубенчиков, раковин каури, графитовых и иных бус; бронзовые серьги и наборные серьги из гагата (рис. 4, 5, 7–10, 12).

- резные камни и косметические приборы в виде каменного штырька-сурьматаша и красящей графитовой основы (рис. 4, 14); [Подушкин 2000: 104; табл. на с. 105: наглядный образ арысской культуры].

Продолжают характеристику кангюйского археологического комплекса уникальные эпиграфические артефакты в виде керамических кирпичей-таблиц с древними письменами, найденные на городище Культобе. Как по технике выполнения письма (вдавливание, прорезывание по сырой глине), так и по палеографии (хорошо фиксируются одинаковые по прорисовке знаки), все фрагменты (таблицы-кирпичи) с письменностью аналогичны друг другу. То есть речь идёт об одном и том же виде древнего письма, несмотря на разный «почерк», размеры и предполагаемую разновременность нанесения знаков на каждый фрагмент (рис. 6, 1). Письмо дешифровано академиком Николасом Симс-Вильямсом, оно строчное, алфавитное (с использованием редких идеограмм), создано на арамейской основе и маркирует один из восточных диалектов древне-иранского языка (прото-согдийский, или кангюйский) [Sims-Williams 2009: 153–172].

Завершает характеристику кангюйского археологического комплекса редкий нумизматический материал, представленный двумя монетами, найденными в культурных слоях эталонных объектов арысской культуры Южного Казахстана, городищах Культобе арысское и Ушбастобе. Это бронзовая монета кушанского правителя Вима I Такто (середина – вторая половина I в. н.э.) и медная монета одного из царей древнего Чача (Ташкентский оазис) середины I в. н.э. (рис. 6, 1–2).

В настоящее время исследование памятников арысской культуры, городища Культобе и близлежащих могильников в Южном Казахстане продолжается в рамках реализации научно-исследовательской программы «Археологические и письменные памятники государства Кангюй II в. до н.э. – IV в. н.э.», основным исполнителем которой является Центральный государственный Музей Республики Казахстан.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштам А.Н.* Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1949. Вып. 2. № 51. С. 59-99.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. Алматы: Жалын, 1998. 348 с.
- Зув Ю.А.* К вопросу о взаимоотношениях усуней и Канцзюй с гуннами и Китаем во II половине I в. до н.э. (поход гуннского шаньюя Чжи-Чжи на Запад) // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1957. Вып. 2 (5). С. 61-73.
- Подушкин А.Н.* Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан: изд. центр МКТУ им. Х.А. Яссави, 2000. 201 с.
- Подушкин А.Н.* Сарматы в Южном Казахстане // Древние культуры Евразии: м-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию А.Н. Бернштама. СПб.: ИИМК РАН, 2010. С. 207-217.
- Sims-Williams N.* The sogdian inscriptions of Kultobe: text, translation and lin-guistic commentary // Труды Центрального Музея. Алматы, 2009. Т. II. С. 153-171.

С. А. Яценко

Сергей Александрович Яценко,
Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия; sergey_yatsenko@mail.ru

Кангюй и кочевой мир

Аннотация. Названы основные нерешенные вопросы, связанные с темой взаимоотношения Кангюя и номадов. Важнейшие памятники центра Кангюя (города, их ремесла и монументальное искусство, не ограбленные могилы знати, планиграфия некрополей) остаются неизученными. Это мешает их сравнению с материалом зависимых групп кочевников. Кочевая традиция в Кангюе сохранялась довольно долго. Некоторые элементы социально-политической жизни имеют аналогии у сарматов. Женщины-воины в Кангюе были редким исключением. Из сакского компонента культуры сарматы заимствовали образы богов – сидящего с сосудом и со звериными ушами. Популярность Эрота и Афины в Сарматии объясняется связями со Средней Азией. В этих регионах есть различия в образах животных с тамгой на теле. Сохранение кангюйских образов в более позднем искусстве было, видимо, ничтожным.

Ключевые слова: археология, Кангюй, кочевники, I–III вв. н.э., влияние на социальную жизнь и искусство

Сергей Александрович Яценко
Ресей мемлекеттік гуманитарлық университеті,
Мәскеу қ., Ресей

Қаңлы және көшпенділер әлемі

Аннотация. Қаңлылар мен көшпенділер арасындағы өзара қарым-қатынас тақырыбымен байланысты шешімін таппаған негізгі мәселелер аталды. Қаңлы орталығының ең маңызды ескерткіштері (қалалар, олардың қолөнері және монументалды өнері, ақсүйектердің тоналмаған қабірлері, некрополдің жоспарлануы) әлі зерттелмеген. Бұл оларды тәуелді көшпелі топтардың материалдарымен салыстыруға кедергі келтіреді. Қаңлыда көшпелілік дәстүрлері ұзақ уақыт бойы сақталған. Қоғамдық-саяси өмірдің кейбір элементтері сарматтармен ұқсастықтарға ие. Қаңлыларда жауынгер әйелдер сирек кездесетін. Сақ мәдениеті компонентінен сарматтар ыдыс ұстап отырған және жануар құлақты құдайлардың бейнесін қабылдады. Сарматияда Эрот пен Афинаның танымалдығы Орта Азиямен байланысымен түсіндіріледі. Бұл аймақтарда денедегі таңбасы бар жануарлар бейнелерінде айырмашылықтар бар. Кейінгі өнерде қаңлы бейнелерін сақтау өте аз болған

Түйін сөздер: археология, Қаңлы, көшпенділер, б.д. I–III ғғ., қоғамдық өмірге және өнерге әсері

Sergey Yatsenko
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

Kangju and the Nomadic World

Abstract. The main unresolved issues related to this topic are named. The most important monuments of the Kangju center (cities, their crafts and monumental art, not robbed graves of the nobility, planography of necropolises)

are still unexplored. This hinders their comparison with dependent nomadic groups' materials. The nomadic tradition in Kangju has been preserved for quite a long time. Some elements of socio-political life have analogies among the Sarmatians. Female warriors in Kangju were a rare exception. From the Saka component of the culture the Sarmatians borrowed images of the gods – sitting with a vessel and with animal ears. The popularity of Eros and Athena in Sarmatia is explained by the ties with Transoxiana. In these regions there are differences in the images of animals with tamga on their bodies. The preservation of Kangju images in later art was apparently negligible.

Keywords: archaeology, Kangju, nomads, 1st–3rd cc. CE, impact on social life and art

В последние годы исследователям, в частности – Е.А. Смагулову, А.И. Торгоеву, автору этих строк и ряду других, удалось добиться определенного прорыва в понимании феномена культуры Кангюйской державы, ее политического центра и кочевой периферии, обнаружив немало неожиданного (рис. 1) (см. напр.: [Торежанова и др. 2018; Смагулов 2019; Яценко и др. 2022]). Однако и сегодня на территории ее ядра полностью раскопано лишь одно сельское поселение с преимущественно скотоводческим бытом его населения (Культобе Туркестанское), а также довольно предствительно - один крупный могильник (Борижары, в основном относящийся к пост-кангюйскому времени) [Яценко и др. 2020: 84–98, 137–140]. И сегодня Кангюй, появившийся на карте Центральной Азии, видимо, после масштабных миграций около 130 г. до н.э. и почти сразу же, «по свежим следам», кратко описанный в 126 г. до н.э. побывавшим там Чжан Цянем, а затем – другими авторитетными китайскими хронистами и комментаторами, остается для нас во многом загадкой. Довольно массовый переход кангюйцев («людей шатров» в чачской надписи) на Средней Сырдарье

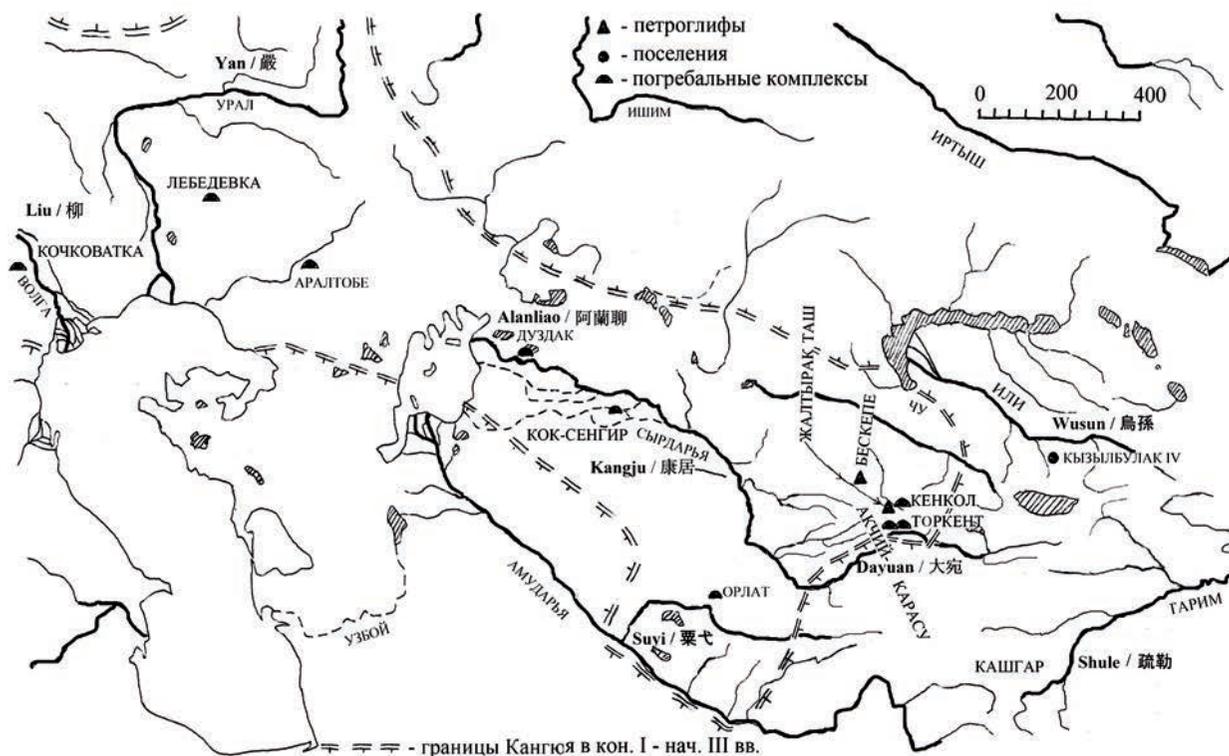

Рис. 1. Важные памятники кочевой периферии Кангюйской державы, по: [Яценко и др. 2020: рис. 2, 1]

к полуоседлому и оседлому образу жизни, как можно сегодня думать, начался лишь в период «кочевой империи» (сер. I – сер. III вв. н.э.). В это время Кангюй был окружен, кроме южных районов Чача и Согда, вассальными *кочевыми* владениями: т. н. малыми, приаральским Яньцай, номадами Северного Кыргызстана и другими, не упомянутыми в источниках группировками. Еще дальше на северо-запад лежали земли сарматских племенных объединений, до середины III в. н.э. зависивших от этого раннего государства. Элита собственно кангюйцев довольно долго сохраняла кочевые традиции: ежегодную перекочевку двора правителя из зимней столицы Битянь в летнюю резиденцию за семь дней конного пути, захоронение в больших курганах, особое внимание к выращиванию породных лошадей (их часто дарили кангюйские дипломаты Китаю) и т. п. На опасных окраинах строились серии небольших родовых крепостей (вроде той, что найдена в низовьях Таласа), наиболее важные владения могли охраняться местным ополчением во главе со знатными катафрактариями. Эта «кочевая империя» (именуемая в поздних текстах Авесты «благородной» или «священной» Кангой), как и соседняя Усунь, обходилась без письменности, монетной чеканки и, вероятно, почти без регулярной армии. Но уже первое описание еще слабого Кангюя Чжан Цянем упоминает хорошо оборудованную дорогу (ведущую в главную тогда «страну городов» Фергану). Не забудем и то, что в 20 г. до н.э., до пика своего могущества, именно кангюйский правитель, проявив завидную настойчивость, стал инициатором создания «Северной дороги» Шелкового пути из китайской столицы до Уральских гор через свою территорию...

Увы, взаимоотношения Кангюя и зависимых номадов на сегодня состоят из цепочки трудно решаемых вопросов. Их отчасти удастся разрешить тогда, когда будут раскопаны широкими площадями слои I-IV вв. в нескольких предполагаемых раннегородских центрах на Арыси, когда будут представительно изучены их ремесло и обнаружены образцы монументального искусства. Это произойдет тогда, когда будут исследованы не ограбленные могилы кангюйской аристократии. Все это еще впереди. А пока что важнейшие вопросы остаются без ясного ответа. Каково влияние социально-политической модели Кангюя, как «кочевой империи», на периферийные кочевые общества? Какую именно роль играли кочевые вассалы в истории и развитии Кангюя (начиная с появления пяти небольших зависимых владений вокруг во 2-й пол. I в. до н.э.)? Какими методами можно уже сегодня выявить кангюйские элементы в культуре вассальных (и находившихся вне кангюйской власти) кочевых обществ того времени? Как определить изделия дарственные и поступившие в результате торговли с Кангюем и через него – с более дальними соседями (Ферганой, Кушанской империей) у сарматских группировок? Как вычленить парадное кангюйское ювелирное искусство (использовавшее, видимо, как это обычно для «кочевых империй», отчасти пленных или приглашенных мастеров) на вассальных территориях к северо-западу? Где именно находилась казахстанская (промежуточная) прародина носителей среднесарматской и позднесарматской культур, кроме практически не изученного для этого периода восточноприаральского Яньцай? Как именно в Южном Приуралье («кочевой стране Янь») – бывшем жестко зависимом вассале, поставившем меха, после его отпадения к 230 г. н.э., в начале конфликта Кангюя с Сасанидами, с середины III в. формируется база тех, что в середине IV в., пройдя по Сырдарье, уничтожил Кангюй, и элиту кого китайские авторы именуют древним именем сюнну, а римляне – хионитами? Какую роль сыграли в поздней истории Кангюя районы Мангыстау с городом Каракабак и сакральным центром из святилищ Алтынказгана? Какое отношение к Кангюю имеет преимущественно скотоводческое и весьма воинственное общество оформившейся севернее к III в. н.э. джетыясарской культуры? В какой политической обстановке возникла к юго-востоку в то же самое время кочевая кенкольская культура? Каково реальное кангюйское (и более древнее – пост-сакское) кочевое

культурное наследие в пост-кангюйском обществе кон. IV – начала VIII в.? [см., например, Яценко 2014; Астафьев, Богданов 2019; Яценко и др. 2020: 19, 50-56, 60-63; ср. Левина 1996].

К сожалению, даже при исследовании крупных некрополей центра Кангюя на Арыси коллеги пока не занимались специально планиграфией погребений I-IV вв., которая могла бы дать много дополнительной полезной информации [ср. Яценко 2016]. На сегодня мне не приходилось видеть общих детальных планов некрополей с хронологией конкретных могил, определением пола погребенных, деталей обрядности и т. п. Как известно, и сам обычный казус, с которым постоянно сталкиваются при раскопках древних кладбищ – древние ограбления – многое говорят об обществе, которое эти ограбления допускает, о поведении самих грабителей, об их суевериях и т. п. [Яценко 2013]. Такие исследования для Средней Сырдарьи также отсутствуют. Соответственно, важная возможность сравнить Кангюй и сарматские группировки в этих аспектах все еще невыполнима.

Здесь я остановлюсь на нескольких частных сюжетах.

Один из них – возможное влияние социально-политической модели Кангюя эпохи расцвета на обитавшие к северо-западу кочевые группировки сарматов (этот вопрос из-за скудности письменных источников, думаю, стоит рассматривать на совокупном материале всех государств, созданных ранними кочевниками – Усунь, Кангюя и Кушании). Такая совокупная информация дает немного: она позволяет предполагать у крупных группировок сарматов I–IV вв. двух основных ставок правителя, наличие подчас братьев-соправителей, формирование мобилизационного войска в случае большой войны по одному воину от семьи (народ-войско), отсутствие в политических центрах специальных постоянных дружин, наличие культа семи основных божеств. Длительное противостояние Кангюя с Китаем и отсутствие интереса к отношениям с Парфией, возможно, повлияло на относительное неприятие сарматами I–III вв. греко-римской культуры в контактной зоне [Яценко 2014: 197-199]. Я и сегодня склонен допускать, что очень влиятельные и богатые нижнедонские аланы конца I – начала II в. н.э. создали уменьшенный вариант «кочевой империи», как об этом писалось еще в статье 2008 г. [Яценко 2008: 289, 306]. Неудачные попытки критики этой версии разбирались нами подробно [Яценко 2021а]. Создается впечатление, что наиболее крупные племена – носители среднесарматской культуры в гораздо большей степени восприняли кангюйскую социальную модель и поддерживали более тесные связи с кангюйскими правящими слоями, чем «поздние сарматы».

Для понимания военного искусства Кангюя важно наличие у сарматов штандартов-драконов и небольших знамен с двумя треугольными выступами. И те, и другие известные около рубежа н.э. в некрополе сунну Ноин-Ула (Noyon Uul); в I в. н.э. оба представлены на костяной пластине пояса из кургана в Орлате и вскоре через Кангюй попали к сарматам [Яценко, 2020: 140; рис. 2, 1-2; 2022а: рис. 2] (рис. 2).

Как уже отмечалось, у ранних кочевников много женщин-воительниц использовалось лишь в редких ситуациях, когда на самых плодородных почвах, на хороших пастбищах, с наиболее высокой плотностью кочевого населения, рядом с важными торговыми путями и многочисленными оседлыми данниками межплеменные столкновения уничтожали более высокий процент мужчин. Это относится к центру Великой Скифии в IV в. до н.э. и к сарматам низовьев Дона I в. до н.э. – III в. н.э. В остальных районах Степи даже в крупных могильниках воительницы либо отсутствуют, либо представлены единичной могилой [Яценко 2018: 65-66]. Последнюю ситуацию мы, видимо, наблюдаем и в Кангюе (в 2022 г. в некрополе Кызылжар, включающем около 100 курганов, А.Н. Подушкиным найдена первая воительница с колчаном стрел, луком и кинжалом [Захоронение женщины-воина...]).

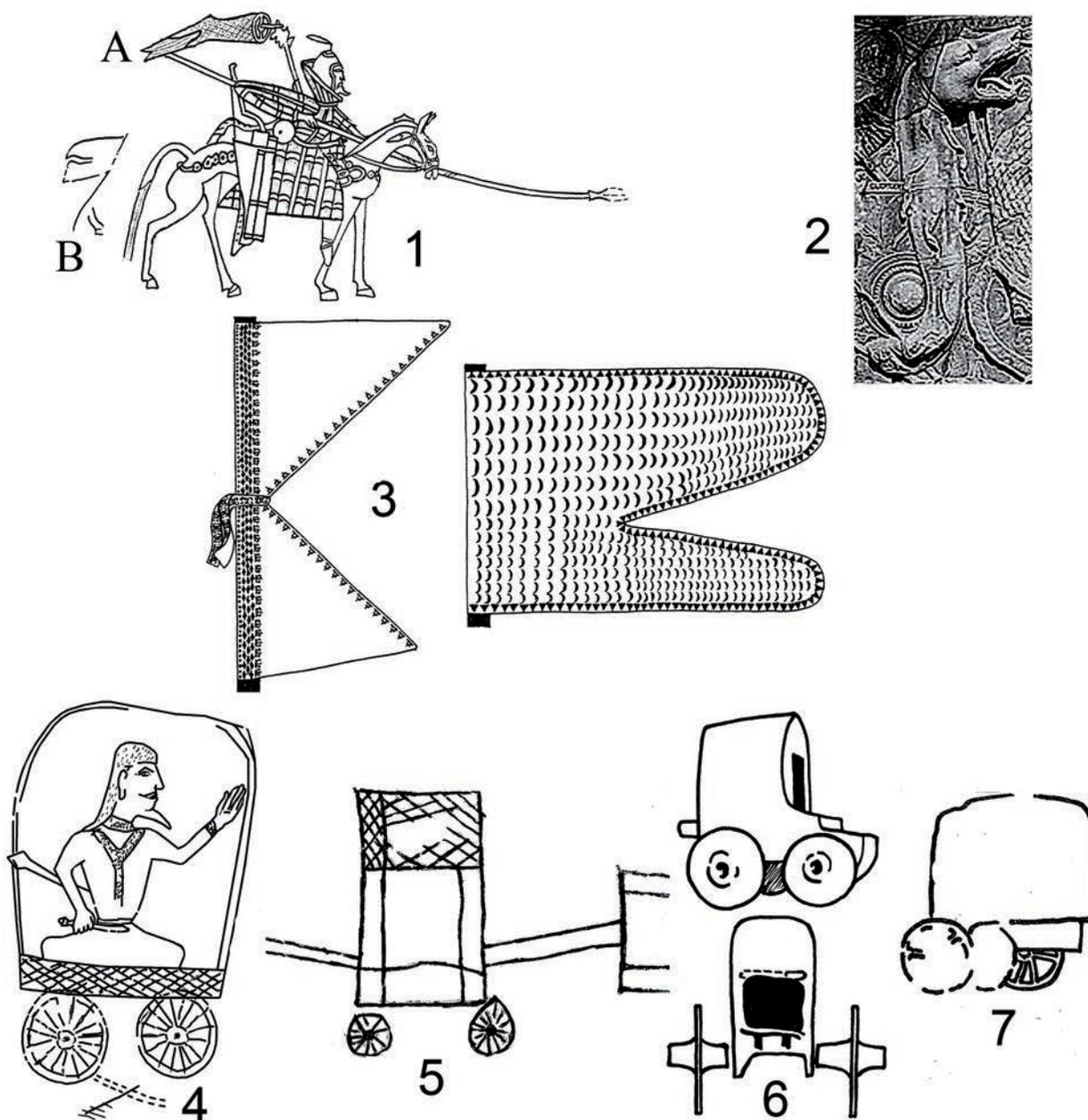

Рис. 2. Штандарты и знамена в Кангюе и их сарматские аналоги: 1 – Орлат (рис. автора); 2 – колонна Траяна, Рим (фото автора); 3 – Дачи, курган 1 (реконструкция автора)

Кангюйскими по происхождению, связанными с влиянием этой державы, мы можем считать у сарматов ряд образов и композиций в искусстве. Образ сидящего анфас со скрещенными ногами божества с сосудом в руках неоднократно встречается у сарматов с I в. н.э. Он имеет у

них, видимо, сакское происхождение и известен в предшествующий период на культовых бронзах Семиречья (Иссыкский клад) [Яценко 2011а]. Это, думается, пример влияния сакского компонента кангюйской культуры. Еще более эффектным является у сарматов облик бога – Хозяина животных с ушами животного, длинными усами и обычно – с небольшим выступом на макушке, иногда – монголоидного

облика. Его либо сопровождает пара фантастических крылатых хищников (рис. 3, 1-2), либо он представлен в виде одиночной головы (рис. 3, 3-4). Он изображен, среди прочего, в Кривом Роге на уникальной стеле из известняка, вкопанной в склон некоего холма и доступной для обзора со всех сторон [Яценко и др. 2022: рис. 6; 10]. Меч с его образом из Лебедевки можно считать кангюйским даром южноуральскому аристократу-номаду [Яценко 2022б]. Этот персонаж с ушами животного (связанный с оленем или горными козлами) в сакское время изображался в петроглифах на юге Казахстана [Марьяшев 1979: 225; рис. 14; Медоев 1979: рис. 23]. Это также сакский элемент кангюйского наследия у сарматов.

Интересно, что в I–III вв. сарматы разных объединений выбирали из античных изделий обычно те, где представлены *все три образа* из обширного греко-римского пантеона божеств. Это Силен, Эрот / Амур и Афина / Минерва. Представляется, это тоже не случайно и является часть среднеазиатского наследия (в первую очередь – кангюйского). О божестве со звериными ушами (Силен) уже говорилось (он известен в это время из в Хорезме, в Зале танцующих масок дворца Топрак-калы). Два других образа имеют интересные параллели у такого древнего народа, как индо-арийские кафиры / нуристанцы Гиндукуша: это образы крылатых братьев Панеу, несущих смерть (ср. Эрота с луком), и богини-воительницы Дизани [ср. Яценко 1996].

Могли повлиять на сарматов и сложно скомпонованные эпизоды предполагаемого кангюйского эпоса, гравированные на костяных изделиях в Орлате и Кызылбулаке IV (ср. Яценко 2000: 89-90; 2022б: рис. 2-4; Ilyasov 2003). Эпический жанр у ранних кочевников был по многим причинам никак не менее важным, чем эпос [Яценко 2021б: 176-180]. Особенно интересны здесь развернутые сцены сражения или военного триумфа, являющиеся кангюйской спецификой (рис. 4).

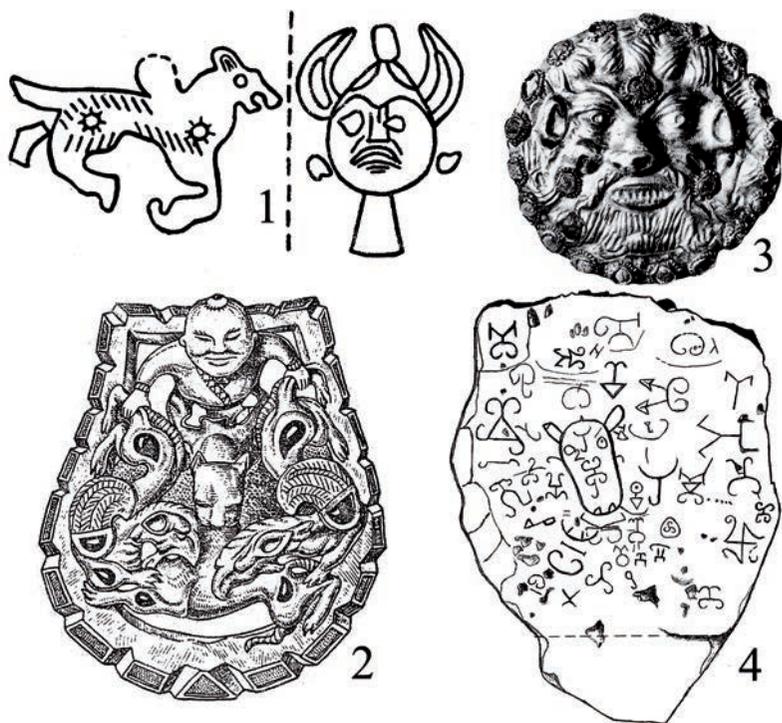

Рис. 3. Божество – Хозяин животных со звериными ушами у сарматов: 1 – Ростов-на-Дону, курган 1983 г. (рис. автора); 2 – Пороги, по: [Симоненко, Лобай 1991: рис. 12, 1]; 3 – Лебедевка, по: [Moshkova 1994: 86]; 4 – Кривой Рог, по [Яценко и др. 2022: рис. 10]

Рис. 4. Сцены сражения и триумфа на кангюйской резной кости: 1 – Кызылбулак IV, по: [Горячев 2020: 86]; 2 – Орлат (рис. автора)

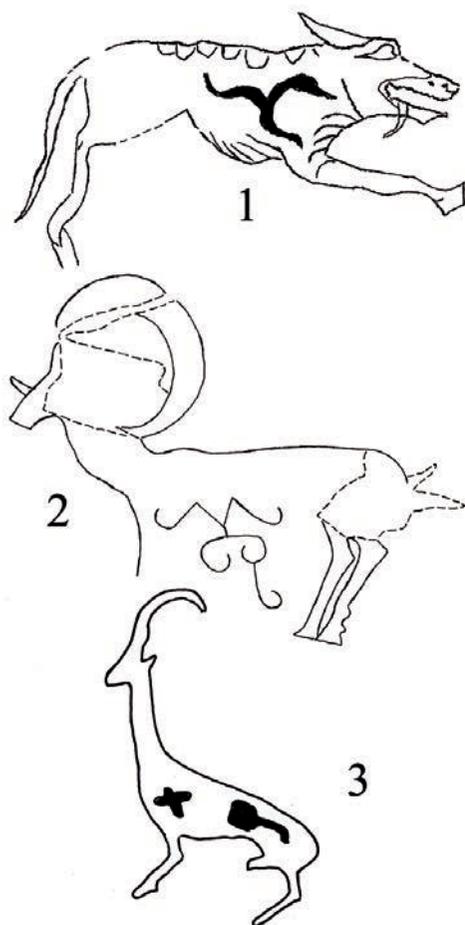

Рис. 5. Изображения диких животных с тамгами на теле в Средней Азии II-I вв. до н.э. – I-III вв. н.э.:
 1 – Ешкиольмес (Семиречье);
 2 – Акколь (Чу-Илийские горы);
 3 – Жалтыракташ (верховья Таласа), по: [Рогожинский и др. 2020: рис. 4]

Обе сцены очень динамичны и обильны орнаментальным подчеркиванием значимых деталей, переданных разнообразной штриховкой, в обеих немалую роль играет демонстрируемая героем отрубленная голова врага. Два эпизода эпоса с одним и тем же героем видим, похоже, и на соседних плоскостях в петроглифах Жалтыракташа.

Интересно сравнить сарматские изображения одиночных животных с тамгой на теле и аналогичные кангюйские, а также «пост-сакские» в прилегающем к востоку Семиречье [Рогожинский и др. 2022: рис. 4] (рис. 5). Обычно среднеазиатские образы обычно видим на петроглифах; животные находятся в движении: в беге или в позе приостановки. Наконец, у сарматов тамга представлена на домашнем животном, а в Трансоксиане – обычно на диком. Похоже, здесь влияния не обнаруживается, и смысл изображений разный.

Что касается преемственности культуры Кангюя (и его сакского компонента) и его потомков IV–VIII вв. в сфере визуальных сюжетов, то ее удобно проследить на материале граффити и вотивных скульптурок такого хорошо изученного в верхних слоях (V–VIII веков) важного святилища, как Сидак, которое возникло около 2000 лет назад. Количество древних сюжетов у преемников кангюйцев в этом обширном комплексе ничтожно мало: это горный козел «в жертвенной позе», воспроизводящий иконографию сакского времени, и мужская фигурка с расставленными ногами и фаллосом: аналогичные изображения (но скульптурные) известны у сарматов уже в I в. до н.э. (Ногайчинский курган) (ср. [Яценко 2011б: 199; Смагулов, Яценко 2010: 205-210; 2013]). То, что в этом святилище все изображенные животные – мужского пола, может свидетельствовать скорее о специфике культа в конкретном святом месте.

ЛИТЕРАТУРА

- Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Древний город на восточном берегу Каспийского моря // *Stratum plus*. 2019. № 4. С. 17-38.
- Горячев А.А. Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Турген. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. 260 с.
- Захоронение женщины-воина времен государства Кангюй обнаружили в Туркестанской области. URL: https://aqparat.info/news/2022/07/06/10380229-zahoronenie_zhenschiny-voina_vremen_gosu.html (дата обращения: 05.08.2022)
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
- Марьяшев А.Н. Петроглифы Семиречья // *Звери в камне* / Отв. ред. В.Б. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 211-229.

- Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Ч. 1. Сары-Арка, Мангышлак. Алматы: Жалын, 1979. 174 с.
- Рогожинский А.Е., Сулайманова Т.А., Яценко С.А. О некоторых мифо-эпических сюжетах на позднеантичных петроглифах Тянь-Шаня // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. М-лы междунар. науч. конф. Абакан, 2022. В печати.
- Симоненко А.В. Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребения знати у с. Пороги). Киев: Наукова думка, 1991. 112 с.
- Смагулов Е.А. К вопросу о возрасте города Туркестан // Поволжская археология. 2019. № 2. С. 17-31.
- Смагулов Е.А., Яценко С.А. Знаки–нишан и сюжетные граффити V–VIII вв. на керамике городища Сидак на средней Сырдарье // Отзвуки Великого Хорезма. К 100-летию со дня рождения С.П. Толстова. / Отв. ред. Э.Д. Зиливинская. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 190-221.
- Смагулов Е.А., Яценко С.А. Граффити Сидака (Южный Казахстан) // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. 2013. № 3. С. 210-225.
- Торежанова Н.Ж., Торгоев А.И., Кулиш А.В. Раскопки замка Бака-тобе в 2015–2017 гг. // X Оразбаевские чтения: м-лы междунар. конф. «Историко-культурное наследие Казахстана: проблемы изучения, интерпретации и сохранения» / Отв. ред. Г.М. Мутанов. Алматы: Қазақ университеті, 2018. С. 216-220.
- Яценко С.А. О переосмыслении некоторых образов античного искусства сармато-аланами (сер. I - сер.III вв. н.э.) // Античная цивилизация и варварский мир (Тезисы докладов V археологического семинара) / Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1996. С. 19-20.
- Яценко С.А. Эпический сюжет ираноязычных народов в древностях Степной Евразии // ВДИ. 2000. № 4. С. 186-204.
- Яценко С.А. Алания I-II вв. н.э. как кочевая империя // Монгольская империя и кочевой мир. Книга 3 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. С. 281-310.
- Яценко С.А. Сидящий мужской персонаж с сосудом в руке на сакской бронзовой «курильнице» из Семиречья // История и археология Семиречья. Вып. 4. Алматы: фонд «Родничок», 2011а. С. 7-26.
- Яценко С.А. К дискуссии об оформлении позднесарматской этнокультурной общности 2-й пол. II –1-й пол. III вв. н.э. // НАВ. 2011б. Вып. 12. С. 197-213.
- Яценко С.А. О сарматских ограблениях синхронных курганов // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2. С. 25-41.
- Яценко С.А. Миграция идей в мире ранних кочевников (на примере «кочевых империй» Средней Азии и сармато-аланов) // X международная археологическая конференция «Проблемы археологии Восточной Европы (материалы конференции) / Отв. ред. Е.В. Вдовченков. Ростов-на-Дону: Изд. ЮФУ, 2014. С. 197-199.
- Яценко С.А. К изучению планиграфии курганных могильников позднесарматского времени // Stratum plus. 2016. № 4. С. 69-90.
- Яценко С.А. Женщины-воительницы ранних кочевников в больших и малых некрополях (канализу планиграфии и уточнению статуса) // Сходнознавство. 2018. № 82. С. 47-84.
- Яценко С.А. Некоторые центральноазиатские элементы в культуре Сарматии римского времени // Stratum plus. 2020. № 4. С. 135-145.
- Яценко С.А. Двадцать лет спустя. Об общественном строе и политической активности нижнедонских аланов середины I – середины II в. н.э. // Из истории культуры народов Северного Кавказа / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. 2021а. Вып. 14. Ставрополь: Печатный двор. С. 215-230.
- Яценко С.А. Вероятные герои эпоса скифов на фоне древних иранских и иранизированных обществ Степи // Новый Гермес. 2021б. Вып. 13-4. С. 176-212.
- Яценко С.А. О сарматской орнаментике // Из истории культуры народов Северного Кавказа / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. 2022а. Вып. 15. Ставрополь: Печатный двор. С. 211-226.
- Яценко С.А. Кочевое население Кангюя в памятниках искусства // Цивилизация Центральной Азии: взаимоотношение оседлых и кочевых культур. М-лы междунар. конф. к 75-летию А.А. Анарбаева. Ташкент, 2022б. В печати.
- Яценко С.А., Авизова А.К., Торгоев А.И., Саипов А., Кулиш А.В., Китов Е.П., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торежанова Н.Ж., Тур С.С., Иванов С.С. Археология и история Кангюйского государства. Шымкент: Элэм, 2020. 288 с.
- Яценко С.А., Шевченко Е.Б., Усенко В.П. О серии каменных плит с сарматскими тамгами из Одесского археологического музея // Stratum plus. 2022. № 6. В печати.
- Ilyasov J.Ya. Covered Tail and "Flying" Tassels // Iranica Antiqua. 2003. Vol. XXXVIII. P. 259-325.
- Moshkova V.G. Le cimetiere Sarmate de Lebedevka dans le sud de l'Oural // Les dossiers d'archeologie. 1994. No 194. P. 84-87.

**Пан Лин,
Ван Юйфу**

**Пан Лин, Panling8600@qq.com
Ван Юйфу, 979236360@qq.com**
Совместный исследовательский центр
археологии Шелкового пути,
Северо-Западный Университет, Сиань, Китай

Исследование культурных факторов и связанных с ними вопросов хунну в Северо-Восточном Китае во времена династии Западная Хань

Аннотация. В настоящее время культурные предметы хунну на северо-востоке Китая в основном находятся в южной части района Хулунбуир (呼伦贝尔), а другие в основном находятся за пределами границы династии Хань округа Ляодун (辽东郡), в окрестностях округа Ляоси (辽西郡) и округа Юбейпин (右北平郡), т. е. в северной части провинции Ляонин и город Чифэн (Внутренняя Монголия). В этой статье проводится всесторонний анализ этих предметов культуры хунну. В начале династии Западная Хань часть людей из хунну (Цзо) (匈奴左部) мигрировала в южную часть Хулунбуира. Они сосуществовали с коренными сяньбэй (鲜卑) в этом районе, в то же время эта группа хунну также сосуществовала с ухуань, которые мигрировали в этот район с равнины Соннэнь (松嫩平原). Вскоре хунну взяли под контроль Ухуань (乌桓), и они часто вторгались в приграничные районы династии Хань на юге современного Северо-Восточного Китая. В период Юаньшоу императора У-ди династии Хань (汉武帝元狩年间) хунну покинули Северо-Восточный Китай вследствие военного нападения династии Западная Хань. Но ухуань продолжали жить за пределами династии Хань и два десятилетия спустя вторглись в округ Ляодун династии Западная Хань. Династия Западная Хань победила ухуаней. А затем династия Западная Хань переселила ухуаней в окрестности Великой стены династии Хань для защиты от хунну. В настоящее время в Северо-Восточном Китае не обнаружено определенных могил культуры хунну, но здесь были обнаружены предметы с элементами культуры хунну. Большая часть этих предметов датировано временем династии Западная Хань (II в. до н.э. – I в. н.э.), в основном это реликвии Сяньбэй и Ухуань под влиянием культуры хунну. Среди этих предметов те, что распространены в южной части Хулунбуира, принадлежат Сяньбэй и Ухуань, а те, что распространены в уезде Сифэн провинции Ляонин и городе Чифэн автономного района Внутренняя Монголия, являются остатками Ухуань.

Ключевые слова: Хулунбуир(呼伦贝尔), ханьшуэрциска культура (汉书二期文化), Хунну (Цзо) (匈奴左部), Сяньбэй(鲜卑), Ухуань (乌桓)

**Пан Лин,
Ван Юйфу,**
Жібек жолы археологиясының
бірлескен зерттеу орталығы,
Солтүстік-Батыс университеті, Сиань, Қытай

Батыс Хан династиясы кезеңіндегі солтүстік-шығыс Қытайдағы мәдени факторлар және онымен байланысты хунну мәселелерін зерттеу

Аннотация. Қазіргі уақытта Солтүстік-Шығыс Қытайда хунну мәдениетінің заттары негізінен Хулунбуир (呼伦贝尔) ауданының оңтүстік бөлігінде, ал басқалары негізінен Хань әулетінің (汉塞) шекарасынан тыс Ляодун (辽东郡) округі, Ляоси (辽西郡) округінің маңайы және Юбейпин (右北平郡) округі, Ляонин провинциясының солтүстік бөлігі және Чифэн қаласында (Ішкі Моңғолия) орналасқан. Бұл мақалада хунну

мәдениетінің осы бұйымдарына жан-жақты талдау жасалған. Батыс Хань әулетінің билігінің басында хунну (Цзо) (匈奴左部) адамдарының бір бөлігі Хулунбуиурдің оңтүстік бөлігіне қоныс аударады. Олар бұл ауданда жергілікті сяньбэйлермен (鲜卑) қатар өмір сүрді және осы кезде хуннулардың осы тобы Соннэнь (松嫩平原) жазығынан осы ауданға қоныс аударған ухуандармен бірге өмір сүрген. Кейіннен Көп ұзамай хунну Ухуанды (乌桓) қол астына қаратып, қазіргі солтүстік-шығыс Қытайдың оңтүстігіндегі Хань әулетінің шекаралас аумақтарына жиі шабуылдар жасап тұрды. Хань әулеті императоры У-Ди билік еткен Юаньшу кезеңінде (武帝元狩年间) хунну Батыс Хань әулетінің әскери соққысы әсерінен Солтүстік-Шығыс Қытайды тастап шегінеді. Дегенмен ухуан Батыс Хань әулеті шегінен тыс қоныстануын жерде өмір сүруін жалғастырды және жиырма жылдан кейін Батыс Хань әулетінің Ляодун округіне басып кірді. Батыс Хань әулеті ухуандарды жеңеді. Одан кейін Батыс Хань әулеті ухуандарды хуннудан қорғау үшін Ұлы қорған маңына қоныстандырады. Қазіргі таңда солтүстік-шығыс Қытай аумағында хунну мәдениетіне жататын нақты жерлеу орындары табылмағанымен, хунну мәдениетінің элементтері бар бұйымдар табылды. Бұл құралдардың басым бөлігі Батыс Хань әулеті кезеңімен (б.д.д. II ғ. – б.д. I ғ.) мерзімделеді және хунну мәдениетінің әсеріндегі Сяньбэй мен Ухуан жәдігерлері болып табылады. Бұл құралдардың Хулунбуиурдің оңтүстік бөлігінде таралғандары Сяньбэй мен Ухуанға жатса, Ляонин провинциясының Сифэн уезінде және Ішкі Моңғолия автономиялы ауданының Чифэн қаласында таралғандары Ухуан қалдықтары болып табылады.

Түйін сөздер: Хулунбуир (呼伦贝尔), ханьшуэр мәдениеті (汉书二期文化), Хунну (Цзо) (匈奴左部), Сяньбэй (鲜卑), Ухуан (乌桓)

Pan Ling,
Wang Yufu

Collaborative Research Centre
for Archaeology of the Silk Roads,
Northwest University, Xi'an, China

A Study on the Xiongnu Cultural Elements in Northeast China during the West Han Dynasty and Related Problems

Abstract: In present Northeast China, Xiongnu cultural artifacts are mainly found in the southern part of Hulunbeier (呼伦贝尔) area, other ones were mainly found in the northern side of Liaodong County (辽东郡) beyond the Great Wall of Han (汉塞), as well as near the Liaoxi County (辽西郡) and the northern side of Youbeiping County (右北平郡) beyond the Great Wall of Han. The following conclusions can be drawn by a comprehensive analysis. During the early West Han Dynasty, a branch of left part of Xiongnu (匈奴左部) came into south part of Hulunbeier area and co-existed with the original Xianbei (鲜卑) as well as Wuhuan (乌桓) who newly settled here from Songnen Plain (松嫩平原). Before long, Xiongnu control the Xianbei and both of them moved down to the northern side of Great Wall of in present southern part of Northeast China, and kept on robbing and harassing the Han Counties there. A branch of Wuhuan settled in the area near Han Counties, however, Xiongnu appear mainly during the robbing period and seldom stayed for a long time. During the reign of Emperor Wudi Yuanshou (武帝元狩年间), Xiongnu retreated from present Northeast China under the military strike of West Han, but Wuhuan went on settling in the northern side of the Great Wall and invaded Liaodong County twenty years later. West Han conquered this branch of Wuhuan and drove them guarding the frontier near the Great Wall.

Keywords: Hulunbeier (呼伦贝尔), Hansu Second Period Culture (汉书二期文化), left part of Xiongnu (匈奴左部), Xianbei (鲜卑), Wuhuan (乌桓)

Во времена династии Западная Хань южная часть Северо-Восточного Китая была передана под административную юрисдикцию династии Центральных равнин, но районы за пределами династии Хань долгое время контролировались хунну (Цзо). Анализируя распространение предметов хунну в северо-восточном Китае в этот период и сосуществование этих памятников с останками в этой области, мы можем затем понять основные области деятельности хунну в Северо-Восточном Китае и некоторые племена, управляемые хунну (рис. 1).

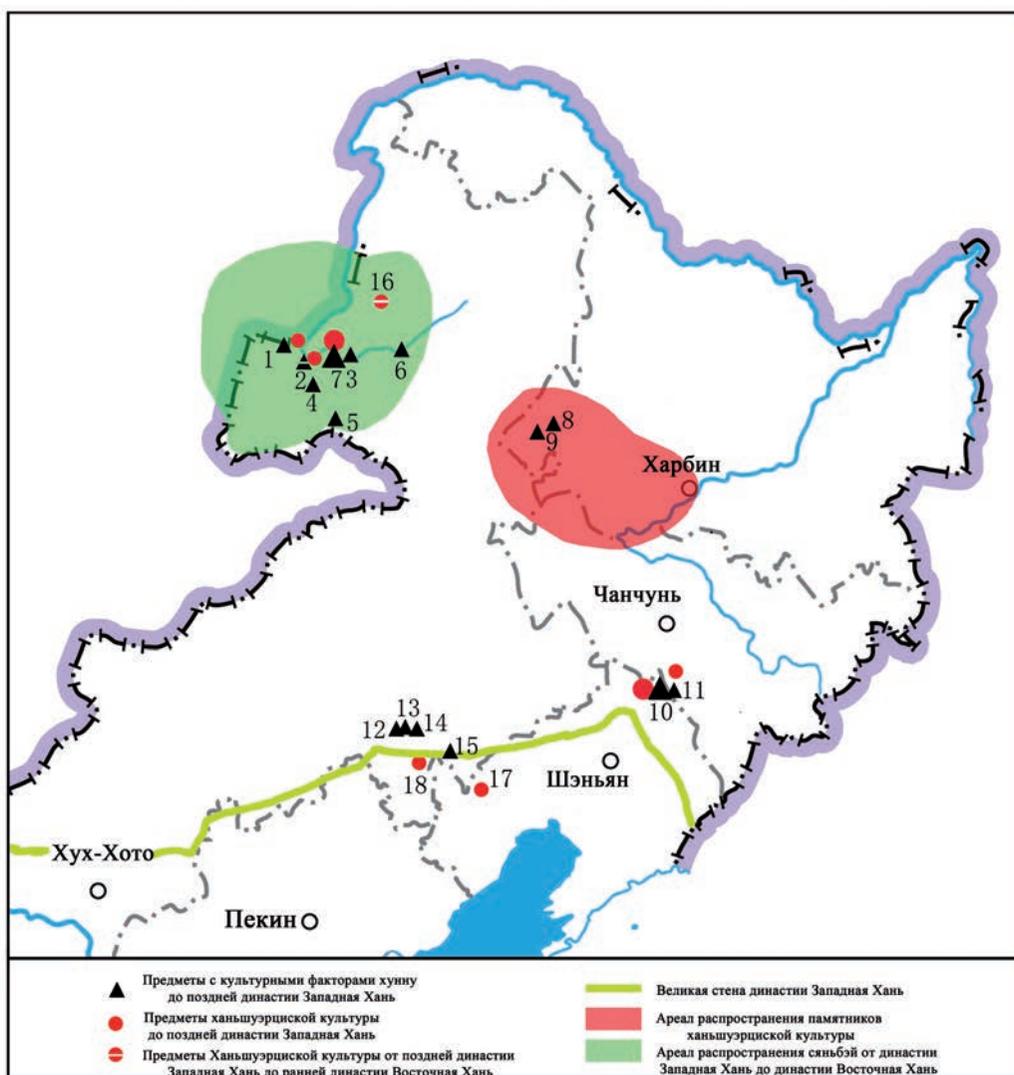

Рис. 1. Карта распространения предметов хунну в Северо-Восточном Китае

1. Могушан 2. Чжалайнор 3. Аобаот Восточный Учжуэрсуму, Ченбарху Аю Баннер 4. Джебран Хуту 5. Убле Болик Суму
6. Хайларский цементный завод 7. Вангон 8. Санцзязи 9. Лаолонгтоу 10. Сичагоу 11. Цайлань 12. С. Паози 13. г. Аобао
14. Саньфу Гача 15. Знамя Аохана 16. Лабдари 17. Бабао 18. Хуншань

Рис. 1. Карта распространения предметов хунну в Северо-Восточном Китае

Предметы из регионов распространения хуннуской культуры

До падения режима северных хунну в середине династии Восточная Хань предметы хунну на северо-востоке Китая были в основном распределены в четырех регионах:

1. Хулунбуир (呼伦贝尔). Предметы хунну были найдены в трех могильниках, включая Могушан, Вангон и Чжалайнор. Предметы хунну также были собраны более чем на четырех стоянках, включая Восточный-Учжуэр-суму Аобаот в Хошуна-Чэнь-Барга-Ци (陈巴尔虎右旗)

1.1. Могильник Могушан (蘑菇山墓地). На могильнике Могушан есть две могилы, содержащие такие же предметы, что и могилы хунну в Забайкалье [Zhongguo shehui et al. 2014a; 2015a].

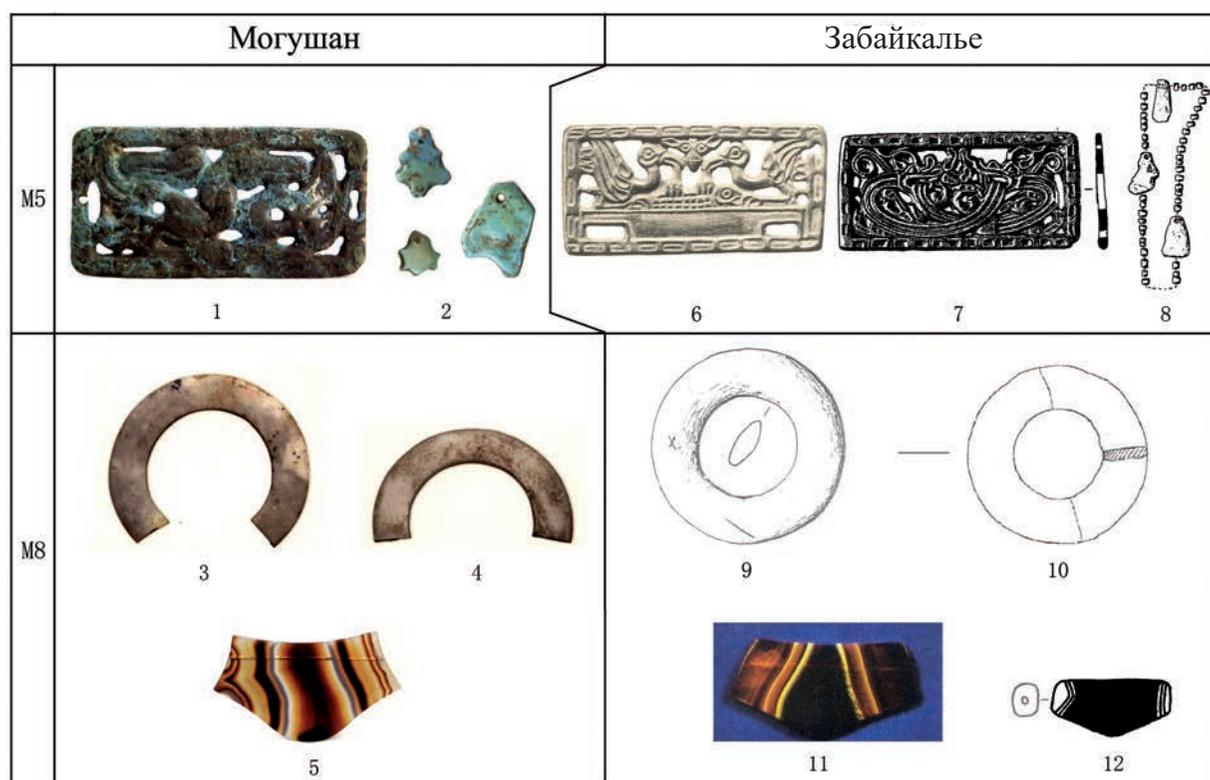

Рис. 2. Предметы хунну из могильника Могушан и Забайкалья: 1-5 – Могушан; 6 – Северный Китай; 7 – Дырестуйский могильник М7; 8 – Дырестуйский могильник М114; 9 – Дырестуйский могильник М114; 10 – Дырестуйский могильник М114; 11 – Иволгский могильник М142; 12 – Дырестуйский могильник М129. 1, 6, 7 – бронза; 2. – бирюза; 8 – бусы с бирюзой; 3, 4, 9, 10 – камень; 5, 11, 12 – агат

В М5 была обнаружена бронзовая пластина (поясная) с полым рисунком животных, которая, очевидно, представляет собой поясную пластину в стиле хунну [Zhongguo shehui et al. 2015a: 169] (рис. 2, 1), но такой орнамент с переплетенными шеями двух птиц был найден только в могильнике Могушан. Лу Циньчжай собрал пластину, найденную в северном Китае, украшением которой является то, что головы двух птиц обращены друг к другу (рис. 2, 6) [Alfred 1933: PL, XXIV, 7]. В М118 Дырестуйского могильника в Забайкальском крае была обнаружена пластина (поясная) с изображением драконов (рис. 2, 7) [Miniaev 1998: Tabl. 104]. Орнамент на этой пластине по композиции похож на орнамент, обнаруженный в М5 (Могушан). Эти три пластины относятся к одинаковой композиции, но с разными орнаментами. Однако в хорошо сохранившихся погребениях хунну прямоугольные пластины с изображениями животных в основном выявляются попарно и закрепляются с двух сторон пояса. Но из могильника Могушан М5 происходит только одна пластина (поясная), и ее назначение может отличаться от предназначения хунну. В М5 были обнаружены бирюзовые подвески неправильной формы с отверстиями [Zhongguo shehui et al. 2015a: 172] (рис. 2, 2), которые были распространены в погребениях хунну Забайкалья во времена династии Западная Хань [Minyaev 1998: Tabl. 99] (рис. 2, 8).

Из М8 происходит два кремово-белых нефритовых кольца, найденных ниже пояса [Zhongguo shehui et al. 2015a: 193] (рис. 2, 3, 4). Небольшие каменные кольца более светлого цвета также часто встречаются в погребениях хунну Забайкалья, обычно ниже пояса (рис. 2, 9, 10) [Minyaev 1998:

Tabl. 98, 2]. Цвет нефритового кольца M8 плохой, и его источником может быть нефрит с плохой текстурой. Более того, цвет и фактура близки к нефритовым кольцам, обнаруженным в могилах хуннов Забайкалья. Из M8 также происходит подвеска из агата с разноцветными полосками, этот кулон имеет перфорацию в центре [Zhongguo shehui et al. 2015a: 191] (рис. 2, 5). Аналогичная подвеска была найдена в Иволгинском [Davydova 1996: cover] и Дырестуйском могильниках [Minyaev 1998: Tabl.120] (рис. 2, 11, 12).

Четыре предмета из могильника Могушан, описанные выше, были в основном найдены в погребениях хунну позднего периода ранней династии Западная Хань до поздней династии Западная Хань, поэтому датировка M5 и M8 также должна быть одинаковой [Pan Ling, Tan Wenyu 2021].

1.2. Могильник Вангон (完工墓地). Могильник Вангон находится в Чэнь-Барга-Ци, Автономный район Внутренняя Монголия. Количество могил, раскопанных в этом могильнике [Pan Xingrong 1962; Neimenggu 1965], относительно невелико, а основным культурным фактором является хань-шуэрциская культура, на которую также оказала влияние культура хунну [Pan Ling 2007]. В культуре хунну есть три типа предметов: сосуды, бронзовые пояса и костяные наконечники стрел.

Сосуды бывают двух форм. Во-первых, посуда с более широкими плечиками. Поверхность сосудов, как правило, серого или серо-коричневого цвета с полосками лощения или следами от обработки стенок сосуда ребром деревянной лопаточки по сырой глине. В ряде случаев на плечиках сосудов этого типа представлен орнамент в виде горизонтальных резных линий или резной волнистой линии (рис. 3, 1). Во-вторых, тулово глиняных сосудов относительно высокое и тонкое, а на шейке – кольцо выступающих гребней (рис. 3, 2). Аналогичные сосуды обнаружены и в Иволгинском [Davydova 1996: Tabl. 62] и Дырестуйском могильниках [Minyaev 1998: Tabl. 28, 5] (рис. 3, 3-5), а также встречаются в погребениях хуннов Забайкалья времен династии Западная Хань.

Горшки из могильника Вангон невысокие, с треугольными узорами, опоясывающими горлышко, и вогнутым квадратом посередине дна горшка (рис. 3, 6). Аналогичные сосуды происходят из погребений хуннов в Забайкалье [Davydova 1996: Tabl. 49, 35] (рис. 7, 8). На дне фиксируется вогнутый квадратный отпечаток, уникальный для сосуда хунну времен династии Хань.

Наборные пояса, найденные в могильнике Ван Гуна, почти все хуннские, включая пряжки (рис. 3, 10), пряжки с рельефным изображением (рис. 3, 11) и привесок в форме ложки, закрепленный на нижней части пояса. Эти три предмета обычно встречаются в погребениях хунну династии Западная Хань, в основном распространены в Забайкальском регионе, а также являются репрезентативными предметами хунну династии Западная Хань [Davydova, Minyaev 2008: fig. 112, 50; Davydova 1996: Tabl. 12; Davydova 1995: Tabl. 187] (рис. 3, 12–15).

Оружие в материалах могильника Вангон представлено луками и стрелами. Такая практика является обычной для хуннов (рис. 3, 16–19). Подобные предметы обнаружены и в могилах хуннов в Забайкалье [Davydova 1996: Tabl. 23; Minyaev 1998: Tabl.47, 112] (рис. 3, 20–22).

1.3. Могильник Чжалайнор (扎赉诺尔墓地). Могильник Чжалайнор подвергался раскопкам много раз [Zheng Long 1961; Neimenggu 1961; Wang Cheng 1987; Neimenggu 1994; Chen Fengshan, BaiJinsong 1994]. Основная часть могильника датируется периодом от поздней династии Западная Хань до начала династии Восточная Хань [Pan Ling, Tan Wenyu 2022a]. В могильнике также есть небольшое количество могил, которые можно датировать периодом Среднезападной династии Хань или династии Вэй и Цзинь. В культуре хунну есть три типа предметов: наборный пояс, котёл на поддоне и сосуд.

В 1959 г. в могиле могильника Чжалайнор был найден наборный пояс с гагатом. Этот наборный пояс имеет прямоугольную привеску, к изнанке пояса крепится поясная петля пластинчатой формы, а по краям и углам пояса имеются круглые отверстия для крепления [Zhongguo shehui et al.

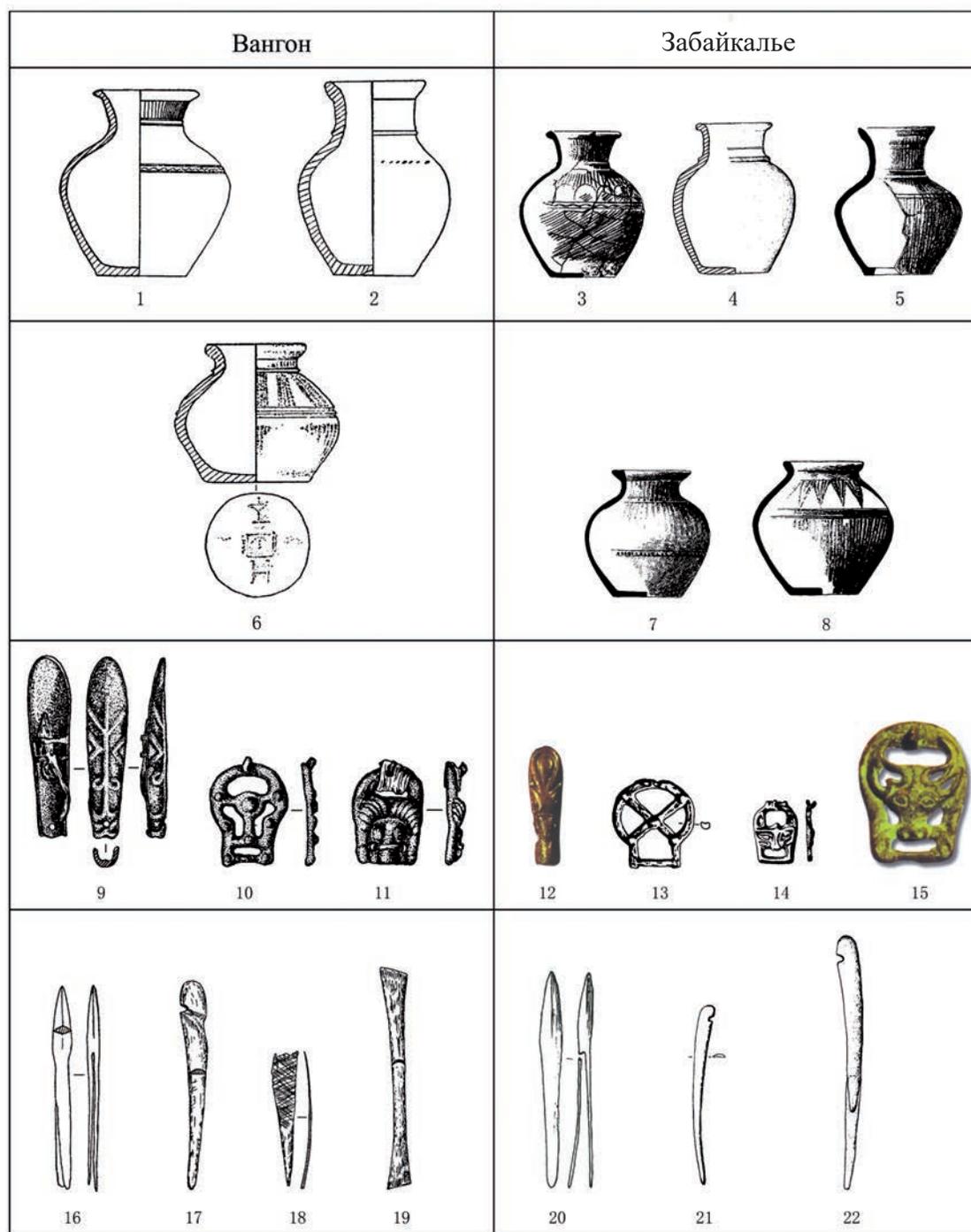

Рис. 3. Предметы хунну из могильника Вангона и Забайкалья: 1, 2, 6, 9–11, 16–19 - Вангон; 3 – Иволгинский могильник М46; 4 – Дырестуйский могильник М16; 5 – Иволгинский могильник М211; 7 – Иволгинский могильник М183; 8 – Иволгинский могильник М119; 12 – Иволгинский могильник; 13 – Иволгинский могильник М48; 14 – Иволгинское городище; 15 – Дырестуйский могильник М14; 20 - Дырестуйский могильник М62; 21 - Иволгиеский могильник М88; 22 - Дырестуйский могильник М123. 1–8 – сосуд; 9–15 – бронза; 16–22 – кость

2015а: 120-121] (рис. 4, 1–8). Подобный наборный пояс был обнаружен и в могильнике Дэрестуй М114, но без поясной петли в виде пластины [Miniaev 1998: Tabl. 98] (рис. 4, 9–15). Аналогичные предметы происходят из погребений хунну в Забайкалье в эпоху Западной Хань, а также в погребениях на Алтае и в других регионах. Прямоугольная пряжка с гагатом найдена в М3012 в могильнике Чжалайнуэр, раскопанном в 1986 г. (рис. 4, 16). Передняя часть пряжки имеет ямку, инкрустированную драгоценными камнями. Пряжка такая же, как и прямоугольная пряжка хунну династии Западная Хань (рис. 4, 17, 18) [Tishkin 2011; Miniaev 1998: *Tablitsa* 7]. Однако край пряжки, найденной в М3012, слегка вогнут, что характерно для прямоугольных пряжек хунну династии Восточная Хань (рис. 4, 22) [Pan Ling 2018; Yi Kejian, Lu Sixian 1984]. Таким образом, эта пряжка имеет характеристики одной и той же пряжки хунну в династии Западная Хань и династии Восточная Хань. Поэтому датировка этой пряжки может быть между династиями Западная и Восточная Хань.

В 1959 г. в могильнике Чжалайнор была найдена овальная медная пряжка с изображением Пегаса [Zhongguo shehui et al. 2015а: 126] (рис. 4, 20, 21). Такой тип пряжек встречается от Тувы (Россия) до могильника Юйшу Лаохэ [Jilinsheng 1987] на северо-востоке Китая, но в раскопанных погребениях хунну она не обнаружена, лишь аналогичный предмет происходит из южного района Монголии [Erdenechuluun 2011]. Предполагается, что датировка пряжек с орнаментом Пегаса должна быть от поздней династии Западная Хань до ранней династии Восточная Хань, и распространение таких пряжек очень широкое. Этот тип пряжки больше не является уникальным для культуры хунну, но можно ясно заметить, что эта пряжка произошла от прямоугольной пряжки в стиле хунну во времена династии Западная Хань [Pan Ling, Tan Wenyu 2022b].

В могильнике Чжалайнор найдены два типа сосудов хуннской культуры. К первому типу относится керамический горшок, найденный в раскопе М4 в 1984 г. Горшок имеет немного короткое и толстое тело, прямую шею и пухлые плечи (рис. 4, 23). Этот горшок похож по форме на горшки, найденные в гробницах хунну от поздней династии Западная Хань до ранней династии Восточная Хань, но орнамент отличается (рис. 4, 24, 25) [Konovalov 1976]. Для района Хулунбуира это единственный сосуд. Второй тип горшков (рис. 4, 26, 27) (с добавлением песка) по общей форме близок к сосудам, найденным в погребениях хунну в Забайкалье во времена династии Западная Хань [Davydova 1996: Tabl. 28, 54; Davydova 1995: Tabl. 8] (рис. 4, 28–30). Но есть небольшая разница между ними – по шейке и плечикам. Два горшка, найденных в М3013, имеют явные царапины на брюшке, но, поскольку они с добавлением песка, на них нет орнамента горшков (глинистый) хунну. Благодаря анализу мы можем предположить, что датировка М3013 могильника Чжалайнор может быть от поздней династии Западная Хань до ранней династии Восточная Хань.

Поэтому датировка культурных факторов хунну в могильнике Чжалайнуэр должна быть от поздней династии Западная Хань до ранней династии Восточная Хань, и только пояс с гагатом датированы серединой династии Западная Хань. Могильник Чжалайнуэр также не было найдено никаких предметов хунну, относящихся к династии Западная Хань, подобных тем, что находятся в могильнике Вангон и могильнике Моугушан. Это может быть связано с более поздней датировкой могильника Чжалайнор, в основном во времена династии Восточная Хань.

1.4. Сбор предметов в других стоянках. В дополнение к трем могильникам, описанным выше, в районе Хулунбуира есть еще шесть стоянок, где были собраны предметы культуры хунну.

Наборный пояс, пара бронзовых пластин с изображением животных и пара привесок в форме ложки были собраны на стоянке Аобаота, Восточный Учжуэрсуму (东乌珠尔苏木敖包特), Чэнь-Барга-Ци (陈巴尔虎旗). Наборный пояс состоит из пары прямоугольных пластин с изображением животных, пяти привесок с изображением тигра, привеска с изображением полулежащей лошади и две привески, закрепленные под поясом [Zhongguo shehui et al. 2014b: 93] (рис. 5, 1–4).

Рис. 4. Предметы хунну из могильника Чжалайнор и Забайкалья: 1-8 -Чжалайнор в 1959 г.; 9-15 – Дырестуйский могильник М114; 16 – Чжалайнор М3012 в 1986 г.; 17 – Яломан II М43; 18 – Дырестуйский могильник М21; 19 - Дырестуйский могильник М138; 20, 21 – Чжалайнор в 1959 г.; 22 – с. Таохатч; 23 – Чжалайнор М3014 в 1986 г.; 24, 25 – Дурлинъяр М2; 26 – Чжалайнор М4 в 1984 г.; 27 – Чжалайнор М3013 в 1986 г.; 28 – Иволгиский могильник М100; 29 – Иволгиский могильник М190; 30 – культурный слой, Иволгинское городище. 1-15 – гагат; 16-21, 23-25 – бронза; 22 – позолоченное железо; 23-30 – сосуд

Прямоугольная пластина (поясная) и привеска с изображением тигра в этом поясе в основном имеют ту же форму, что и в поясе М115 Дырестуйского могильника [Davydova. Minyaev 2008: fig. 55, 47] (рис. 5, 13, 15). Привеска с изображением полулежащей лошади обнаружена в Иволгиском могильнике [Davydova. Minyaev 2008: fig. 101] (рис. 5, 14). Привеска в форме ложки также часто встречается в погребениях хунну во времена династии Западная Хань. В 2 м от пояса были обнаружены две прямоугольные пластины-пряжки с изображением двух лошадей (рис. 5, 5). Эта поясная пластина не встречается в хуннских памятниках в Монголии и Забайкалье, но распространена в Северном Китае и Минусинской котловине, это относительно небольшое количество хуннских пластин-пряжек [Zhongguo shehui et al. 2014b: 93] (рис. 5, 16) [Devlet 1980]. По результатам датировки подобных поясов можно предположить, что описанные выше пояса, обнаруженные в Оботе, датируются периодом с позднего периода ранней династии Западная Хань до поздней династии Западная Хань.

Два бронзовых предмета хунну происходят из района Хулунбуира, но контекст обнаружения не известен. Первый экз. представляет собой небольшую поясную пластину с изображением всадника верхом на лошади [Zhongguo shehui et al. 2014b: 65] (рис. 5, 6). Аналогичный предмет также был поднят в местечке Дулене в Забайкальском крае [Davydova, Minyaev 2008: fig. 116] (рис. 5, 17). Второй предмет — это украшение на конце поясного ремня [Zhongguo shehui et al. 2014b, 65] (рис. 5, 7). Аналогичные находки происходят из М113 Дырестуйского могильника [Minyaev 1998: Tabl. 113] (рис. 5, 18) и М60 могильника Яломан II в Алтайском крае, отличие заключается в форме отверстий [Tishkin et al. 2017] (рис. 5, 19).

В хошуне Шинэ-Барга-Цзоци (新巴尔虎左旗) также были обнаружены бронзовая подвеска и пара «Р»-образных пластин-пряжек с изображением животных (рис. 5, 8–10) [Wang Cheng 2004]. Подобные предметы являются относительно распространенными среди памятников хунну в династии Западная Хань [Davydova, Minyaev 2008: fig.43-44] (рис. 5, 21–22). Бронзовые подвески обычно парные.

Из хошуна Шинэ-Барга-Цзоци с местонахождения Убулбулиго (乌布尔宝力格) происходит ложечковидное изделие с зооморфным декором [Zhongguo shehui et al. 2015: 84] (рис. 5, 11). Нижняя половина предмета имеет на тыльной стороне закрытую трубку, структуру бронзового привеска меньшего количества, также найденного в Дырестуйском могильнике, также костяного [Minyaev 1998: Tabl. 47] (рис. 5, 22).

На Харарском (海拉尔) цементном заводе также был найден привесок в форме ложки [Zhongguo shehui et al. 2018: 159] (рис. 5, 12). Тыльная сторона этого привеска с двумя горизонтально проникающими пуговицами часто встречается в погребениях хунну династии Западная Хань в Забайкалье [Davydova, Minyaev 2008: fig.112] (рис. 5, 23).

1.5. Вывод. В общей сложности с девяти местонахождений в районе Хулунбуира были обнаружены предметы хунну, и большинство из них представляют собой бронзовые или каменные детали пояса, за которыми следуют сосуд или каменные украшения. Большинство этих предметов датируется от ранней династии Западная Хань до средней и поздней династии Западная Хань, а некоторые — от поздней династии Западная Хань до ранней династии Восточная Хань. Все сосуды относятся к династии Западная Хань.

2. Цицикар (город) (齐齐哈尔市). Цицикар расположен в западной части равнины Сонэнь, здесь обнаружены предметы хунну времен династии Западная Хань, которые были найдены в двух памятниках. Большинство предметов хунну были обнаружены в могильнике Санцзяцзы в Цицикаре (рис. 6, 5-15) [Heilongjiang 1988; Pan Ling 2007]. Могильник Санцзяцзы (三家子墓地) относятся к ханьшуэрциской культуре, и вся найденная керамика - к ханьшуэрциской культуре (рис. 6, 1-4).

Рис. 5. Сбор предметов в других стоянках Хулунбуира и предметы из Забайкалья: 1-5 – Аобаот; 6, 7 – Хулунбир; 8-10 – Джебран Хуту; 11 – Убле Болик; 12 – Хайларский цементный завод; 13 – Дырестуйский могильник М115; 14 – Иволгский могильник в 1956 г.; 15 – Дырестуйский могильник М10; 16 – Северный Китай; 17 – Дурины; 18 – Дырестуйский могильник М113; 19 – Яломан II, М60; 20 – Дырестуйский могильник М10; 21 – Дырестуйский могильник М8; 22 – Дырестуйский могильник М62; 23 – Дырестуйский могильник. 1-18, 20-22, 24 – бронза; 19, 23 – кость

Могильник Лаолонгтоу (老龙头墓地) находится в районе Фулаэрджи города Цицикар и является могильником ханьшэуэрской культуры. В этом могильнике была обнаружена пара пластин-пряжек в форме буквы «Р» с изображением Грифона, кусающего животное (рис. 6, 16). Однако по сравнению с обычными орнаментами того же типа в династии Западная Хань изображение зверя толще и тусклее. Предполагаем, что датировка этой «Р» пластины-пряжки относительно поздняя [Heilongjiang 2011].

3. Район Чифэн (赤峰地区). В настоящее время в районе Чифэн было найдено всего 5 предметов хунну, все они собраны в четырех стоянках. С. Паоцзы (泡子村), посёлке Цзефангинцзы (解放营子乡), знамя Веннюте была найдена поясная пластина (рис. 7, 1, 2) [Pan Hao 1988]. Эта пластина не имеет рамки, а четыре угла пластины перфорированы. Орнамент пластины представляет собой пару экипажей и людей. Этот вид пластин относительно редок среди пластин хунну. Лу Циньчжай собрал пластину в форме буквы «Р» в северном Китае [Alfred 1933], и пластина в форме буквы «Р», обнаруженная в могильнике Сичагоу (рис. 8, 5), также имеет аналогичный орнамент [Liaoningsheng 2022]. Пластины с отверстиями по четырем углам также редки, и только одна подобная пластина была найдена в могильнике Сичагоу (рис. 8, 11). Прямоугольная поясная пластина с изображением животного была найдена на горе Аобао в городке в Венгниут-ци (翁牛特旗) (рис. 7, 3), но края пластины размыты. Эта пластина поясная, вероятно, похожа на пластину с изображением дракона, обнаруженную в Иволгиском могильнике. Поясная пластина с изображением животных в форме буквы «Р» была найдена в Саньефу Гаче, Багатал-Суму, Венгниут-ци (翁牛特旗巴嘎他拉苏木三爷府嘎查), с изображением грифона, кусающего зверей (рис. 7, 4). Талия зверя тоньше, что соответствует тому же стилю орнамента династии Западная Хань. В 2007 году в городском музее Чифэн была выставлена поясная пластина с изображением животного в форме буквы «Р», обнаруженная в Аоханьском знамени, на которой также изображен грифон, кусающий зверя (рис. 7, 5). Тем не менее, туловище зверя относительно прочное, что похоже на стиль мемориальной доски, обнаруженной в могильнике Лаолонгтоу Цицихар.

Все предметы хунну, найденные в этих четырех стоянках в районе Чифэн, были собраны. Однако в районе Хуншань города Чифэн и районе с. Бабао Шуангта города Чаоян был найден наиболее типичный предмет ханьшэуэрской культуры, а именно горшок в форме утки (рис. 6, 1, 2, 4). Горшок был найден в с. Бабао, а на плече горшка есть треугольный и узор из зубцов гребня. Украшение и текстура этой керамики такие же, как у керамики ханьшэуэрской культуры. Датировка горшков в форме утки обычно приходится на середину династии Западная Хань, и в среднем в каждом могильнике только один предмет. Три горшка в форме утки, найденные в районе Хуншань и с. Бабао, указывают на то, что население ханьшэуэрской культуры также жили недалеко от четырех стоянок, где были найдены культурные предметы хунну в районе Чифэн.

4. Могильник Сичагоу (西岔沟墓地) и Могильник Цайлань (彩岚墓地) в нижнем течении р. Донляохэ. Могильник Сичагоу расположен в уезде Сифэн провинции Ляонин, а могильник Цайлань [Liu Shengyan 1983] расположен в уезде Шуанляо провинции Цзилинь. Расстояние между двумя могильниками составляет всего 30 километров. Основным культурным фактором могильника Сичагоу и могильника Цайлань является ханьшэуэрская культура. Могильник Сичагоу и могильник Цайлань также содержат могил баошаньской культуры, культуры хань центральных равнин и хуннуской культуры. В могильнике Сичагоу были обнаружены культурные предметы хунну-бронзовые пояса и предметы, связанные с ремнями. Особенности пояса включают пряжки в виде зверей, пряжки в виде колес, пряжки в виде животных и овальные пряжки с фигурами и пластина-пряжка в виде буквы «Р», изображающими фигурки карет, изображение клыка, кусающего зверя, и изображение кусающего зверя грифона. Кроме того, встречаются и квадратные поясные пластины с

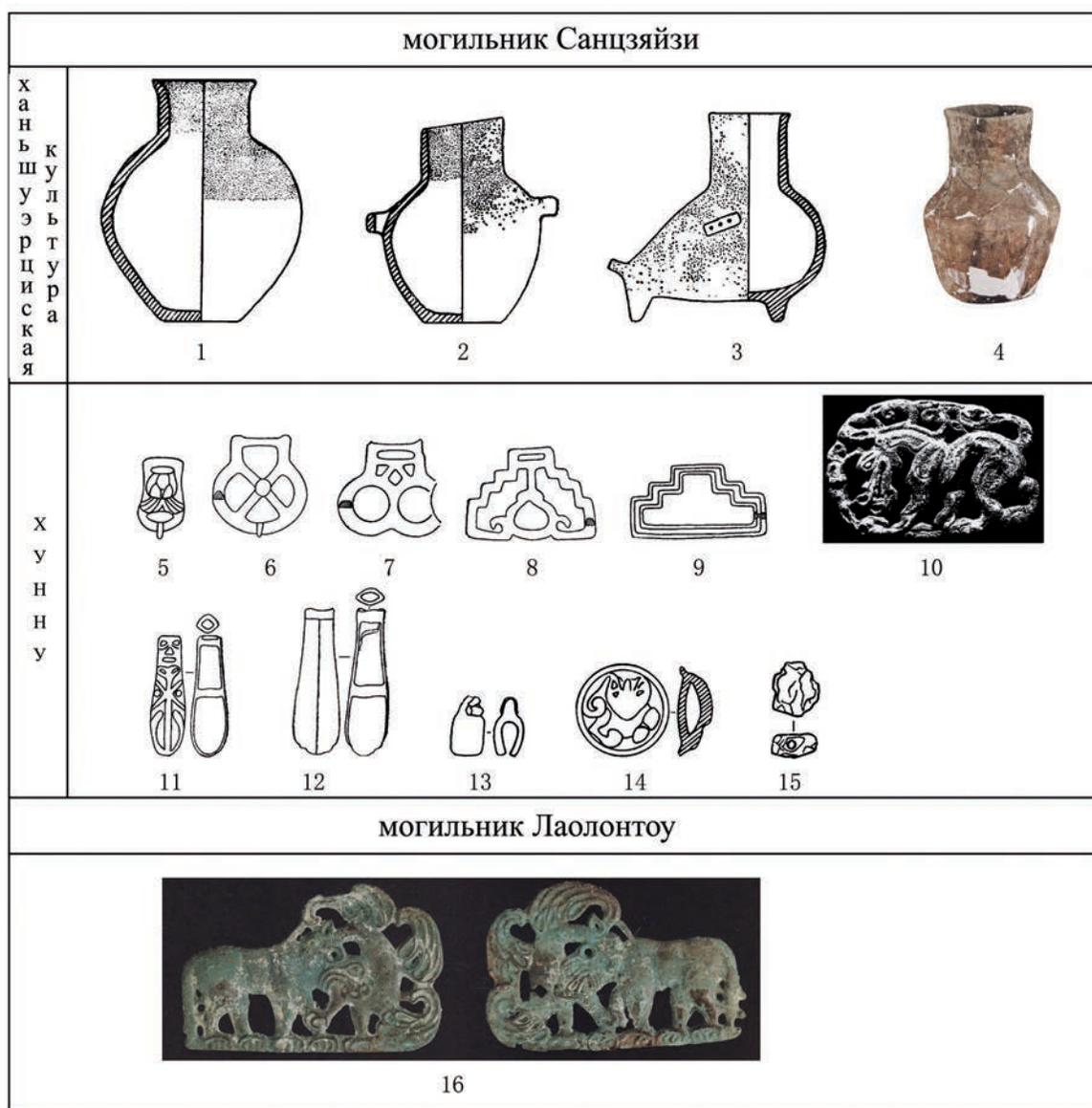

Рис. 6. Предметы хунну из Цийкара: 1, 2, 4 – горшок; 3 – горшок в форме утки; 5-9 – пряжка; 10, 16 – пластина поясная; 11, 12 – привесок; 13, 15 – подвеска; 14 – диск с орнаментом медведя.
1-4 – сосуд; 15 – бирюза; 5-14, 16 – бронза

перфорированными краями, на которых изображены пара коров, пара верблюдов и т. д (рис. 8, 1-14). Под поясом установлены два вида предмета: поясное украшение в виде ложки и подвеска в виде скобы (рис. 8, 15-18). В дополнение к этому есть некоторые другие предметы, такие как бронзовые колеса и бирюзовые подвески неправильной формы (рис. 8, 19). В могильнике Сичагоу не было найдено хуннской керамики, датируемой периодом с позднего периода ранней династии Западная Хань до середины и конца династии Западная Хань. Могильник Цайлань в уезде Шуанляо города Ляоюань провинции Цзилинь имеет тот же культурный облик, что и могильник Сичагоу, но была опубликована только одна поясная пластина хунну.

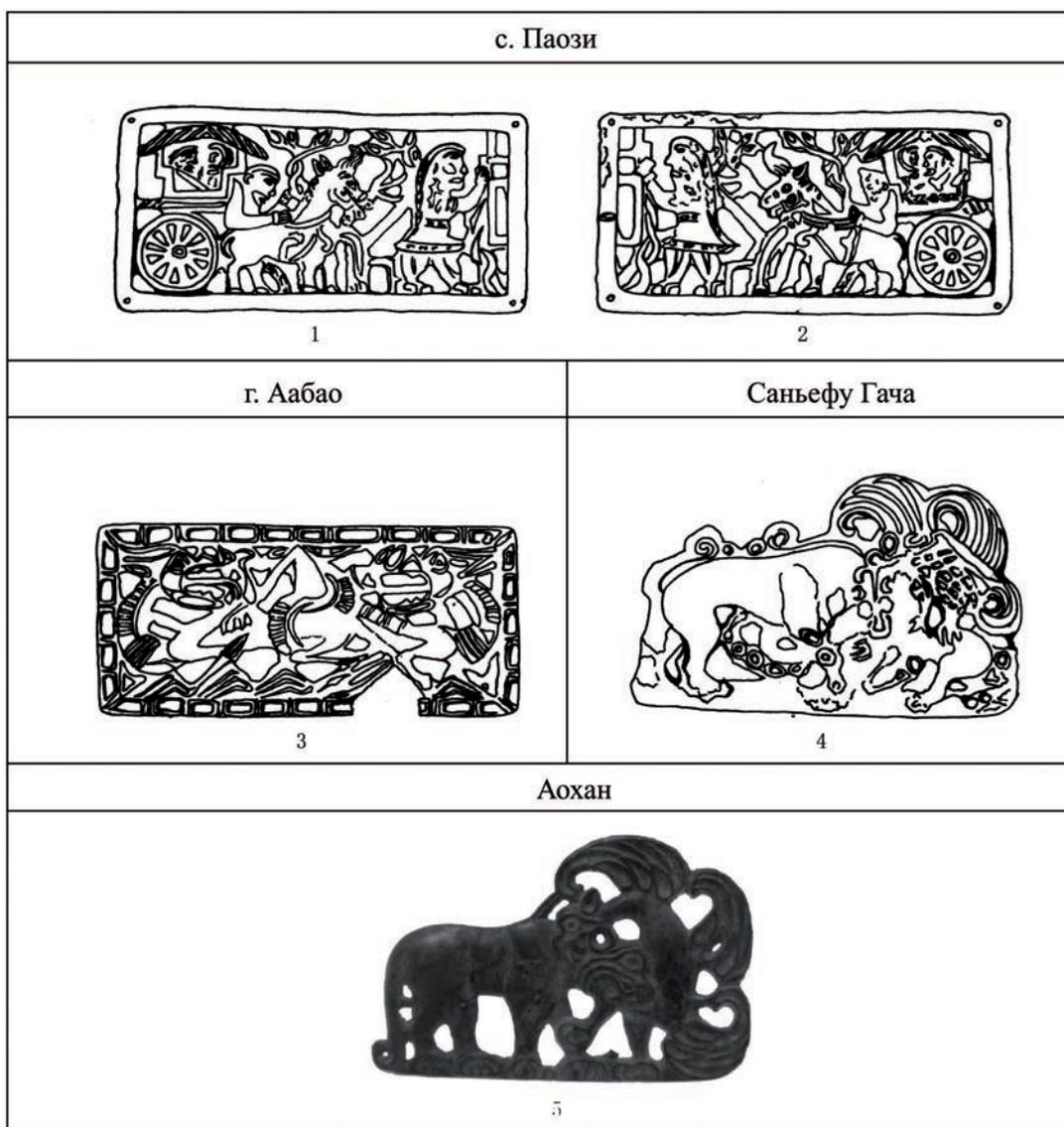

Рис.7. Предметы хунну из района Чифэн, Внутренняя Монголия. 1-5 – пластина поясная

Датировка могильника Сичагоу – с позднего периода ранней династии Западная Хань до поздней династии Западная Хань, могильник Цайлань также может относиться к этому периоду времени.

Закономерности распространения предметов

Большинство культурных предметов хунну, найденных в северо-восточном регионе, относятся к более позднему периоду ранней династии Западная Хань до середины и поздней династии Западная Хань. Этот период является основным периодом, когда хунну оказали влияние на северо-восточный регион. Наиболее широкое распространение и наиболее продолжительное существование предметы культуры хунну имеют в юго-западной части района Хулунбуир. Керамика ханьшуэрциской культуры и хунну одновременно появилась в могильнике Ван Гуна, что указывает на то, что люди из этих двух культур, вероятно, вступали в смешанные браки. И хунну, и ханьшуэр-

циская культура были иностранными культурами, проникшими в южную часть Хулунбуира во времена династии Западная Хань. Начиная с периода Воюющих царств и до династии Западная Хань, ханьшүэрская культура изначально была распространена в северной части равнины Суннен. В основном ареале распространения ханьшүэрской культуры только на двух стоянках, Санцзязи и Лаолонгтоу, обнаружены предметы хунну, но хуннская керамика не обнаружена.

Предметы культуры хунну в основном распространены в могильнике Сичагоу и могильнике Цайлань в Северо-Восточном Китае, и такие предметы также распространены в Венгниут-ци (翁牛特旗) и АоХан-ци (敖汉旗). По основным культурным факторам могильники Сичагоу и Цайлань можно отнести к ханьшүэрской культуре. Хотя четыре памятника Венгниут-ци и АоХан-ци также обнаружили меньше предметов хунну, они близки к ханьшүэрской культуре.

Поэтому культурные предметы хунну на раннем и среднем этапах династии Западная Хань были в основном распространены в южной Хулун Буир, к северу от границы династии Хань в Восточном Ляонине, в окрестностях границы династии Хань в Западном Ляонине и к северу от границы династии Хань в Юбейпине (рис. 1). В этот период хуннская культура имела тесную связь с ханьшүэрской культурой, что нашло отражение в могильнике Вангон в районе Хулунбуира. Однако керамика хунну не была найдена в других областях, кроме Хулунбуира, но было обнаружено, что предметы хунну сосуществуют или соседствуют с ханьшүэрской культурой. С конца династии Западная Хань до начала династии Восточная Хань лишь небольшое количество предметов хунну было найдено в южной части Хулунбуира и в районе распространения Фуюй. Предметы хунну в районе Хулунбуира, возможно, пришли непосредственно от хуннов, в то время как предметы хуннов в ареале распространения Фуюй должны были быть получены путем торговли или даров.

К какой этнической группе принадлежит ханьшүэрская культура и Жители хунну (Цзо)

1. К какой этнической группе принадлежит ханьшүэрская культура? Ханьшүэрская культура — важная археологическая культура, распространенная в северной части Северо-Восточного Китая от периода Воюющих царств до династии Западная Хань. На раннем и среднем этапах династии Западная Хань ханьшүэрская культура развивалась на северо-запад, сосуществовала с хунну в южной Хулунбуира и следовала за хунну на юг до границы династии Хань. В отличие от культуры хунну, Ханьшүэрская культура развивалась в виде керамики на юге и северо-западе. На могильнике Вангон обнаружен обычай многолюдного захоронения ханьшүэрской культуры. Поэтому внешнее развитие ханьшүэрской культуры — это и миграция культурного населения. Основным культурным фактором могильника Сичагоу является ханьшүэрская культура, на могильнике более 400 могил, что также отражает то, что большинство людей этой культуры мигрировали в район Ляодун. К какой этнической группе принадлежит ханьшүэрская культура? У них была сильная способность мигрировать, и они имели тесные контакты с хунну, что также было записано в книгах по истории.

«Ши цзи» и «Хань Шү» зафиксировали, что во времена династии Западная Хань династия Хань в западных и восточных районах Ляонин контактировала с четырьмя племенами, а именно сунну, ухуань, фуюй и когурё. Согласно историческим записям, появление фуюй и когурё произошло в конце периода Ван Ман [Shi Maqian 1959: 2879–2920; Ban Gu 1962: 3743–3835; Fan Ye 1965: 2807–2827]. В начале и середине династии Западная Хань только хунну и ухуань имели контакт с династией Хань. Мы идентифицировали памятников хунну, но ухуань остается неубедительным.

Согласно «Вэй шу», написанной Ван Шэнем, во времена династии Западная Цзинь, Ухуань и Сяньбэй являются потомками Дунху. В конце династии Цинь и в начале династии Хань сунну Модунь шаньюй победил дунху, а оставшиеся люди дунху были названы ухуань и сяньбэй соответственно. Язык и обычаи ухуаней и сяньбэй также должны быть одинаковыми [Chen Shou 1959: 832–833].

Рис.8. Предметы хунну из могильника Сичагоу. 1-19 - бронза

В «Ханьской книге» династии Восточная Хань также записано, что на третьем году правления Юань-фэна император Чжаоди из династии Хань (78 г. до н.э.), повстанцы Ухуань в районе Ляодуна и Фань Минью возглавили армию, чтобы победить Ухуань. На шестом году правления императора Чжао из династии Хань Ухуань снова беспокоил границу династии Хань, и Фань Минью снова победила Ухуань [Ban Gu 1962: 228]. В «Хань шу» записано, что до второго года Бенши правления императора Сюаня (72 г. до н.э.) из династии Хань Ухуань был одним из вассальных государств хунну. В первые два года Бенши правления императора Сюаня из династии Хань хунны пережили сильную метель и понесли большие потери. Ухуань вторглись на территорию хунну и избавились от контроля хунну [Ban Gu 1962: 3787]. Приведенные выше исторические записи показывают, что ухуань имели тесные отношения с хунну с начала до середины династии Западная Хань, и хунну контролировали ее. В середине династии Западная Хань ухуаньцы имели сильную военную мощь в районе Ляодуна и беспокоили границу династии Хань. Династия Хань дважды побеждала ухуаней.

В настоящее время среди археологических памятников династии Западная Хань, обнаруженных на северо-востоке Китая, только ханьшуэрциская культура соответствует историческим записям хунну в династии Западная Хань. В основном это проявляется в трех аспектах.

Хронология. На раннем и среднем этапах династии Западная Хань, ханьшуэрциская культура переместилась на юг от равнины Суннэнь к границам Восточного Ляонина, Западного Ляонина и династии Хань. Могильник ханьшуэрциской культуры за границей Ляодунской династии Хань, то есть могильник Сичагоу, датируется периодом ранней династии Западная Хань до средней и поздней династии Западная Хань, не позднее поздней династии Западная Хань. Согласно историческим записям, ухуань являются потомками народа дунху, который был стерт с лица земли хуннами. В период правления императора Чжао из династии Хань в середине династии Западная Хань Ухуань много раз совершал набеги на границу династии Хань в районе Ляодун.

С точки зрения взаимоотношений ханьшуэрциской культуры и хунну. Подавляющее большинство культурных предметов хунну в Северо-Восточном Китае и ханьшуэрциская культура распространены в одном и том же районе, что показывает, что они тесно связаны. Согласно историческим записям, ухуань являются потомками народа дунху, который был стерт с лица земли хуннами. До первых двух лет правления императора Сюаня из династии Западная Хань ухуань однажды сдались хунну и в то же время сопротивлялись правлению хунну. Народ ухуань вторгся на территорию хунну и разрушил могилу хунну шаньюя. Согласно историческим записям, среди этнических групп, живших на территории нынешнего северо-восточного региона во времена династии Западная Хань, ухуань и хунну имели самые тесные отношения.

С точки зрения взаимоотношений ханьшуэрциской культуры и сяньбэй. При династии Западная Хань район распространения ханьшуэрциской культуры центра примыкал к южной части района Хулунбуир. Это район распространения культуры сяньбэй, и возраст могильника Могушан может быть уже в начале династии Западная Хань. Сяньбэй примыкает ко ханьшуэрциской культуре, а в южной части района Хулунбуир появилось могильнике со ханьшуэрциской культурое в качестве основного тела – могильник Вангон. Можно сказать, что ханьшуэрциская культура – это археологическая культура, наиболее тесно связанная с сяньбэй в династии Западная Хань. Это согласуется с записями о том, что ухуань и сяньбэй жили рядом друг с другом, и их обычаи были похожи [Chen Shou 1959: 832/836–837].

Вышеприведенное сопоставление археологических материалов и исторических документов может свидетельствовать о том, что ханьшуэрциская культура – это памятников ухуаня в династии Западная Хань.

2. Население хунну (Цзо) на территории нынешнего северо-восточного Китая. Во времена династий Цинь и Хань, в период Модунь-шаньюй, сюнну (Цзо) уже контролировали территорию к востоку от Шангу области, соединяясь с веймо и Кореей [Shi Maqian 1959: 2891]. В период правле-

ния У-ди из династии Хань династия Хань сопротивлялась хунну, и королевский двор Цзо и Ю хунну был вынужден мигрировать в Мобэй примерно на втором году правления У-ди Юаньшоу (121 г. до н.э.) [Shi Maqian 1959: 2879–2920]. Затем, на третьем году У-ди Юаньфэн (108 г. до н.э.), династия Хань ликвидировала Корею и создала четыре префектуры на Корейском полуострове, ограничив развитие хунну. Через три года после того, как династия Хань разрушила Корею, то есть на шестом году У-ди Юаньфэн (105 г. до н.э.), хунны двинулись на запад в целом, а Хунну (Цзо) двинулся на север округа Юньчжун [Shi Maqian 1959: 2910–2911]. Можно видеть, что с первых лет династии Западная Хань до шестого года правления У-ди Юаньфэн, в течение примерно ста лет, северная часть Северо-Восточного Китая долгое время находилась под контролем хунну (Цзо).

Анализируя предметы хунну в южном Хулунбуире, Цицихаре, Ляодуне и западном Ляонине, а также ханьсай в уезде Юбейпин, мы можем предположить, что возраст этих артефактов может относиться к раннему и среднему периоду династии Западная Хань, и эти предметы могут быть реликвиями, оставленными от хунну (Цзо). Однако мы можем найти лишь небольшое количество хуннуской керамики на юге Хулунбуира, вдали от Хансяя, а в других районах можно найти только пояса и украшения в стиле хунну, а также керамику, принадлежащую ханьшуэрциской культуры. Можно думать, что, хотя цзо хунну долгое время контролировали север Хансяя в северо-восточном Китае, обычно они жили на юге Хулубейра, который находится за тысячи миль от Хансяя. Наоборот, ухуанцы, которые ушли с хуннами на юг в районы за пределами Хансяя, нашли ухуанские могильники и керамики с юга на север, и они должны быть жителями, проживающими в районе, контролируемом хуннами (Цзо). Они не только вторглись на границу династии Хань, но и ушли на юг с равнины Соннэнь, чтобы жить недалеко от Хансяя.

Поэтому, хотя хунну контролировали левую часть хунну, люди, поселившиеся в левой части, были в основном людьми ухуань. В районах, где проявились культурные предметы хунну, можно увидеть реликвии, оставленные народом ухуань, живших там. Хунны в основном жили в южной части региона Хулунбуир вдали от династии Западная Хань.

Заключение

Анализируя данную статью, мы можем видеть, что в начале династии Западная Хань левая ветвь хунну проникла в южную часть современного района Хулунбуир, сосуществуя с местными сяньбэй и ухуанцами, пришедшими сюда из Соннэнской равнины. Вскоре хунну взяли под свой контроль Ухуань и двинулись на юг к западной ханьской границе на юге того, что сейчас является северо-восточным регионом. Некоторые из ухуанских людей поселились недалеко от ханьской границы в восточной части Ляонина. В период Юаньшоу императора У, под военным нападением династии Западная Хань, левая часть хунну ушла из нынешнего северо-восточного региона, но ухуань все еще жили за пределами Хансай и спустя более 20 лет вторглись в уезд Ляодун. Династия Хань послала войска, чтобы победить Ухуань, и сдвинула его в окрестности Хансяя, чтобы охранять границу династии Хань.

ЛИТЕРАТУРА

- Alfred Salmony.* Sin-Siberian art in the collection of C T Loo, Paris, C T Loo Publisher, 1933. PL, XXI, 1/2.
Ban Gu. Han shu. Beijing: Zhonghua shuju, 1962.
Chen Fengshan, Bai Jinsong. Neimenggu zhalainuoer xianbei mu // Neimenggu wenwu kaogu. 1994. Vol. 2. P. 27-30.
Chen Shou, Shanguo zhi. Beijing: Zhonghua shuju, 1959.
Davydova A.V. Ivoginskii gorodishe. Sanct-Peterburg: Asictic Fund, 1995.
Davydova A.V. Ivoginskii mogilnik. Sanct-Peterburg: Asictic Fund, 1996.
Davydova A., Minyaev S. The Xiongnu decorative bronzes. St. Petersburg: GAMAS dom, 2008.
Devlet M.A. Sibirskie boyasnyie ashurnyie blfstinye, Archeologiya SSSR D4-7. Moskva: Nauka, 1980.

- Erdenechuluun P., Erdenebaatar D.* The sword of heaven – culture of bronze artifacts of the Bronze Age and Hunnu Empire. Chapter 10. Pp. 388-389, fig.381, Ulaanbaatar: “Sunny Mongolia Today” Magazine, 2011.
- Eregzen G.* Teasures of the Xiongnu. Ulaanbaatar: Institute of Archaeology Mongolian Academy of Sciences, National museum of Mongolia, 2011. fig. 217.
- Heilongjiang sheng bowuguan, Qiqihaer shi wenguanzhan,* Qiqihaer shi dadao sanjiazi muzang qingli // *Kaogu*, 1988 (12). Pp. 1090-1098.
- Heilongjiang sheng wenwu kaogu yanjiusuo,* Kaogu heilongjiang, Beijing: Wenwu chubanshe, 2011. P. 111.
- Jilinshengwenwukaoguyanjiusuo,* Yushulaoheshen, Beijing: Wenwuchubanshe, 1987.
- Konovalov P. B., Xiongnu v zabaikalie. Ulan-Udei, 1976.
- Liaoningshengbowuguan, Liaoningshengwenwukaoguyanjiuyuan, Jilindaxuebianjiangkaoguyanjiuzhongxin,* Xifengxichagou, Beijing: Wenwuchubanshe, 2022.
- Liu Shengyan,* Dongliao xian shiyi gongshe gudai muqun chutu wenwu // *bowuguan yanjiu*, 1983 (3). Pp. 85-88.
- Minyaev S. S.* Derestujskii mogilnik, Sanct-Peterburg: Evrobeiskii dom, 1998.
- Neimenggu wenwu gongzuodui,* Neimegngu zhalainuoer gu muqun fajue jianbao, Kaogu, 1961 (12). Pp. 673-680.
- Neimenggu wenwu kaogu yanjiusuo,* Zhalainuoer gumuqun 1986 nian qingli fajue baogao // *Neimenggu wenwu kaogu wenji*, Vol. 1, Beijing: Zhongguo dabaikquansu chubanshe, 1994. Pp. 369-383.
- Neimenggu zizhiq wenwu gongzuodui,* Neimegngu chenbaerhuqi wangogn gumu qingli jianbao // *Kao gu*, 1965 (6). Pp. 273-283.
- Pan Ling, Tan Wenyu,* Hulunber xianbei yicun zhong de xilai wenhua yinsu—jian tan lianghuan shiqi de “caoyuan sichou zhilu // *Kaogu*, 2022 (5). Pp. 110-120.
- Pan Ling, Tan wenyu,* Mogushan xianbei mudi duandai yanjiu / *Beifang minzu kaogu*. Vol. 12. Beijing: Kexue chubanshe. 2021. Pp. 36-58.
- Pan Ling, Tan Wenyu,* Zhalainuoer mudi fenqi yanjiu // *Caoyuan wenwu*, 2022 (1). Pp. 74-88.
- Pan Ling,* Wangong mudi dd wenhua xingzhi he niandai // *Kao gu*, 2007 (9). Pp. 78-86.
- Pan Ling,* Yiwuerjia Chengzhi he mudi ji xiangguan xiongnu kaogu wenti yanjiu, Beijing: Kexue chubanshe, 2007. *Shi Maqian*, Shiji, Vol. 93. Beijing: Zhonghua shuju, 1959.
- Pan Xingrong,* Neimenggu chenbaerhuqi wangong suomu faxian gumuzang // *Kao gu*, 1962 (11). Pp. 590-591.
- Pang Hao,* Wengniute qi faxian lianghan tongpaishi // *Wenwu*, 1988 (7). Pp. 42-43.
- Tishkin A. A., Matrenin S. S.,* Izdeliya iz khudoshestvennogo metalla v boyasnyikh garninurakh kochevnikov Altaya khunnuskogo vremeni (bj materialam bamayatnika Yaloman-II) // *Kratkie Soobsheniya Inosituta Arkhelogii, Vyib.* 247. Moskva, 2017. S. 74-86.
- Tishkin Alexei A.,* Characteristic burials of the Xiongnu period at laloman-II in the Altai, Xiongnu archaeology multidisciplinary perspectives of the first steppe empire in Inner Asia. Bonn: Press uni-bonn, 2011. Pp. 539-558, fig.9, 7,
- Wang Cheng,* Neimenggu hulunbeier caoyuan faxian qingtongqi // *Kaogu*, 2004 (4). Pp. 93-96.
- Wangcheng,* Zhalainuoer quanhe gumu qingli jianbao // *Beifang wenwu*, 1987 (3). Pp. 19-22.
- Yi Kejian, Lu Sixian, Tumote zuoqi chutu beiwei shiqi wenwu // *Neimenggu wenwu kaogu*, 1984 (3). Pp. 55/51.
- Zheng long,* Neimenggu zhalainuoer gu muqun diaocha ji, *Wenwu*, 1961(9). Pp. 16-18. \
- Zhonggu shehui kexueyuan neimenggu gognzuodui, Hulunbeier minzu bowuguan, Manzhoulishi wenwu guanlisuo, Zhalainuoershi wenwu guanlisuo,* Manzhoulishi Mogushan mudi fajue baogao, *Chaoyuan wenwu*, 2014(2). Pp. 21-35.
- Zhonggu shehui kexueyuan neimenggu gognzuodui, Neimegngu zizhiq wenwuju,* Hulunbeer minzu wenwu kaogu daxi—Chenbaerhu qi juan, Beijing: Wenwu chubanshe, 2014.
- Zhonggu shehui kexueyuan neimenggu gognzuodui, Neimegngu zizhiq wenwuju,* Hulunbeer minzu wenwu kaogu daxi—Zhalainuoer qu juan, Beijing: Wenwu chubanshe, 2015.
- Zhonggu shehui kexueyuan neimenggu gognzuodui, Neimegngu zizhiq wenwuju,* Hulunbeer minzu wenwu kaogu daxi—Xinbaerhu qi juan, Beijing: Wenwu chubanshe, 2015.
- Zhonggu shehui kexueyuan neimenggu gognzuodui, Neimegngu zizhiq wenwuju,* Hulunbeer minzu wenwu kaogu daxi—Hailaer qu juan, Beijing: Wenwu chubanshe, 2018.

**К. И. Красильников,
Е. К. Апареева**

**Константин Иванович Красильников,
Елена Константиновна Апареева,**
Луганский государственный
педагогический университет,
г. Луганск, Украина; lena_ap11@mail.ru

Гунны в степном Подонцовье. Факты и комментарии

Аннотация. Статья предлагает новые материалы к изучению хунно-гуннского времени в пространстве степного Подонцовья по артефактам гуннского литого котла, каменной конструкции – алтаря кочевников. Особое внимание уделяем вопросам местонахождения фрагментов котла, технологии изготовления, сакральности и аналогий, свидетельствующих о направлении миграций гуннов в Центральную Европу.

Ключевые слова: хунно-гунны, литой котел, степное Подонцовье, Мечетное-2, литье, миграции, «алтарь»

**Константин Иванович Красильников,
Елена Константиновна Апареева,**
Луганск Мемлекеттік педагогикалық университеті,
Луганск қ., Украина

Далалық Донецк бойындағы ғұндар. Фактілер мен түсініктемелер

Аннотация. Мақала ғұнның құйылған қазанының артефактілері, тас құрылым – көшпенділердің құрбандық шалатын орны бойынша далалық Донецк бойы кеңістігіндегі хун-ғұн кезеңін зерттеуге жаңа материалдар ұсынады. Ғұндардың Орталық Еуропаға қоныс аударуының бағытын көрсететін қазанның фрагменттерінің орналасқан жеріне, дайындау технологиясына, сакралдығы мен ұқсастықтары мәселелеріне ерекше назар аударамыз.

Түйін сөздер: хун-ғұндар, құйма қазан, далалық Донецк бойы, Мечетное-2, құйма, көші-қон, құрбандық шалу орны

**Konstantin Krasilnikov,
Elena Apareeva,**
Lugansk State pedagogical University, Lugansk, Ukraine

The Huns in the steppe Podontsovye. Facts and comments

Abstract. The article offers new materials for the study of the Hunno-Hunnic time in the space of the steppe Podontsovye on the artifacts of the Hunnic cast pot, stone structure – the altar of nomads. We pay special attention to the issues of the location of the fragments of the pot, manufacturing technology, sacredness and analogies, indicating the direction of migration of the Huns to Central Europe.

Keywords: Hunno-Huns, cast pot, steppe Podontsovye, Mechetnoe-2, casting, migrations, “altar”

Информация о пребывании хунно-гуннов в пространствах восточноевропейских степей и, тем более, степном Подонцовье, крайне ограниченная, а порой неопределенная. Подкурганские захоронения кочевников, при отсутствии культуроопределяющих артефактов, зачастую связывают с древностями эпохи переселения народов, среди которых значимы хунно-гунны [Батчаев 1984: 256–258].

Однако при отсутствии инвентаря, посредством которого допустима предметная маркировка гуннской культурной среды, как и представления о направлениях и хронологии экспансии гуннов к западу, остаются не более чем общеисторическими. Убедительным обоснованием их присутствия следует считать хунно-гуннские литые котлы [Засецкая 1994: рис. 5 и сл.]. Они, вместе с их создателями, преодолев с востока на запад расстояния в тысячи километров, в V столетии появились в восточной и центральной Европе [Засецкая 1982: 54–78; 1994: рис. 24].

В настоящее время список местонахождений котлов пополнился из пространства ранее не значившегося как территория, на которой прежде были бы известны подобные древности гуннов. Такой являлось степное Подонцовье – массив северного склона центральной части Донецкого кряжа, бассейна р. Большая Каменка, урочище Мечетное-2.

Реставрированное из фрагментов поле котла позволяет наметить контуры, форму и размеры изделия (рис. 1, 1). Диаметр тулова в пределах 25 см, в этих же параметрах диаметр венчика, начало изгиба ко дну по отношению к венчику на отметке 25–26 см. Однако отсутствие нижней части не позволяет определить придонную форму, как и наличие подставки.

Рис. Котел из урочища Мечетное-2 и его аналогия: 1 – реставрированная часть котла, урочища Мечетное-2; 2 – аналогия, Аксубаевский котел из Республики Татарстан

На плоском, шириной около 1 см, венчике котла прослежены пряморабочные формы ручек. Стенки тулова оформлены горизонтальными и вертикальными рельефными валиками (рис. 1, 1). Параллельно попарно расположенные ребра – свидетельства того, что корпус котла мог состоять из отдельно отлитых частей, которые соединены в цельную емкость.

По нашему мнению, «сборка» котла осуществлялась кузнечным приемом, о чем свидетельствуют валикообразные утолщения стыковочных швов [Колчин 1953]. Они же являлись ребрами жесткости, посредством которых тонким (2–2,5 мм) стенкам обеспечивалась прочность, при этом создавался орнаментально-художественный образ «висячей» разноудлиненной - от 1,4 до 3 см - «бахромы», нижние края которой дооформлены каплевидной зернью. «Бахромчатость» исполнена в виде прямовисячих и наклонных до 40–45° «каметовидных» изображений (рис. 1, 1). В комплексе признаков котел соответствует Аксубаевскому котлу из Республики Татарстан (рис. 1, 2) [Фахрутдинов 1999].

Несмотря на общность форм, характерных для хунно-гуннских котлов, рассматриваемый экземпляр свидетельствует об индивидуальном эксклюзивном исполнении изделия, осуществленном в одном из центров, связанном с изготовлением крупнообъемной металлической посуды.

Вникая в тему, касающуюся технологии изготовления котлов, считаем, что гунны, как кочевники, вряд ли являлись умельцами, способными создавать цельнолитые формы. В литературе на этот счет будируются мнения о «монтажной» емкости, составленной из двух-трех или даже четырех отдельно отлитых фрагментов стенок, смонтированных в округло-цилиндрический корпус [Менхен-Хельфен 2014: 153]. Однако авторы, рассматривающие тему «сборности» котлов, не объясняют техпроцесс соединения отлитых деталей. В этой связи следует обратиться к опыту средневековых ремесленников металлоделов в части кузнечной сварки и пайки [Колчин 1953: 180].

Принято считать, что близкими по времени восточноевропейским хунно-гуннским котлам являются позднесарматские II–III ст. н.э. котлы Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, Подонья [Демиденко 2014: 26]. На котлах из обозначенных массивов одинаково присутствуют вертикальные швы, возникшие при стыковке разъемных форм, якобы изготовленных посредством сальножировых выплавляемых моделей [Демиденко 2014: 27].

В нашем представлении технологические циклы изготовления емкостей включают следующие операции. Отлитые из медистых сплавов детали стенок с валикообразными по краю утолщениями в кузнечных горнах нагревали до состояния пластичности металла и, состыковав их кузнечным способом, как бы «сваривали» в цельную форму. Таким образом, реберчатые утолщения на стенках котлов, видимо, можно воспринимать как «сварочные» швы. Кстати, разломы рассматриваемого нами котла не совпадают с направлениями ребер.

Материал

Ссылаясь на спектральные данные гуннских литых котлов, известно, что они изготовлены из сплавов цветных металлов, в составе которых доминируют оксиды меди от 70 до 95%, заметно меньше олова, свинца [Менхен-Хельфен 2014: 153]. Вместе с тем, имеют место индивидуальности, суть которых в том, что сплав до 99% состоит из меди, других ингредиентов не более 1%.

Котел из урочища Мечетное-2 отличают: красномедный цвет металла, указывающий на преобладающее содержание меди, при ударе он излучает глухой звук, характерный для мягких медистых сплавов, в местах высокого температурного воздействия цельность металла нарушена перекалом, здесь он как бы «вскипел», местами ошлакован. Цветные металлы, используемые в изготовлении котла, могли быть местными [Татаринев 2006: 37–40].

Ситуация обнаружения развала котла

В литературе неоднократно сообщается о том, что гуннские котлы обнаружены на побережьях небольших рек, ручьев, в болотных топях, озерных островных пространствах, словом, «привязаны» к водоемам [Менхен-Хельфен 2014: 151–154]. Найденные фрагменты котла на берегу р. Мечетная вполне вписываются в изложенные в литературе традиции и уже этим убеждают в достоверности его залегания *in situ*. В нашем случае природно-экологическая ойкумена урочища Мечетное-2 включает травобильную степь, в пойме лесистость со всесезонным зеленотравьем. Местность со всех сторон окружена высокими всхолмлениями кряжа, создавая замкнутое пространство. В комплексе факторов созданы благоприятные условия сезонной оседлости в виде «зимника» [Менхен-Хельфен 2014: 157–158].

В весенний период, перед тем как покинуть зимние стойбища и переместиться на летние кочевья, видимо, совершались обряды, суть которых в «оставлении инвентаря» в местах, к которым кочевники непременно вернутся на зимовку. Обнаружение фрагментов котла в ур. Мечетное-2 тому подтверждение. Следует обратить внимание на тот факт, что фрагменты сосредоточены в 20 м от современного русла, но на незатопленном участке ручья. Следовательно, условия обнаружения фрагментов практически тождественны ситуациям серии находок таких же изделий из различных пространств Евразии. В местах обнаружения котлов прослеживаются следы действий, связанных с огнепоклонством. В нашем случае раскрыта *конструкция* в виде округлой в плане *стены* с размерами по наружной стороне 8×8,5 м, внутренней – 6,5×7 м, выстроенной с удлинением в направлении В–З с отклонениями от азимутов до 5–6°. Высота сохранившейся части стены 0,5–0,7 м от уровня древнего горизонта почвы, ее ширина составляет от 0,6 до 0,9 м (рис. 2, 1).

Конструкция из плитняка песчаника выстроена на сухую, камни уложены почти горизонтально, но с некоторым наклоном к центру стены, поэтому средняя ее часть в сравнении с внутренними и наружными контурами, занижена на 10–12 см. Во внутреннем пространстве стеновидной архитектуры округлой формы находились уложенные на одном уровне массивные плиты песчаника, создавая этим образ алтаря, аналогии которому известны в среднеазиатских древностях гуннского времени в восточном Прикаспии [Астафьев, Богданов 2016: 13–19; 2018: 71, 79].

Следует обратить внимание на две детали, дополняющие информацию о стеновидной конструкции. Во-первых, «усовидные» диаметрально расположенные к востоку и западу с отклонениями от азимута до 6–7°, ответвления. Во-вторых, проем в кладке шириной до 1 м, возможно проход во внутреннее пространство круга. Оба признака прослеживаются в каменных оградках на святилищах восточного побережья Каспия [Астафьев, Богданов 2018: 71, рис. 2, 3].

В нашем случае во внутреннем пространстве круга очевидных признаков ритуально-обрядовых действий, как-то кострищ, жертвенности, инвентарности не наблюдаем, но в горизонте почвы в пределах -0,7–0,9 м современной поверхности обнаружены обломки керамики раннего средневековья как, например, фрагменты котлов с внутренними ушками, которые, как известно, связывают с протоболгарами, уграми, тюркютами Азии.

О временной оседлости обитателей рассматриваемого объекта свидетельствует здесь же расширенный земляной танур-тандыр. Серия и разнообразие подобных отопительных приспособлений изучена на памятниках СМК степного Подонцовья [Красильников 1986: 48–60].

Время событий рассматриваемых артефактов в ситуации значительной фрагментарности котла, а также отсутствия сопутствующих ему находок, ориентировочно соизмеримо с датировкой пребывания гуннов в Восточноевропейском массиве в пределах второй половины IV – середины V столетий [Засецкая 1978: рис. 23; Боковенко, Засецкая 1993: 73–88].

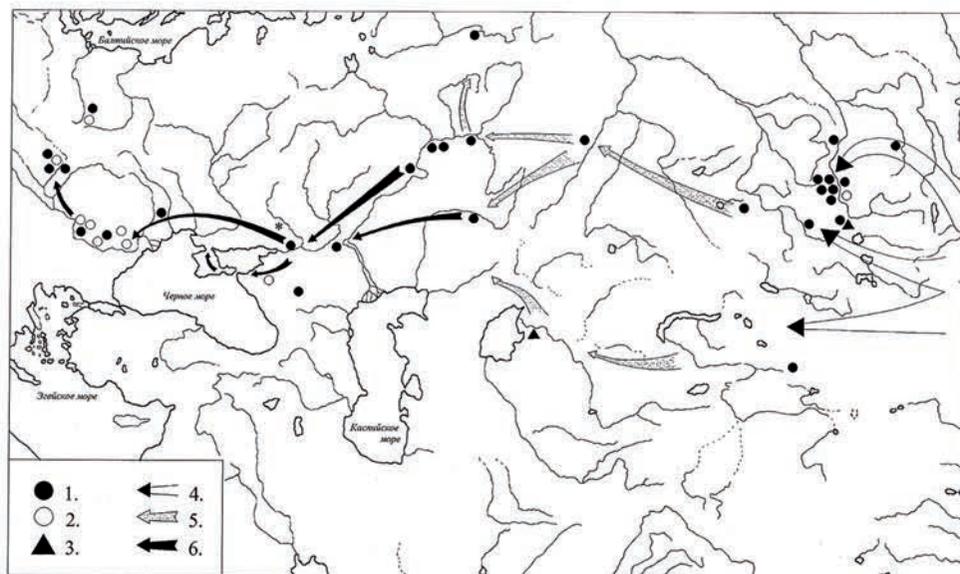
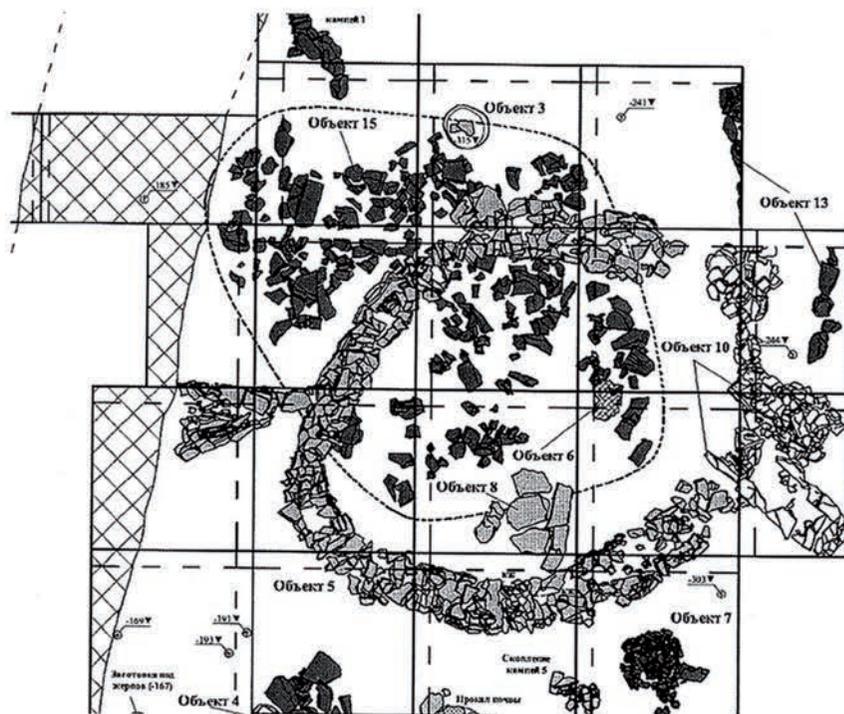

Рис. 2. Общий вид «алтаря» из урочища Мечетное-2 (1) и карта-схема направления движений гуннов (2)

Не менее важно обозначить *ориентиры миграций* хунно-гуннов в восточноевропейском пространстве. К типолого-хронологической таблице хунно-гуннских древностей, разработанной И.П. Засецкой, прилагается карта-схема распространения котлов, указывающих направления возможных перемещений племен из Центральной Азии в Восточную Европу с последующим продвижением в центральную и западную ее части [Засецкая 1978: рис. 24]. Согласно карты-схемы, миграции гуннов в сторону запада проходили по двум направлениям: южному – через Среднеазиатские, Прикаспийские, Поволжские степи и северному – через Средний Урал, Пермские края, Татарстан затем к юго-западу в сторону степного Подонья, Причерноморья (рис. 2, 2) [Боталов 2010: 19, 40, рис. 10].

Ссылаясь на аналогии форм котлов, прослеживаемых И.П. Засецкой, и рисунки на стенках котла ур. Мечетное-2, мы склоняемся к выводу, что подобный экземпляр соответствует изделиям гуннов, «продвигавшихся» со Среднего Урала к Поволжью, затем к югу, юго-западу по направлению к восточноевропейским степям.

ЛИТЕРАТУРА

- Астафьев А.В., Богданов Е.С.* Алтари Северо-Восточного Прикаспия (ранний железный век): постановка проблемы // Труды XXI археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2016. Т. 2. С. 13-19.
- Астафьев А.Е., Богданов Е.С.* Жертвенные приношения вещей гуннского облика в каменных оградах Алтынказгана на восточном берегу Каспийского моря // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 2. Т. 46. С. 68-78.
- Батчаев В.М.* Гуннский котел из селения Хабаз // СА. 1984. № 1. С. 256-258.
- Боковенко Н.А., Засецкая И.П.* Происхождение котлов гуннского типа Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петербургский археологический вестник. 1993. № 3. С. 73-88.
- Боталов С.Г.* Раннетюркские ареалы Восточной Европы в системе кочевой цивилизации Евразии // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара: Изд-во ОФОРТ, 2010. 268 с.
- Демиденко С.В.* О позднесарматских бронзовых литых котлах // РА. 2014. № 1. С. 26-31.
- Засецкая И.П.* О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи // СА. 1978. № 1. С. 54-69.
- Засецкая И.П.* Погребение у села Кызыл-Адыр Оренбургской области (к вопросу о гунно-хуннских связях) // Древние памятники культуры на территории СССР. Л.: Гос. Эрмитаж, 1982. С. 54-78.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: АО «Эллипс», 1994. 308 с.
- Колчин Б.А.* Черная металлургия и маталлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // МИА СССР. 1953. № 32. 259 с.
- Красильников К.И.* Тандыры в салтовских жилищах Подонья // СА. 1986. № 3. С. 48-60.
- Менхен-Хельфен Отто.* История и культура гуннов. М.: Центрполиграф, 2014. 412 с.
- Татаринов С.И.* Новые медные рудники // Проблеми гірничої археології (Матеріали III-го Картамиського польового археологічного семінару). Алчевськ: ДГМІ, 2006. С. 37-40.
- Фахрутдинов Р.Г.* Очерки истории Высокогорного района Республики Татарстан. Казань: Мастер Лайн, 1999. 366 с.

С. В. Ушаков

Сергей Владимирович Ушаков,
Институт археологии Крыма РАН,
г. Симферополь, Россия; yshakovsv@list.ru

Юго-Западный Крым в эпоху Великого переселения народов

Аннотация. На основе археологических материалов и данных письменных источников в контексте природно-географической среды охарактеризована история региона в эпоху Великого переселения народов. В IV – начале V в. позднеантичный период истории Херсонеса характеризуется новым этапом материальной и духовной культуры при утверждении христианства. В Юго-Западном Крыму население («нейзацкой» культуры) пополняется новыми германцами и аланами. Со второй четверти V в. крымскую степь и западное побережье п-ва занимают гунны; в юго-западной части Крыма примерно до середины VI в. идёт формирование этнокультурной (и археологической) общности «типа Суук-Су», итогом чего становится появление страны Дори. Политически, культурно и религиозно в регионе доминирует Херсон, ставший оплотом Империи. В пост-гуннскую эпоху кочевники доходят до его стен, зимую на Гераклеюском п-ве. Заканчивается эпоха походами тюрков (тюркютов).

Ключевые слова: Великое переселение народов, Херсонес – Херсон, Юго-Западный Крым, могильники, аланы, готы, гунны, тюрки

Сергей Владимирович Ушаков,
PFA Кыргыз археология институты, Симферополь қ., Ресей

Ұлы қоныс аудару дәуіріндегі Оңтүстік-Батыс Қырым

Аннотация. Археологиялық материалдар мен жазбаша деректер негізінде табиғи-географиялық орта контексінде Халықтардың Ұлы қоныс аудару дәуіріндегі өңірдің тарихы сипатталған. Херсонес тарихының IV-V ғ. басындағы кейінгі антикалық кезеңі христиан дінін орнықтыру барысындағы материалдық және рухани мәдениеттің жаңа кезеңімен сипатталады. Қырымның оңтүстік-батысындағы тұрғындар («нейзак» мәдениеті) жаңа германдықтар мен аландармен толықтырылды. V ғ. екінші ширегінен бастап Қырым даласы мен түбегінің батыс жағалауында ғұндар қоныстанады; Қырымның оңтүстік-батыс бөлігінде шамамен VI ғ. ортасына дейін «Суук-Су типіндегі» этномәдени (және археологиялық) қауымдастықтың қалыптасуы жүріп, нәтижесінде Дори елі пайда болды. Аймақта саяси, мәдени және діни тұрғыдан Империяның тірегі болған Херсон басымдықта болған. Ғұндардан кейінгі дәуірде көшпенділер оның қабырғаларына дейін жетіп, Гераклея түбегінде қыстап шығады. Дәуір түріктердің (тюркютов) жорықтарымен аяқталды.

Түйін сөздер: Халықтардың ұлы қоныс аударуы, Херсонес – Херсон, Оңтүстік-батыс Қырым, қорымдар, аландар, готтар, ғұндар, түріктер

Sergey Ushakov,
Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Simferopol, Russia

South-Western Crimea in the Great Migration of Peoples

Abstract. In this article the history of the region in the era of the Great Migration of Peoples is characterized based on archaeological materials and written sources in the context of the natural and geographical environment. In the 4th – beginning of the 5th century the late Antique period of the history of Chersonesos is characterized by a

new stage of material and spiritual culture during the establishment of Christianity. The population of the South-Western Crimea, related to “Neizatsky” culture, is replenished with new Germans and Alans. Since the second quarter of the 5th century, the Crimean steppe and the western coast of the peninsula have been occupied by the Huns; in the southwestern part of the Crimea, until about the middle of the 6th century, an ethnocultural (and archaeological) community of the “Suuk-Su type” is being formed, resulting in the emergence of the Dori country. Politically, culturally and religiously, the region is dominated by Kherson, which has become a stronghold of the Empire. In the post-Hunnic era, nomads reach its walls, wintering on the Heraclea Peninsula. The era ends with the campaigns of the Turks (Turkyuts).

Keywords: Great Migration of Peoples, Chersonesos – Kherson, South-Western Crimea, burial grounds, Alans, Goths, Huns, Turks

В эпоху Великого переселения народов – особого периода всемирной истории, когда происходило переформатирование Древнего мира и зарождалось Средневековье [Буданова 2000: 5–7], Северное Причерноморье и Крымский п-в явились ярким отражением начавшихся перемен. В Юго-Западном Крыму столкнулись представители нескольких этнокультурных миров Западной Евразии: средиземноморского (греки и римляне), германского (готы), сармато-аланского, автохтонного (тавры и поздние скифы), степного (гунны и тюрки).

Если Крымский п-в можно считать своеобразным юго-западным «карманом» Великой Евразийской степи – все племена и народы, двигавшиеся с запада, севера, но чаще всего с востока? обязательно задерживались здесь. В этом «кармане» имеется свой маленький «карманчик» – Юго-Западный Крым. Важное значение в анализе ситуации имеет рассмотрение исторической ситуации в конкретной природно-географической среде этого региона, который является как бы миниатюрным слепком всего Крыма. Здесь начинаются три горных гряды: Главная (с наибольшей высотой – 1545 м над уровнем моря – гора Роман-Кош) и её южный склон (шириной от сотен метров до 12 км), вторая (Внутренняя, высотой 400–500 м) и третья (Внешняя до 350 м) [Храпунов 2016: 119] и понижение между ними [Подгородецкий 1988: 24–25]. Все они являлись определённым препятствием для проникновения вражеских войск к военно-политическому и культурному центру Юго-Западного Крыма – античному Херсонесу – Византийскому Херсону, обосновавшемуся на берегу Карантинной (Херсонесской) бухты и непосредственно владеющей в IV–VI вв. Гераклейским п-вом и прилегающими землями. Эта территория характеризуется разнообразием рельефа с равнинными участками на севере, предгорьем на востоке – юго-востоке, морским побережьем с многочисленными бухтами, глубоко врезающимися в сушу на западе и юго-западе, и участком Главной гряды с плоскогорьями-яйлами и горными долинами. Опираясь на природно-географическую характеристику региона [Подгородецкий 1988: 147–169, рис. 8], можно сделать вывод, что в Горном Крыму граница между юго-западной и юго-восточной провинциями пролегает между г. Чатырдаг и г. Демирджи с Долгоруковой Яйлой; далее к северу эта граница идет по водоразделу р. Салгир. В физико-географическом отношении к Юго-Западному Крыму относятся: I. Предгорная местность. 1. Чернореченский р-н. 2. Юго-западная часть северного предгорного р-на. 3. Юго-западная часть южного предгорного р-на. II. Главная гряда. 5. Западный р-он. 6. Центральный р-он. III. Южный берег. 8. Западный р-он.

Сам Гераклейский п-в с его каменистыми почвами подходит для выращивания винограда, а юго-западная часть горного Крыма с предгорными чернозёмами и коричневыми почвами – для возделывания зерновых культур, садоводства и молочно-мясного животноводства. Климат, близкий к субтропическому средиземноморскому, благоприятен для выращивания соответствующих культур [История города Севастополя 1921: 67–69]. Предгорье и Горный Крым представлен последовательно лесами дуба пушистого, граба обыкновенного, в верхнем поясе – бука, тиса ягодного, на южном склоне – дуба скального. Хвойные леса состоят из можжевельника, сосны пицундской (Станкевича), сосны Палласа (крымской). В составе кустарникова яруса

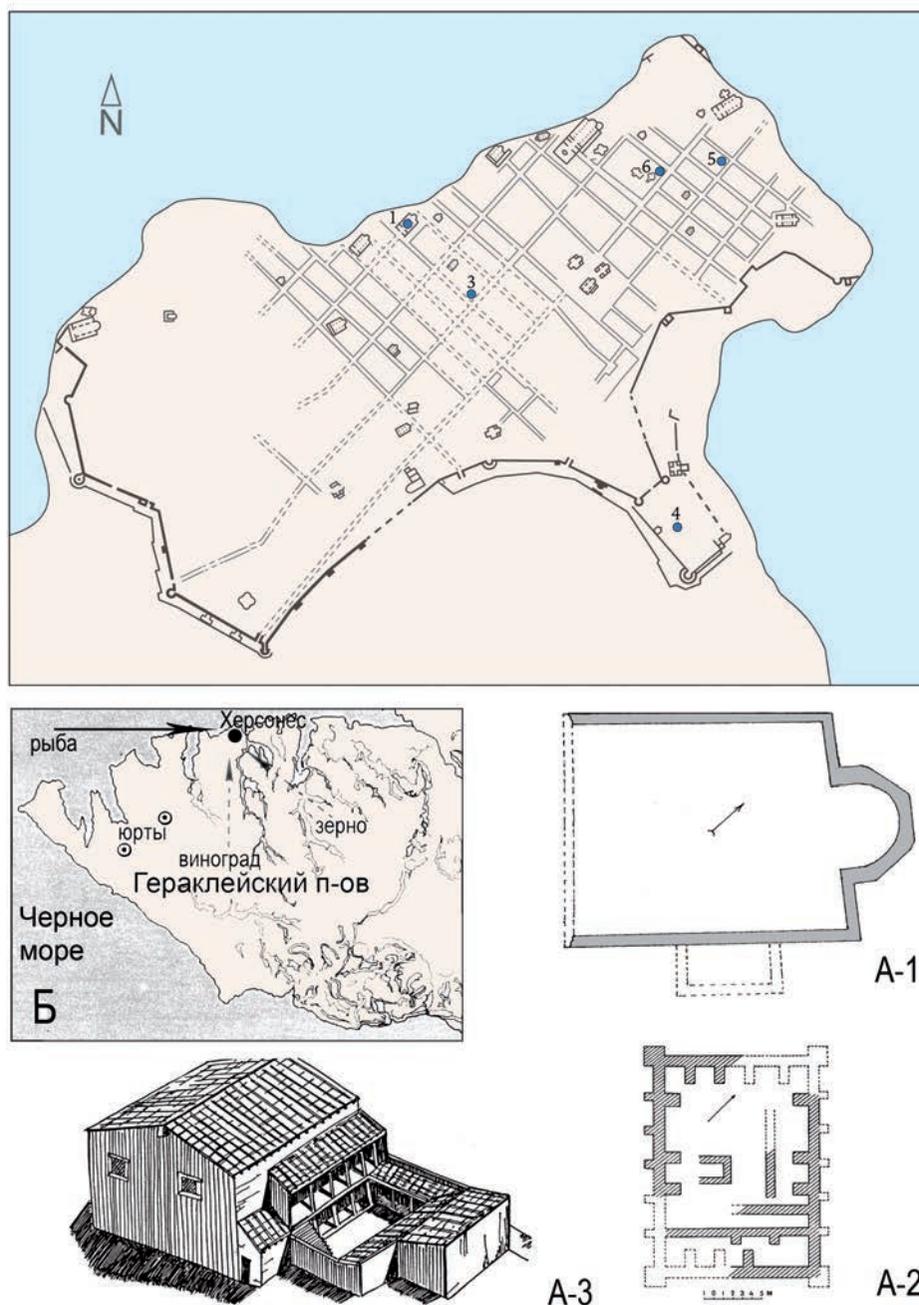
преобладают растения средиземноморских видов. Степные и лесостепные территории (наиболее подходящие для расселения и ведения сельского хозяйства) заняты сухими ковыльными степями и злаковыми сообществами с рощами дуба пушистого и граба восточного [История города Севастополя 1921: 67–77].

Для эпохи античности Южной Европы (и Крыма также) выделяют три основные климатические фазы: 1) VIII–IV вв. до н.э., 2) конец IV – начало н.э., 3) I–IV вв. В последнюю фазу началось падение температуры воздуха и увеличение увлажнённости при частых зимних морозах и летних засухах [Подгородецкий 1994: 18]. Благодаря «климатическим качелям» [Борисенков, Пасецкий 2002: 64–65], в Северной Евразии меняется экологическая ситуация и влажный климатический оптимум заканчивается. Началось похолодание III–VII вв. (или 400–1000 гг. по другим данным), так называемый «климатический пессимум», и локальная засуха, повлиявшие на этнополитическую ситуацию.

На позднеантичный Запад обрушились новые нашествия варваров – с севера (германцы – готы) и с востока (аланы, а потом гунны) (рис. 6 А). Северное Причерноморье и Юго-Западный Крым также были захлестнуты вторжениями Великого переселения. Эту эпоху (IV – начала/середина VII в.) также правомерно называть позднеантичной (по характеру культуры, в соответствии с концепцией Большой античности) или ранневизантийской (по названию государства, частью которой он стал, хотя правильной именовать её Восточной Римской империей).

Как единая система Херсонес (Херсон) – варварский Юго-Западный Крым имеет развитую историографию, современный этап которой начинается от работ классика советской археологической византистики А.Л. Якобсона. Он первым представил систематический очерк истории региона, архитектуру и керамический комплекс Херсона [Якобсон 1959; 1979: 5–28]. В трудах А.К. Амброза выстроена хронология и периодизация могильников Юго-Западного Крыма на основе анализа металлической бижутерии (фибулы и пряжки) [Амброз 1968; 1971; 1981; 1994/1995]. Работы А.И. Айбабина также посвящены преимущественно хронологии варварских погребальных памятников, начиная со II–III вв. и этнической истории Крыма [Айбабин 1979; 1990; 1999]. Финалом работ этого направления служит книга А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой «Крымские готы страны Дори» [Айбабин, Хайрединова 2017], где подробно и детально представлена информация письменных источников и археологические материалы, связанные с позднеантичным – раннесредневековым Юго-Западным Крымом. Отдельные работы других авторов посвящены гуннам [напр.: Пуздровский 2010] и германцам в регионе [Казанский 2006; Шаров 2019]. В книге «Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н.э.). Опыт реконструкции» [Ушаков 2010] подведены итоги исследования этнической истории региона (кроме самого Херсонеса). В историографическом труде В.Ю. Юрочкина «Готский вопрос» [Юрочкин 2017] рассмотрены основные работы, посвящённые проблеме истории и археологии германцев (готов) в Крыму. Наконец, в книге «Юго-Западный Крым с древнейших времен до 1774 года» (первый том трёхтомника «История Севастополя») в главе 6 изложена история Юго-Западного Крыма как процесс его вхождения в состав Восточной Римской империи (IV–VI вв.) [Юго-Западный Крым 2021: 339–394].

Основную информацию о позднеантичном Херсонесе представляют археологические материалы, объём которых колоссален. Это вещевой комплекс (керамика, стекло, металлическая бижутерия) и строительные остатки разнообразных архитектурно-археологических комплексов. При императоре Юстиниане I империя берёт под полный контроль кроме Боспора и Херсонес, восстанавливая его башни и стены. В это время была отремонтирована оборонительная линия (рис. 1 А) [Самойленко 2011: 105–107], а городская архитектурно-планировочная сеть сохранилась как стандартная гипподамова система [Буйских 2008: 209; Голофаст, Рыжов 2011: 387] (менялась толь-

Херсонес Таврический в конце IV – первой половине V вв.

А. Схематический план Херсонеса (по А.Л. Якобсону, 1959); некоторые комплексы этого времени: 1 – базилика V в. (№ I) («Базилика 1935 г.») (по Д.Ю. Коробкову); 2 – зернохранилище; 3 – «дом винодела»; 4 – термы в цитадели; 5 – вино-дельня в ХСVII квартале; 6 – винодельня в III квартале. Б. Гераклейский полуостров. Экономическая ситуация.

Рис. 1. Херсонес Таврический в конце IV – первой половине V в.

ко внутриквартальная застройка путём блокирования жилых комплексов). Жилая застройка того времени была полностью перестроена. Городской театр был закрыт и почти полностью разобран. В Северном районе города обнаружено крупное «здание с контрфорсами» (римская базилика или зернохранилище) (рис. 1 А-2) [Буйских 2009: 216–219]; в других районах – общественный туалет [Буйских 2009: 219–225], баня [Голофаст, Рыжов 2011: 366–367], бассейн [см.: Кутайсов, Труфанов 2014: 247–249], «здание Г» («дворец»), водохранилища, больница (ятрина) [Сорочан 2005: 1028].

В городе функционировало несколько виноделен (рис. 1 А-3) [Белов 1952: 226, 232–237; Ушаков, Струкова 2008: 151–157; Зубарь 2009: 233–237], рыбозасолочные комплексы [Романчук 1973: 33–45; 1977: 18–26; Зубарь 2009: 238–239], две стеклоделательные мастерские [Белов 1965; 1969], несколько гончарных печей [Зубарь 2009: 240–241]; печи для обжига черепицы и для пережигания извести [Голофаст, Рыжов 2011: 366], мастерские для изготовления металлической бижутерии [Айбабин 2010: 367, 372]. Херсонес или Херсон (так город стал теперь именоваться) оставался серьёзным ремесленно-производственным центром. Его сельскохозяйственная хора сохранялась только на Гераклеяском полуострове, где можно было выращивать значительный урожай винограда, из которого получали до 1 млн. декалитров вина, из которых на вывоз могло поступать 700–800 тыс. декалитров стоимостью 1 млн. 400 тыс. – 1 млн. 600 тыс. денариев [Сорочан 1997].

Сложная этноконфессиональная ситуация отразилась в житийной литературе и эпиграфических памятниках [Виноградов 2010; Могаричев и др. 2012] и в разнообразных культовых памятниках. Это базилики и крестообразные храмы (рис. 2), а также раннехристианская скульптура [Античная скульптура Херсонеса 1976: 176–178; Фомин 2013], интерьер храмов, архитектурные детали и христианские погребения (могилы и склепы) некрополя, некоторые с каменными надгробными крестами (рис. 3) [Зубарь, Хворостяный 2000: 144–154; Айбабин 2010: 375–376; Туровский, Филиппенко 2008; Фомин 2011: 38–120]. Утверждение новой веры прошло в Херсонесе ряд этапов. Начало христианизации можно отнести к периоду со второй половины/конца III до второй половины IV в. во время доминирования почитателей античных культов и существования небольшой иудейской общины с синагогой (рис. 1 А-1) и, возможно, поклонников Митры и императорских культов. С конца IV – середины V в. начинается перелом, когда была организована вооружённая экспедиция епископа Капитона и массовое крещение жителей (иудеев и эллинов). Синагога перестраивается в базилику, на бывшем Теменосе (Восточная площадь) строится храм св. Петра, культовое здание появляется на перекрёстке улиц у XCVI квартала (там, где позже будет возведена базилика «Крузе» – рис. 2, 18) и на некрополе начинают хоронить по христианскому обряду. Завершается перелом в христианизации во второй половине V – середине/начале второй половины VI в., когда продолжилось храмовое строительство и христианская община становится в городе доминирующей. Во второй половине/третьей трети VI в. – середине VII в. заканчивается переходный период от «язычества» к христианству. Архитектурно он выражается окончанием массового возведения серии раннехристианских культовых комплексов (итог – рис. 2, 3).

При этом бытовая материальная культура на протяжении всего этого периода остается в целом стабильной. Характер ее определяется строительной керамикой, двумя десятками типов амфор (рис. 4), четырьмя основными типами краснолаковой керамики (рис. 5), наборами простой столовой, кухонной гончарной и лепной посуды, светильниками, стеклянной посудой, фибулами и пряжками.

Серии амфор хронологически занимают всю эту эпоху, но постепенно происходит их смена: вместо амфор типа «мирмекийских» (III–IV вв.), позднегераклеяских («светлоглиняных узкогорлых»), синопских типов Син III, IV, колхидских Kx IC₁ [Внуков 2006: 167–168; рис. 1, 10] приходят другие – гераклеяские типов F [Внуков 2016: 43; рис. 1, 14] (вторая–третья четверти IV в.) [Ушаков 2015:

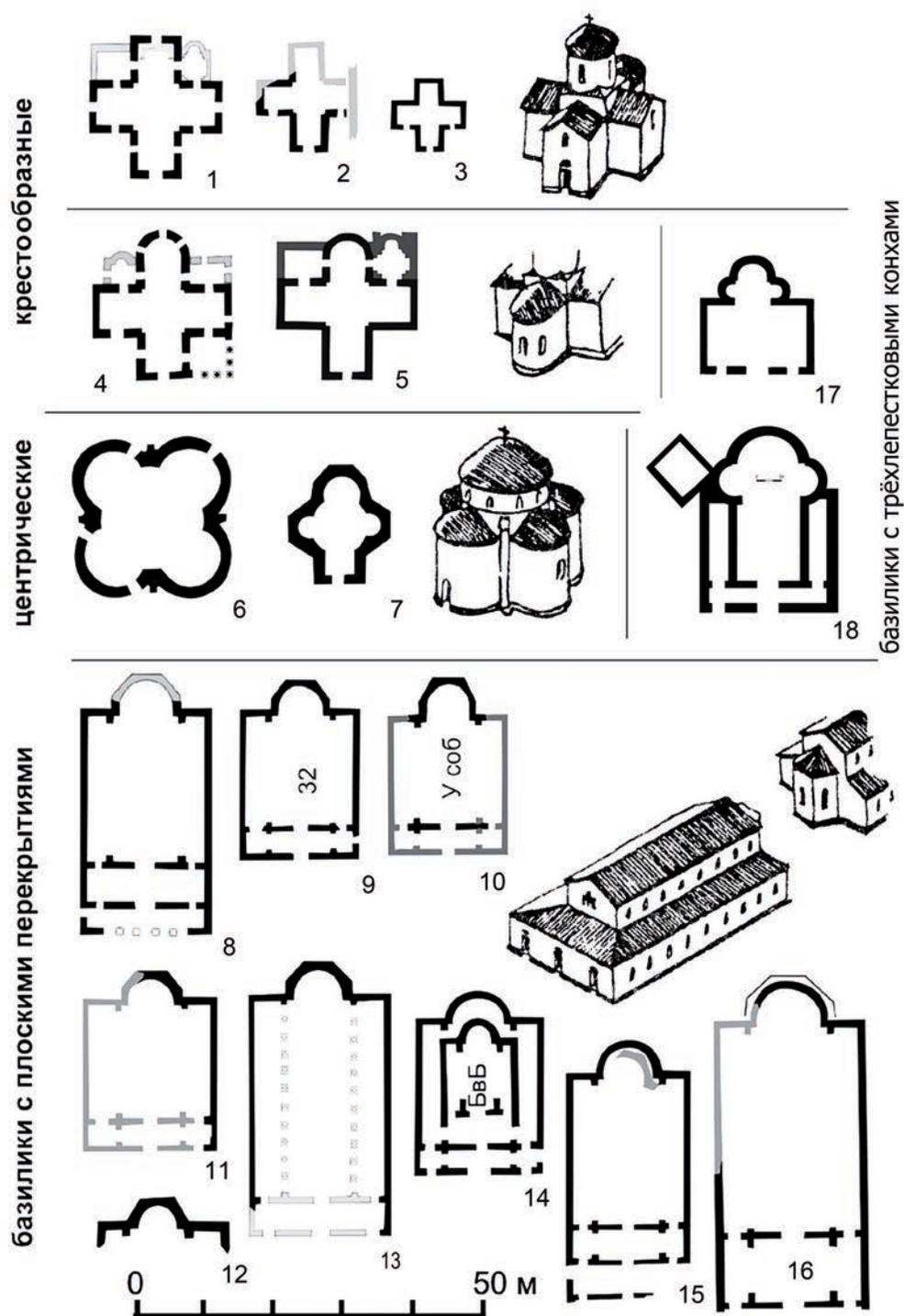

Рис. 2. Раннехристианские храмы Херсонеса-Херсона (по А.И. Романчук, Ю.Г. Лосицкому, с дополнениями):
 1 – Загородный храм; 2 – пристройка к Восточной базилике; 3 – пристройка к Западной базилике;
 4 – храм с ковчегом; 5 – храм под собором; 6 – Четырехапсидный храм; 7 – крещальня возле Уваровской базилики; 8 – Восточная базилика; 9 – базилика 1932 г.; 10 – базилика возле собора;
 11 – Северная базилика; 12 – базилика на холме; 13 – Западная базилика; 14 – Базилика в базилике;
 15 – базилика 1935 г.; 16 – Уваровская базилика; 17 – храм у Уваровской базилики; 18 – базилика «Крузе»

Рис. 3. Надпись императора Зенона, детали интерьеров, капители храмов, надгробные каменные кресты, серебряный ковчег

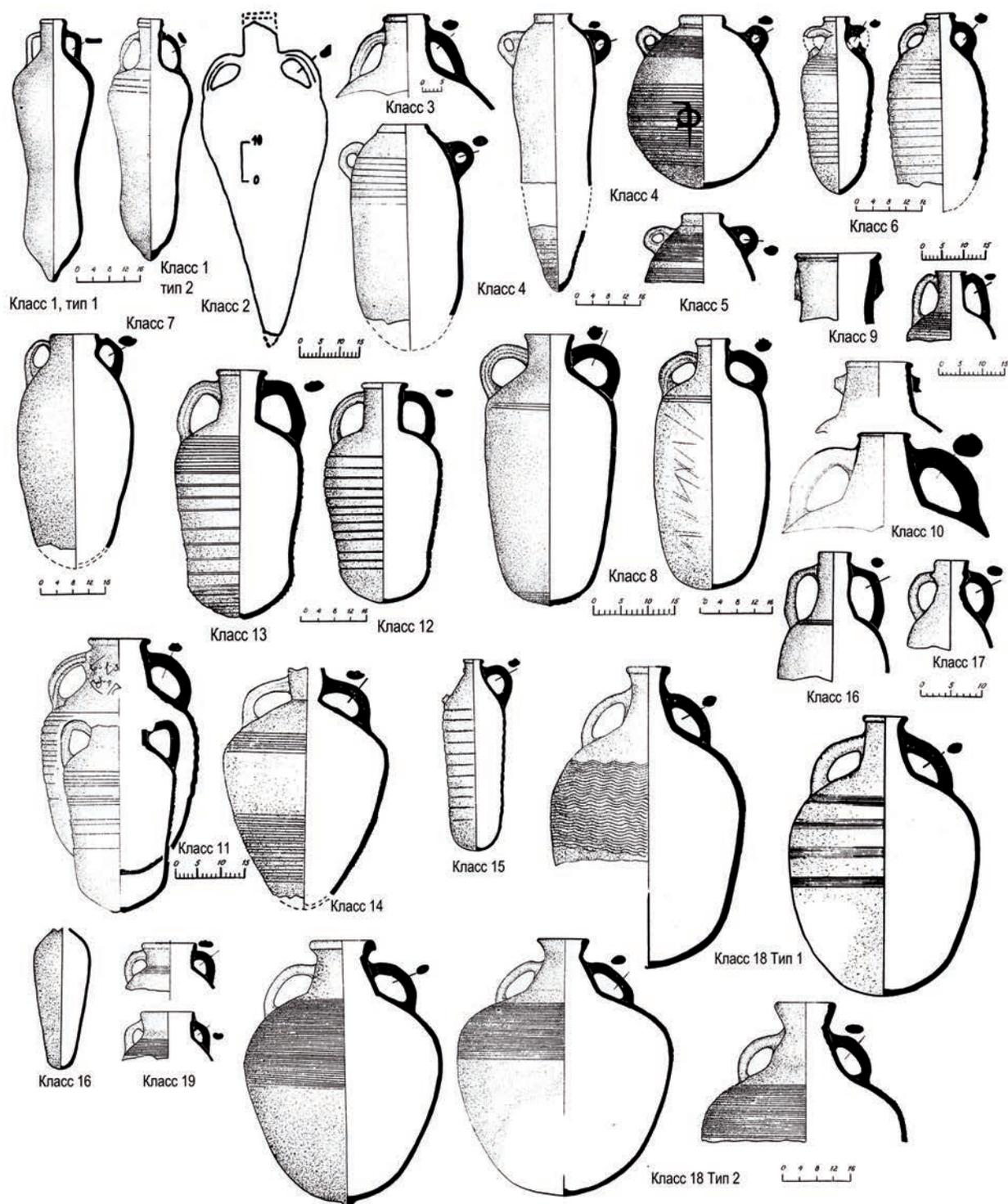

Рис. 4. Позднеантичные-ранневизантийские амфоры Херсонеса (по: [Романчук и др. 1995]).
 Класс 1 – коричневоглиняные с сужением корпуса (с перетяжкой, Колхида; класс 2 – с вытянутым корпусом (Делакеу, С Spn I – carotte); класс 3 – с раздутым в верхней части туловом (Зеест-100); класс 4 – с цилиндрическим корпусом («Газа», LRA 4); класс 5 – круглодонные Палестины (LRA 5);

рис. 1], Е [Внуков 2016: рис. 1, 16] (последняя четверть IV – первая четверть V в.); синопские (из Демирджи – Синопы) [Tezgör 2010: 146–178] (C Snr I – carotte – Делакеу – Зеест-100) до начала VII в. Активно функционируют керамические центры Восточного Средиземноморья (Северный Египет, Палестина, Сирия, южное и западное побережье Малой Азии, Эгеида), откуда поступают сосуды LRA 1 («набегающая волна»), LRA 2 («глобулярные» – «Истрия»), LRA 3 (тонкостенные Зеест-95), LRA 4 («Газа») и Bag 1–5 [см.: Pieri 2007: fig. 7, typ 1–5]. Импорт дополнялся местными сосудами типа V по АДСВ-1971 [Антонова и др. 1971: 85].

Краснолаковая керамика. Во 2-й пол. I – 1-й пол. III в. в античных и варварских центрах Причерноморья доминировала так называемая Понтийская сигиллята [Журавлев 2013]. С рубежа II–III вв. до начала V в. в Херсонесе начала производиться собственная Херсонесская сигиллята, представленная 15 типами сосудов [Ушаков и др. 2017]. С середины IV в. Причерноморье и Херсонес начинают заполняться позднеримской понтийской краснолаковой керамикой (Pontic Red Slip Ware, f. 1-6 по К. Домжалскому), а с середины V в. – другой его формой (f. 7) примерно до начала 4-й четверти VI в. [Arsen'eva, Domzalski 2002: 425–428]. Сюда поступает фокейская сигиллята из Малой Азии (позднеримская C/Late Roman C) до середины VII в. [Hayes 1972: 323–370, fig. 65–79] и африканская сигиллята (African Red Slip Ware) [Hayes 1972: 13–299, fig. 1-57] из Карфагена.

Простая столовая гончарная керамика представлена кувшинами, горшками, мисками; гончарная кухонная посуда – крышками, кастрюлями, мисками, котлами, сковородами, кувшинами [Голофаст, Рыжов 2000: 83–84, рис. 16–19]; лепная керамика – формами трех основных групп – мисок, горшков, кувшинов [Ушаков, Струкова 2010: рис. 2–11].

Можно заключить, что позднеантичный Херсонес, превращающийся в IV – начале VII в. в ранневизантийский Херсон [Айбабин 2010], поддерживал прочные отношения с развивающимся Понтийско-Восточно-Средиземноморским регионом и в экономическом (и культурном) плане был его важной составной частью. Он стал частью Империи с местной администрацией, которая возглавлялась патером и архонтом при существовании «совета и народа». Влияние империи заметно усилилось в V в., когда при императоре Зеноне в 488 г. (о чём мы узнаём из специальной надписи, вырезанной на массивной мраморной плите) (рис. 3) были отремонтированы стены и башни, чем руководил комит Диоген, возможно, римский офицер, специально направленный для этой цели. В городе существовал специальный воинский отряд баллистариев. Включение Херсонеса в состав Восточной Империи случилось, вероятно, уже при императоре Юстиниане I (527–565), а при Юстине II (565–578) правителем города становится специальный имперский военный чиновник в ранге дукса.

В итоге, повторю сделанное недавно заключение: «В новую средневековую эпоху <...> Здесь сохранилась и политическая преемственность, и прежний уровень ремесла, и основные занятия горожан, и греческий язык, и письменность. Улицы по-прежнему украшали арки римского времени, а площади – античные статуи. И даже новые храмы стояли на месте прежних. Только оборонительные стены стали еще прочнее и мощнее – Херсон, как единственный большой город

.....

класс 6 – круглодонные желобчатые из желтовато-коричневой глины (тип V по АДСВ-1971);
 класс 7 – круглодонные широкогорлые с гладким туловом; класс 8 – круглодонные с реберчатыми ручками;
 класс 9 – красноглиняные круглодонные с отогнутым венчиком; класс 10 – красноглиняные широкогорлые с подтреугольным венчиком; класс 11 – круглодонные желобчатые с широким горлом и валикообразным венчиком; класс 12 – с рифлением корпуса «набегающая волна» (LRA 1); класс 13 – круглодонные с рифлением на корпусе (LRA 1); класс 14 – с раздутым яйцевидным корпусом, суживающимся ко дну;
 тип 15 круглодонные с цилиндрическим корпусом; тип 16 с вытянутым корпусом, высоким цилиндрическим горлом и округлым дном; тип 17 – гладкостенные с цилиндрическим горлом; тип 18 – с воронкообразным горлом и гребенчатым рифлением в верхней части корпуса (LRA 2); класс 19 – с вытянутым корпусом на высокой ножке, типа «самосской цистерны» («Samos Cistern type»)

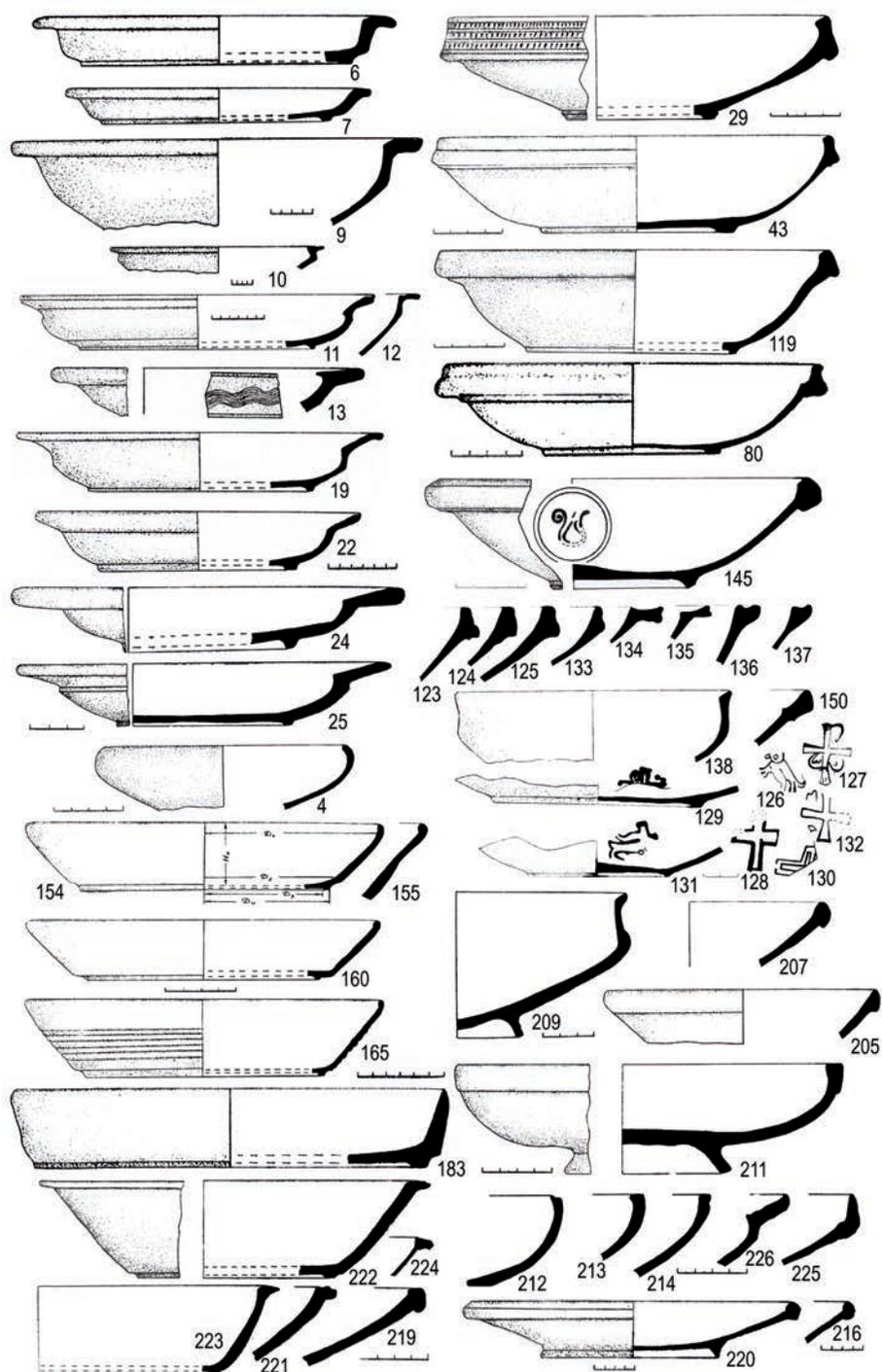
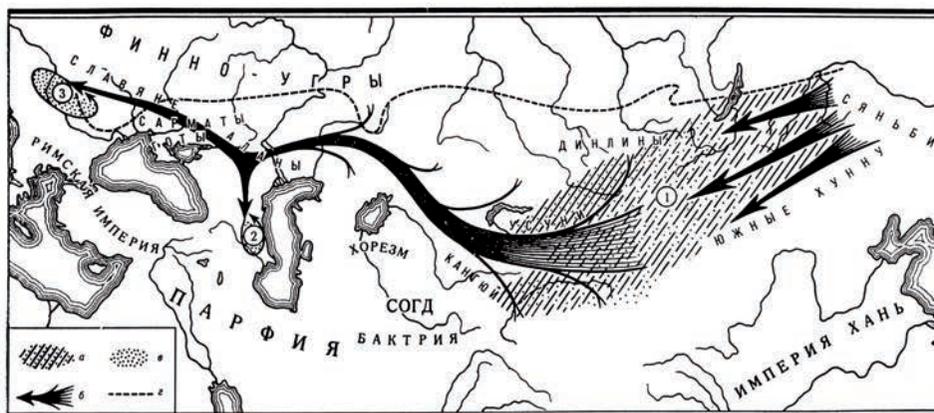
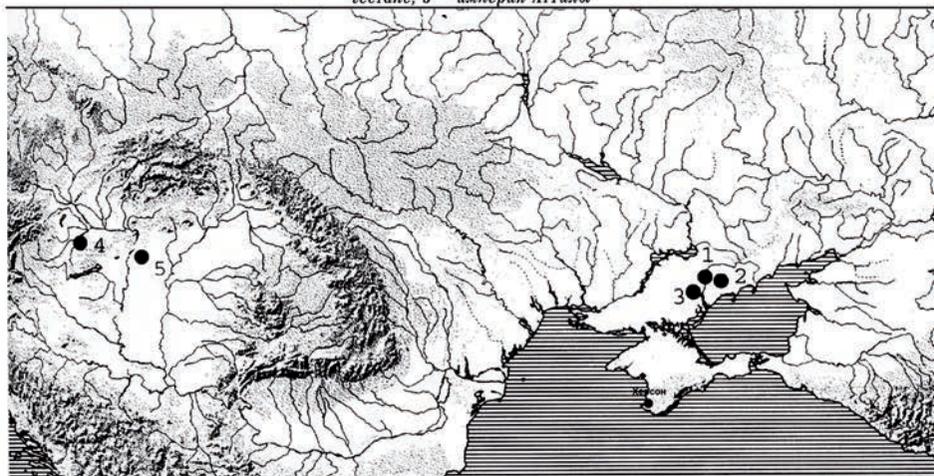

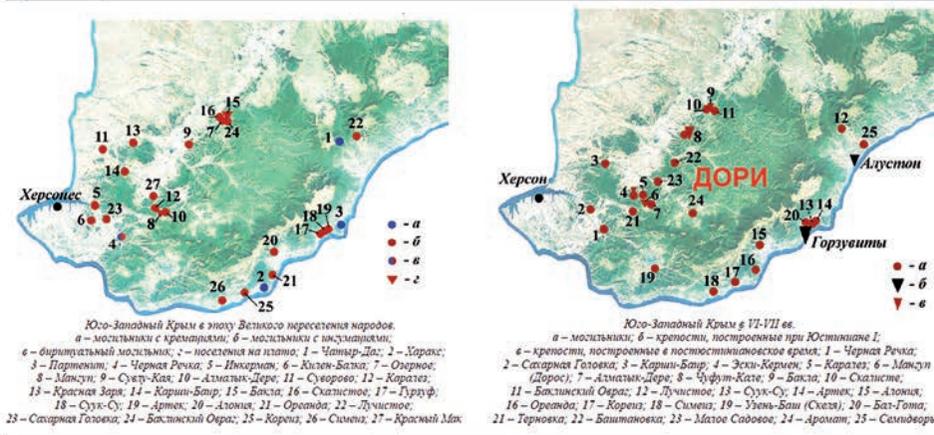
Рис. 5. Типы позднеантичной-ранневизантийской краснолаковой керамики из Херсонеса (по: [Романчук, Сазанов 1991]). PRS – form 1 (154, 155, 160, 165, 183); PRS – form 2 (6, 7, 9, 10); PRS – form 3 (11-13, 19, 22, 24, 25); PRS – form 7 (221-223); LRC form 3B (29); LRC form 3E (43); LRC form 3F (123, 124); LRC form 3H (125); LRC form 5B (134, 135); LRC form 7 (136, 137); LRC form 10A (145, 150); ARSW form 59 (226); ARSW form 61A (213); ARSW form 99A (205); ARSW form 99B (207); ARSW form 104C (220); ARSW form 104B (216) (по: [Hayes 1972]); клейма: 35b (126); 67i (127); 71e (130) (по: [Hayes 1972])

А. *Хунно-гунны в Евразии*
 а — полукочевая и оседлая экономика, б — первая стадия кочевания — нашествия; в — переход ко второй стадии кочевания (обретение родины); г — граница леса; 1 — империя Хунну; 2 — «Царство гуннов» в Дагестане; 3 — империя Аттилы

Б. Карта распространения ранних гуннских памятников:
 1 — Каменная Могила; 2 — Новофилипповка; 3 — Мелитополь-Кизилярская Балка; 4 — Арпаш; 5 — Будапешт-Цугло

Юго-Западный Крым в эпоху Великого переселения народов.
 а — могилища и крепости; б — могилища с инкульциями; в — виртуальный могилища; г — поселения на горах; 1 — Чатыр-Даг; 2 — Урок; 3 — Парфенит; 4 — Черная Речка; 5 — Инозит; 6 — Алеш-Белка; 7 — Озарное; 8 — Мансур; 9 — Суку-Кая; 10 — Алмазы-Дере; 11 — Суворово; 12 — Каразак; 13 — Красная Заря; 14 — Карши-Баир; 15 — Багла; 16 — Скалистое; 17 — Турдуф; 18 — Суук-Су; 19 — Артек; 20 — Аюция; 21 — Ореанда; 22 — Лучистое; 23 — Северная Голова; 24 — Багланский Овраг; 25 — Корез; 26 — Симиз; 27 — Красный Мок

Рис. 6. А. Евразийская степь в хунно-гуннскую эпоху (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981).

Б. Северное Причерноморье в гуннскую эпоху (по: [Казанский 2006]).

В. Юго-Западный Крым в эпоху Великого переселения народов (по: [Айбабин, Хайреидинова 2017]). Г. Юго-Западный Крым в VI-VII вв. (по: [Айбабин, Хайреидинова 2017])

и главный форпост Византии в Северном Причерноморье, Империя должна была сохранить во что бы то ни стало» [Юго-Западный Крым 2021: 394].

В первые века н.э. территория, прилегающая к владениям Херсонеса, была занята «поздними скифами», представленными в т. ч. группой могильников (Скалистое II, III, Бельбек I–IV, Танковое) с отдельными погребениями с кремациями [Храпунов 2016: 122–123]. Самостоятельная история «поздних скифов» прекратилась с утверждением Рима и закончилась вторжением сарматов. Их археологическая культура была здесь субстратом. В округе Херсонеса при этом некоторые могильники продолжали функционировать и позже, как, например, недавно открытый некрополь Фронтное 3 (конец I – начало V в.). В позднеримскую эпоху с началом очередных волн миграций в Юго-Западном Крыму начали складываться новые этнокультурные общности и археологические культуры, которые получили (хотя и не закрепились) названия как «памятники группы Озёрное-Инкерман», «Харакс-Чатырдаг» (рис. 8), «Инкерманская культура» (рис. 7 А), «культура Суук-Су» (рис. 7 Б) [Юрочкин, Труфанов 2007: 360, прим. 21] и «нейзацкая культура» [Храпунов 2019: 43], которая сложилась после миграции сюда аланов с Северного Кавказа [см.: Храпунов 2016: 124].

Первые германцы появились в Крыму, вероятно, ещё во II в., когда они проложили дорогу переселенцам во времена «Скифских войн» III в. [Шаров 2019]. Они оставили характерные памятники типа Харакс-Чатырдаг, по названию двух могильников на Южном берегу Крыма, представленные кремациями, наконечниками копий, согнутыми в ритуальных целях мечами, железными топорами, умбонами от щитов, краснолаковой и лепной керамикой (рис. 8), культура которых сложилась, вероятно, в результате взаимодействия переселенцев из Скандинавии с местными жителями [Мыц и др. 2006: 186–188].

В литературе представлено устойчивое мнение, что германцы (прежде всего готы) (рис. 9 А) появились здесь вместе с сармато-аланами. Письменные источники об этом молчат. Но, по крайней мере, даже ранее IV в. в Предгорном Юго-Западном Крыму, а потом и на Южном Берегу появляются могильники общим числом до трёх десятков по обряду ингумации (Черноречье, Инкерман, Суворово, Озёрное и др.). (рис. 6 В; 9 В). Погребальные сооружения представлены простыми, подбойными могилами и склепами с длинными входными ямами, прямоугольными погребальными камерами. Инвентарь разнообразен: фибулы, пряжки, краснолаковая и стеклянная посуда, браслеты и серьги (см.: рис. 7, фазы III–IV), значительная часть которых поступала из Херсонеса. Единый археологический комплекс продолжал складываться и позже середины V в. Именно это и позволяет говорить о сложении здесь новых археологических культур (или типов памятников).

Итогом взаимодействия стало сложение новой культурной общности, археологически выраженной как культура типа Суук-Су (названной так по могильнику, открытому на Южном берегу Крыма в начале XX в.). Ярким выражением этой культуры являются большие орлиноголовые пряжки, пальчатые и двухпластинчатые большие фибулы (рис. 9 Б). О результатах историко-политических позже писал византийский писатель Прокопий из Кесарии, который сообщал, что «Здесь же, на этом побережье есть страна Дори, где с давних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направившимся в Италию <...> Сама область Дори лежит на возвышенности, но она не камениста и не суха, напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды. В этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости, так как люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любили они жить всегда в полях. Так как оказалось, что их местность легко доступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами и таким образом отстранил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов. Таковы были его дела здесь». Упоминаются в тексте далее и две построенные для защиты византийцами союзных готов-федератов крепости «Алустон и в Горзубитах» [Прокопий

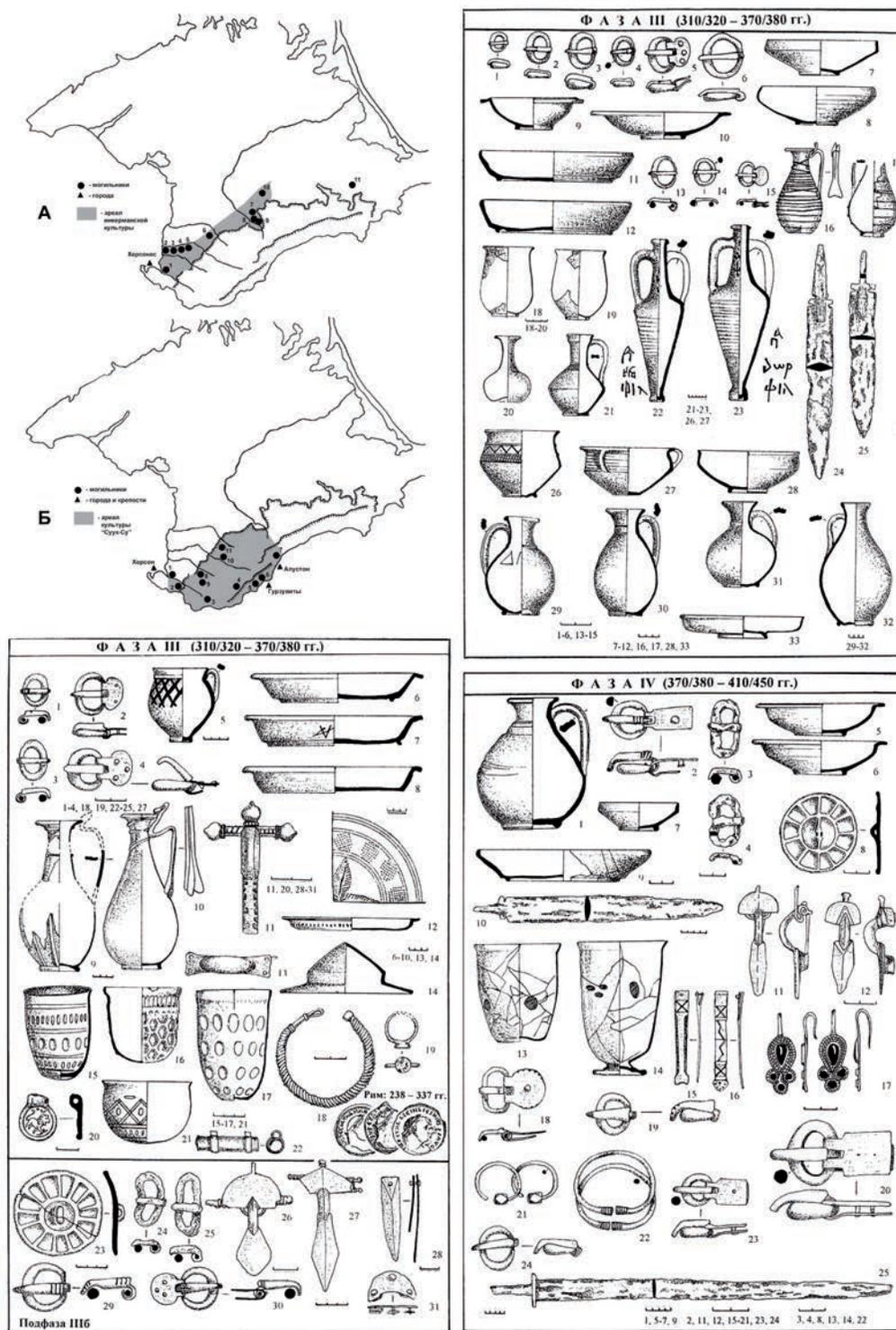

Рис. 7. Хроноиндикаторы археологических культур Юго-Западного Крыма (А – Инкерманская культура; Б – культура Суук-Су) IV – середины V в. (по: [Юрочкин, Труфанов 2017])

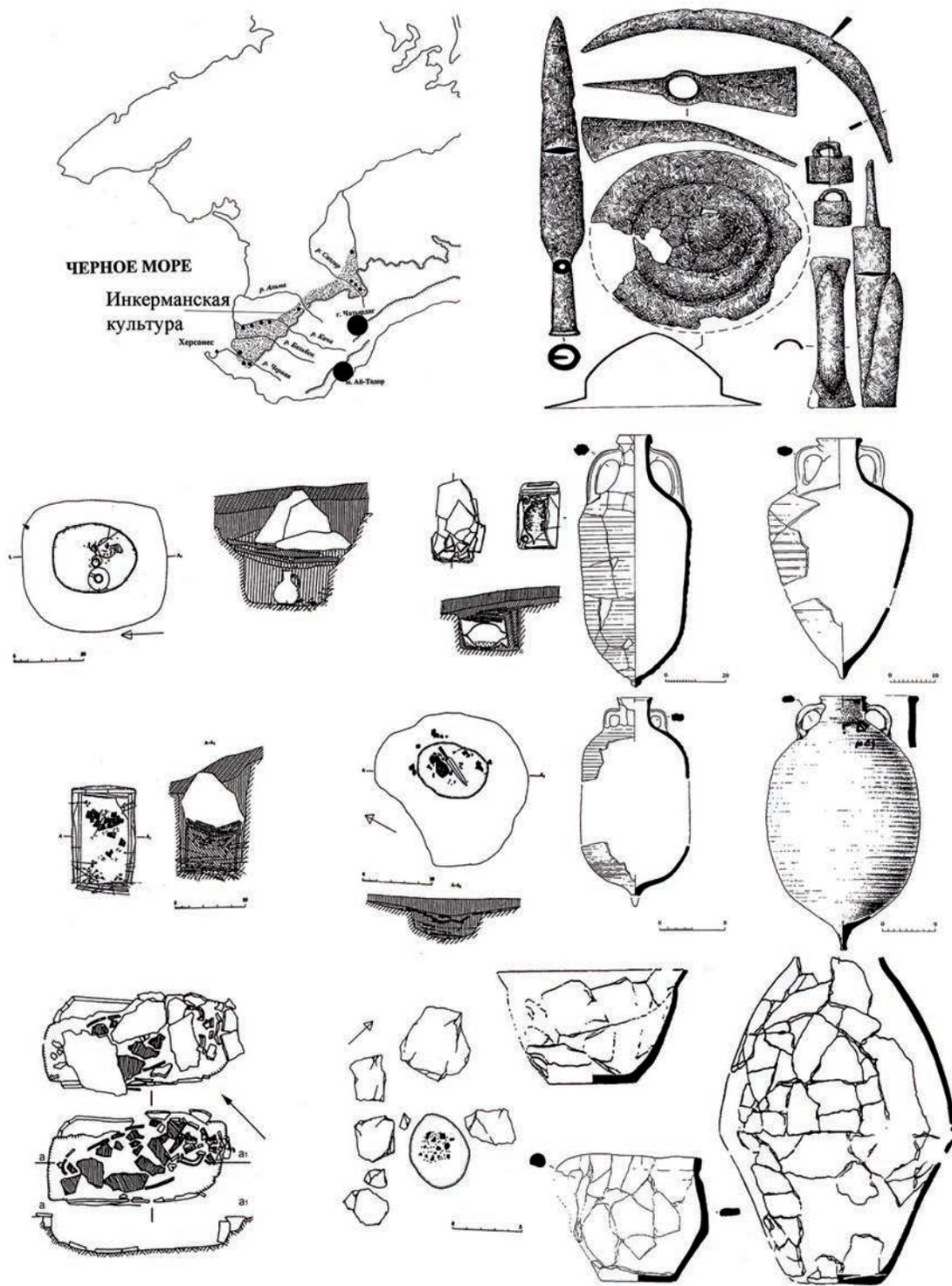

Рис. 8. Некрополи с кремацией типа Харакс-Чатырдаг (по: [Юрочкин 2005; Юрочкин, Труфанов 2017])

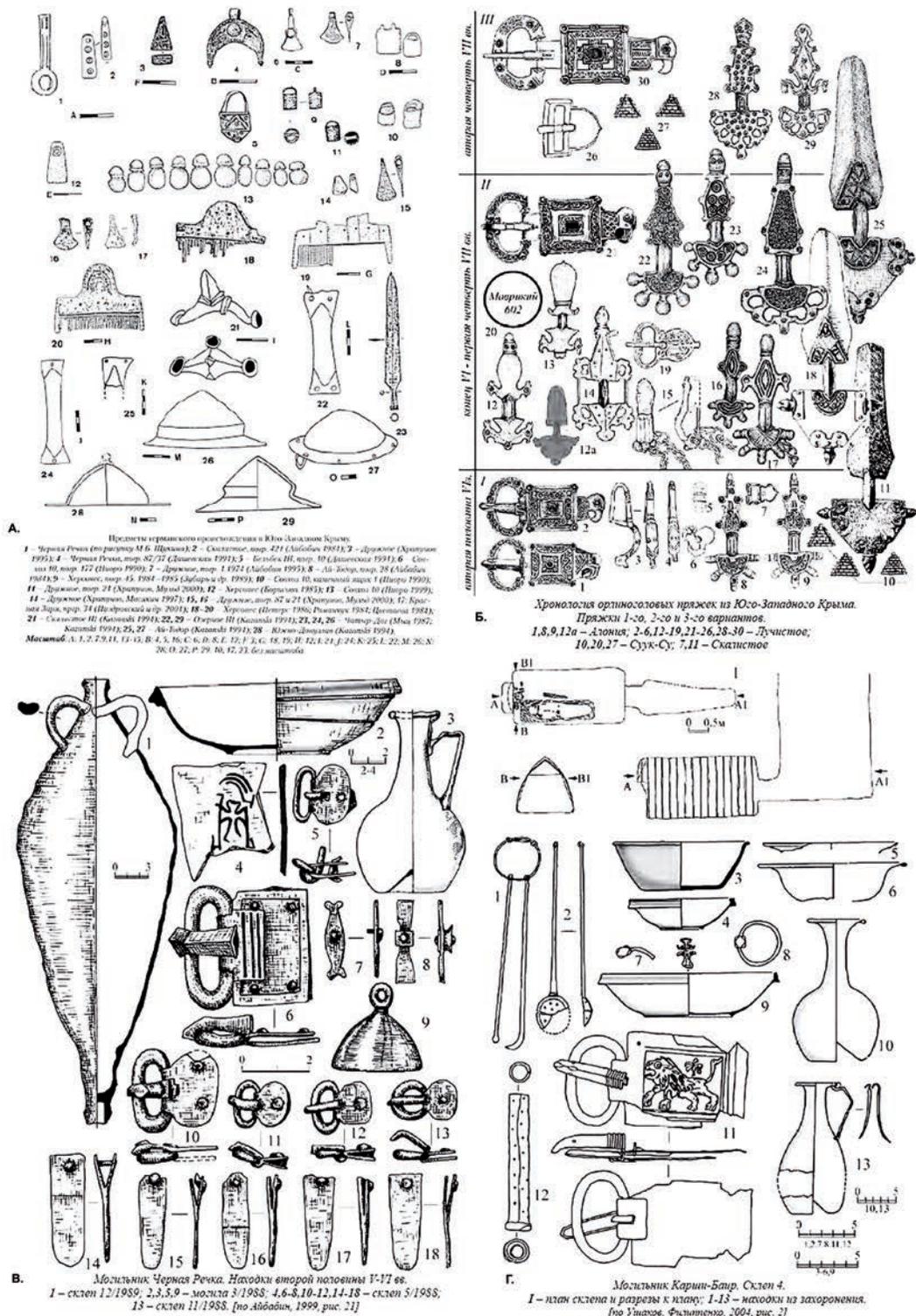

Рис. 9. А. Предметы германского происхождения в Юго-Западном Крыму (по: [Казанский 2006]); Б. Хронология орлиноголовых пряжек из Юго-Западного Крыма; В. Археологические материалы из могильника Черноручье; Г. Могильник Карши-Баир, скелет 4 (по: [Айбабин, Хайрединова 2017])

Кесарийский 1939: 250] (современные Алушта и Гурзуф). Этот пассаж Прокопия вызвал длительную дискуссию по поводу места расположения страны Дори, были открыты и остатки стен, которые можно посчитать «длинными стенами». Часть авторов локализуют её на южном берегу, другие размещают готскую страну в глубине п-ва. А.И. Айбабин и Э.А. Хайрединова придерживаются расширительной трактовки, относя к ней все памятники юго-западной части полуострова VI–VII вв. (рис. 6 Г) [Айбабин, Хайрединова 2017].

Некоторые памятники, близкие этнокультурно, могли и не входить собственно в область Дори, как, например, могильник Карши-Баир возле п. Верхнесадового (рис. 6 Г, 3; 9, склеп № 4). Склеп 4 из этого могильника примечателен. Он был сооружён в плотном грунте, потолок его подтреугольной в разрезе погребальной камеры имитировал доски перекрытия. Погребение было устроено в деревянной колоде. Среди инвентаря выделялись туалетный набор – на бронзовом кольце размещались ногтечистка, ухочистка, ситечко на длинной ручке; большая бронзовая поясная пряжка с изображением шествующего царя зверей с пальмой на спине; краснолаковое блюдо со штампованным изображением креста; стеклянные сосуды. Можно заключить, что погребение было совершено в конце V – начале VI в. Сам могильник должен быть отнесён к аланам, которые жили здесь уже в гуннскую, точнее, пост-гуннскую эпоху и испытали сильное влияние культуры близлежащего Херсона.

В Юго-Западном Крыму обнаружены и памятники собственно гуннов. Это два захоронения на могильнике Усть-Альма. Первое из них было устроено во вторично использованном склепе № 635, где в дубовой колоде лежали останки молодого гуннского воина (рис. 10) [Пуздровский и др. 1999]. Оно сопровождалось многочисленным инвентарём: деталями конской сбруи, железными удилами, бронзовым котелком, железным мечом и ножом, фрагментированным луком, наконечниками железных стрел, обкладками фигурки животного, поясными и обувными пряжками. У погребённого – юноши 15–18 лет зафиксированы черты монголоидности. Авторы публикации отнесли захоронение к концу IV – первой половине V в., считая, что оно было совершено, как и некоторые другие памятники гуннов в Крыму [см.: Айбабин 1919], в пределах второй четверти V в. [Пуздровский и др. 1999: 203].

Второе захоронение совершено в подбойной могиле № 957 (рис. 10) [Пуздровский, Труфанов 2017: 102–103]. Оно сопровождалось многочисленным и богатым инвентарём, представленный бронзовым кувшином, золотыми бляхами-лунницами, пластинами, деталями уздечного набора, обкладками ленчика седла, обкладками ножен, железными наконечникам стрел, удилами; бронзовыми пряжками, обкладками и деталями зооморфных фигурок (золото, бронза, сердолик). Оно также было отнесено ко 2-й четверти V в. [Пуздровский 2010: 310]. Выскажу предположение, что это могло произойти во время правления у гуннов Руа или сразу после его смерти в 434 г., когда власть перешла к его племянникам Бледе и Аттиле, сыновьям его брата и соправителя Мундзука [Засецкая 1994: 145–146], и началось разделение (и расселение) гуннов, в т. ч. и в Крыму [Щукин 2005: 454]. Результатом чего было складывание новой этнополитической ситуации.

Среди материалов, связанных с гуннской (и пост-гуннской) эпохой, нужно назвать круглые сооружения, обнаруженные на Гераклеиском п-ве. В.М. Зубарь провёл их подробный анализ, доказывая, что они являются основаниями юрт кочевников [Зубарь 2006: 77, 80–83; рис. 1, 4–7]. Среди кочевнических вещей в округе Херсона нужно упомянуть и находки из могильника Сахарная Головка [Амброс 1981: рис. 3, 33, 34, 39, 40; 6, 17].

Письменные источники о сложившейся ситуации. Прокопий Кесарийский отмечал: «Если идти из города Боспора в город Херсон, который лежит в приморской области и с давних пор подчинен римлянам, то всю область между ними занимают варвары из племен гуннов» (Proc. De bell. got. IV, 5, 27–28). О постгуннской эпохе и племени альциагиров в Крыму сообщает Иордан,

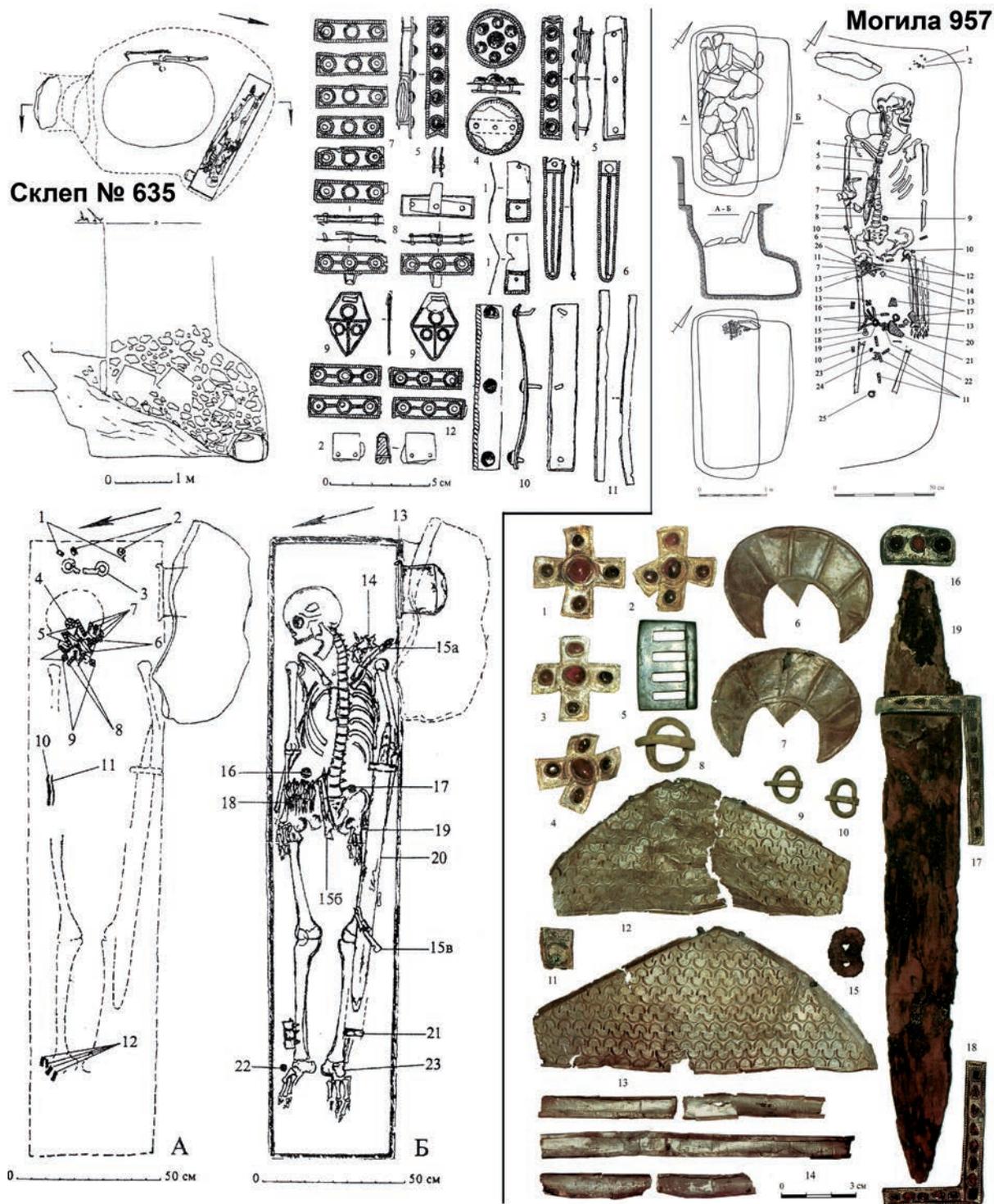

Рис. 10. Планы и часть инвентаря гуннских захоронений из склепа № 635 и могилы № 957 некрополя Усть-Альма (по: [Пуздровский, Труфанов 2017])

утверждая, что они располагаются «<...> около Херсона, куда жадный купец возит богатства Азии; летом они бродят по степям <...> Зимой же переходят к Понтийскому морю» (Iord. Getica, 37). Далее, Прокопий уточняет: «Перебив одних, заставив других, как я сказал выше, выселиться из страны, гунны заняли эти земли», «За Меотийским Болотом и рекой Танаисом большую часть лежащих тут полей, как мною было сказано, заселили кутригуры-гунны» (Proc. De bell. got. IV, 5, 15, 23). Это хоть и финал, но не завершение эпохи. Завершением служит вторжение тюрков (тюркютов). Панцирная конница тюрков Турксанфа во главе с Боханом и Анагеем, вождем утургуров, доходит до византийских владений, захватывая Боспор: «Город Боспор был взят в то время, когда римские посланники находились между турками» (Menandr, 45). Событие это относится к 576 г., а в 580 г. тюрки подошли к стенам Херсона, но взять его не смогли.

В итоге можно выделить основные вехи истории региона в эпоху Великого переселения народов. В IV – начале V в. начался позднеантичный период истории Херсонеса, характеризующийся своеобразием материальной и духовной культуры. В Юго-Западном Крыму население («нейзацкой» культуры) пополняется новыми германцами и союзными аланами. Со второй четверти V в. крымскую степь и западное побережье занимают гунны; в юго-западной части п-ва примерно до середины VI в. идет формирование этнокультурной (и археологической) общности «типа Суук-Су», итогом чего становится появление страны Дори с центром на Мангупе. Политически, культурно и религиозно в регионе доминирует Херсон, ставший оплотом Империи. В пост-гуннскую эпоху кочевники доходят до его стен, зимую на Гераклеийском п-ве. Заканчивается эпоха походами тюрков (тюркютов).

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Погребения второй половины V – первой половины VI вв. в Крыму // КСИА. 1979. № 158. С. 22-34.
- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 4-86.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
- Айбабин А.И.* Ранневизантийский Херсонес – Херсон // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 51: Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвященной памяти Алисы Владимировны Банк (1906–1984) (г. Санкт-Петербург, 8–11 октября 2019 г.) / Отв. ред. В.Н. Залесская, Е.В. Степанова. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2010. С. 353-370.
- Айбабин А.И.* Гунны в равнинном Крыму // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18, № 2. С. 47-61.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Крымские готы страны Дори (середины III–VII вв.). Симферополь: ООО «Антиква», 2017. 366 с.
- Амброз А.К.* Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // КСИА. 1968. Вып. 113. С. 10-23.
- Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 106-134.
- Амброз А.К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 10-23.
- Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. 1994/1995. Вып. IV. С. 31-88.
- Античная скульптура Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1976. 342 с.
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Вып. 7. Екатеринбург: УрГУ, 1971. С. 81-101.
- Белов Г.Д.* Херсонесские винодельни // ВДИ. 1952. № 2. С. 225-237.
- Белов Г.Д.* Стеклоделие в Херсонесе // СА. 1965. № 3. С. 237-239.
- Белов Г.Д.* Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 80–84.
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Летопись необычайных явлений природы за 2,5 тысячелетия. М.: Гидрометеоздат, 2002. 534 с.
- Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. 544 с.

- Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 5. Симферополь, 2008. 424 с.
- Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...». Церковь и Церкви Херсона в IV в. по данным литературных источников и эпиграфики. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 224 с.
- Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Ч. II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетейя, 2006. 320 с.
- Внуков С.Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36-47.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X Б в северном районе Херсонеса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2000. Вып. IX. С. 78-117.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 363-411.
- Зубарь В.М. Об интерпретации остатков круглых построек на Гераклейском полуострове // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. Вып. XVI/1. С. 65-87.
- Зубарь В.М. Из истории экономического развития Херсонеса-Херсона во второй половине I в. до н. э. – VI в. н.э. // Боспорские исследования. 2009. XXI. С. 226-295.
- Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Киев: [Б./и.], 2000. 179 с.
- История города Севастополя в трёх томах. Т. I. Юго-Западный Крым с древнейших времен до 1774 года. М.: ИстЛит., 2021. С. 147-221.
- Казанский М.М. Германцы в Юго-Западном Крыму в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху великого переселения народов // Готы и Рим / Отв. ред. М.Е. Левада, Л.Г. Самойленко. Киев: Стило, 2006. С. 26-41.
- Кутайсов В.А., Труфанов А.А. Бассейн под четырехапсидным храмом в Херсонесе (раскопки 1977–1979 гг.) // ИАКр. 2014. Вып. I. С. 234-280.
- Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: «Нестор-История», 2006. 208 с.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического / Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Харьков: Антиква, 2012. Т. 1. 416 с.
- Подгородецкий П.Д. Крым: Природа. Симферополь: Таврия, 1988. 192 с.
- Подгородецкий П.Д. Природа Западного Крыма в античную эпоху // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. С. 11-29.
- Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ. 1939. № 4. С. 201-298.
- Пуздровский А.Е. Воинское погребение гуннской эпохи из Усть-Альминского некрополя // Археологический альманах. Вып. 22. Донецк: Донбасс. 2010. С. 285-310.
- Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике // ХСб. 1999. Вып. X. С. 194-208.
- Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004-2007 гг. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2017. 327 с.
- Романчук А.И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 45-53.
- Романчук А.И. План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. 1977. С. 18-26.
- Самойленко В.Г. Новые данные о крепостном строительстве Херсонеса (по материалам работ на 19 куртине) // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. V (II). Серия А. Античность и Средневековье: избранные материалы VIII Междунар. науч. конф. «Лазаревские чтения» / Под общ. ред. В.И. Кузицина. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2011. С. 103-115.
- Сорочан С.Б. Об экспортных возможностях херсонесского виноделия // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тез. докл. междунар. науч. конф. (г. Севастополь, 29 августа – 1 сентября 1997 г.). Севастополь: [Б./и.], 1997. С. 112-113.
- Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2005. Ч. 1–2. 1645 с.

- Туровский Е.Я., Филиппенко А.А. Хронология склепов ранних христиан некрополя Херсонеса (в свете данных раскопок 2006 г.) // МАИАСК. 2008. № 3. С. 45-48.
- Ушаков С.В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н. э.). Опыт реконструкции // Археологический альманах, № 23. Донецк, 2010. 180 с.
- Ушаков С.В. Ранневизантийский Херсонес, Понти и Восточное Средиземноморье (по материалам краснолаковой керамики) // МАИАСК. 2015. Вып. 7. С. 59-71.
- Ушаков С.В., Струкова Е.В. Комплекс лепной посуды из засыпи колодца в Северо-Восточном районе Херсонеса // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах, № 22 (сборник статей). Донецк: Донбасс, 2010. С. 251-258.
- Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2004. 730 с.
- Храпунов И.Н. Население Горного Крыма в позднееримское время // ВДИ. 2016. № 1. С. 118-134.
- Храпунов И.Н. Археологическая культура позднееримского времени в предгорном Крыму // РА. 2019. № 1. С. 32-49.
- Шаров О.В. Появление германцев и сармато-германские контакты в Крыму в позднееримскую эпоху // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). V. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2019. С. 28-340.
- Шаров О.В. Юго-Западный Крым в позднееримскую эпоху: от «готских» походов до «гуннского» нашествия // Лазаревские чтения: материалы XVII Междунар. науч. конф. «Причерноморье: история, политика, география, культура» (г. Севастополь, 2–4 октября 2019 г.) / Под ред. О.А. Шпырко, В.В. Хапаева, А.В. Мартынкина, С.В. Ушакова, С.И. Рубцовой. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. С. 22-26.
- Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.
- Фомин М.В. Погребальная традиция и обряд в Византийском Херсоне (IV–X вв.). Харьков, 2011. 290 с.
- Фомин М.В. О некоторых сюжетах раннехристианской скульптуры Херсонеса IV–V вв. // МАИАСК. 2013. № 5. С. 88-101.
- Юрочкин В.Ю. Крым в эпоху великих миграций: проблемы этноса и культуры // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest / Cojocaru V. (ed.). Iași: Trinitas, 2005. С. 283-415.
- Юрочкин В.Ю. Готский вопрос. Симферополь: СОНАТ, 2017. 495 с.
- Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма в 3–4 вв. н.э. // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 359-382.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. Серия: МИА СССР. № 63. 1959. 365 с.
- Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
- Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Arhäologie Eurasiens. 2002. No. 8. P. 415-491.
- Hayes J. W. Late Roman Pottery. London: W. Heffer and Sons Ltd Cambridge. 1972. 477 p.
- Pieri D. Béryte dans le grand commerce méditerranéen. Production et importation d'amphores dans le Levant protobyzantin (Ve-VIII s. ap. J.-C.) // Productions et échanges dans la Syrie gréco-romaine. Actes du 2e colloque international sur la Syrie antique (Tours, 12-13 juin 2003). Suppl. Topoi 8, 2007. P. 297-327.
- Tezgör D.K. Organisation interne de l'atelier et histoire du site de Demirci. Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope // Varia Anatolica XXII. Istanbul; Paris, 2010. P. 95-104.

O. Fialko

Olena Fialko,
The Institute of Archaeology,
the National Academy of Sciences of Ukraine,
Kyiv, Ukraine; ofialka@ukr.net

Initiating of women to arms – a necessity, a tradition, a sense of duty?

Abstract. The article explores the relationship between women and arms. The most obvious example of such a relationship is the Scythians, one of the most prominent ethnic groups of the early Iron Age in the Northern Black Sea region. The burial traditions of the nomads, being the most informative and reliable source, prove that the arms in the graves of the Scythians, regardless of gender, mark the burial of a warrior, in this instance, an Amazon. A survey of the burial complexes of representatives of other ethnic groups in various territories suggests that the initiating of women to arms goes back to the Mesolithic Period. What caused women to take up arms in different periods of human history? It is hardly a matter of some tradition that has been kept for centuries. It is quite obvious that there were two decisive factors – the necessity due to certain circumstances, and the sense of duty inherent in female nature.

Keywords: Eurasia, early Iron Age, female warriors, weapons, funerary monuments, ancient history

Елена Евгеньевна Фиалко,
Украина Ұлттық ғылым академиясының
Археология институты,
Киев қ., Украина

Әйелдердің қолына қару ұстату – қажеттілік, дәстүр, парыз санасы ма?

Аннотация. Мақалада әйелдер мен қарудың қарым-қатынасы қарастырылады. Мұндай қарым-қатынастың анағұрлым анық мысалы ретінде Солтүстік Қара теңіз бойының ерте темір дәуірінің айқын этностарының бірі скифтар болып көрінеді. Көшпелілердің жерлеу дәстүрлеріндегі ең ақпараттылық және сенімді дереккөз ретінде жынысына қарамастан скифтердің қабірлерінде қарудың болуы жауынгердің жерленуін анық дәлелдейді, бұл контексте – амазонкалар. Әр түрлі аймақтардағы басқа этнос өкілдерінің жерлеу кешендеріне шолу әйелдерге қару ұстату мезолит дәуірінде басталады деп айтуға мүмкіндік береді. Осындай қарым қатынастың куәларын қазіргі күні табуға болады. Адамзат тарихында әртүрлі кезеңдерде әйелдер неліктен қолдарына қару алды? Бұл жағдайда ғасырлар бойы қалыптасқан белгілі бір дәстүр туралы айту қиын. Мұнда шешуші мәселе сол кездегі белгілі жағдайларға байланысты туындаған қажеттілік және әйел табиғатына тән міндет сезімі болуы мүмкін.

Түйін сөздер: Еуразия, ерте темір дәуірі, жауынгер әйелдер, қару, жерлеу ескерткіштері, ежелгі тарих

Елена Евгеньевна Фиалко,
Институт археологии
Национальной Академии наук Украины,
г. Киев, Украина

Приобщение женщин к оружию – необходимость, традиция, чувство долга?

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь женщины и оружия. Наиболее очевидным примером такой взаимосвязи выступают скифы – один из наиболее ярких этносов раннего железного века Северного

Причерноморья. Погребальные традиции номадов, являющиеся наиболее информативным и достоверным источником, доказывают, что оружие в могилах скифов, вне зависимости от гендерной принадлежности, маркирует захоронение воина, в данном контексте – амазонки. Обзор погребальных комплексов представительниц иных этносов на различных территориях позволяет говорить о том, что приобщение женщин к оружию начинается в эпоху мезолита. Свидетельства такой взаимосвязи можно найти и сегодня. Что же стало причиной того, что женщины брались за оружие в разные периоды истории человечества? Вряд ли в этом случае можно говорить о некоей традиции, пронесенной через века. Вполне очевидно, что решающими здесь являлись необходимость, вызванная определенным стечением обстоятельств, и чувство долга, характерное для женской природы.

Ключевые слова: Евразия, ранний железный век, воительницы, оружие, погребальные памятники, древняя история

Funeral rites are among the most stable traditions of a certain society. They build up over quite a long time. Accordingly, the rite has a number of stable canons. At the same time, it reflects features that are characteristic for specific chronological periods. This rite is a valuable source, especially for understanding the specifics of the nomadic societies, who left behind only funerary monuments. This is also the case for the Scythian society.

Specificity and peculiarities of life and spiritual culture of nomads are revealed in ancient written tradition. Among the subjects directly related to the Scythians, one of the most striking and popular is the myth about the Amazons – the female warriors. The increased interest in Amazons in ancient Greece was explained, first, by the fact that it was a society with a pronounced masculine character of gender ideology. The role and place of the Amazons in society seemed to the Greeks to be exceptional and worthy of special attention. Probably that is why numerous works of ancient authors give an idea of the appearance, costume, equipment and weapons of women warriors, ways of warfare and other aspects of life of the warrior women. The popularity of the myths about the Amazons is evidenced by their constant actualization, a vivid testimony of which is the wide range of fine arts in which female warriors appear.

The study of the burial sites of the Scythians of the Northern Black Sea region made it possible to identify among them a series of graves of women with weapons. Alternatively, more broadly - the presence in the Scythian environment of women who were engaged in military affairs.

The source basis of this research are burial sites discovered and excavated during the last century in the south of Eastern Europe, including the results of the author's excavations, - 303 burials from 267 kurgans, investigated in 116 burial mounds and separate kurgans (fig. 1).

By territorial principle, they are divided into five main groups: 1. Lower Dnipro steppe (or Steppe); 2. Foothills Crimea; 3. Danube Dniester steppes (or Transnistria); 4. Forest Steppe Dnipro area (or Forest Steppe); 5. Don region (Steppe and partly Forest Steppe). The number of complexes in groups varies: the first group includes 162 graves, the second group – 18 graves, the third – 54 graves, the fourth – 28 graves and the fifth – 41 graves. The amount of the female warriors' graves may significantly differ in distinct burial mounds: from 1 to 35.

For example, in the necropolises near the villages of Nove, Zelene and Lviv, five such graves were opened; in the kurgan group 2 near the village Velyka Znamyanka – six; in the burial ground near the village Mykolaivka – seven; in the Chortomyk kurgan group (Chkalove village) – 10; in Skelyansky burial ground – 12; in Mamai Hora burial ground – 13; in Elizavetivskyi – 27. The largest number (35) of burials of Amazons was found in the burial mound near the village Glinoye. The degree of completeness of information about these complexes is also different depending on how long ago the excavations were carried out [Fialko 2021: 138].

An analysis of the Amazon burial sites has allowed us to note the following: the graves, excavated in the kurgans, predominate. The altitudes of most kurgans range from 0.1–0.5 to 1 m, however, several

Fig. 1. The location of the graves of women with weapons on the territory of European Scythia

go up to 6 m (in the Steppe) and 7.9 m (in the Forest-Steppe). Stones are used for the garnishing of the 30 kurgans and wood only in one. 88 kurgans were surrounded by ditch with a diameter of 8 to 50 m (solid or with jumpers). Traces of worship of the cult of the dead (trident) are noted in 93 kurgans. The undercut (alcove) graves are the most represented – 34.7%, inferior to them are catacombs – 32.3% and pit graves – 26.4%, undefined – 6.6%.

Ten types and their variants represent burials. More than half of the Amazon graves (57.4%) are main in kurgans, 54% have anthropological definitions and 55% are not robbed. All burials were made according to the rite of inhumation. The western orientation of the dead is predominant. In general, burial sites, rites and anthropological types of Amazons are identical to those recorded for the population of European Scythia. However, some features are inherent to certain territorial areas [Fialko 2020: 95; 2021: 138–148].

The evidence of social stratification is, first, the size of burial structures and the composition of material support. According to these indicators, several social groups are distinguished in the Amazon environment: ordinary warriors, middle level (successful warriors), high-ranking (rich) Amazons, commanders (leaders), and convoy guards.

Anthropological definitions of the age of armed women by specialists exist for 163 cases (54% of the total number of graves). For individual graves, paleodemographic data is available in 141 cases. Almost all age groups are represented in this sample [Georgievskiy 2009] – from early childhood (1- to 3-year-old) to old age (55–60-year-old) (Table 12). At the same time, in contrast to other terrains, in the forest-steppe region, only two age groups are represented – young Amazons and mature warriors [Fialko 2019b: 89]. Perhaps this specificity is explained by the fact that in this particular region, the Amazons created units of paramilitary guards (mercenaries). A similar situation was observed only on the territory of Transnistria, in the burial ground near the village of Glinoye [Fialko 2017: 217]. However, given the relatively small percentage of professional anthropological definitions (about a third), the information obtained is quite conditional and incomplete.

A small number of elderly people, so-called veteran warriors, characterizes the group of adult Amazons. Only 2.1% of the total number of those buried in individual graves survived to the age of 55–60 (single cases in the steppe regions). Only 19.2% of female warriors survived to adulthood (35–50 years), and in the Steppe group, this rate is much higher than in other groups. The peak of mortality among adult female warriors is between the ages of 20 and 35 (55.3%), and a quarter of them lived only until 25-year-old. To some extent, this situation corresponds to the demographic processes noted for the Scythian population of the Black Sea Steppe, where according to demographic indicators, most women died before the age of 35–64% of the ordinary population and 58% of the elite [Krutz 2017: 137]. Significant mortality of women at a young age (20–35 years) is characteristic of many paleopopulations [Krutz 1984: 8, 24, 57; Denisova et al. 1985: 148–150; Litvynova 2005: 112; 2007: 295]. It is hardly legitimate to talk about the average age of death of Amazons.

Relatively small is the series of graves of girls with weapons, aged between one and eight-nine years (17) that represent 12.1% of the total number of individual burials.

The group of teenagers includes 16 graves (11.3% of the total number of individual burials). The structure of this age group includes deceased persons of two subgroups: aged 10–15-year-old (early adolescence) and aged 16–20-year-old (late adolescence or young adulthood). Seven complexes represent the first subgroup, the second by nine. According to the observations of L.T. Yablonsky, this group of ancient populations has one of the two peaks of mortality – in the interval of 12–15 years [Yablonsky 1980: 146–147].

Such a wide age range of the deceased women with weapons fully corresponds to the observations of S.M. Korenevsky that this reflects the reaction of burial traditions to the processes of militarization of ancient societies [Korenevsky 2017: 41]. It is most relevant for communities of nomads of the Early Iron Age, where war was a common event and where they were accustomed to weapons from an early age.

The chronological range of female warriors' burial complexes is generally narrower than male ones. Thus, burial complexes of the Scythian Amazons both in the territories of the nomadic dwellings at the beginning of the Iron Age, and in the areas controlled by the Scythians (or border areas), date from a wide range – from the second half of the 7th to the 2nd c. B.C. However, the main group of these tombs is dated 4th century B.C. [Fialko 2015a].

Material support is divided in three main groups: 1. universal (meat meals with a knife and utensils); 2. female (mirror, spindles with spinners, earrings, necklace, bracelets, rings, cosmetics, stone dishes); 3. male (weapons and protective gear, horse bridles, bronze cauldrons, hryvnias). The combination of the components of these kits has usually marked the burial of the Amazons (fig. 2; 3).

In the graves of the Amazons, there are almost all types of offensive weapons with a predominance of the items for remote combat – arrows (95% of graves) and bows (1.4%), spears (23%) and darts (9%). Arrows are represented by quiver sets, in bundles and by single specimens. They are present in 268 (95%)

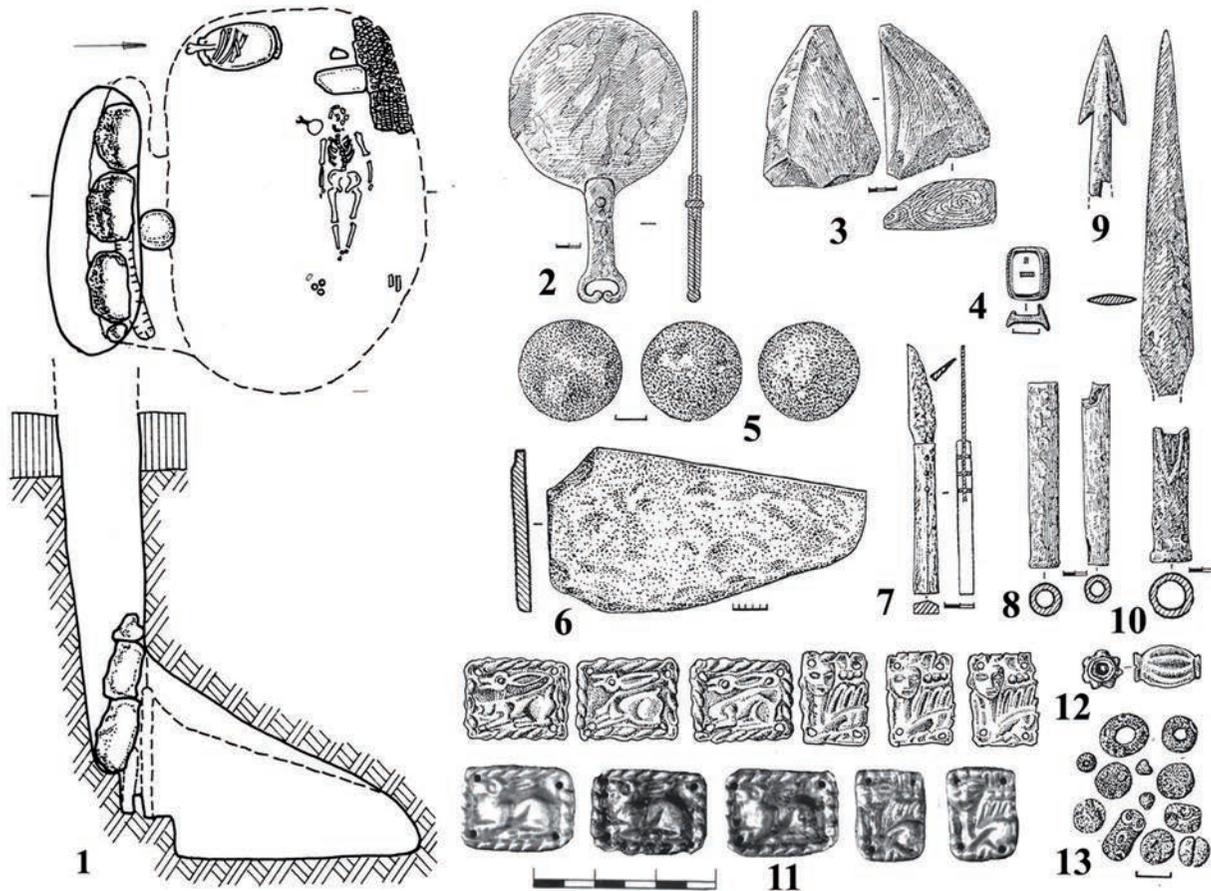

Fig. 2. The burial 3 kurgan 5 near the village Zelene (Lower Dnipro Steppe Group):
1 – plan and section of the grave; 2-13 – the set of burial implements

female burial complexes of all regional groups. There were used arrows with tips made of bronze, iron, bone and wood. Generally, Amazons sets included arrows with *bronze* trihedral and trilobite tips, typical for the sights of late 5th - early 3rd century B.C. [Melyukova 1964: 25–29]. Remains of quivers have been found in 43 graves of female warriors.

The second popular weapons were spears and darts, with a quantitative predominance of the spears (3 to 1). Short specimens with iron tips and end spikes or spear butt with round in section wooden shafts was used. The tips of spears and darts were often kept in leather or cloth *covers*, tightened with a lace with a vorvorka. The Amazons also used a *sling (or a slingshot)*, another type of projectile weapon designed for long-range combat.

Weapons of hand-to-hand combat (i.e. stabbing and slashing types of weapon) – swords and daggers, battle axes, polearms were used much less by women. Protective armour is represented by isolated finds. As per horse ammunition, there were mainly metal parts preserved in 23 burial complexes (about 8%). The nature of the weapon shows that it was intended primarily for the remote combat. Therefore, the women most likely formed units of lightly armed cavalry [Fialko 2011: 267–271].

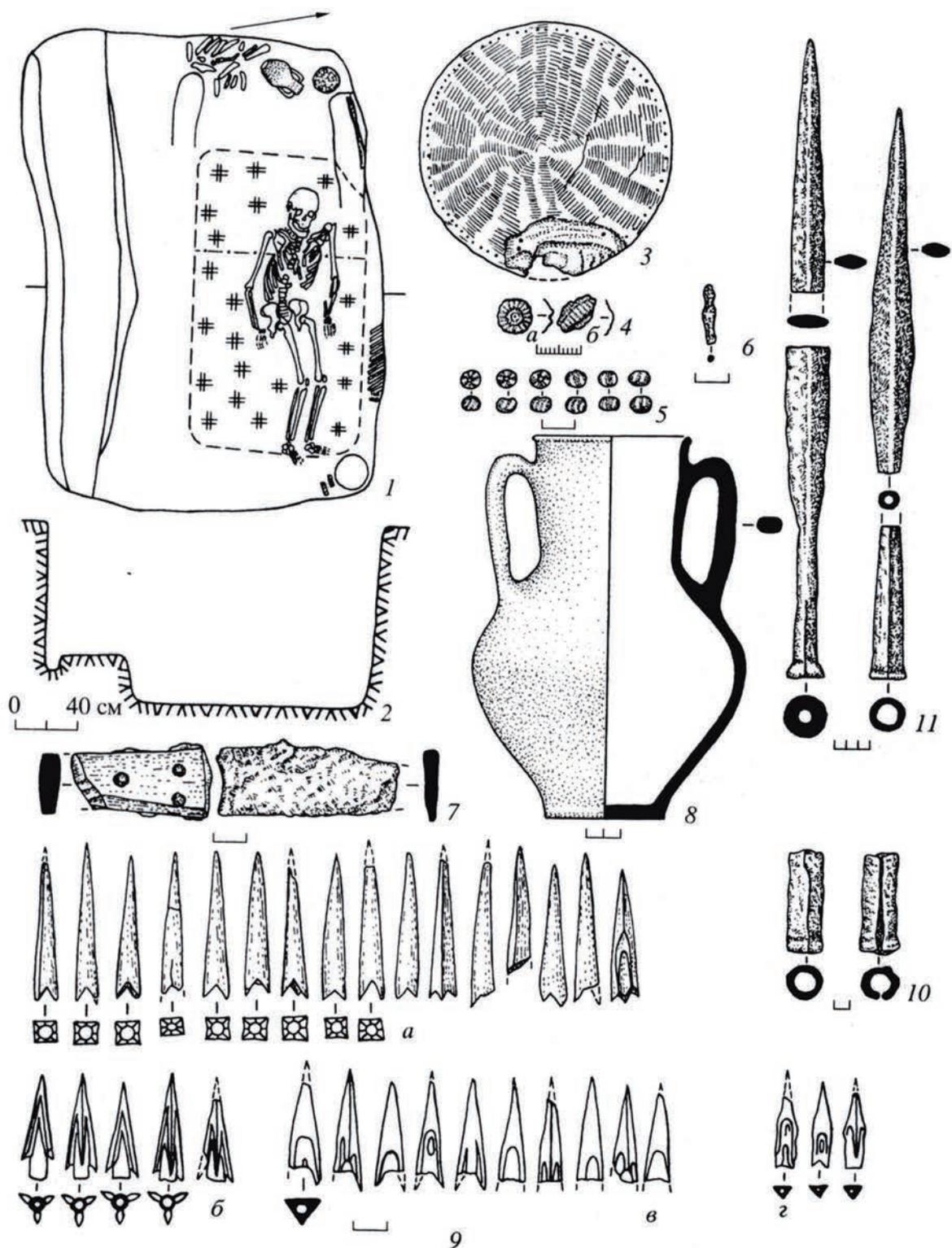

Fig. 3. The burial 2 kurgan 1 near the village Suvorove (Danube Dniester steppes Group):
1-2 – plan and section of the grave; 3-11 – the set of burial implements

Weapons were placed in women's burials in different numbers and combinations. These were sets or individual specimens of weapons among other traditional personal relics of the deceased. Usually, the arrows lay along the thigh (that is, on the belt) or the arm, behind the head or in the legs. Likewise, swords, axes or slings. Spears and darts, as a rule, were placed along the long wall or in front of the entrance to the chamber, sometimes diagonally (fig. 4). However, other locations were also noted [Fialko 2019a: 394].

As for the purpose of weapons in women's burials, there are several versions. Weapons were found in women's graves:

1. as an everyday personal thing that is familiar to them [Grakov 1962; Fialko 2019a];
  2. as a cause of injury or death [Sinika, Telnov 2014: 356; Fialko 2015c];
  3. as a talisman for the deceased in the afterlife (or on the way to the afterlife), or as a protection from her for the living [Potapov 1934; Pshenichnyuk 1983: 94; Zakharov 2000: 38; Shevchenko O. 2018];
  4. as a social marker [Shevchenko Yu. 1999: 9];
  5. as votive (sacrificial) objects [Rayevskiy 1978: 125; Bessonova 1990: 26; Andreyev, Sayenko 1992: 158];
  6. for transmission in the afterlife to a husband [Bogachenko 2011: 186];
  7. in a certain place of the grave as a symbol of a virgin girl [Shevchenko O. 2018].
- Previously, I already considered the detailed analysis of these versions [Fialko 2019a: 395–397]. In

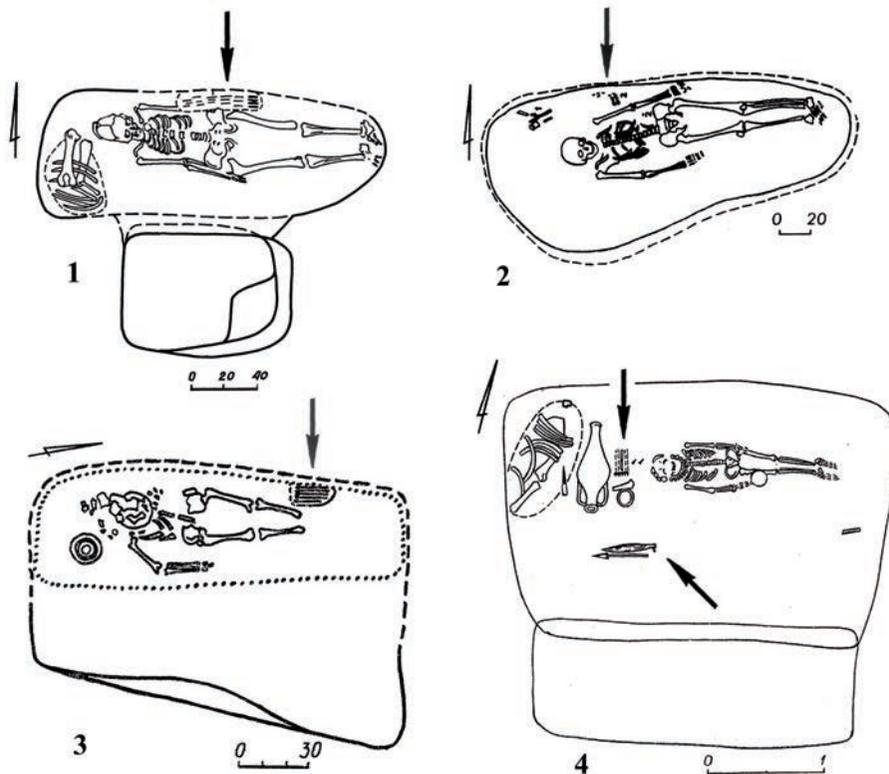

Fig. 4. Variants of the arrangement of weapons in the graves of Scythian women

this context, I would like to note that I support the first version (the weapon was placed in the grave as a personal belonging), without excluding the second version (a single find, mainly an arrow, could have been the cause of the deceased's death). Here I would like to focus on two points.

1 - the posthumous escort usually consisted of the everyday belongings of the deceased (this is perceived as an established fact = axiom) and only the deceased king, along with his personal belongings, was given the gifts of his subordinates [Herod, IV, 71-73].

2 - of his time B.M. Grakov, while studying the materials of the Nikopol burial mound, derived an indisputable "formula" for many years - the presence of weapons in the grave is a sign of the burial of a male warrior [Grakov 1962: 86]. That is, weapons are an attribute of a warrior. At the same time, Borys Grakov himself noted that in one of the kurgans (No. 21) of the second group of this burial mound, there was a burial of an armed woman. Surprisingly, this definition is often preserved today, i.e. the weapon present in the grave automatically «determines» the deceased as a man.

Here we can also cite another variant of the first version – the weapon in the woman's burial is considered exclusively as an attribute of hunting. Based on the examination of small (in terms of quantity) quiver sets of arrows from the burial ground near the village of Glyne, V.S. Sinika and M.P. Telnov concluded that these artefacts testify, first of all, to one of the most common occupations of the population – hunting [Sinika, Telnov 2014: 356]. Without denying such a possibility in general, I can only say that there is still no clear distinction between the types of arrows for combat and hunting. However, there is an assumption that arrows with bone tips could be used for hunting. However, the relative number of bone-tipped arrows in the quivers of Amazon women, as well as that of male warriors, is quite small. Yet even without clarifying the function of arrows in this context, in any case, these quivers do not in any way contradict their perception as personal belongings.

Therefore, as for the role of weapons in women's graves, I would like to note the following. 1. Nomenclature and weapon types of the Scythian female warriors, found in the burial complexes, were in full compliance with the nature of the armament of the Scythian army. 2. Options for placing different types of weapons in women's graves are generally in line with Scythian tradition of arranging burial complexes. 3. Social markers and comparisons with male graves indicate that weapon in the grave is a personal attribute of a Scythian warrior regardless of the deceased's gender.

The fact that Scythian women used weapons for their direct purpose, and not as a certain symbol or fetish, is evidenced by the presence of wounds on Amazons. The analysis of anthropological materials revealed that women had "military" injuries. There are three types of injuries: 1. damage from arrows; 2. loss or fracture of extremities; 3. stab wounds on the skull and extremities. The first type of injury (damage from arrows) is represented by three variants: damage to bone tissue; penetrating wound of the skull; soft tissue damage. The injuries of the female warriors are of different nature and, accordingly, were obtained under different conditions [Fialko 2015c: 52-54, ris. 1]. Also important is the fact that the graves of the wounded women are recorded in different regions of Scythia and indirectly mark the probable places of fighting.

A survey of various archaeological and historical sources of European Scythia and other territories in different periods has revealed the presence of female warriors from the Stone Age period, Copper-Bronze, Early Iron Age, Middle Ages and up to the Modern times [Fialko 2015b].

In order to understand the territorial expansion of the graves of armed or wounded women of different historical eras (fig. 5). I will provide a concise list of them. Burial IV in Popovo burial mound in the Arkhangelsk region belongs to the *Mesolithic period* (a 50–60-year-old woman with a wound among military graves).

The Copper-Bronze Age is represented by the *Eneolithic* burial with weapons of a woman 17–20-year-old (burial No. 9 in kurgan 5 of the Mukhin-2 burial ground) of The Sredny Stog culture and a series of

burials of women 30–55-year-old of the *Yamna or Pit Grave* cultural-historical community with injuries of a “military” nature (the village of Maryanske k. 1, the village of Taborivka k. 1, Mykolaiv burial No. 8, etc.). Several burials of women aged from 25 to 75 with weapons (arrowheads, flails, axes) were discovered among the monuments of the *catacomb cultural and historical community* in Zaporizhzhia (the village of Zamozhne, k.1, the village of Zhovtneve, k. 3, the village of Balky, k. 3 etc.). There are several women's graves with flint arrowheads and the grave of a woman with a skull injury in the circle of monuments of the *Babin culture* (Novooleksiivka village, k. 5). All these sights are from the territory of Ukraine. Three burials of women with weapons are known in the Sintashta burial mound (No. 22 from C M and No. 2 and 7 from C II) in the South Urals. Three female graves (2, 17, 35) with weapons and a 4–5-year-old girl with a miniature bronze spear point were discovered in the Bestamak burial mound (Kazakhstan).

A series of female graves of the *Early Iron Age* is quite representative. The single grave of a 30–35-year-old woman with a skull injury of obvious “military” orientation near the village Vynohradnyi Sad II k. 1 (Ukraine) dates to the Cimmerian period. To the same time (8-6 centuries BC) belongs the grave of a wounded woman aged 20–29 from the Bover I necropolis (modern Armenia), who, according to the definitions of anthropologists, constantly rode horses, for whom interpersonal violence was constant and habitual way of life, and who died in a military battle. In Scythian times, the burial sites of the Amazons are known in a wide area: in European Scythia, including in the foothills of Crimea, in addition to the steppe and forest-steppe territories of modern Ukraine, where 162 and 28 burial complexes are indicated, respectively, in Moldova and Don region; in the Caucasus, in Asian Scythia and other regions. On the territory of modern Hungary, approximately 270–280 military burials with weapons are known, of which 10-20% are identified as female. Two burials (4 and 12) belonging to young (20–35 years old) female warriors of the Scythian Archaic period were discovered in the soil part of the Kelermes burial ground (Kuban region). Burial 84 of the Nizhne-Dzhulatsky burial ground (Kabardy-Balkaria), where a woman was buried with an arrowhead, is among the early ones. Concluding the short list of burials of the Scythian era, I cannot ignore the famous tomb of Philip of Macedon in Vergina (Greece), where the remains of his last wife are buried with greaves (pieces of armour that protect the leg) and a quiver. A series of graves of Amazons is also known among the *Sauromato-Sarmatian antiquities* of the Southern Ural, Don Region and Dagestan. Such graves were fixed in the necropolises of Tanais (Eastern Azov region), Chersonesus of Tavria, and Bosphorus (Crimea). In grave 2 (1st century AD) of Tillatepe necropolis (Northern Afghanistan), a 20–30-year-old woman was buried with an axe.

The Middle Ages are represented by a series of burials of women with weapons from the *Viking Age* of Scandinavia (grave BB from Bogøvej burial mound; a grave from the Gerdrup burial mound; grave A-505 from the Trekrøner-Grydehøj in Denmark; three burials in the Mårem burial mound and others on the territory of Norway; grave 59:3 from Clint, kurhan A-24 on the shore of Lake Dalstorp, grave Bj. 834 from Birka and others in Southern Sweden). In the Dmytrovske burial mound of the circle of *Saltovo-Mayaki* culture (Ukraine), about 30% of female burials of various ages were accompanied by weapons, mostly axes. Female burials of early medieval Turks with weapons are known in Central Asia (Bertek 34, Justid XII k. 2). Among the *Polovtsian antiquities* of the Northern Azov region, a girl with a weapon is buried in kurgan 3 of the burial mound near the village of Dmytrivka (Ukraine). There is also some information about the graves of female warriors of the Northern Black Sea steppes of the *Golden Horde period* [see Fialko 2015b for a detailed overview of these monuments].

For new and modern times, we are talking about historical characters and the participation of women in the war with weapons in their hands, as evidenced by written and photographic documents. An example of this can be the participation of women in combat operations in the Russian-Ukrainian war after the full-scale invasion of Ukraine on the territory of Ukraine in 2022. Every fifth soldier (22%) of the

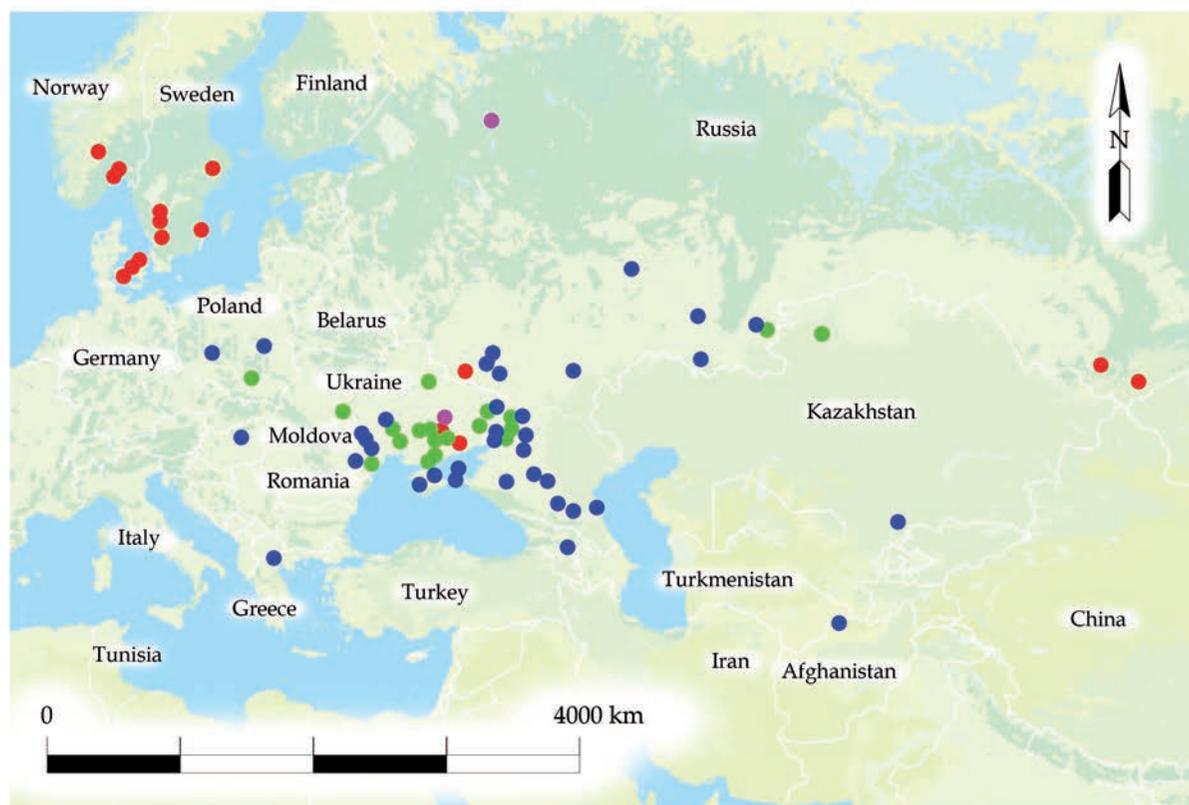

Fig. 5. The location of women' graves with weapons or wounds on the territory of Eurasia (from the Stone Age to the Middle Ages)

armed forces of Ukraine is a woman. Among them are mechanics, doctors, drivers, machine gunners, commanders [Skotnikova 2022].

So, clusters of graves of armed and wounded women on both represented maps (fig. 1; 2) are clearly visible. These clusters clearly mark the places and territories of major military conflicts in different specific historical periods.

Questions concerning the nature of human wars have long worried specialists. The lack of information about the early stages of the development of human communities makes it difficult to advance the search for answers to these questions. Moreover, since the opinion that the state of war implies a strict gender division of space and roles has long been established. Accordingly, the battlefield was considered a place that belonged exclusively to male warriors, while women had to stay at home, taking care of the family hearth far from the place of conflict [Kis 2015].

Without in any way refuting the male hypostasis of war, I will nevertheless note that the rigid distribution of gender roles correlates mainly with the early history of wars. Archaeological monuments show that from the early Bronze Age, women took part in military conflicts. The nature of their injuries has an obvious "military" focus. Although it is not necessary to talk about the mass participation of women in the wars of the Bronze Age, it is quite unlikely that at that time their role was reduced only to "collecting used arrows and spears." This conclusion is led by the fact that part of the graves of women with weapons (although more often they are single artefacts) in the burial mounds are located among military men's burials.

In the Early Iron Age, certain gender corrections in this area were clearly manifested. Burial complexes of women with weapons are recorded to the greatest extent in European Scythia, which was located on a large territory of modern Ukraine, in Transnistria, Don Region; in the Caucasus, in Asian Scythia and other regions. At the same time, regarding burial structures and the nature of the funeral rite, it can be noted that the grave complexes correspond to the Scythian regulations, that is, their construction does not stand out in any way in the burial ground. Here we can talk only about regional specificities.

What was the reason that made women take arms in different periods of human history? Ancient authors reported that the Amazons became independent and militant as their men left to fight. That is, the need to protect themselves and their home made them take up arms. At the same time, Hippocrates reported that, having married, the Amazon stops riding until it becomes necessary to march without exception [Hp. Aer, 24]. Consequently, women appeared on the front stage either when society needed them, or simply society was not distinguished by a rigid division of roles based on gender [Dzhons-Bley 1997: 71]. At the same time, the increase in the graves of women with weapons (especially in relation to the graves of nomads of the Early Iron Age) is explained by two circumstances. On the one hand, this may indicate a restless and unstable political situation. On the other hand, it can testify in favour of fully formed burial traditions when the “process of consolidation of certain territories by nomadic clans” was already ending [Lukiyashko 1999: 196]. In other words, when all members of society were buried without exception.

It is unlikely that in this case one can speak of some kind of tradition carried through the centuries. It is obvious that the decisive factors here were the necessity caused by the confluence of certain circumstances, and the sense of duty characteristic of the female nature. So, in any community or environment, there were and are women who, like men, not only carried weapons, but also took part in military battles. That is why they were buried and honoured, as brave warriors should be. Therefore, a woman with a weapon is not a phenomenon, but a rule, behind which there are some general patterns of development of ancient societies.

REFERENCES

- Andreyev V.N., Sayenko V.N.* O semantike strel v skifskom pogrebalnom obryade // *Drevnosti Stepnogo Prichernomoriya i Kryma*. 1992. No. III. P. 157-162.
- Bessonova S.S.* Skifskiye pogrebalnyye komplekсы kak istochnik dlya rekonstruktsii ideologicheskikh predstavleniy // *Zubar V.M. (red.). Obryady i verovaniya drevnego naseleniya Ukrainy*. Kiyev: “Naukova dumka”, 1990. P. 17-40.
- Bogachenko T.* Zhenshchiny-voitelnitsy yuzhnorusskikh stepey: Istoricheskiye osnovy skazaniy. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 2011. 267 p.
- Georgiyevskiy A.B.* Evolyutsionnaya antropologiya (istoriko-nauchnoye issledovaniye). Saint Petersburg: “Nestor-Istoriya”, 2009. 255 p.
- Grakov B.N.* Skifskiye pogrebeniya na Nikopolskom kurgannom pole // *Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR*. 1962. No. 115. P. 56-113.
- Denisova R.Ya., Graudonis Ya.Ya., Gravere R.U.* Kivutkalnskiy mogilnik epokhi bronzy. Riga: “Znaniye”, 1985. 167 p.
- Dzhons-Bley K.* Zhenshchiny i voyna v indoyevropeyskom mire // *Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simvolicheskoy indoyevropeyskoy istorii*. Saint Petersburg: “Nestor”, 1997. P. 67-72.
- Fialko E.E.* Panopliya skifskikh voitel'nits // *Tyragetia*. 2011. s.n. No. V (XX), 1. pp. 265-278.
- Fialko E.E.* Pohrebalnye komplekсы skyfskykh amazonok khronolohycheskyy aspekt // *Archaeology and Early history of Ukraine*. 2015a. No. 2 (15). P. 142-156.
- Fialko E.E.* Amazonky vo vremeny y prostranstve // *Archaeology and Early history of Ukraine*. 2015b. No. 4 (17). P. 46-99.
- Fialko O.Ye.* Chy voyuvaly skifs'ki amazonky? // *Mahisterium*. 2015c. No. 60. P. 51-55.
- Fialko E.* Seriya pogrebeniy skifskikh voitel'nits v mogil'nike u s. Glinoye (Moldova) // *Archaeology and Early history of Ukraine*. 2017. No. 2 (23). P. 208-227.

- Fialko O.Ye.* Zbroya v pokhovannyakh skifs'kykh zhinok: mistse ta pryznachennya // I Vseukrayins'kyi arkhеolohichnyy z"yizd: materialy roboty. / Ed. by V.P. Chabay. Kyiv: IA NAN Ukrayiny 2019a. P. 393-405.
- Fialko O.Ye.* Pokhovannya amazonok Lisostepovoho Prydniprov"ya // Archaeology and Early history of Ukraine. 2019b. No. 4 (33). P. 80-96.
- Fialko O.* Funeral traditions of the Scythian Amazons // Tanatolohiya: smert' ta navkolo smerti v yevropeys'kiy kul'turi. / Ed. by O.M. Tytova. Kyiv: Vydavnychyy dim "Hel'vetyka", 2020. P. 94-96.
- Fialko O.Ye.* Mohyly skifs'kykh amazonok: typolohiya ta konstruktyvni osoblyvosti // Archaeology and Early history of Ukraine. 2021. No. 2 (39). P. 138-156.
- Kis' O.* Zhinochi oblychchya viyny: klyuchovi temy i pidkhody u zakhidniy feminist-s'kiy istoriohrafii // Hrinchenko H., Kobchenko K., Kis' O. (red.). Zhinky Tsentral'noyi ta Skhidnoyi Yevropy u Druhiy svitoviy viyni: henderna spetsyfika dosvidu v chasy ekstremal'noho nasyt'stva. Kyiv: TOV "ART KNYHA", 2015. P. 15-39.
- Korenevskiy S.N.* Fenomen det-skikh pogrebeniy s oruzhiem v epokhu medno-bronzovogo veka // Arkheologicheskkiye pamyatniki Orenburzh'ya. 2017. No. 13. P. 41-49.
- Kruts S.I.* Paleoantropologicheskkiye issledovaniya Stepnogo Pridneprov'ya (epokha bronzy). Kiyev: Naukova dumka, 1984. 208 p.
- Kruts S.I.* Skify stepey Ukrainy po antropologicheskim dannym. Kiyev: Vidavets' Oleg Filyuk, 2017. 202 p.
- Lytvynova L.V.* Naselennya Pivdnya Ukrayiny doby seredn'ovichchya (paleodemohrafichni aspekty doslidzhennya) // Arkheolohichnyy litopys Livoberezhnoyi Ukrayiny. 2005. No. 1-2. P. 108-116.
- Litvinova L.V.* Demograficheskaya struktura naseleniya skifskoy kul'tury (po materialam mogil'nika Mamay Gora) // Vestnik Antropologii. 2007. No. 15 (2). P. 292-299.
- Luk'yashko S.I.* Predskifskiy period na Nizhnem Donu. (Donskiye drevnosti. 1999. No. 7). 240 p.
- Melyukova A.I.* Vooruzheniye skifov. Moscow: "Nauka", 1964. 91 p.
- Potapov L.P.* Luk i strela v shamanstve u altaytsev // Sovetskaya Etnografiya. 1934. No. 3. P. 64-76.
- Pshenichnyuk A.Kh.* Kultura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala. Moscow: "Nauka", 1983. 200 p.
- Rayevskiy D.S.* Iz oblasti skifskoy kosmologii (opyt semanticheskoy interpretatsii pektoralni iz Tolstoy mogily) // Vestnik Drevney Istorii. 1978. No. 3. P. 115-132.
- Sinika V.S., Telnov N.P.* Kompleks vooruzheniya i predmetov voynskogo snaryazheniya iz skifskogo mogil'nika kontsa IV-II vv. do n.e. u s. Glinoye v Nizhnem Podnestrov'ye // Voyna i voyennoye delo v skifo-sarmat-skoy mire: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati A.I. Melyukovoy (s. Kagalnik, aprel 26–29, 2014). / Ed. by S.I. Lukiyashko. Rostov-na-Donu: Izdatelstvo YUNTS RAN, 2014. P. 345-366.
- Skotnikova O.* Kulemetnytsi, mekhaniky, komandyry ta medykyni — kyyanky na peredoviy // Electronic journal "Vechirniy Kyiv". 2022. 4 lypnya. URL: <https://vechirniy.kyiv.ua/news/68547/> (accessed: 10.07.2022).
- Shevchenko O.B.* Zakhysni amulety z nakonechnykh stril u zhinochykh pokhovannyakh sarmativ. // Antichnyy Nikoniy i mir plemen Severo-Zapadnogo Prichernomoriya. Materialy «kruglogo stola», posvyashchennogo yubileyu N.M. Sekerskoy i 60 letiyu nachala raskopok Nikoniya (Odessa, May 18, 2017). / Ed. by I.V. Bruyako, A.V. Glavenchuk. Odesa: "Irbis", 2018. P. 77-86.
- Shevchenko Yu.Yu.* Knyazhna-amazonka v parnom pogrebenii Chernoy mogily // Bershtam T.A. (red.). Zhenshchina i veshchestvennyy mir kultury u narodov Yevropy i Rossii. Saint Petersburg: Muzei Antropologii i Etnografii, 1999. P. 9-22.
- Yablonskiy L.T.* K paleodemografii naseleniya srednevekovogo goroda Saraya-Batu (Selitrennoye gorodishche) // Sovetskaya Etnografiya. 1980. No. 1. P. 142-148.
- Zakharov A.V.* Sarmatskoye pogrebeniye v kurgane «Krestovyy» // Guguyev Yu.K. (red.). Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona). Vol. I. Rostov-na-Donu: "Terra", 2000. P. 27-45.

Н. А. Берсенева

Наталья Александровна Берсенева,
Институт истории и археологии УрО РАН
г. Екатеринбург, Россия
Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск, Россия; bersnatasha@mail.ru

**Социальные реконструкции
по данным курганных могильников ранних кочевников:
погребальный комплекс Кичигино в Южном Зауралье***

Аннотация. Целью исследования является выявление и анализ обрядовых групп населения, чьи останки были упокоены в курганах у с. Кичигино (Южное Зауралье, Челябинская обл., РФ). Всего в могильниках были обнаружены останки как минимум 29 индивидов. Хронологически захоронения в погребальном комплексе производились в течение всей эпохи раннего железа, с раннесакского до позднесарматского периодов (середина VII в. до н.э. – II–IV вв. н.э.). В Кичигинском некрополе представлены различные социальные и возрастные категории, отражены социальные роли некоторых умерших. Следует отметить раннесарматские женские погребения с крупными колчанными наборами из кургана 3 (Кичигино I), которые, вкуче с другими подобными погребениями Южного Урала, позволяют поставить вопрос об участии некоторых женщин в боевых действиях. Малое количество детских захоронений, возможно, свидетельствует о наличии альтернативного погребального обряда для незрелых, а также об их низкой социальной позиции. В целом, возрастные группы лучше всего представлены в захоронениях савроматского периода, а социальные роли – в раннесарматских погребениях.

Ключевые слова: Южное Зауралье, ранние кочевники, могильник Кичигино, социальная структура

Наталья Александровна Берсенева
РФА ОрБ Тарих және археология институты,
Екатеринбург қ., Ресей
Оңтүстік Орал мемлекеттік университеті,
Челябинск қ., Ресей

**Ерте көшпенділердің обалық қорымдары мәліметтері бойынша әлеуметтік реконструкция:
Оңтүстік Оралдағы Кичигино жерлеу кешені**

Аннотация. Зерттеудің мақсаты Кичигино ауылының (РФ, Челябі облысы, Оңтүстік Орал бойы) маңындағы обаларда жерленген тұрғындардың салттық топтарын анықтау және талдау болып табылады. Жалпы алғанда қорымдардан кем дегенде 29 адамның сүйегі табылды. Жерлеу кешенінде жерлеулер хронологиялық жағынан ерте сақ дәуірінен бастап кейінгі сармат кезеңіне дейінгі барлық ерте темір дәуірінде жүргізілді (б.д.д. VII ғ. ортасы – б.д. II–IV ғғ.). Кичигин қорымында әртүрлі әлеуметтік және жас санаттары кездеседі, кейбір мәйіттердің әлеуметтік рөлдері байқалады. 3-обадан (Кичигино I) ірі қорамсақ жиынтығы бар ерте сарматтық әйелдердің жерлеу орындарын атап өткен жөн. Олар Оңтүстік Оралдағы өзге ұқсас жерлеу орындарымен бірге, кейбір әйелдердің соғыс қимылдарына қатысқандығы туралы мәселені қоюға мүмкіндік

© 2022 Берсенева Н.А.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00205

береді. Балалар жерлеуінің санының аз болуы үлкен еместерге арналған баламалы жерлеу салтының болғандығын, сондай-ақ олардың әлеуметтік жағдайының төмендігін білдіруі мүмкін. Жалпы, жас топтары басқаларға қарағанда савромат кезеңінің жерлеулерінде, ал әлеуметтік рөлдері ерте сармат жерлеулерінде жақсы көрінеді.

Түйін сөздер: Оңтүстік Орал, ерте көшпенділер, Кичигино қорымы, әлеуметтік құрылым

Natalia Berseneva

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia
South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Social dimensions of the Early nomadic society: the burial complex of Kichigino in the Southern Trans-Urals

Abstract. The purpose of the study is to identify and analyze the ritual groups of the nomads, whose remains were buried in mounds near the village Kichigino (Southern Trans-Urals, Chelyabinsk region). In total, the remains of at least 29 individuals were found in the burial grounds. Chronologically, the burials covered the entire Early Iron Age, from the Early Saka to the Late Sarmatian periods (mid-7th century BCE – 2nd–4th centuries CE). The Kichigino necropolis presented various social and age categories; grave goods reflected the social roles of some of the dead. It should be noted the Early Sarmatian female burials with large quiver sets from kurgan 3 (Kichigino I). They, along with other similar burials in the Southern Urals, make it possible to raise the question of the participation of some women in war activities. The small number of children's burials may indicate the existence of an alternative burial rite for sub-adults, as well as their low social position. In general, age groups are best represented in the burials of the Sauromatian period, and social roles are best represented in the Early Sarmatian burials.

Key words: Southern Trans-Urals, Early Nomads, Kichigino burial ground, social structure

Могильник Кичигино I располагался на крайнем юге лесостепной зоны Южного Зауралья (Челябинская область), на левом берегу Южноуральского водохранилища, на берегу р. Увелька. Некрополь занимал площадку на вершине господствующей возвышенности (гора Тушканская). Курганная группа состояла из 10 курганов, расположенных нерегулярной цепочкой, вытянутой вдоль склона возвышенности. Насыпи сооружались из грунта и камня, диаметр колеблется от 14 до 35 м при высоте 0,1–1,5 м. В 2006–2011 гг. в ходе охранных работ могильник был полностью исследован. Материалы частично опубликованы [Таиров и др. 2008; Таиров, Боталов 2010; Loyer et al. 2013; Таиров 2015; 2020; Берсенева 2020 и др.].

Могильник Кичигино II, расположенный в 1,3 км к северо-западу от могильника Кичигино I, состоял из трех курганов с сильно сnivelированными распашкой каменно-земляными насыпями. Насыпи располагались цепочкой в меридиональном направлении. В 2008 г. экспедицией под руководством А.Д. Таирова был раскопан курган 1, занимавший вершину возвышенности.

В работе анализируются шесть курганов могильника Кичигино I и один курган из могильника Кичигино II, так как они содержали надежно атрибутируемые материальные свидетельства и человеческие останки.

Целью предлагаемого исследования является выявление и анализ обрядовых групп населения, чьи останки были упокоены в курганах у с. Кичигино в соответствии с хронологией возникновения захоронений. Антропологические определения были выполнены Е.П. Китовым¹ и Ж. Лоайе [Loyer et al. 2013] для 29 скелетов или частей скелетов. Часть погребений содержала останки плохой сохранности, что не позволила провести полноценный антропологический анализ. Всего, таким образом, в могильниках были обнаружены останки как минимум 29 индивидов.

¹ Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва.

С точки зрения хронологии, захоронения в погребальном комплексе производились в течение всей эпохи раннего железа, почти на протяжении 1000 лет, с раннесакского до позднесарматского периодов.

Площадка комплекса курганов Кичигино начала осваиваться в *раннесакский период* (середина VII – середина VI в. до н.э.). В это время были насыпаны курган 5 могильника Кичигино I и курган 1 могильника Кичигино II. Сакские погребения являлись основными в курганах. Курган 5 содержал непо потревоженное центральное захоронение взрослого мужчины² (?) в крупной погребальной камере с дромосом и деревянным перекрытием. Умершего сопровождал богатый инвентарь [Таиров, Боталов 2010: 67]. Второе погребение этого периода (Кичигино II, курган 1) принадлежало женщине (40–50 лет) и было сильно потревожено. Из инвентаря сохранились лишь бронзовое зеркало и керамическое пряслице.

Большинство захоронений в погребальном комплексе у д. Кичигино было совершено в савроматский и раннесарматский периоды (вторая половина VI – IV в. до н.э.). *Савроматским* временем датируются семь могильных ям в курганах 4, 5 и 6, где было захоронено минимум 12 человек. В это время были сооружены курганы 4 и 6, курган 4 содержал только савроматские погребения. Инвентарь представлен украшениями, предметами вооружения, культа и быта, а также керамической посудой.

Погребения *раннесарматского* периода (конец V – IV в. до н.э.) представлены восемью могильными ямами в курганах 2, 3 и 6 могильника Кичигино I и одной ямой в кургане 1 могильника Кичигино II. Всего было захоронено не менее 13 индивидов. Курган 3 некрополя Кичигино I содержал только раннесарматские погребения. Инвентарь представлен теми же категориями, что и в более ранние периоды.

Два погребения в комплексе Кичигино было совершено в *подзнесарматское* время (II–IV вв. н.э.). Это впускные захоронения в курганы 5 и 6 могильника Кичигино I. Первое принадлежало женщине (25–30 лет), второе – мужчине (30–35 лет). Инвентарь скуден: представлен сосудом (женщина), железным ножом (мужчина) и костями мелкого рогатого скота.

Нетрудно заметить, что самый ранний и самый поздний периоды представлены единичными погребениями. Отличия между ними, тем не менее, значительны. В раннесакский период были сооружены два кургана, возведение одного из которых (курган 5) было весьма трудозатратным мероприятием. Самые поздние (позднесарматские) захоронения являлись впускными в насыпи уже стоявших курганов и содержали скудный погребальный инвентарь. Социальный анализ захоронений этих двух периодов невозможен из-за их малочисленности. Можно отметить лишь, что одно из захоронений раннесакского времени (курган 5) было устроено, по-видимому, для какой-то значительной персоны, это элитное погребение. Второе захоронение этого периода (женское) выглядит рядовым, его размеры и конструкции намного скромнее, нежели в кургане 5.

В погребениях савроматского периода представлены все возрастные группы, включая детей (от 2–4 до 35–45 лет). Среди взрослых удалось определить останки двух мужчин и трех женщин. К сожалению, непо потревоженных погребений этого времени сохранилось всего пять, и три из них – детские индивидуальные захоронения на периферии кургана 4. Детские погребения (четыре индивида) характеризуются крайне скромным инвентарем (сосуд, кости мелкого рогатого скота) или его полным отсутствием. Не сохранилось ни одного непо потревоженного мужского погребения. Парное захоронение женщины (35–45 лет) и подростка (?) в кургане 5 позволяет судить о гендерно-

² Антропологический анализ оказался невозможным из-за плохой сохранности костей.

стереотипных наборах савроматского периода: подростка сопровождало оружие (кинжал, колчан со стрелами), женщину – украшения, бронзовое зеркало, каменный жертвенник.

Серия погребений раннесарматского периода несколько более представительна благодаря большому числу непогребенных захоронений (10 индивидов) и, соответственно, большому количеству сохранившегося инвентаря. Возрастные группы представлены в основном взрослыми индивидами (до 45–55 лет), детское погребение лишь одно, и оно разрушено. Всего идентифицировано четыре женских (от 25 до 45–55 лет) и шесть мужских скелетов (также от 25 до 45–55 лет). Две могильные ямы разрушены. Почти все мужчины (пять индивидов) были захоронены с гендерно-стереотипным инвентарем, то есть, с предметами вооружения – клинковым оружием и колчанами со стрелами [см. подробнее: Таиров 2020]. Единственное мужское погребение (курган 3, погребение 1) без предметов вооружения было нарушено при совершении несколько более позднего захоронения. Женские погребения более разнообразны в терминах сопроводительного инвентаря несмотря на то, что украшения были обнаружены у всех индивидов. Два погребения из четырех содержали крупные колчаные наборы [см. подробнее: Берсенева 2022], а одно включало комплекс предметов культа [Таиров и др. 2008].

Кочевники, совершавшие захоронения своих умерших в погребальном комплексе у д. Кичигино на Южном Урале, не составляли, безусловно, какой-то монолитной социальной или родственной группы. Два кургана были насыпаны в раннесакское время. В кургане 5 (Кичигино I) была похоронена какая-то персона с высоким социальным статусом, возможно, вождь или военный руководитель. В кургане 1 могильника Кичигино II женское захоронение выглядит достаточно рядовым. По-видимому, раннесакские коллективы в Южном Зауралье были достаточно малочисленными и не задерживались надолго. Все сказанное может быть отнесено и к впускным погребениям рядовых кочевников позднесарматского периода погребального комплекса Кичигино.

Захоронения савроматского и раннесарматского периодов более многочисленны, но все же не идут в сравнение с крупными могильниками Приуралья. Тем не менее, в Кичигинском некрополе представлены различные социальные и возрастные категории, отражены социальные роли некоторых умерших. Особо следует отметить женские погребения с крупными колчанными наборами из кургана 3, которые, вкупе с другими похожими погребениями Южного Урала, позволяют, как минимум, поставить вопрос об участии некоторых женщин в боевых действиях. Малое количество детских захоронений, возможно, свидетельствует о наличии альтернативного погребального обряда для незрелых, а также об их низкой социальной позиции. В целом, возрастные группы лучше всего представлены в захоронениях савроматского периода, а социальные роли умерших лучше отражены в раннесарматских погребениях.

Погребальный комплекс Кичигино уникален тем, что на протяжении многих столетий служил местом для погребальных ритуалов ранних кочевников Южного Зауралья. На текущий момент это самый крупный могильник из исследованных на данной территории. Переиспользование погребальных монументов различными группами кочевников может свидетельствовать как о признании особой сакральности этого места, так и о желании закрепить за собой землю путем захоронения своих умерших.

ЛИТЕРАТУРА

Берсенева Н.А. Женские погребения могильника Кичигино I в контексте особенностей погребального обряда ранних кочевников Южного Урала // Вестник ЮУрГУ. Сер. Соц.-гум. науки. 2020. № 20 (4). С. 31-36.

-
- Берсенева Н.А.* Женские погребения с предметами вооружения на памятниках ранних кочевников Южного Урала (конец V – II в. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. № 1 (50). С. 99-105.
- Таиров А.Д.* Комплексы раннесакского времени кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. науч. статей, посвящ. памяти археолога К.А. Акишева / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 300-319.
- Таиров А.Д.* Мужские воинские погребения кургана 3 могильника Кичигино I // Археологическое наследие. 2020. № 1 (3). Античность. Скифы. Сарматы. С. 182-196.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г., Плешанов М.Л.* Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: м-лы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» (г. Оренбург, 21–25 апреля 2008 г.) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский Оренбург: изд-во ОГПУ, 2008. С. 139-145.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г.* Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий: сб. науч. ст. / М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова (ред.). М.: ТАУС, 2010. С. 339-354.
- Loyer J. Tairov A.D., Rottier S., Courtaud P.* Bioarchaeology and Burial rituals of the Iron Age Nomads from South Ural: first results of the study of the kurgan 4 from Kichigino I cemetery (Russia) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. трудов / Таиров А.Д., Иванова Н.О. (ред.). Челябинск: Рифей, 2013. С. 157-166.

Ә. Д. Қасенова

Әсемгүл Дәуренқызы Қасенова,
Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ, Қазақстан; asema_94@mail.ru

Сарыарқаның ерте темір дәуірінің тас мүсіндері (зерттелу тарихы)

Аннотация. Мақалада соңғы он жылдықта жүргізілген далалық зерттеулер негізінде, ерте темір дәуірімен мерзімделетін Сарыарқа жеріндегі тас мүсіндердің зерттелу тарихы қарастырылады. Сонымен қатар, аталған аймақтағы ерте темір дәуіріне жататын тас мүсіндердің атрибуттары бір жүйеге келтіріліп, тас мүсіндердің маңызды атрибуттарының бірі саналатын – айдар мен түйінге жеке тоқталып, талданады. Сонымен қерте темір дәуіріндегі Сарыарқа тас мүсіндерін зерттеудің негізгі аспектілері, оның морфологиясы мен композициялық ерекшеліктері жан-жақты қарастырылады.

Түйін сөздер: Сарыарқа, ерте темір дәуірі, тас мүсіндер, қорғандар, қоршаулар, ескерткіштер

Асемгуль Дауреновна Касенова,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

Каменные изваяния раннего железного века Сарыарки (история исследования)

Аннотация. В статье анализируется история изучения каменных изваяний Сарыарки раннего железного века, которая охватывает последнее десятилетие и отражает важные результаты проведенных в это время полевых исследований. Наряду с этим автор представляет систематизацию и анализирует атрибуты каменных изваяний данного региона, которые относятся к раннему железному веку. Особое внимание уделено «айдару» и «шишкообразным» выступам являющимися важными элементами каменных изваяний. При этом автор подробно останавливается на таких важных аспектах изучения каменных скульптур раннего железного века, как их морфология и композиционные особенности.

Ключевые слова: Сарыарка, ранний железный век, каменные изваяния, курганы, ограды, памятники

Assemgul Kasenova
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

Stone sculptures of the early Iron Age Saryarka (history of the study)

Abstract. The article analyzes the history of the study of Saryarka stone sculptures of the early Iron Age, which covers the last decade and reflects the important results of field research conducted at that time. Along with this,

---

© 2022 Қасенова Ә.Д.

*Жұмыс ҚР БҒМ Ғылым комитетінің нысаналы-бағдарламалық қаржыландыруы бойынша (2021–2022) ЖТН-і OR11465466 жобасы шеңберінде орындалды.

the author presents a systematization and analyzes the attributes of stone sculptures of this region, which belong to the early Iron Age. Special attention is paid to the “aidar” and “cone-shaped” protrusions, which are important elements of stone sculptures. At the same time, the author dwells in detail on such important aspects of the studies of stone sculptures of the early Iron Age as their morphology and compositional features.

Keywords: Saryarka, early Iron Age, stone sculptures, mounds, fences, monuments

Алғашқы тас мүсіндерді қою салты Сарыарқада қола дәуірінің соңғы кезеңінен бастау алады. Бұл мал шаруашылығының дамып, жайлау, қыстауға көшіп, көшпелі тұрмысты игеру кезеңі болды. Күнкөріс қамының негізіне айналған аңшылықтан мал бағуға ауыса бастады. Сондықтан болар алғашқы жасалған мүсіндер де жылқы мен қойға арналған. Олар ғылымға «меңгір-қойтас, тұлпартас» деген атаумен енгені белгілі [Маргулан 1979; Курманкулов, Касенова 2018]. Мал басының көбейіп, жаңа жайылымдарды игеру әрекеті әскери қақтығыстарды туғызып, жауынгер рөлі алдыңғы орынға шыққандықтан алғашқы адам мүсінінде жауынгерлердің бейнесі бейнеленді. Б.д.д. VII–II ғғ. жасалған бұл мүсіндер Сарыарқа даласында соңғы жылдары табылып отыр. Қазіргі таңда олардың саны 30-ға таяу. Негізі ежелгі жауынгер мүсіндері Қара теңіз бойындағы скифтер мен Каспийдің шығысындағы сармат тайпаларының мекендерінен көп табылған болатын [Ольховский 2000]. Бұл дәстүрдің Қазақ даласында да кең тарағанын жауынгерлердің белбеуіне ілінген ақинақ (қанжар) пен істік балтасы (чекан) қай кезең ескерткіші екенін нақтылай түседі. Мүсіндер сақ обаларының ішінен, маңынан және «мұртты» обалардың жанынан табылып отыр [Ермоленко және т. б. 2015: 26–32; Бейсенов 2021].

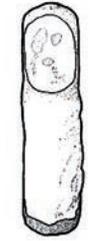
2011 ж. бір мезгілде жарияланған екі мақалада авторлар алғаш рет сақ кезеңіне жататын ерте темір дәуірінің бірнеше тас мүсіндерін атрибуттады [Акишев, Хабдулина 2011: 56, 182; Ермоленко, Курманкулов 2011а; 2011б]. Бұрын бұл тас мүсіндерге зерттеушілер назар аудармады деп айтуға болмайды. 1998 жылы М.К. Хабдулина Степногорскі қаласындағы ежелгі темір дәуірінің тас мүсінін ҚР ҒА-ның хабаршысына жариялауға тырысты, алайда журнал редакциясы мүсіннің атрибуциясын қате деп санап, мақаланы қабылдамады [Хабдулина, Ярыгин 2013: 178; Хабдулина 2015: 375, примеч. 1]. Бұған дейін, 1980 жылдардың соңында, Л.Н. Ермоленко Қарағанды облыстық тарихи-өлкетану мұражайындағы ортағасырлық тас мүсіндерге ұқсамайтын, ерекше және уақыты көрсетілмеген мүсіндерді құжаттады [Ермоленко, Курманкулов 2011б: 156]. 2004 ж. барлау жұмыстары кезінде Ж. Құрманқұлов пен Л.Н. Ермоленко ортағасырлық тас мүсіндердің иконографиясында қолдың позициясына ұқсамайтын тағы бір мүсінді анықтады. Тек 2010 ж. ғалымдар Сартоған шатқалында ерте темір дәуіріне жататын заттар бейнеленген тас мүсіндер табылғаннан кейін ғана бұл мүсіндерді сақ дәуірімен шамалас деген шешім қабылдаған еді.

Әр жылдары ашылған ерте темір дәуірінің бірнеше мүсіндері бастапқыда ортағасырлық тас мүсіндер деп қате мерзімделді [Маргулан 1951: 29, 30; Марғұлан 1966: 19, 20, 41. 1, 18-сур.; Маргулан 2003: 26, 27, 31, рис. 15, 1, 2; 25, 1–3; Кызыласов 1951: 61, рис. 5; 6; Ермоленко 1991: 16, рис. 41; Ермоленко 2004: 17, рис. 35]. 2011 жылдан қазіргі уақытқа дейін зерттеушілер (М.К. Хабдулина, Ж. Құрманқұлов, Л.Н. Ермоленко, А.З. Бейсенов, А.Д. Қасенова, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева) 30-ға жуық Сарыарқа мүсіндерін және ерте темір дәуірінің антропоморфты стелаларын ғылыми айналымға енгізді. Жаңадан табылған археологиялық олжалар туралы мәліметтер жыл сайын жарияланып келеді [Ермоленко, Курманкулов 2011а; 2011б; 2012; 2013; 2014; 2015; Бейсенов, Ермоленко 2014; Ермоленко и др. 2016а; Бейсенов 2021]. 2010 жылдардың екінші жартысында алғашқы жалпылама мақалалар жарыққа шықты [Ермоленко и др. 2016б; 2018: 105–111].

Сарыарқа даласындағы ерте темір дәуірімен мерзімделетін тас мүсіндерді зерттеудің негізгі аспектілеріне тоқталайық.

Морфология және композициялық ерекшеліктері. 2012 ж. жарияланған Л.Н. Ермоленко мен Ж.К. Құрманқұловтың мақаласында Сарыарқаның ерте темір дәуіріндегі мүсіндер ерекше топқа бөлінді [Ермоленко, Курманкулов 2014: 94]. Бірқатар еңбектерде ерте темір дәуірінің кейбір мүсіндерінің бет әлпеті жазық, бастың көлемділігі, кең бүйір қырлары секілді ерекше морфологиялық белгілер сипатталып, сақ дәуіріндегі сарыарқалық мүсіндердің б.д.д. VI–V ғғ. шығыс еуропалық скиф мүсіндерімен иконографиялық ұқсастығы байқалды [Ермоленко, Курманкулов 2011б: 156; Ермоленко, Курманкулов 2012: 92; Ермоленко и др. 2018: 105].

Л.Н. Ермоленко Сарыарқаның ерте темір дәуірінің мүсіндерін адам бейнесінің белгілері бойынша белдік және кеуделік, сондай-ақ антропоморфтық стелаларға бөлуді ұсынады [Ермоленко и др. 2018: 105] (1-сур.).

№ п/п	Адам дене бітімінің толығымен бейнеленуі	Белге дейін/Толық	Кеудеге дейін	Антропоморфты стелалар	Құрылыстар
1	Ерте темір дәуірі				

1-сур. Сарыарқадағы ерте темір дәуірінің құрылыстары мен тас мүсіндері

Мүсіндердің бел тұсындағы қолды әртүрлі қимылмен көрсетуге болады: 1) бір қолы кеудесінде, екіншісі қарын тұсында бейнеленген. Саусақтарының арасы сәл ашықтау; 2) саусақтары қарын тұсында қосылған. Бұл қимылдардың бірнеше нұсқалары бар [Ермоленко и др. 2016б: 130, рис. 1, 1, 3; 2018: 105, рис. 5].

Бел тұсындағы қол позицияларынан басқа да атрибуттар бейнеленеді. Олар: белбеу, қанжар, әшекейлер сияқты материалдық атрибуттар. Зерттеушілер қару-жараққа ұқсастықты б.д.д. VI–V ғғ. жататын материалдардан анықтады [Ермоленко, Курманкулов 2012: 88–91; Ермоленко и др. 2016б: 49–51].

Бөксе, иық, жауырындары сомдалған, ер адамға тән белгілері бар тас мүсіндерді Солтүстік Қара теңіз бен Солтүстік Кавказдың скиф мүсіндерінен көруге болады [Ермоленко, Курманкулов 2011б:151; Ермоленко, Курманкулов 2012: 92; Бейсенов, Ермоленко 2014: 36].

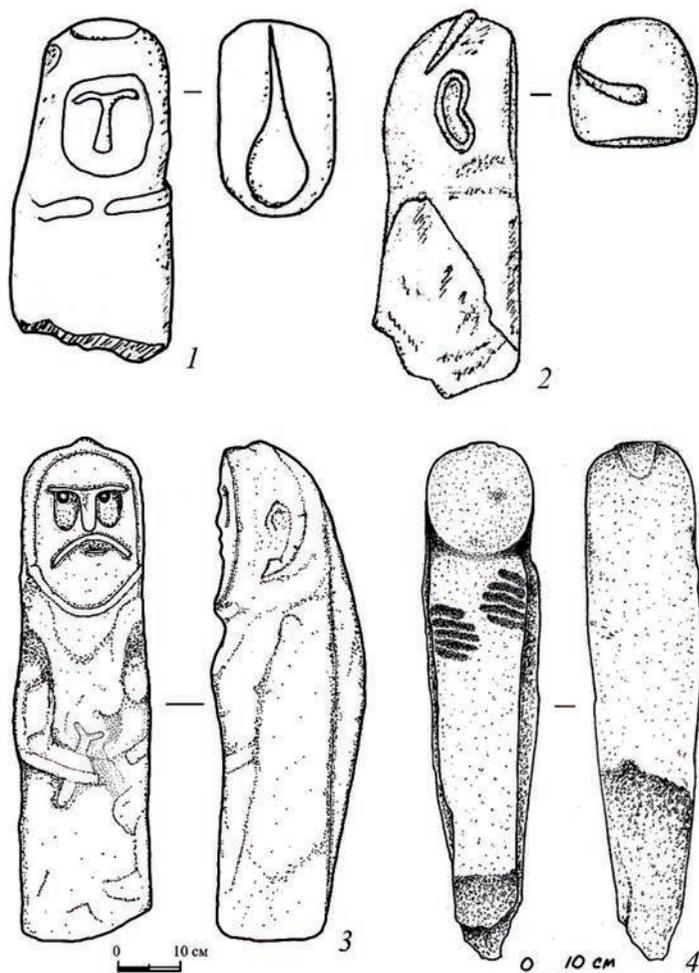
Сарыарқа даласындағы ерте темір дәуірі тас мүсіндерінің арасында ерекше атрибуттары бейнеленген мүсіндер де бар. Мұны бастың жоғарғы бөлігіндегі шаш байламы (айдар) мен «түйінге» қарап айтамыз (2; 3-сур.). Олардың көпшілігі белге дейін немесе белден төмен қарай түсірілген болып кездеседі. Ерте темір дәуірінің мүсіндеріне ұқсас атрибуттар көрші аймақтардан анықталмады. Сарыарқа даласында «айдар» шашымен бейнеленген төрт мүсін және «түйіні» бар тоғыз мүсін тіркелді [Ермоленко и др. 2015; 2018: 108–109]. Ә.Х. Марғұланның «Қаратал өзенінің мүсіндері» атты еңбегінде «түйін» бөлшегі туралы ерте темір дәуірімен мерзімделуі мүмкін деген болжам айтылады [Марғұлан 1966: 22-сур.; 13: ил. 36, 1–4]. Л.Р. Кызласовтың жақында жарық

көрген «О дорожном альбоме» атты еңбегінде әртүрлі проекциялардағы мүсін суреттерінен «түйін» атрибуты болжамы расталды [Кызласов 2017: рис. 8–11].

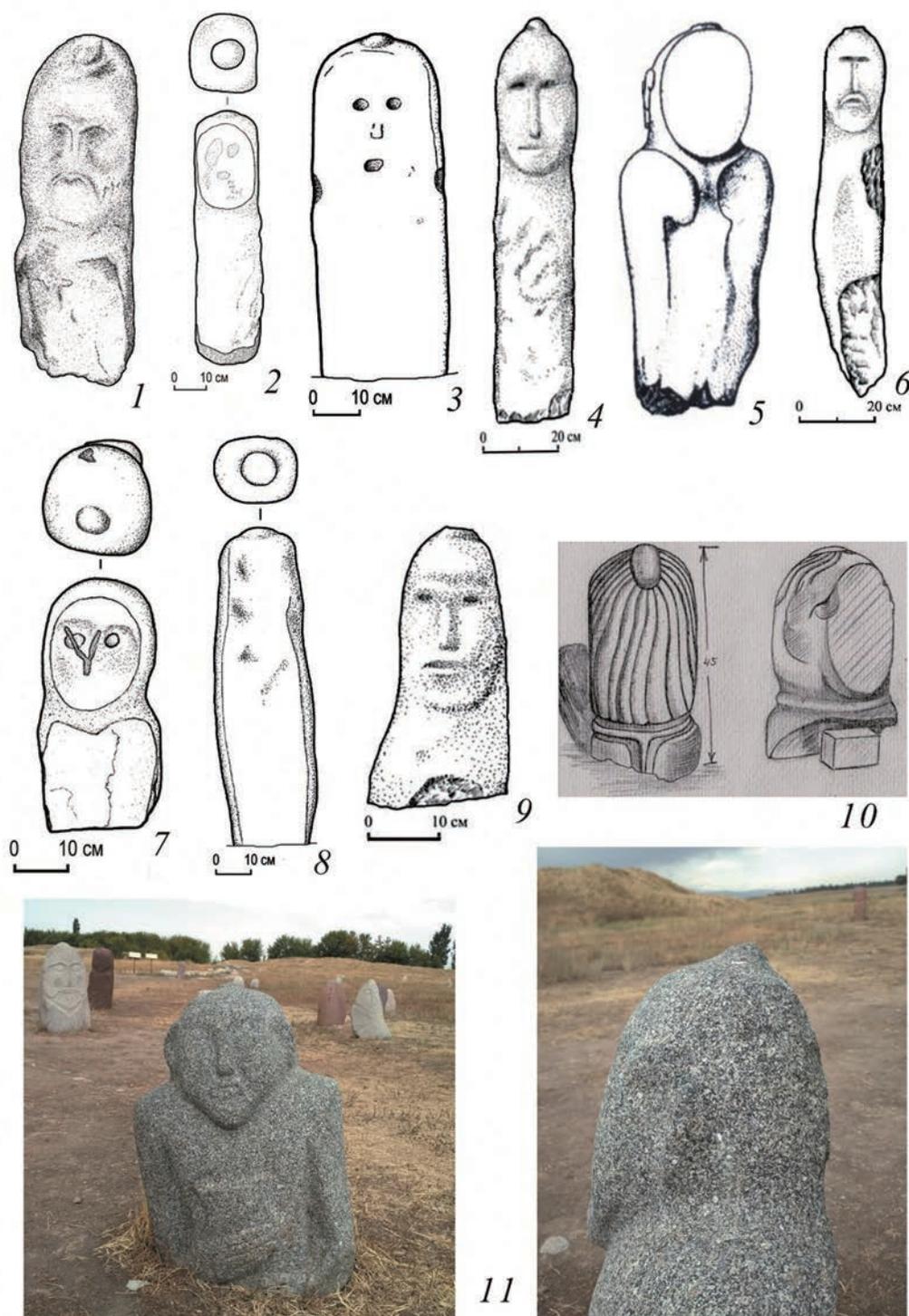
«Айдар» немесе «түйін» бөлшектері бейнеленген мүсіндердің барлығының мерзімделуіне қатысты ортақ мәселе бар. Осы орайда Степногорскі қаласындағы мұражайда тұрған (Ақсу өзенінен табылған) «айдар» және қанжар бейнеленген тас мүсінді айтуға болады. М.К. Хабдулина қанжар ұқсастығын б.д.д. VI–IV ғғ. мерзімделген материалдардан табады [Хабдулина 2015: 374]. А.З. Бейсенов 2009 ж. Талды-2 қорымындағы 7-обадан табылған төбесінде «түйіні» бар шығыңқы кеуделі тас мүсінді Тасмола мәдениетіне жатқызады [Бейсенов 2010: 77]. Дегенмен, 7-обадан басқа да археологиялық олжалар табылмағандықтан, А.З. Бейсенов обаны Талды-2 қорымындағы үлкен қорғандар қатарына жатқызады. Зерттеуші қорымды заттық материалдар мен жерлеу салтының негізінде б.д.д. VII–VI ғғ. мерзімдейді. Бұл хронологиялық шеңбер радиокөміртекті кезеңдеумен расталды [Бейсенов, Ермоленко 2014: 37].

Осыған ұқсас атрибуттар өзге аймақтардағы басқа дәуірге жататын тас мүсіндерде де кездеседі.

Шығыңқы кеуделі тас мүсіндердің төбесіндегі «түйін» тәрізді белгі Орталық Моңғолиядағы Нарийн хурумт (Нарийн хурамт) ғибадатханасындағы мүсінде кездеседі. С.Г. Кляшторный мен Д.Г. Савинов ғибадатхананы б.д.д. II мыңж. 2-ші жартысымен мерзімдейді [Кляшторный 2004: 96, рис. 3, 3; 5]. Ал А.А. Ковалев Батыс Моңғолиядағы б.д.д. X–VIII ғғ. мерзімделетін херексур қоршауынан «түйін» тәрізді белгісі бар антропоморфты стела тапты. Автор стеланы чемурчек мәдениетіне жатқызып, б.д.д. III–II мыңж. басымен мерзімдеген [Ковалев 2012: 138, рис. 1–6]. Сондай-ақ, Қырғызстандағы Бурана ашық аспан астындағы музейден жиналған тас мүсіндердің арасынан қолындағы ыдысы кеуде тұсына қойылған адам бейнесіндегі ортағасырлық мүсін анықталды. Оның да төбесінде «түйін» тәрізді шығыңқы белгісі бар. Сонымен, жоғарыда келтірілген ұқсастықтар Сарыарқа даласындағы мүсіндерді мерзімдеуге негіз бола алмайды деп санаймыз.

2-сур. «Айдары» бар ерте темір дәуірінің тас мүсіндері:
1 –Егінді ([Ермоленко и др. 2015: рис. 6, 1]: бойынша);
2 – Қарағанды облыстық тарихи-өлкентану мұражайы ([Ермоленко, Курманкулов 2011: рис. 1, 1]: бойынша);
3 – Ақсу өзені ([Хабдулина 2015: рис. 2]: бойынша);
4 –Каратөбе тауы (С.С. Садықовтың суреті)

3-сур. «Түйіні» бар ерте темір дәуірінің тас мүсіндері: 1 – Атасу өзені; 2 –Косағалы өзені; 3 – Темір өзені; 4 – Талды-2 қорымы; 5 – Қаратал өзені ([Маргулан, 2003, ил. 36]: бойынша); 6 – Байдалы қорымы; 7 –Қаракенгір өзені; 8 – Жаңатұрмыс мекені; 9 – Түндік өзені; 10 – Қаракенгір ([Кызласов 2017: рис. 16]); 11 – Буранадағы ортағасыр тас мүсіні, Кыргызстан (Л.Н. Ермоленконың фотосы)

Жалпы, зерттеушілер Сарыарқаның ерте темір дәуірі тас мүсіндерінің бейнелік ұқсастықтарын, оларда бейнеленген заттық атрибуттардағы ұқсастықтарды, сондай-ақ олармен байланысты құрылыстардың мерзімін б.д.д. VII–V ғғ. жатқызады [Бейсенов, Ермоленко 2014: 40; Ермоленко и др. 2016б: 132].

Орнату әдісі. Атасу, Жылаңды, Қаратөбе, Қосағалы, Жіңішке ескерткіштерінде кеудеге дейінгі төрт мүсін және «түйін» тәрізді белгісі бар антропоморфты стела орнатылса, Ақсу «мұртты» обалар кешенінде төбесінде «айдары» бар бір тас мүсін қойылған [Бейсенов, Ермоленко 2014: 39; Ермоленко и др. 2016а: 26, 29; 2018: рис. 6; Хабдулина 2015: 372, рис. 1]. Атрибутсыз антропоморфты стела Ашутасты екі қорымындағы «мұртты» обаның біріне жүргізілген қазбадан табылды [Бейсенов и др. 2015; Базарбаева, Джумабекова 2017: 117–118, рис. 1, 1; Jumabekova, Bazarbayeva 2017]. Қорым Оңтүстік Торғай үстіртіндегі Арқалық жотасында орналасқан, бірақ қазба жұмыстарының авторлары бұл аймақты Солтүстік-Батыс Сарыарқаның шекарасына қосады.

Зерттеушілер «мұртты» обаларды Тасмола мәдениеті кезеңінен бастап ғұн дәуіріне дейін ұзақ уақыт бойы болған деп санайды [Бейсенов 2001: 73; 2017; 2018]. Тас тізбектері бар Сарыарқа обаларының мәселелерімен («мұртты») айналысатын А.З. Бейсенов осы ескерткіштердің жаңа типологиясын жасап, бірнеше түрге бөлінетін үш типті бөліп көрсетеді [Бейсенов 2017: рис. 1]. А.З. Бейсеновтың типологиясы бойынша, екінші түрдегі обалармен Жіңішке өзені алқабындағы және Қаратөбе тауларындағы тас мүсіндер өзара байланысты [Ермоленко и др. 2018: 108–109]. Бұл ескерткіштерге зерттеу жұмыстары жүргізілмеген, бірақ А.З. Бейсеновтің мәліметінше, Орталық Қазақстанда екінші үлгідегі «мұртты» обалар Тасмола мәдениетіндегі VIII–V ғғ. обалардың құрамдас бөлігі болып табылады [Бейсенов 2017: 35].

А.З. Бейсенов Атасу өзенінің алқабынан табылған тас мүсінді ерте темір дәуірімен мерзімдеп [Бейсенов и др. 2018: 29], бірінші типтегі «мұртты» обалармен байланысты екенін анықтады [Бейсенов 2018: рис. 3]. Аталмыш ескерткішке жүргізілген қазба жұмыстары барысында ғұн заманындағы V ғ. екінші жарты жылдығымен мерзімделетін заттар табылды [Бейсенов 2018: 103]. «Мүсіндердегі сақ келбеті» және «мұртты» обалар байланысына қатысты мәселеге А.З. Бейсенов осындай ескерткіштерді қазу нәтижелері туралы деректер жинақталғаннан кейін ғана шешуге болады деп, әділ қорытынды жасайды [Бейсенов и др. 2018: 112].

Сарыарқа даласындағы ерте темір дәуірі мүсіндерін зерттеуге байланысты ғалымдар бейнедегі кейбір атрибуттары мен семантикасының маңызды мәселелерін қозғайды.

Мүсіндердің семантикасы мен мақсаты. Л.Н. Ермоленко ерте темір дәуірінің тас мүсіндерінде жауынгер бейнеленген деген көзқарасты ұстанады. Оның пікірінше, жауынгер бейнесінің қоғамдағы маңыздылығы қола дәуірінің аяғынан бастап, соғыс рөлінің артуымен байланыстырылады, оған «қойтастар» дәлел бола алады [Курманкулов, Ермоленко 2014: 16]. Сол сияқты пікірді А.З. Бейсенов те ұстанады, ол сақ дәуірінің мүсіндерін «батыр бабалар» деп есептейді [Бейсенов 2016: 18]. Кейбір мүсіндер мен «мұртты» обалардың байланысын зерттеушілер қандай мақсатқа пайдаланғандығы туралы пікірлерге де назар аудару керек. Көптеген авторлардың «мұртты» обаларды – еске алу салтының объектілері ретінде түсіндіретінін жазған А.З. Бейсенов оның арғы жағында «қайтыс болған батырмен қоштасу идеясы жатыр» деп топшылайды [Бейсенов 2017: 32; Бейсенов и др., 2018: 65]. Ерте темір дәуірінің тас мүсіндері «мұртты» обалармен қатар басқа оба типтес жерлеу құрылыстарының контексінен де табылды. Бұл олардың жерлеу рәсімдерімен байланысын көрсетеді [Ермоленко, Курманкулов 2015: 32; Бейсенов 2018; 2016: 68–99].

Қол позициясының мағынасы. Ерте темір дәуіріндегі кейбір тас мүсіндердің қолдарының орналасуына келетін болсақ, оң қолының саусақтары кеуде (біздің ойымызша, жүрек тұсы) қойылған болса, қазіргі кезде кейбір халықтардың дәстүрлі мәдениетінде, соның ішінде қазақтарда «құрмет»

белгісі екендігін атап өткен жөн [Бердалева 2016: 162], ал сол қолдың асқазан тұсында орналасуын Л.Н. Ермоленко «салттық (адорациялық) қимыл» деп түсіндіреді [Ермоленко, Курманкулов 2011а: 254].

«Түйін» мен «айдар» атрибуттарының семантикасы. Л.Н. Ермоленко тас мүсіндердегі «түйін» тәрізді шығыңқы және «айдар» бөліктерін талдай келе, бұл атрибуттарды жауынгер бейнесіндегі элемент болып табылады деп тұжырымдайды [Ермоленко, Курманкулов 2011а: 160; 2011б: 160; Ермоленко 2007: 52].

Л.Н. Ермоленко «айдарды» әскери атрибуттармен байланыстырады [Ермоленко и др. 2015: 30]. Солтүстік Сарыарқаның ерте темір дәуірін зерттеген М.К. Хабдулина да «түйін» және «айдар» атрибуттарын әскери мәдениеттің элементі деп санайды [Хабдулина 2015: 374]. С.А. Ярыгин Шағалалы IV ерте сақ обасынан табылған ұстараны (қола) осындай шаш үлгісін жасау мақсатында пайдаланған деген болжам жасайды [Ярыгин 2014: 287]. «Айдар» шаш үлгісін қазіргі қазақтар мен қырғыздар балаларына «айдарлы-айбарлы» – ержүрек және батыл болу үшін қояды [Қазақ Ұлттық энциклопедия 1998: 129].

Л.Н. Ермоленконың пікірінше, мүсіндегі «түйін» айдарға арналған қорапша немесе бас киімнің бір бөлігі болуы мүмкін деп те болжайды [Ермоленко и др. 2015: 30].

Сарыарқа даласындағы ерте темір дәуірі мүсіндерінің пайда болу мәселесі. Л.Н. Ермоленконың пікірінше, «Сарыарқада мүсіндердің пайда болуы ертедегі скиф мүсіндерінің иконографиясының ықпалынан, сондай-ақ Сарыарқа мүсіндерінің қару-жарақ атрибуттарына белгілі бір ұқсастықтарды шығыс еуропалық материалдардан, соның ішінде Еділ бойындағы құбылыстың генезисінің шығу тегі – батыстан» деп куәландырады [Ермоленко, Курманкулов 2015: 33].

Мүсіндерді қайта өңдеу. Сарыарқаның ерте темір дәуірінің мүсіндерін зерттеуге байланысты қайта жасалған мүсіндер туралы мәселеге тоқталсақ. Ж. Құрманқұлов пен Л.Н. Ермоленко 2004 ж. Жылысай шатқалындағы тас мүсіндері бар түркі қоршаулар кешенін қайта құжаттау кезінде түркі дәуірінде қайта жасалған ерте темір дәуірінің мүсінін анықтады [Ермоленко, Курманкулов 2014: 32–35; Касенова 2019]. Жанғабыл өзен алқабындағы бұғы тасты Ә.Х. Марғұлан мен Л.Р. Кызласов ортағасырға жатқызған болса [Марғұлан 1951: 29–32; Кызласов 1951: 59–62], кейін 2015 ж. Л.Н. Ермоленко, Ж. Құрманқұлов және Ә.Д. Касенова ескерткішті қайта зерттеу барысында бұғы тастың сақ дәуірінде қайта өңделгенін анықтады [Ермоленко и др. 2016б: 46–54], ал, Д.Г. Савинов болса оның бұғы тас екендігін растады [Савинов 1989: 155]. Л.Н. Ермоленко Атасу өзені аңғарындағы ортағасырмен мерзімдеген [Ермоленко 2004: 17, рис. 35] тас мүсінді 2015 ж. жарық көрген ұжымдық мақаласында тас мүсінді қайта мерзімдеді [Ермоленко и др. 2016б: 49, рис. 5].

Ұлытаудан табылған сақ дәуірінің мүсіндерін зерттеу барысында жасалған тастың түріне қатысты да сұрақ туындады. Кейбір тас мүсіндер қызғылт немесе қоңыр түсті ұсақ түйіршікті құмтастан жасалғандығын көреміз [Ермоленко, Курманкулов 2012: 93]. Бірақ Қ.И. Сәтбаевтың бұл өңірде мұндай тау жыныстарының кездеспейтіні туралы айтқанын да еске алған жөн. Бұл шикізат көзі және тас мүсіндерді жасау орындары жайында мәселе көтеруге мүмкіндік береді.

Қорытынды. Сарыарқаның тас мүсіндерінің қазіргі кезеңдегі зерттелу тарихын талдау және олардың зерттелу дәрежесін анықтау мен бағалау нәтижесінде, оларды ары қарай анықтап, толық қайта құжаттап, кешенді зерттеулер жүргізу керек екені ғылымдағы тас мүсіндердің рөлін толыққанды білуді қажет ететінін байқатады.

ӘДЕБИЕТ

- Акишев К.А., Хабдулина М.К. Древности Астаны: городище Бозок. Астана, 2011. 260 с.
- Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Новое изваяние эпохи ранних кочевников из Тургая // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 117–121.
- Бейсенов А.З. «Мұртты» обаларды зерттеудің кейбір мәселелері // Достижения и перспективы археологической науки независимого Казахстана: тр. Междунар. конф. «Маргулановские чтения», посвящ. 10-летию независимости Республики Казахстан. / Отв. ред. К.М. Байпаков. Кызылорда, 2001. С. 67–74.
- Бейсенов А.З. К изучению особенностей раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения–2010 / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Актобе, 2010. С. 77–79.
- Бейсенов А.З. Каменные изваяния и менгиры сакской эпохи // Вестник Хакасского гос. ун-та. 2016. № 16. С. 17–22.
- Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. тр. посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ АН Казахстана / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы, 2017. Т. 2. С. 31–37.
- Бейсенов А.З. Элитные курганы тасмолинской культуры Центрального Казахстана // Золото властелинов казахских степей. Совместный Каталог Республики Корея и Республики Казахстан. Астана; Сеул, 2018. С. 68–99.
- Бейсенов А.З. Тасмолинское каменное изваяние в урочище Аумаган, Центральный Казахстан // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21. № 1. С. 33–41.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Изучение памятников тасмолинской культуры в Западной Сарыарке // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сб. статей, посвящ. 70-летию проф. Ю.Ф. Кирюшина / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 294–297.
- Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2014. Вып. № 3 (59). Т. 3. С. 34–40.
- Бейсенов А.З., Торгоев А.И., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. Курган с «усами» Атасу-2 // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 103–117.
- Бейсенов А.З., Хасенова Б.М., Ахияров И.К., Дуйсенбай Д.Б. Курган с «усами» Кабантау в Центральном Казахстане // Вестник Дагестанского научного центра. 2018. № 71. С. 64–76.
- Бердалиева Р.Ш. Невербальная модель поведения казахского народа // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 5 (7). С. 160–163.
- Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные антропоморфные изваяния Казахских степей: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1991. 311 с.
- Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с.
- Ермоленко Л.Н. Еще раз к вопросу о первоначальном виде каменных кочевнических изваяний // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сб. науч. трудов / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Азбука, 2007. С. 126–129.
- Ермоленко Л.Н., Бобров В.В., Советова О.С., Моор Н.Н. Каменные изваяния раннего железного века в западной части азиатских степей // Очерки первобытного искусства Южной Сибири и Центральной Азии (скифская эпоха): кол. монография. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2018. 127 с.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Изваяние раннего железного века из музея Улутауского заповедника (предварительное сообщение) // Маргулановские чтения-2011 / Отв. ред. К.М. Байпаков. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011а. С. 253–256.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Оригинальное изваяние из фондов Карагандинского историко-краеведческого музея // Археология Южной Сибири / Отв. ред. О.С. Советова. Кемерово: РИО КемГУ, 2011б. Вып. 25. С. 156–161.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Новое изваяние раннего железного века из Сары-Арки // Археология, этнография и антропология Евразия. 2012. № 4 (52). С. 86–94.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. К вопросу об атрибуции непаспортизованного изваяния из Шетского музея // Труды ФИА. Астана: ФИА, 2013. Т. II. С. 30–34.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Переоформленное древнее изваяние из средневекового культового комплекса в урочище Жылысай // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии: сб.ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 32–35.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Погребение раннего железного века с изваянием в долине р. Айбас // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 29–34.

- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д.* Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 26–32.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д.* Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): м-лы междунар. конф. / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016а. С. 129–135.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д.* Изваяние из долины реки Жангабыл: перипетии атрибуции // Археология Южной Сибири. К 40-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета / Отв. ред. О.С. Советова. Кемерово, 2016б. Вып. 27. С. 46–54.
- Касенова А.Д.* Изучение тюркских каменных изваяний Сарыарки на современном этапе // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 47–60.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Святилище Нарийн Хурумта: древние европеоиды в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3 (19). С. 88–97.
- Ковалев А.А.* Древнейшие статуи Чемуручка и прилегающих территорий. СПб., 2012. 160 с.
- Курманкулов Ж.К., Ермоленко Л.Н.* Ежелгі Сарыарқа: тас мүсіндер. Древности Сарыарки: каменные изваяния. Saryarka Antiquities: Stone Statues. Караганды: Credos Ltd С, 2014. 168 с.
- Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д.* Изваяние из урочища Косагалы // Маргулановские чтения – 2014: м-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию академика А.Х. Маргулана / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы; Павлодар, 2014. С. 177–179.
- Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д.* XIX ғасыр екінші жартысы мен XX ғасыр бірінші жартысы аралығындағы Орталық Қазақстан тас мүсіндерін зерттеуші саяхатшылар мен ғалымдар деректері // Қазақстан археологиясы. 2018. № 1–2. 133-143-бб.
- Кызласов Л.Р.* Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана (из работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1948 году) // Известия АН КазССР. Сер. археол.. 1951. Вып. 3. С. 53–63.
- Кызласов Л.Р.* Дорожные зарисовки. Центрально-Казахстанская архитектурно-археологическая экспедиция Академии наук Казахской ССР. 18.VII. – 1.X.1948 года / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. 96 с.
- Қазақстан Ұлттық энциклопедия / Бас ред. Ә. Нысанбаев. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1998. 720 бет.
- Маргулан А.Х.* Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане (Отчет экспедиции в 1948 года) // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1951. Вып. 3. С. 3–52.
- Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. 360 с.: ил.
- Маргулан А. Х.* Каменные изваяния Улытау // Сочинения: в 14-ти т. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. Т. 3–4. С. 20–46.
- Марғұлан Ә.Х.* Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер / Ежелгі мәдениет куәлары. Алматы: Қазақстан баспасы, 1966. 212 б.
- Ольховский В.С.* Монументальная скульптура кочевников Евразии: проблемы источниковедения // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. Сб. ст. М.: ГЕОС, 2000. С. 252–276.
- Савинов Д.Г.* Об одной группе оленных камней (По материалам Центрального Казахстана) // Маргулановские чтения (Сб. м-лов конф.) / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алма-Ата, 1989. С. 150–155.
- Хабдулина М.К.* Каменное изваяние сакского времени из Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сб. науч. статей, посвящ. памяти археолога К.А. Акишева / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 372–375.
- Хабдулина М.К., Ярыгин С.А.* История изучения раннего железного века Сарыарки // Археологические исследования степной Евразии Сб. науч. статей. / Отв. ред. В.Г. Ломан. Караганда: TENGR Ltd, 2013. С. 173–182.
- Ярыгин С.А.* Функциональное назначение бронзового ножа из погребения кургана 1 могильника Шагалаы IV и одна этнографическая черта тасмолинских племен // Всадники Великой Степи: традиции и новации. Труды ФИА. Астана: ФИА, 2014. Т. IV. С. 279–289.
- Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A.* New research results of Turgay nomads' culture // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2 (18). С. 109–117.

Е. А. Гордеева

Елена Анатольевна Гордеева,
Национальный центр археологии АН РУз,
г. Ташкент, Узбекистан; helena-gordeeva@inbox.ru

Погребальные традиции обществ Центральной Азии в раннежелезном веке

Аннотация. В статье автор раскрывает особенности погребального обряда в эпоху раннежелезного века в среде кочевников Центральной Азии. Отмечает значение этнокультурных процессов, происшедших в степях Евразии в данный исторический период. Указывает на факт существования «звериного стиля» на территории Центральной Азии, что свидетельствует о взаимовлиянии культур Сибири и Центральной Азии в древности. Выделяет наличие общего сходства погребального обряда савроматов Южного Приуралья и саков Сырдарьи. Показывает, что в планировке мавзолеев ранних кочевников Центральной Азии прослеживается наличие креста (солнечный символ), вписанного в круг, в период раннежелезного века. Выявляет, что в это время распространяются в кочевой среде Центральной Азии такие культы, как: культ вождя, культ предков, культ Митры, а в сакское время продолжают существовать анимизм, тотемизм и магия. Устанавливает, что в среднеазиатском обществе эпохи раннежелезного века изменения погребального обряда были напрямую связаны с природой, а именно с идеей возрождения человеческого начала.

Ключевые слова: Центральная Азия, погребальный обряд, ранние кочевники, раннежелезный век, культы

Елена Анатольевна Гордеева,
ӨзР ҒА Ұлттық археология орталығы,
Ташкент қ., Өзбекстан

Ерте темір дәуіріндегі Орталық Азия қоғамының жерлеу дәстүрлері

Аннотация. Мақалада автор Орталық Азия көшпенділері ортасындағы ерте темір дәуіріндегі жерлеу салтының ерекшеліктерін ашады. Осы тарихи кезеңде Еуразия даласында болған этномәдени үрдістердің маңыздылығын атап өтеді. Ежелде Сібір мен Орталық Азия мәдениеттерінің өзара әсерін куәландыратын Орталық Азия территориясында «аң стилінің» болғандығы фактісін көрсетеді. Оңтүстік Орал савроматтары мен Сырдария сақтарының жерлеу рәсімінде ортақ ұқсастықтың бар екендігі атап өтілді. Орталық Азияның ерте көшпенділерінің ерте темір дәуіріндегі кесенелерінің жоспарлануында шеңбер ішіндегі кресттің (күн символының) болуы байқалатынын көрсетеді. Сол кезде Орталық Азияның көшпенді ортасында көсемге табыну, ата-бабаларға табыну, Митраға табыну сияқты діни ғұрыптардың таралғанын, ал сақ заманында анимизм, тотемизм және сиқыр өмір сүруін жалғастырып келе жатқаны анықталған. Ерте темір дәуіріндегі ортаазиялық қоғамның жерлеу рәсіміндегі өзгерістер табиғатпен, атап айтқанда, адам бастауын қайта жаңғырту идеясымен тікелей байланысты екені анықталды.

Түйін сөздер: Орталық Азия, жерлеу салты, ерте көшпенділер, ерте темір дәуірі, діни ғұрыптар

Elena Gordeeva,
National Center of Archaeology
of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan

Funeral traditions of Central Asian societies in the early Iron Age

Abstract. In the article, the author reveals the features of the funeral rite in the era of the Early Iron Age among the nomads of Central Asia. He notes the significance of the ethno-cultural processes that took place in the steppes

of Eurasia in this historical period. Indicates the fact of the existence of the “animal style” on the territory of Central Asia, which indicates the mutual influence of the cultures of Siberia and Central Asia in antiquity. Highlights the presence of a common similarity in the funeral rite of the Savromats of the Southern Urals and the Sakas of the Syr Darya. Shows that the layout of the mausoleums of the early nomads of Central Asia traces the presence of a cross (solar symbol) inscribed in a circle during the Early Iron Age. It reveals that at that time such cults spread in the nomadic environment of Central Asia, such as: the cult of the leader, the cult of ancestors, the cult of Mitra, and in the Saka time animism, totemism and magic continue to exist. Establishes that in the Central Asian society of the Early Iron Age, changes in the funeral rite were directly related to nature, namely, to the idea of the revival of the human principle.

Keywords: Central Asia, funeral rite, early nomads, Early Iron Age, cults

В течение долгого времени погребальный обряд является источником информации для реконструкции традиционных идеологических представлений. В период раннежелезного века происходят некоторые изменения в обряде, связанные с активным движением номадов. У сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. были развиты обряды кремации и ингумации. В обряде ингумации, прослеженном в Северном Тагискене и Уйгараке, использовалась камышовая подстилка. Тело покойного было вытянуто на спине, в деревянной каркасной постройке, оплетенной камышом и прутьями, на уровне древнего горизонта (обряд уходит корнями в период поздней бронзы или даже в более раннее время) [Итина 1992]. Важно отметить, что обряд погребения на горизонте у кочевников «скифского мира» связан с похоронами привилегированных лиц древнего общества (жрецы, воины). Данные постройки имеют круглую, овальную, а в некоторых случаях даже и прямоугольную форму. В захоронениях Северного Тагискена и Уйгарака встречаются и следы ритуала, связанного с огнём. Но он не касался умершего человека, так как в основном поджигали деревянный накат ямы, после чего засыпали землёй [Итина 1992]. В могилу умершего укладывали в одежде и в головном уборе. В ногах у погребённых складывали конскую сбрую, которая, возможно, имитировала погребение коня.

Этнокультурные процессы, происходившие в степях Южного Урала, оказали определенное влияние на общество Южного Приаралья и Устюрта в V–IV вв. до н.э. Присутствие южно-уральских кочевников на Устюрте усиливается с начала IV в. до н.э. Самый ранний памятник кочевников Устюрта относится к VII–IV вв. до н.э. В это время здесь погребения были в виде курганов с каменными ящиками на древнем горизонте [Ягодин 1986: 47]. В целом, период культуры погребений на древнем горизонте под курганной насыпью хронологически относится к V–II вв. до н.э. Конструкция таких погребений имеет следующие типы: в каменном ящике; в пределах каменного кольца, или спирали; в склепах на горизонте для многократных захоронений.

На рубеже IV–III вв. до н.э. в левобережный Хорезм проникают ранние сарматы Южного Урала из Устюрта, являющиеся носителями прохоровской культуры [Вайнберг 1997; 1999]. В основе тесных связей между кочевниками Южного Приуралья и Древнего Хорезма лежит «сарматский кочевой цикл» или пастбищно-кочевая система Урало-Аральского региона [Ягодин 1979; 1982], так как первые использовали плато Устюрт и приближенные к нему территории в качестве пастбищных и зимовочных территорий, а летом уходили в степи Южного Приуралья [Таиров 2006]. О тесных культурных контактах между номадами Южной Сибири и Средней Азии свидетельствует погребальный обряд, отмеченный на Уйгараке (низовья Сырдарьи), относящийся к раннесакскому времени (VII–V вв. до н.э.). Его изучение привело к открытию еще одного региона на евразийском континенте, где распространилось искусство «звериного стиля» под влиянием его казахско-сибирского варианта, а также сформировались определенные элементы погребального обряда, характерные для культуры кочевых племен. Факт существования «звериного стиля» на территории Центральной Азии свидетельствует о взаимовлиянии культур Сибири и Центральной Азии в древности.

Наряду с ямными погребениями на Уйгараке присутствовали погребения в легких деревянных каркасных постройках (в плане круглые, овальные и прямоугольные со скругленными углами)

и кенотафы. В основном все захоронения одиночные. Положение умерших – вытянутое на спине. Голова ориентирована на запад с некоторыми отклонениями на юг и юго-запад [Вишневская 1973]. Среди кочевников Самаро-Уральского региона также наблюдалась западная ориентировка головы, но уже с V–IV вв. до н.э. стала наблюдаться южная ориентировка [Мышкин 2013], появление которой связано с приходом кочевников с востока (Восточный Туркестан) [Таиров 2004].

Во многих случаях в погребальном обряде Уйгарака прослеживаются элементы культа огня, что особенно проявилось в обряде трупосожжения с наземными сооружениями, где огонь рассматривается, согласно Е.О. Джэймсу, «как средство перенесения души умершего к небесному огню и великому божеству – солнцу» [James 1960: 68]. Однако же, при погребении в грунтовых ямах в ритуале огонь никакой роли не играл. В Южном Приуралье в V–IV вв. до н.э. существовала традиция разжигать погребальные костры как у края свежевырытой могилы, так и на перекрытии могил. Костры разжигались до создания насыпи, для того чтобы совершить тризну по умершему. При погребении знатных савроматов совершали жертвенное сожжение животных. Кроме того, присутствовали такие элементы обряда, как засыпка покойника горячим углем с погребального кострища и разведение костра на теле умершего. Вышеуказанные погребальные обряды были характерны для Южного Приуралья [Смирнов 1964].

Общие сходства погребального обряда савроматов Южного Приуралья и саков Сырдарьи состоят в следующем: а) использование настила из камыша, веток и коры поверх перекрытия и вокруг ямы; б) преобладает западная ориентировка головы; в) умерший расположен на спине, в некоторых случаях колени согнуты; г) проявление культа огня выражалось в сожжении перекрытия могил, устройстве настила из камыша поверх остывшего погребального кострища, и последующего возведения курганной насыпи. По мнению К.Ф. Смирнова, сходство в погребальном обряде приуральских саков и савроматов Южного Приуралья заключается в том, что в основе культур данных племен лежала андроновская культура [Смирнов, Петренко 1963].

Для раннесакских (VII–V вв. до н.э.) погребений Приаралья характерны каменные алтари или жертвенники на ножках и без ножек. Жертвенники, как уже отмечалось, по традиции укладывались справа у груди или головы женщины [Вишневская 1973]. Некоторые из них имели клювовидную форму, в виде стилизованной головы птицы. Подобный вид жертвенника был присущ только для Приаралья [Итина 1992]. Алтарные платформы (городище Кюзели-гыр), стоявшие под открытым небом, считаются наиболее древними и относятся к VI в. до н.э.

В планировке мавзолея Кой-Крылган-калы прослеживается крест (солярный символ), вписанный в круг. Данная планировка связана с представлениями об уходе умершего в мир огня-солнца. Надо отметить, что крестообразная планировка характерна и для некоторых сакских мавзолеев в низовьях Сырдарьи. С точки зрения М.И. Филанович, «“крестовина” солярной планировки, по всей видимости, носила культовый характер и была связана с поклонением солнцу и огню» [Филанович 2010: 117].

В VII–V вв. до н.э. у саков Семиречья в погребальном обряде сохраняется традиция подбоя, грунтовых ям и каменных ящиков (последние являются отголосками эпохи поздней бронзы). С умершим укладывали коня в отдельной яме. Культура саков Семиречья близка культурам Центрального Казахстана (Тасмола), Приаралья (Уйгарака) и Алтая (Майэмир).

В сакский период (V–III вв. до н.э.) у саков Семиречья складываются такие типы захоронений, как бревенчатая усыпальница, юртообразная гробница, грунтовая яма с подбоем [Акишев, Кушаев 1963]. Бесшатырский комплекс считался культовым местом для семиреченских саков, живших в долине р. Или. Сюда они приходили на поклонение, совершали жертвоприношения, тризну и различные культовые обряды, проводили поминки. В этих местах возводились грандиозные ограды из менгиров и валунов [Акишев К.А. 1977: 268].

Идеологическая концепция саков связана с культом вождя, военного предводителя (курган «Иссык»), в котором был захоронен вождь союза племён. Вождь из кургана «Иссык» отождествлялся с солнечным божеством. У сакских племён поклонение солнцу было в центре религии, так как солнце было связано с Митрой и огнем [Литвинский 1972; 1991]. По окружности головного убора «Золотого человека» располагались «золотые горы» и «деревья», отражающие картину мира. А.К. Акишев в одежде «Золотого человека» увидел отражение представлений о мироздании, созданного по принципу трёхчастного деления Мирового дерева. Он же предложил употреблять термин «сакский митраизм» [Акишев А.К. 1984]. Б.А. Литвинский также предположил, что солнечным богом массагетов могли быть Ахура-Мазда или Митра, либо комплексное божество Митро-Ахура. К его почитанию имеют отношение культы огня и коня [Литвинский 1972]. Также, по мнению Б.А. Литвинского, единой «сакской религии» не существовало, а в основном имелись сходные и различающиеся в частностях религии отдельных конфедераций и племён. На это указывают различия в погребальных обрядах [Байпаков, Терновая 2016]. Саки верили, что в центре Вселенной находится вождь, который у них ассоциировался с солнцем. Он обзревает Вселенную со всех сторон. Кроме того, «Золотой человек» – это воин, которому необходимо защищать мир, находящийся в его власти. В основе мифологии саков Семиречья, возможно, лежали индоиранские представления [Акишев, Байпаков 1979].

У саков также был распространён культ предков. Кроме того, саки верили в дэвов (т. е. древнейшие индоиранские боги). Почитали воинскую славу – Фарн [Кузьмина 1977].

Для кочевников важным в погребальном обряде было сооружение курганов и мавзолеев, так как они их считали «домами будущей жизни». Курган в индоевропейской мифологии определяется как микрокосмос, поэтому его «планировка» (обкладка из камня оградки, грунтовая могила с остатками деревянных или каменных столбов – мировой осью) основана на идее воссоздания структуры Вселенной, где круг – земля, квадрат – четыре стороны света, насыпь – небесная сфера, ну, а яма – нижний мир [Горячева, Перегудова 1995].

По традиции кочевников к югу от головы располагали посуду. В основном она была орнаментирована и, по мнению ряда фергановедов, несла в себе ритуально-обережную функцию. Кроме того, ими было предложено семантическое толкование процарапанного орнамента [Анарбаев, Максудов 2007]. Известно, что гора в мифологии народов Средней Азии играла важную роль и воспринималась как образ мира, в котором выделены важные параметры и элементы космоса [Потапов 1946]. Наряду с посудой в могилы с покойными также укладывали предметы быта, украшения.

В сакское время продолжали существовать анимизм, тотемизм, магия, так как они возникли вообще как «необходимый, стихийный и естественный продукт первичной ступени общественного развития» [Аширов 2008]. Отражение анимизма проявляется в фигурках животных и металлических бляшках с их изображением, а пережитки магии и тотемизма – в талисманах, браслетах, находимых в погребениях [Аманбаева 2016].

Для захоронений VII–V вв. до н.э. на Памире характерны прямоугольные неглубокие могилы. Ямы сверху перекрыты каменными плитами и жердями. В основном умершие лежат в скорченном положении на боку, ряд костяков окрашены в красный цвет. Известно, что с глубокой древности красный цвет был связан с символом солнца, огня, пламени. По верованиям памирских саков, огонь обладал очистительной силой, а также мог «освещать» и «согреть» могилу. Это объясняется этнографическими данными, например, у современных зороастрийцев Индии и Ирана продолжают поддерживать огонь в дахме для освещения могилы [Литвинский 1972].

В ряде случаев в могилу к покойному укладывали части туши барана в качестве заупокойной пищи. Хоронили умерших в одежде с использованием украшений (женщины) или оружия (мужчи-

ны). Также имелись отдельные кладбища-могильники для захоронения детей и подростков (могильник Койджилга) [Литвинский 1972]. Были распространены кенотафы. Во всех курганных комплексах Памира выше указанного периода прослеживается наличие элементов «скифской триады» (т. е. оружие, уздечный набор, звериный стиль). В V–III вв. до н.э. продолжили хоронить в грунтовых ямах. Встречаются культовые выкладки в виде стрелы. В Тибете со стрелой связывают культ природы, в Индии и Китае с культурами плодородия и мёртвых, у жителей Памира связан с культурами солнца и плодородия [Литвинский 1972]. Кроме того, существовал культ реки. Одним из главных признаков почитания реки являлось захоронение женщин лицом к реке [Бернштам 1952]. В некоторых случаях на Памире встречаются погребения с умершими, на лице которых были обнаружены морские раковины. По мнению Б.А. Литвинского, они являлись наглазниками и использовались в качестве оберега для живых от мёртвых [Литвинский 1972: 141].

В культуре оседлых скотоводов Хорезма в середине VII – середине VI в. до н.э. основным погребальным обрядом были трупоположение и кремация (могильник Тумек-Кичиджик). Могилы перекрывались камышом или деревом. У головы умерших располагались сосуды. С середины VI–IV в. до н.э. распространяется обряд вторичного захоронения и частичного расчленения скелетов (могильники Тарым-кай I, Сакар-Чага).

В VII–III вв. до н.э. в северных районах Центральной Азии погребальный обряд сохраняет свою устойчивость. Но наряду с обычными курганами существовали и курганы с «усами», которые состояли из «большого», «малого» курганов и отходящих от них к востоку двух полудуг каменных гряд («усы») [Кадырбаев 1966]. «Большой» курган использовался для захоронения человека, а «малый» для погребения коня, куда также укладывали один или два сосудов. Каменные гряды – «усы» отходят либо от «большого», либо от «малого» курганов, ограничиваясь на концах округлыми каменными насыпями в сопровождении следов возжигания огня под ними. Пока отсутствует единое мнение по определению семантики каменных гряд. П.С. Рыков и ряд других исследователей считали, что каменные гряды были возведены в качестве одного из элементов погребального обряда [Рыков 1936]. М.К. Кадырбаев объясняет существование каменных гряд как отражение солярного культа [Кадырбаев 1966]. С.С. Сорокин пришёл к выводу, что комплекс с каменными грядами связан с поминальными торжествами, которые могли проводиться позже, чем само погребение умершего человека, ссылаясь на значение структуры гряд. Он определил, что отдельные звенья данных гряд относятся к местам старейшин родовых групп на поминальных торжествах [Сорокин 1981]. В северо-восточных районах Центрального Казахстана в это время существовала традиция класть в ноги покойника голову и лопатку коня или барана, завёрнутые в лошадиную шкуру. Хоронили в подбоях или грунтовых ямах (могильники Жол-Кудук, Айдабуль). У скотоводов Центрального Казахстана существовали культы, связанные с почитанием умерших и духов предков (т. е. укладывали в могилу с умершим всё, чем он пользовался при жизни), а также культ огня и домашнего очага. Культ огня имел оградительную, очистительную и сакральную функции. В первом случае проявление культа огня можно наблюдать на примере могильника Кара-оба, где погребение окружалось кострами с целью защиты мира живых от мира мертвых. Ярким примером второго случая, связанного с культом огня, можно проследить в погребениях могильников Жол-Кудук (связано с сожжением перекрытий могил) и Тасмола V (на каменных перекрытиях проведено разведение огня). В третьем случае связующим звеном с культом огня являются каменные гряды – «усы» и «малый» курган с погребением в нём коня. По мнению М.К. Кадырбаева, конь под насыпью «малого» кургана является жертвой солнцу, а каменные гряды были обращены «входом» на восток [Кадырбаев 1966: 431–432]. Сопоставление коня с солнечным божеством привело исследователя Е. Якобсон к некоторым сомнениям [Бендесу-Сармиенто 2014], основанным на отсутствии жертвоприношения коней при погребении «золотого человека» из кургана «Иссык» [Акишев А.К. 1978]. Согласно

Е.Е. Кузьминой, конь, принесённый в жертву, помогал человеку преодолеть трудности и найти путь в обитель небесную [Кузьмина 1977]. Согласно точке зрения Х. Бендесу-Сармиенто, «курган был местом своеобразного театра, «спектакли» в котором выражали религиозные и космологические представления населения. Курган мог выполнять для кочевников роль культового сооружения» [Бендесу-Сармиенто 2014: 199]. С точки зрения Е.Е. Кузьминой, «курган – это миниатюрная модель Вселенной, архитектура которого обусловлена космологическими представлениями его создателей» [Кузьмина 1977: 98].

В погребальном обряде Зарафшанской долины устойчиво прослеживается ингумация. Умершие упокоивались в гробах. Использование гробов связано с представлением о преодолении водного барьера в потустороннем, загробном мире [Обельченко 1981]. «Поза всадника» или «танцующая поза» была основополагающей, так как связана с представлением о коне, на котором покойник верхом отправляется в царство мёртвых. Отголоски ингумации в «позе всадника» проявились в погребальной традиции каракалпаков, которые в процессе похорон используют погребальные носилки «агаш-ат» («деревянный конь»), а среди узбеков Ташкента до недавнего времени существовали поверья о том, что умерший отправляется в загробный мир на деревянном коне, на четырёх ножках («агач-ат») [Обельченко 1981].

Юг Центральной Азии во время периода Яз I (Северо-Западная Бактрия) был перекрёстком между культурой степей и культурой, перенятой от БМАК (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс) [Lhuillier et al. 2014]. У оседлого населения юга Центральной Азии могильники почти полностью исчезают (за исключением отдельных могил и впускных захоронений). Особым признаком погребального обряда раннежелезного века является отсутствие могил при проведении обряда захоронения [Бендесу-Сармиенто и др. 2015]. Подобное явление наблюдается в Центральной Азии ещё с эпохи неолита (VII–IV тыс. до н.э.), а возникновение обряда, связанного с расчленением костей, относится к энолиту (IV–III тыс. до н.э.) (Саразм) [Мокробородов 2018: 50]. Что касается севера Евразийской степи, то там одновременно возникают тысячи курганов, датируемых раннежелезным веком [Bendezu-Sarmiento, Lhuillier 2013]. После очистки от плоти (экскарнация) сухие кости укладывали в ямы или разбрасывали для воссоединения с «домашним миром». У общества железного века отношение к смерти и мёртвым не было строго регламентировано, к тому же в идеологических представлениях не существовало постоянных отношений между мирами живых и мёртвых [Бендесу-Сармиенто и др. 2015].

В среднеазиатском обществе эпохи раннежелезного века изменения погребального обряда были напрямую связаны с природой, а именно с идеей возрождения человеческого начала. Человек является частью природы и никак не может преобладать над ней. Эта идея корнями уходит в каменный век, где человек обрядом погребения показывал животному миру, что он, несмотря на своё эволюционное развитие, продолжает чтить природу. Почему же именно через погребальный обряд первобытный человек показал своё отношение к окружающему миру? На поставленный вопрос можно ответить словами В.А. Алёкшина, который сообщил, что «общество домостерского времени, именно смерть связывало с терзанием, разрыванием, разъеданием умершего», так как люди первобытного общества видели, как хищники «убивали и поглощали свои жертвы» [Алёкшин 2014: 21]. Вероятно, смерть у первобытного человека ассоциировалась с терзанием хищником своей жертвы, отсюда и появления обряда экскарнации. Так человек показывал миру, что он также часть его, а не отдельно существующий элемент. С усложнением форм хозяйства, т. е. переходом от присваивающего к производящему хозяйству, меняется и система идеологических взглядов, где человек начинает выделять себя из мира животных. В результате, с периода неолита возникает традиция погребения «нерасчленённых трупов», что связано, скорее всего, «с идеей противопоставления себя миру природы» [Алёкшин 2014: 22]. Но уже с конца энеолита и начала эпохи бронзы

мировоззрение среднеазиатского общества вновь возвращается к былому, т. е. снова наблюдается тенденция обряда «очищения костей от плоти», который получил свой «расцвет» в период раннежелезного века. Данная традиция погребального обряда в последующем становится ведущей в зороастризме, из чего следует, что это всё считается отголосками далёкого прошлого, так как среднеазиатское общество стало более явно «ощущать глубинную связь с многообразным миром природы, частью которой является сам человек» [Дмитриева 1993: 22-23]. Вообще, обряд экскарнации возникает начиная с ахеменидского периода, к тому же отражён в зороастрийских ритуалах, поэтому ранний железный век – это время возникновения экскарнации [Бендесу-Сармиенто и др. 2015]. Но в Центральной Азии экскарнация и наличие дахм были выявлены уже в бронзовом веке. Например, в северной части Гонур-депе была открыта «дахма-мавзолей» [Сарианиди 2006; Sarianidi 1998; 2008], а также на Алтындепе раскопано коллективное захоронение очищенных от плоти костей [Masson 1988]. Дахмы давали возможность хищным животным и птицам очищать скелеты от плоти. Таким образом, исследователи признают присутствие экскарнации в погребальном обряде обществ южных регионов Центральной Азии в эпоху бронзового века, а также её существование в раннежелезном веке, но при этом считают, что «данная практика остаётся маргинальной» [Бендесу-Сармиенто и др. 2015: 40]. Если говорить об истоках обряда экскарнации в мире, то с точки зрения Г. Ульриха «обычай хоронить расчленённые трупы» возникает уже в эпоху мустье (100–40 тыс. лет до н.э.) [Ullrich 1986: 227-236], через определённый период после похорон (отделены череп и почти все кости ног) [Алёкшин 1994]. Из чего следует, что обряд «очищения костей от плоти» берёт своё начало со среднего палеолита как на территории Евразии, так и в Центральной Азии.

Пример игнорирования мира мёртвых можно наблюдать на Джаркутане в период раннего железного века по обряду погребения новорождённых. Захоронение новорожденных ограничивалось погребением их в жилище. Это говорит о том, что человек умерший в младенчестве не успел пройти ступени признания в мире живых, а значит не подлежит прохождению обряда экскарнации, как, например, взрослые умершие. Поэтому новорожденного хоронили только в том окружении, которое он знал, т. е. в его жилище. Данный обряд присутствовал и в период бронзового века [Бендесу-Сармиенто и др. 2015]. Трудно сказать, что данный обряд связан с пренебрежением к смерти и игнорированию мира мёртвых, так как на юге Центральной Азии [Бердыев 1969], да и в Передней Азии [Антонова 1990] подобный обряд существовал с периода каменного века (неолит, энеолит) и имел свою определённую идеологическую трактовку.

Также для юга Центральной Азии в раннежелезном веке было характерным отсутствие ям (т. е. умерших хоронили на поверхности) и неполное фрагментарное захоронение тела умершего. При этом полностью отсутствовал погребальный инвентарь. Несмотря на то, что ямы отсутствовали, умерших располагали в скорченном положении либо на правом боку, либо на левом. При погребении умершего зачастую повторно использовали старые строения (хозяйственные ямы) [Bendezu-Sarmiento, Lhuillier 2015], осуществляя впускные (первичные) погребения. Процесс очищения костей от плоти происходил недалеко от поселения.

На сегодняшний день отсутствуют факты выставления тел на поверхности в период раннежелезного века в Центральной Азии, но есть гипотеза о существовании деревянных поверхностей, на которые выставляли тела для разложения плоти, притом костяки сохраняли свою целостность. Возможно, что эти нетронутые костяки помещали именно в могилы на поверхности в скорченном положении на боку, имитируя таким образом переход в загробный мир, а именно в «утробу матери-земли».

В Северной Бактрии были выявлены частичные погребения, относящиеся к III–II тыс. до н.э. (Джаркутан 4А и 4Б, Кумсай, Бустан VI) [Бендесу-Сармиенто и др. 2015]. Данный погребальный об-

ряд считается культовым, так как был связан с человеческими жертвоприношениями искупительного характера [Avanesova 1995]. Ряд исследователей посчитали, что «неполные костяки могут быть следствием добровольных обрядов и намеренного расчленения, но без какого-либо погребального значения» [Бендезу-Сармиенто и др. 2015: 41]. Кроме того, присутствовала традиция накопления черепов. Видимо, это связано с почитанием культа реликвий, который содержит в себе магическую силу, а может быть это связано с поклонением специальному культу предка или вообще может выступать в качестве трофея в результате конфискаций или войн. Также в погребениях встречаются ассоциации человеческих черепов с животными (крупный рогатый скот, лошадь, овца, козёл). Это можно наблюдать в чувстской культуре. Важно отметить, что погребение животных наблюдается ещё в бронзовом веке [Bendezu-Sarmiento, Lhuillier 2013].

В V–III вв. до н.э. у жителей Узбоя существовали святилища – храмы огня (Ичанлыдепе, Гаравулдепе). Первое считается святилищем равнинных кочевников, а Гаравулдепе – святилищем горных скотоводов. В обоих святилищах имелись алтари, относящиеся к культу огня. Эти культовые комплексы имеют аналогию со святилищами Персии, связанными с почитанием священного огня [Юсупов 1991]. На факт почитания огня массагетами указывают такие обряды, как сохранение и умышленное «захоронение» золы и пепла, преднамеренное сохранение ценных вещей в золе. Кроме того, надо отметить, что многолетний период деятельности святилищ, приводил к накоплению золы и пепла в большом количестве, в связи, с чем возникла специальная система утилизации пепла. Одним из способов утилизации было применение пепла и золы для освящения погребальных сооружений (свидетельством этого, считаются обнаруженные следы пепла и угольков в погребальных камерах склепов и курганах) [Юсупов 1991]. Наряду со специальными святилищами также имелись и очаги-алтари, находящиеся вокруг склепов, на которых и возжигался огонь. Возможно, подобные очаги-алтари были связаны с культом предков, а также с совершением поминальных и погребальных обрядов [Юсупов 1991].

На Узбое и в Прикаспии в этот период преобладают погребения в склепах, что свидетельствует «о значительной близости к зороастризму или к исходным для него восточноиранским верованиям» [Юсупов 1991: 26]. Присутствовал также культ, связанный со специальной порчей вещей на могиле умершего (в некоторых склепах обнаружены специально согнутые или сломанные мечи), традиции которого уходят корнями в анимизм. Из чего следует, что «порождённое первобытным страхом перед голодом и жаждой, это стремление отражено во всех погребальных обрядах. В заупокойных молитвах и закланиях постоянно звучит ужас перед возможной перспективой загробного голода» [Антонова 1983: 93].

Из всего сказанного необходимо сделать некоторые выводы. В раннежелезном веке усиливается влияние южно-уральских кочевников (ранние сарматы) на западе Центральной Азии (Устюрт). Кочевники Тувы, Монголии проникают на земли Памира. Их долгое пребывание на землях Центральной Азии привело к изменениям в духовной жизни. Новым для обряда погребения Центральной Азии стало захоронение лошадей или конской сбруи. Распространяется искусство «звериного стиля». Начинают применяться гробы (Зарафшанская долина). Общим для кочевников продолжает оставаться культ огня, солнца. У саков и массагетов почитание солнца стало главным в религии, потому что солнце – это Митра и огонь. Примечательно, что в период раннежелезного века культ огня продолжает сохранять ведущую позицию в духовной жизни Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев А.К. Идеология саков Семиречья (по материалам кургана «Иссык») // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 39-48.
Акишев К.А. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
Акишев К.А. Семиречье и Южный Казахстан / История Казахской ССР. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1977. Т. 1. 526 с.

- Акишев К.А., Байпаков К.М. Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата: Мектеп, 1979. 160 с.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1963. 30 с.
- Алёкшин В.А. Новые данные о мустьерских погребениях Ближнего Востока // Археологический Вестник. 1994. № 3. С. 136-143.
- Алёкшин В.А. Происхождение и развитие погребального обряда в традиционных обществах (по данным археологии) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозное воззрение / Отв. ред. В.А. Алёкшин. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН: «Арт-Экспресс». Труды ИИМК РАН. Т. XLII. 2014. С. 9–47.
- Аманбаева Б.Э. Кыргызстан // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Самарканд: МИЦАИ. 2016. Т. 1. С. 93-138.
- Анарбаев А.А., Максудов Ф.А. Древний Маргилан. Ташкент: Фан. 2007. 160 с.
- Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.: Наука, 1990. 285 с.
- Антонова Е.В. Представления обитателей Двуречья о назначении людей и глиптика конца IV – первой половины III тыс. до н.э. // ВДИ. 1983. № 4. С. 88–96.
- Аширов А.А. Древние религиозные верования в традиционном быту узбекского народа (по материалам Ферганской долины): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ташкент, 2008. 52 с.
- Байпаков К.М., Терновая Г.А. Казахстан // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Самарканд: МИЦАИ. 2016. Т. 1. С. 9-93.
- Бендесу-Сармиенто Х. Погребальные обряды и биологическая антропология в протоисторическом Казахстане (андроновская и сакские культуры I тыс. до н.э.) // Археология и история Центральной Азии в трудах французских учёных / Отв. ред. А.-П. Франкфор. Самарканд: МИЦАИ, 2014. Т. 1. С. 181-213.
- Бендесу-Сармиенто Х., Люилье Ж., Мустафакулов С., Рахимов К. Погребальная практика населения раннего железного века: новые находки из Джаркутана в Северной Бактрии // Вестник МИЦАИ. Самарканд: МИЦАИ, 2015. Вып. 22. С. 26-46.
- Бердыев О. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад: Ылым. 1969. 102 с.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1952. 347 с.
- Вайнберг Б.И. Экология Приаралья в древности и средневековье // ЭО. 1997. Вып. 1. С. 23-41.
- Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э. М.: Вост. лит. РАН, 1999. 358 с.
- Вишневская О.А. Культура сакских племён Низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М.: Наука, 1973. 159 с.
- Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Памятники истории и культуры Таласской долины. Бишкек: Кыргызстан. 1995. 119 с.
- Дмитриева Т.Н. Жизнь/смерть в традиционных представлениях аборигенов Австралии // Жизнь, смерть, бессмертие: м-лы науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 1993 г.) Государственный Музей истории религии / Отв. ред. Коновалов А.В., Тафинцев А.И. СПб.: Образование. 1993. С. 22-23.
- Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР / Отв. ред. тома Мошкова М.Г. М.: Наука, 1992. Т. 12 (20). С. 31-46.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука. 1966. С. 311-372.
- Кузьмина Е.Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М.: Наука, 1977. 144 с.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 269 с.
- Литвинский Б.А. Семиреченские жертвенники (индоиранские истоки сакского культа огня) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока / Под ред. Литвинский Б.А. М.: Наука. 1991. С. 66-88.
- Мокробородов В.В. О находках человеческих костей на среднеазиатских поселениях середины I тыс. до н.э. // Проблемы истории, философии, культуры. 2018. Вып. 1. С. 39-60.
- Мошкова М. Г. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М.: Наука, 1992. Т. 12 (20). 493 с.
- Мышкин В.Н. Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI – V вв. до н.э. // Археология и этнография. 2013. С. 219-225 [элект. ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-pogrebalnogo-obryada-sotsialnoy-elity-kochevnikov-samaro-uralskogo-regiona-v-vi-v-v-do-n-e>].

- Обельченко О.В.* Культура древних кочевников долины Зарафшана: По материалам раскопок курганов VII в. до н.э.-VII в. н.э.: дисс. ... докт. ист. наук. М., 1981. 678 с.
- Потапов Л.П.* Культ гор на Алтае // СЭ. 1946. Вып. 2. С. 145-160.
- Рыков П.С.* Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведённые в 1933–1934 гг. // СА. 1936. Т. 1. С. 114-157.
- Сарианиди В.И.* Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. 2006. № 2. С. 155-192.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы: ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 379 с.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья / САИ. 1963. Вып. Д 1-9. 39 с.
- Сорокин С.С.* К вопросу о толковании внекурганных памятников // АСГЭ. 1981. Вып. 22. С. 23-39.
- Таиров А.Д.* О трансформации погребальной обрядности в раннепрохоровское время // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II рег. научно-практ. конф. Челябинск: Рифей, 2004. С. 126–129.
- Таиров А.Д.* Этнокультурные процессы в степях Южного Урала во второй половине V – IV вв. до н.э. // РА. 2006. № 1. С. 71-78.
- Филанович М.И.* Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент: Узбекистан, 2010. 312 с.
- Юсупов Х.* Древние скотоводы Северо-Западного Туркменистана: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: 1991. 45 с.
- Ягодин В.Н.* Хорезм и ранние кочевники Устюрта // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы докл. всесоюз. науч. совещ. / Отв. ред. Аскарлов А.А., Филанович М.И. Ташкент, 1979. С. 37-38.
- Ягодин В.Н.* Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Барнияз на Устюрте // АП. 1982. Вып. 1. С. 39-81.
- Ягодин В.Н.* Устюрт и Приаральская дельта (некоторые итоги археологических исследований 1971–1975 гг.) // ОНУ. 1986. Вып. 11. С. 45-52.
- Avanesova N.A.* Bustan VI, une nécropole de l'âge du Bronze dans l'ancienne Bactriane (Ouzbékistan meridional): témoignages de cultes du feu // Arts Asiatiques. 1995. T. 50. P. 31-46.
- Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J.* «Les «silos funéraires» de l'âge du Fer en Asie centrale: dépotoir ossuaire ou monument de mémoire?» / in: G. Delaplace & F. Valentin (edc.), Le Funéraire, Mémoire, protocoles, monuments, Colloques de la Maison René Ginouvés 11. Paris. Editions de Boccard. 2015. P. 93-103.
- Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J.* Sino Sepulchro cultural complex of Transoxianaum BCE // AMIT. 2013. Band 45. P. 282-308.
- James E.O.* The ancient Gods. New York: Putnam. 1960. 352 p.
- Lhuillier J., Bendezu-Sarmiento J., Mustafakulov S., with the collaboration of Cervel M., Armance Dupont-Delaleuf, Giraud J., Gondet S., Iskanderovna A., Rakhimov K., Khasanov M., Liger J-C., Luneau E., Mashkour M., Molez D., Rakhmanov U., Suire J.* The Early Iron Age occupation in southern Central Asia / Excavation at Dzharkutan in Uzbekistan // A Millennium of History. Vol. XXV. Berlin, 2018. P. 47-48.
- Masson V.M.* Altyn-Depe. University Museum Monographs. Philadelphia: The University Museum University of Pennsylvania. 1988. 170 p.
- Sarianidi V.I.* Margiana and Protozoroastrizm. Athens: Kapon Editions. 1998. 190 p.
- Sarianidi V.I.* Zoroastrianism: a new motherland for an old religion. Thessaloniki: Kyriakidis Brothers. 2008. 415 p.
- Ullrich H.* Manipulation on human corpses mortuary practice and burial in Paleolithic times // Fossilman. New facts – new ideas. Papers in honors of Jan Jelinek's life anniversary. Brno: Anthropos Institute – Moravian Museum. 1986. Vol. 23. P. 227-236.

**Г. Р. Мұхтарова,
Т. Ж. Төлегенов,
Х. А. Айтқұл,
Ж. Құрбанәлі,
Дин Ян**

**Гүлмира Райылқызы Мұхтарова,
Төрәлі Жақсылықұлы Төлегенов,
Хамит Амантайұлы Айтқұл,
Жазира Құрбанәлі,
«Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы»,
Есік қ., Қазақстан; issyk@inbox.ru
Дин Ян,
Шанси регионалдық археологиялық зерттеу институты,
Сиан қ, Қытай; 1419202669@qq.com**

Кейінгі сақ кезеңіндегі обалардың құрылымындағы өзіндік ерекшеліктері

Аннотация. Мақала «Есік» музей-қорығы мен Шанси провинциясының (ҚХР) Археология институты қызметкерлерінің Рахат археологиялық кешеніндегі бірлескен зерттеу жұмыстарының нәтижелеріне арналған. Кешен Рахат өзенінің аттас шатқалынан шыға берісіндегі жайылманың үстіндегі террасаларда, Талғар мен Есік қалаларының арасында, Орман шатқалына баратын жолдың бойында орналасқан. Кешен қола дәуірінің қонысы мен еске алу-жерлеу қоршауларынан тұрады. Қоныс пен қорымда сақ қауымдастығының, ерте және кейінгі орта ғасырлардың мәдени қабаттары бар. Зерттеу үшін таңдап алынған қорым Рахат қаласынан оңтүстікке қарай 1,5 км жерде орналасқан. Қорым оңтүстіктен-солтүстікке қарай тізбектелген 25 обадан тұрады. Табылған материалдар негізінде кейінгі сақ кезеңіндегі обалардың құрылыс-құрылымындағы өзіне тән ерекшеліктері анықталды. Сондай-ақ, аталмыш мақалада осы аймақтағы ескерткіштердің мәдени-хронологиялық атрибуциясының кейбір мәселелері қарастырылған.

Түйін сөздер: археология, мәдениет, Рахат қаласы, оба, қорым, ерте темір дәуірі, сақтар

**Гүльмира Раиловна Мухтарова,
Туралы Жаксылыкович Тулегенов,
Хамит Амантайұлы Айткул,
Жазира Курбанали,
«Государственный историко-культурный музей-заповедник «Есік»,
г. Есик, Казахстан;
Дин Ян,
Шансиский региональный исследовательский институт археологии,
г. Сиань, Китай**

Характерные особенности конструкции курганов позднесакского периода

Аннотация. Статья посвящена результатам совместных исследовательских работ на археологическом комплексе Рахат, проведенных сотрудниками музея-заповедника «Есік» и Института археологии провинции Шанси (КНР). Комплекс расположен на надпойменной террасе у выхода р. Рахат из одноименного ущелья,

между городами Талгар и Есик, вдоль дороги в ущ. Орман. Комплекс состоит из поселения и поминально-погребальных оград эпохи бронзы. Поселение и некрополи имеют слои сакской времени, раннего и позднего средневековья. Выбранный для исследований могильник расположен 1,5 км к югу от городища Рахат. Он состоит из 25 курганов, выстроенных в цепочку с юга на север. На основе полученных материалов были выявлены характерные особенности конструкций курганов позднесакского периода. В статье также рассмотрены отдельные проблемы культурно-хронологической атрибуции памятников региона.

Ключевые слова: археология, культура, городище Рахат, курган, могильник, ранний железный век, саки

**Gulmira Mukhtarova,
Turaly Tulegenov,
Khamit Aitkul,
Kurbanali Zhazira**

Issyk State historical and Cultural Museum-Reserve, Issyk, Kazakhstan;
Dean Young
Shanxi Regional Institute of Archaeology, Shiang City, China

Characteristic features of the construction of mounds of the late Soviet period

Abstract. The article is devoted to the results of joint research work at the Rakhat archaeological complex conducted by the staff of the museum-reserve «Esik» and the Institute of Archaeology of Shanxi Province (PRC). The complex is located on a floodplain terrace at the exit of the Rahat River from the gorge of the same name, between the cities of Talgar and Yoshik, along the road to the gorge. Orman. The complex consists of a settlement and memorial and burial fences of the Bronze Age. The settlement and necropolises have layers of the Saka community, early and late Middle Ages. The burial ground chosen for research is located 1.5 km south of the Rahat settlement. It consists of 25 mounds, lined up in a chain from south to north. On the basis of the obtained materials, the characteristic features of the construction of the mounds of the late Soviet period were revealed. Also in this article, some problems of cultural and chronological attribution of monuments of this region are considered.

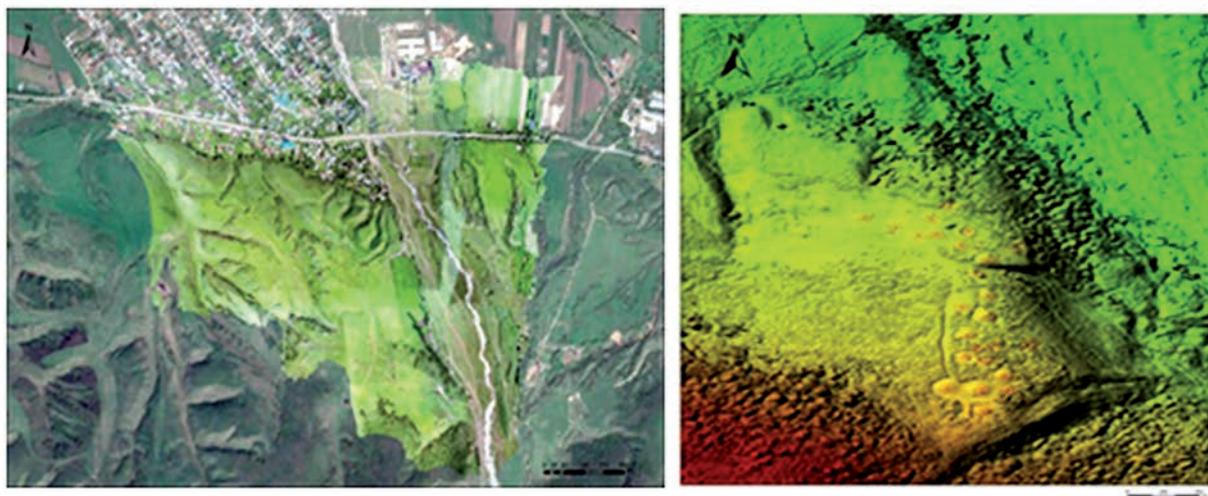
Keywords: culture, archaeology, Rahat settlement, kurgan, burial ground, early Iron age, sak

Еңбекшіқазақ ауданында орналасқан Рахат қаласында 2019 ж. Шанси (ҚХР) провинциясының Археология институты мен «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы мамандары бірлескен кезекті археологиялық барлау және қазба жұмыстары жалғасын тапты. Археологиялық қазба жұмыстары Рахат қаласының оңтүстік-шығысындағы ерте темір дәуірінің обасында жүргізілді. Аталмыш оба Іле Алатауының солтүстік тау алды жазығында, Рахат өзенінің батыс жағалауының жоғарғы жайылмасындағы қорымда орналасқан. Қорым солтүстіктен оңтүстікке қарай 260 м, батыстан шығысқа қарай 180 м алқапты алып жатыр (теңіз деңгейінен 927 м).

Қорым солтүстіктен оңтүстікке қарай тізбектелген 25 обадан тұрады. Обаның пішіні айқын, биіктігі 1 м, диаметрі 12 м. Ұзақ жыл бойы өзен суларының салдарынан жарлар құлап, өзен бойында тұрған бірнеше обалардың құрлымы бұзылған, кейбіреулері мүлдем жойылып кеткен (1-сур.).

Қазба жұмыстары жүргізілген аталмыш оба М1 деген нөмірмен белгіленді. М1 обаның құрылыс-құрылымы тас пен топырағы аралас, етегінен ортасына қарай 1,2-1,3 м болатын тас жолақпен шеңберленген, сонымен қатар, жолақтың төменгі айнала бөлігін (етегін) тігінен қойылған, сопақша келген тұғыр тастар құрайды. Қазба жұмыстары барысында обадан үш жерлеу шұңқыры анықталды, жерлеу шұңқырларына орналасуына қарай М1а, М1б, М1с деген нөмірлер берілді (2-сур.).

Мыңдаған жылдық табиғи және антропогенді ықпалдардың әсерінен қорым обаларының сыртқы пішіні өзгеріске ұшыраған, алайда М1 оба үйіндісі жақсы сақталған. Оған бірнеше себептер болуы мүмкін, біріншіден оның тау етегіне өте жақын орналасуы, екіншіден айнала қоршаған бұталы өсімдіктердің қорғаныс жүйесін атқаруы. Осы жағдайды ескере отырып М1 үйіндісінің негізгі

1-сур. Рахат қаласы және оның оңтүстік-шығысындағы оба

аумағы мен құрлымын анықтау мақсатында обаға солтүстіктен-оңтүстікке, батыстан-шығысқа қарай қазба салынып, жерлеу шұңқырының орналасқан орны анықталды.

Жалпы обада жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары бірнеше кезеңдерден тұрады. Обаға алдымен негізгі құрылыс қабаттары мен қалыптасу ерекшеліктерін анықтау мақсатында солтүстіктен-оңтүстікке қарай 16 м, батыстан шығысқа қарай 15 м, ені 2 м (шурф) қазба салынды. Обаның солтүстік және оңтүстік бөлігінің шым қабаттарының астынан малтатастар анықталды. Аталмыш бағыт бойынша жасалған жұмыс нәтижесінде бірінші және екінші қабаттағы топырақ тазаланып, малтатастардың аумағы мен тас үйіндісінің шекарасы белгілі болды. Қазба жұмыстарының барысында М1 обасының ірге шекарасы анықталды (4-сур.).

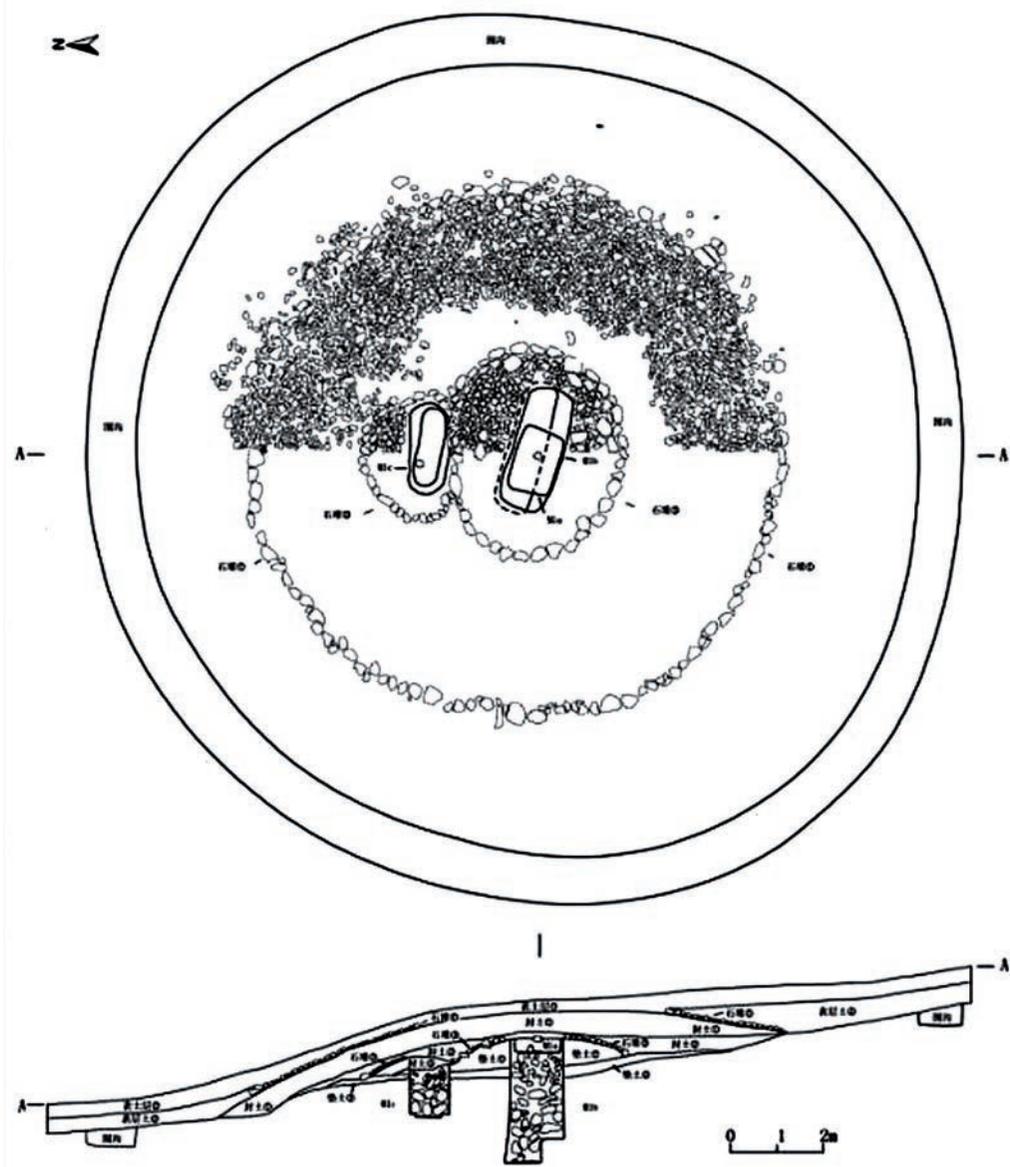
Оба ортасында орналасқан М1b жерлеу шұңқыры сәл ертерек салынса керек, жерлеу шұңқыры ішіндегі адам қаңқасы жақсы сақталған және бір қыш ыдыс (құмыра), шаппа тәрізді темір құрал табылды.

Обадағы қазба орнының алдымен оба үйіндісінің батыс бөлігінде (3-сур.), соңынан үйіндінің шығыс жарты бөлігінде топырақтан тазарту жұмыстары жүргізілді. Аталмыш жұмыстардың нәтижесінде малтатастардың орналасуы айқындалды. Бұл тастар оба жабындысының ең соңғы қабатына, яғни, ең жоғарғы қабатына төселгені анықталды (бірінші тас жолақ) (4-сур, а, б, в, г).

Қазба орнында кездескен ағаш тамырын кеспеу мақсатында обаның оңтүстік-шығыс бөлігі топырақтан тазартылмады. Обаның 1-ші тас үйіндісінің оңтүстік-батыс жағындағы малтатастардың орнынан жылжуына байланысты осы бөлігі дөңгелек шұңқырға айналған. Қазба маңындағы өсімдіктерге қарай, бұл шұңқыр осыдан ондаған жылдар бұрын ағаштың өсу кезінде қалған шұңқыр болуы мүмкін деген болжам жасалынды.

Обадағы 1-ші тас үйіндінің батыс бөлігіне және төменгі 1-ші және 2-ші топырақ қабатына жасалынған тазарту жұмыстары нәтижесінде 2-ші топырақ қабатының астында екі тас үйіндісі байқалды, олар 2-ші және 3-ші тас үйіндісі деп белгіленді.

Обаның тазарту аймағын кеңейте отырып, 2-ші және 3-ші тас үйіндісі толық аршылды, оба құрылыс-құрылымының жасалу ретіне қарай солтүстік жақтағы тас үйінді оңтүстік бүйіріндегі тастардан кейін салынғаны белгілі болды (5-сур., а-в).

2-сур. М1 обасының жобасы мен қимасы

Обадағы кезекті топырақ пен тастан тазарту жұмыстары барысында 2-ші және 3-ші тас үйіндісінің астында орналасқан үш жерлеу шұңқыры анықталды, 3-ші тас үйіндісінің аумағында М1а, М1b екі жерлеу шұңқырлары тігінен орналасқан, ал 2-ші тас үйіндісінің астындағы М1с тікбұрышты жерлеу шұңқыры оңтүстік-шығыс солтүстік-батыс бағытымен орналасқан (6-сур., а, б).

Қазба соңында М1 оба аумағының солтүстік және батыс жағынына, сондай-ақ, шығыс және оңтүстік жақтарын топырақтан тазарту арқылы қазба көлемі аздап кеңейтілді, нәтижесінде М1 үйіндінің сыртқы жағында орналасқан ордың орны белгілі болды (6-сур., в).

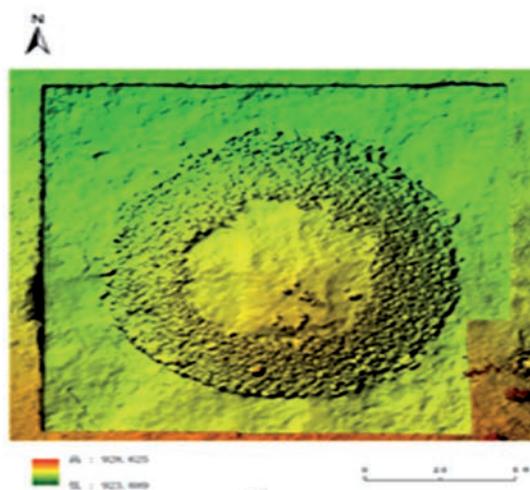
Бірнеше кезеңнен тұратын тазарту жұмыстарының нәтижесінде обаның құрылымы мен құрылыс сипаттамалары туралы дәйектер алдық. Археологиялық қазба жұмыстары барысында

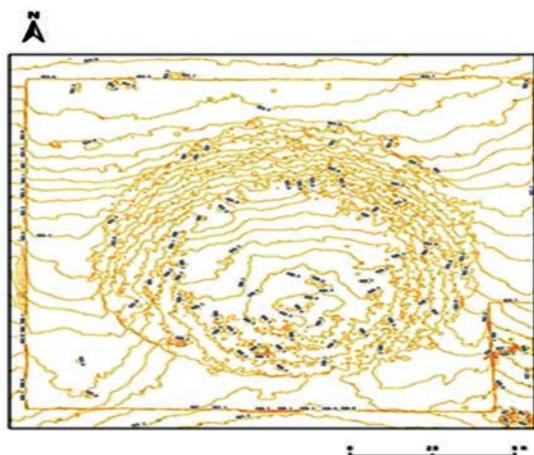
3-сур. Батыс-шығыс және оңтүстік-солтүстік қазбалары

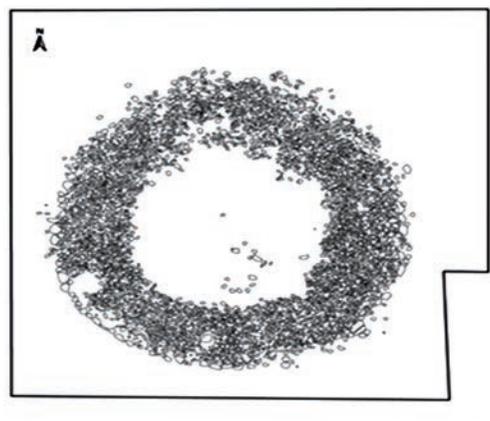
а

б

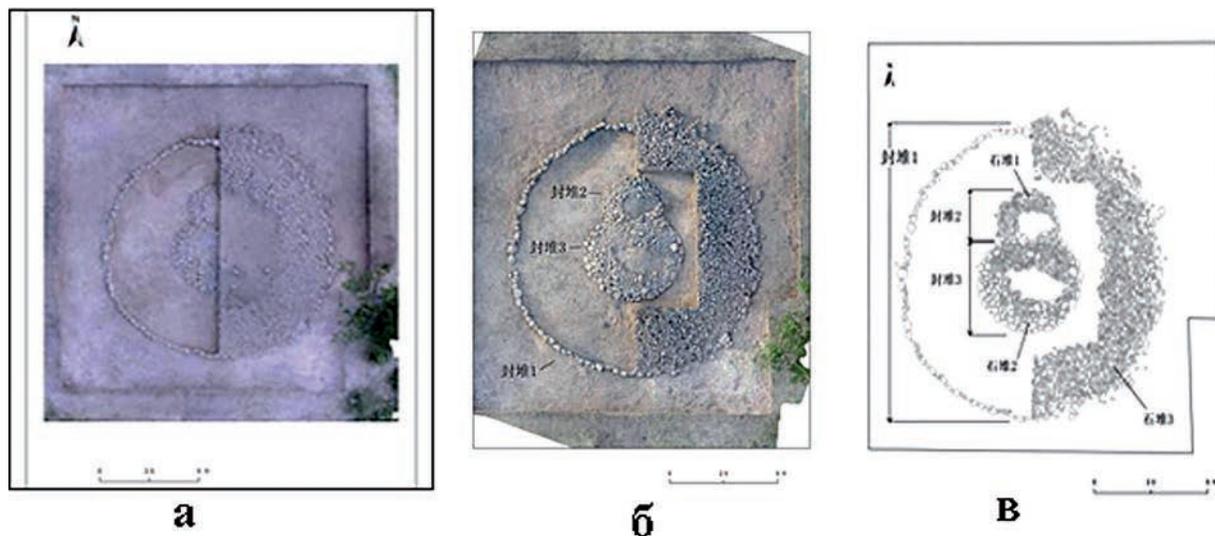

в

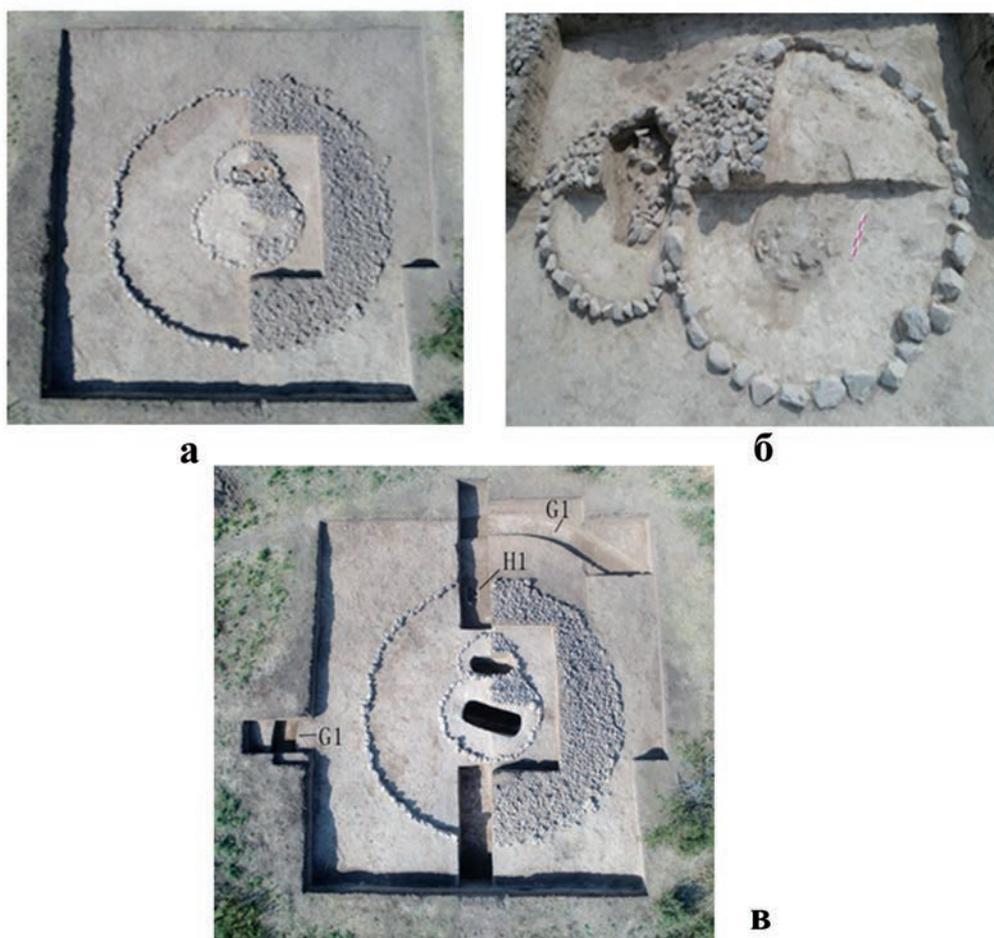

г

4-сур. М1 обасындағы малтатастардың орналасуы

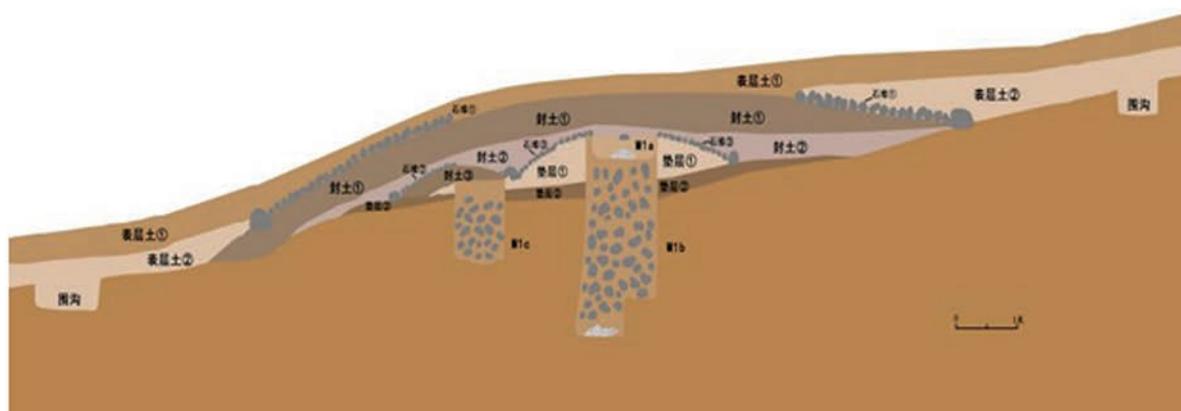
5-сур. М1. 2-ші, 3-ші тас үйіндісінің сызба жобасы

6-сур. М1. 2-ші, 3-ші тас үйіндісі және обаның қоршау шеңбері

белгіленген нысанның мәдени қабатын анықтауға арналған арнайы тескіш құрылғысы, лазерлі тахеометр өлшеу құрылғысы мен AutoCAD, ArcGIS жүйесінде өңделетін жоғары дәлдіктегі RTK аппараты қолданылып, үш өлшемді сурет түсіру құрылғысы, аэрофото түсірілім және басқа да заманауи технологияларды пайдалана отырып өте құнды археологиялық материалдарға қол жеткізілді.

Обаның жалпы стратиграфиялық құрылымы M1 обасының оңтүстік жағы биік, ал солтүстігі аласа аумақта орналасқан, стратиграфиялық қазба арқылы сегіз мәдени қабаттан тұратындығы белгілі болды (7-сур.).

7-сур. M1 обасының қимасы

Бірінші мәдени қабаты 1-ші және 2-ші шым қабаты деп екіге бөлінеді. Бірінші шым қабатының қалыңдығы шамамен – 0,37 м, оңтүстігі биік, солтүстігі аласа көлбеуленіп орналасқан, топырағы борпылдақ, түсі сұрғылт, топырақ арасынан өсімдіктер тамыры, қыш ыдыс фрагменттері, жануарлар сүйектері мен тастар табылды. Екінші шым қабаты обаның шеткі аумағында орналасқан, қалыңдығы – 0,45 м, топырағы жұмсақ, түсі сұрғылт. Құрамында өсімдік тамырлары, құм аралас қызыл қыш ыдыс фрагменттері, жануарлар сүйектері мен тастар табылды.

Екінші мәдени қабаты малтатастармен жабылған, ал таспен жабылған сыртқы сақинаның (тұғыр) диаметрі шамамен 11,5-12 м құрайды. Тас үйіндісінің жоғарғы бөлігінен бір дана сынған тас құрал табылды.

Үшінші мәдени қабат екіге бөлінеді, 1-ші және 2-ші топырақ үйіндісі. Бұл мәдени қабат шым қабаты мен 1-ші тас қабатының астында орналасқан, қалыңдығы 0,45-0,65 м. 1-ші тас қабатының топырағы жұмсақ, қоңыр түсті, топырақ арасында жануарлардың сүйектері, қыш ыдыс фрагменттері және аз мөлшерде өсімдік тамырлары кездеседі. Ең қалың бөлігі шамамен – 0,65 м. Солтүстік бөлігінің диаметрі шамамен – 12,4 м. 2-ші топырақ қабатының топырағы сұр түсті, жұмсақ, арасында жануарлар сүйектері, аз мөлшердегі өсімдіктер тамырлары кездеседі, бұл мәдени қабат 1-ші тас қабатының аумағында орналасқан, оңтүстік пен солтүстік бөлігінің диаметрі шамамен – 10,8 м, ең қалың бөлігі – 0,35 метр, ал солтүстік пен оңтүстік бөлігінің арасындағы биіктік айырмасы шамамен – 1,4 м құрайды. 2-ші топырақ қабатының астында екі тас үйіндісі орналасқан, оңтүстіктен солтүстікке қарай ұзындығы – 6 метр, ал батыстан шығысқа қарай ені – 4,6 метр. 2-ші және 3-ші тас үйіндісі

дөңгелек пішінді, 2-ші тас үйіндісінің диаметрі – 2,87 метр, солтүстіктен оңтүстікке қарай – 2,3 м диаметрі, биіктігі – 0,50 м. Ал, 3-ші тас үйіндісі батыспен шығыс диаметрі – 4 және – 6 м құрайды, солтүстіктен оңтүстікке қарай – 3,7 м диаметрді құрайды, биіктігі – 0,9 м. Екі шағын үйіндіні жапқан малтатастар мен топырақтың орналасуына қарай жерлеу шұңқырының салыну реті белгілі болды.

Төртінші мәдени қабат 2-ші тас қабатының аумағында, бір қабатты малтатастармен жабылған, дөңгелек пішінді, тас қабатының сыртқы жиегі обаның сыртқы шекарасымен аяқталады, ені шамамен 1,2-1,3 м, ішкі жағындығы малтатастардың көлемі кіші, диаметрі 0,2-0,3 м, сыртқы жиегіндегі тастар көлемі үлкен, диаметрі 0,40-0,60 м. Малтатастар орналаспаған 2-ші тас үйіндісі сопақша келген, батыстан шығысқа қарай диаметрі – 1,6 м, солтүстіктен оңтүстік диаметрі – 1,1 м. Екі тас үйіндінің жиегіндегі малтатастар жүйелі орналасқан.

Бесінші мәдени қабаты топырақпен жабылған, сұр түсті, қалыңдығы – 0,15 м, М1с жерлеу шұңқыры осы қабаттың астында орналасқан.

Алтыншы мәдени қабаты 3-ші тас үйіндісінің аумағында орналасқан, бір қабатты малтатастармен шеңберлене жабылған, ені шамамен 0,83-1,4 м құрайды, ішкі жақтағы тастардың көлемі кішкентай, ұзындығы мен ені шамамен 0,2-0,3 м, ал, сыртқы жақтағы тастар ірі, ұзындығы – 0,40 м, ені – 0,60 м құрайды. Арасында тастармен жабылмаған жер сопақша келген, шығыстан батысқа қарай – 2,7 м, ал солтүстіктен оңтүстікке қарай – 1,2 м. Тас жабындысының солтүстік жиегіндегі малтатастар 2-ші тас жабындысының оңтүстік жиегіндегі тастармен қабатасып жабылған, 3-ші тас жабындының астында жоғарғы және төменгі болып қосақтала екі жерлеу шұңқырлары орналасқан, оларды оңай ажырату мақсатында М1а және М1b деп нөмірленді.

Жетінші және сегізінші мәдени қабатының топырағы ақ сұр түсті, қалыңдығы шамамен – 0,2 м құрайды. Тас жабындысының сыртқы жиегіндегі тастардың көлемі үлкен, олар обаның шекарасын қорғау мақсатында пайдаланылған. Барлық малтатастардан жасанды өңдеудің белгілері байқалмады, сонымен қатар, бұл малтатастар Рахат өзенінен алынғаны белгілі.

Жерлеу шұңқырларының құрылымы.

М1 обасы ордан және орталық жабындыдан құралып, малтатастармен дөңгелектене жабылған. Бұл жабындылар бірнеше қабаттармен салынған, олардың ішінде дөңгеленген 3 қатар тас үйіндісі, 3 қатар топырақ қабаты, 2 қабат топырақ төсендісі және үш жерлеу шұңқырларынан (М1а, б, с) құралған (2-сур.). Сондай-ақ, М1 обасының 3-ші мәдени қабатына екі жерлеу шұңқырлары (М1а, М1b), ал, 2-ші қабатында бір жерлеу шұңқыры (М1с) орналасқан. Жерлеу шұңқырының орналасқан орны мен құрылымына қарай, олардың барлық бөлігі бір-бірімен тығыз байланыста болғанын байқауға болады, жерлеу шұңқырларының маңында малтатастар жоқ, тек, М1а жерлеу шұңқырының іші малтатастармен толтырылған.

М1а жерлеу шұңқыры.

М1а жерлеу шұңқырының ішін таспен толтырған, төртбұрышты, ұзындығы шамамен – 1,37 м, ені – 1 м және тереңдігі – 0,3 м. Жерлеу шұңқыры ішінен адам (жас шамасы – бала) қаңқасы анықталды, бағыты – 285° (8-сур.).

Қаңқа шалқасынан, екі қолы жамбас сүйектің жанына қойылған, басы батыс жаққа, аяғы шығысқа қарай бағытталған. Қаңқа сүйегінің пішініне қарай кәметке толмағандығын байқауға болады. Сүйектің қасында бірге жерленген ғұрыптық бұйымдар болмады.

Жерлеу шұңқыры тік келген, қабырғасынан еңбек құралдарының іздері байқалмайды, жерлеу шұңқырының ортасына белгі ретінде тас қойылған. Топырақ арасында аз мөлшерде тастар мен құм аралас қызыл қыш ыдыстардың сынықтары кездесті.

М1b жерлеу шұңқыры.

3-ші үйіндідегі малтатастар жоқ аумақта, М1а жерлеу шұңқырына қосақтала орналасқан, жерлеу шұңқыры тікбұрышты, шұңқыр ернеуі тар, түбі кең. Жерлеу шұңқырының тереңдігі – 0,3 м, екінші

8-сур. М1а жерлеу шұңқырының қимасы

қабаттың тұғыр алаңымен салыстырғанда сәл тегіс, ені шамамен 0,34-0,4 м және биіктігі – 0,5 м. Жерлеу шұңқырының қабырғалары түзу, қабырғаларында еңбек құралдарының іздері байқалады, құралдардың ені шамамен 0,06 м, күрек құралы болуы мүмкін, жерлеу шұңқырының бағыты – 285° (9-сур., а, б).

Жерлеу шұңқыры ішінен ағаш табытқа салынған адам қаңқасы табылды, қаңқа сүйегі шалқасынан, басы батыс жаққа қарай, аяғы шығысқа бағыттталып, қолдары жамбастың екі жағына жазықталып қойылған. Сүйектің пішініне қарай ересек ер адамның сүйегі болуы мүмкін деген болжам жасалынды. Бас сүйектің батыс жағында бір темір шаппа, бір қыш құмыра және уақ малдың құйымшақ сүйегі табылды (9-сур., в, з).

Жерленген адамның денесі жатқызылған ағаш табыт шіріп кеткендіктен қалдық іздері бойынша ұзындығы – 2,3 м, ені 0,35-0,4 м, биіктігі – 0,15 м, қалыңдығы – 0,06 м болғаны анықталды. Ағаш табыттың пішіні және қандай ағаш екенін анықтауға мүмкіндік болмады.

Көр шұңқырының бетінде 5 көлденең жабылған ағаш бөрененің ізі байқалды, ағаштың ұзындығы шамамен – 1,2 м, ені – 0,12 м, ал аралығы – 0,55 м. Көр топырағы сұр-қоңырқай түстес, арасында көп мөлшерде қиыршық тастар бар. Көрдің тереңдігі шамамен – 0,8 м, түбіндегі қиыршық тастар жоғарғы бетіндегі тастарға қарағанда сәл үлкендеу, жылтыр, өңделген белгісі жоқ, диаметрі 0,5-0,7 м, сондай-ақ, арасында біраз қиыршық тастардың бетінде отпен күйдірілген іздері байқалады.

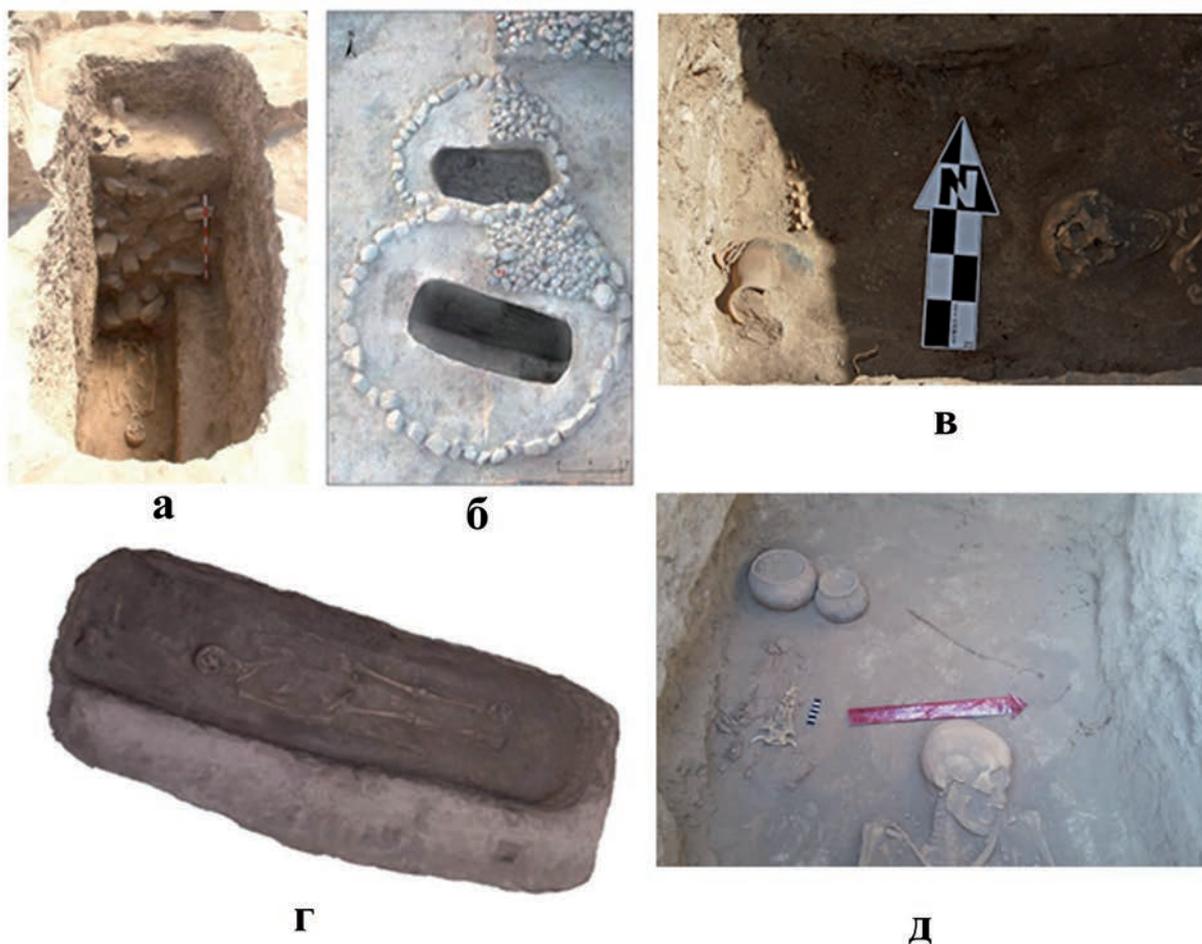
М1с жерлеу шұңқыры.

М1с жерлеу шұңқыры 2-ші жабынды аймағының орта тұсында орналасқан, жер бетіне дейін шамамен – 1,2 м, жерлеу шұңқыры сәл дөңгелек тікбұрышты келген, ұзындығы – 2 метр, ені шамамен 0,75-1 м және тереңдігі – 1,1 м, қабырғасы тік, жақсы сақталған, қабір түбінің солтүстік және оңтүстік бөлігінде табиғи топырақ қабаты байқалады. Қабір етегінде және топырақ арасында аз мөлшерде шашыраңқы сүйектер табылды (9-сур. б).

Қабір топырағынан ешқандай тонаушылықтың іздері байқалмады, алайда, аз мөлшерде бала сүйегінің бөлшектері, тісі т. б. табылды (кеміргіштердің әсері болуы мүмкін), көр сұр келген топырақ пен көп мөлшердегі үлкен тастармен толтырылған, шамамен – 0,4 м тереңдіктегі тастар ұсақтау болса, одан төменгі жақтағы тастар сәл үлкен болды, үлкен қиыршық тастардың диаметрі шамамен 0,5-0,7 м құрайды (10-сур. а).

Обаның сыртқы оры (G1).

Обаның сыртқы шекарасын қоршаған ордың ішкі диаметрі 17,8 м, сыртқы диаметрі шамамен 19 м. Ордың көлденең қимасы «U» тәрізді, ернеуі сәл үлкен, етегі тарлау келген, ернеуінің ені

9-сур. М1: а - М1b жерлеу шұңқыры; б - М1с оба суреті; в, г - М1b жерлеу шұңқыры түбінің суреті

шамамен 0,9-1,1 м, етегінің ені 0,9-1 м, тереңдігі – 0,4 м. Шекара мақсатында салынған ордың топырағы қоңырқай, құрамында аздаған өсімдік тамырлары және т. б. заттар бар (6-сур. в).

Табылған артефактілер.

М1 обасынан бір тас құралы табылды (10-сур. б). Құм аралас тастың бөлігі, ортасында дөңгелек тесігі бар, қайрақ ретінде пайдаланған болуы мүмкін. М1b жерлеу шұңқырынан бүтін бір қыш ыдыс (құмыра), темір шаппа тәрізді құрал және қойдың құйымшағы табылды (9-сур. в). Қыш ыдыс (құмыра) қоңыр түсті, құм аралас (шамот) қыштан жасалған, жиегі тегіс, шеті доғал, мойны қысқа, бір жағына сәл қиғашталған, бүйірі мен түбінен отқа күйген қара түсті күйе таптарының іздері байқалады. Қыш ыдыс мойнында өсімдік жапырақтарының іздері және бүйірлерінде ақ дақтары бар, көзе шарығының іздері байқалмайды, қолмен жасалғанын байқауға болады, ернеуінің диаметрі – 11,2 см, бүйірі – 14 см, биіктігі – 15,8 см, (10-сур. в). Темір шаппа тәрізді құрал (10-сур. г), тұтқасы текше тәрізді, жалпақ әрі қалың, ұшына қарай біртіндеп жіңішкерген, ұшы сынған, жалпы ұзындығы – 8,8 см, тұтқасының диаметрі – 1,4 см, ал ортаңғы бөлігінің диаметрі шамамен – 0,9 см. Уақ малдың құйымшақ сүйегі (9-сур. в), ұзындығы шамамен – 18 см, ені – 4,6 см.

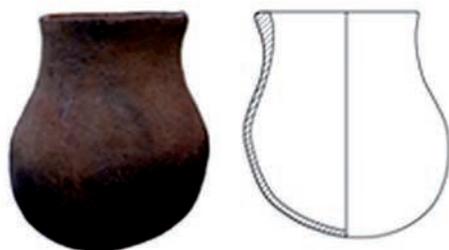
Рахат қала жұртының оңтүстік-шығысында орналасқан М1 обасына жасалған археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесінде жер қыртысы, тас пен топырақ қабаттарының қабаттасқан

а

б

в

г

10-сур. М1а - М1с қималары: б - тас құрал; в - қыш ыдыс; г - темір құрал; д – уақ малдың құйымшақ сүйегі

құрылымын зерделей отырып, М1 обасының құрылыс-құрылымының барысы толық анықталды. Оба құрылымының негізгі ерекшелігі жерлеу шұңқырлары малтатастармен шеңберленген, жабынды астында үш жерлеу шұңқыры бар және оба сыртына ор салынған. Тас пен топырақ кезектесе қабаттасып төселуі, шеңберленген тас қабаты мен тікбұрышты жерлеу шұңқырлары және сыртқы оры, сонымен қатар, табылған заттар арқылы обаның мерзімі мен жерлеу ғұрыптарын анықтауға мүмкіндік болды. Жерлеу шұңқырының құрылымы, жерлеу заттарының түрлері (9-сур., д) мен қарапайымдылығына қарай қабір иесінің ежелгі көшпелілердің ортаңғы және төменгі топтарына жатқандығын көрсетеді [Айтқұл және т. б. 2018: 137-142].

Қазақстанның оңтүстік-шығысындағы Іле өзенінің ортаңғы және төменгі ағысында осы обаға ұқсас таспен жабылған обалар жиі кездеседі. Обаның бетін жауып тұратын тас жолақтар, сақина тәрізді тас шеңбердің (тұғыр) тұтастығы туралы К. Ақышев алғаш рет, Қызылауыз жерлеу шұңқырын қазу кезінде атап айтқан, және оның мерзімі б.д.д. III ғ. деп мерзімдеген [Акишев, Кушаев 1963: 322]. Сонымен қатар, аталмыш жерлеудің бұл түрі 2016 жылы Өрікті ауылында «Есік» музей-қорығының халықаралық археология экспедициясының қазба жұмыстары кезінде кездеседі (Қазақстан-Корея бірлескен археологиялық тобы) [Байпаков және т. б. 2016: 672; Оңғарұлы 2017: 121-127; Түлегенов 2017: 143-150; Бексеитов, Түлегенов 2020: 58-63].

Қытайдың Іле аймағындағы Іле өзенінің жоғарғы ағысында тас топырақпен жабылған обалар жиі кездеседі, мұндай жерлеулер Іле аймағындағы дәстүрлі жерлеу түрлері болып табылатын Орта Азиядағы ерте темір дәуіріне жатады. Мысалы, Шапшал ауданы Содунбулақ обасы [Шыңжаң мәдени мұра археологиялық институты 1999], Нылқы ауданы Жалғыз қайынты обасы [Шыңжаң мәдени мұра археологиялық институты 2011] және т. б. обалар Рахаттың оңтүстік шығысындағы М1 обасының құрылыс-құрылымына өте ұқсас келеді, сонымен қатар, бұл жерлерден табылған қыш ыдыстың түрлері де бірдей.

Зерттеушілердің пікірі бойынша, тас топырақпен жабылған Содунбулақ обасы, Нылқы ауданы Жалғыз қайынты және т. б. обалары б.д.д. V-III ғғ. жатады деп мерзімделеді [Ли Жо 2010: 38-40; Жаң Де Вей, 2015: 68-71]. Қазақстандық және қытай зерттеушілерінің жасаған зерттеу нәтижелеріне сүйене отырып, Рахат қала жұртының оңтүстік-шығысындағы М1 обасының құрылыс-құрылымындағы кейбір мәселелерді зерделей келе, ерте темір дәуіріне жататынын айтуға болады, яғни алдын-ала болжам бойынша сақтар мәдениетінің кейінгі кезеңімен мерзімдейміз.

Жалпы обаларға келсек, олардан табылған материалдардың (артефактілер) сипаттамасы көбінесе түрін анықтаумен және затты пайдалану жайында талдаумен шектеледі, алайда, материалды тереңірек зерттеу қазба жұмыстарының ақпараттылығын айтарлықтай жоғарылатады. Соның ішінде, обалардың құрылыс-құрылымына қатысты айтарлықтай толық ақпарат алу маңызды болып табылады.

Ескерту: аталмыш обадан табылған адам қаңқа сүйектерінің ішінде М1а жерлеу шұңқырындағы жас шамасы – бала деп белгілеп отырған қаңқаның М1b немесе М1с қаңқаларына генетикалық жақындығын анықтау үшін және т. б. заттары арнайы зертханаға жіберіледі, зерттеу жұмыстары ары қарай өз жалғасын табады.

ӘДЕБИЕТ

- Айтқұл Х.А., Мякишева О.А., Торезанова Н.Ж., Рахметова А., Айдарханова Е.Е. Қазақстан Республикасы Мемлекеттік Орталық музейінің 2017 ж. Ақтерек қорымында жүргізілген далалық қазба жұмыстарының нәтижелері // «Қазақстанның тарихи-мәдени мұрасы: зерттеу, түсіндіру және сақтау мәселелері» атты «Х Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары / Жауапты ред. Ф.Қ. Омаров. Алматы: Қазақ университеті, 2018. С. 137-142.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 322 с.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2016. 672 с.
- Бексеитов Г.Т., Тулегенов Т. Ж. Конструктивные особенности курганов сакской культуры Жетысу на материалах могильников Орикти I и Рахат III (итоги сезона 2019 г.) // Ұлыдала тарихы мен мәдениеті. Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. Алматы: «Шығыс пен Батыс», 2020. 58-63 бб.
- Жаң Де Вей. Іле алқабындағы мәдени зерттеулер [D]. Жың Жоу: Жың Жоу университеті докторлық диссертация, 2015. 103 б.
- Ли Жо. Шыңжаң Іле аумағындағы ерте темір дәуірідегі қорғандарға жасалған зерттеулер [D]. Шиань: ШиБей университеті докторлық диссертациясы, 2010. 71 б.
- Оңғарұлы А. Қазақстанның ежелгі тұрғындарының жерлеу орны. Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты. 252 б.
- Тулегенов Т.Ж. Археологические раскопки на могильнике Рахат // Международная археологическая конференция «2017 Asian Archaeology». Тэдзон, 2017. С. 143–150.
- Шыңжаң мәдени мұра археологиялық институты. Шыңжаң Шапшалауданы Содунбулақ ежелгі қорымдар [J]. Археология, 1999 (8). Қыш құмыра, М15:1, М14:2.
- Шыңжаң мәдени мұра археологиялық институты, Ши Бей археологиялық мәдени ескерткіштер және археологиялық зерттеу орталығы, Іле облыстық Қазақ автономиялық мәдени басқармасы. Шыңжаң Нылқы ауданы Жалғыз қайынты обасына жасалған қазба жұмыстарының есебі [J]. Археология және мәдени мұра, 2011 (5). Қыш құмыра, М28:1, М18:1.

С. К. Сакенов,
Н. Н. Ильдеряков,
С. А. Ярыгин

Сергазы Кайырбекович Сакенов, sergazi_82@mail.ru
Николай Николаевич Ильдеряков, chuvash_nik@mail.ru
Сергей Александрович Ярыгин, sergeyyarygin@mail.ru
Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Нур-Султан, Казахстан

Материалы исследования кургана № 3 могильника Рақ в Атырауской области*

Аннотация. В статье представлены результаты полевых археологических работ на кургане № 3 курганного могильника Рақ, расположенного в Кызылкогинском районе Атырауской области. Всего в 2021 г. на памятнике были проведены исследования на двух курганах (№ 2, 3). Большой курган № 2, как оказалось, в прошлом неоднократно подвергался ограблениям, а под малой насыпью кургана № 3 было исследовано 13 грунтовых ям, включающих останки 16 погребенных. Помимо краткого описания элементов погребального обряда и инвентаря, приводятся результаты планиграфических и стратиграфических наблюдений. Также произведена предварительная датировка памятника на основе типологизации могильных ям и сравнительно-исторического анализа сопроводительного инвентаря. Полученные материалы дополняют базу археологических данных по эпохе ранних сарматов на территории Прикаспийского региона.

Ключевые слова: археология, Прикаспийский регион, курганный могильник, эпоха ранних сарматов, погребальный обряд, семейный некрополь

Сергазы Қайырбеқұлы Сәкенов,
Николай Николаевич Ильдеряков,
Сергей Александрович Ярыгин,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан

Атырау облысындағы Рақ қорымының № 3 обасының зерттеу материалдары

Аннотация. Мақалада Атырау облысы, Қызылқоға ауданында орналасқан Рақ қорымының № 3 обасында жүргізілген далалық археологиялық жұмыстардың нәтижелері берілген. 2021 ж. ескерткіштегі барлығы екі обаға (№ 2, 3) зерттеу жүргізілді. № 2 үлкен оба бірнеше рет тонағаны анықталды, ал № 3 обаның кіші үйіндісінің астынан 16 жерленген адамның сүйегі бар 13 жерлеу шұңқыры зерттелді. Жерлеу ғұрпы мен жәдігерлерге сипаттама берілуімен қатар, планиграфиялық және стратиграфиялық бақылаулардың нәтижелері келтірілген. Сондай-ақ, жерлеу шұңқырының типологиясы мен ілеспе жәдігерлерге жасалған салыстырмалы-тарихи сараптама негізінде ескерткіштің болжамды мерзімделу уақыты анықталды. Алынған материалдар Каспий өңірі аумағындағы ерте сарматтар дәуірі бойынша археологиялық мәліметтер базасын толықтырады.

Түйін сөздер: археология, Каспий бойы өңірі, обалы қорым, ерте сармат дәуірі, жерлеу ғұрпы, отбасылық қорым

© 2022 Сакенов С.К., Ильдеряков Н.Н., Ярыгин С.А.

*Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2022–2023, ИРН проекта BR11765630.

Sergazy Sakenov,
Nikolay Ilderyakov,
Sergey Yarygin,

Margulan Institute of Archaeology, Nur-Sultan, Kazakhstan

Materials of the study of mound No. 3 of the burial ground Rak in the Atyrau region

Abstract. The article presents the results of field archaeological work on the mound No. 3 of the Rak burial mound, located in the Kyzylkoginsky district of Atyrau region. In total, in 2021, studies were carried out on two mounds at the monument (No. 2, 3). The Large mound No. 2, as it turned out, was repeatedly robbed in the past, and 13 ground pits were examined under the small mound of kurgan No. 3, including the remains of 16 buried. In addition to a brief description of the elements of the funeral rite and inventory, the results of planographic and stratigraphic observations are presented. The preliminary dating of the monument was also carried out on the basis of typologization of grave pits and comparative historical analysis of the accompanying inventory. The obtained materials complement the database of archaeological data on the era of the early Sarmatians in the Caspian region.

Keywords: archaeology, Caspian region, burial mound, early Sarmatian era, funeral rite, family necropolis

Могильника Рақ находится в 16 км к северу от села Карабау (Кызылкогинский р-н, Атырауская обл.). Курганный могильник состоит из 10 земляных насыпей различных размеров. Археологические исследования в 2021 г. были проведены на двух курганах (№ 2, 3). Богатый и интересный материал дали результаты раскопок кургана № 3 (рис. 1). Большой курган № 2, как оказалось, в прошлом неоднократно подвергался ограблениям, а под малой насыпью кургана № 3 было исследовано 13 грунтовых ям, включающих останки 16 погребенных (рис. 2).

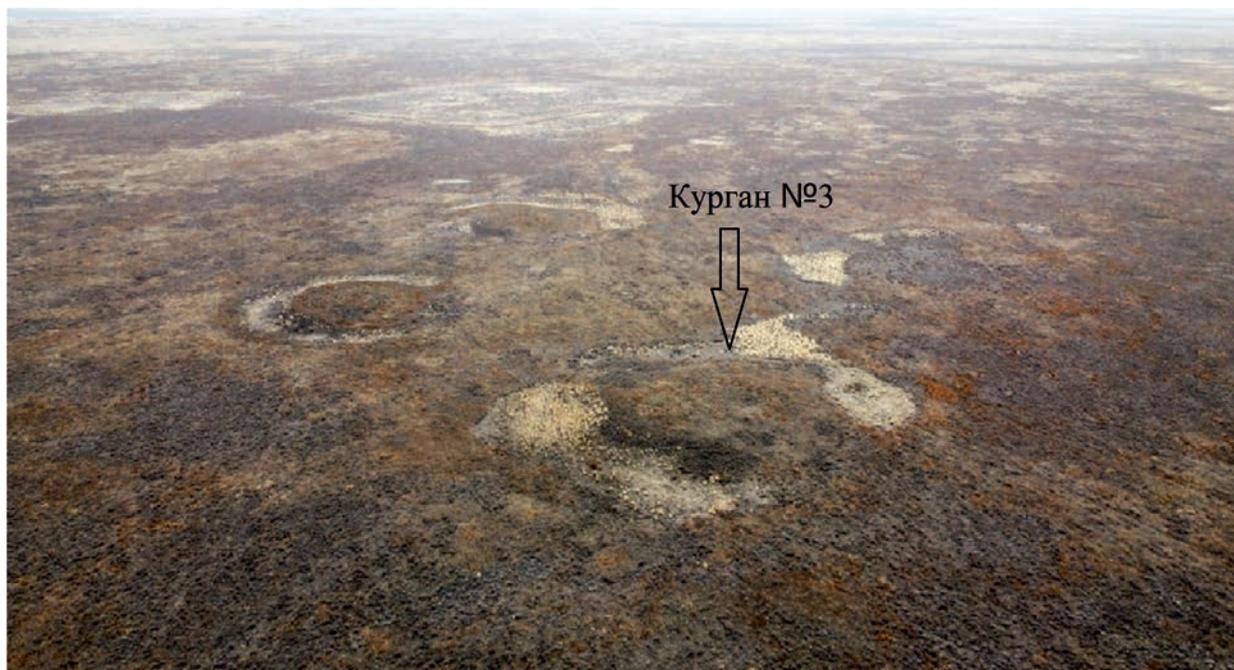

Рис. 1. Могильник Рақ. Курган № 3. Вид на восток

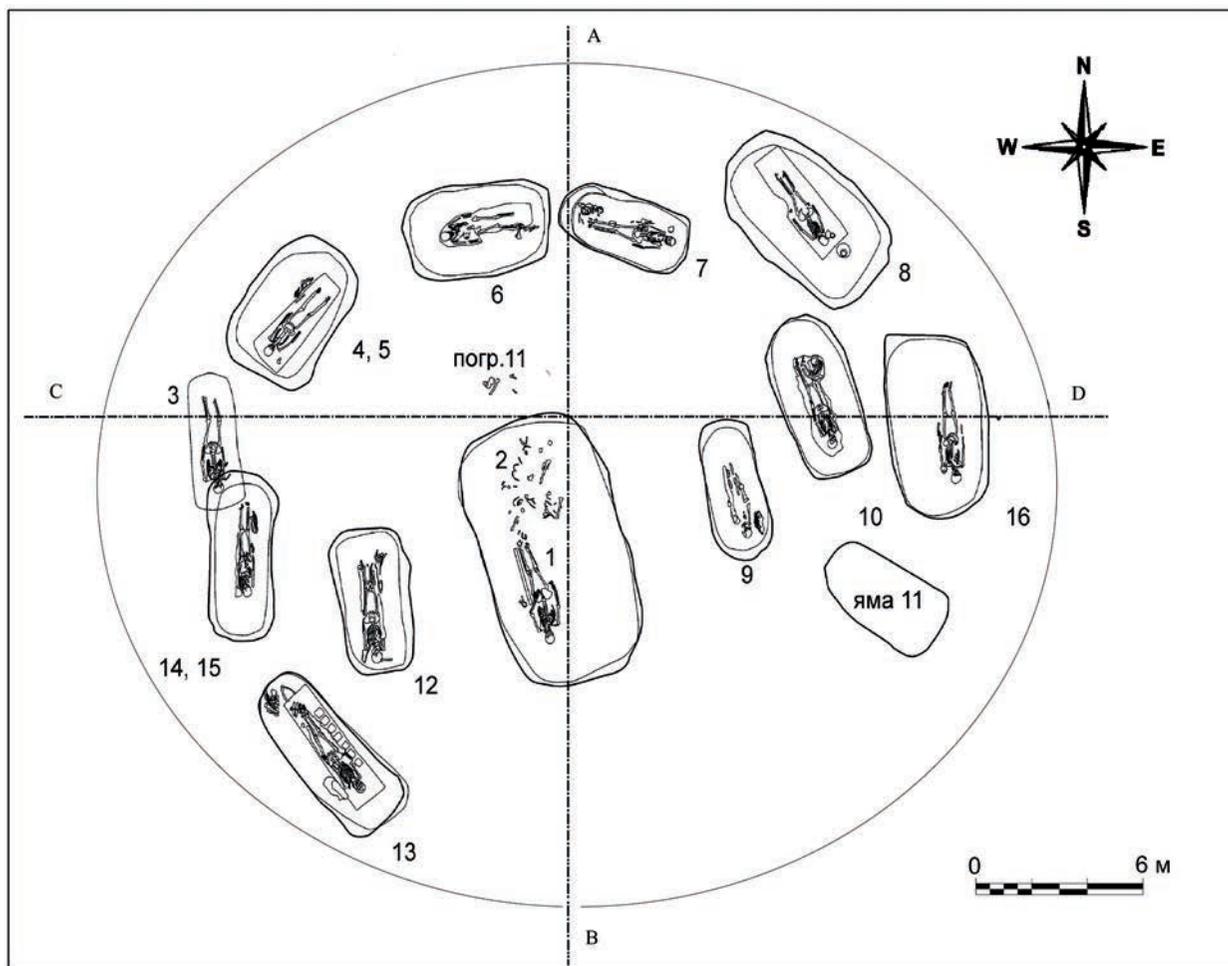

Рис. 2. Могильник Рақ. Курган № 3. План погребений

Описание и характеристика кургана № 3. Высота земляной насыпи кургана не превышает 1 м от уровня современной поверхности. Диаметр насыпи порядка 30 м. По внешнему периметру насыпи кургана прослеживается прерывистый кольцевой ров шириной до 6 м, глубиной до 0,3 м. На вершинах насыпи кургана зафиксированы небольшие углубления, являющиеся результатом ограбления, совершенного в древнюю пору. Прерывающиеся участки рва, образующие «проходы», имеют небольшое понижение относительно современной поверхности и в длину не превышают 3–4 м. Всего отмечено четыре прохода, ориентированных по сторонам света.

Приводя краткое описание погребений, можно сразу выделить ряд общих признаков погребального обряда, характерных для подавляющего большинства погребений и могильных ям, среди которых доминирует прямоугольная форма ямы с закругленными углами и положение погребенного на спине с вытянутыми конечностями. У всех погребенных отмечено приподнятое положение затылочной части черепа. Глубина погребений произведена от уровня погребенной поверхности.

Погребение № 1. Длина могильной ямы 4,6 м, ширина 2,65 м, глубина 1,75 м. Голова покойного находится в прямом положении. Кисть левой руки покоится на тазу. У погребенного отмечается отсутствие выраженных клыков и наличие у всех резцовых зубов выраженных жевательных пло-

скостей. Слева от усопшего обнаружены три астрагала, а в районе его лодыжек и на кистях найдены стеклянные бусы.

Погребение № 2. Представлено переотложенным скоплением костей погребенного, расположенным в северной части центральной могильной ямы. Вероятно, является ограбленным погребением, прежде находившимся в восточной части центральной могильной ямы.

Погребение № 3. Представлено впускным погребением, расположенным в западной части кургана. Могильная яма погребения частично разрушает северо-западные углы совпадающих контуров погребений № 14 и 15. Длина могильной ямы равна 2,45 м, ширина 0,9 м, глубина 0,4 м.

Левая сторона тела покойного несколько приподнята, что сказалось на положении вытянутых, но слегка согнутых в коленях ног, обращенных на восток. Ступни ног отсутствуют. Кости рук без кистей вытянуты вдоль тела. Голова повернута вправо и обращена лицом на восток. На правой лопатке в процессе расчистки зафиксирован железный стержень длиной 11 см при диаметре 0,3 см.

Погребение № 4 является впускным в погребение № 5. Голова усопшего немного повернута вправо. Слева от коленного сустава левой ноги выявлен фрагмент плохо сохранившегося бронзового изделия в виде тонкой пластины размерами 4,5×3×0,2 см.

Погребение № 5. Длина могильной ямы составляет 2,55 м, ширина 1,75 м, глубина 2,05 м. На глубине 1,9 м удалось выявить верхний контур деревянной конструкции с бортами и крышкой, в которую был уложен покойный; голова его находилась в прямом положении.

В 15 см справа от головы умершего находилось каменное круглое пряслице, диаметром 3,8 см, толщиной 2 см, в сечении полусферической формы. В центре имеется сквозное отверстие диаметром 1,2 см. Тыльная сторона пряслица отполирована (рис. 3, 2). Чуть выше этого изделия зафиксирована плоская галька – каменная пластина прямоугольной формы, размерами 2,8×5,5×1,5 см. Поверхность каменной пластины отполирована. Бронзовая ручка длиной 6 см в сечении была круглой формы и плотно прикреплена к пластине (рис. 3, 1). В 0,2 м левее левой берцовой кости усопшего находилась заупокойная пища, представленная костями МРС.

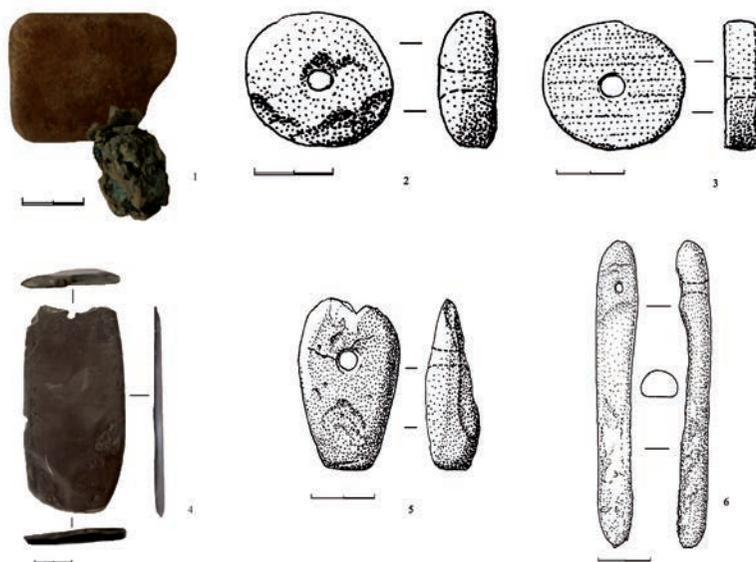

Рис. 3. Могильник Рақ. Курган № 3. Находки:
1 – каменная пластина (п. 5); 2 – пряслице (п. 5); 3 – пряслице (п. 16);
4 – точильный камень (п. 14); 5 – каменный оселок (п. 16);
6 – каменный оселок (п. 10)

Погребение № 6. Длина могильной ямы 2,65 м, ширина 1,5 м, глубина 2,0 м. На глубине 1,8 м удалось выявить верхний контур деревянной конструкции с бортами и крышкой, в которую был уложен погребенный. Голова его уложена прямо, нижняя челюсть сдвинута вправо. На правых ребрах располагался керамический сосуд маленького размера, по форме напоминающий современную пиалу. Пиала высотой 4 см, диаметром 7 см. Имеет хорошо выделенный поддон высотой 0,5 см, диаметром 3,6 см. По периметру дна поверхность орнаментирована насечками (рис. 5, 2). Справа от правой ступни на-

ходила заупокойная пища, представленная костями МРС.

Погребение № 7. Длина могильной ямы составила 2,35 м, ширина 1,0 м, глубина 2,0 м. В западной стене на глубине 1,25 м от уровня погребенной поверхности закреплена ступенька, устроенная древесным тленом. В плане ступенька повторяет контур могильной ямы, образуя полумесяц максимальной шириной в центральной части до 17 см.

Голова умершего расположена прямо, нижняя челюсть слегка опущена. В 10 см правее черепа находился малый керамический сосуд-курильница чашеобразной формы. Венчик курильницы слеплен в виде бордюра, изогнут во внутреннюю сторону, дно выделено кольцевым поддоном. Поверхность без орнамента.

Высота курильницы 2,4 см, диаметр по внешней стенке венчика составляет 10 см, толщина стенки 0,7 см. В районе кистей рук и шейных позвонков выявлены разрозненные стеклянные бусы. На правой локтевой кости расчищены останки жертвенного крупного копытного, среди которых были ребра и лопатка. На запястье покойного имелись разрозненные стеклянные бусы. С внешней стороны от правого колена выявлен сильно коррозированный железный предмет длиной 13 см, шириной 4 см. С внешней стороны правой стопы расчищены развалы трех керамических сосудов (рис. 5, 3, 4).

Погребение № 8. Длина могильной ямы составила 3,2 м, ширина 1,95 м, глубина 2,35 м. Левая половина тела усопшего была слегка приподнята, голова расположена прямо. Погребенный был помещен на деревянный настил в плане прямоугольной формы, размером 1,75×0,7 м. На шее и на кистях были выявлены мелкие гагатовые бусы цилиндрической формы диаметром 3–4 мм и шириной в пределах 1–3 мм. Справа от черепа выявлены фрагменты окисленного бронзового зеркала с широкой закраиной по краю диска. Диаметр диска 11 см, ширина закраины 1,5 см. На поверхности зеркала сохранились остатки кожаного футляра. Сразу над бронзовым сосудом находилась керамическая курильница полусферической формы, с прямыми стенками и округлым дном. Поддон слабо выделен. Высота курильницы 3,8 см, диаметр по венчику 8,3 см, толщина стенки 0,7 см (рис. 5, 1). В 20 см выше черепа умершего, за пределами деревянного настила, установлен керамический

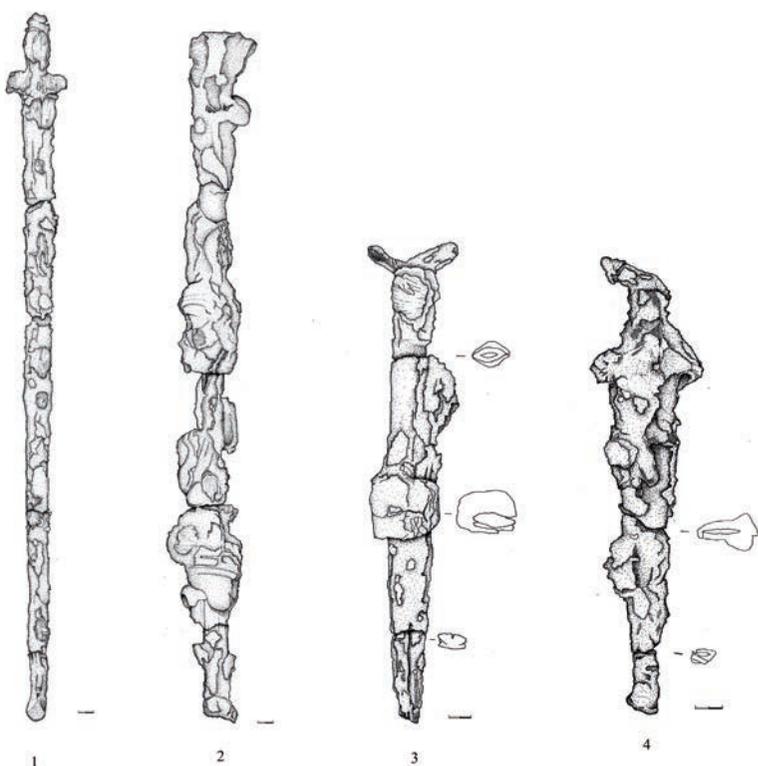

Рис. 4. Могильник Рақ. Курган № 3. Предметы вооружения:
1 – длинный меч с брусковидным перекрестием (п. 10);
2 – длинный меч (п. 13); 3 – короткий меч с рожковидным навершием (п. 9); 4 – короткий меч с рожковидным навершием и перекрестием (п. 12)

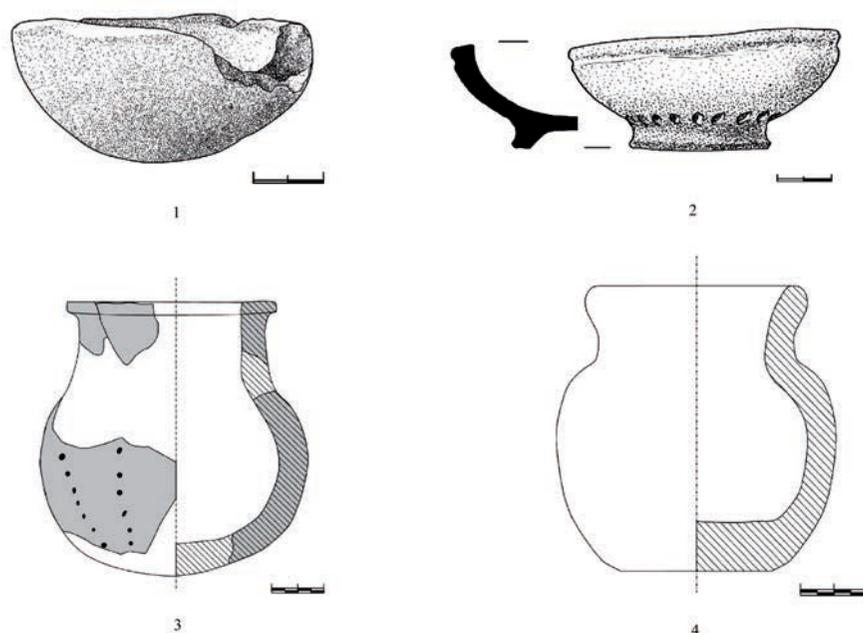

Рис. 5. Могильник Рақ. Курган № 3. Керамика:
1 – чаша-курильница с круглым дном (п. 8);
2 – чаша-курильница с поддоном (п. 6);
3-4 – керамические сосуды (п. 7)

орнаментированный сосуд в форме вазы. На поверхности зона горлышка и плечика сосуда отделена каннелюрой шириной 2 см. Елочный орнамент по всему периметру спускается до тулова. Высота сосуда 21,5 см, высота шейки 5 см, диаметр тулова 20 см, диаметр по венчику 9 см.

Погребение № 9.

Длина могильной ямы 2,2 м, ширина 1,05 м, глубина 1,4 м. Сохранность костяка самая плохая среди всех исследованных погребений. Определены фрагменты черепа, ребер, костей ног без ступней и правой руки без кисти,

расположенные в анатомическом порядке. Голова повернута вправо. В 8 см правее черепа находились кости жертвенного крупного копытного животного, среди которых определены ребра и лопатка. С левой стороны тела погребенного (от плеча левой руки и до левой ноги) располагался колчан. В районе берцовой ноги расчищены остатки окисленных бронзовых наконечников стрел. Справа от погребенного (от поясничного отдела и вдоль костей ноги) расчищены остатки окисленного железного меча. Общая длина железного короткого меча составляет 44 см (рис. 4, 3). Акинак без перекрестья с прямым лезвием находился в деревянных ножнах.

Погребение № 10. Длина могильной ямы 2,8 м, ширина 1,3 м, глубина 1,85 м. На глубине 0,7 м от уровня погребенной поверхности в северной половине расчищен череп лошади, повернутый вправо. Справа от усопшего, частично перекрывая берцовую кость, выявлено скопление костей крупного копытного жертвенного животного, представленное ребрами и лопаткой. В процессе разбора скопления найден окисленный фрагмент железа размерами 4×3×2 см. Справа от погребенного вдоль тела лежал сильно окисленный железный меч в деревянных ножнах. Общая длина железного меча 78 см. Максимальная ширина ножен 4 см, минимальная 2 см (рис. 4, 1). В правой части тазобедренной кости найден каменный оселок с отверстием для подвеса (рис. 3, 6).

Погребение № 11 – впускное, сооружено в центральной части подкурганного пространства над центральной могильной ямой, но практически полностью было разрушено грабительским лазом. Судя по сохранившимся фрагментам берцовых костей умершего, он был ориентирован головой на юг.

Погребение № 12. Длина могильной ямы 2,35 м, ширина до 1,2 м, глубина 2,3 м от уровня погребенной поверхности. Голова слегка повернута вправо. Справа вдоль тела, начиная с локтевого

сустава и до середины берцовой кости, находился железный меч общей длиной 47 см (рис. 4, 4). Слева от погребенного вдоль тела, начиная от кисти руки и до ступни ног, расположены остатки колчана длиной 70 см, шириной до 7 см. Судя по тонкой прослойке окиси, корпус колчана был железный с бронзовыми подвесными петельками, одна из которых выявлена у берцовой кости покойного. В нижней части колчана у ступней ног зафиксированы сильно коррозированные бронзовые наконечники стрел.

Погребение № 13. Длина могильной ямы 3,15 м, ширина 1,35 м, глубина 2,05 м. Относительно могильной ямы погребенный уложен несколько по диагонали и ориентирован по линии С–Ю. Голова чуть повернута вправо. Нижняя челюсть также смещена вправо относительно черепа. На лицевых костях черепа в процессе расчистки зафиксирована тонкая прослойка чистой мелкой отмученной глины (маска?).

Большая концентрация железного окисла зафиксирована в 5 см от левого плеча погребенного. В плане форма окисла овальная, длиной 70 см, шириной до 25 см, толщиной 11 см, при этом верхняя половина окисла представлена мелкими фрагментами металла, тогда как нижняя – окрашенным окисью суглинком с тончайшими полосками непосредственно окисленного железа. Справа от усопшего вдоль ноги находился сильно коррозированный железный обоюдоострый меч с брусковидным перекрестьем и в деревянных ножнах (рис. 4, 2). Судя по структуре дерева, ножны сделаны из бересты. Также на поверхности в двух местах сохранились коррозированные следы железных колечек, предназначенных для крепления ножен на ремне. Поверх дерева зафиксированы сохранившиеся куски ткани. Слева от погребенного вдоль ноги найдены и расчищены остатки колчана длиной 53 см, шириной до 7 см. В 8 см к северо-западу от нижней оконечности колчана зафиксированы остатки спаянных в процессе окисления металла бронзовых наконечников стрел. На правой плечевой кости, ближе к локтю, зафиксирована крупная концентрация железного окисла, являющаяся, вероятно, остатками браслета. В ногах погребенного лежали позвонки с ребрами крупного копытного животного. Основное же скопление костей данного копытного находилось в северо-западном углу могильной ямы.

Погребенный вместе с мечом, колчаном и позвонками крупного копытного лежал на деревянном сложном настиле из уложенных на расстоянии 25–30 см вдоль и поперек досок шириной порядка 10–20 см. В плане настил прямоугольной формы размерами 2,0×0,6 м, на него укладывают усопшего. При разборе костей погребенного в районе правой тазобедренной кости найден сильно коррозированный железный предмет (поясная бляшка?). Фрагменты железа выявлены также и в районе стоп (обувные пряжки?).

Погребение № 14 – впускное в погребение № 15, совершенное на глубине 1,3 м. Голова расположена прямо. Справа, у челюсти, находится темно-коричневый оселок из твердой каменной породы. Он прямоугольной формы с заovalенными углами, размерами 14×5,5×1,2 см (рис. 3, 4). Справа от оселка обнаружен сильно окисленный фрагмент бронзы размерами 2,5×2×0,6 см.

Погребение № 15. Длина могильной ямы составила 2,75 м, ширина 1,15 м, глубина 1,9 м. Голова покойного слегка повернута вправо, плечи неестественно подняты. Справа от него вдоль берцовой кости уложены ребра крупного копытного; слева вдоль тела размещен колчан длиной 107 см, шириной до 9 см. В нижней части колчана, лежавшего на коленном суставе погребенного, зафиксирован бронзовый наконечник стрелы.

Погребение № 16. Параметры и форма могильной ямы отличаются от других исследованных погребений семейного некрополя нечеткой формой и большими размерами. Длина зафиксированных разрушенных стен могильной ямы составила 3,05 м, ширина 1,85 м, глубина 1,9 м. Голова погребенного повернута вправо. На левом плече – костяное изделие подтреугольной формы раз-

мерами 5×3,5×2 см, с отверстием в центральной части и «V»-образным скошенным рабочим краем. В процессе разбора костей левой кисти найден фрагмент каменного оселка миндалевидной формы, длиной 5,5 см, толщиной 1,4 см. Оселок имеет сквозное отверстие диаметром 0,06 см, предназначенное для подвешивания. Поверхность гладкая (рис. 3, 5). В районе поясного отдела найден каменный абразив размерами 6×2×1,5 см. В районе левой половины тазобедренной кости обнаружено пряслице круглой формы, диаметром 5,5 см, толщиной 1,5 см. В центре имеется сквозное отверстие диаметром 1,2 см. Поверхность пряслица отполирована (рис. 3, 3). По всему внешнему периметру костных останков погребенного прослеживалась тонкая прослойка органического тлена (подстилки?).

Планиграфические наблюдения позволили выявить закономерность обустройства погребений в подкурганном пространстве и условно разделить их на две основные группы.

К первой группе, помимо центрального захоронения, можно отнести шесть могильных ям, включающих семь погребений. Основная группа из пяти могильных ям расположена по бокам от центрального захоронения и образует в плане два симметричных «крыла». Данные погребения отличаются поворотом лицевой части черепа умершего человека вправо и сопроводительным инвентарем, включающим длинные и короткие мечи, колчаные наборы стрел, а также каменные оселки. Ориентировка большинства погребенных соответствует центральному захоронению.

Во вторую группу следует включить четыре могильные ямы, включающие пять погребений, расположенных дугой в северной части подкурганного пространства и образующих в комплексе с крайними боковыми ямами первой группы полукруг. Из отличительных черт второй группы погребений можно назвать прямое положение лицевой части черепа и сопроводительный инвентарь из гагатовых и стеклянных бус, керамических сосудов, включая курильницы. Ориентировка погребенных различная – от юго-запада до юго-востока в зависимости от положения могильной ямы в общей структуре образованного полукруга. Другие впускные погребения были сооружены позднее в пределах существующих могильных ям.

Стратиграфические наблюдения позволили определить основные этапы сооружения погребений в рамках исследуемого объекта. К первому этапу захоронений, помимо центрального, можно отнести четыре могильные ямы первой группы с нижними одноуровневыми погребениями, расположенными симметрично по оба «крыла». К данному этапу относятся и нижние одноуровневые погребения западной половины полукруга второй группы могильных ям. Ко второму этапу захоронений относятся крайние погребения первой группы могильных ям и восточная половина полукруга второй группы могильных ям. К третьему этапу относятся разноуровневые, преимущественно безынвентарные впускные погребения, часто довольно точно повторяющие контуры стен могильных ям ранних захоронений.

В расположении погребенных выявлена определенная закономерность, которая вероятно связана с гендерной характеристикой отдельных индивидуумов. Мужские погребения (№ 9, 10, 12, 13, 15, 16) находятся слева и справа от центрального, имеют четко выраженный поворот головы в правую сторону. Женские погребения (№ 5, 6, 7, 8) расположены к северу от центрального. При их погребении не соблюдена наиболее распространенная ориентировка погребенных. Также у них отсутствует, выраженный у мужских погребений, поворот головы вправо.

По результатам проведенных археологических исследований кургана № 3 курганного могильника Рақ можно констатировать, что исследуемый объект является семейным некрополем.

Планиграфия погребений под насыпью, погребальный обряд, сопроводительный инвентарь позволяют отнести курган к прохоровской культуре. Аналогии концентрическому положению могильных ям под насыпью встречаются в могильниках Увак и Мечетсай в бассейне р. Илек, исследо-

ванных в середине прошлого века К.Ф. Смирновым [Смирнов 1975: 156–175]. При этом в кургане № 3 могильника Рақ отсутствовали камерные погребения, которые преобладают в илекских памятниках ранних сарматов.

Могильные ямы. Формы и размеры могильных ям могильника Рақ (табл. 1) можно сопоставить с типами могил, получившими распространение в Поволжье и Приуралье в IV–II вв. до н.э. [Мошкова 1963: 20–21].

Первый тип – это широкие грунтовые ямы со слегка закругленными углами, с отвесными или немного скошенными стенками. В длину от 2 до 3,6 м, в ширину от 1,2 до 3,1 м, максимальная глубина до 4 м. Процентное соотношение данной формы могил к другим типам уменьшается от начала развития прохоровской культуры к ее концу [Мошкова 1963: 20; табл. 2, 1, 9].

Второй тип – это узкая грунтовая яма с прямыми или округлыми углами, шириной не более 1 м, длина различна, максимальная глубина до 4 м. Данная форма начинает встречаться в IV–III вв. до н.э. и становится одной из наиболее характерных для погребений III–II вв. до н.э. [Мошкова 1963: 20; табл. 2, 10; 3, 9].

К отдельному типу М.Г. Мошковой отнесены погребения в насыпи на разной глубине. Они составляют большой процент среди остальных захоронений, известных на ранних этапах формирования культуры, и возрастают в III–II вв. до н.э. [Мошкова 1963: 21].

Таблица 1 - Размеры могильных ям кургана № 3 могильника Рақ

Могильная яма, №	Длина, м	Ширина, м	Глубина, м
1 тип (широкие)			
1	4,6	2,65	1,75
5	2,55	1,75	2,05
6	2,65	1,5	2,0
8	3,2	1,95	2,35
10	2,8	1,3	1,85
11	2,35	1,2	2,3
12	2,35	1,2	2,3
13	3,15	1,35	2,05
16	3,05	1,85	1,9
2 тип (узкие)			
3	2,45	0,9	0,4
7	2,35	1,0	2,0
Промежуточные формы (между 1 и 2 типом)			
9	2,2	1,05	1,4
14	2,8	1,15	1,3
15	2,75	1,15	1,9
Впускные			
4	2,55	1,75	0,6

Таким образом, девять могильных ям относятся к первому типу, два – ко второму типу, три имеют промежуточные размеры, и одну можно отнести к категории впускных в насыпь. Такое соотношение позволяет отнести основную часть погребений к IV–III вв. до н.э. На рубеже IV–III вв. до н.э. у сарматов появляются деревянные гробы двух типов: долбленные колоды и дощатые гробы [Мошкова 1963: 22]. Последние зафиксированы в могильных ямах № 5, 6, 8, 13.

Керамика. Всего в кургане обнаружено семь керамических сосудов. Три чашки-курильницы, два грушевидных сосуда, один яйцевидный сосуд и один биконический сосуд. По одной курильнице зафиксировано в погребениях № 6, 7, 8. Первые две из погребений № 6 и 7 относятся к типу I; по М.Г. Мошковой, это маленькие рюмкообразные сосуды на полой внутри ножке. Все они толстостенные с широким, ровно срезанным или слегка скошенным наружу краем. Форма обнаруженных курильниц позволяет отнести их к IV в. до н.э. [Мошкова 1963: 29–30; табл. 11, 1]. Похожих форм чашевидные сосудики на рюмкообразных поддонах зафиксированы в погребении № 17 кургана № 1 могильника Облавка и в погребении № 2 кургана № 2 могильника Кушум 1 [Краева 2017: 260; рис. 395].

Обнаруженная в погребении № 8 круглодонная чашечка-курильница относится к типу II. Подобные чашечки появляются в IV в. до н.э. и используются вплоть до конца существования прохоровской культуры [Мошкова 1963: 29–30; табл. 11, 9, 11]. В данном погребении также находилось лепное плоскодонное изделие, относящееся к отделу IV биконических сосудов. Судя по форме, может быть датировано III–II вв. до н.э. [Мошкова 1963: табл. 6, 36, 37]. Сосуд имеет некоторое сходство с предметом, обнаруженным в погребении № 3 кургана № 5 могильника Уркач I. Могильник датирован концом VI–V в. до н.э., однако при его исследовании были зафиксированы случаи захоронения с южной ориентировкой костяков [Краева 2017: 162, рис. 241; Китов, Мамедов 2014: 17]. Орнамент верхней части, в месте стыка горла и тулова, близок к оформлению данной части у лепного сосуда из погребения № 5 кургана «б» могильника Прохоровка [Яблонский 2010: 228; ил. 1539].

Два сосуда из погребения № 7 имеют грушевидную форму (отдел I, по М.Г. Мошковой). У одного из них плоское дно, второй круглодонный [Мошкова 1963: 24; табл. 9, 7]. Круглодонный лепной сосуд из погребения № 7 по форме входит во II отдел яйцевидных сосудов и датируется III–II вв. до н.э. [Мошкова 1963: 25; табл. 10, 17].

Пряслица. В погребениях № 5 и 16 обнаружены каменные пряслица круглой формы со сквозным отверстием. Они имеют достаточно стандартные для раннесарматских экземпляров форму и размеры. Похожие поделки известны по материалам исследования могильника Мечетсай [Смирнов 1975: 96, 103, 133; рис. 31, 8; 35, 6; 51, 5].

Оселки и точильные камни. Каменные оселки из погребений № 10, 14 и 16 разных форм и размеров. Среди них оселок из погребения № 10 имеет стандартную сигаровидную форму. Подобный точильный камень найден в катакомбе № 5 кургана № 2 могильника Мечетсай [Смирнов 1975: 39; 89, рис. 28, 6; 2; табл. 23, 3, 8, 15–17, 19].

Наконечники стрел. Коллекция включала стандартные для раннесарматской культуры трехлопастные втульчатые наконечники стрел с длинной и скрытой втулкой. Отдельно можно отметить два типа наконечников. Четыре экземпляра – это трехгранные наконечники, относящиеся (по М.Г. Мошковой) ко 2 типу II отдела. Это изящные, довольно мелкие наконечники с небольшой пирамидальной или треугольной головкой и ровно срезанной базой. Черешки наконечников небольшие и сравнительно тонкие. Они появляются на рубеже IV–III в. до н.э. и существуют вплоть до II в. до н.э. Пять наконечников трехгранные, но со скрытой втулкой. Разнообразие типов позволяет датировать коллекцию концом IV–III в. до н.э. [Мошкова 1963: 31–32, табл. 15, 11–17; 16, 68, 76].

Мечи и кинжалы. В кургане были обнаружены четыре железных клинка, два кинжала (погребения № 9 и 12) и два меча (погребения № 10 и 13). Первые три клинка находят аналогии в материалах раннесарматской культуры Приуралья и Поволжья. Меч из погребения № 13 плохой сохранности, что затрудняет его интерпретацию и датировку.

Кинжал из погребения № 9 имеет рожковидное навершие, перекрестье не сохранилось. Подобной формы кинжал обнаружен в погребении № 9 кургана «б» могильника Прохоровка. Могильник датируется в пределах IV – первой половины II в. до н.э., однако большинство захоронений в нем относится к концу IV – III в. до н.э. [Яблонский 2010: 230; Прил. I. 1552]. Кинжалы данного типа появляются в Приуралье в IV в. до н.э. Отнесены М.Г. Мошковой ко 2 типу V отдела, самой многочисленной группе, получившей широкое распространение в IV–III вв. до н.э. [Мошкова 1963: 33–34; табл. 18, 26].

К 1 типу IV отдела относится короткий меч со сломанным под углом перекрестьем и рожковидным навершием из погребения № 12 [Мошкова 1963: 33–34; табл. 18, 5-6, 9-10, 15]. Кинжал близких размеров и с идентичным перекрестьем (отличается только прямым навершием) [Яблонский 2010: 209; Прил. I. 267].

Длинный меч из погребения № 10 могильника Рақ с прямым брусковидным перекрестьем, навершие не сохранилось. Вероятно, меч можно сопоставить с находкой из погребения № 2 кургана № 23 могильника Покровка 7. Погребение датируется III–II вв. до н.э. [Фризен, Яблонский 2017: 114, рис. 2, 1].

Имеющиеся материалы исследования кургана № 3 могильника Рақ позволяют предварительно датировать его в рамках IV–III вв. до н.э. Памятник принадлежал большой семейной группе ранних сарматов, вероятно, прибывших в регион из бассейна рек Илек или Большая Хобда. Новые данные заполняют пробелы в наших знаниях и расширяют географические рамки исследования прохоровской культуры Северного Прикаспия. Дальнейшие археологические работы на могильнике позволят уточнить его хронологическое датирование и выявить связи с другими раннесарматскими группировками¹.

¹ Антропологический материал из кургана находится в обработке и готовится к изданию.

ЛИТЕРАТУРА

- Китов Е.П., Мамедов А.М. Ерте темір дәуіріндегі Батыс Қазақстанның көшпелі тұрғындары. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: изд. гр. ФИА, 2014. 352 с.
- Краева Л.А. Гончарство сарматских племен Западного Казахстана. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. 352 с.
- Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1-10. М.: АН СССР, 1963. 56 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.
- Фризен О.И., Яблонский Л.Т. Клинковое оружие ранних кочевников Южного Приуралья: культурно-хронологический аспект // Історія зброї та військової справи. Частина 1. Епоха ранньої залізної доби / Альманах «История оружия и военных дел». Ч. 1. Эпоха раннего железа. Запорожье, 2017. С. 101-114.
- Яблонский Л.Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М.: Таус, 2010. 216 с.

**М. Гурсой,
Б. Сиздиков,
А. Сералиев**

Музаффер Гурсой,
gursoy.muzaffer@ayu.edu.kz

Бағдаулет Сиздиков,
Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті,
Түркістан қ, Қазақстан;

Али Сералиев,
Отырар мемлекеттік археологиялық қорық-музейі РМҚК,
Шәуілдір, Қазақстан, ali.seraliiev@mail.ru

Аяқтары айқасқан жерлеу туралы (Мыңтөбе қорымы материалдары негізінде)*

Аннотация. Мақалада Мыңтөбе қорымы 3-обадағы аяқтары айқасқан жерлеу туралы айтылады. Оңтүстік Қазақстан аймағы мен Сырдария бойындағы мұндай жерлеулерді ғалымдардың бірқатары сармат компонентінің белгісі ретінде қарастырса, кейбірі ғұндардың батысқа жылжуынан кейін пайда болды деген жорамал жасайды. Батыс Қазақстан аймағындағы сармат тайпалары да қайтыс болғандардың кейбірін аталмыш қалыпта жерлеген. Аяқтары айқасқан жерлеулер шығыста Қырғызстан, оңтүстікте Қазақстан, Өзбекстан және батыста Дон өзеніне дейінгі аралықта кездеседі. Ежелгі тұрғындар өздерінің дүниетанымы мен діни түсініктері негізінде (аруақтар қабірден шығып зиянын тигізбесін деген мақсатта) қайтыс болған адамдардың аяғын айқастырған болса керек.

Түйін сөздер: Келес, Сарыағаш, жерлеу дәстүрі, қорым, оба, катакомба

**Музаффер Гурсой,
Бағдаулет Сиздиков,**

Международный Казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави,
Түркістан, Қазақстан

Али Сералиев,

РГКП Отрарский государственный археологический музей-заповедник,
Шаульдер, Қазақстан

О захоронении со скрещенными ногами (по материалам могильника Мынтобе)

Аннотация. В статье идет речь о костяке со скрещенными ногами из кургана 3 могильника Мынтобе. По мнению некоторых исследователей, подобные захоронения на территории Южного Казахстана и Сырдарьи являются признаком сарматского компонента, другие предполагают, что они возникли после перемещения гуннов на Запад. Захоронение со скрещенными ногами встречается в погребальной обрядности сарматов в западной части Казахстана. Костяки со скрещенными нижними конечностями встречаются на востоке - в Киргизии, на юге - в Казахстане, Узбекистане и на западе до реки Дон. Скрещивание ног усопшего, по видимому, - это отражение мировоззрения и религиозных представлений древних насельников (чтобы умершие не выбрались из могилы и причинили вреда живым).

Ключевые слова: Келес, Сарыағаш, погребальная традиция, могильник, курган, катакомба

© 2022 Гурсой М., Сиздиков Б., Сералиев А.

*Мақала Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі тарапынан қаржыландырылған, жеке тіркеу номері АР13068455, 2022–2024 жж. арналған ғылыми жоба негізінде дайындалды.

Muzaffer Gursoy,
Bagdaulet Sizdikov,

Khoja Ahmed Yasawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Kazakhstan

Ali Seraliev,

Otrar State Archaeological Reserve-Museum, Shaulder, Kazakhstan

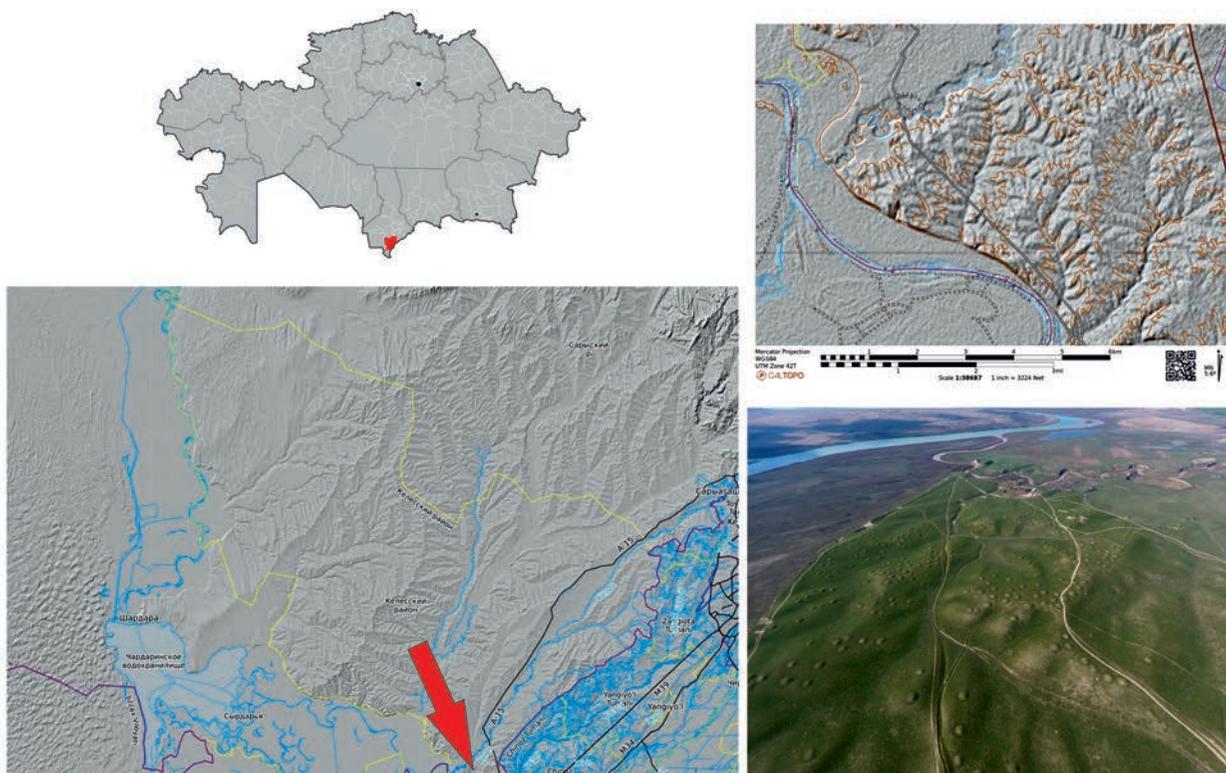
**About the burial with crossed legs
(based on the materials of the Myntobe burial ground)**

Abstract. The article describes a skeleton buried in the grave No. 3 of the myntobe necropolis. Such burials in the South Kazakhstan region and the Syr Darya region are considered by some scholars as a sign of the Sarmatian component, while others suggest that they appeared after the movement of the Huns to the West. Sarmatian tribes of the West Kazakhstan region also buried some of the dead in this form. Skeletons with crossed legs are found in the east of Kyrgyzstan, in the south of Kazakhstan, Uzbekistan and in the west up to the Don River. In the past, people probably crossed the legs of some people who died on the basis of their worldview and religious beliefs (in order to prevent ghosts from coming out of the grave and causing harm).

Keywords: Keles, Saryagash, burial tradition, burial ground, kurgan, catacombs

Кіріспе

Мақалада қарастырылғалы отырған жерлеу Келес өзенінің төменгі ағысындағы Мыңтөбе қорымынан табылды. Бұл қорым Келес ауданына қарасты Ғани Мұратбаев ауылынан оңтүстікке қарай 2 км жерде орналасқан (1-сур.). Қорымның солтүстігі мен шығысын қыратты алқап алып жатыр. Оңтүстігі тереңдігі 20 м-ге жететін тік жарқабақ. Жарқабақ Сырдария өзенінен 1 км

1-сур. Мыңтөбе қорымының географиялық орны

қашықтықта. Батыс жағы түйіскен Келес өзенінің оң жағалауында Мыңтөбе қорымына қарама-қарсы бетте Күлтөбе қалашығы орналасқан. Мыңтөбе қорымындағы обалар шығыстан батысқа қарай 2 км, солтүстіктен оңтүстікке қарай 1,5 км жерді жүйесіз түрде алып жатыр. Дегенмен кейбір жал беттеріндегі обалардың өзара тізбектелгендігі байқалады. Обалардың диаметрі 6–33 м, биіктіктері 0,65–4,30 м. Бұлардың басым көпшігі шеңбер пішінді. Араларында бір жағы созылыңқы тамшы тәрізді және айналасында оры барлары да кездеседі (2-сур.). Ғалымдардың пікірінше аталмыш қорым қаңлы кезеңіне тиесілі.

2-сур. Мыңтөбе қорымының әуеден көрінісі

Материалдар мен әдістер

Аяғы айқасқан қаңқа біздің шартты түрде № 3-ші деп белгілеген обадан алынды. Бұл алғаш рет осы мақала барысында қарастырылғалы отырғандықтан келтірілген деректер тың болып табылады. Бұл жағдай мақаланың маңыздылығын көрсетеді.

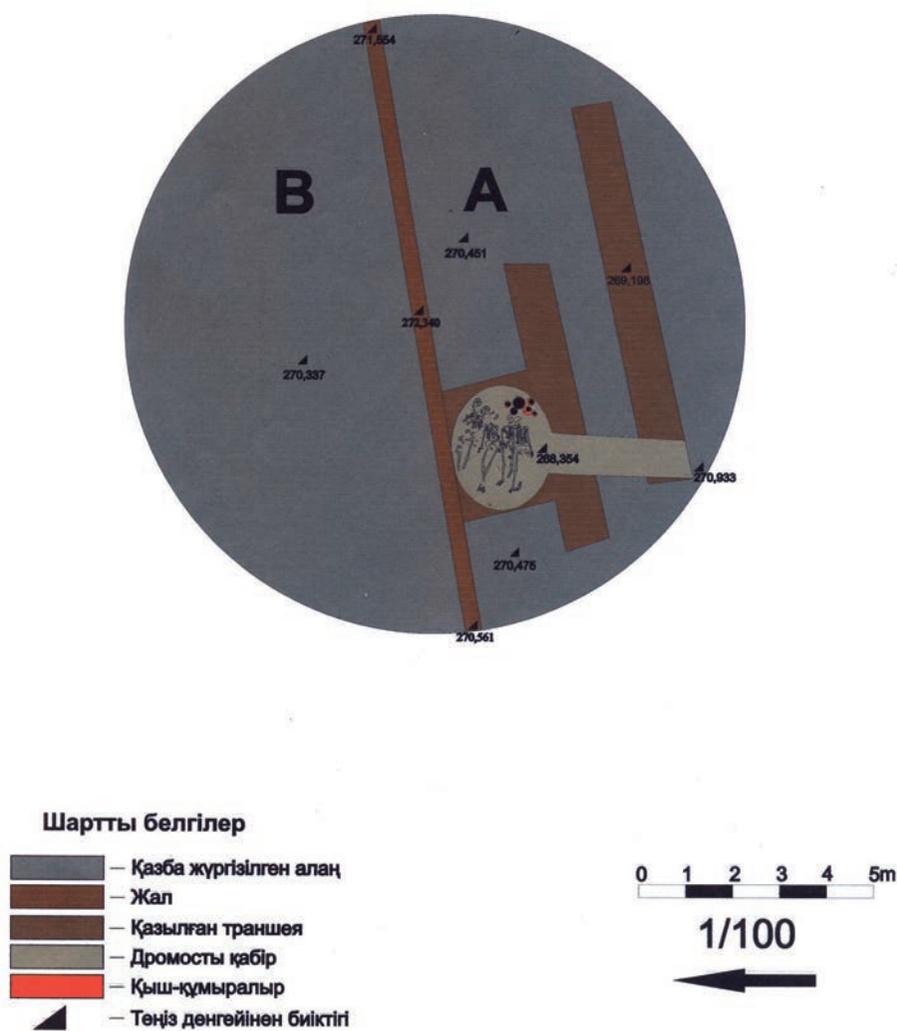
Мақалада аяғы айқасқан қаңқа жайында сөз өрбіту, № 3 обаның құрылымдық ерекшелігі жөнінде ақпарат беру, ұқсас жерлеулермен салыстыра отырып бұрынғы діни сенім жүйесіндегі орнын болжамды түрде талқылау мақсат етілді.

Белгіленген мақсатқа сәйкес археологиялық зерттеу жұмыстары барысында алынған жаңа деректерді жүйелеу, аналогтары жайында мағлұмат жинақтау, оларды сараптау, салыстыру, қорытынды шығару сынды зерттеу әдістері қолданылды.

1. Мыңтөбе қорымы

Шартты түрде № 3-ші оба деп белгіленген оба үйіндісінің диаметрі 13 м, биіктігі 1,70 м. Қазба барысында оба үйіндісін екі секторға бөліп қазу әдісі таңдалды (3-сур.). Осыдан кейін обаны екі секторға бөлу үшін шығыс – батыс бағыты бойынша ені 35 см болып келетін жал қалдырылды. Жалдың оңтүстік бөлігі «А» жартысы, солтүстік бөлігі «Б» жартысы болып белгіленді.

Қазба алдымен «Б» жартысынан бастау алып 1,70 м тереңде жатқан материк деңгейіне дейін жүргізілді. «Б» жартысының үйіндісі алынып болғаннан кейін, жал кесіндісінен оба үйіндісінің құрамын анықтау жұмыстары атқарылды. Осылайшы оба үйіндісінің үстіңгі қабаты 0,5 м шыммен көмкерілгендігі, ал шымның астыңғы бөлігі жер бетіне дейін сұр топырақтан тұратындығы, оба құрылысына тас қолданылмағандығы анықталды. Екінші кезекте қабір ізін анықтау мақсатында «Б» жартысындағы жал кесіндісі мен жер бетінде археологиялық қазба әдістеріне сәйкес тазалау жұмыстары жүргізілді. Нәтижесінде қабір ізі және тонау шұқыры анықталмады. Осыдан кейін қазба

3-сур. Мыңтөбе қорымы № 3 обаның сызбасы

жұмыстары «А» жартысында жалғасын тапты. «А» жартысындағы үйінді алынып тасталғаннан кейін бұл жерде де қабір ізін анықтау мақсатында тазалау жұмыстары жүргізілді. Алайда қабір ізі байқалмады. Жал және жер бетінен қабір дағын іздеу әдісі жүзеге аспағаннан кейін траншея әдісі негізге алынып «А» жартысына шығыс-батыс бағыты бойынша ұзындығы 8,20 м, ені 1 м траншея салынды. Осылайша бірінші траншея 2,40 м тереңдікке дейін қазылды (3-сур.). Траншеяның батыс ұшынан, жер деңгейінен есептегенде 0,37 м тереңде ені 0,87 м келетін бос топырақ байқалды. Осы бос топырақ 2 м тереңдіктен кейін қатты сазды топыраққа айнала бастады. Бірінші траншеяның 1,10 м солтүстігінде, ұзындығы 6 м, ені 1 м келетін екінші траншея салынды. Бірінші және екінші траншеядан бос топырақ анықталды. Екінші траншея 2,40 м тереңдікке жеткенде жалдың кесіндісінде дромостың ізі байқала бастады. Қазба барысында катакомбалық қабірдің оңтүстік шетінде, 1-ші және 2-ші қаңқаның бас жағынан қызыл ангобты, ілмек тұтқалы кішкентай (құты) гаршок табылды. Дромостың биіктігі 1,65 м, аузының ені 0,85 м, биіктігі 0,70 м екендігі белгілі болды. Қабірден бастары шығысқа қаратылған бес қаңқа аршылды. Бұл қаңқалар оңтүстіктен солтүстікке қарай шартты түрде 1, 2, 3, 4 және 5- қаңқа деп белгіленді.

1. Қаңқалардың жатқызылуы мен ерекшеліктері

1-қаңқа. Катакомбаның оңтүстік кіре берісінде басы шығысқа қаратылып шалқасынан созылыңқы жатқан бұл қаңқаның ұзындығы 1,60 м. Қаңқаның екі аяғы созылыңқы, сол қолы жамбас сүйегінің жанына орналастырылған. Ал, оң қолы солтүстігіндегі 2-қаңқаның сол жағын бойлай созылып жатты. Қаңқаның бас сүйегі мен сол аяғы өте нашар сақталған. Осы қаңқаның бас жағынан бір қызыл ангобты құты, екі ақ ангобты құмыра, бір қызыл ангобты табақ және осы табақтың ішінен бір тостақ (моншақ, қола түтікше, ине) табылды.

2-қаңқа. Ұзындығы 1,50 м. 1-ші қаңқаның оң жағында аяқтары созылыңқы, басы шығысқа қаратылып шалқасынан жатқызылған. Сол қолы жамбасының астына қойылған. Оң қолы жамбас сүйегінің үстіне орналастырылған. Сол жағында жатқан 1-қаңқа мен 2-қаңқаның бас жағынан ақ ангобты тостақ және сырты аздап отқа күйген зооморф тұтқалы құты, екінші қаңқаның аяқ жағынан бір дана темір жебе ұшы табылды.

3-қаңқа. Ұзындығы 1,70 м. Сақталуы нашар. Қаңқаның асық жілігі «Х» тәрізді айқастырылып, басы шығысқа қаратылып, шалқасынан жатқызылған. Оң қолы жанына, ал сол қолы жамбас сүйегінің астына орналасқан. Қаңқаның оң қолы білек тұсынан, шеңбер тәрізді жіңішке ақ түсті тасқа темір жабыстырылған бұйым мен қоса оң қол саусағының ұшынан бір моншақ табылды.

4-қаңқа. Ұзындығы 1,50 м. Екі аяғы созылыңқы күйде басы шығысқа қаратылып шалқасынан жатқызылған. Қолдарының сақталуы нашар. Бұл қаңқаның сол қолының жанынан темір пышақ қалдықтары және сопақ тастан жасалған (түйме?) кездесті.

5-қаңқа. Өте нашар сақталғандықтан ұзындығын және жату қалпын анықтау мүмкін болмады. Дегенмен бас сүйегі мен басқада сүйектеріне қарап басының шығысқа қаратылып сол жанына жартылай бүгілгендігін болжауға болады. Қаңқаның жанынан екі асық табылды (4-сур.).

2. Салтыстырмалы талдау

Алдымен қаңлы мәдениетінің таралу аймағында аршылған жерлеулерге тоқталып өтейік. Бұл орайда бізге Отырар алқабындағы Қоңыртөбе қорымы мысал бола алады. Тарқатып айтар болсақ Қоңыртөбе қорымындағы № 44 жерлеуде бір қаңқа басы оңтүстік шығысқа бағытталып, оң қолы денесін бойлай орналастырылған, ал сол алақаны әуретінің үстіне қойылған. Қаңқаның аяғы айқастырылған. Қабірге шүмегі бар тұтқалы құмыра (кувшин), шеңбер пішінді қола бұйым, темір айылбаспен қоса қойдың жауырын сүйегі салынған. Сонымен қатар осы қорымдағы № 91, 93, 94,

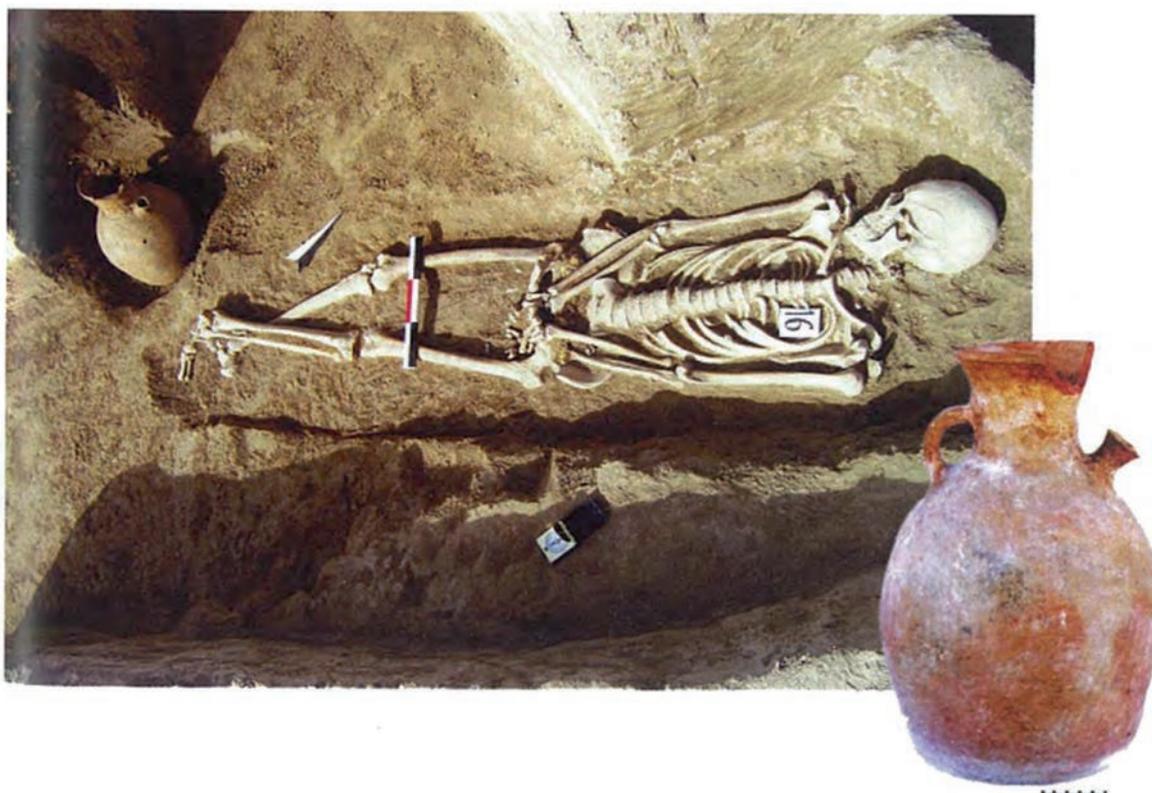

4-сур. Мыңтөбе қорымы № 3 обадан алынған қаңқалардың тазаланғаннан кейінгі көрінісі

96, 106 (5-сур.) жерлеулерден жілігі айқастырылған қаңқалар аршылды. № 91 жерлеу «кесектен салынған жәшікте» жүзеге асырылған. Қаңқаның басы солтүстік батысқа бағытталаып шалқасынан жатқызылған. Екі қолы жанына созылыңқы қалыпта қойылған. Қаңқаның беліне ұзындығы 17 см келетін темір пышақ қойылса, оң жанбасының жанына қойдың алдыңғы аяғы салынған. Ғалымдар бұл жерлеуді ерте орта ғасырларға мерзімдеген [Байпаков және т.б. 2005: 24].

Қазақстанның батыс өңірінде орналасқан Лебедевка 5 қорымы № 51 оба [Мошкова және т.б. 1980: 46], Лебедевка 7 қорымы № 14 оба [Железчиков және т.б. 2006: 31] және Шалқар 5 қорымы № 4 (6-сур.) [Кушаев 1971: 15] обалардан аяғы айқасқан қалыптағы жерлеулер анықталған болатын. Бір қызығы Отырардағы Қоңыртөбе қорымындағыдай қабірге қойдың жауырын сүйегі мен алдыңғы аяғын салу жағдайы сармат обаларында көптеп кездеседі. Мысалға, Қазақстанның батыс өңіріндегі Бубенцы 1А қорымы № 13 оба № 2 жерлеуде қойдың жауырын сүйегі мен алдыңғы аяғы табылған. Қабірден табылған үш қанатты қола жебе ұштары негізінде Г.А. Кушаев бұл жерлеуді б.д.д. IV–II ғғ. мерзімдеген [Кушаев 1984: 10]. Сонымен қатар Бубенцы 2 қорымы № 6 оба [Кушаев 1984: 17–18], Новопавловка № 7 оба № 3 жерлеу [Железчиков, Кригер 1978: 221], Сакрыл 1 қорымы № 10 оба № 2 жерлеулерден [Кушаев, Кокебаева 1979: 9–10] қойдың алдыңғы аяғы табылған. Бұлар сарматтар мен қаңлы тайпаларының жерлеу дәстүрінде ұқсастық бар екендігін айғақтай түседі.

Аяғы айқастырылған жерлеулер елімізден тыс жерлерде де кездескен. Мысалы, Қырғызстандағы Қара Мойнақ қорымы № 5 оба [Заднепровский 1960: 106–107], Четинды қорымы № 6 оба [Абетекоев, Баруздин 1963: 25], Ферғана аңғарындағы Ворухе қорымы 2а оба және Исфарин

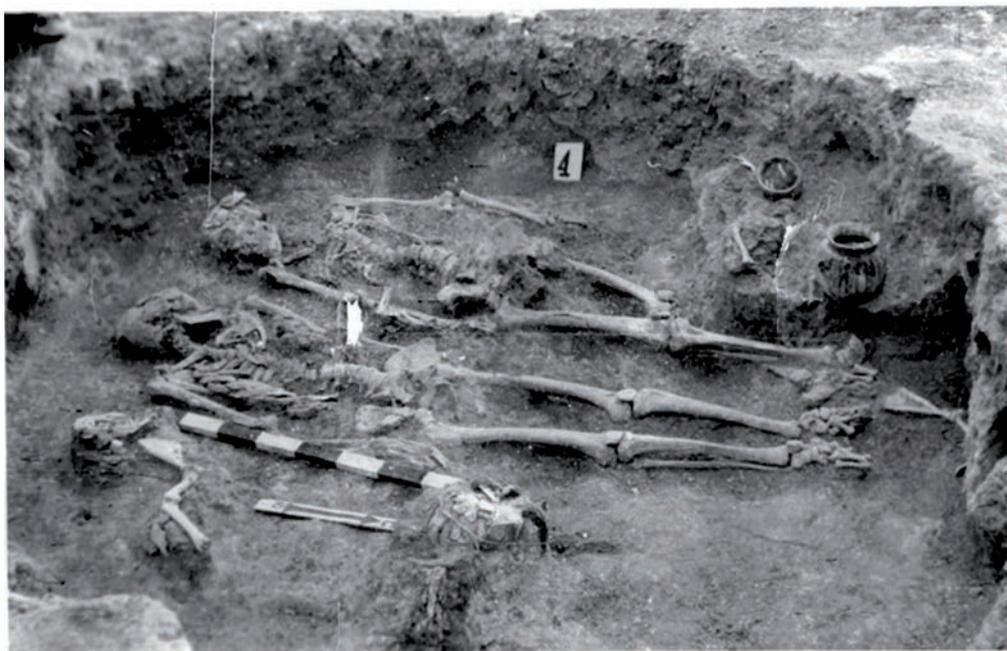
5-сур. Қоңыртөбе қорымы. № 106 жерлеу

қорымындағы № 42 обаларынан анықталған [Литвинский 1972: 102, табл. 10, 31]. Қара Мойнақ қорымы № 5 обадағы қабірге екі қаңқа жерленген. Бұлардың біреуі шалқасынан жатқызып созылыңқы қалыпта жерленсе, екіншісінің жілігі айқастырыла жерленген. Бұл жерлеулер б.д. I ғ. мерзімделген. Ворухе қорымы 2а обадағы қаңқа «жанама қабірде» (подбой) табылған. Осыған қарап аяғы айқастырылған жерлеулердің әр түрлі қабірлерде жүзеге асырылғандығын аңғаруға болады.

Жерлеудің бұл түрі Дон өзені маңындағы Ливенцовск қорымындағы № 22 обадан [Ильюков 2003: 278] және Холодный 4 қорымындағы № 2 обадан табылған [Копылов, Лукьяшко 1995: 122]. Біріншісінде қаңқа «жанама қабірге» жерленсе, екіншісінде жарма қабірге жерленген. Археологтар «жанама қабірдегі» қаңқаны сармат кезеңіне, ал жарма қабірдегі қаңқаны кейінгі қола дәуіріне жатқызған.

Қорытынды

Аяғы айқасқан қалыптағы жерлеулер кейінгі сармат кезеңінде кездеседі. Ғалымдар бұл жерлеу қалпының пайда болуын ғұндардың батысқа жылжуымен байланыстырады [Сулимирский 2008: 129]. Дегенмен Дон өзені бойындағы Холодный IV қорымы № 2 обада табылған аяғы айқасқан қалыптағы жерлеу кейінгі қола дәуіріне жатқызылған. Бұл қарастырылып отырған жерлеу қалпының түп-тамырының тереңде екендігін көрсетеді. Келтірілген мағлұматтарға қарағанда аяғы

6-сур. Шалқар 5 қорымы №4 обадағы жерлеу

айқасқан қалыптағы жерлеулердің шығыста Қырғызстан, Қазақстан, Өзбекстан ал батыста Дон өзеніне дейінгі аймақта кездесетіндігі аңғарылады.

Қазіргі кездегідей ежелгі тұрғындар бір адам қайтыс болғанда өздері ұстанған діни сенімдерінің қағидаларын сақтай отырып, сол кісіні жерлегендігі дау тудармайды. Жерлеу дәстүрі халықтың ұстанған діни сеніміне негізделіп өзгеріп отырады. Бірақ бұрынғы сарқыншақтары да сақталады. Сондықтан ежелгі жерлеу орындарын зерттеумен айналысатын археологтардың бірқатары қаңқалардың бағытталуы мен жатқызылуын ескі сенім жүйесіндегі орнына және мағынасына көңіл бөле отырып анықтауға тырысады.

Бұрын адамдар қабірден шығып өздеріне зиянын тигізеді деп қайтыс болғандардан қорыққан. Аруақтар қабірден шықпасын деген мақсатта артында қалған ұрпақтары оларға арнап құрбандық шалған. Сонымен қатар аяқтарын табытқа шегелеп, байлап немесе кесіп тастаған [Самашев және т. б. 2007: 140–141]. Мақала аясында қарастырылып отырған аяғы айқастырылған жерлеулердің астарында осындай сенімдердің жатуы мүмкін. Яғни баяғы сенім бойынша қайтыс болған адам қабірден шықпауы үшін оның аяғы айқастырылған болса керек.

Осы орайда мына бір жайтты да айта кету керек. Кейбір қабірлерге жалғыз бір қаңқа жерленіп, аяғы айқастырылған. Ал, кейбір ұжымдық қабірлердегі қаңқалардың арасынан тек біреуінің ғана аяғы айқастырылса, қалғандары созылыңқы қалыпта жатқызылған. Бұл жағдай біздерді баяғы сенім бойынша тек қатыгез немесе тірі кезінде қоғамға пайдасыз адамдардың ғана аяқтары айқастырылған ба? деген ойға жетелейді.

ӘДЕБИЕТ

Абетеков А.К., Баруздин Ю.Д. Археологические памятники Таласской Долины // Сако-Усунские памятники Таласской долины / Отв. ред. П.Н. Кожемяко. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963. С. 17-31.

- Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А.* Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: Баур, 2005. 224 с.
- Железчиков Б.Ф., Кригер В.А.* Катакомбные захоронения Уральской области // Советская археология. 1978. № 4. С. 218-228.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В.* Древности Лебедевки (VI–II в. до н.э.). М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2006. 158 с.
- Заднепровский Ю.А.* Археологические памятники Южных районов Ошской области (середина I тысячелетия до н.э. – середина I тысячелетия н.э.). Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1960. 172 с.
- Ильюков Л.С.* Сарматские погребения из кургана 22 Левенцовского VII могильника // Нижневолжский археологический вестник. 2003. № 6. С. 278-282.
- Копылов В.П., Лукьяшко С.И.* Погребения предскфского и скифского времени в междуречье Дона и Сала // Донские древности. 1995. № 4. С. 117-148.
- Кушаев Г.А.* Отчет об археологических исследованиях в Уральской области за 1971 г. // Архив ИА КН МОН РК. Д. 1227.
- Кушаев Г.А.* Отчет об итогах полевых археологических исследований в северной части Чжино Дюринских разливов Уральской области в 1984 г. // Архив ИА КН МОН РК. Д. 2058.
- Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К.* Отчет об итогах археологических раскопок Уральского пединститута в 1979 г. // Архив ИА КН МОН РК. Д. 1762.
- Литвинский Б.А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М.: Наука, 1972. 258 с.
- Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А.* Отчет об археологических работах на территории Уральской области в 1980 г. // Архив ИА КН МОН РК. Д. 1838.
- Сулимирский Т.* Сарматы. Древний народ юга России. М.: Центрполиграф, 2008. 190 с.
- Самашев З., Көшербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А.* Үстірт пен Манғыстау қазыналары. Алматы, 2007. 400 б.

**Ж. Р. Утубаев,
М. Қ. Сүйіндікова**

**Жанболат Райымқұлұлы Утубаев, utubaev_z@mail.ru;
Мақпал Қожахметқызы Сүйіндікова, makpal1226@mail.ru;
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ, Қазақстан**

Сеңгір там 2 қорымының керамикасы (б.д.д. VII–V ғғ.)

Аннотация. Мақалада Сырдарияның төменгі ағысындағы ерте темір дәуірімен мерзімделетін Сеңгір там 2 қорымына жүргізілген зерттеу жұмыстары және қазба барысында табылған керамика түрлері баяндалады. Ескерткішті 2014 ж. Шірікрат археологиялық экспедициясы анықтап, 2015–2016 жж. кешенді зерттеу жұмыстары жүргізілді. Қорым шығыстан батысқа қарай екі қатар бойына тізбектеле орналасқан 23 обадан тұрады, бүгінгі күні алты обаға қазба-зерттеу жұмыстары жүргізілді. Қазба барысында керамикалық материалдың жеті данасы табылды. Ыдыстардың барлығы жапсырма әдісімен жасалған. Керамикалық материалдарды пайдалану мақсаттарына қарай құмыра, саптыаяқ және шырағдан деп бөліп қарастырамыз. Мақаланың басты нысаны керамикалардың жақын баламаларын бұрын зерттелген б.д.д. VII–V ғғ. мерзімделетін Оңтүстік Түгіскен және Ұйғарақ кешендерінен көруге болады.

Түйін сөздер: Сырдария, ерте темір дәуірі, қорым, оба, құрылыс, керамика, құмыра, саптыаяқ

**Жанболат Райымқұлович Утубаев,
Макпал Кожахметовна Суюндикова,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан**

Керамика могильника Сенгир там-2 (VII–V вв. до н.э.)

Аннотация. В статье представлены предварительные результаты исследования керамических изделий, обнаруженных в ходе изучения могильника раннего железного века Сенгир там 2. Могильник был обнаружен в 2014 г. Чирикратской археологической экспедицией в низовьях Сырдарьи и включал в себя 23 кургана, расположенных последовательно в два ряда, вытянутых с востока на запад. В 2015–2016 гг. на памятнике были проведены комплексные исследования на шести курганах, в ходе которых были выявлены семь керамических сосудов. В зависимости от целей использования керамического материала они были подразделены на типы: кувшин, кружка и курильница. Главный объект статьи керамические материалы имеют прямые аналогии с материалами комплексов Южный Тагискен и Уйгарак, датируемых VII–V вв. до н.э.

Ключевые слова: Сырдарья, ранний железный век, могильник, курган, сооружение, керамика, кувшин, кружка

**Zhanbolat Utubayev,
Makpal Suyundikova,
Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan**

Ceramics of the Sengir tam 2 burial ground (7th–5th centuries BC)

Abstract. The article presents preliminary results of the study of ceramic products discovered during the study of the burial ground of the early Iron Age Sengir tam 2. The burial ground was discovered in 2014 by the Chirikrat archaeological expedition in the lower reaches of the Syr Darya and included 23 mounds arranged sequentially in

---

© 2022 Утубаев Ж.Р., Сүйіндікова М.Қ.

*Жұмыс ҚР БҒМ Ғылым комитетінің нысаналы-бағдарламалық қаржыландыруы бойынша (2021–2022) ЖТН-і OR11465466-OT-21 жобасы шеңберінде орындалды.

two rows, stretched from east to west. In 2015–2016, comprehensive studies were carried out on six mounds at the monument, during which seven copies of the ceramic vessel were identified. Depending on the purpose of using the ceramic material, they were divided into types: jug, mug and incense burner. The main object of the article ceramic materials has direct analogies with the materials of the Southern Tagisken and Uygarak complexes dating from the 7th–5th centuries BC.

Keywords: Syr Darya, early Iron age, burial ground, mound, structure, ceramics, jug, mug

Сырдарияның төменгі ағысы еліміздегі тарихи-мәдени және археологиялық ескерткіштерге бай аймақтардың бірі. Осындай құнды ескерткіштердің бірі Сеңгір там 2 қорымын Шірікрабат археологиялық экспедициясы барлау жұмыстары нәтижесінде 2014 жылы анықтап, нысанның топографиялық түсірілімдерін жасады [Курманкулов, Утубаев 2016: 283]. Қорымның жоспары мен топографиясы Хорезм археологиялық-этнографиялық (ХАЭЭ) экспедициясы зерттеу жүргізген Оңтүстік Түгіскен және Ұйғарақ кешендеріне өте жақын.

Ұйғарақ қорымындағы жетпіс обаға кешенді зерттеу жұмыстары ХАЭЭ-ы, О.А. Вишневскаяның жетекшілігімен ұйымдастырылды. Осы кезеңде М.А. Итинаның басқарумен Оңтүстік Түгіскен қорымының оңтүстік бөлігіндегі отыз сегіз обаға қазба-зерттеу жұмыстары жүргізілді [Левина 1998: 42; Итина, Яблонский 2001]. Сеңгір там 2 қорымы ерте темір дәуірі кезеңімен мерзімделетін Ұйғарақ және Оңтүстік Түгіскен қорымдарынан кейінгі Іңқардария және Жаңадария аралығында анықталған үшінші ескерткіш болып табылады.

Сеңгір там 2 қорымы Жаңадарияның сол жағалауында (Қызылорда облысы, Қармақшы ауданы) Сеңгір там 1 қорымының солтүстік-шығыс бөлігінен 6 км, Түгіскен ескерткішінен оңтүстік-батысқа қарай 40 км жерде орналасқан. Қорым 23 обадан тұрады. Обалар шығыстан батысқа екі қатар бойына тізбектеле орналасқан. Барлық обалардың пішіндері дөңгелек келген, олардың диаметрлері 7-18 м болса, биіктігі 0,1-1 м. 2015-2016 жж. ескерткішке жүргізілген тұрақты археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижесінде алты оба (№ 1, 13, 20, 21, 22, 23) қазылды [Курманкулов, Утубаев 2018: 283].

Қазба жүргізілген обаларға қысқаша тоқталар болсақ:

№ 1-оба қорымның батыс бөлігінде орналасқан, оның диаметрі 12 м, биіктігі 0,4 м. Оба үйіндісі керч аралас топырақтан тұрғызылған. Қазба нәтижесі жерлеу рәсімінің шұңқырда емес, жер бетінде жүргізілгендігін көрсетеді.

№ 13-оба қорымның солтүстік бөлігінде, *№ 22* обаның солтүстігінде орналасқан. Жерлеу құрылысының сыртқы пішіні дөңгелек келген, диаметрі 7 м, биіктігі 0,15 м. Шығыстан батысқа бағытталған тікбұрышты жерлеу шұңқырының өлшемі 2,80×1,85 м, тереңдігі 2,35 м қамтиды.

№ 20-оба шығыс тобының орталық бөлігінде орналасқан. Пішіні дөңгелек келген обаның диаметрі 10 м, биіктігі 0,35 м. Жерлеу шұңқыры тікбұрышты. Өлшемдері 3,7×2,7 м, тереңдігі 2,15 м, оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа бағытталған.

№ 21-оба *№ 13* обаның оңтүстік-шығысында орналасқан. Обаның биіктігі 0,20 м, диаметрі 12 м. Шығыстан батысқа қарай бағытталған тікбұрышты пішінді жерлеу шұңқырының өлшемі 2,80×2,20 м, тереңдігі 2 м.

Шығыс тобында орналасқан *№ 22-обаның* диаметрі 12 м, биіктігі 0,20 м. Солтүстік-шығыс, оңтүстік-батысқа қарай бағытталған жерлеу шұңқыры тікбұрышты. Оның өлшемдері 1,25×2,65 м, тереңдігі 1,65 м.

№ 23-оба шығыс тобының орталық бөлігінде орналасқан. Пішіні дөңгелек келген обаның диаметрі 12 м, биіктігі 0,3 м. Шығыстан батысқа қарай бағытталған тікбұрышты жерлеу шұңқырының өлшемі 4×3 м, тереңдігі 2,1 м.

Жоғарыда баяндалған обалардың барлығы тоналғандығына қарамастан қазба барысында антропологиялық материалдардан өзге керамика, ат әбзел бөлшектері, қару-жарақ, әшекей және

тұрмыстық бұйым түрлері секілді құнды материалдар табылды [Курманкулов, Утубаев 2019: 138]. Солардың ішінде мақаламыздың басты нысаны керамика түрлеріне тоқталамыз.

Зерттеу барысында керамикалық материалдардың жеті данасы анықталды. Барлығы дерлік жапсырма әдісімен жасалған және фрагмент түрінде кездесті. Дегенмен, олардың сызбасын қайта қалпына келтіру арқылы салу, ыдыстардың пішінін алуға мүмкіндік берді. Ыдыстарды пайдалану мақсаттарына қарай құмыра, саптыаяқ, және шырағдан деп бөліп көрсетеміз (сур. 1).

Құмыра. Бұл топтағы ыдыстың үш данасы табылды. 1) Биіктігі 18 см, ернеу диаметрі 9,5 см, түбінің диаметрі 6,5 см. Шар тәрізді бүйірі мойын тұсында тарылып, аузына қарай қайта кеңейе түскен. Ыдыстың сыртқы бетінде күйе іздері сақталған (сур. 1, 1).

2) Өлшемі: биіктігі 15 см, ернеу диаметрі 10 см, түбінің диаметрі 8 см. Бүйірі шығыңқы дөңгелене түскен. Мойын тұсы сәл қысылып, аузына қарай қайта кеңейе түскен. Ернеу жиегі тегіс, сыртқа қарай иілген, қимасында төртбұрышты. Мойнынан иығына жалғасқан бөлігінде білеулене келген белдемшесі бар (сур. 1, 2).

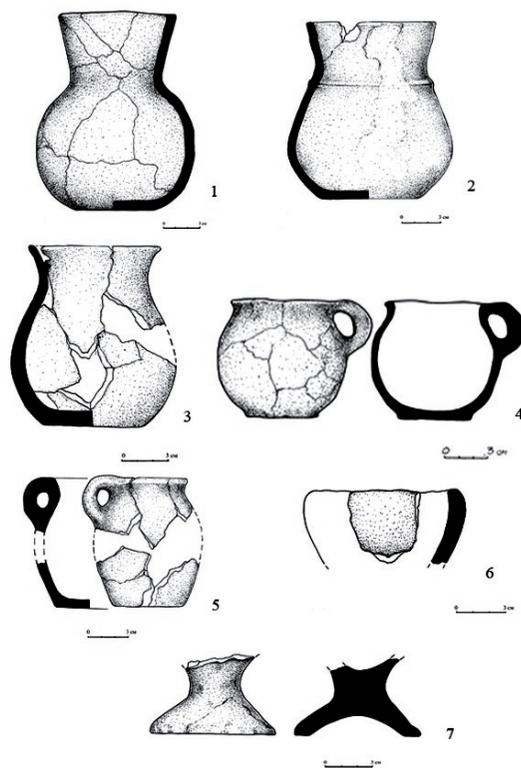
3) Биіктігі 13 см, ернеу диаметрі 8,5 см, түбінің диаметрі 6,5 см. Пішіні алмұрт тәрізді. Ернеу жиегі тегіс, сыртқа қайрылған. Қимасында дөңгелек (сур. 1, 3).

Құмыралардың жақын баламаларын Оңтүстік Түгіскен қорымынан табылған ыдыстардан табамыз [Итина, Яблонский 1997: 38, рис. 66].

Саптыаяқтың екі түрі анықталды. 1) Биіктігі 9 см, ернеу диаметрі 7,5 см, түбінің диаметрі 5 см. Бүйірі шар тәрізді шығыңқы келген. Ернеу жиегі тегіс келіп, сыртқа қайрылған, қимасында дөңгелек. Екі ыдыстың да бір бүйірінде ілмек тәрізді тұтқасы бар (сур. 1, 4, 5).

2) Өлшемі: биіктігі 10 см, ернеу диаметрі 6 см, түбінің диаметрі 5 см. Бүйірі сопақша келген. Ернеуі сыртқа қайрылған, қимасында дөңгелек. Бұл топтағы ыдыстарға сомдалуы мен пішіні жағынан жақын ұқсастықтарды Түркіменстан аумағындағы «куюсай» мәдениетінің ескерткіштерінен және Ұйғарақ қорымдарындағы обалардан табылған ыдыстардан аламыз [Вайнберг 1997: табл. 44, 8, 9; Вишневская 1973: табл. XXII, 6]. Пішіні жоғарыдағы сипатталған құмыраларға ұқсас бүйірі шар тәрізді аузына қарай тарыла түскен бір тұтқалы саптыаяқ Павлодар облысы, Баянауыл ауданында орналасқан Бірлік қорымындағы № 15 мұртты обасынан анықталса [Бейсенов, Ломан 2008: 35, рис. 2], бүйірі дөңгелене келген, керсінше аузына қарай кеңейе түскен саптыаяқ Жетісу өңіріндегі Қызылауыз қорымынан кездеседі [Акишев, Кушаев, 1963: 102, рис. 82].

Шырағданның екі түрі тіркелді. 1) Жарты шар тәрізді, ернеу диаметрі 8 см, қабырға қалыңдығы 1 см. Ернеу бөлігі тік келіп, ішке иілген. Қимасында дөңгелек (сур. 1, 6). Шырағданның бұл түрі

Сур. 1. Сеңгір там 2 қорымынан табылған керамикалық материалдар: 1–3 – құмыра; 4, 5 – саптыаяқ; 6, 7 – шырағдан. Суретті салған С. Садықов

Әмударияның сол жағалауындағы Сакар-чага (Куюсай-гыр) қорымындағы жерлеу орындарында жиі кездеседі [Яблонский 1986: 46, рис. 1].

2) Шырағданның төменгі бөлігінің (?) биіктігі 6,5 см, дөңгелене келген түбінің диаметрі 8 см. Түп жиегі тегіс, жалпақ келген, қуыс. Қимасында төртбұрыш. Ыдыстың жоғарғы және төменгі бөліктен сомдалып, жасалғандығын айқын аңғаруға болады.

Керамикалық кешеннің барлығы жапсырма әдісімен қолдан сомдалып жасалған. Сазаға шамот, майда тас, көп мөлшерде органика араластырылған. Түстері қара, қызғылт-қара, ашық-қоңыр. Фрагмент сынықтарындағы екі немесе үш түстілік ыдыстардың ашық отта біркелкі күйдірілмегендігін көрсетеді.

Сеңгір там 2 қорымындағы жерлеу құрылыстары мен дәстүрін және археологиялық олжаларды саралай келе Оңтүстік Түгіскен және Ұйғарақ қорымдарымен сәйкес б.д.д. VII–V ғғ. мерзімдейміз. Шолу жасалған ыдыс түрлерінің аталмыш кешендеріндегі атап айтқанда құмыра түрлері Оңтүстік Түгіскеннен табылған ыдыстарға өте жақын. Ал, саптыаяқтар болса Ұйғарақ обаларынан шыққан ыдыстарға ұқсас. Сондай-ақ бұл ыдыс түрлері Сырдарияның төменгі ағысындағы ерте көшпенділер ескерткіштеріне тән және кең тараған ыдыс түрлері деп тұжырымдаймыз.

Қорыта келгенде Сеңгір там 2 қорымындағы керамикалық кешендер жайлы бұл жұмыс белгілі бір шеңберде Шығыс Арал маңындағы ерте темір дәуірінің ескерткіштерінің таралу аймағын анықтаудағы алғашқы жасалған әрекет болып табылады. Келешекте Сырдың төменгі ағысындағы ерте темір дәуірінің ескерткіштерін ғылыми айналымға енгізуде, жазылған бұл жұмыс Сеңгір там 2 қорымы жайында құнды әрі маңызды дерек ретінде қолданылады деп сенеміз.

ӘДЕБИЕТ

- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или / Отв. ред. А.Х. Маргулан. Алмата: Изд-во АН КазССР, 1963. 300 с.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Керамика из курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. 2008. № 1. С. 35-41.
- Вайнберг Б.И. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. XI. М.: Наука, 1997. С. 7-77.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен Низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). ТХАЭЭ // Под ред. С.П. Толстова. Т. VIII. М.: Наука, 1973. 160 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 187 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М.: Восточная литература, 2001. 295 с.
- Курманкулов Ж., Утубаев Ж. Предварительное сообщение о раскопках на могильнике Сенгир-там 2 в 2016 году // Актуальные проблемы археологии Евразии. Сб. м-лов междунар. научно-практ. конф., посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 18-19 октября, 2016 г.) / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 283-291.
- Курманкулов Ж., Утубаев Ж. Некоторые результаты исследования в 2015-2016 гг. на могильнике Сенгир-там 2 // Маргулановские чтения-2018. Духовная модернизация и археологическое наследие: сб. м-лов Междунар. научно-практ. конф. (Актобе, 19–20 апреля 2018 г.). Алматы; Актобе, 2018. С. 283-285.
- Курманкулов Ж., Утубаев Ж.Р. Сенгир-там 2: новые исследования на памятнике в Восточном Приаралье // Самарский научный вестник. 2019. Том 8. № 4 (29). С. 138-144.
- Левина Л.М. К истории исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье // Приаралье в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 1998. С. 42-60.
- Яблонский Л.Т. Могильник раннесакского времени Сакар-чага 3 // СЭ. 1986. № 5. С. 45-54.

Б. А. Сиражева

Бұлбұл Аронқызы Сиражева,
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Алматы қ., Қазақстан; bsirazheva@gmail.com

Ерте темір дәуірі көшпелілерінің сүйек пен мүйізден жасалған қару-жарақтары мен ат әбзелдері

Аннотация. Мақала Қазақстан ерте көшпелілерінің сүйек ұқсату ісін, соның ішінде сүйек пен мүйізден жасалған қару-жарақ пен ат әбзелдерін зерттеудің кейбір мәселелеріне арналған. Көшпелілер сүйек ұқсату ісіне қажетті шикізатты алдындағы малынан және аңшылықтан түскен олжалардан алып отырған. Бұрынырақта табылған сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдар толыққанды археологиялық дерек ретінде бағаламау салдарынан жете зерттелмеген күйінде бүлініске ұшырағандықтан заманауи талдамалар жасау мүмкін болмай отыр. Бұл осы саланың тас, металл, қыш бұйымдарын зерттеумен салыстырғанда әлдеқайда кемшін қалуына ықпал етуде. Сондықтан қолда бар бұйымдарды тек қазба барысында табылған жеріне және сыртқы белгілеріне қарай ғана сұрыптап жіктеу мүмкіндігі бар. Негізі дұрыс зерттелген жағдайда бұлар басқа да археологиялық олжалардан кем түспейтін дерек.

Түйін сөздер: Қазақстан, көшпелілер, ерте темір дәуірі, сүйек ұқсату өнері, сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдар

Булбул Ароновна Сиражева,
Казахский Национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан

Предметы боевого и конского снаряжения из кости и рога в культурах ранних кочевников

Аннотация. Статья посвящена одному из ярких и самобытных компонентов культуры древних кочевников Казахстана – косторезному делу, а также некоторым проблемам изучения особенностей костяных и роговых изделий в качестве элементов боевого и конского снаряжения. Исходным сырьем, необходимым для производства предметов из кости и рога, кочевники обеспечивали себя в результате разведения животных, а также охоты на диких зверей. Проблема заключается в том, что раскопанные ранее костяные и роговые артефакты не были своевременно изучены, а вследствие отсутствия должного внимания в качестве полноценных археологических источников, естественно, обветшали настолько, что теперь уже не подлежат проведению необходимых анализов для получения какой-либо информации. И как результат – отставание в их изучении в сравнении с изделиями из камня, металла и керамики. По этой же причине приходится идентифицировать их лишь по месту нахождения и классифицировать, основываясь строго на внешних признаках. В действительности же костяные и роговые изделия, как и любые артефакты прошлого, являются полноценным историческим источником наравне с другими предметами, продуктивными для археологической науки.

Ключевые слова: Казахстан, кочевники, ранний железный век, косторезное дело, изделия из кости и рога

Bulbul Sirazheva,
Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan

**Items of fighting and horse equipment
made of bone and horn in the early nomad cultures**

Abstract. The article is dedicated to bone carving, which is one of bright and original components of the ancient nomad culture of Kazakhstan, as well as to some problems of studying the features of bone and horn products as elements of fighting and horse equipment. The nomads provided themselves with the initial raw materials required for manufacturing items made of bone and horn due to cultivation of animals, hunting on wild animals. The problem lies in the fact that the bone and horn artifacts excavated earlier were not studied in time, and due to the lack of proper attention as full-fledged archaeological sources led to their dilapidation, so they are no longer subject to the necessary analyses for gaining any information. And as a result, studying them lags behind that of stone, metal and pottery. For the same reason they can be identified and classified only on the site, being based strictly on external attributes. Actually bone and horn products, as well as any artifacts of the past, are the high-grade historical source on a level with other subjects, productive for archaeological science.

Keywords: Kazakhstan, nomads, early Iron Age, bone carving, bone and horn items

Кіріспе. Қазақстан ерте көшпелілерінің сүйек ұқсату ісі олардың материалдық мәдениетінің зерттелуіндегі ең осал тұсы. Ерте темір дәуірі сүйек пен мүйіздің көшпелілер өмірінің барлық саласында көптеп қолданыла бастаған уақыты екендігін табылған археологиялық материалдар дәлелдеп отырғанымен, олардың шикізат көздеріне, бұйым түрлеріне, қолданылу аясына, бұйымдарды әзірлеу құралдары мен әдістеріне келгенде жалпы Қазақстан аумағына ортақ болатындай тұжырым жасау қиынға соғады. Ол алдымен ел аумағындағы ерте темір дәуірі ескерткіштерінің зерттелуінің әркелкілігінде болып отыр. Қазіргі уақытта жекелеген аудандар ғана жете зерттеліп, қолда бар заттай деректер солардан алынып отыр. Бұл деректер шамамен, бізде болуы тиіс мәліметтердің үштен бірін ғана құрайды деп болжауға келеді. Сондықтан оларды тұтастай Қазақстан аумағына таңып қорытынды шығару зерттеушінің қателігі болмақ. Дегенмен археологиялық зерттеулер саны мен сапасы жағынан жыл санап артып келе жатқандықтан, болашақта бұл мәселенің де шешімін табатын күн алыс емес деп санаймыз.

Сондай-ақ, әр өлкенің өз табиғи-ландшафттық және климаттық ерекшеліктеріне байланысты фаунасында да елеулі айырмашылықтардың болуы (мәселен, тауды, орманды немесе шөлейтті мекен ететін жануарлардың әркелкілігі) сүйек пен мүйіз шикізат көздеріне де ықпалын тигізетіні белгілі. Үй жануарларын ұстауда да көшпелілер олардың түрлері мен санын жергілікті жердің табиғи жағдайларына байланысты реттеп отырған. Мысалы шөлейт жерлердің тұрғындары сиыр малының санын шектеген, ал қысы қатты жерлерде түйе бақпаған. Сол себепті шикізат көздері және соған сәйкес олардан жасалатын бұйым түрлері де әр алуан болып келген.

Жалпы, ежелгі көшпелілерден бізге жеткен сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдарды қару-жарақ және ат-әбзелдері, тұрмыстық бұйымдар және тұрғындардың рухани өмірімен байланысты бұйымдар деп негізгі үш топқа бөліп көрсетуге болады. Бұл мақалада біз солардың ішіндегі ең қызықтысы – адамның тірі кезінде қолданып кейін бірге жерленген, қару-жарақ және ат-әбзелдері тобына жататын бұйымдарды қарастырамыз.

Өзара танысып-біліскенде ең алдымен «сүйегің кім?» деп жөн сұрасып жататын қазақ үшін сүйектің маңызы өте зор. Сүйекті құрметтеу, тіпті одан жасалған бұйымдарға да ерекше мән беріп, қасиетті деп санап, аяқасты қылмау атадан балаға жалғасып келе жатқан көне дәстүр десек, сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдарды зерттеу бұл дәстүрдің түп-тамыры тереңде жатқандығын, ерте темір дәуірі көшпелілеріне дейін жететіндігін байқатып отыр. Осы тұрғыдан

алғанда осы бұйымдарды жете зерттеп, ерте көшпелілердің материалдық және рухани өмірінде қандай орынды иемденгенін жаңғыртудың маңызы зор.

Әдістер. Қазақстан аумағын археологиялық зерттеу барысында жинақталып, бүгінгі таңда ел аумағындағы ғылыми мекемелер мен музей қорларында қолжетімді болып тұрған сүйек бұйымдар ең алдымен сыртқы белгілеріне қарай сұрыптап алынып, тиісінше морфологиялық, типологиялық және классификациялық талдамалар жасалды. Бұйымдардың жасалу әдісін және оларды әзірлеуде қолданылған құрал-жабдықтарды анықтау мақсатында трасологиялық талдамалар жүргізілді. Алынған нәтижелер біріктіріліп, фотограмметриялық әдістің көмегімен өңделді.

Негізгі бөлім

Ерте көшпелілерден қалған ескерткіштерден шығатын сүйек пен мүйізден жасалған қару-жарақ түрлерінің басында *садақ бөлшектері* тұрады. Садақ – сақ және ғұн-сармат кезеңі көшпелілерінің қашықтықтан ұрыс салған басты қаруларының бірі болды. Б.д.д. VIII–VII ғғ. жауынгер-садақшылар көбіне қарапайым садақты қолданған [Чотбаев 2013: 66], сүйектен жасалған бөлшектері бар күрделі құрамдас садақтардың алғаш пайда болған уақыты ғұн-сармат кезеңі саналады. Қазақстан аумағынан сақтардың сүйектен, не мүйізден жасалған бөлшектері бар садағы әлі табыла қойған жоқ.

Осы уақытқа дейінгі қазбалардан табылған садақ қалдықтары бір топты – күрделі құрамдас садақтар тобын құрайды, сондай-ақ оларды сүйектен жасалған жапсырмаларының саны мен орналасу тәртібіне қарай бірнеше типке бөлуге болады.

Бірінші типке тек ұштық, не ортаңғы жапсырмасы ғана бар түрлері жатқызылады. Күрделі құрамдас садақтардың бұл типі келтіріліп отырған үш типтің ішіндегі ең қарапайымы және біздің ойымызша негізінен көшпелі ортада қолданылған тәрізді. Мұндай жапсырмалар Тамды, Қоңыртөбе, Шәушіқұм қорымынан, Жетіасар ескерткіштерінен [Байпаков, Таймагамбетов 2006: 160, 187, 193, 194, 201], Берел қорымының № 31 обасынан (1-сур.) [Самашев 2011: 99, 101], Қылышжар қорымының 11 обасынан табылған [Подушкин 2013: 56–60].

Екінші типке ұштық және ортаңғы бүйір жапсырмалары бар садақтар кіреді. Садақтардың бұл типі 1952–1953 жж. А.И. Семенов зерттеген Половинное көлі маңындағы обадан, Зевакино қорымының 1 обасынан [Хабдулина 1994: 3–4], Сарығара шатқалындағы 3 обадан [Хабдулина 1994: 28], Жабай обасының 32 жерлеу орнынан [Хабдулина 1994: 72], Қылышжар қорымының 5 обасынан [Подушкин 2014: 283] шықты. Олардың өлшемдері 140–160 см аралығында болып келеді.

Үшінші типі – ұштық, ортаңғы бүйір және ортаңғы беткі жапсырмалары, сонымен қатар адырна тартқышы бар садақтардан құралады. Олар Ақбұлақтөбе қорымының 3 обасынан және Қылышжар қорымының 5 обадан табылған садақ нұсқалары. Қазба ав-

1-сур. Берел қорымының № 31 обасынан табылған садақ жапсырмасы

торы А.Н. Подушкин садақтың бұл түрін б.д.д. I ғ. – б.д. III ғ. аралығымен мерзімдеп, сармат-сюнну тайпаларына тиесілі деп санайды. А.Н. Подушкиннің пікірінше садақ қатты, шағын болған, тартылған күйіндегі өлшемі 0,9–1,05 м жеткен, сондай-ақ, сүйектен жұмырлап, сфера тәріздендіре жасаған адырна тартқышы бар болып келеді. Оның айтуынша мұндай адырна тартқышы бар садақ түрлерінің тарихи параллельдері ежелгі Еуразия аумағынан анықтала қойған жоқ [Подушкин, 2014: 286].

Алайда, Л.М. Левина келтірген Жетіасар мәдениеті материалдарының арасында осыған ұқсас, 7–8 сүйек жапсырмалары және адырна тартқышы бар садақтар кездеседі. Жеті сүйек жапсырмасы бар садақтардың төрт ұштық және үш ортаңғы: екі бүйір және бір беткі жапсырмалары бар. Сегіз жапсырмалы садаққа келер болсақ, оның ортаңғы жапсырмасы төртеу, яғни беткі жапсырмасы екеу, автордың пікірінше ол сәндік үшін жапсырылған. Адырна тартқышын Л.М. Левина: «нобайы дөңгелек болып келген сүйек пластина (бәлкім садақ бөлшегі болар)», - деп суреттейді* (*аудармасы автордыкі – ред.) [Левина 1996: 107]. Оны А.Н. Подушкин теріске шығармайды; ол бұларды «ұқсас дерлік бұйымдар» деп келтіреді де Ақбұлақтөбе мен Қылышжардан табылған адырна тартқыштар еуразиялық кеңістікте әзірше аналогы жоқ бірегей жәдігерлер деген пікірінен айнымайды [Подушкин 2014: 286].

Оңтүстік аймақтың ежелгі тұрғындарында садақтың сүйек жапсырмалары санының өсуі олардың өмір салтына байланысты болса керек. Осы орайда Л.М. Левинаның көшпелілер бұйым жасау барысында негізінен минимализм мен ықшамдылыққа мән берсе, шамасы, қоныс тұрғындарының белгілі бір эстетикалық сұраныстары болғанға ұқсайды деген пікірінің жаны бар. Кейбір заттар безендірілген болуы мүмкін [Левина 1996: 114]. Әрине, бұны дәлелдеу өте қиын, дегенмен, зерттеудің басқа форматында қарастырып көруге болады деп санаймыз.

Жебе ұштары. Ежелгі көшпелілердің сүйек ұқсату ісіне қатысты жәдігерлер жинақтарының ішінде жебе ұштары ең жиі кездесетін және ең қиын жіктелетін бұйымдар қатарына жатады. Сүйек пен мүйізден жасалған жебелердің ел аумағындағы ерте темір дәуірі ескерткіштерінен жиі табылғанына қарамастан, Жетіасар 2 қала жұртынан шыққан сүйек жебелерді саралаған Т.А. Габуевтен өзге ешкім оларды арнайы қарастырған емес [Габуев 1982: 235–237]. Қазақстанның ежелгі көшпелілерінің сүйек пен мүйізден жасалған жебе ұштары көбіне қоладан және темірден жасалған жебе ұштарымен бірге типтеледі. Бұл олардың мерзімдеуге сәйкес бөліп талдауға келмейтіндігімен байланысты болса керек, себебі қола дәуірінен Жаңа заманға дейін аса бір өзгермеген күйі жетіп отыр [Хабдулина 1994: 47].

Солтүстік, Шығыс, Орталық және Батыс Қазақстаннан табылған жебе ұштары жерлеу орындарынан табылса, ал оңтүстік аймақтарда олар обалардан және соларға синхронды қоныстардан да кездескен. Сүйек пен мүйізден жасалған жебе ұштарының ең көп анықталған жері – Арал өңірі, Жетіасар мәдениетіне тән ескерткіштер [Левина 1996: 199]. Жебе ұштарының саны жағынан елдің оңтүстік аймақтарында көптеп кездесетіндігін Қазақстанның оңтүстігі мен оңтүстік-шығысы ежелден табиғатының жайлы болуына байланысты халық көп шоғырланған өлке болғандығымен түсіндіруге болады.

Жерлеу орындарынан табылатын жебе ұштарының санына келетін болсақ, мысалы егжей-тегжейлі зерттеліп жатқан Берел қорымында олардың саны бестен он бес данаға дейін жетеді [Чотбаев 2013: 87].

Сүйек пен мүйізден жасалған жебе ұштары дәстүрлі түрде ұңғылы және сағақты (шегелі) деп екі топқа бөлінеді. Сүйектен немесе мүйізден сапасы бірдей материал алу қиын болғандықтан, олардан жасалатын жебе ұштарының да өзіне тән ерекшеліктері болады. Оның үстіне жебе ұштарының барлығы бірдей бізге бастапқы пішінін жоғалтпай жеткен жоқ, олардың арасында

екінші рет өңделгендері де бар [Габуев 1982: 235]. Сол себепті негізінен жебе ұштарының кей түрлерінің саны мен кездесу жиілігіне ғана назар аудара отырып, оларға тек тұспалды және үстіртін типологиялық сипаттама беріп өтеміз.

Қондырмасының пішініне қарай сүйек пен мүйізден жасалған жебе ұштарын екі бөлімге бөлеміз: ұңғылы және сағақты.

Ұңғылы жебе ұштарын төрт типке бөлуге болады.

Бірінші типке ұңғылы төртқырлы жебелер жатқызылады. Ұштығы үшбұрыш болып келген, қалақшасының қырлары параллель орналасқан, қимасында ромб және шаршы тәріздес, мұнара пішінді жебе ұштары Бірлік қорымының 1 обасынан және Бектеңіз обасының 3 обасынан табылған. Өлшемдері 3,6–4,4×0,9 см [Хабдулина 1994: 49]. Осыған ұқсас жебе ұшы Бесоба қорымының 8 обасынан да табылған [Свиридов, Тлеугабулов 2015: 258]. Сондай-ақ, мұндай жебелер Томпақ асар қала орнының I, IV қазбаларынан да анықталған [Левина 1996: 199] б.д.д. VII–VI ғғ. мерзімделеді.

Екінші типке ұңғылы, оқ тәріздес, қимасы дөңгелек келген жебелер кіреді. Қарамұрын II қорымының 3 обасынан табылған [Маргулан и др. 1966: 365]. Ұқсас жебелер Верблюжьи Горки обалар тобының 2 обасынан және Елекшар I қорымының 6 обасынан кездескен [Епимахов, Таиров 2013: 223].

Үшінші тип ұңғылы, «тікенекті» жебелерден тұрады. Ұңғысы ашық келген оқ пішіндес жебелердің қырлары түбінен үшбұрыштай кесіліп тікенекке айналдырылған. Берел обасынан 1998–2015 жж. (2-сур.) осы типтес жебе ұштарының 20 шақтысы табылған [Чотбаев 2013: 87]. Сонымен қатар, Қатартөбе ескерткішінің 2 обасынан да осыған ұқсас жебе ұштары шыққан [Чотбаев, Онгар 2014: 73]. Б.д.д. IV–III ғғ. мерзімделеді.

Төртінші тип ұңғылы, қосқалақты жебелерден құралған. Бұндай жебе ұштарының екі түрі белгілі. Біріншісі, Қарамұрын II қорымының 1 обасынан шыққан, қазба авторының суреттеуінше «оның қалақтары төмен қаратылған, ұңғысының кішкентайлығы соншалық оның сапқа қалай бекітілгенін елестету қиын»* (*аудармасы авт. – ред.) [Маргулан и др. 1966: 364]. Екіншісі, Қапшағай III қорымының 20 обасынан табылған, анық көрініп тұрған төрт қыры бар және сапқа бекітілуге арналған жері екіге айырылған болып келеді. Жебе ұшының ұзындығы 7,5 см. Сағағы бөлшектене келген осы жебе ұшына ұқсастары б.д.д. I м.ж. соңғы үштен біріне жатқызылатын ескерткіштерден кездеседі [Акишев, Кушаев 1963: 273].

Сағақты жебе ұштарының арасында келесі типтерге жататындары кең таралған:

Бірінші типке сағақты, қалағының қимасы ромб тәріздес болып келген түрлері кіреді. Жебе ұштарының бұл түрі Жетіасар мәдениеті ескерткіштерінен көптеп кездеседі және Л.М. Левинаның пікірінше, Жетіасар сүйек жебе ұштарына сәйкес жебелер көршілес жатқан Орталық Қазақстанның Тасмола мәдениетінен,

2-сур. Берел қорымының № 18 обасынан табылған ұңғылы жебе ұшы

Аралдың шығысындағы Жаңадария, Іңқардария өзен аңғарларын мекен еткен сақтардан, Тува, Алтай, Оңтүстік Сібір, Алдыңғы Орал, Еділ бойы және т. б. ескерткіштерден анықталған [Левина 1996: 115].

Екінші типке сағақты, қалағының қимасы үш қырлы жебе ұштарын жатқыздық. Жебе ұштарының бұл типі де бірінші типке жататындары тәрізді Жетіасар мәдениетінен [Левина 1996: 115], Тасмола мәдениетінен [Маргулан и др. 1966: 364] және Берел обаларынан табылып отыр (3-сур.) [Чотбаев 2013: 87–88].

3-сур. Берел қорымының № 72 обасынан табылған сағақты жебе ұштары

Үшінші типке сағақты, жапырақ тәріздес қос қалағы бар түрлері енеді [Маргулан и др. 1966: 349].

Төртінші тип сағақты, төртқырлы және қимасында сопақша келген жебе ұштарынан тұрады. Бірлік қорымының 1 обасы және Бектеңіз кешенінің 3 обасы материалдары арасынан кездеседі [Хабдулина 1994: 49].

Бесінші тип сағақты, төрт қырлы, үш қалақты жебелерден құралады. Бұл типке Тасмола мәдениетінің екінші кезеңінің соңына жатқызылатын Қарамұрын II қорымының 1 обасынан шыққан жебелер кешені енеді [Вишневская 1992: 134].

Сүйек пен мүйізден жасалған сағақты жебе ұштарының алуан түрлі болып келетіндігін ескере отырып оларды шексіз түрде жүйелей беруге болады, оның үстіне зерттеушілердің әрқайсысы алынған материалдарды өз таным-түсінігіне сәйкес талдап, жіктеп кеткендігі мәселені күрделендіре түседі. Әр зерттеуші өз әріптестері ұсынған типтеуді қолданбай, өзіндік нұсқаларын ұсынған.

Сүйек ұңғы Лебедевка III қорымының 1 обасынан анықталды (4-сур.). Сармат қоғамында жақыннан ұрыс салу қаруының төбесін безендіріп тұрған деп саналатын бұл бұйымды зерттеушілер аң стилінде безендірілген, Блюменфельд А12 обасынан және Бережневка ауылының маңындағы II топтың 97-обасынан табылған сүйек бұйымдарға ұқсатады және мұндай мәдени жақындықты лебедевтік қорғандардағы «абыз» типіндегі жерлеу орындарымен байланыстырады [Батыс Қазақстанның скифтері 2007: 77, 83].

Ат әбзелдерінің бөлшектері. Тасмола V қорымының 1961 ж. зерттелген 3-обасынан табылған ат жүгенінің жинағы қызығушылық туғызады. М.Қ. Қадырбаевтың сипаттауынша бірінші бұйым үзеңгі тәріздес ауыздық бөлшегі түрінде; екінші бұйым мүйізден жасалған, қуыс жағында кесіп жасалған тесігі бар және шығыңқы жағында мәнерлеп салынған тағы бір тесігі

4-сур. Лебедевка III қорымының 1-обасынан табылған сүйек ұңғы

бар ат жүгенінің бөлшегі, бәлкім жегіске арналған бұйым болса керек. Жинақты үш моншақ толықтырып тұр. М.Қ. Қадырбаевтың түсіндіруінше бірінші моншақ ұзынша келген беттерінің бірінде үш білігі бар жалпақ сақина түрінде, ал қалған екеуі радиалды жайылған жапырақ кескінді ворворкалар [Маргулан и др. 1966: 324]. Олардың ат жүгенінің бөлшегі екендіктері туралы тұжырым қабір шұңқырында орналасқан жеріне байланысты жасалды. Бұйымдар жерленген адамның оң қолының білезік тұсында және сәл төменірек, сан жілігінің жанында жатты. Қазіргі уақытта бұл жинақ шашылып, әр жерде қалған. Алғашқы екі бұйымның қайда қалғаны белгісіз. Тасмола оба кешенінен табылған мүйіз сулықтар Қазақстан Республикасы Орталық музейінің қорында екендігіне қарағанда жүген бөлшектері де осы музейдің қорында сақтаулы болса керек. Әзірше бұл бұйымдардың нақты қай жерде сақтаулы екендігін анықтау мүмкін болмай отыр. Аталмыш музей өз мүддесіне сәйкес, жекелеген, сұрыпталған бұйымдарды ғана зерттеуге рұқсат етеді, барлық сүйек бұйымдар жинақтарын қарап шығуға мүмкіндік бермейді. Моншаққа келер болсақ, олар біз осы зерттеу жұмыстарын жүргізген уақытта «Ғылым ордасы» мекемесінің археология музейінде сақтаулы және экспозицияда тұрғандықтан оларға жақынырақ келіп зерттеу мүмкіндігі шектеулі болды.

О.А. Вишневскаяның пікірінше мүйіздің ұшындағы өскінінен, оның табиғи пішінін сақтай отырып жасалған *үштесікті сулықтар* ат әбзелдерінің типологиялық жағынан ең ерте жинағы болып саналады. Олар Қазақстан аумағынан қосымша тесігі жоқ, үзеңгі тәріздендіріп қоладан жасалған ауыздықтармен бір жинақта табылады. Әдетте олар жұбымен болады және қазіргі уақытта Қазақстанның оңтүстік-батысынан (Ұйғарақ қорымының 14, 50 және 69 обалары; Түгіскен қорымының № 45 обасы) [Вишневская 1973: 14, 40, 71], орталығынан (Тасмола V қорымының № 2 обасы; Тасмола VI қорымының № 1 обасы) [Маргулан 1966: 323, 335] және солтүстігінен (Қарасай II обасы, 1 қабір) [Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейінің... 2011: 263] табылып отыр. Л.С. Марсадоловтың жарияланымдарына сүйенсек, осыған ұқсас бұйымдар Алтайдан, Кавказдан және Украинадан табылған [Марсадолов 1998: 8]

О.А. Вишневская мұндай сулықтардың Шығыс Еуропада да кездесетіні туралы айта отырып, К.Ф. Смирновтың бұл сулықтардың скифалды және ерте скиф кезеңдерінің металл сулықтарымен генетикалық байланысы бар екендігін көрсеткен пікірімен келісетіндігін айтады [Вишневская 1973: 101]. Ол Орта Азиядан табылған ең көне түрлері Чустск және Дальневезринский қоныстарынан табылғандары деп санайды [Вишневская, Итина 1971: 201–202].

Бізге бұндай сулықтардың тек біреуінің, В.Ф. Зайберт 2000 ж. қазған Қарасай II обасының 1 қабірінен табылғанының ғана өлшемдері белгілі. Сулықтың ұзындығы 15,2 см, ұшындағы ені 0,3 см, жоғарғы жағындағы ені 1,4–2 см. Қазіргі уақытта бұл бұйым Орталық мемлекеттік музей қорында сақтаулы [Қазақстан Республикасы мемлекеттік орталық музейінің... 2011: 263].

Қарасай II обасының 1 қабірінен табылған *ат әбзелінің бөлшектері*. Б.д.д. VII–V ғғ. сүйектен тесу, жылтырату әдістерімен жасалған. Өлшемдері: ұзындығы 6,1 см, ені 1,8 см. Мәнерлеп жасалған, дөңгелек келген өтпелі тесігі бар, беті жылтыратылған [Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейінің... 2011: 261].

Ер-тұрман бөлшектері. Әзірше бізге сүйектен жасалған ер қасы туралы бір ғана дерек белгілі – Алтынасар 4в ескерткішінің № 104 обасынан ірі малдың сүйегінен жонылып жасалған ер қасы белгілі, бұл біздің дәуіріміздің алғашқы ғасырынан бастап Жетіасар қала орындарында кең таралғандарға ұқсас келген. Л.В. Левинаның пікірінше, қатты ердің әлдебір алғашқы нұсқасы болса керек [Левина 1996: 115].

5-сур. Берел қорымының № 36-обасынан табылған ер қастары

Сондай-ақ З. Самашевтің зерттеуінде кейбір берелдік ерлердің доға тәріздес жақтаушалары бар екендігі туралы осы қорымның № 36 обасынан табылған жәдігерлермен расталған мәлімет бар (5-сур.). Мүйізден жасалған ер қастарының сақталуы өте нашар бес фрагменттен тұрады. Бұйымдардың беті тегіс келген. Бұйымның ең жақсы сақталған фрагментінің жұмырлана келген

бір басына, дөңгелек пішіндес өтпелі тесіктер жұптастырыла жасалынған [Самашев 2011: 186].

Берел қорымының № 75 обасынан ер-тұрманның беде пішіндес сүйек әшекейі табылған (6-сур.) [Самашев 2011: 84].

Сүйек пен мүйізден жасалған тартпа тоғалары. Берел обасынан табылған тартпа тоғалары пішіні жағынан және ілігу әдісіне байланысты өскін мұрын, батырма мұрын немесе ілмек мұрын болып келген қызметтік бөлшектерінің орналасуына сай әртүрлі болып келеді [Самашев 2011: 151].

Берел қорымының 75 обасынан *ілмегі бар сүйек тоғаның сынығы* [Самашев 2011: 83], осы қорымының № 37 қорғанынан *жылжымалы тілшесі бар сүйек тоға* (7-сур.) табылды [Самашев 2011: 108–109]. Тартпа белдіктің сүйек тоғалары бұл жердегі № 15 обадан да шықты [Самашев и др. 2013: 161].

6-сур. Берел қорымының № 75-обасынан табылған ер-тұрманның беде пішіндес әшекейі

Ат әбзелдерінің мүйізден жасалған үлкен, әрі бірегей жинағы Берел қорымының 36-обасынан табылды. Олар мініс атының әшекейлері болып табылады, марал мүйізінен жасалған 66 бұйымнан тұрады және Қазақстан ерте көшпелілерінің сүйек ұқсату ісінің бірегей туындылары саналады. З. Самашев пен А.П. Бородовскийлердің пікірінше мұндай скиф-сібірлік аң стиілінде мүйізден асқан көркемдікпен ойып жасалған ерекше бұйымдар Алтайдың ғана емес, бүкіл Еуразияның ерте көшпелілерінің жерлеу орындарынан тұңғыш рет кездесіп отыр [Самашев, Бородовский 2004: 83]. Оба ашылған 2002–2004 жж. бері бұл бұйымдар З. Самашев, А.П. Бородовский, А.Н. Усачук, Е.Ю. Гиря және т. б. археологтар мен трасологтар тарапынан жан-жақты зерттеліп, ғылыми айналымға толыққанды енген жәдігерлер қатарына кірді.

Ерте көшпелілердің сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдарына жүргізілген трасологиялық зерттеулер олардың тас пен металдан жасалған, ұшы үшкір және жүзі өткір пышақ тәріздес құралдар мен түрлі диаметрдегі бұрғыларды қолданғанын көрсетіп отыр. Бұйымдар шабу, жону, кесу, тесу, керту, жылтырату әдістерімен жасалған.

Қамшы бөлшегі. Ортасында доға тәріздес келген сантиметрлік кесігі бар сүйек бұйым жілік сүйегінен жасалған, пазырық қорғандарынан табылған дүниелерге ұқсас келуі себепті З. Самашев қамшы бөлігіне жатқызады [Самашев 2011: 81].

Жуантөбе қорымының 12 обасынан табылған, жылқы пішіндес етіп жасалған және ілуге арналған ілмегі бар белгісіз бұйым назар аударуға тұрарлық. Алайда ол туралы А.Г. Максимованың мақаласында келтірілген шектеулі мәліметтен өзге ештеңе сақталмаған [Максимова 1960: 60]. Бұл бұйымды еліміздегі музей жинақтарының арасынан табуға тырысқан әрекетіміз сәтсіз болды. Бұл дүние жерлеу орнында жылқының жақ сүйегінің астынан шыққандықтан жүгеннің салпыншақ-әшекейі шығар деген болжамға келдік. Жүген салпыншағының тағы бір түрі (8-сур.) қабанның азу тістерінен жасалған, олар Берел қорымының № 11 обасынан шығып отыр [Самашев 2011: 163].

7-сур. Берел қорымының № 37 обасынан табылған жылжымалы тілшесі бар сүйек тоға

8-сур. Берел қорымының № 11 обасынан табылған жүген салпыншағы

Талқылаулар. Қазақстан ерте көшпелілерінің сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдарын арнайы зерттеу нысанына айналдырған зерттеуші шыға қойған жоқ. Әзірше тек жекелеген қазба авторларының өздері тапқан репрезентативті олжаларына қатысты жариялаған ғылыми еңбектері ғана бар. Солардың ішінде егжей-тегжейлілігімен ерекшелетіні З. Самашевтың авторлық және телавторлық еңбектері деуге негіз бар [Самашев, Бородовский 2004: 83; Самашев: 2018].

Қорытынды. Қазақстан археологтары үшін әлі де болса маңызды олжалар қатарына ілікпей отырған

сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдар ғылыми талдаудың заманауи мүмкіндіктерін пайдалана отырып зерттелген жағдайда тас, қола, темір және қыш жәдігерлермен тең дәрежеде дерек беруге әбден қабілетті. Алайда сүйек пен мүйіздің органикалық негізі тез бүлініске ұшырайтындықтан, олар «дұрыс» қазып алу мен музейлендіру мақсатында консервациялау аралығында шұғыл түрде зерттеп қалуды қажет етеді. Себебі сүйекті сақтау және жаңғырту мақсатында қолданылатын заманауи жаңғыртушылық әрекеттер оның бойындағы зерттеуші үшін маңызды іздерді жоғалтып жібереді. Сондықтан осы уақытқа дейін табылып, түрлі қорларда сақталып бізге жеткенімен, бұрынғы жәдігерлердің түр-сипатынан өзге ешқандай мәліметті келтіре алмадық. Тек бертінгі қазбалардан анықталған жекелеген жинақтарға ғана трасологиялық зерттеулер жүргізу мүмкін болып отыр. Дегенмен, белгілі бір уақыттан соң олар да семіп, құрып кететіндіктен, бұл мақала бұйымдар тым болмаса осылай жүйеленіп, сипатталып ғылыми айналымда қалсын деген мақсатпен жазылды.

Алғыс: Мақалаға қажетті фото және басқадай деректерді берген З. Самашевқа және трасологиялық зерттеулер барысында үлкен көмек көрсеткен А. Ержановаға зор алғысымды білдіремін.

ӘДЕБИЕТ

- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 320 с.
- Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана: Учебное пособие для студентов вузов. Алматы: Қазақ университеті, 2006. 355 с.
- Батыс Қазақстанның скифтері. Алматы: Исламнұр, 2007, 208 б.
- Вишневская О.А. Культура сакских племён низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. По материалам Уйгарака. / Тр. ХАЭЭ. Т. VIII. М.: Наука, 1973. 160 с.
- Вишневская О.А. Центральный Казахстан // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. Серия: Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 130-140.

- Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. / МИА № 177. М.: 1971. С. 197-208.
- Габуев Т.А. Костяные наконечники стрел сгородища Джеты-Асар 2 // СА. 1982. № 2. С. 235-237.
- Епимахов А.В., Таиров А.Д. К вопросу о переходе от бронзового к раннему железному веку в Урало-Иртышском междуречье (степь и лесостепь) // Российский археологический ежегодник. 2013. № 3. С. 211-231.
- Қазақстан Республикасы мемлекеттік орталық музейінің археологиялық коллекциясы: сақтар мен үйсіндер мәдениеті (иллюстрацияланған ғылыми каталог), қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде. Алматы: Өнер, 2011. 320 б.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Вост. лит., 1996. 396 с.
- Максимова А.Г. Курганы сакского времени могильника Джувантобе // КСИИМК. 1960. Вып. 80. С. 60-64.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. 436 с.
- Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII-V веках до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Сб. науч. тр. - Барнаул, 1998. С. 5-24.
- Подушкин А.Н. Об особенностях конструкции и обряда некоторых катакомбных погребений арысской культуры Южного Казахстана III в до н.э. – II в. н.э. // Труды ФИА. Всадники Великой степи: традиции и новации. Астана: Изд. группа ФИА, 2013. С. 55-60.
- Подушкин А.Н. О назначении предметов дистанционного оружия из катакомб Южного Казахстана // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: м-лы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) [Электронный ресурс] / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во Южн. науч. центра РАН, 2014. 455 с.
- Самашев З. Берел. Алматы: Изд. дом «Таймас», 2011. 236 с.
- Самашев З. Берел. Отыз алтыншы қорған. Астана: Қазақ ғылыми зерттеу мәдениет институтының баспа тобы, 2018. 332 б.
- Самашев З.С., Бородовский А.П. Роговые украшения конской узды и упряжи из Берельского некрополя. // АЭАЕ. 2004. № 3 (19). С. 82-87.
- Самашев З., Онгар А., Жунисханов А., Қиясбек Г., Кашкинбаев К.А., Қызырхан М. Берел 2013. Новые исследования // Труды ФИА. Т. II / Науч. ред. А. Онгар. Астана: Изд. гр. ФИА, 2013. С. 159-163.
- Свиридов А.Н., Тлеугабдулов Д.Т. Раннесакский комплекс могильника Бесоба в среднем течении реки Ишим // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА Бегазы-Тасмола, 2015. С. 255-259.
- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.
- Чотбаев А.Е. Предметы вооружения из ранних кочевнических курганов могильника Берел // Труды ФИА. Т. 2. Астана: Изд. гр. ФИА, 2013. С. 86-90.
- Чотбаев А., Онгар А. Некрополь Катартобе – памятник кочевой элиты восточного Жетысу // Труды ФИА. Всадники Великой степи: традиции и новации. Т. 4. Астана: Изд. гр. ФИА, 2014. С. 63-87.

А. Е. Чотбаев

Айдос Ербулатович Чотбаев,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан; archtopmail@mail.ru

Новые материалы по вооружению ранних кочевников Казахского Алтая

Аннотация. В статье представлены результаты археологических исследований памятников раннего железного века Казахского Алтая. В результате раскопок были получены уникальные материалы, характеризующие различные стороны жизни древнего населения региона, интересными среди них являются предметы вооружения. Комплекс представлен традиционными видами оружия дистанционного и ближнего боя. Представленные в работе материалы впервые обнаружены на территории Казахского Алтая и позволяют разработать ряд проблем относительно появления памятников пазырыкского времени на рассматриваемой территории.

Ключевые слова: археология, Казахский Алтай, оружие, военное дело, ранний железный век, пазырыкская культура

Айдос Ерболатулы Чотбаев,
Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ, Қазақстан

Қазақ Алтайы ерте көшпелілерінің қарулары бойынша жаңа мәліметтер

Аннотация. Мақалада Қазақ Алтайының ерте темір дәуірі ескерткіштерін археологиялық зерттеудің нәтижелері берілген. Қазба нәтижесінде өңірдің ежелгі тұрғындары өмірінің әр түрлі жақтарын сипаттайтын ерекше мәліметтер алынды, бұлардың ішіндегі қызықтысы қару болды. Кешен қашықтан және жақыннан соғысуға арналған қару түрлерінен құралған. Жұмыста беріліп отырған материалдар алғаш рет Қазақ Алтайы территориясынан табылды және қарастырылып отырған территорияда пазырық уақыты ескерткіштерінің пайда болуына байланысты мәселелер ретін қарастыруға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: археология, Қазақ Алтайы, қару, әскери іс, ерте темір дәуірі, пазырық мәдениеті

Aidos Chotbayev,
Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

New Information about Weaponry of the Early Nomads of the Kazakh Altai

Abstract. The article presents the results of archaeological research of the monuments of the early Iron Age of the Kazakh Altai. As a result of the excavations, unique materials were obtained that characterize various aspects of the life of the ancient population of the region, interesting among them are weapons items. The complex is represented by traditional types of remote and melee weapons. The materials presented in the work were first discovered on the territory of the Kazakh Altai and allow us to develop a number of problems regarding the appearance of monuments of the Pazyryk period in the territory under consideration.

Keywords: archaeology, Kazakh Altai, weapons, military, Early Iron Age, Pazyryk culture

С 2018 г. на территории Казахского Алтая проводились археологические исследования в рамках грантовых проектов КН МОН РК и МКС РК, в результате были изучены десятки памятников широкого хронологического диапазона (I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.) [Чотбаев и др. 2018; 2020; Чотбаев 2019а; 2019б; 2020]. Получены новые материалы по различным аспектам жизнедеятельности древнего населения региона. Среди находок преобладают керамические сосуды, предметы одежды и конского снаряжения, украшения. Наиболее интересными из них, являются предметы вооружения, изготовленные из бронзы, которые не часто встречаются среди погребального инвентаря.

Ниже остановимся на недавно исследованных памятниках, откуда происходят новые предметы вооружения. Причем, предметы вооружения будут представлены в комплексе с погребальным инвентарем с указанием их места расположения, так как данная информация необходима для получения полноценной картины и реконструкции, а так же для хронологической атрибуции этих вещей.

Комплексы с предметами вооружения обнаружены в материалах двух могильников, расположенных в 70 км друг от друга.

Могильник Топкайын, курган № 2 (Катон-Карагайский р-н, ВКО, РК). Памятник известен еще с начала XX в. под названием Солонечные белки [Адрианов 1912], с 2018 г. материалы данного могильника вводятся в научный оборот под названием Топкайын, так как у данной местности есть исторический топоним.

Погребение человека в данном кургане совершено в прямоугольной могильной яме, вдоль южной стенки в скорченном положении, ориентирован головой на восток (рис. 1). Между трубка-

Рис. 1. Топкайын, курган № 2. Могильная яма

Рис. 2. Топкайын, қурган № 2. Наконечники стрел

тых костей нижних конечностей погребенного обнаружены два костяных трехгранных втульчатых наконечника стрел (рис. 2). Боевая головка в сечении трехгранная, грани в нижней части переходят в небольшие жальца. Грани отшлифованы, насад черешковый. Размеры: длина первого наконечника – 4,5 см, ширина – 1,1 см, длина сохранившейся части черешка 1 см; длина второго наконечника – 5 см, ширина – 0,8 см, черешок отломан у основания (рис. 3).

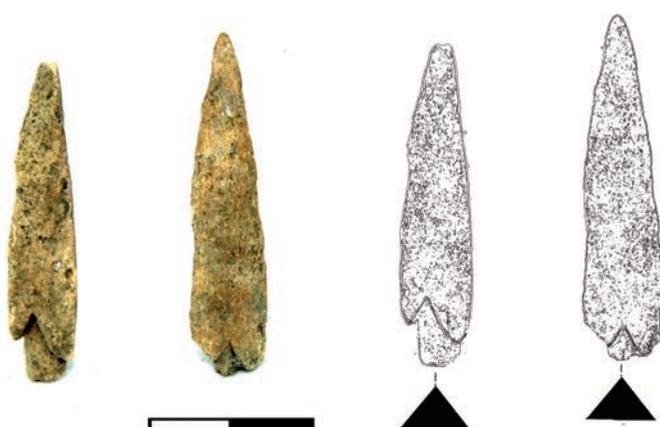

Рис. 3. Топкайын, қурган № 2. Наконечники стрел

Бронзовый чекан с остатками деревянной рукояти находился между погребениями человека и лошади, боевой частью направлен вниз (рис. 4). Размеры: длина чекана – 12 см, на втулке сохранился фрагмент деревянного черенка. Втулка в сечении овальной формы, диаметр 2 см. Боевая часть плоская или килевидная, ширина 1,5 см, длина 5 см, с заостренным в одну сторону концом. Обух, так же

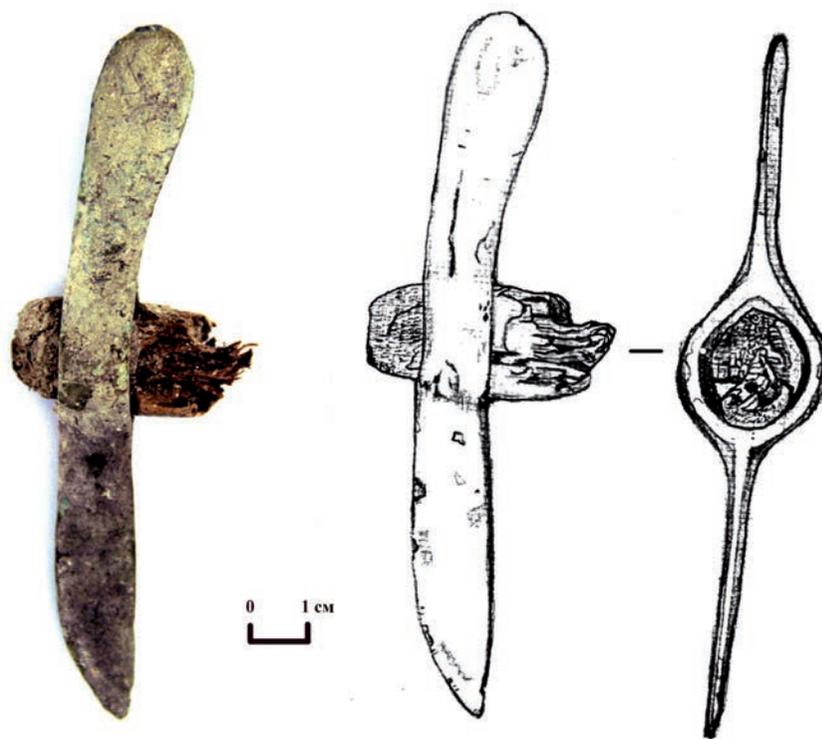

Рис. 4. Топкайын, курган № 2. Бронзовый чекан

плоский, но уже с закругленным концом. Длина 4 см, ширина 1,5 см. Диаметр сохранившейся части рукояти 1,5 см.

Около тазовой кости погребенного обнаружен бронзовый кинжал (рис. 5). Кинжал обоюдоострый с прямым перекрестием с округленными торцами, наверху прямое, закругленное. Размеры: длина кинжала – 19,5 см, рукояти с навершием – 9 см, клинка – 9,5 см, перекрестье 1 см. Ширина рукояти – 1,5 см, клинка у основания – 2 см. Общая длина 215 мм, в т. ч. лезвие – 105 мм, рукоять – 110 мм. Под кинжалом сохранились остатки ножен, основание которого сделано из дерева и обернуто кожей. На ножнах фиксируется фрагмент кожаного ремешка.

Следующий комплекс вооружения зафиксирован в результате исследования кургана № 1 могильника Шу, расположенного недалеко от поселка Аккайнар (Черновая) (Катон-Карагайский р-н, ВКО).

В прямоугольной могильной яме зафиксировано парное погребение (рис. 6).

Первый костяк (северный) (мужской?) – положен на правый бок. Выше черепа выявлен фрагмент бронзового изделия, по форме напоминающего однолезвийный нож. На левой тазовой кости находился бронзовый кинжал, на клинке сохранились следы ножен. Рядом с ним – бронзовый чекан. В районе сочленения таза с бедренной костью обнаружен бронзовый колчанный крюк. Он с округлым в сечении стержнем, верхняя часть округлой формы, причем лицевая сторона имеет небольшую выпуклость, на обратной стороне фиксируется петля, предназначенная для ремешка, по-

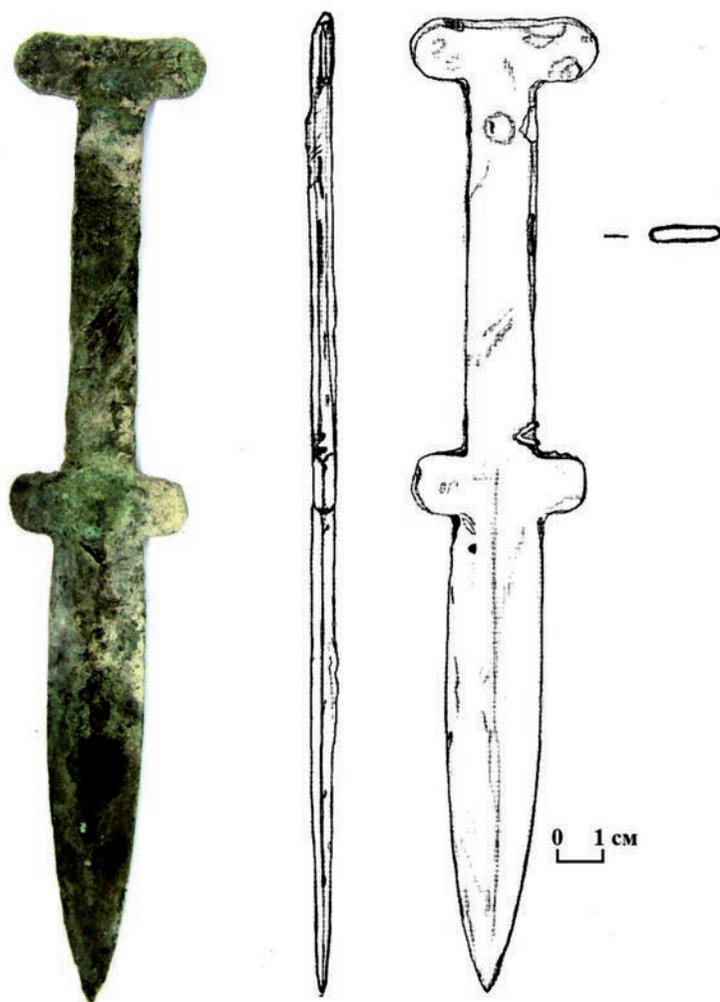

Рис. 5. Топкайын, қурган № 2. Бронзовый вотивный кинжал

положению кинжала, чекана и колчанного крюка, они были подвешены к кожаному поясу, который не сохранился.

Рядом с черепом находилось три развала керамических сосудов. По форме и размерам они разные. Крупный сосуд кувшинообразный, второй – с раздутым туловом и плоским дном. Выше черепа выявлены кости крестца МРС, среди которых фиксируется фрагмент железного изделия, форму установить сложно.

Второй костяк положен позади первого, также на правом боку. Сохранность костей удовлетворительная. Размеры погребенного намного меньше первого. Между ногами первого и второго погребенных находятся три костяных наконечника, трехгранных с черешковым насадом (рис. 10). Под бедренными костями находилось кожаное изделие с матерчатой вкладкой, оказавшееся чехлом бронзового зеркала, находившегося внутри (рис. 11).

средством которого крюк подвешивался к поясу. Размеры: длина предмета – 8,5 см, крюка – 6 см, шляпки – 2,5 см; ширина – 2,5 см; толщина стержня – 0,7 см (рис. 7). Между кинжалом и чеканом выявлен костяной наконечник стрелы. По форме стрела трехгранная в сечении, с черешком. Кинжал бронзовый с прямым брусковидным навершием и с небольшим выступающим перекрестием, клинок обоюдоострый, рукоятка прямая, плоская в сечении. Длина кинжала – 17 см, клинка – 10 см, ширина клинка – 2 см, длина рукояти с перекрестьем – 7 см, ширина перекрестья – 3 см, ширина навершия – 3,5 см (рис. 8).

Чекан так же бронзовый с округлой втулкой для рукояти, стержни боевой части и обуха в сечении округлые, боевая часть заострена, конец обуха закругленный. Размеры: длина – 13 см, боевой части – 6 см, обуха – 5 см; диаметр втулки – 2,3 см, внутренней части втулки – 1,2 см. Толщина боевой части в сечении 0,8 см, толщина обуха – 0,9 см (рис. 9). Судя по рас-

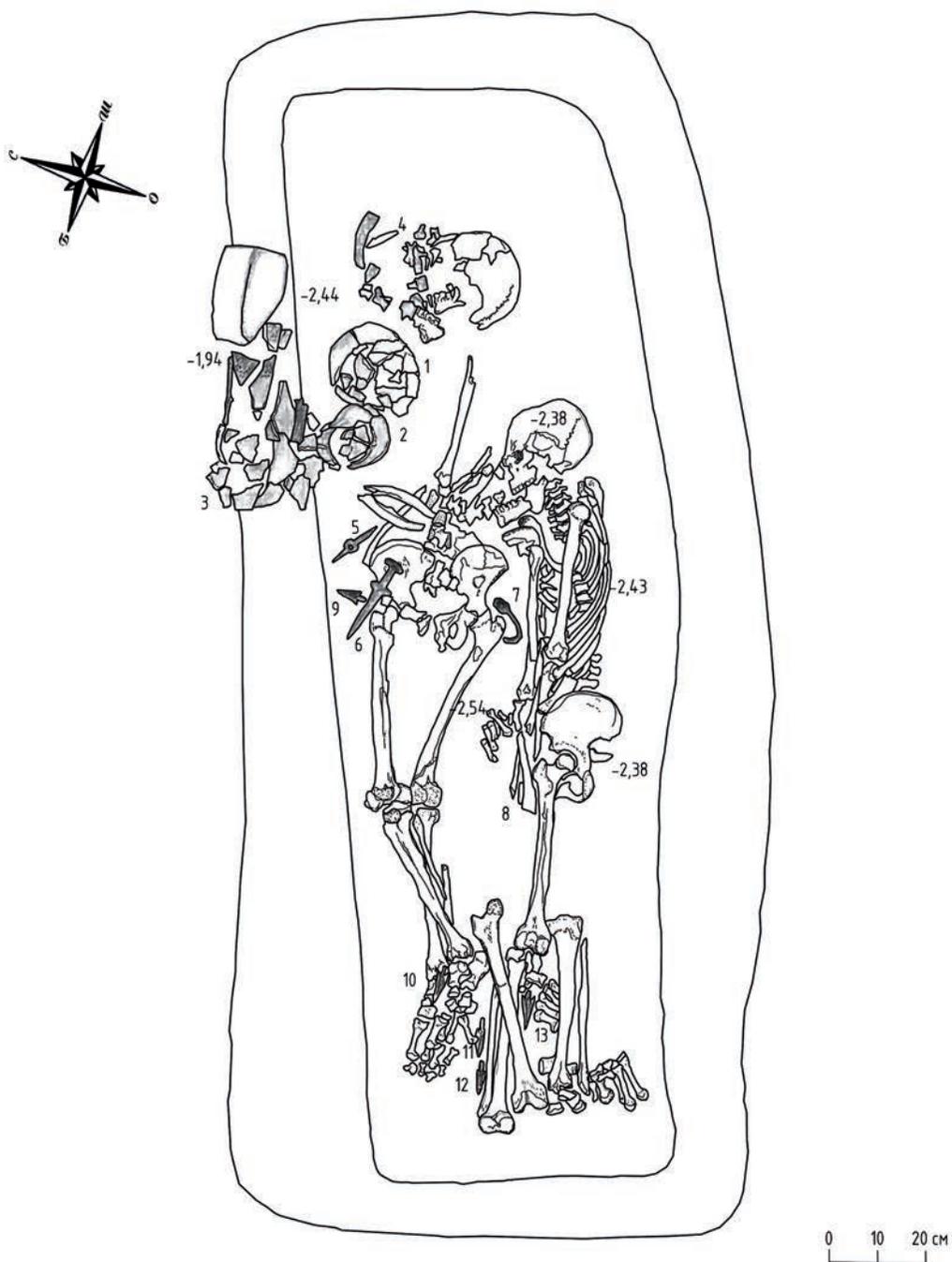

Рис. 6. Шу, курган № 1. План погребения

Рис. 7. Шу, курган № 1.
Бронзовый колчаный крюк

К настоящему времени накоплен массив предметов вооружения, опубликованного в разных изданиях. Они привлекались для разработки классификационных схем и составления типологического ряда. В целом, они широко известны специалистам по военному делу древнего населения Алтая [Сорокин 1966; Марсадалов 2002]. Тем не менее, за последние годы в результате археологических исследований получены новые находки данной категории. Они бронзовые и происходят из мест, где ранее подобные предметы были не известны.

Комплекс вооружения древнего населения Казахского Алтая рассматривался в разных статьях, где приводилось описание, предварительная датировка [Самашев и др. 1998; 2008]. Данная тематика хорошо разработана для памятников Горного и степного Алтая

Рассмотренные выше предметы вооружения идентичны по размерам, форме, и материалу изготовления, отличие состоит лишь в совершении погребального обряда. В кургане № 2 могильника Топкайын погребенный человек сопровождается захоронением коня, который судя по отверстию на черепе, был умерщвлен ударом чекана. В могильной яме кургана № 1 могильника Шу зафиксировано парное погребение (без сопроводительного погребения лошади). Погребения совершены в деревянном ящике, от которого остались лишь фрагменты. Что касается предметов вооружения, то они относятся к категории редко встречающихся, кроме наконечников стрел.

Рис. 8. Шу, курган № 1.
Бронзовый вотивный кинжал

[Плотников 1981; Худяков 1980; 1991; 1995; Лысов 2012], где они повсеместно происходят из датированных памятников, и являются массовым, а так же в некоторых случаях датирующим материалом. На вооружении у древнего населения Алтая были лук и стрелы, кинжалы, чеканы. Наиболее массовыми находками являются наконечники стрел.

Представленные в данной работе стрелы костяные или роговые. Данный тип наконечников стрел встречается массово на памятниках раннего железного века Казахского Алтая, такая ситуация характерна в основном для памятников пазырыкского времени. На сегодняшний день нам известен лишь один бронзовый наконечник стрелы из могильника Берел [Чотбаев 2013].

Костяные наконечники стрел рассматривались часто, сделаны попытки по классификации и типологии, а также рассматривался аспект использования их как хронологического маркера [Кочеев 1987: 55–60]. По мнению исследователей костяные наконечники стрел массово появляются и вытесняют бронзовые изделия с конца VI в. до н.э. [Марсадолов 2002]. Такую датировку стрел возможно применить и для изделий из Казахского Алтая, т. к. основную массу собранных наконечников из памятников пазырыкского времени составляют костяные или роговые наконечники, но эти памятники относятся к III в. до н.э. Памятники начального этапа пазырыкской культуры еще не изучены, возможно вышеописанные курганы из могильников Топкайын и Шу можно датировать V в. до н.э.

Что касается оружия ближнего боя, то существуют работы охватывающие разные аспекты их появления и бытования. Исследователи предметов вооружения раннего железного века Алтая, предложили разделить кинжалы и чеканы на боевые, уменьшенные и

Рис. 9. Шу, курган № 1. Бронзовый чекан

Рис. 10. Шу, курган № 1.
Роговые черешковые наконечники стрел

Рис. 11. Шу, курган № 1. Бронзовое зеркало и чехол

миниатюрные, основываясь на их размерах [Кочеев 1999: 79]. По мнению исследователей, с сер. I тыс. до н.э. появляются миниатюрные копии оружия, в частности такая ситуация характерна для чекана и кинжалов [Кочеев 1999]. Если подходить в контексте подобного деления, то представленные в данной работе кинжалы и чеканы по размерам относятся к категории вотивных. Большинство исследователей предполагают, что модели оружия изготавливались по примеру боевых [Кубарев 1992: 58; Суразаков 1989: 40; Кирюшин, Степанова 2004: 54; и др.]. Кроме того, исходя из датировок наконечников стрел, в частности роговых, которые становятся преобладающими с VI в. до н.э. мы относим вышеуказанные предметы к концу VI–V в. до н.э.

Таким образом, что касается хронологической атрибуции анализируемых материалов, то по уже известным аналогиям из датированных памятников Горного Алтая и сопредельных территорий [Марсадолов 1997: рис. 15; Кирюшин и др. 1996: рис. 9, 2; Шульга 2005; Кубарев и др. 2007] курганы Топкайына и Шу относятся ко 2-й пол. VI – нач. IV в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Адрианов А.В. Отчет о поездке летом 1911 года. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1912. С. 105-111
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 115-134.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 282 с.: ил.
- Кочеев В.А. О костяных наконечниках стрел эпохи раннего железа из курганов Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 55-60
- Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. № 4. С. 77-82.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

- Лысов М.Ю. Модели оружия в памятниках пазырыкской культуры // Новые исследования и материалы. Труды Третьей Междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 16–18 мая 2012 г.). Ч. II. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. URL: <https://memo-randum.net/katalog/interesnye-stati/modeli-oruzhiya-v-pamyatnikakh-pazyrykskoy-kultury-lysov-m-yu-barnaul/>
- Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда) / Саяно-Алтайская экспедиция Гос. Эрмитажа. Вып. 1. СПб.: [б.и.], 1997. 56 с.
- Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм наконечников стрел на Алтае в конце IX–IV вв. до н.э. // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий: сб. науч. трудов / под ред. В.В. Горбунова, А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 36-43.
- Плотников Ю.А. Наконечники стрел из могильника Кызыл-Ту // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 110-115.
- Самашев З., Жумабекова Г., Ермолаева А., Омаров Г. Раннесакские наконечники стрел из Казахского Алтая // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: м-лы междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 2–5 сентября 1998 г.). СПб., 1998. С. 155-160.
- Самашев З., Ермолаева А., Куц Г. Древние сокровища Казахского Алтая. Алматы: Онер, 2008. 200 с.
- Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 39-60.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва, 1989. 216 с.
- Худяков Ю.С. Сложение военного дела культур скифского времени в Южной Сибири // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 135-144.
- Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- Худяков Ю.С. Дискуссионные вопросы Сибирского оружейведения // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 149-155.
- Чотбаев А.Е. Комплекс вооружения некрополя Берел // Труды ФИА. Т. 2. Астана: ФИА, 2013. С. 86-91.
- Чотбаев А.Е. Қазақ Алтайындағы Топқайың (Солонечные белки) қорымындағы археологиялық зерттеулер жайында // Абай атындағы ҚазҰПУ-нің Хабаршысы. «Тарих және саяси-әлеуметтік ғыл.» сер. 2019а. № 1 (60). 398-409-бб.
- Чотбаев А.Е. Исследования на могильнике Каракаба в 2018 году // Алтай – Түркі әлемінің алтын бесігі. Өскемен, 2019б. 110-119-бб.
- Чотбаев А.Е. Предварительные результаты археологических исследований памятников Казахского Алтая в 2020 г. // Genesis: исторические исследования. 2020. № 10. С. 55-66. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.10.34075
- Чотбаев А.Е., Самашев З. Археологические исследования на могильнике Таутекели в Казахском Алтае в 2019 году // Маргулановские чтения – 2020: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). В 2-х т. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. Т. 2. С. 295-308.
- Чотбаев А., Самашев З., Толегенов Е. Начало археологических исследований на могильнике Топкайын (Солонечные Белки) // Алтай – Түркі әлемінің алтын бесігі. Өскемен, 2018. С. 21-25
- Шульга П.И. О методике раскопок и погребальном обряде пазырыкской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2005. Вып. 1. С. 42-51.

**Б. Сиздиков,
М. Гурсой,
А. Сералиев**

**Бағдаулет Сиздиков,
Музаффер Гурсой,**
Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті,
Түркістан қ, Қазақстан,
bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz
Али Сералиев,
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің докторанты,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан, ali.seraliiev@mail.ru

Мыңтөбе қорымынан табылған ғұрыптық саз ыдыс

Аннотация. Ежелгі дәуірлерде өмір сүрген тайпалардың дүниетанымы мен діни-ғұрыптық сенімдерінде ғұрыптық саз ыдыстардың маңызды орынға ие болғандығы белгілі. Ежелгі тайпалар діни ғұрыптық рәсімдерінде қолданатын саз ыдыстарына айналасында көріп жүрген жануарларды белгілі бір мақсатта бейнелеп отырған. Еуразия құрлығында мекендеген көшпелі және отырықшы тайпалардың ескерткіштерінен ғұрыптық саз ыдыстар мен қазандар көптеп табылуда. Өкінішке орай ғұрыптық саз ыдыстардың қолданылу мақсаты, таралу аймағы, хронологиясы және аймақтық ерекшеліктері аз зерттелген. Мақалада Мыңтөбе қорымынан табылған ғұрыптық мақсатта қолданылған зооморф тұтқалы саз ыдысты зерттеп, ғылыми айналымға енгізуді мақсат еттік. Аталмыш тақырып аясында ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізе отырып, зооморф тұтқалы саз ыдыстардың пайда болуын анықтауды жөн санадық. Мақалада, осы күнге дейін аз зерттелген зооморф тұтқалы саз ыдыстарды зерттей келе, ыдыстардың қолданылу мақсатына, таралу аймағына, хронологиясына және аймақтық ерекшеліктеріне тоқтала отырып, ыдыстарды қаңлы және сармат тайпалары тарапынан көптеп қолданғандығын анықтадық.

Түйін сөздер: Сырдария, Мыңтөбе, ғұрыптық ыдыс, зооморф тұтқа, наным-сенім, қаңлы, сармат

**Бағдаулет Сиздиков,
Музаффер Гурсой,**
Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясауи,
Түркестан, Казахстан,
Али Сералиев,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан

Ритуальная глиняная посуда из могильника Мынтөбе

Аннотация. В религиозных представлениях и обрядности племен, живших в древности, глиняные сосуды занимали важное место. Декорирование сосудов изображениями животных и дальнейшее их использование в ритуалах не случайно. Об этом свидетельствует большое количество зооморфно украшенных глиняных сосудов и котлов, выявленных в памятниках кочевых и оседлых племен, населявших Евразийский континент. Назначение, ареал, хронология и региональные особенности декорированных таким образом глиняных сосудов малоизучены. В статье в научный оборот вводится глиняный сосуд с зооморфной ручкой, выявленный в ходе раскопок могильника Мынтөбе; сделаны попытки обозначить ареал, причины, время появления на

© 2022 Сиздиков Б., Гурсой М., Сералиев А.

*Мақала Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі тарапынан қаржыландырылған, жеке тіркеу номері AP13068455, 2022–2024 жж. арналған ғылыми жоба негізінде дайындалды.

сосудах ручек со стилизованными изображениями животных. Рассматривая такие аспекты, как хронология и региональные особенности сосудов с зооморфным декором ручек, мы пришли к выводу, что они были широко распространены в культуре канлы и сарматов.

Ключевые слова: Сырдарья, Мынтөбе, ритуальная утварь, зооморфная ручка, верования, канлы, сармат

**Bagdaulet Sizdikov,
Muzaffer Gursoy,**

Khoja Ahmed Yasawi International Kazakh-Turkish University,
Turkistan, Kazakhstan,

Ali Seraliyev,

Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Ritual pottery from the Myntobe burial ground

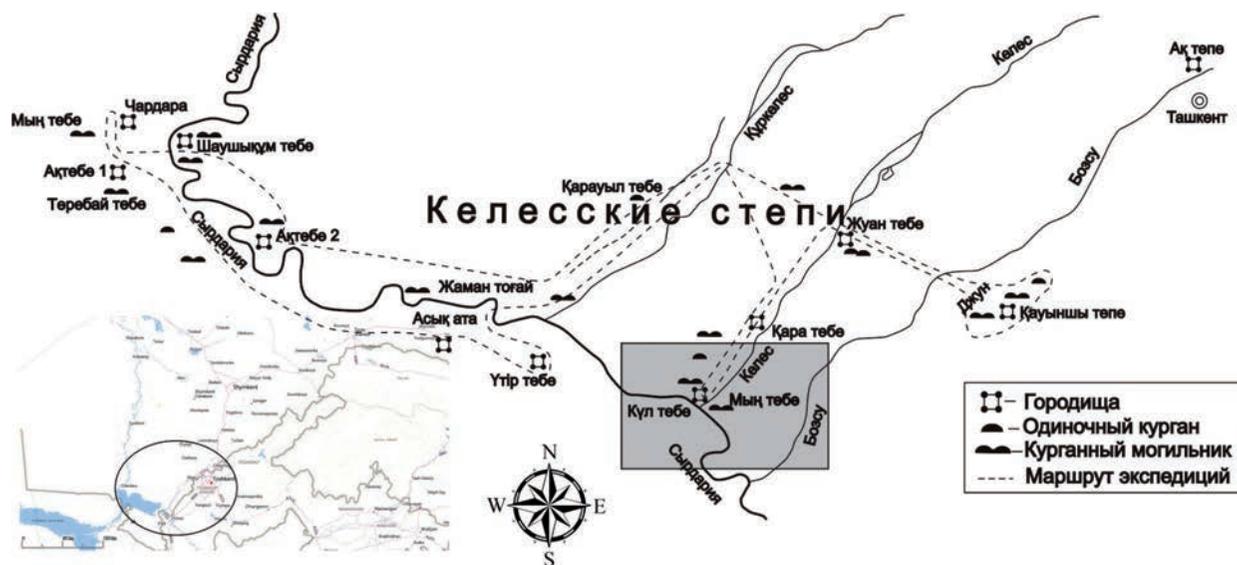
Abstract. In the religious beliefs and rituals of the tribes who lived in antiquity, clay vessels occupied an important place. Decorating vessels with images of animals and their further use in rituals is not accidental. This is evidenced by a large number of zoomorphically decorated clay vessels and cauldrons identified in the monuments of nomadic and settled tribes inhabiting the Eurasian continent. The purpose, area, chronology and regional features of clay vessels decorated in this way are poorly studied. In the article, a clay vessel with a zoomorphic handle, identified during the excavations of the Myntobe burial ground, is introduced into scientific circulation; attempts are made to designate the area, causes, and time of appearance of handles with stylized images of animals on the vessels. Considering such aspects as chronology and regional peculiarities of vessels with zoomorphic decoration of handles, we came to the conclusion that they were widespread in the culture of the Kangly and Sarmatians.

Keywords: Syr Darya, Myntobe, ritual utensils, zoomorphic handle, beliefs, Kangly, Sarmatians

Кіріспе

Мыңтөбе қорымы Сырдария өзенінің ортаңғы ағысының оң жақ беткейінде, Келес өзенінің Сырдарияға құяр тұсында орналасқан. Мыңтөбе қорымының географиялық координаты: N 41.013238, E 68.626213, теңіз деңгейінен биіктігі – 285 м. Оңтүстік батыс – солтүстік шығыс бағытында 2 км созылып жатқан қорымда шашыраңқы түрде 646 оба орналасқан. Обалардың диаметрі 6–33 м, биіктіктері 0,65–4,30 м болып келуде [Жетибаев және т. б. 2020: 410]. Қорымның шығысында ежелгі Қаратөбе, Қауыншытепе, Жуантөбе, Ақтепе және Шаш қалашықтары, ал солтүстік батысында Күлтөбе, Үтіртөбе, Ақтөбе, Шаушықұмтөбе және Шардара қалашықтары орналасқан (1-сур.). Аймақта Сырдария өзеніне құятын суы мол Құркелес, Келес, Шыршық және Ангрен өзендері орналасқандықтан, аймақ Орталық Азияның суы мол аймақтарының бірі болып табылуды. Жоғарыда аталған өзендердің бойында орналасқан қалалар мен үлкен көлемді қорымдарға қарай отырып, аймақта көшпелі және отырықшы тайпалардың ежелгі дәуірден бастап өмір сүргендігін болжауға болады. Себебі Сырдария алқабы, Орталық Азиядағы көшпелі мал шаруашылығымен айналысқан халықтармен отырықшы егін шаруашылығымен айналысқан халықтардың арасындағы табиғи шекара болып табылды.

Аймақта өмір сүрген ежелгі тайпалардың бірі қаңлылар, б.д.д. II – б.д. VI ғасырларда оңтүстікте Ферғана аймағынан, солтүстікте Сырдарияның төменгі ағысына дейінгі, ал шығыста Қаратау беткейлерінен Талас өзеніне дейінгі аралықта мемлекеттік дәрежеде билік құрып, қаңлы мәдениетін қалыптастырады [Бичурин 1950: 149-151; Байпақов, Таймағамбетов 2009 160-163; Подушкин 2019: 161; Талеев және т. б. 2019: 50-51]. Сыр өңірін ұзақ жылдар бойы зерттеген Г.В. Григорьев, С.П. Толстов, А.Н. Бернштам, Л.М. Левина секілді ғалымдар қаңлы мәдениетін аймақтық ерекшеліктеріне қарай үшке бөліп қарастырды. Бұл мәдениеттер, алғашқы ауқымды зерттеулер жүргізілген орталықтардың атымен қауыншы, отырар-қаратау және жетіасар мәдениеттері деген атауларға ие болды [Байпақов, Таймағамбетов 2009: 208-230].

1-сур. Келес өңірінің археологиялық картасы
([Максимова және т. б. 1968]: бойынша)

Қауыншы мәдениетіне жататын ескерткіштер, Сырдарияның ортаңғы ағысы, Құркелес, Келес, Шыршық және Ангрен өзендерінің аңғарларында, яғни Ташкент оазисінде орналасқан. 1934-1938 жылдары Г.В. Григорьев басшылығындағы Янгиюль археологиялық экспедициясының көп жылдық зерттеулерінің нәтижесінде Ташкент оазисіндегі қаңлы мәдениетінің аймақтық ерекшелігі анықталып, оған «Қауыншы мәдениеті» деген атау берілді [Левина 1971: 90-91; Байпақов, Таймағамбетов 2009: 220]. Отырар-Қаратау мәдениетіне жататын ескерткіштер Сырдарияның ортаңғы ағысы, Қаратаудың оңтүстік және солтүстік беткейлері мен Талас, Арыс, Бөген өзендерінің аңғарларында орналасқан. 1948-1952 жылдары А.Н. Бернштамның басшылығындағы Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының зерттеулерінің нәтижесінде отырар-қаратау мәдениетінің өзіндік ерекшелігі анықталып, ғылыми айналымға енгізілді [Агеева, Пацевич 1958: 19-60; Левина 1971: 193-224; Байпақов, Таймағамбетов 2009: 208-219]. Жетіасар мәдениетінің ескерткіштері Аралтеңізінің шығысында, Сырдарияның төменгі ағысындағы Қуандария, Жаңадария өзендерінің аңғарларында орналасқан [Левина 1971: 10]. 1948-1951 жылдары С.П. Толстовтың басшылығындағы Хорезм археологиялық – этнографиялық экспедициясының көп жылдық зерттеулерінің нәтижесінде жетіасар мәдениетінің ескерткіштері жоғары деңгейде зерттеліп, жетіасар мәдениеті жайында бірнеше еңбектер жарыққа шықты [Байпақов, Таймағамбетов 2009: 223]. Жоғарыда аталған үш мәдениеттің ескерткіштерінен табылған археологиялық жәдігерлер, қаңлы тайпаларының б.д.д. II – б.д. VIII ғасырларда өмір сүріп өз мемлекетін қалыптастырғандығын көрсетті [Левина 1971: 5-242; Байпақов, Таймағамбетов 2009: 208-230].

Қаңлы тайпаларының өмір сүрген аймақтарының ішінде Құркелес және Келес өзендерінің аңғарларындағы ескерткіштер өте аз зерттелген. Біздің экспедиция Келес өзені бойындағы Мыңтөбе қорымында археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізіп, № 3 обадан дромосты катакомбалық жерлеу орнын анықтады. Жерлеу орнынан бес адамның қаңқасы мен жеті дана саз ыдыс, үш қанатты сапты темір жебе ұшы, темір пышақ, он дана моншақ және қола түтікше анықталды. Анықталған құмыралардың біреуінің тұтқасы зооморф түрінде жасалынып, ғұрыптық мақсатта қолданылғандығы белгілі болды.

Бұл мақалада осы күнге дейін аз зерттелген ғұрыптық мақсатта қолданылған зооморф тұтқалы саз ыдыстар жайында сөз өрбітілген. Бұлардың қолданылу мақсаты, таралу аймағы, хоронологиясы және аймақтық ерекшеліктері қарастырылған. Еуразия құрлығында мекендеген қаңлы және сармат тайпаларының ескерткіштерінен табылған зооморф тұтқалы саз ыдыстарының өзіндік ерекшеліктері анықталған.

Зооморф тұтқалы саз ыдыстардың қолданылу мақсаты

Еуразия құрлығында мекендеген тайпалардың ескерткіштерінен зооморф тұтқалы ыдыстар мен қазандардың, зооморф сапты қылыштар мен қанжарлардың көптеп табылатындығын ескере отырып, зооморф бейнелердің көшпелі және отырықшы тайпалардың дүниетанымында маңызды орынға ие болғандығын айтуға болады. Ежелгі дәуірде өмір сүрген тайпалар күнделікті тіршілігінде немесе діни ғұрыптық рәсімдерінде қолданатын заттарына айналасында көріп жүрген жануарларды бейнелеп отырған.

XIX ғасырдың соңынан бастап зооморф тұтқалы ыдыстарға бірқатар ғалымдар қызығушылық танытты. Зооморф тұтқалы ыдыстарды зерттей бастаған ғалымдар, бұл ыдыстардың қандай мақсатта жасалынғандығы жайында түрлі тұжырымдарын ортаға салды. К.М. Скалон зооморф тұтқалы ыдыстарды зерттеп олардың этнографиялық кезеңмен сабақтастығын анықтады. Аталмыш ғалым зерттеу жұмыстарының нәтижесінде тұтқадағы зооморф бейнелер ыдыстың қорғаушысы ретінде жасалған деген тұжырымға келген [Скалон 1941: 182-184]. Бұл тұжырымды қолдаушы Г.В. Григорьев, зооморф тұтқаларды ежелгі тайпалардың наным сенімдерімен байланыстыра отырып, ежелгі тайпалар өз сенімдеріндегі тотем бейнелерін ыдыстарының тұтқаларына бейнелеп отырды деген тұжырым жасады [Григорьев 1935: 39; 1948: 55]. Е.И. Агеева болса, зооморф тұтқаларды ежелгі тайпалардың шаруашылығымен байланыстыра отырып, көшпелі немесе отырықшы тайпалар, шаруашылықтың негізін құрайтын жануарларды ыдыстарының тұтқаларына бейнелеп отырғандығын алға тартады [Агеева, Пацевич 1958: 163-164; Максимова және т. б. 1968: 250]. Жылдар бойы саз ыдыстарды зерттеген Б.А. Литвинский болса, зооморф тұтқалардағы қой бейнесін көне иран дініндегі хварн (фарн) символымен байланыстыра отырып, зооморф тұтқалардың зороастризм дінінің әсерінен көшпелі және отырықшы тайпалардың діни ғұрыптық сенімдеріне кіре бастағандығын айтады. Сонымен қатар зерттеуші, зооморф тұтқаларды молшылықтың белгісі, денсаулықтың кепілі, зұлым күштерден қорғаушы ретінде қарастырады [Литвинский 1968: 7-100]. Еділ өзені бойындағы зооморф тұтқалы ыдыстарды зерттеген Э.Д. Зиливинская антропоморфтық және зооморфтық саз ыдыстарды ежелгі халықтар қола дәуірінен бері ғұрыптық мақсатта қолданып жүргендігін алға тарта отырып, аталмыш ыдыстардың құнарлылықтың, молшылықтың және сәттіліктің белгісі ретінде қолданылғандығын ортаға салады. Сонымен қатар, ежелгі халықтар зооморфтық бейнелер ретінде киелі жануарларды бейнелеп отырғандығын баяндайды [Зиливинская 2022: 181]. Жоғарыда аты аталған зеттеушілердің тұжырымдарын Е.Г. Кастанаян [1955: 247-255], М.Э. Воронец [1951: 62-63], К.М. Байпаков [1980: 32-45], В.М. Косяненко [1998: 167-178] және т. б. зерттеушілер қолдай отырып, зооморф тұтқаларды магиялы қасиеттермен байланыстыра қарауды ұсынады.

К.М. Скалонның қалыптастырған тұжырымына сын көзбен қараған В.Б. Виноградов, сармат тайпаларының зооморф тұтқалы ыдыстарын зерттей келе, «зооморф тұтқалар культтік мақсатта емес, декорлық мақсатта қолданылды» деген тұжырымды алға тартады. Себебі, зерттеуші алтын немесе күміспен қапталған зооморф тұтқалар адамның назарын өзіне аудара алатындығын ескере отырып, зооморф тұтқалардың магиялы мақсатта емес, декорлық мақсатта қолданылғандығын айтады (2-сур.) [Виноградов 1961: 43-45].

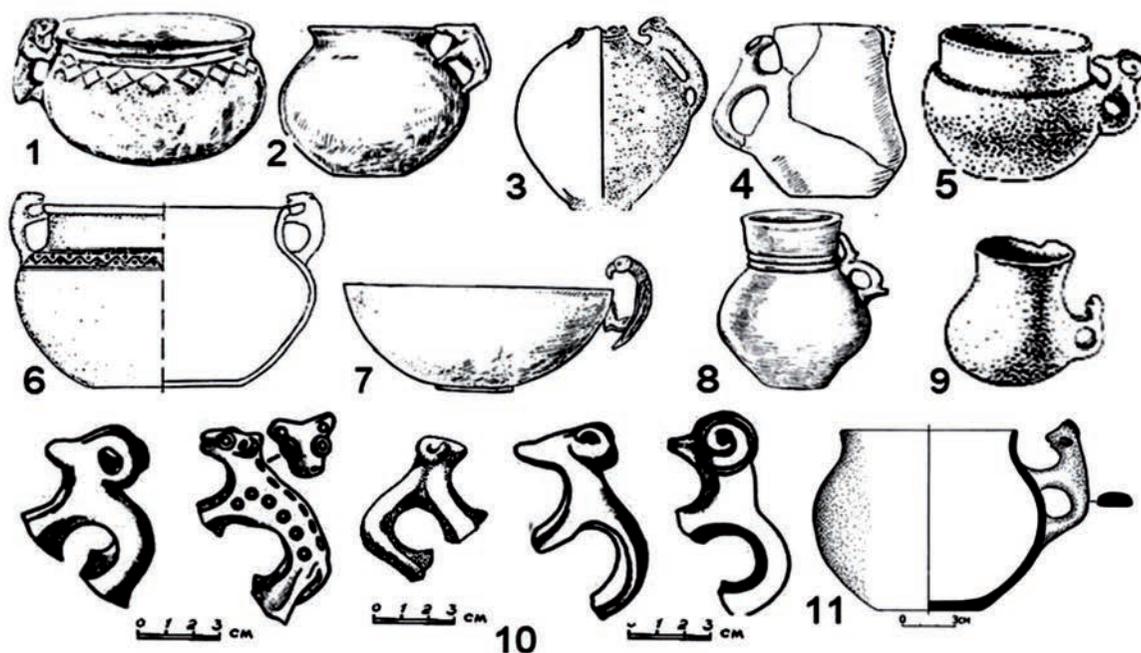
2-сур. Филипповка қорымындағы № 1 обадан табылған зооморф тұтқалы ыдыстар
 ([Золотые олени Евразии 2003: 19-23]: бойынша)

Жоғарыда аты аталған зерттеушілердің еңбектерін негізге ала отырып, көшпелі және отырықшы тайпалардың зооморф тұтқалы ыдыстарды молшылықтың белгісі, денсаулықтың кепілі, зұлым күштерден қорғаушы және оның ішіндегі сұйықтықты қорғау мақсатында жасалғандығын болжауға болады. Көшпелі және отырықшы тайпалар зооморф тұтқалы ыдыстарды көбінесе діни ғұрыптық рәсімдерінде қолданған. Археологиялық қазба жұмыстары барысында табылған зооморф тұтқалы ыдыстардың сырты мен ішінде діни ғұрыптық рәсімдерінде қолданылғандығын айғақтайтын қара ыстың ізі сақталған (10 YR 4/1).

Мыңтөбе қорымынан және басқа аймақтардан табылған зооморф тұтқалы саз ыдыстар

Зооморф тұтқалы ыдыстар Еуразия құрлығында мекендеген қаңлы және сармат тайпаларының ескерткіштерінен көптеп табылуда. Бұл мақалада, осы күнге дейін жүргізілген археологиялық зерттеулердің нәтижесінде табылған зооморф тұтқалы ыдыстарды зерттей келе, зооморф тұтқаларда қошқар, қой, қабан, жылқы, барыс, ит, құс, грифон және нақты бейнесін сипаттауға келмейтін жануарлар бейнесі бейнеленгендігі анықталуда (3-сур.). Сонымен қатар қаңлы және сармат тайпаларының зооморф тұтқаларының өзіндік ерекшеліктері анықталуда.

Қаңлы тайпаларының ескерткіштерінен табылған зооморф тұтқалардың басым көпшілігінде қошқар бейнесімен қатар нақты бейнесін сипаттауға келмейтін жануарлар бейнесі бейнеленген. Тұтқаларда бейнеленген жануарлардың басы ыдыстың жоғарғы жағына қаратылуда, бейнеленген

3-сур. Зооморф тұтқалы ыдыстар: 1 - Алтын Асар; 2 - Керч; 3 - Усть-Лабин; 4 - Краснодар; 5 - Ташкент каналы; 6 - Алтынтөбе; 7 - Жутовски; 8 - Ладожски; 9 - Джун; 10 - Қарамазар; 11 - Мыңтөбе

қошқарлардың басы көтеріңкі, екі мүйізі спирал тәрізді ішке қайрылған. Бұған дәлел ретінде қаңлы тайпаларының Қауыншытепе [Григорев 1935: 16], Алимбайтепе [Григорев, Громова 1940: 12], Ақ-төбе 2 [Левина 1971: 130-137], Жетіасар, Бадікасар, Томпақасар [Левина 1996: 243-249], т. б. қалаларынан, Қауыншытепе қорымындағы № 11 обадан [Григорев 1940: 12], Алмалық қорымындағы № 1 обадан [Аминов және т. б. 1978: 79-87], Дашти-Бодомак қорымындағы № 7, № 17 обалардан, Ашт қорымындағы № 2, № 8 обалардан, Чарчанақсай қорымындағы № 21 обадан [Литвинский 1973: 2-5], Ширин-Сай қорымындағы № 14 [Гайдукевич 1947: 92-109], № 21 [Гайдукевич 1952: 331-359], № 28 обалардан [Сорокин 1954: 131-147], Қарамазар қорымындағы № 1, 2, 5-8, 10-15 обалардан, Тұра-Таш қорымындағы № 3 обадан, Исфарин қорымындағы № 9 обадан [Литвинский 1973: таб. 11-28] табылған қошқар бейнесіндегі зооморф тұтқалы ыдыстарды келтіруге болады. Ал сармат тайпаларының ескерткіштерінен табылған зооморф тұтқалардың басым көпшілігінде қой бейнесімен қатар қабан бейнесі бейнеленген. Тұтқаларда бейнеленген жануарлардың басы ыдыстың жоғарғы жағына қаратылуда, бейнеленген қойлардың басы төмен қаратылуда немесе ыдыстың мойнына, ернеуіне бітискен. Бұған дәлел ретінде сармат тайпаларының Қыз-Аул қорымындағы № 6 обадан, Фангори қорымындағы № 46 обадан [Медведев 2012: 42-52], Керч қаласы маңындағы қорымнан [Скалон 1941: 173-217], Фангори қорымындағы № 46 обадан [Медведев 2012: 42-52], Маныч қорымынан, Моздок қорымындағы № 6 обадан, Усть-Лабин 2 қорымындағы № 46 обадан, Почтовой қорымынан, Ладожски қорымындағы № 22 обадан, Армавир қорымындағы № 1 обадан [Скалон 1941: 173-217] табылған қабан және қой бейнесіндегі зооморф тұтқалы ыдыстарды атап өтуге болады.

Мыңтөбе қорымындағы № 3 обадан табылған зооморф тұтқалы саз ыдысқа келер болсақ, ыдыс қолда пошымдалып жасалынған, биіктігі 11,5 см, ернеуінің диаметрі 10 см, қалыңдығы 0,4-0,6 см, түбінің диаметрі 6 см. Ыдыстың тұтқасына нақты бейнесін сипаттауға келмейтін жануар

бейнеленген. Жануардың аузы ашық, екі құлағы тік, екі көзі сопақ етіп пошымдалған. Зооморф тұтқаның жалпы ұзындығы 8 см, қалыңдығы 0,9-2,0 см. Ыдыстың сырты мен ішінде қара ыстың ізі сақталған (10 YR 4/1). Ыдыстың құрамына слюда, ұсақ тас, әк және шөп қосылған. Ыдыстың күйдірілу деңгейі орташа (4, 1-сур.).

4-сур. Қаңлы тайпаларының қауыншы және отырар-қаратау мәдениетіне тән үлгіде жасалынған зооморф тұтқалы саз ыдыстары: 1 - Мыңтөбе; 2 - Көк-Мардан; 3 - Алтынтөбе; 4 - Көк-Мардан; 5 – Қауыншытепе

Мыңтөбе қорымынан табылған зооморф тұтқалы ғұрыптық ыдысты зерттей келе, қаңлы тайпаларының қауыншы мәдениетіне жататын зооморф тұтқаларға тән үлгіде жасалынғандығы анықталды. Себебі жылдар бойы қаңлы тайпаларының саз ыдыстарын зерттеген Л.М. Левина, қауыншы мәдениетіне тән зооморф тұтқаларда сипаттауға келмейтін (ит немесе түлкі бейнесіне ұқсас) бейнелердің кездесетіндігін айтады [Левина 1971: 165]. Ғылыми зерттеу жұмыстарының барысында қаңлы тайпаларының қауыншы мәдениеті мен отырар-қаратау мәдениетіне жататын ескерткіштерінен табылған зооморф тұтқаларға салыстармалы талдау жасай отырып, қауыншы мәдениетіне тән зооморф тұтқаларда қошқар бейнесімен қатар, нақты қандай жануар екендігін сипаттауға келмейтін, тік құлақты жануарлардың бейнеленгендігін, ал отырар-қаратау мәдениетіне тән зооморф тұтқаларда қошқар бейнесімен қатар, нақты қандай жануар екендігін сипаттауға келмейтін, құлағы жоқ сүйір тұмсықты жануарлардың бейнеленгендігі анықталды (4-сур.).

Зооморф тұтқалы саз ыдыстардың хронологиясы

Еуразия құрлығында мекендеген қаңлы және сармат тайпаларының ескерткіштерінен табылған зооморф тұтқалы ыдыстардың хронологиясына келер болсақ, осы күнге дейін жүргізілген зерттеулердің нәтижесінде, бұл көршілес тайпалардың дүниетанымы мен діни ғұрыптық сенімдерінде зооморф тұтқалы ыдыстардың бір уақытта пайда болғандығы анықталды.

Сармат мәдениетін зерттеген ғалымдардың еңбектерінен зооморф тұтқалы ыдыстардың б.д.д. I ғ. Еділ аймағында пайда болғандығын [Мошкова 1956: 114; Абрамова 1959: 59], содан соң

Солтүстік Кавказ, Солтүстік Қаратеңіз аймақтарына тарала бастағандығы байқалады [Смирнов 1951: 263; Виноградов 1961: 38]. Маныч қорымы мен Моздок қорымындағы № 6 обадан табылған зооморф тұтқалы ыдыстардың б.д.д. I – б.д. I ғасырларға, ал Ладожски қорымындағы № 22 обадан, Армавир қорымындағы № 1 обадан, Қыз-Аул қорымындағы № 6 обадан [Скалон 1941: 173-217], Фангори қорымындағы № 46 обадан табылған зооморф тұтқалы ыдыстардың б.д. I–II ғғ. жататындығын көрсетеді [Медведев 2012: 42-52].

Жылдар бойы қаңлы тайпаларының саз ыдыстарын зерттеген Л.М. Левинаның еңбегін негізге ала отырып, зооморф тұтқалы ыдыстардың б.д.д. I мыңж. екінші жартысында Сырдарияның төменгі ағысында пайда болғандығын, содан соң Сырдарияның ортаңғы және жоғарғы ағыстарына тарала бастағандығын анықтадық [Левина 1977: 517-518]. Сырдарияның төменгі ағысында орналасқан Томпақасар қаласынан табылған зооморф тұтқалы ыдыс б.д.д. I мыңж. екінші жартысына жатқызылса [Левина 1977: 517-518], Сырдарияның ортаңғы ағысында орналасқан Көк-Мардан, Алтынтөбе [Байпақов, Таймағамбетов 2009: 208-210], Ақтөбе 2 [Левина 1971: 130-137], Қауыншытепе қалаларынан [Левина 1971,: 100], Джун қорымындағы № 12 обадан [Оболдуева 1988: 157-168], Қауыншытепе қорымындағы № 11 обадан [Левина 1971: 168-179] табылған зооморф тұтқалы ыдыстар б.д.д. I – б.д. III ғғ., ал Сырдарияның жоғарғы ағысында орналасқан Ширин-Сай қорымындағы № 14, 21, 28 обалардан [Гайдукевич 1947: 92-109], Тура-Таш қорымындағы № 3 обадан [Литвинский 1973: 96-97] табылған зооморф тұтқалы ыдыстар болса б.д. II – V ғ. жатқызылған.

Мыңтөбе қорымындағы № 3 обадан табылған зооморф тұтқалы ғұрыптық саз ыдыстың хронологиясына келер болсақ, бұл обадағы дромосты катакомбалық жерлеудің архитектурасын, ұжымдық жерлеуін, қаңқалардың орналасуын, жерлеу орнынан табылған саз ыдыстарды, әшекей бұйымдарды, пышақ пен үш қанатты сапты темір жебе ұшын көршілес аймақтардан табылған археологиялық жәдігерлермен салыстыра отырып, бұл обаны б.д.д. I – б.д. III ғғ. жатқызуға болады. Мыңтөбе қорымындағы № 3 обадан табылған зооморф тұтқалы ыдысты б.д.д. I – б.д. III ғғ. жатқызуға толықтай негіз бар.

Қорытынды

Еуразия құрлығында мекендеген тайпалардың дүниетанымы мен діни ғұрыптық сенімдерінде жануарлар маңызды орынға ие болған. Дәлел ретінде, көшпелі және отырықшы тайпалардың ескерткіштерінен табылған зооморф тұтқалы ыдыстар мен қазандарды, зооморф сапты қылыштар мен қанжарларды айтуға болады. Ежелгі дәуірде өмір сүрген тайпалар табиғатпен етене аралас болғандықтан айналасында ең көп кездестіретін тіршілік иесі жануарлар болған. Зооморф тұтқалы ыдыстар көшпелі және отырықшы тайпалар арасында діни сенімдері мен дүниетанымдары негізінде пайда болған. Дегенмен бұл ыдыстардың күнделікті тұрмыста да қолданылғандығын болжауға болады.

Зерттеу жұмысымыздың нәтижесінде Еуразия құрлығында мекендеген қаңлы және сармат тайпаларының ескерткіштерінен табылған кейбір ыдыстардың тұтқаларына қошқар, қой, қабан, жылқы, барыс, ит, құс, грифон және нақты бейнесін сипаттауға келмейтін жануарлар бейнесі бейнеленгендігі аңғарылады (4-сур.). Сонымен қатар қаңлы және сармат тайпаларының зооморф тұтқаларына салыстырмалы талдау жасай отырып, қаңлы тайпаларының ескерткіштерінен табылған зооморф тұтқалардың басым бөлігінде қошқар бейнесімен қатар, нақты бейнесін сипаттауға келмейтін жануарлар бейнесі бейнеленгендігі, ал сармат тайпаларының ескерткіштерінен табылған зооморф тұтқалардың басым бөлігінде қой бейнесімен қатар қабан бейнесі бейнеленгендігі анықталды.

Мыңтөбе қорымынан табылған зооморф тұтқалы саз ыдыс, қаңлы тайпаларының қауыншы мәдениетіне жататын зооморф тұтқаларға тән үлгіде жасалғандығы белгілі болды. Қаңлылардың қауыншы мәдениеті мен отырар-қаратау мәдениетіне жататын ескерткіштерінен табылған зооморф тұтқаларға салыстармалы талдау жасай отырып, аталмыш екі мәдениет арасындағы ұқсастықтар мен айырмашылықтар анықталды. Екі мәдениетте де зооморф тұтқаларда қошқар бейнесімен қатар, пошымы белгісіз тік құлақты, сүйір тұмсықты жануарлар бейнеленгендігі белгілі (4-сур.).

Хронологиялық жағынан қарағанда қаңлы және сармат тайпаларының зооморф тұтқалы ыдыстары б.д.д. I мыңж. екінші жартысында пайда болғандығы анықталды. Мыңтөбе қорымындағы №3 обадан табылған зооморф тұтқалы саз ыдысты көрші аймақтағы үлгілерімен салыстыра отырып, аталмыш ғұрыптық ыдысты б.д.д. I – б.д. III ғғ. жатқызылды.

ӘДЕБИЕТ

- Абрамова М.П.* Сарматская культура II в. до н.э. - I в.н.э. (По материалам Нижнего Поволжья. Сусловский этап) // СА. 1959. № 1. С. 52-71.
- Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5: Археология. С. 3-215.
- Аминов В., Буряков Ю.Ф., Ходжайов Т.К.* Новые материалы к этнической истории долины Ахангарана // ИМКУ. 1978. Вып. 14. С. 79-87.
- Байпаков К.М.* Күлт барана у сырдарьинских племён // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1980. С. 32-45.
- Байпаков К.М., Таймағамбетов Ж.К.* Қазақстан археологиясы. Алматы: Қазақ университеті, 2009. 354 с.
- Бичурин И.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 334 с.
- Виноградов В.Б.* К вопросу об изображении животных на сарматской керамике. Археологический сборник. М.: Изд-во МГУ, 1961. С. 32-46.
- Воронец М.Э.* Отчёт археологической экспедиции Музея истории Академии наук УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н.э. возле станции Вревская в 1947 г. // Тр. Музея истории народов Узбекистана. Вып. 1. Ташкент, 1951. С. 62-63.
- Гайдукевич В.Ф.* Работы Фархадской Археологической Экспедиции в Узбекистане в 1943-1944 гг. // КСИИМК. 1947. Вып. XIV. С. 92-109.
- Гайдукевич В.Ф.* Могильник Близ Ширин-Сая в Узбекистане // СА. 1952. № 16. С. 331-359.
- Григорьев Г.В.* Отчет об Археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент: Изд-во Комитета Наук УзССР. 1935. 42 с.
- Григорьев Г.В.* Краткий Отчет о Работях Янгиюльской археологической экспедиции в 1937 г. Ташкент: Изд-во УзФАН. 1940. 39 с.
- Григорьев Г.В.* Келесская степь в археологическом отношении (К истории культуры древних саков) // Известия АН КазССР. 1948. № 46. С. 47-67.
- Григорьев Г.В., Громова В.И.* Каунчи-Тепа (раскопки 1935 г.). Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии. Ташкент: Изд-во Узб. фил. АН СССР. 1940. 62 с.
- Жетибаев К.М., Сиздиқов Б.С., Гурсой М.* Мыңтөбе қорымында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижесі // Абай ат. ҚазҰПУ-нің хабаршысы. «Тарих және саяси-әлеуметтік ғыл.» сер. 2020. № 3 (66). 409-418-бб.
- Зиливинская Э.Д.* Некоторые зооморфные элементы в керамике Самосдельского городища и их среднеазиатские и казахстанские параллели // Степные миры в зеркале археологии. Сб. ст., посвящ. 70-летию М.К. Хабдулиной / Гл. ред. Садыков Т.С. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2022. С. 181-195.
- Золотые Олени Евразии. СПб.: Славия, 2003. 64 с.
- Кастанаян Б.Г.* Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных // СА. 1955. № 15. С. 247-255.

- Косьяненко В.М.* Зооморфная керамика некрополя Кобякова городища: искусство и магия // Историко-археологические исследования в Азовеи на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. 1998. Вып. 15. С. 167-178.
- Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. М.: Наука, 1971. 252 с.
- Левина Л.М.* Исследования в Джетыясарском урочище // АО 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 517-518.
- Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья (1 тыс. до н.э.-1 тыс. н.э.). М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
- Литвинский Б.А.* Кангюско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племён южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш, 1968. 120 с.
- Литвинский Б.А.* Керамика из могильников Западной Ферганы (1 тысячелетие н.э.). М.: Наука, 1973. 211 с.
- Максимова А. Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР. 1968. 264 с.
- Медведев А.П.* О некоторых результатах изучения некрополя Фанагории римского времени // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 1. С. 42-52.
- Мошкова М.Г.* Производство и основной импорт у сармат Нижнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. М., 1956.
- Оболдуева Т.Г.* Курганы на Арыке Джун // СА. 1988. № 4. С. 157-168.
- Подушкин А.Н.* Новые археологические комплексы могильников Кылышжар и Мынтөбе/ / Маргулановские чтения-2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 153-169.
- Скалон К.М.* Изображение животных на керамике сарматского периода // Труды Отдела истории первобытной культуры. Т. 1. Л.: Гос. Эрмитаж, 1941. С. 173-218.
- Смирнов Е.Т.* Древности в окрестностях Ташкента // ПТКЛА. Ташкент, 1896. С. 7-17.
- Смирнов К.Ф.* Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948–1949 гг. // МИА. М., 1951. № 23. С. 226-301.
- Сорокин С.С.* Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы // СА. 1954. № 20. С. 131-147.
- Талеев Д.Ә., Сиздиков Б.С., Сералиев А.А.* Келес өңірінің тарихы // Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық ун-тінің хабаршысы. Тарихи ғылымдар. Философия. Дінтану сер. 2019. № 4 (129). 48-62-бб.

**Ч. Б. Мунхбаяр,
Х. С. Санатбек**

Чулуунбат Боролдой Мунхбаяр,
munkh9998@gmail.com; munkhbayar_ch@khu.edu.mn
Халидолда Секел Санатбек, sanatbek0522@gmail.com
Ховдский государственный университет,
г. Ховд, Монголия

О названии одной тамги на стеле тюркского поминального комплекса (Монгольский Алтай)

Аннотация. Одним из самых распространенных памятников на территории Большого Алтая являются тюркские поминальные комплексы. То обстоятельство, что о них получено достаточно сведений, позволяет усомниться в традиционном представлении о тюрках как о владельцах этого места и предположить, что они могли быть оставлены представителями Теле Сяньби и Жужань. Одним из факторов, повлиявшим на это, является локализация и хронология таких памятников. В статье в научный оборот вводятся сведения о двух изображениях, зафиксированных на поминальных комплексах Улан-Толгой и Чонот-Уул сомона Муст в Ховдском аймаке; приводятся аналогии.

Ключевые слова: тюркские поминальные комплексы, стела, тамги, гүлз тамга, «кувшин на ножке», теле аймак

**Чулуунбат Боролдой Мунхбаяр,
Халидолда Секел Санатбек,**
Ховд мемлекеттік университеті, Ховд қ., Моңғолия

Түркі еске алу кешені стеласындағы бір таңбаның атауы хақында (Моңғол Алтайы)

Аннотация. Ұлы Алтайда кең тараған ескерткіштердің бірі – түркі еске алу кешені. Бұл жағдай олар жайлы мәліметтердің жеткілікті болуы, түріктердің бұл жердің иесі ретінде дәстүрлі түсінігіне күмән келтіріп, оны Жужан және Сяньби теле өкілдері қалдырған болуы мүмкін деген болжам жасауда. Бұған әсер еткен факторлардың бірі – ескерткіштердің локализациясы мен хронологиясы. Мақалада Ховдск аймағындағы Улан-Толгой және Чонот-Уул Сомона Муст еске алу кешендерінен табылған екі сурет туралы мәліметтер ғылыми айналымға енгізіледі; ұқсастықтар келтіріледі.

Түйін сөздер: Түркі еске алу кешені, стела, тамғалар, гүлз тамға, «аяғы бар құмыра», теле аймағы

**Chuluunbat Boroldoi Munkhbayar,
Khalidolda Sekel Sanatbek,**
Khovd State University, Khovd, Mongolia

About the name of one tamga on the stela of the Turkic memorial (Mongolian Altai)

Abstract. One of the most common monuments on the territory of the Greater Altai is the Turkic memorials. The fact that enough information has been obtained about them makes it possible to doubt the traditional idea of the Turks as the owners of this place and to assume that they could have been abandoned by representatives of the Tele

Xianbi and Rouran. One of the factors that influenced this is the localization and chronology of such monuments. The article introduces information about two images recorded at the commemorations of Ulan-Tolgoi and Chonot-Uul of Must Somon in the Khovd aimag; analogies are given.

Keywords: Turkic memorial, stele, seals, gulz tamga, jug on the stalk, tele aimag

Одним из самых распространенных памятников Монгольского Алтая являются тюркские поминальные комплексы (поминальники). Большое количество этих объектов в последние годы заставило многих ученых усомниться в традиционном представлении о тюрках как о владельцах этих мест и предположить, что они могли быть оставлены представителями Теле Сяньби и Жужана. На изменение мнения сильно повлияло расположение и хронология упомянутых выше памятников. Поэтому мы хотели бы сообщить вам о новых тамгах, обнаруженных на территории Монгольского Алтая, а затем сравнить их с региональными печатями и названиями, надеясь, что это будет способствовать изучению тамг некоторых племен и окажет значительное влияние на эту тенденцию.

Финский исследователь И.Г. Гране в первый раз опубликовал тюркский поминальник с изображением тамга на каменной стеле [Шелепова, Мунхбаяр 2007: 194–198]. После этого следующие исследователи проводили исследования в конкретном аймаке или в пределах одного памятника: Д. Баяр, Т. Бямбадорж, Б. Батмунх, Ч. Еруул-Эрдэнэ, А. Энхтур, Ю.И. Ожередов, Б. Өмирбек, Ц. Турбат, В.В. Горбунов, А.А. Тишкин, Н.Н. Серегин, А.Н. Мухарева, Ч. Мунхбаяр, Ц. Баттулга и И.Л. Кызласов [Баяр 1994: 121–134; Бямбадорж 1999; Батмөнх 2004; Ерөөл-Эрдэнэ, Энхтөр 2004; Ожередов 2007: 18–22; Өмирбек 2015; 2019; Төрбат и др., 2009: 65; Горбунов и др. 2015: 70–86; Баттулга 2020: 72; Кызласов И.Л. 2020: 9–22].

Однако с 2010 г. [Мөнхбаяр 2010: 106–124; Мунхбаяр 2011: 103–116], помимо наших исследований [Мөнхбаяр, Сүхбаатар, Бямбасүрэн 2021: 248–261], систематических обследований поминальника тюркской эпохи, кроме Т. Идэрхангай [Идэрхангай 2017] и базы данных государственного учета Национального центра культурного наследия [Түүх соёлын үл хөдлөх 2017: 52], не проводилось.

В 2013 г. в ходе археологических раскопок скального погребения в Монгольском Алтае нами был задокументирован ряд монгун-тайгинских курганов, керексуров и могил хунну [Мөнхбаяр 2011]. В рамках этой работы приводятся сведения о тюркских поминальниках Улаан Толгой бага, сомон Муст, Ховдский аймак, задокументированных в центре сомона Муст и уделяется особое внимание изображенной на ней тамги. Знак представляет собой тамгу «гулз», распространенную среди захчинского этноса, проживающего в западном районе Монголии [Энхтур и др. 2019: 142; Амгалан 2000] (рис. 3, 15, 18). Кроме того, название происходит от имени храма Гулз и Хайнаг, основанного Галданом Бошохтуханом, поэтому его следует переи-

Рис. 1. На карте Галданцерен хана изображен храм Гулза под номером 149

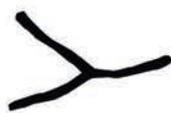
Рис. 2. Тюркский поминальный комплекс в центре Муст сомона (Муст сомон, Ховдский аймак, Монголия) – по: [Сухбаатар, Бямбасурэн, Ховд аймгийн музейн, 2020]

меновать в Гулз. Название впервые появилось на карте Галдан Церен-хана в 1733 г. [Мөнхбаяр и др. 2011: 107–122; Волобуев 2018; Мөнхбаяр 2018: 28–58].

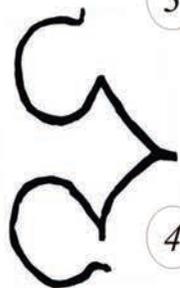
Тюркский поминальный комплекс находится в центре Муст сомона, содержит стелу с тамгой, состоит из двух стел с двумя параллельными оградками. Стела I имеет размеры 180×32×33 см; стела II - 110×30×18 см (рис. 2). Первая стела расположена слева от второй стел, а на северной грани резьбой нанесена тамга гулза 9×11 см (рис. 3, 5) или тамга угалза (рис. 3, 5; 4, 1).

Второй тюркский поминальный комплекс расположен у северо-восточного подножия горы Чонот в сомоне Муст, Ховдский аймак. Тюркский поминальный комплекс был зарегистрирован и задокументирован в 2016 г. исследовательской группой Ховдского музея [Ховд аймгийн музейн 2020: 102–103]. Оградка размерами 2×1,8 м и каменная стела были сломаны. Стела имеет размеры 120×31×69 см. Она имеет изображение острой? тамги гулза и «У»-образной тамги буулин. Размеры разбитой стелы 60×37×18 см (рис. 3, 1–5).

Рис. 3. Тамга “Гулз” на стеле тюркского поминального комплекса в Ховдском аймаке и ее аналоги: 1–4 – тюркский поминальный комплекс г. Чонот и стела с тамгой; 5 – тюркский поминальный комплекс в центре Муст сомона (Муст сомон, Ховдский аймак, Монголия); 6 – стела Ихэрийн зуун узуура (Эрдэнэбурэн сомон, Ховдский аймак, Монголия); 7 – тамга в виде удила на стеле тюркского поминального комплекса Агуйтын-Шуургач (Дуут сомон, Ховдский аймак, Монголия). 1, 2, 5 – по: [Сухбаатар, Бямбасурэн, Ховд аймгийн музейн, 2020]

3

4

0 20 cm

5

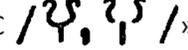
6

7

Такая тамга в центре Муст сомона обнаружена у р. Булган сомон Булган Баян-Улгийского аймака (рис. 4, 3), надпись - на вершине Зуун орой Улаан хус сомона (рис. 4, 14) [Баттулга 2020: 74], тернистый вариант слева - тамга “гулз” горы Бумбат хайрхана Бураа бага Зэрэг сомона Ховдского аймака (рис. 4, 2), Хуруугийн узуур [Гантулга и др. 2015: 267, 269, рис. 4, 85; вед. 1.-Д] три раза (рис. 4, 10, 16, 17), Цагаан салаа [Кубарев и др. 2005: 235, рис. 379], Бумбугурийн хушуу (рис. 4, 12), Байшинт (рис. 4, 13) [Рогожинский, Черемисин 2019: 52, рис. 4] и на перевале Ар энгэрийн даваа или 10 гэрийн даваа Эрдэнэсант сомона Тув аймака (рис. 4, 11).

Вопрос о названиях знаков представляет для нас большой интерес. Колючий вариант в центре Угалзской печати впервые зафиксирован в археологической литературе исследователем М. Шинэхуу, назвавшим его в вертикальном варианте «ноготым бумба (кувшин на ножке)».

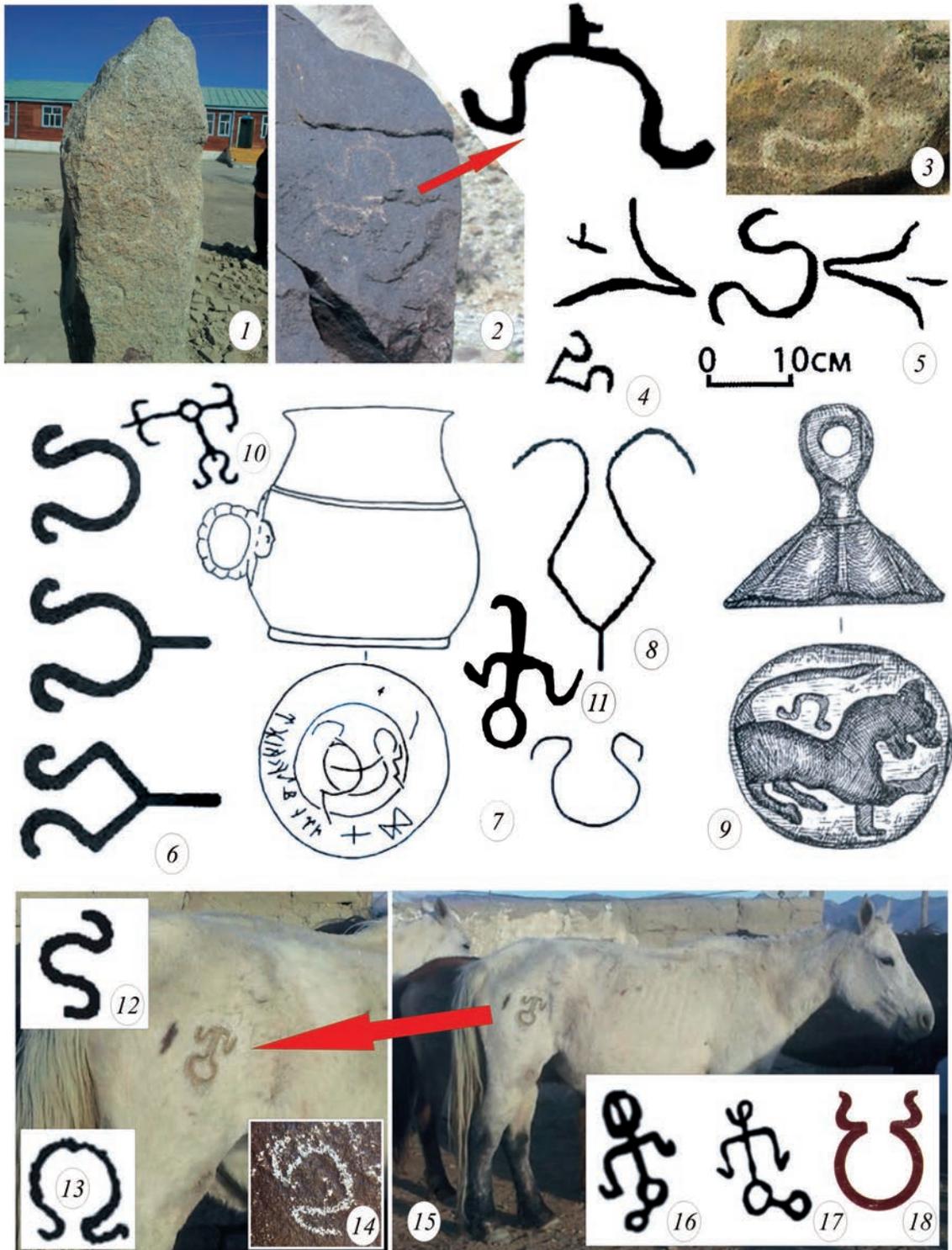
Он считал, что тамга похожа на руническое письмо «Гъ и С / / и что монгольская тамга в виде животного связана с руническим письмом [Шинэхуу 1976: 59–72].

Знак называется буквой «омега» греческого алфавита и зафиксирован 11 раз в Казахстане и на Большом Алтае [Рогожинский, Черемисин 2019: 52, рис. 4] или чаще [Рогожинский, Черемисин 2019: 52, рис. 4]. В частности, распространенность на Монгольском Алтае и Хангае заключается в том, что повторяющиеся тамги нанесены на скалах в различных вариантах что свидетельствует о том, что владельцы тамги жили в Монголии много лет. Об этом свидетельствуют следующие памятники, где были распространены варианты знаков. Например: тамга горы Их Бэрх Говь-Алтайского аймака [Санжмятав 1997: 75–76, рис. 176], три варианта тамги гулза Хуруугийн узуура (рис. 3, 10, 15, 16).

Аналогия тамге из тюркского поминального комплекса на восточном склоне горы Чонот есть на стеле у реки Хатуу в Баян-Улгийском аймаке [Өмирбек 2015: 283, рис. 1, 16].

Тамга, подобная тамге («амгай хэлбэрийн» - что в переводе на рус. яз. - «удила с псалями») тюркского поминального комплекса на восточном склоне горы Чонот, изображена на стеле квадратной каменной ограды с каменной стелой Агуйтын-Шуургач в сомоне Дуут Ховдского аймака. О тамге Агуйтын-Шуургач: «Примерно в 1 метре к северу от статуи находится длинный узкий камень. Камень имеет длину 266 см и ширину 46 см» [Батмөнх 2004: 7; 2008: 112]. Но подписи и фотографии тамг не опубликованы. Такая тамга отмечена в одном случае в Казахстане [Рогожинский 2014: рис. 1], а ее тюркское происхождение подтверждается тем, что она изображена на стеле

Рис. 4. Тамга гулз на стеле тюркского поминального комплекса в центре Муст сомона и аналоги: 1 – центр Муст сомона (Муст сомон, Ховдский аймак, Монголия); 2 – Бумбат хайрхан (Зэрэг сомон, Ховдский аймак, Монголия); 3 – р. Булган (Булган сомон, Баян-Ульгийский аймак, Монголия) (по: [Өмирбек 2019: 261]); 4 – р. Хатуу (Буянт сомон, Баян-Ульгийский аймак, Монголия) (по: [Өмирбек 2015: 285, прил. 1, 16]); 5 – г. Солжир (Баян-Уул сомон, Гоби-Алтайский аймак, Монголия) (по: [Баасандорж 2018: 58, зур. 33]); 6 – тамга гулз из Казахстана; 7 – надписи и знаки на сосуде, Түяхта (Горно-Алтайск, Россия) (по: [Кызласов И.Л. 2000]); 8 – тамга на накладке лука Шестаки II (по: [Байпаков и др. 2007]); 9 – бронзовая печать, Красная Речка (по: [Кузнецов 2006]); 10, 16, 17 – Хуруугийн узуур (Их тамир сомон, Архангай аймак, Монголия) (по: [Гантулга и др. 2015: 269, вед. 1.-Д]); 11 – Ар энгэрийн даваа или 10 гэрийн давааны увур (Эрдэнэсант сомон, Тув аймак, Монголия); 12 – на мемориальной стеле в Бомбогоре (Бомбогор сомон, Баянхонгорский аймак, Монголия) (по: [Базылхан 2011: рис. 3]); 13 – Байшинт (по: [Рогожинский, Черемисин 2019: 52, рис. 4, 15]); 14 – надпись Зуун орой (Баян-Өлгий аймаг, Улаанхус сомон, Баян-Ульгийский аймак, Монголия) (по: [Баттулга 2020:74]); 15 – Лошадь с гулз тамгой Захчины (по: [Энхтөр и др. 2019: 142, рис. 8]); 18 – Тамга гулз Захчины (Манхан сомон, Ховдский аймак, Монголия) (по: [Амгалан 2000: 23, рис. 8, 9]). 1, 4, 12 – на стеле; 2, 3, 5, 11–14, 16, 17 – на скале (среди петроглифов); 6, 9 – на металле; 15, 18 – штампы и клейма, используемые на современном захчина. 2, 5 – с масштабом. Остальные без масштаба

тюркского поминального комплекса. Хотя тамга в виде удил или треугольной тамги без двух колец встречаются на памятнике Хатуугийн-гол в Баян-Улгийском аймаке [Өмирбек 2014: 283, прил. 1, 21], на стеле комплекса Шивээт улаана [Харжаубай 1982; Войтов 1996: 89, рис. 55], в надписи Зуун орой [Баттулга 2020: 74], на тамге Бадрахын-Дээд-Ус [Батболд 2017: 179, вед. 13, 22], на горе Дэл уул [Рогожинский, Черемисин 2019: 52, рис. 5] и на тамге Хуу хутуле Ховдском аймаке. Подробнее информацию о распространении тамги мы опубликуем в следующий раз.

Наконец, другие названия тамги гүлз отмечены еще четыре раза: 1. «Кувшин на ножке» (М. Шинэхүү); 2. Гүлз (Западная Монголия); 3. Рога (Б. Өмирбек); 4. Подобно греческой «омега» (А.Е. Рогожинский). Тамга гүлз, которая до сих пор используется у западных монголов (рис. 3, 15, 18), до сих пор употребляется в четырех различных вариантах (рис. 3, 15, 18). Высказано предположение, что тамгу в археологической литературе следует называть «козерог», потому что она похожа на тамгу-козерог или рог козерога. Тамга гүлз из центра сомона Муст Ховдского аймака и тюркского поминального комплекса Чонот-Уул аналогична тамге из монголо-алтайского тюркского поминального комплекса и комплекса Бомбогор уйгурской эпохи. Этот факт является важным источником, подтверждающим, что племя проживало на территории Монгольского Алтая. Поэтому в Монгольском Алтае необходимо активизировать исследования тюркских святылец с тамгами и организовать широкомасштабные планомерные археологические раскопки.

ЛИТЕРАТУРА

- Амгалан М.* Баруун Монголчуудын эдийн соёлын дурсгалт зүйлс. Улан-Батор: Мон судар хэвлэлийн газраас эрхлэн гаргав, 2000. 212 с.
- Баасандорж Г.* Баян-Уулын хадны зураг. Улан-Батор: Соёмбо принтинг, 2018. 143 с.
- Базылхан Н.* Древнетюркские каганско-княжеские поминальные комплексы Центральной Азии // Форум «Идель–Алтай». Казань: Фолиант; Ин-т истории АН РТ, 2011. Вып. 13. С. 187-194.
- Байпаков К.М., Терновоя Г.А., Горячева В.Д.* Художественный металл городища Красная Речка (VI – начало XIII вв.). Алматы: [б./и.], 2007. 304 с.
- Батмөнх Б.* 2004 онд Ховд аймгийн Буянт, Дуут, Ховд, Эрдэнэбүрэн сумын нутагт явуулсан археологийн хээрийн дадлагын тайлан. Ховд Их сургуулийн Түүх, нийгмийн ухааны тэнхимийн гар бичмэлийн сан. Ховд, 2004. 24 с.
- Батмөнх Б.* Монгол Алтайн нурууны төв хэсгийн археологийн дурсгалууд. Улан-Батор: Соёмбо принтинг, 2008. 141 с.
- Баттулга Ц.* Монголын руни бичгийн бага дурсгал. XII боть. Улан-Батор: Соёмбо принтинг, 2020. 364 с.
- Баяр Д.* Ховд аймгийн нутагт шинээр олдсон хүн чулуудын тухай // *Studia archaeologica*. 1994. Том XY Fast 7. С. 121-134.
- Бямбадорж Т.* Увс аймгийн түүх соёлын дурсгалууд. Улан-Батор: Динго ХХК-ийн хэвлэлийн үйлдвэрт хэвлэв, 1999. 179 с.
- Волобуев В.И.* Карта Джунгарского государства 1738. И.Г. Рената как историко-географический источник. М.: Пробел-2000, 2018. 224 с.
- Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Гос. музей Востока, 1996. 150 с.
- Гантулга Ж., Ерөөл-Эрдэнэ Ч. Магай Ж.* Хойд тамырын хөндий дэх эртний тамга тэмдэгүүд // *Studia archaeologica*. 2015. Том. XXXV, Fasc. 17. С. 249-273.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч.* Продолжение исследований тюркских оградок на территории Монгольского Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 1 (11). С. 70-86.
- Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Энхтөр А.* Ховд аймгийн Үенч сумын нутаг дахь Үенчийн усан цахилгаан станцын ашиглалтын талбайд хийсэн археологийн хээрийн шинжилгээний ангийн тайлан. ШУА-ийн Археологийн Хүрээлэнгийн гар бичмэлийн сан хөмрөг. Улан-Батор, 2004. 37 с.

- Идэрхангай Т.* Тюркские оградки Монгольского Алтая: систематизация, хронология и интерпретация: дис. ... канд. ист. Барнаул, 2017. 286 с.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э.* Петроглифы Цагаан салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 640 с.
- Кузнецов Н.А.* Средневековые монеты в памятниках верхнеобской культуры как показатель торговых связей Сибири и Семиречья в VIII–IX вв. н.э. // Кузнецкая старина. 2006. Вып. 8. С. 15-25.
- Кызласов И.Л.* К познанию нерасшифрованного письма // Российская тюркология. 2020. № 3–4 (28–29). С. 9-22.
- Кызласов И.Л.* Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2000. Вып. 5. С. 83-90.
- Мөнхбаяр Ч.* Ховд аймгийн нутаг дахь түрэгийн тахилгын байгууламжийн төрөл, ангилал // Нүүдэлчдийн өв соёл. 2010. Том. X. Ф. 8. С. 106-124.
- Мөнхбаяр Ч., Бородаев В.Б., Контева А.В.* Шведийн их бууч Ренат түүний Ойрад газрын зураг // Ойрад судлал – Өнөө ба ирээдүй (2010. 09. 17–19. Ховд хот.) хурлын илтгэлүүдийн эмхэтгэл. Улан-Батор: Соёмбо принтинг, 2011. С. 107-122.
- Мөнхбаяр Ч.* Ховд аймгийн Мөст сумын Хужирт багийн нутаг Баян салааны Ар улаан давын эртний хадны оршуулгыг судлан шинжилсэн ажлын товч тайлан (Ховд, Мөст. 2013. 04. 23–25). Ховд аймгийн мэргэжлийн хяналтын газрын төлөвлөгөөт бус шалгалт. Ховд., 2013. 11 с.
- Мөнхбаяр Ч.* Ренатын 1/а (г) газрын зураг дахь газар усны нэрсийн харьцуулсан судалгаа // Тод үсэг – 370 сэдэвт олон улсын эрдэм шинжилгээний VI хурал (Ховд хот. 2018 оны 9 сарын 13–15). Ховд: Соёмбо принтинг, 2018. С. 28-58.
- Мөнхбаяр Ч., Сүхбаатар Б., Бямбасүрэн Х.* Монгол Алтайн загасны дүрслэлтэй нэгэн хүн чүлүүн хөшөөний тухай // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: тез. докл. XV междунар. науч. конф. (Ховд, 15–16 сентября 2021 г.). Улан-Батор: Соёмбо принтинг, 2021. С. 248-261.
- Мунхбаяр Б.Ч.* Типы и классификация тюркских поминальников на территории Ховдского аймака // Материалы VII региональной науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию лаборатории исторического краеведения (г. Барнаул, 25–26 ноября 2010 г.). Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 7. С. 103-116.
- Ожередов Ю.И.* Предварительные исследования монументальной скульптуры в сомоне Умнэ-Говь Убсунурского аймака Западной Монголии // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками: сб. науч. тр. / Отв. ред. В.В. Невинский, А.А. Тишкин. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 18-22.
- Өмирбек Б.* Баян-Өлгий аймгийн нутаг дэвсгэр дэх тамга тэмдгийн дүрслэлүүд // Studia archaeologica. 2015. Т. XXXV, Fasc. 18. С. 274-286.
- Өмирбек Б.* Баян-Өлгий аймгийн археологийн дурсгалууд (цуврал зурагт цомог). Улан-Батор: Соёмбо принтинг, 2019. 204 с.
- Рогожинский А.Е.* Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана (опыт типологии и идентификации знаков) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сб. трудов конф., посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А.Акишева (г. Астана, 22–24 апреля 2014 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2014. С. 534-583.
- Рогожинский А.Е., Черемисин Д.В.* Тамги кочевников тюркской эпохи на Алтае и в Семиречье (опыт сопоставления и идентификации) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 2. С. 48-59.
- Санжмятав Т.* Нүүдэлчдийн түүх, соёлыг хадны зургаар судлах нь // Төв Азийн нүүдэлчдийн соёл иргэншлийн асуудалд. Улан-Батор: ШУА-ийн хэвлэлийн үйлдвэр, 1997. С. 67-81.
- Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхүү Н., Идэрхангай Т., Жискара П.-Х.* Монгол Алтайн археологийн дурсгалууд-I (Баян-Өлгий аймаг). Улан-Батор: Өнгөт хэвлэл ХХК-д хэвлэв, 2009. 424 т.

- Түүх соёлын үл хөдлөх дурсгалын лавлах. Улан-Батор: Соёмбо принтинг, 2017. 164 с.
- Харжаубай С.* Шивээт улааны цогцолбор дурсгалын тухай дахин өгүүлэх нь // Археологийн судлал. SA. 1982. Т. X. Fasc. 7. С. 103-120.
- Ховд аймгийн музейн 70 жилийн ойд зориулав. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн Х. Бямбасүрэн. Ховд: Голден легион ХХК-д хэвлэв, 2020. 192 с.
- Шелепова Е.В., Мунхбаяр Ч.* Археологические исследования И.Г. Гране на территории Монголии // Немецкие исследователи на Алтае: м-лы науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения В.В. Радлова (г. Горно-Алтайск, 18–21 июня 2007 г.) / Сост. Н.В. Белоусова, Н.А. Майдурова, И.А. Кольцов. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2007. С. 194-198.
- Шинэхүү М.* Орхон Енисей бичиг малын тамгатай холбогдох нь // Studia Ethnographica. 1976. Т. V, Fasc. 8. С. 59-72.
- Энхтөр Ч., Мөнхбат Ц., Бум-Эрдэнэ Р., Хүдэрбат Л., Батбаатар Х.* Бумбат хайрхан уулын хадны зургийн судалгааны эхний үр дүнгээс // Түүхийн товчоон. ХИС-ийн НХУС-ийн Түүх, нийгмийн ухааны тэнхимийн эрдэм шинжилгээний бичиг. “Соёмбо принтинг” хэвлэлийн компани. Том. IX, Fasc. 6. УБ., 2019. С. 118-130.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

АДІУ –	Археологія і давня історія України. Київ
АДСВ –	Античная древность и средние века. Екатеринбург
АлтГУ –	Алтайский государственный университет. Барнаул
АлтГТУ –	Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова. Барнаул
АН КазССР –	Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата
АН КиргССР –	Академия наук Киргизской ССР. Фрунзе
АН СССР –	Академия наук СССР. Москва
АО –	Археологические открытия. Москва
АП –	Археология Приаралья. Ташкент
АРТ –	Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад/Душанбе; Москва
АСГЭ –	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург
БГПУ –	Барнаульский государственный педагогический университет. Барнаул
БИЦ ГАГУ –	Библиотечно-издательский центр Горно-Алтайского государственного университета. Горно-Алтайск
БНЦ СО РАН –	Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук. Улан-Удэ
БНЦ УрО АН СССР –	Башкирский научный центр Уральского отделения Российской академии наук. Уфа
ВААЭ –	Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВГУ –	Воронежский государственный университет. Воронеж
ВДИ –	Вестник древней истории. Москва
ВИМАИВиВС –	Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Санкт-Петербург
ВолГУ –	Волгоградский государственный университет. Волгоград
ГАГУ –	Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск
ГАНИИЯЛ –	Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Горно-Алтайск
ГИМ –	Государственный исторический музей. Москва
ГМИИ –	Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Москва
ГЭ –	Государственный Эрмитаж. Ленинград/Санкт-Петербург

ДонГТУ –	Донбасский государственный технический университет. Лисичанск/Алчевск
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева –	Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева. Астана/Нур-Султан
ЗКО –	Западно-Казахстанская область
ЗКО ЦИА –	Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии. Уральск
ИА АН СССР –	Институт археологии Академии наук СССР. Москва
ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы
ИАКр. –	Института археологии Крыма РАН. Симферополь
ИА НАНУ –	Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев
ИА РАН –	Институт археологии Российской академии наук. Москва
ИАЭт СО РАН (ИАЭ СО РАН) –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ИИА УрО РАН –	Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург
ИИАЭ ДНЦ РАН –	Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Махачкала
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск
ИМКУ –	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент; Самарканд
ИЭиА –	Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Москва
КазГУ –	Казахский государственный университет им. С.М. Кирова. Алма-Ата
КазНПУ (КазПИ) им. Абая –	Казахский национальный педагогический университет (Казахский педагогический институт) им. Абая. Алма-Ата/Алматы
КазНУ им. аль-Фараби –	Казахский национальный университет им. аль-Фараби. Алматы
КАЭЭ ПГГПУ –	Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного педагогического университета
КемГУ –	Кемеровский государственный университет. Кемерово
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР/ Российской академии наук. Москва
КСИИМК –	Краткие сообщения Института истории материальной культуры о докладах и исследованиях. Москва

ЛГУ –	Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. Ленинград
МАИАСК –	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь, Нижневартовск
МАИЭТ –	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь
МАЭ РАН –	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» Российской академии наук. Санкт-Петербург
МГУ –	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
МИЦАИ –	Международный Институт центральноазиатских исследований. Самарканд
МКТУ им. Х.А. Яссави –	Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави. Туркестан
МНУ імені В.О. Сухомлинського –	Миколаївський національний університет імені В.О. Сухомлинського. Миколаїв
МХЭ –	Материалы Хорезмской экспедиции. Москва
НАН РК –	Национальная Академия наук Республики Казахстан
НГУ –	Новосибирский государственный университет. Новосибирск
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола». Алматы
НОА ИА РАН –	Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Москва
ОГАУ –	Оренбургский государственный аграрный университет. Оренбург
ОГИК музей –	Омский государственный историко-краеведческий музей. Омск
ОГПУ –	Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург
ОНТИ НЦБИ АН СССР –	Объединенное научно-техническое издательство Научного центра биологических исследований АН СССР. Пущино
ОНУ –	Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
ПА –	Поволжская археология. Казань
РА –	Российская археология. Москва
РАИМК –	Российская Академия истории материальной культуры. Ленинград
РГГУ –	Российский государственный гуманитарный университет. Москва
Республиканский НИПИ ПМК –	Республиканский научно-исследовательский и проектный институт памятников материальной культуры Министерства культуры Казахстана. Алматы
СА –	Советская археология. Москва
САИ –	Свод археологических источников. Москва; Ленинград

СамГУ –	Самаркандский государственный университет. Самарканд
СПбГУ –	Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург
СГСПУ –	Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара
СГУ –	Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов
СЭ –	Советская этнография. Москва
ТГЭ –	Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург
ТиПАИ –	Теория и практика археологических исследований. Барнаул
ТГУ –	Томский государственный университет. Томск
ТКЛА –	Туркестанский кружок любителей археологии. Ташкент
ТХАЭЭ –	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
ТюмНЦ СО РАН –	Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук. Тюмень
УАВ –	Уфимский археологический вестник. Уфа
УдГУ –	Удмуртский государственный университет Ижевск
УрГУ –	Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Екатеринбург
УрО РАН –	Уральское отделение Российской академии наук. Екатеринбург
ФИА –	Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана. Астана/Нур-Султан
ХГУ им. Н.Ф. Катанова –	Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова. Абакан
ЦКАЭ АН Казахстана –	Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция Академии наук Казахстана
ЧелГУ –	Челябинский государственный университет. Челябинск
ЮТАКЭ –	Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ЮУрГУ –	Южно-Уральский государственный университет. Челябинск
ІА НАН України –	Інститут археології Національної академії наук України. Київ
AMIT –	Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin
JAS –	Journal of Archaeological Science. Waltham, Mass

МАЗМҰНЫ СОДЕРЖАНИЕ – CONTENT

Құрманқұлов Ж., Утубаев Ж.Р. (Алматы, Қазақстан), Болелов С.Б. (Мәскеу, Ресей) Сырдарияның төменгі ағысындағы шірікрабат мәдениетінің қоныстары	7
Омаров Ғ.Қ., Бесетаев Б.Б. (Алматы, Қазақстан) Қазақ Алтайындағы ерте сақ мәдениетінің элитарлық ескерткіші хақында	16
Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Жамбулатов К.А., Ахатов Ғ.А., Хаванский А.И., Жанузак Р.Ж. (Алматы, Қазақстан) Исследование элитных памятников ранних кочевников Актюбинской области: некоторые итоги и перспективы	24
Лукпанова Я.А. (Уральск, Қазақстан) Особенности погребальных конструкций сарматского времени (VI–IV вв. до н.э.): по материалам исследований 2012–2022 гг. в Западном Казахстане	35
Bendezu-Sarmiento J. (Paris, France) The first nomads in Central Asia’s steppes (Kazakhstan): Territory, power and religion	46
Скорый С. (Киев, Украина) Скифские походы на Древний Восток и Караванские курганы в Украине	53
Boltryk Yu., Karjaka O. (Kyiv, Ukraine) Spatial placement of archaeological monuments as a reflection of the dynamics of the historical development of the Black Sea steppe during the early Iron Age	63
Зимовец Р.В. (Киев, Украина) «Эмблема Синдики». Об одном из образов античного искусства в «варварской» среде	77
Таиров А.Д. (Челябинск, Россия) Миграции ранних кочевников Внутренней Азии и становление торговых коммуникаций Степной Евразии	93
Сиротин С.В., Богачук Д.С. (Москва, Россия) О связях ранних кочевников Южного Урала с Северным Кавказом, Нижним и Средним Подоньем в IV в. до н.э.	99
Табалдыев К.Ш., Ахматов К., Ашык А. (Бишкек, Кыргызстан) Погребальные памятники хуннского времени межгорных долин Тенир-Тоо (Тянь-Шаня)	106
Олещак Л. (Краков, Польша), Покутта Д. (Стокгольм, Швеция; Брно, Чехия) Опыт применения изотопных методов исследования при изучении социальной системы скифо-сакских культур Центральной Азии (на примере материалов Северного Алтая)	114

Смирнов Н.Ю. (Санкт-Петербург, Россия), Константинов Н.А. (Горно-Алтайск Россия), Мурзина С.Р., Степанова Е.В. (Санкт-Петербург, Россия)	
Пятый Пазырыкский курган: новые данные о планиграфии и стратиграфии каменного наземного сооружения	121
Айтқали А.Қ., Құрманғалиев А.Қ. (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)	
Сяньбэй мәселесі: Қазақ Алтайындағы археологиялық зерттеулердің кейбір нәтижелерінен	140
Дашковский П.К., Шершнева Е.А. (Барнаул, Россия)	
Погребение коргантасского типа раннего железного века из Северо-Западного Алтая	146
Панкова С.В. (Санкт-Петербург, Россия)	
Некоторые параллели находкам из таштыкских погребений Южной Сибири (II–IV вв. н.э.) в памятниках бассейна р. Тарим и Джунгарии	157
Подушкин А.Н. (Шымкент, Казахстан)	
Арысская культура Южного Казахстана и государство Кангюй (II в. до н.э. – IV в. н.э.)	166
Яценко С.А. (Москва, Россия)	
Кангюй и кочевой мир	176
Пан Лин, Ван Юйфу (Сиань, Китай)	
Исследование культурных факторов и связанных с ними вопросов хунну в Северо-Восточном Китае во времена династии Западная Хань	185
Красильников К.И., Апареева Е.К. (Луганск, Украина)	
Гүнны в степном Подонцовье. Факты и комментарии	203
Ушаков С.В. (Симферополь, Россия)	
Юго-Западный Крым в эпоху Великого переселения народов	209
Fialko O. (Kyiv, Ukraine)	
Initiating of women to arms – a necessity, a tradition, a sense of duty?	229
Берсенева Н.А. (Екатеринбург, Челябинск, Россия)	
Социальные реконструкции по данным курганных могильников ранних кочевников: погребальный комплекс Кичигино в Южном Зауралье	241
Қасенова Ә.Д. (Алматы, Қазақстан)	
Сарыарқаның ерте темір дәуіріннің тас мүсіндері (зертелу тарихы)	246
Гордеева Е.А. (Ташкент, Узбекистан)	
Погребальные традиции обществ Центральной Азии в раннежелезном веке	255
Мұхтарова Г.Р., Төлегенов Т.Ж., Айтқұл Х.А., Құрбанәлі Ж. (Есік, Қазақстан), Дин Ян (Сиань, Қытай)	
Кейінгі сақ кезеңіндегі обалардың құрылымындағы өзіндік ерекшеліктері	265

Сакенов С.К., Ильдеряков Н.Н., Ярыгин С.А. (Нұр-Сұлтан, Қазақстан) Материалы исследования кургана № 3 могильника Рақ в Атырауской области	277
Гурсой М., Сиздиқов Б. (Түркістан, Қазақстан), Сералиев А. (Шәуілдір, Қазақстан) Аяқтары айқасқан жерлеу туралы (Мыңтөбе қорымы материалдары негізінде)	288
Утубаев Ж.Р., Сүйіндікова М.Қ. (Алматы, Қазақстан) Сеңгір там 2 қорымының керамикасы (б.д.д. VII–V ғғ.)	297
Сиражева Б.А. (Алматы, Қазақстан) Ерте темір дәуірі көшпелілерінің сүйек пен мүйізден жасалған қару-жарақтары мен ат әбзелдері	301
Чотбаев А.Е. (Алматы, Қазақстан) Новые материалы по вооружению ранних кочевников Казахского Алтая	312
Сиздиқов Б., Гурсой М. (Түркістан, Қазақстан), Сералиев А. (Нұр-Сұлтан, Қазақстан) Мыңтөбе қорымынан табылған ғұрыптық саз ыдыс	322
Мунхбаяр Ч.Б., Санатбек Х.С. (Ховд, Монғолия) О названии одной тамги на стеле тюркского поминального комплекса (Монгольский Алтай)	332
Қысқартулар тізімі – Список сокращений – List of Abbreviations	341

Ғылыми басылым

Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта. Еуразия даласы археологиясы V халықаралық конгресінің материалдары (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.). 5 томдық. Алматы – Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. 2 том. 348 б.

Научное издание

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. Т. 2. 348 с.

Scientific edition

Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 2022. Vol. 2. 348 p.

О.В. Кузнецова – компьютерлік беттеу және дизайн
Ә.М. Манапова, А.Е. Айтбаева – қазақ тіліндегі мәтіндерді аудару және редакциялау
Я.С. Шаяхметова – ағылшын тіліндегі мәтіндерді аудару және редакциялау

Компьютерная верстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Перевод и редакция текстов на казахском языке – А.М. Манапова, А.Е. Айтбаева
Перевод и редакция текстов на английском языке – Я.С. Шаяхметова

Computer layout and design – Olga Kuznetsova
Kazakh translation and editing – Aliya Manapova, Aigerim Aitbayeva
English translation and editing – Yana Shayakhmetova

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды.
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 15.08.2022 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 1/16
Шартты б. т. 36,54. Calibri гарнитурасы. Таралымы 140 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана.
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 15.08.2022 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 36,54. Гарнитура Calibri. Тираж 140 экз.

Original layout prepared at the Margulan Institute of Archaeology.
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 15.08.2022. Format 84×108 1/16
Printed sheet 36,54. Calibri headset. Circulation 140 copies.

“Хикари” баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house «Hikari» hikari.kz24.online